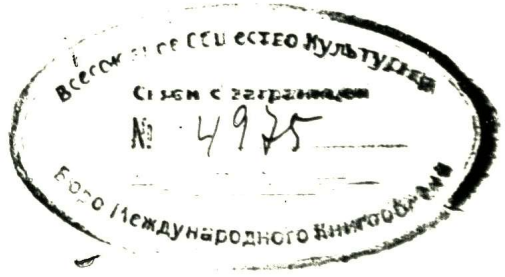
ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ



КНИГА
VIII

1924

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
234354A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1926 L

Гиз. № 7612. Главлит № 20916. Москва. Нашеч. 5000 экз.
Госиздат. 1-я Образцовая тип., Москва, Пятницкая, д. 71.

Доклады памяти В. И. Ульянова (Ленина).

Ленин и профессиональное движение.

(Доклад С. А. Лозовского.) [1])

Перечитывая произведения Ленина, просматривая плоды 30-летней его деятельности, видишь, что все то, что сделал В. И., представляет собой одно целое, и можно только лишь условно вырвать какой-нибудь вопрос и в горизонтальном разрезе его просмотреть. Для того, чтобы нам стало ясно отношение Ленина к профессиональному движению, его подход к различным вопросам и задачам профессионального движения, необходимо прежде всего принять во внимание обстановку того времени, в какое Ленин выступил как политический деятель. Он выступил в начале 90-х годов, в то время, когда в России только занималась заря профессионального движения и перед деятелями русского рабочего движения стоял в первую очередь вопрос о том, каким образом привести в движение рабочую массу, которая одна только в силах покончить с самым главным злом—с самодержавием. Таким образом, первые выступления Ленина по вопросам, связанным с профессиональным движением, должны быть рассмотрены прежде всего в связи с той исторической обстановкой, в какой находилось в начале 90-х годов рабочее движение в России. И мы ошиблись бы, если бы думали, что во взглядах Ильича на вопросы профессионального движения за 25—30 лет его деятельности не произошло никаких изменений. Это означало бы, что Ленин очень мало научился от постоянно возраставшей классовой борьбы. Ленин не только учил, но и учился. Он улавливал те процессы в рабочем движении, которые были не ясны для рядовых деятелей и для многих руководителей его. Давая определенный прогноз, предвидя часто события, он на этих событиях учился, при чем оценка событий, уменье извлечь уроки из них и найти точку опоры для классового действия,

[1]) Заслушан в Ком. Академии 24/III — 24 г.

является наиболее характерной особенностью политического гения Ленина.

Вместе с ростом стихийной экономической борьбы, в конце 90-х годов перед распыленными, рассеянными кружками революционеров-марксистов все более и более резко стоял вопрос о том, как отнестись к этой стихийной борьбе и каким образом внести в нее планомерность и сознательность. Вы знаете, что первая попытка превратить распыленные социал-демократические марксистские кружки в партию, в организованное целое, первые попытки спаять разбросанных по всей России отдельных марксистов, боровшихся против старых народнических групп, завершились первым С'ездом Российской социал-демократической партии, который имел место в 1898 году в Минске. На этом с'езде был заложен фундамент той партии, из которой потом выросла Российская Коммунистическая партия. Вот эти первые попытки в национальном, общерусском масштабе собрать распыленные группы социал-демократии, собрать на основе определенной программы, сделать конкретные выводы из той работы, которая уже велась отдельными кружками, — эти попытки натолкнулись на целый ряд трудностей, которые и легли в дальнейшем в основу развития Российской социал-демократической рабочей партии, оформления различных течений в ней, и выделения того из них, которое стало известно под именем большевизма.

Вокруг чего шла в конце 90-х и после первого с'езда, в начале 900-х годов, борьба? Какие вопросы волновали тогда тех революционных деятелей, которые заложили первые камни революционной нелегальной партии? Волновал вопрос об отношении социал-демократических кружков к стачечному движению, о том, каким образом использовать его, о том, каким образом использовать нелегально сложившиеся классы, о формах нелегальной работы и т. д. И уже после того, как формально сложилась Российская социал-демократическая партия, в недрах ее начали возникать, оформляться различные течения, которые в дальнейшем в окончательном виде сложились в виде оппортунистического крыла Р. С.-Д. Р. П., с одной стороны, и революционного — с другой.

Для того, чтобы отдать себе отчет во взглядах Ленина на рабочее движение того периода, когда из него медленно вылупливалось политическое и экономическое движение, надо обратиться к основной его работе того времени, написанной в конце 1901 и в начале 1902 г.г., к книге «Что делать?» В начале 900-х годов внутри социал-демократической партии мы имели в общем и целом два

течения: одно—экономистов, а другое можно назвать кратко именем политиков. Экономисты того времени выдвигали следующую концепцию: в процессе экономической борьбы рабочее движение выделяет из себя свой сознательный авангард, задача которого заключается в том, чтобы все время стоять на уровне стихийно-развивающегося массового экономического движения и итти постепенно, медленно вместе с этим движением вперед, т.-е. не ставить перед рабочим движением более широких задач, чем по существу ставит вот это начавшееся стихийное движение масс. С другой стороны, течение политиков, основное ядро которого составляла «Группа освобождения труда» вместе с новым, вторым поколением русских социал-демократов, а после газета «Искра», руководившаяся Плехановым, Лениным, Мартовым, Дейчем, Верой Засулич и Потресовым (соединение этих имен теперь производит довольно странное впечатление) вело упорную и ожесточенную борьбу против экономистов, против принижения революционной борьбы до стихийности, как формулировал Ленин. В полемике с экономистами, в борьбе против принижения борьбы, в попытках определить роль и задачи тех немногих с.-д. групп, которые представляли собой сознательные ячейки, и сложилось, выковалось и определилось то течение, которое дало начало большевистской партии. В своей книге «Что делать?» Ленин ставит вопрос о взаимоотношении сознательности и стихийности в рабочем движении. Что представляли собой в общем и целом громадные стачки, забастовки конца 90-х и начала 900-х годов, которые потрясали самодержавие? Началось с бунтов, началось со стихийных выступлений, которые постепенно приспосабливались к повседневным нуждам рабочих, втягивали все большее количество рабочих, и таким образом стихийное движение рабочих масс превращалось в борьбу против предпринимателей и далее в борьбу против самодержавия. Вот эти стихийные выступления как-то перекрещивались с сознательной политической линией, которая вырабатывалась и внутри рабочих масс, и в тех организациях революционной интеллигенции, которые работали рядом, постепенно сплачиваясь, спаиваясь, об'единяясь с этим стихийным движением. Ленин, борясь против экономистов, со всей резкостью выступил против проповедывавшегося ими трэд-юнионизма. Для Ленина трэд-юнионизм есть движение, ограниченное рамками сегодняшнего дня, которое не выходит за пределы повседневных нужд рабочих, движение цеховое, движение узко-профессиональное, корпоративное, которое не ставит перед собой обще-классовых политических задач.

является наиболее характерной особенностью политического гения Ленина.

Вместе с ростом стихийной экономической борьбы, в конце 90-х годов перед распыленными, рассеянными кружками революционеров-марксистов все более и более резко стоял вопрос о том, как отнестись к этой стихийной борьбе и каким образом внести в нее планомерность и сознательность. Вы знаете, что первая попытка превратить распыленные социал-демократические марксистские кружки в партию, в организованное целое, первые попытки спаять разбросанных по всей России отдельных марксистов, борющихся против старых народнических групп, завершились первым С'ездом Российской социал-демократической партии, который имел место в 1898 году в Минске. На этом с'езде был заложен фундамент той партии, из которой потом выросла Российская Коммунистическая партия. Вот эти первые попытки в национальном, общерусском масштабе собрать распыленные группы социал-демократии, собрать на основе определенной программы, сделать конкретные выводы из той работы, которая уже велась отдельными кружками,— эти попытки натолкнулись на целый ряд трудностей, которые и легли в дальнейшем в основу развития Российской социал-демократической рабочей партии, оформления различных течений в ней, и выделения того из них, которое стало известно под именем большевизма.

Вокруг чего шла в конце 90-х и после первого с'езда, в начале 900-х годов, борьба? Какие вопросы волновали тогда тех революционных деятелей, которые заложили первые камни революционной нелегальной партии? Волновал вопрос об отношении социал-демократических кружков к стачечному движению, о том, каким образом использовать его, о том, каким образом использовать нелегально сложившиеся классы, о формах нелегальной работы и т. д. И уже после того, как формально сложилась Российская социал-демократическая партия, в недрах ее начали возникать, оформляться различные течения, которые в дальнейшем в окончательном виде сложились в виде оппортунистического крыла Р. С.-Д. Р. П., с одной стороны, и революционного — с другой.

Для того, чтобы отдать себе отчет во взглядах Ленина на рабочее движение того периода, когда из него медленно вылупливалось политическое и экономическое движение, надо обратиться к основной его работе того времени, написанной в конце 1901 и в начале 1902 г.г., к книге «Что делать?» В начале 900-х годов внутри социал-демократической партии мы имели в общем и целом два

течения: одно—экономистов, а другое можно назвать кратко именем политиков. Экономисты того времени выдвигали следующую концепцию: в процессе экономической борьбы рабочее движение выделяет из себя свой сознательный авангард, задача которого заключается в том, чтобы все время стоять на уровне стихийно-развивающегося массового экономического движения и итти постепенно, медленно вместе с этим движением вперед, т.-е. не ставить перед рабочим движением более широких задач, чем по существу ставит вот это начавшееся стихийное движение масс. С другой стороны, течение политиков, основное ядро которого составляла «Группа освобождения труда» вместе с новым, вторым поколением русских социал-демократов, а после газета «Искра», руководившаяся Плехановым, Лениным, Мартовым, Дейчем, Верой Засулич и Потресовым (соединение этих имен теперь производит довольно странное впечатление) вело упорную и ожесточенную борьбу против экономистов, против принижения революционной борьбы до стихийности, как формулировал Ленин. В полемике с экономистами, в борьбе против принижения борьбы, в попытках определить роль и задачи тех немногих с.-д. групп, которые представляли собой сознательные ячейки, и сложилось, выковалось и определилось то течение, которое дало начало большевистской партии. В своей книге «Что делать?» Ленин ставит вопрос о взаимоотношении сознательности и стихийности в рабочем движении. Что представляли собой в общем и целом громадные стачки, забастовки конца 90-х и начала 900-х годов, которые потрясали самодержавие? Началось с бунтов, началось со стихийных выступлений, которые постепенно приспосабливались к повседневным нуждам рабочих, втягивали все большее количество рабочих, и таким образом стихийное движение рабочих масс превращалось в борьбу против предпринимателей и далее в борьбу против самодержавия. Вот эти стихийные выступления как-то перекрещивались с сознательной политической линией, которая вырабатывалась и внутри рабочих масс, и в тех организациях революционной интеллигенции, которые работали рядом, постепенно сплачиваясь, спаиваясь, об'единяясь с этим стихийным движением. Ленин, борясь против экономистов, со всей резкостью выступил против проповедывавшегося ими трэд-юнионизма. Для Ленина трэд-юнионизм есть движение, ограниченное рамками сегодняшнего дня, которое не выходит за пределы повседневных нужд рабочих, движение цеховое, движение узко-профессиональное, корпоративное, которое не ставит перед собой обще-классовых политических задач.

Вот это решительное выступление против трэд-юнионизма, против переоценки стихийности, против недооценки сознательного революционного действия и проходит красной нитью через всю брошюру «Что делать?», написанную в период наиболее обостренной борьбы между экономистами и революционной частью тогдашней социал-демократии.

Для того, чтобы ярко подчеркнуть, как он всегда это делал, необходимость создания аппарата революционной партии, оформления социал-демократических групп, он в тот период, когда крайне трудно было создать массовую организацию, с определенной резкостью выдвинул вопрос о создании кадра революционеров-профессионалов. Ленина обвиняли в том, что он хочет создать кадр профессионалов, которые будут оторваны от рабочего класса, но со свойственным ему упорством в тот период, когда нужно было сколачивать основное ядро партии, он продолжал свою линию, и благодаря его резкой постановке этого вопроса, носившего не столько организационный, сколько политический характер, благодаря настойчивому подчеркиванию и организационному созданию основного ядра партии—мы и получили те ячейки, из которых в дальнейшем она и сложилась.

В этой же книжке Ленин подчеркнул необходимость нейтральности трэд-юнионов по отношению к партии, при чем он только в дальнейшем об'яснил, почему он тогда высказался за нейтральность профсоюзов. В тот период, когда партия еще не сложилась, когда мы имели стихийно возникающие кружки, отдельные массовые группировки, стачечные комитеты и проч., все эти слабо оформленные организации, сложившиеся на почве экономической борьбы, по мнению Ленина, могли тащить назад самоё партию, могли слишком на нее влиять, тогда как роль партии заключалась в руководстве этим стихийным движением. Партия того времени была еще мала, кружки были еще очень и очень невелики, и для того, чтобы до известной степени обезопасить ее от возможности стихийного давления находящихся на низком уровне организации и классовой сознательности экономических группировок, он выдвигает в этот период идею нейтральности. Вы, конечно, знаете, что Ленин был противником нейтральности профсоюзов, противником нейтральности, независимости и т. д. Между тем, на заре нашего русского рабочего движения, когда Ленину пришлось впервые по этому вопросу высказаться, он занял, как видите, другую позицию. В дальнейшем, по мере роста рабочего движения, мы имеем громадную стачечную волну в 1904 году вместе с русско-

японской войной; массовое движение начинается в 1905 году, когда революционным огнем была охвачена вся Россия, и в конце мы имеем первую революцию,—и вот этот быстро нараставший революционный процесс внес изменение в само рабочее движение, внес нарастание революционных противоречий и заставил сложившуюся к тому времени партию занять совершенно определенную позицию по вопросу о профессиональном движении.

Надо отметить, что в 1905 году еще не было ясно выраженного отношения к различным вопросам профессионального движения. Я лично припоминаю, что я в 1905 году, участвуя в большевистской поволжской конференции, которая собралась в Самаре, высказался за партийные союзы. Тогда еще самая проблема профессионального движения для нас была теоретической, но по мере того, как вырастало массовое рабочее движение, по мере того, как начиналось массовое создание профессиональных союзов, и из первичных касс и обществ взаимопомощи начали вылупливаться профессиональные организации крайне пестрые, недостаточно определенные, с разнообразными уставами и проч., по мере этого пришлось уже дать более конкретный ответ на вопрос—каково должно быть отношение партии социал-демократов (так называлась наша партия) к профессиональному движению. Здесь мы видим, что в 1907 году Ленин в своем предисловии к сборнику «За 12 лет» говорит о том, что противники его, в том числе и Плеханов, на протяжении довольно долгого времени пытались обосновать принципиальные разногласия с ним по вопросу о стихийном и сознательном, но «плехановская критика, — говорит Ленин, — носила явно придирчивый характер, при чем она основывалась на вырванных без связи фразах, на отдельных выражениях не вполне точно формулированных». Но если по вопросу о взаимоотношениях между стихийностью и сознательностью здесь были недостаточно точные формулировки, то по вопросу о нейтральности Ленин признался, что он, действительно, тогда занимал ошибочную позицию. В этом же самом предисловии Ленин пишет: «Я высказывался тогда, т.-е. когда писал: «Что делать?», за нейтральность профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях я не высказывался иначе вопреки многим утверждениям своих оппонентов. Только Лондонский с'езд Р.С.-Д.Р.П. и Штуттартский международный социалистический конгресс заставили меня притти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально (подчеркнуто им) отстаивать нельзя». Мы видим, таким образом, что по мере роста рабочего движения, оформления и укрепления

социал-демократии, прежнее отношение к вопросу о нейтральности профсоюзов для него самого стало более ясным, о чем он и заявил.

В смысле эволюции взглядов Р. С.-Д.Р.П. вообще и большевистской части нашей партии, в частности, на вопросы профдвижения—очень важны и характерны резолюции Стокгольмского с'езда и Лондонского конгресса. На Стокгольмском общепартийном с'езде меньшевики были в большинстве, и поэтому та формулировка, в которую с'езд облачил вопрос об отношении партии к профсоюзам, носит следы меньшевистской идеологии. В пункте 4-м резолюции Стокгольмского конгресса говорится о том, что «экономическая борьба может повести к прочному улучшению положения рабочих масс и к углублению их истинной классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата». Дело, как видно, идет только лишь о сочетании борьбы. С другой стороны, с'езд признает, что «партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профсоюзов». Самая формулировка заставляет нас над этим задуматься, ибо мы, большевики, не говорим—беспартийные союзы. Мы говорим и говорили—непартийные союзы, но непартийные и беспартийные это не одно и то же. И вот в противовес этой резолюции, которая была принята большинством с'езда, т.-е. меньшевиками, большевистская фракция с'езда внесла свою резолюцию по профессиональному движению, которая была, конечно, составлена при активном участии Ленина. В резолюции большевистской фракции вопрос о партийности поставлен совсем иначе. «С'езд признает,—сказано в этой резолюции,—что партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах и, наконец, чтобы эти союзы могли при известных условиях прямо примыкать к партии, отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов». Вы видите, что в этой формулировке уже имеется крепкий, явно большевистский уклон, но нет еще той отточенной и отчеканенной в дальнейшем большевистской линии, которая выявилась в результате более длительного опыта революционного профессионального движения. Как надо понимать фразу: «чтобы союзы примыкали в партии?». Это есть организационная связь союзов с партией, но такая связь только

в том случае гарантирует рабочее движение от оппортунизма, когда партия достаточно сильна, чтобы руководить союзами. Мы имеем такие страны, где союзы не только организационно примыкают к партии, но и создают самую партию. В Норвегии, как вы знаете, партийный комитет и Совет Союзов избираются на одном и том же собрании. Мы видим, что здесь в резолюции большевиков на Стокгольмском с'езде имеется определенный, резкий, революционный уклон, совершенно определенная анти-меньшевистская постановка вопроса, но, тем не менее, формулировка еще не достаточно отчеканена, ибо большевистское мировоззрение не в один день складывалось, не сразу создавалось, а постепенно вырастало, отшлифовывалось по мере роста самого рабочего движения. Между Стокгольмским с'ездом, который состоялся в 1900 году, и Лондонским с'ездом прошел целый год организационной и практической работы. В России борьба между меньшевиками и большевиками велась по всей линии, в том числе и по профессиональной, и поэтому Лондонский с'езд в резолюции, принятой по профессиональному движению, делает дальше шаг вперед в смысле более точной формулировки взаимоотношений партии с союзами и в смысле оформления нашего партийного отношения к крайне сложному вопросу о месте и о роли профсоюзов в обще-классовой борьбе пролетариата. На Лондонском с'езде по вопросу о партии и союзах была принята очень коротенькая резолюция, заканчивающаяся следующим образом: «С'езд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профсоюзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них: содействовать признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также установлению организационной связи с ними, и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Мы имеем, таким образом, формулировку, признающую идейное руководство партии и устанавливающую организационную связь между ней и союзами, но не организационное единство: эти два выражения, как вы знаете, далеко не однозначащи. Организационная связь в тот период понималась в смысле взаимного представительства. Партия имеет своего делегата в совете союзов, или, как тогда называлось, в центральном Бюро Союзов, при чем неоднократно стоял вопрос о том, должно ли бюро, как орган, как организация иметь своего представителя в комитете партии. По этому вопросу у большевиков была совершенно ясная линия: стремиться к тому, чтобы привлечь к партийной работе представителей проф-

союзов, принять самим участие в работах бюро профсоюзов, но представителя этого центрального бюро в комитет партии не приглашать. Вы видите, что по мере роста русского рабочего движения обострялась борьба внутри социал-демократической партии, оформлялись два течения, складывались как по всем вопросам, так и по вопросам профессионального движения две совершенно определенные линии: первая — линия параллельных действий партии и профсоюзов, — линия, которая в дальнейшем завершилась идеологией независимости и нейтральности профсоюзов, и вторая — линия сближения работы, тесной спайки, идейного руководства партии союзами, которая в дальнейшем завершилась той формой профессионального движения, которую мы имеем сейчас у нас, в Советской России.

Ленину пришлось еще раз высказаться по вопросу о профсоюзах в нелегальной прессе в 1908 году в статье «Нейтральность профессиональных союзов» («Пролетарий» от 19 февраля 1908 г.). Здесь вопрос о нейтральности профессиональных союзов поставлен с особой резкостью, при чем уже имеются те формулировки, которые мы встречаем у Ленина после Октябрьской революции. В этой статье Ленин пишет: «Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений». «В начале политического и профессионального рабочего движения в Европе можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы. В настоящее время, с точки зрения международной социал-демократии, отстаивать нейтральность союзов совсем уже неуместно».

Это было уже в 1908 году, т.-е. после Штуттартского конгресса.

Если взять период русского рабочего движения от 1908 до 1914 года, то мы здесь имеем, во-первых, период реакции — приблизительно до начала 1912 года, — затем 1912 — 13 и 14 годы — промышленного под'ема и под'ема рабочего движения. В период под'ема русского рабочего движения 1912—13—14 годов отношение большевиков к вопросу о профессиональных союзах приняло совершенно точные и отчеканенные формы. Борьба с меньшевиками в то время шла по вопросу о пределах использования легальных возможностей, об укреплении нелегальной партии и о супрематии,

т.-е. об идейном руководстве нелегальной партии легальными профессиональными организациями. Во всех областях рабочего движения и особенно в области профессионального, необходимость идейного руководства нелегальной партийной организации особенно резко и выпукло отстаивалась Лениным. Я не стану подробно останавливаться на этом периоде и перейду к последним годам русского рабочего движения и к тем теоретическим и практическим вопросам, которые связаны с развитием его и с той ролью, которую в оформлении коммунистического взгляда на профессиональное движение сыграл Ленин.

Вы знаете, что, начиная с февраля 1917 года, Россия переживала эпоху бурного роста профсоюзов. Россия, вступившая в революцию с несколькими союзами, через 3½ месяца, ко времени 3-й конференции профсоюзов, имеет уже полтора миллиона организованных рабочих. На третьей же конференции (20—28 июня 1917 года) мы имеем столкновение между большевиками и меньшевиками, при чем в новой обстановке, в условиях развертывающейся революции, вспыхивают и обостряются все старые споры. На конференции было меньшевистско-эсеровское большинство, и, таким образом, задачи профсоюзов, сформулированные ею, носили определенный меньшевистский отпечаток. В период революции, в период бурного нарастания событий, роста конфликтов, в то время, когда заседала 3-я конференция профсоюзов, Ленин пишет две статьи по вопросу о профсоюзах, при чем посвящает их вопросу организации сельско-хозяйственных рабочих. Тут как будто бы нет связи между происходящей конференцией профсоюзов и выступлением Ленина по вопросу о создании союза сельско-хозяйственных рабочих. Но, если продумать статью, если взять ее в обстановке развертывающейся борьбы и той роли, которую должна была играть крестьянская масса в нашей революции, понятно станет, почему к концу июня вместе с нарастающими событиями Ленин ставит вопрос об организации союза сельско-хозяйственных рабочих. Ленин пишет: «Основное правило партии — первая заповедь всякого профессионального движения — не полагайся на «государство», полагайся только на силу своего класса. Государство есть организация господствующего класса. Не полагайся на обещания — полагайся на силу об'единения и сознательности своего класса». И дальше он пишет: «Задачей профсоюза сельско-хозяйственных рабочих должно быть поэтому поставлено сразу, — не только борьба за улучшение положения рабочих вообще, но в особенности отстаивание их интересов, как класса, при предстоящем великом земельном преобразовании».

Вы видите, что в тот момент, когда заседает конференция, которая подводит первые спешные итоги организации промышленных рабочих, Ленин ставит вопрос о необходимости втянуть в борьбу сельско-хозяйственных рабочих, которые в надвигающейся крестьянской революции должны сыграть большую роль. Мы видим, таким образом, что каждый раз, когда Ленин подходит к вопросам профессионального движения, для него оно не является чем-то отдельным, изолированным от обще-политической обстановки, он к профсоюзам подходит как к организованной части движения рабочего класса, и в дальнейшем, особенно в период развернувшейся дискуссии о профессиональном движении и в целом ряде речей и выступлений до этого, он совершенно ясно определил положение и роль профессиональных союзов, как части всей системы зубчатых колес в механизме социальной борьбы. Он никогда не выделял профессионального движения от политического, но всегда брал в самом профессиональном движении те моменты, те его стороны, которые для данного периода играли наиболее выдающуюся роль в обще-классовой борьбе пролетариата.

Начиная с конца июня 1917 года и особенно после неудачных июльских дней, мы имеем бурный рост и революционизирование профессиональных союзов, которые быстро завоевываются большевиками, несмотря на то, что в центральном об'единении профсоюзов мы были в меньшинстве. К октябрьским дням мы имели по всей России в профессиональных союзах громадное большинство, при чем в отдельных союзах, преимущественно неиндустриальных, меньшевики были еще довольно сильны. Здесь центральным пунктом, представляющим большой интерес при определении точки зрения Ленина на роль профсоюзов, является Октябрьская революция и участие союзов в этом перевороте. Ленин в своих статьях, во всех своих выступлениях, всегда и во всем рассматривал профсоюзы, как организации рабочего класса, которые должны сыграть роль огромной силы при низвержении старой системы и при создании новой. Для Ленина на первом плане было оформление и закрепление партии, при чем к самим профсоюзам он всегда подходил с точки зрения того, как, каким образом партия сможет вести профсоюзы для осуществления поставленных партией задач. В самом процессе Октябрьской революции, как известно, не произошло разрыва между партией и профсоюзами, принявшими участие в непосредственной борьбе вместе с фабзавкомами. Октябрьская революция поставила ребром вопрос о дальнейшей судьбе профсоюзов, и здесь, в по-октябрьский период, в высшей степени любопытны те точки зрения, которые оформились в нашей

партии по вопросу о профсоюзах. Эти точки зрения целиком все время были связаны с вопросом о темпе нашей революции и темпе развития революционного движения в Западной Европе. Непосредственно после Октябрьской революции у нас появилось в партии течение, которое считало, что союзы отжили свое время, потому что это органы, возникшие на почве капиталистических отношений, необходимость в которых вместе с утверждением диктатуры пролетариата отпадает. Это течение преломилось в выпячивании на первый план фабзавкомов, в попытку противопоставить их профсоюзам. Здесь сказались неясные, неоформленные настроения внутри самих профессиональных организаций.

Отношение к этим настроениям нашей партии, в том числе, конечно, и Ленина, наиболее ярко выразилось на первом с'езде профессиональных союзов, когда пришлось сформулировать задачи профсоюзов. На с'езде во всей остроте встал вопрос об огосударствлении профсоюзов,—вопрос, который потом наполнял содержание нескольких с'ездов и закончился громадным дискуссионным побоищем в 1920 году. Вопрос об огосударствлении профсоюзов был поставлен вместе с утверждением диктатуры пролетариата. Он целиком и полностью связан с быстрым темпом движения социалистической революции. Темп огосударствления профсоюзов прямо пропорционален темпу развития международной социалистической революции, и обратно, по мере замедления темпа развития событий, замедляется и то, что мы называем огосударствлением профсоюзов. Надо сказать, что отвлеченный подход к огосударствлению профсоюзов не дает нам ответа на вопрос, своевременно ли в данный период огосударствление, не пойдет ли оно вразрез с той общей линией, которую мы сейчас ведем, не затруднит ли оно те организационные и политические задачи, которые стоят в данный момент перед профессиональным движением и т. д. В проекте резолюции о задачах профессиональных союзов, обсуждавшемся предварительно на фракции коммунистов первого с'езда профсоюзов, мы имеем следующую формулировку, которая в дальнейшем была в значительной степени изменена. «В развитом виде профсоюзы в период пролетарско-крестьянской диктатуры должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими органами по проведению в жизнь новых начал организации хозяйства и жизни». И в другом пункте было сказано следующее: «Мерами переходными к превращению профсоюзов в таковые органы, т.-е. в органы государства, должно быть провозглашение профсоюзов государственными организациями, в которых

участие для каждого рабочего и работницы должно быть обязательным». На первом с'езде профсоюзов было больше ²/₃ коммунистов, членов партии. Эта формула вызвала довольно большие сомнения в самой фракции, при чем выплыли следующие три пункта: первый—могут ли профсоюзы превратиться в органы государственной власти при пролетарско-крестьянской диктатуре, второй—нужно ли провозгласить профессиональные союзы государственными организациями путем правительственного декрета и третий—нужно ли путем внешнего давления, внешнего нажима сделать обязательным участие в профсоюзах? Центральный Комитет партии и с'езд профсоюзов приняли по этому вопросу об огосударствлении такую формулировку, которая самую проблему огосударствления ставит, не как вопрос сегодняшнего дня, а как вопрос развития рабочего движения, не как вопрос, который сегодня должен быть немедленно разрешен, а как вопрос, к которому профессиональное движение идет по мере развития социалистического строительства.

Вместе с переворотом, с осуществлением диктатуры пролетариата, вместе с уничтожением буржуазии очень большие новые задачи встают перед рабочим классом и его профсоюзами. Роль профсоюзов в социальной революции и социалистическом строительстве была совершенно правильно и очень точно определена РКП. В соответствующем пункте программы все сказано полнее и более точно, да это и неудивительно, потому что программы обычно разрабатываются более тщательно, чем резолюции. В нашей программе, как вы знаете, имеется пункт, который вызвал довольно большие в партии споры, пункт этот следующий: «Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться, в первую голову, на профсоюзы. Они должны все более освобождаться от цеховой узости и превращаться в колоссальные производственные союзы, охватывающие большинство и постепенно всех поголовно трудящихся данной отрасли производства. Будучи уже, согласно законам Советской республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью — профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единственного хозяйственного целого».

Вот эта формулировка, данная Лениным, представляет собой теоретически совершенно правильный подход к вопросу о роли профсоюзов в пролетарской революции. Она подвергалась обстрелу, главным образом, со стороны тов. Рязанова, который считал

заявление о том, что «союзы должны притти к сосредоточению в своих руках всего производства» — явным отголоском синдикализма. «Здесь имеется невыдержанная и немарксистская мысль», говорит тов. Рязанов. С другой стороны, эта формулировка послужила для такого определения задач профсоюзов, которое шло вразрез с линией большинства партии. Эта формулировка легла в основу платформы рабочей оппозиции, полагавшей, что профессиональные союзы России уже созрели для немедленного осуществления этой части программы. Позиция тов. Рязанова в этом вопросе мне представлялась все время и сейчас представляется неправильной и потому, что в оценке, которую дает тов. Рязанов этой части нашей программы, есть скорее статический, а не динамический подход, между тем как программа рассматривает сосредоточение управления производством в руках профсоюзов, как результат исторического процесса, к которому профсоюзы постепенно придут. Если мы поставим перед собой вопрос — какие организации в конечном счете должны руководить производством, как об'ективно при развитии революции увяжутся взаимоотношения между разными организациями, из каких организаций должны вырасти в конечном счете органы управления производством, то должны будем ответить, что это зависит от целого ряда причин: от удельного веса пролетариата в стране, от взаимоотношения между сельским хозяйством и городской промышленностью, от темпа развития революции в Западной Европе, от уровня организованности пролетариата и т. д. Профсоюзы в конечном счете будут основой той организации, которая сконцентрирует в своих руках все производство в целом, и ошибка рабочей оппозиции заключалась не в том, что она это утверждала, а в том, что она считала, что именно в данный период, т.-е. в 1920 году, профсоюзы уже могут осуществить эту часть программы. Рабочая оппозиция не приняла во внимание ни состояния нашей промышленности, ни громадного преобладания сельского хозяйства и мелкого производства, ни медленного темпа развития революции, ни надвигающегося НЭП'а, который в общем и целом уже чувствовался во время этой дискуссии о профсоюзах в 1920 году.

Проблема огосударствления профсоюзов, как видите, поставлена была Октябрьской революцией, и мы являемся единственной страной в мире, где обсуждали и обсуждают этот вопрос. Поскольку рабочие других стран ставили перед собой теоретически вопросы хозяйственного строительства на другой день после победы революции, мы можем найти и в синдикалистской и в рефор-

мистской литературе разные ответы на эти вопросы, но в той плоскости, в какой это имело место у нас, — эти вопросы нигде не ставились.

Для того чтобы отдать себе наиболее ясный отчет в том, как Ленин и наша партия в целом подходили к вопросам профессионального движения и строительства, надо остановиться на нескольких моментах в по-октябрьский период нашей революции. Я уже говорил, что вопрос об огосударствлении профсоюзов вызвал очень большие прения внутри самой партии и что резкость постановки его была вызвана переоценкой быстроты темпа развития нашей и западно-европейской революции. Крайне характерна в этом отношении речь тов. Ленина на II с'езде профсоюзов 1919 г.: «Профсоюзам,—говорил Ленин,—после политического переворота, передавшего им власть (формулировка краткая, у Ленина лишних слов нет), приходится играть особенно большую роль, стать, до известной степени, главными политическими органами, ибо все старые понятия в политике опрокинуты и перевернуты». Вот исходная точка зрения для Ленина. И дальше: «Неизбежно огосударствление профсоюзов, неизбежно слияние их с органами государственной власти, неизбежен переход в их руки всецело строительства крупного производства». Если мы примем во внимание тот пункт программы, который я цитировал и эту вот формулировку, то ясно станет, что тут имеется полное совпадение. Ленин с особой резкостью несколько раз подчеркивает неизбежность огосударствления профсоюзов. Но Ленин прежде всего политик-диалектик. Он к каждому вопросу подходит не с отвлеченной точки зрения, а с конкретной, и поэтому он и к вопросу об огосударствлении подходит прежде всего с точки зрения той конкретной практической работы, которую профсоюзы должны проделать в области строительства хозяйства. Он говорит в одной своей речи: «Нужно сделать еще не мало шагов, прежде чем можно будет сказать: профессиональные об'единения трудящихся окончательно слились со всем государственным аппаратом. Это будет тогда, когда органы насилия одного класса над другим рабочие окончательно приберут в свои руки». Вы видите, что вопрос об огосударствлении профсоюзов связан с целым рядом вопросов — с вопросом о темпе революции, с вопросом создания своего рабочего, действительно пролетарского государственного аппарата и т. д. Для Ленина огосударствление профсоюзов есть длительный процесс практического строительства, непосредственной работы по организации народного хозяйства. Он мыслит превращение союзов в органы государственной

власти как процесс, началом которого является участие в управлении государством, а концом—создание новых органов, где исключительное преобладание имеют профсоюзы. Но почему профсоюзы, с точки зрения Ленина, должны притти к овладению народным хозяйством? «Потому—отвечает он—что профсоюзы—массовые организации, а революция есть прежде всего творчество самих масс». Он это формулирует таким образом: «Профессиональные союзы становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном участии в управлении государством десятков миллионов». Таким образом, для него вопрос об огосударствлении профсоюзов есть вопрос об активности самих масс. По мере втягивания десятков миллионов людей в борьбу, и будет итти овладение профсоюзами аппаратом производства. Чем скорее массы придут в движение, чем скорее тысячи, миллионы рабочих будут втянуты в активную политическую работу, в активное строительство, тем скорее мы придем к осуществлению пункта нашей программы об огосударствлении профсоюзов — вот как Ленин расшифровывает наше отношение к этому вопросу. Ленин никогда не забывал основное правило Гегелевской диалектики: «истина конкретна». Он берет Россию сегодняшнего дня, нашу «Расею», как говорил еще Белинский, и ставит перед миллионными рабочими массами проблему подхода к овладению аппаратом всего народного хозяйства. В той же речи, на II с'езде профсоюзов, он ставит основной вопрос: какие конкретные, практические задачи стоят перед профессиональными союзами и по какому пути они должны итти? И отвечает: «Задачи их (профсоюзов)—двинуть эти миллионы и десятки миллионов трудящихся от одной деятельности более простой к более высокой, никогда не уставая двигать их до самых трудных задач, воспитывать, таким образом, более и более широкую массу для управления государством, сливаться с той борьбой пролетариата, который взял в руки диктатуру и перед всем миром держит ее теперь, привлекая во всех странах отряд за отрядом промышленных рабочих и социалистов, вчера еще терпевших указания социал-предателей и социал-оборонцев, ныне подходящих все больше и больше к знамени коммунизма и коммунистического Интернационала».

Вы видите, как Ленин подходит к вопросу о профсоюзах. Он говорит здесь не делегатам с'езда, не тем сотням коммунистов, которые собрались на с'езд—нет, он видит перед собой десятки миллионов людей, которые должны проделать огромную работу, и он дает с'езду политическую линию: «вовлекать в эту работу все большие и большие слои трудящихся». Для Ленина вопрос о профсоюзах не есть отдельный обособленный вопрос. Его нельзя отделять от данной политической обстановки и эта мысль, как вы помните, была у Ленина основной и во время дискуссии. В чем заключалась тогда основная мысль Троцкого по вопросу о профсоюзах? Троцкий говорил: «Союзы переживают тяжелый кризис». На это Ленин отвечал: Поскольку мы будем и должны говорить о кризисе, то этот кризис есть отражение всего того болезненного процесса, который происходит в рабочих массах. Стало быть, концентрировать свое внимание или в той постановке вопроса — свое обвинение, только на одних профсоюзах, на определенной части — это неправильная, принципиально-неправильная постановка вопроса.

Вы знаете, что во время дискуссии 20-го года было два центральных пункта разногласий. Первый по вопросу с сращивании союзов с органами государственной власти, и второй по вопросу о том, нужно ли профсоюзам заниматься защитой интересов рабочих. Вот, по этим двум линиям и произошло деление на платформы: платформа 10-ти, платформа Троцкого, платформа буферной группы. и т. д. Когда сейчас перечитываешь то, что Ленин говорил и писал во время дискуссии, то видишь, что за дискуссией он тогда уже видел надвигающийся новый поворот, тот крутой поворот в политике. который партия вынуждена была сделать в начале 1921 года. Для Ленина самая дискуссия была симптомом того, что назрели, начали нащупываться какие-то новые элементы в экономической и политической жизни страны, — элементы, которые должны скоро выявиться, оформиться. По вопросу относительно сращивания союзов с государственными органами Ленин говорил: «Что касается сращивания, с этим вопросом лучше помолчать, посмотрим как практически он стоит». Почему в 1920 году Ленин так осторожно, так, я бы сказал, подозрительно подошел к вопросу о сращивании? Почему Ленин, который непосредственно после Октябрьской революции, во время первого с'езда профсоюзов, высказался за быстрый темп огосударствления союзов, в начале 20 года подходит к этому вопросу с такой осторожностью? Потому, что он уже видел надвигающийся новый поворот, который зависел не от доброй воли партии, а от соотношения сил внутри нашей крестьянской страны, ибо

самый темп сращивания, спайки между профессиональными союзами и органами государственной власти, зависел от построения нашего народного хозяйства, от овладения нами сельско-хозяйственной промышленностью, и, с другой стороны, от развития революции в Западной Европе. Ленин видел, что дело идет к НЭП'у.

Затем второй вопрос: могут ли профсоюзы при диктатуре пролетариата заниматься защитой его интересов? Вы помните, что на этом вопросе меньшевики в первый период революции пытались даже построить свою специальную платформу, ибо «независимое» меньшевистское профессиональное движение и зиждилось на том, что рабочий класс после Октябрьской революции должен быть независим по отношению к государству, должен ставить требования пролетарскому государству, устраивать стачки и т. д., «профсоюзы должны заниматься защитой интересов своих членов, а государственными делами пусть занимаются другие»,—вот в общем и целом, грубо говоря, точка зрения меньшевиков. Таким образом, сама формула защиты союзами интересов своих членов, в эпоху диктатуры пролетариата, некоторым казалось явно меньшевитской. И многие товарищи говорили: «Противопоставлять союзы государству,—это значит воспитывать силу, которая может пойти против пролетарской диктатуры, это значит до известной степени искривить всю коммунистическую линию в области профессионального движения». На это Ленин отвечал: «Наша страна имеет преобладающее крестьянское население. У нас, конечно, диктатура пролетариа, но с бюрократическими извращениями. А борьба с бюрократическими извращениями может итти по двум линиям: и через государственный аппарат и по линии непосредственного действия самих рабочих, профессиональные об'единения которых, защищая интересы своих членов, этим самым борятся с бюрократизмом».

Через некоторое время после введения новой экономической политики были опубликованы тезисы ЦК Партии о профсоюзах, и там говорилось даже о допустимости стачек. Каким образом это произошло? Если мы подойдем к самой дискуссии о профсоюзах так же, как подошел к ней Ленин, то мы поймем, что новый курс в профдвижении был отражением общего процесса и общего сдвига, мы поймем, что и дискуссия и дальнейшее изменение нашей тактики отражало новые соотношения сил, отражало более медленный темп развития революции в Западной Европе, некоторый рост мелко-буржуазной крестьянской стихии и ее давления на город, и ряд других экономических и политических причин, сопутствовавших провозглашению НЭП'а.

Если мы возьмем постановления с'ездов нашей партии и профсоюзов, то увидим, как в их резолюциях отражается вот эта необходимость отступления. Это сказывается на общей линии профсоюзов. Вопрос об огосударствлении профсоюзов постепенно отпадает, откладывается — выдвигаются вопросы непосредственной защиты интересов (пришел НЭП),—перед профсоюзами выдвигается целая серия новых проблем,—проблем, которые совершенно ясно и отчетливо в отчеканенной форме видел и изложил в своих речах и некоторых статьях Ленин.

Я перейду сейчас к роли Ленина в вопросах оформления революционного профессионального движения во всем мире. Какой важнейший вопрос в области профессионального движения встал перед рабочим движением после военного периода? Вы знаете, что вместе с революцией в центральной Европе и вместе с предательством этой революции со стороны социал-демократии в рабочих центрах ряда стран народилось течение за уничтожение профсоюзов. Больше того, германская коммунистическая партия на с'езде в Гейдельберге высказалась за уход революционных рабочих из реформистских профсоюзов и за создание новых об'единений—унионов. Мы имели совершенно определенное течение внутри нашего коммунистического движения, резко-категорически враждебное по отношению к старым союзам. «Мы не можем с предателями быть вместе в одной организации, они нас предают, нужно создать новые союзы», — так заявляли представители этого течения. Надо, товарищи, сказать, что вопрос о профессиональном движении для Западной Европы—это вопрос центральный, потому что там мы имеем во многих странах союзы, насчитывающие громадное количестзо рабочих, — союзы давно сложившиеся, с установившимися традициями. Тут нужно было дать ответ, какой тактики держаться по отношению к таким массовым организациям, как быть с такими реформистскими союзами, как немецкие, которые насчитывали больше 8 миллионов членов. И вот в самый решительный и важный момент Ленин выступает с брошюрой «Детская болезнь левизны», где дает точное, в высшей степени ясное решение по вопросу о тактике коммунистов в профессиональном движении. В этой книжке имеется целая глава, которая называется «Нужно ли революционерам работать в реакционных союзах». В главе этой Ленин рассматривает все доводы левых в пользу ухода из реформистских профсоюзов. Нам нельзя иметь с ними дела, потому что они не защищают интересов рабочих, мы не можем их поддерживать, потому что они оппортунисты, никаких компромиссов,—говорят английские левые.

Но их левизна была обратно пропорциональна их влиянию на рабочее движение. И вот Ленин в главе, которую он посвятил англичанам, говорит: «Вы не хотите вступать в рабочую партию, вы не хотите поддерживать ее на выборах, но из того, что большинство рабочих в Англии еще идет за английскими Керенскими или Шейдеманами, что оно еще не проделало опыта с правительством из этих людей, каковой опыт понадобился и России и Германии для массового перехода рабочих к коммунизму, из этого вытекает с несомненностью, что английские коммунисты должны участвовать в парламентаризме, должны изнутри парламента помочь рабочей массе увидать на деле результаты гендерсоновского и сноуденовского правительства, должны помочь Гендерсонам и Сноуденам победить об'единенных Ллойд-Джорджа и Черчилля. Поступать иначе, значит затруднять дело революции, ибо без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой». Но Ленин на этом не остановился. Он говорит: «Без компромиссов вперед, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при деловой победе Гендерсона и Сноудена над Ллойд-Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих взглядах и перейдет к поддержке коммунизма (или во всяком случае к нейтралитету и большей частью благожелательному нейтралитету по отношению к коммунистам),—такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10.000 солдат бросилось в бой против 50.000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дождаться имеющих подойти 100.000 подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это интеллигентское ребячество, а не серьезная тактика революционного класса». Ленин в этой брошюре посвящает также несколько страниц и германским левым: «На Западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски-настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной рабочей аристократии», чем у нас. Это бесспорно. Борьба с Гомперсами, господами Жуо, Гендерсонами, Мергеймами, Легинами и К° в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими мень-

певиками, которые представляют «совершенно однородный, социальный и политический тип». Из этого Ленин делает вывод, что не надо нервничать, а надо работать в профсоюзах, надо итти туда, где рабочие находятся. Вот какой лозунг дал Ленин по вопросу о профдвижении. И здесь я не могу не процитировать еще одного в высшей степени характерного местечка. «Миллионы рабочих в Англии, Франции и Германии впервые переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предразсудками) форме организации, именно к профсоюзам—а революционные, но неразумные левые коммунисты стоят рядом, кричат «массам», «масса», — и отказываются работать внутри профсоюзов... отказываются под предлогом их «реакционности»... выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, негрешный цеховыми и узко-профессионалистскими грехами «Рабочий Союз», который будто бы будет (будет?) широким, и для участия в котором требуется только (только!) признание советской системы и диктатуры». Ленин прямо говорит: «Вся задача коммуниста—уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными, ребяческими левыми лозунгами».

Я думаю, что этих нескольких цитат совершенно достаточно, для того, чтобы показать, как Ленин решал наиболее трудный вопрос—о нашей тактике в профессиональном движении. Он сказал: «не нервничайте, у коммунистов вместо нервов должны быть крепкие проволоки. Конечно, всю реформистскую верхушку нужно из профсоюзов выгнать, но не надо доставлять им удовольствия своим добровольным уходом. Надо оставаться в реакционных союзах, работать там, завоевать массы, выгнать лидеров и союзы превратить в органы революции». Эта книжка Ленина сыграла громадную роль в борьбе с левой фразой, которую Ленин, как известно, ненавидел.

Необходимо также остановиться на том, как Ленин оценивал создание Профинтерна. Я помню, что, когда в 20 году пришлось здесь, в Москве, мне вместе с представителями Италии, Франции и других стран начать закладывать фундамент Красного Профинтерна, у меня произошли серьезные разногласия с Д'Аррагона, который считал себя тогда левым. Мы с ним несколько дней дискуссировали, при чем я предлагал одну основу для создания международного профсоюзного центра, а он другую. Среднюю формулировку предложил Серрати, но она была недостаточно определенная. С этой формулировкой Серрати я отправился к Ильичу. Ленин прочитал ее и говорит: «Да, действительно, тут немножко неясно, но это неважно. Вы создайте только центр, а ясность потом придет». Ленин, конечно, придавал исключительное значение ясности мысли, но, когда он видел, что можно сделать хоть маленький шаг вперед, если пойти на уступку в какой-нибудь формулировке, он на это соглашался и всегда оказывался прав.

Когда был созван первый конгресс профсоюзов, Ленин обратился к нему с письмом, в котором писал следующее: «Трудно найти слова, чтобы выразить всю важность международного С'езда профессиональных союзов. Завоевание членов профсоюзов идеями коммунизма идет всюду неудержимо вперед, во всех странах, во всем мире. Идет неправильно, нерегулярно, неравномерно, преодолевая тысячи препятствий, но неудержимо идет вперед. Международный С'езд профсоюзов ускорит это движение, коммунизм победит среди профсоюзов». Таково было приветствие Ленина первому учредительному конгрессу Красн. Интерн. Профсоюзов.

В заключение остановимся на перспективах профессионального движения, как их понимал Ленин. Если мы проследим шаг за шагом все резолюции с'ездов нашей партии по вопросам профдвижения, все статьи и речи Ленина по вопросу о профсоюзах, то получим совершенно определенную линию, при чем было бы неверно, если бы сказали, что партия и Ленин по вопросам профессионального движения 25 лет тому назад говорили то же, что и теперь. В этом отношении неправ тов. Гиринис в предисловии к своей книжке «Ленин и профессиональное движение», где он говорит, что точка зрения Ильича, изложенная в «Что делать?» осталась до самого конца той же. Это неверно. Партийная мысль проделала громадную работу за этот бурный период. Путь этот можно проследить и на вопросе о роли партии. Возьмем «Что делать?» и сравним данные Лениным тогда формулировки с формулировкой, которая была дана при его участии на Втором Конгрессе Коммунистического Интернационала вопросу о роли коммунистической партии в пролетарской революции, и мы увидим путь, который проделала партия. Что такое партия?

«Коммунистическая партия есть часть рабочего класса. Именно: его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не

имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата».

Так через 20 лет после «Что делать?» определена и отчеканена роль компартии на основе исключительного по своему богатству исторического опыта.

Каковы же перспективы развития партии и союзов? Поскольку мы вступаем в эпоху исчезновения классов, мы идем к такому периоду, когда исчезнут государственные органы во всей разновидности и партии, как орган классовой борьбы. Будет ли партия существовать в эпоху развернутого коммунизма? Нет, партия в будущем исчезнет. До этого еще, конечно, далеко, наша Российская Коммунистическая Партия будет существовать еще известное количество лет в том виде, в каком она есть, но потом, с окончательной победой коммунизма, она, как партия, исчезнет. Что будет с остальными формами, организациями рабочего класса? Мы имеем союзы, кооперативы, советы и т. д. Советы есть органы государственные, органы диктатуры пролетариата. Они тоже исчезнут тогда, когда исчезнут классы, этот фундамент государственной власти. Что будет с профсоюзами? Профсоюзы будут развиваться по той линии, какая указана в нашей программе. Они придут к концентрации в своих руках всего народного хозяйства в целом, и вместе с исчезновением органов государства, партии и т. д. профсоюзы превратятся в какую-то новую организацию, название которой мы не знаем, но которая будет органом руководства, управления производством и т. д. Стало быть мы имеем такое положение. В определенный исторический момент исчезнет партия; отдельные части партийного аппарата сливаются с органами государственной власти и с органами хозяйственного управления, которые срастутся с профсоюзами. Все это приведет в определенный исторический момент к какому-то новому образованию, новому органу управления производством, который не будет похож ни на партию, ни на советы, ни на союзы в отдельности. Ленин в одной из своих речей говорил: «Время это довольно далеко, вероятно, наши внуки увидят это, сейчас же перед нами стоят громадные конкретные задачи, которые мы должны разрешить».

Выводы мои будут в высшей степени краткими. Ленин внес новое не только в русское, но и в международное рабочее движение. В чем это новое заключается? В практике, в непосредственном применении в жизни марксистской теории. Ленинизм, это—марксизм в действии. Для Ленина профессиональные союзы были частью системы зубчатых колес. Он как-то в одной из своих речей это так образно выразил: «Двигателем является партия, она задевает, захватывает своими зубьями профсоюзы, она приводит их в движение, они, в свою очередь, приводят в движение более широкие массы». Ленин рассматривал профессиональные союзы и ценил их как школу массового обучения, непосредственного вовлечения масс в действие. Для него профессиональные союзы имели только в том случае значение, когда они были пропитаны коммунистическим духом. Он говорил в одной из своих статей: «Что союзы состоят только из пролетариев, — этого недостаточно, они только тогда составляют свою классовую организацию, когда ведут классовую линию, классовую политику». Пропитать союзы коммунистической идеологией, сделать их аппаратом для проведения коммунистической линии, подчинить влиянию коммунистической партии, действовать на них, вовлекать через профсоюзы в революционное движение десятки миллионов трудящихся, воспитывать эти массы — вот к чему стремился Ленин во всей своей политике. Именно потому, что Ленин был выдающимся политиком, т.-е. умел маневрировать миллионами, умел направлять миллионы для борьбы, он правильно оценивал роль и задачи профсоюзов и способствовал тому, что русское профессиональное движение играет исключительную роль в оформлении профессионального движения всех стран,—ту же самую роль, какую Российская Коммунистическая Партия играет в Коммунистическом Интернационале—роль руководителя, вдохновителя и двигателя. Вот почему мы можем сказать, что и в этой области, как и в других областях, влияние Ленина было исключительное и требует тщательного и многолетнего изучения.

Ленин и кооперация [1]).

(Доклад Н. Мещерякова.)

Главное в том учении, в том наследии, которое нам оставил Ленин, составляет чрезвычайно умелая, гибкая, революционная тактика. К какой бы отрасли вопросов вы ни обратились, вы везде увидите всегда поразительно умелое применение этой гибкой тактики. То же мы можем наблюдать и в вопросе о кооперации.

Если вы обратитесь к учениям старых кооператоров, вы увидите, что каждый из них рассматривал кооперацию, как нечто самодовлеющее, как нечто очень мало зависящее от условий окружающей жизни. Творцы, вожди, основоположники старой кооперации старались найти в ней учение чуть ли не вечное,—учение на все времена; они старались найти какую-то абсолютную теорию кооперации, которая была бы хороша при всех условиях. Припомните ту борьбу, которую вожди старой кооперации вели с коммунистами во времена военного коммунизма, в ту эпоху, когда кооперация перестраивалась по-новому, так, чтобы она могла выполнить новые, впервые ставшие перед ней задачи. Конечно, старые знаменитые принципы рочдельских пионеров при этих новых условиях оказались никуда не годными. Они были даны во времена старого капитализма, который только еще начинал развиваться в 40-х годах. Но вожди старой кооперации старались перенести целиком эти старые рочдельские принципы кооперации в эпоху революционную. Когда коммунисты непочтительно отнеслись к этим рочдельским принципам кооперации, ибо эти принципы были хороши в свое время, но не пригодны для переживаемого времени революции, то их признавали отступниками от кооперации, их признавали людьми, которые не понимают ничего в кооперации, которые умеют только легкомысленно разрушать, но не умеют ничего созидать.

[1]) Заслушан в Комм. Академии 3/IV — 1924 г.

Ленин совсем не принадлежал к числу таких узких доктринеров, к числу людей, которые надели шоры и не видят ничего по сторонам. Если вы прочтете все то, что написано и сказано Лениным по вопросу о кооперации, и попробуете отыскать какую-нибудь доктрину, учение о кооперации, ничего подобного вы не найдете. Наоборот, первое впечатление, которое вы получите, прочитав то, что писал Ленин, это — маса противоречий; вы наткнетесь на одни места, где он категорически отрицает полезное значение сельско-хозяйственных кооперативов, сельско-хозяйственных артелей, кредитных товариществ и т. п.; вы найдете другие места, в которых он говорит, что одной из главнейших задач коммунистов является построение этих сельско-хозяйственных кооперативов, артелей и т. п. Вы найдете места, где он говорит о чрезвычайно сильном подчинении кооперации органам Компрода, органам Советской власти; но вы найдете и другие места, где он говорит, что кооперация должна быть значительно, если не целиком, освобождена от этой зависимости.

Вы найдете в его сочинениях знаменитую речь, произнесенную на партийном с'езде в 1921 году во время перехода к новой экономической политике, в которой он прямо говорит: «Мы должны зачеркнуть все свои старые резолюции о кооперации и пытаться создать что-нибудь новое». Но он не говорит, что́ будет представлять это новое. Он говорит—пока останемся без резолюции, а потом увидим. Впрочем, это вы увидите не только в одном вопросе о кооперации. Весь Ленин таков. То он настаивает на созыве Учредительного Собрания, то он является его противником и участвует в разгоне его; то он является сторонником обязательного вхождения всех рабочих в профсоюзы, а через некоторое время он высказывается сторонником добровольного вступления в союз.

Сила Ленина состоит не в узкой, раз навсегда данной теории, а в чрезвычайно умелом, гениальном применении старой революционной теории Маркса к новым условиям социалистической революции. В этом — весь Ленин, и если мы перейдем к вопросу о кооперации, то здесь заслуга Ленина будет состоять не в том, что он дал нам новую теорию кооперации, а в том, что он чрезвычайно умело применяет революционную теорию Маркса, для того, чтобы разобраться в вопросах о том, какова роль кооперации в настоящее время, какие задачи должны стоять перед ней, каково должно быть ее строение и т. д. Поэтому, когда мне приходится говорить на тему— Ленин и кооперация, — мне приходится изложить не одну систему взглядов Ленина, а итти исторически, рассмотреть, что Ленин в раз-

ные моменты и периоды говорил по тому или другому из кооперативных вопросов.

Переходя к самой теме, я должен заявить, что прежде всего все статьи Ленина, которые были написаны по вопросу о кооперации, все речи, которые им были произнесены на эту тему,—речи, в которых он затрогивал вопрос о кооперации,—все они занимают очень мало места. Я эту работу произвел, и самые внимательные розыски дали книжку, величиною всего листов в девять. Вот все, что им было сказано и написано по этому вопросу за всю жизнь. Работа подбора его статей по кооперации была очень трудная и кропотливая. Никакого путеводителя к сочинениям Ленина пока не имеется, и если взять сочинения Ленина, то мы найдем только одну статью и 2—3 речи, которые были посвящены целиком вопросу о кооперации. Все остальное говорилось мельком. Ленин говорит на какую-то другую тему и при этом вскользь затрогивает вопрос о кооперации. Поэтому приходилось пересматривать буквально почти все тома сочинений Ленина. Иной раз какая-нибудь мысль о кооперации пряталась так незаметно, что этот просмотр пришлось проделать два раза. После первого просмотра я почувствовал себя неспокойным и еще раз повторил эту работу и после этого нашел еще несколько отрывков, чрезвычайно интересных и важных для дела. Дело затрудняется еще тем, что вышли еще не все томы сочинений Ленина, не вышли еще I, XII и XIII томы, а как раз в первом томе есть много интересных мест, посвященных вопросу о кооперации, а в XII томе есть одна из лучших статей, которая целиком посвящена Лениным вопросу о кооперации.

Все ленинские статьи и речи или, вернее, большею частью отрывки из статей и отрывки из речей по вопросу о кооперации можно разделить на 4 группы. Первая группа представляет все то, что Лениным писалось и говорилось, вернее, писалось, потому что тогда еще ничего не говорилось по вопросу о кооперации, в период борьбы с народниками, в период до революции 1917 года. Здесь рассматривается вопрос о кооперации в капиталистических рамках, вопрос о роли кооперации в период здорового капитализма, до наступления революции. Из этой группы выделяется только одна статья, та статья, про которую я говорил, помещенная в XII томе, — статья которая стоит несколько особняком, и которую я отношу поэтому в отдельную группу. В этой статье, посвященной Лениным Копенгагенскому социалистическому конгрессу, состоявшемуся в 1910 году, он говорит о роли рабочей потребительской кооперации точно так же в период до революции. Следовательно, эта первая группа разбивается на две группы: первая — борьба с народниками — говорит, исключительно, о роли сельскохозяйственной кооперации, и вторая группа, состоящая из одной статьи,—о роли рабочей потребительской кооперации в период до социалистической революции. Следующая группа обнимает ряд речей и статей. Тут есть статьи, которые говорят о роли кооперации потребительской, сельско-хозяйственной и всяческой вообще кооперации в период военного коммунизма, то-есть уже в условиях социалистической революции, в специфических условиях военного коммунизма. Наконец, последняя группа статей и речей. Здесь речь идет о роли кооперации в период НЭП'а.

Теперь я перехожу к рассмотрению каждой из этих групп в отдельности.

Первая группа — борьба с народниками. Разобраться в этих статьях и речах очень трудно, потому что все, что Ленин говорил в этот период о кооперации, чрезвычайно тесно переплеталось с полемикой, вообще, против народников. Читая эти статьи наталкиваешься на страницы, на которых совершенно не упоминается слово «кооперация». Но все-таки они целиком принадлежат к тому, что можно и нужно было говорить по вопросу о кооперации. Извлечение материалов из этой части было чрезвычайно трудно. Иногда из целой большой статьи в несколько десятков страниц приходилось извлекать одну-две страницы; из целой книги, из одного тома мне пришлось извлечь только одну страницу. Вы понимаете, как трудно отыскать все эти материалы. Несмотря на то, что я два раза должен был пересматривать всего Ленина, я все-таки не поручусь, что в этом первом периоде у меня не было каких-нибудь пропусков.

В этот первый период борьбы с народниками Ленин касается только двух видов кооперации: во-первых, кредитной и, во-вторых, сельско-хозяйственных артелей.

Каков же его взгляд в это время на роль и значение кооперации?

Напомню в нескольких словах историю возникновения кредитной кооперации вообще, и в России, в частности. За границей, как известно, кредитная кооперация возникла прежде всего в Германии. Родоначальниками ее были, с одной стороны, известный либеральный буржуа Шульце, а с другой стороны, консервативно даже реакционно настроенный Райффейзен. Они создали два вида кредитных кооперативов. Оба эти вида кредитных кооперативов получили развитие в средней и мелкой буржуазии. Ссудо-сберегательные товарищества, которые были даны Шульце, получили развитие в среде городской мелкой буржуазии, а кредитные товарищества — в среде

крестьянской мелкой буржуазии. Таким образом, эта кооперация развивалась в среде мелко-буржуазной. Социалистического характера ни Шульце-Дейчевские, ни Райффейзеновские кооперативы не имели. Их члены отнюдь не вербовались из среды пролетариата.

Никакого отношения к социализму ни те, ни другие организации также не имели; наоборот, ссудо-сберегательные товарищества стали опорой либеральной буржуазии, а Райффейзеновские товарищества—опорой реакционных юнкерских партий. То же мы наблюдаем и в других странах Западной Европы. В Бельгии, например, сельско-хозяйственная кооперация точно так же всецело находится в руках реакционной католической партии. Во Франции главой сельско-хозяйственной кооперации был известный граф де-Рокиньи, один из наиболее злостных реакционеров и противников социализма.

В России кредитная кооперация возникла по инициативе костромского помещика Лугинина. Его последователями был целый ряд либеральных помещиков того времени. Никакого успеха среди радикальной интеллигенции того периода—60—70 гг.,—кредитная кооперация не имела. Наоборот, радикально-настроенный журнал того времени «Отечественные записки» выступал резким противником кредитной кооперации. Народники того времени заявляли, что эта кооперация не помогает крестьянству в массе улучшить свое положение, что услугами кредитной кооперации пользуются наиболее зажиточные, богатые, кулацкие элементы крестьянства. И мы, действительно, в истории кредитной кооперации того времени видим, что ее членами являются богатые, зажиточные, кулацкие элементы крестьянства, чисто деревенские торговцы, которые пользовались услугами ссудо-сберегательных товариществ, чтобы получать из них ссуды и употреблять их на развитие своей торговли. Вообще для того, чтобы быть членом ссудо-сберегательного товарищества надо было внести пай, а крестьянская беднота, конечно, никакого пая внести не могла. Естественно, что она поэтому не могла вступить в члены ссудо-сберегательных товариществ. Товарищества эти выдавали ссуды на улучшение хозяйства. Чем же кредитное товарищество могло быть гарантировано, что деньги оно получит обратно? Ссуда выдавалась только такому хозяину, относительно которого есть надежда, что он уплатит, т.-е. хозяину крепкому, у которого хозяйство поставлено хорошо, и деньги нужны для того, чтобы поставить его еще лучше. Следовательно, в конце концов кредитная кооперация—я говорю об условиях дореволюционных — оказывала помощь отнюдь не крестьянской бедноте, не массе крестьянской, а наиболее зажиточным элементам деревни. Им она помогала и позволяла улучшать свои хозяйства, еще более подниматься над уровнем крестьянской массы, т.-е. помогала, другими словами, превращаться в мелких капиталистиков, — как любил выражаться Ленин; она отнюдь не помогала тому, чтобы в с е крестьянство стало поднимать свое хозяйство. Она помогала тому, чтобы эти капиталистики выдвигались из крестьянской массы и забирали в свои руки эту крестьянскую массу. Другими словами, кредитная кооперация способствовала развитию капитализма в деревне. Вот те мысли, которые были ясны для всех, а между тем за эти мысли пришлось бороться.

Теперь все эти мысли кажутся очень простыми, элементарными, всем известными. Но не всегда было так. В девяностых годах эти мысли были совсем новыми.

Масса революционеров плутала в этих вопросах. Если в семидесятых годах радикально-настроенные элементы народничества выступали противниками всех этих кредитных кооперативов, то позже эпигоны этих революционно-настроенных народников, эпигоны народовольчества, стали горячими сторонниками и поклонникам кредитной кооперации. Они говорили: капитализм в России развиваться не может; он не имеет никаких корней; он осужден на гибель; он вытесняется понемногу мелким крестьянским хозяйством. Но мелкое крестьянское хозяйство не есть еще социализм; для того, чтобы превратиться в социалистическое хозяйство оно должно обобществляться при помощи артелей, при помощи кредитных кооперативов. Кредитные кооперативы и артели дают и должны давать средства, чтобы этот поворот мог совершиться. Он совершается и совершится таким образом без всякой революции, ибо капитализм вытесняется постепенно без всякой революции. Капитализм не имеет корней, он механически вымирает, механически вытесняется мелким земледелием. В это же время происходит процесс обобществления, образования разных артелей, которые, постепенно расширяясь, развиваясь, охватят все хозяйство и мы мирным образом, без всякой революции, перейдем на социалистические рельсы.

Вот та теория, которую, конечно, не в таком открытом, оголенном виде, как я сейчас выставляю, но более или менее прикровенно, прикрытой разными революционными фразами, выдвигали в то время эпигоны народников. Против этой теории приходилось вести решительную борьбу, и одним из главнейших деятелей в этой борьбе был Ленин. Для того, чтобы ознакомить вас с этими статьями, я прочту вам некоторые отрывки из статей Ленина, этого периода. «Всеми этими кредитами, улучшениями, банками и т. п. прогрессами,—пишет Ленин в своей известной книге «Что такое друзья народа»,—в

состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном точном хозяйстве известные сбережения, т.-е. представители ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии». «Все такие мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; они приводят на деле лишь к помощи и содействию «хозяйственному мужичку», мелкому фабрикантику или скупщику, вообще представителю мелкой буржуази», — пишет Ленин в статье «Кустарная перепись 1894—1895 года». Возникновение и развитие кредитных организаций в деревне обозначает не движение деревни в сторону социализма, «оно выражает потребности развивающегося капитализма», проникновение капитализма в деревню. Социалист не может выставлять в своей программе требования подобных мероприятий. «Выставлять их со стороны социалиста—значит льстить собственническим интересам. Выставлять их—то же самое, что требовать содействия государства трестам, артелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее «прогрессивны», чем кооперации, страхования и пр. в земледелии. Это все—капиталистический прогресс. Заботиться о нем не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелко-буржуазного, предоставляет графам де-Рокиньи, помещикам, земцам и т. п. заботу о кооперации хозяев и хозяйчиков, а сам заботится всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами».

Итак, в этой последней цитате, которую я прочитал, интересна последняя фраза. В этот период Ленин ничего не говорил о потребительской кооперации. Здесь, из этой последней прочитанной мною цитаты, видно, что В. И. высоко ценил рабочую потребительскую кооперацию и в девяностые года, ибо писал, что социалист должен заботиться «всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами». Несколько позже я покажу, что задачи «борьбы с хозяевами» возлагались Лениным в то время, если не исключительно, то, главным образом, на рабочую потребительскую кооперацию.

Перейдем теперь к взглядам Ленина в период борьбы с народниками на сельско-хоз. и кустарные артели. Здесь у него критика иная.

Артели не способствовали проникновению капитализма в Россию, но артели вообще не играли в то время никакой роли. Артели в то время встречались чрезвычайно редко, а если встречались, то это были жалкие организации и никакой серьезной роли в хозяйственной жизни страны они не играли. Поэтому Ленин и говорит, что эти артели совершенно не развиваются, не имеют никаких корней. Наоборот, болтовня об артелях, о том, что они мирным путем приведут к социализму, только затемняет сознание трудящихся, развивает у них иллюзию, что они могут какими-то мирными путями построить социализм — иллюзии, которые отвлекают их от борьбы. Прочитаю вам ряд цитат, в которых Ленин выражает эту мысль.

«Для обобществления труда,—говорит Ленин,—нужна организация производства не в пределах одной какой-нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и заправляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль». Все эти артели и общественные запашки при тогдашних русских условиях должны были «представлять из себя мизерные паллиативы, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия в Европе». Против них у нас «не могут ничего иметь даже г. г. Ермоловы и Витте». «Буржуазные либералы и полицейское правительство имеют склонность заигрывать с артелями и с покровительством народной промышленности». Подобные «кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа, могут принести только мизерное и шаткое улучшение положения отдельных личностей». Усиленный шум, который народники поднимали вокруг этого вопроса, в конце концов, вредил делу революционной борьбы.

Остановлюсь еще в двух словах на одной небольшой статье, которая будет опубликована на-днях в первом томе сочинений Ленина. Это—проект программы социал-демократической партии, написанный Лениным в тюрьме в 1896 году.

Вы знаете, конечно, что впервые проект программы с.-д. выработала «Группа Освобождения Труда». Один пункт этой программы требовал помощи со стороны государственных органов различным производительным ассоциациям. Это было наследство Лассаля, перешедшее от Лассаля в программу германской социал-демократии, откуда оно было воспринято «Группой Освобождения Труда». В своей статье Ленин предлагает выкинуть этот пункт из программы. Он пишет: «Требование государственной помощи производственным ассоциациям, стоящее в программе «Группы Освобождения Труда», должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями»

и с «покровительством» народной промышленности» и т. п.),—все говорит против выставления этого требования».

Вы видите, товарищи, что и эта мысль Ленина кажется теперь очень простой. Кому из коммунистов придет в голову, что в тех странах, в которых еще имеется буржуазное правительство, можно в своей программе выставлять требование покровительства производственным кооперативам, чтобы таким образом перейти к социализму? Но в то время это был настолько трудный вопрос, что такие крупные головы, как Плеханов, Засулич, Аксельрод и т. д., входившие в состав «Группы Освобождения Труда», такие марксисты, какие были в германской социал-демократии, писали все это в своих программах. Потребовалась большая работа мысли, чтобы вычеркнуть это требование, которое для нас теперь является само собой разумеющимся.

Вот, в коротких словах те мысли по отношению к кооперации, которые можно извлечь из ряда статей, или, вернее, отрывков из статей, Ленина, которые были написаны им в полемике с народниками.

Перехожу ко второй группе. Она охватывает только одну статью, опубликованную в № 17 газеты «Социал-Демократ» за 1910 год. В этом году происходил в Копенгагене социалистический конгресс. Ленин был одним из делегатов этого конгресса. На конгрессе он вошел в кооперативную комиссию. Получилась странная непонятная вещь: наиболее революционный социал-демократ того времени, наиболее левый революционер заинтересовывается вопросом о кооперации, о наиболее оппортунистической форме рабочего движения. Он заинтересовывается настолько, что на конгрессе идет в эту комиссию. По окончании конгресса в наиболее революционном, ортодоксальном социал-демократическом органе того времени он печатает статью, в которой затрагивается только один вопрос о кооперации. Почему же он заинтересовался таким архи-мирным вопросом, как кооперация? Попробуем решить этот вопрос.

Мне кажется, об'яснение лежит в следующем.

С начала текущего столетия, вернее в конце 90-х годов, потребительская кооперация за границей стала получать чрезвычайно большое развитие. Громадные массы рабочих стали входить в это движение. Движение стало быстро разрастаться. Между тем во главе кооперации стояли наиболее оппортунистические деятели рабочего движения, и из всех отрядов рабочей армии кооперация была наиболее оппортунистическим отрядом. Ведь, кооперация это не только лавочка, это есть целое движение, и движение в значительной степени идеологическое. Кооперация ведет культурно-просветительную работу и может ее вести или в революционном направлении, или в направлении оппортунистическом. Кроме того, кооперация всей своей работой может воспитывать в своих членах или революционную идею, или оппортунистическую идеологию. Если кооперация станет внушать своим членам, что при помощи кооперации можно добиться осуществления социализма мирным путем, без всякой революции, путем реформистским, то кооперация станет чрезвычайно вредной организацией для революционного движения рабочего класса. А ведь нельзя, как выражается Карпедес, голову рабочих разделить на три части, чтобы в одной части была кооперативная идеология, в другой—профсоюзная и в третьей—политическая. Все это смешивается в голове рабочих, и если у них в одной части будут преобладать и закрепляться оппортунистические идеи, то они начнут распространяться по всей голове и начнут всю идеологию рабочего заражать оппортунистическим ядом. Таким образом, кооперация была полезным орудием в руках оппортунистов. Понятно, почему Ленин так заинтересовался этим вопросом. Надо вырвать это орудие из рук оппортунистов. Надо наметить революционную тактику для кооперации, надо правильно наметить задачи кооперации, ее возможности и т. д. Вот, по-моему, причина, по которой Ленин вошел в то время как раз в кооперативную комиссию. Затем, в то же время кооперация стала сильно развиваться в России. Правда, чисто рабочих кооперативов тогда еще не было, но, во всяком случае, рабочие массы вступали в так называемые общегражданские всесословные кооперативы того времени. Раньше, когда потребительская кооперация играла в России очень небольшую роль, Ленин ничего не писал о ней. Но позже, когда она стала привлекать русских рабочих, больше молчать было нельзя. Ленин должен был предупредить русских рабочих о той опасности, которая им угрожала, и наметить для них те революционные пути, которые предохраняли бы их от неверного шага. Вот, по-моему, причина, почему Ленин свою статью о Копенгагенском конгрессе посвятил как раз этому вопросу.

Двенадцатый том сочинений Ленина находится в работе и скоро выйдет, там вы найдете статью, о которой я сейчас буду говорить. Ленин рассказывает в этой статье, что на конгрессе в комиссии боролись два течения: одно—революционное, во главе которого стоял Гед, который был тогда революционером, во главе другого стоял Жорес, всегдашний противник Геда. Ленин занял еще более левую позицию, чем Гед; его не удовлетворяла даже революционная

позиция Геда. Он находил, что левое крыло слишком легко идет на компромисс; поэтому русская делегация во главе с Лениным выдвинула свой проект резолюции, который был отклонен секцией и конгрессом. Этот проект вы найдете в статье Ленина. Затем Ленин приводит принятую резолюцию и говорит, что в этой резолюции было дано правильное, в основных частях, определение задач кооперации, но в то же время эта резолюция страдает некоторыми недостатками; они состоят в ее компромиссности. Затем Ленин приводит проект резолюции русской делегации.

Весь этот проект резолюции говорит, за исключением одного последнего абзаца, только о потребительских рабочих кооперативах. Ни о каких других видах кооперации он не говорит. Остальные виды кооперации Ленина не интересовали, ибо все остальное не касается дела рабочего класса.

Что касается производительных рабочих товариществ, то о них говорится только в последнем абзаце; там о них говорится, что они только в том случае имеют значение для рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительских.

Припомните судьбу производственных товариществ. Судьба их была чрезвычайно печальна. Они или погибали, или превращались в компании мелких акционеров, которые прибегали к помощи наемного труда. Для того, чтобы охранить их от этого разложения, Ленин говорит, что они должны быть в особо тесной, неразрывной связи с потребительскими товариществами, они должны образоваться при потребительских товариществах. Производственные товарищества должны возникать при потребительских кооперативах; они должны принадлежать тому коллективу рабочих, которые об'единены в этом потребительском товариществе. Только тогда они будут застрахованы от гибели или вырождения.

Что касается крестьянской сельско-хозяйственной кооперации, то в проекте копенгагенской резолюции об ней нет ни слова, потому что все это не имело отношения к делу борьбы рабочего класса, а только этим вопросом и интересовался в ней Ленин в то время.

Резолюция определяет задачи и значение, которое имеют потребительские рабочие кооперативы. По словам этой резолюции, пролетарские потребительские кооперативы суживают размеры эксплоатации со стороны всякого рода торговых посредников, влияют на условия труда в заведениях поставщиков и улучшают положение собственных служащих. Другими словами, потребительские рабочие кооперативы имеют своей задачей не осуществление

социализма в недрах капиталистического общества, а только борьбу против чрезмерной эксплоатации рабочего класса со стороны капитала. Никаких надежд на то, что при помощи этих потребительских товариществ можно построить какое-нибудь социалистическое общество, Ленин, конечно, не питал. Дальше резолюция усиленно подчеркивает, что не надо возлагать на потребительскую кооперацию излишних надежд, ибо в пределах капиталистического общества помощь кооперативов может быть «лишь незначительной». Следующий параграф еще энергичнее предостерегает рабочих от всяких кооперативных иллюзий, предостерегает против оценки кооперации, как средства, при помощи которого рабочий класс может разрешить социальный вопрос, т.-е. уничтожить эксплоатацию капитала без классовой борьбы и без социалистической революции.

Я пропустил еще пункт второй, который указывает, что потребительские рабочие кооперативы должны оказывать рабочим помощь во всякой классовой борьбе, что потребительские рабочие товарищества не должны отрываться от других рабочих организаций, должны быть с ними в тесной связи, в тесной связи с профессиональными союзами, с политическими партиями; они должны оказывать рабочим помощь в случае стачек, локаутов и т. д.

Вот, в сущности, и вся резолюция. Есть еще один пункт, призывающий всех рабочих вступать в пролетарские потребительские товарищества.

И опять вы, может быть, скажете, что это истины всем известные. Да, они всем известны в настоящее время в стране, где у власти стоит пролетариат,—в стране, которая изжила не только кооперативные, но и многие другие реформистские иллюзии. Но положения копенгагенской резолюции Ленина далеко не стали общим местом в Западной Европе. Там и в настоящее время кооперация все еще находится в руках старых вождей кооперации, усердно сеющих кооперативные иллюзии. Там еще и в настоящее время кооперация далеко не сомкнула свои ряды с рядами других пролетарских организаций. А в 1910 году дело было еще хуже. Проект резолюции Ленина был отклонен Копенгагенским конгрессом, как проект слишком радикальный. То, что стало для нас теперь азбукой, стало для нас таковой только благодаря упорной работе Ленина, а на Западе все еще остается новым, революционно-новым.

Перехожу к третьей группе статей—к статьям и речам Ленина, в которых он говорит о задачах и роли кооперации в период военного коммунизма.

На эту тему мы находим несколько параграфов, посвященных вопросу о кооперации в «Черновом наброске проекта программы коммунистической партии», который был внесен Лениным на VII с'езде партии. Прежде всего, вспомним, как трудно было составлять эту программу. Споры о том, как составлять программу начались летом 1917 года; в то время было выдвинуто две точки зрения: одна, которую защищали, главным образом, москвичи, говорила, что программу надо написать всю с начала заново. Ленин был более осторожным: он говорил, что этого не надо делать, а надо исправить старую социал-демократическую программу, внести в нее все то, что было выдвинуто последними событиями эпохи развития империализма и началом революции. «Очень трудно, — говорил он, — из головы, из ничего, без всякого опыта писать программу». Ленин был величайшим реалистом; он не старался выдумать что-нибудь из своей головы, он внимательно прислушивался к тому, что диктуется жизнью и старался перевести это на язык партии. Программа должна быть продиктована жизнью. Революция в то время еще только начиналась и не были видны те конкретные условия, в которых она будет протекать, а Ленин не решал ни одного вопроса, не обратив самого серьезного внимания на обстановку и среду. Без этого программа была бы голым измышлением или голой литературщиной. Поэтому он чрезвычайно осторожно относился к этому вопросу.

Но уже после Октябрьской революции медлить с этим делом было нельзя. И вот Ленин набрасывает «черновой набросок проекта программы». Так он его и называет—«черновой набросок проекта программы». Вы видите, какая величайшая осторожность. Это не программа, не проект программы, даже не набросок проекта программы; это «черновой набросок проекта программы». Только с ним он выступает перед с'ездом партии.

В этом наброске Ленин говорит о «потребительско-производительных коммунах». Под этими «производительно-потребительскими коммунами» подразумевается кооперация. Функции коммуны лежат не только в области распределения продуктов, но и в организации производства. Роль коммуны, по его словам, состоит в «неуклонном повышении организованности, дисциплины, производительности труда, в переходе к высшей технике, в экономии труда и продуктов». В то же время, как показывает название, коммуна должна работать и в области распределения. Надо этот параграф рассматривать в связи с другими параграфами. Если вы просмотрите всю программу в целом, вы увидите, что Ленин на коммуны отнюдь не возлагает задачу организации производства в общегосударственном масштабе. Эту организацию производства в общегосударственном масштабе он возлагает на государство. На коммуны возлагается что-то другое. Что же именно? Организация производства таких отраслей промышленности, которые не имеют никакого значения для государства в целом, но только для данного места. В городах это будут трамваи, водопроводы, освещение, бойни, пекарни, бани, прачечные и т. д.

Это интересует только жителей данного города. Это совершенно не интересует все государство, а, следовательно, все это управление должно лежать не на государстве, должно находиться не в руках государства, оно должно находиться в руках этих «производственно-потребительских коммун». Такова мысль Ленина. В настоящее время эти предприятия находятся в руках местных Советов. Но вы знаете, что режим Советов не есть вечный режим; это режим временной диктатуры пролетариата. Кончится эта диктатура, исчезнут Советы, и тогда управление такими предприятиями, важными только для местных потребителей, должно перейти в руки местной организации,—потребителей, которые в этом заинтересованы. То, что Ленин называл «производственно-потребительской коммуной», я называю «единым потребительским обществом», употребляя более позднюю терминологию.

В этой идее «потребительско-производственных коммун» есть одна очень интересная сторона: это стремление об'единить производственную и потребительскую кооперацию в одной организации. Если хотите, здесь есть зародыш идеи интеграла. Вообще, нет, конечно, ничего вечного, ничего абсолютного в разных кооперативных теориях, все хорошо в свое время и на своем месте. Но у Ленина мы сплошь и рядом находим тяготение к интегралу. Мы видели его в проекте резолюции Копенгагенского конгресса, где говорится, что производственные рабочие товарищества должны организовываться при потребительских рабочих обществах. Мы видим это и здесь в идее «производственно- потребительских коммун».

Что же должны делать эти «производственно-потребительские коммуны» в деревне? Там они должны послужить организациями, которые об'единяют разрозненные производства крестьян, разрозненные хозяйства крестьян. Позже Ленин этому вопросу посвятил целый ряд своих речей. Поскольку дело касается крупной промышленности, задачи и методы действия пролетарской революции были ясны. В области крупной промышленности у пролетариата с капиталистами не длинный разговор: никакой компромисс тут не

возможен; тут борьба на жизнь или на смерть. Тут есть один метод—разогнать капиталистов, фабрики национализировать и передать соответствующим органам Советской власти. А что делать в деревне? Нельзя экспроприировать десятки миллионов крестьян, нельзя взять у них их мелкие хозяйства и передать их в руки государственной власти. Этим революция восстановит против государства все крестьянство. Крестьяне держатся за это мелкое хозяйство. Защищая свою собственность, они уйдут в лагерь контрреволюции. Начнется жестокая гражданская война крестьянства против стоящего у власти пролетариата. Тут нарушение завета Ленина—об'единения пролетариата с крестьянством. Эта гражданская война поведет к гибели всей революции. Поэтому Ленин был решительным противником всякого насилия в области сельского хозяйства. Ленин говорил, что только дурак может думать о насилии по отношению к крестьянству. Он говорил, что по отношению к крестьянству есть только один путь—это путь убеждения. Крестьянина надо убедить, что общественное хозяйство лучше, чем его мелкое хозяйство, и эту работу убеждения должны выполнить коммуны. Вот задача для коммун.

Теперь и этот вопрос о роли коммун кажется простым. Но он был не так прост еще недавно, в 1918 — 1919 г.г. В то время большинство русских коммунистов преувеличивало роль и значение сельско-хозяйственных коммун, и до сих пор многие из нас не окончательно освободились от этого пережитка. Роль и значение сельско-хозяйственных коммун видели, главным образом, в том, что они представляют собой кусочки коммунизма, вкрапленные в теперешнее общество, и предполагали, что, если эти кусочки коммунизма будут развиваться, и если по их примеру будут строиться другие коммуны, то, таким образом, мы осуществим коммунизм. В коммунах ценили степень их приближения к созданию коммунистического быта. Чем больше коммуна осуществляет это приближение к коммунистическому быту, тем лучше коммуна и тем более она заслуживает подражания. Ленин в своих статьях смотрел на это гораздо более трезво. Он коммуны ценил с другой точки зрения. Коммуна для него не выше артели. Коммуну он ценит, как неоднократно вы найдете в его статьях и речах, только, как образчик о б о б щ е с т в л е н и я производства («коллективная обработка земли»). Но обобществление производства производят не только коммуны, но и артели. Поэтому с этой точки зрения у Ленина артели и коммуны имеют совершенно одинаковую равноценность. Коммуны и артели должны стараться образцово по-

ставить свое хозяйство, чтобы служить примером для крестьян, чтобы показать им на практике, что только путем «коллективного земледелия, общественной обработки земли», крестьяне могут улучшить свое хозяйство, введя в него все те улучшения, которые позволяет современная техника. А для этого мы должны «приступить к громадной, трудной, но зато и благородной работе—организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и проч., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры как отталкивающие, так и привлекающие». «Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун». «Крестьянина нужно убеждать и убеждать практически». «При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем какой-нибудь производственной артели, неизбежно было до последней степени ограничено и только мелко-буржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении капитализма» влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации эксплоататоров, дело меняется в корне и согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами,—сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие».

Итак, не сами коммуны должны быть теми совершенными коммунистическими ячейками, из которых, по мере их роста, должно создаться в деревне социалистическое хозяйство. Социализм в деревне разовьется только как результат общего, медленного и постепенного под'ема крестьянского хозяйства, которое возможно только путем «коллективного земледелия, общественной обработки земли», коммуны же должны быть живыми, наглядными примерами хороших результатов и возможности этого коллективного земледелия.

Но для того, чтобы достигнуть хороших результатов, чтобы завоевать доверие крестьян, коммуны должны не свысока относиться к окружающим крестьянам, не глядеть на них сверху вниз. Они «должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы—учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей,—люди, которые бросились в деревню только потому, что они услышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать, когда такие люди считают себя во всем учителями крестьянства. Нет

ничего глупее, как самая мысль о насилиях в области хозяйственных отношений среднего крестьянства».

Я сказал выше, что в 1918—1919 г.г. многие коммунисты переоценивали роль и значение земледельческих коммун. У Ленина нет этого преувеличения. Правда, он очень часто употребляет слово коммуна, но он нигде не говорит о превосходстве коммуны над артелью, над тем, что обыкновенно называется сельско-хозяйственным производственным кооперативом.

Он везде ценит в коммуне не попытки установления коммунистического быта, а только попытки ее установить общественную сбработку земли, т.-е. то, что делает и артель.

Все эти мысли Ленина далеко не отжили свой век. Наоборот, они вполне живы и в настоящее время. Если читатель возьмет последнюю статью Ленина «О кооперации», написанную им в 1923 г., он, правда, не найдет в ней слова «коммуна», но найдет те же мысли, которые Ленин высказывал о коммунах в 1918—1919 годах. Самое внимательное и вдумчивое изучение мыслей Ленина о том, что он называл словом «коммуны», необходимо и в настоящее время для всякого, — не только для того, кто захочет уяснить себе не только роль и значение земледельческих коммун в эпоху военного коммунизма, но и для того, кто хочет понять задачи сельско-хозяйственной кооперации в настоящее время. Он должен будеть сделать только одну поправку: принять в расчет, что с переходом на новую экономическую политику возродилась возможность развития капитализма, и роль сельскохозяйственных кооперативов стала двоякой: с одной стороны, они остаются (как коммуны 1918—1919 годов) орудием социалистического строительства в деревне, средством обучения крестьянства на практике приемам общественной обработки земли, а с другой — как во времена капитализма — орудием в руках вновь нарождающейся в деревне мелкой буржуазии. Эти поправки, как увидим ниже, были внесены Лениным в его брошюре «О продовольственном налоге», появившейся летом 1921 года. Поэтому мысли, которые Ленин высказывал о коммунах в 1918—1919 годах, должны быть изучаемы не изолированно, а в связи с тем, что он говорил об артелях во время борьбы с народниками, а также и с тем, что он говорил по этому вопросу позже, в брошюре «О продовольственном налоге» и в статьях «О кооперации». Внимательное изучение всех этих статей покажет, что в противоречивых на первый взгляд мыслях Ленина нет никакого противоречия, а есть только стройное развитие мыслей, применительно к изменявшимся в разные

периоды жизненным условиям и к изменявшейся хозяйственной обстановке.

Мой доклад слишком затянулся, а потому я не буду останавливаться на тех речах и статьях Ленина, в которых он говорил и писал о роли и задачах потребительской кооперации в период военного коммунизма. Укажу только, что суровые условия гражданской войны и блокады, которые привели к страшному продовольственному кризису, заставили Советскую власть вступить на путь продовольственной разверстки. Частная торговля исчезла, и потребительская кооперация должна была стать подсобным органом Наркомпрода в деле распределения продуктов среди всего населения. Всякие самостоятельные функции кооперации в деле заготовки и товарообмена были отняты у нее. В своих речах и статьях Ленин настаивал на необходимости использовать кооперацию в качестве такого орудия. Но он никогда не вдавался в крайность: он всегда говорил о необходимости беречь кооперацию, как очень ценное наследство, доставшееся нам от капитализма, о необходимости использовать кооператоров, как специалистов своего дела. На IX с'езде РКП Ленин энергично выступил противником полного уничтожения кооперации, на котором настаивало сначала большинство делегатов с'езда, предлагавшее всецело подчинить кооперативные общества волисполкомам.

Когда обнаружилась необходимость перехода к НЭП'у, позиция Ленина по отношению к кооперации резко изменилась. В своем докладе по вопросу о продовольственном налоге Ленин предложил принять резолюцию о том, что с'езд уничтожает все свои прежние резолюции по отношению к кооперации и пока оставляет пустое место. Он говорил:

«Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, чтобы потом поделиться с нами, и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собранный опыт учтут. Чтобы итти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры».

Вы видите, что Ленин уже предвидел наступление нового периода, он понимал, что все то, что было сделано в период военного коммунизма, уже не годится. Но еще не ясно, как надо построить кооперацию по-новому, и потому лучше оставить пустое место, чем написать что-нибудь неподходящее. Мало того, он предостерегает:

«10 раз проверьте, ничего не ломайте, хорошенько просмотрите, испытайте то, испытайте другое, и только потом мы увидим, что нам нужно писать на этом пустом месте».

Вскоре после X с'езда появляется брошюра Ленина «О продовольственном налоге». В этой брошюре Ленин говорит исключительно о производственной кооперации; он ничего не говорит в ней о потребительской кооперации.

В этой брошюре он пишет:

«Кооперация мелких производителей, — о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающей, о типичной в мелко-буржуазной стране, — неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду».

Как будто бы старая речь, как будто бы то, что мы слышали в период борьбы с народниками, и чего не слышали в период военного коммунизма. Теперь Ленин изменяет свою позицию по отношению к кооперации, потому что условия изменились, потому что появилась возможность товарообмена, которой не было во времена военного коммунизма.

Ленин говорит: «Кооперация мелких производителей неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость, обмена. Свобода и права кооперации при данных условиях России означают свободу и права капитализма. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением».

Здесь Ленин возвращается к своим прежним мыслям о кооперации, которые он выставлял в период борьбы с народниками.

Но из этого не следует, что он целиком возвращается к прежним мыслям. В период борьбы с народниками было господство буржуазии; тогда власть была в руках буржуазии и помещиков, а теперь власть в руках трудящихся, теперь страна наша стала социалистической. Поэтому, хотя кооперация в настоящее время, в условиях новой экономической политики, до известной степени приобретает прежний дореволюционный характер, тем не менее, кооперация имеет и другой характер. Кооперация является в настоящее время полезной организацией, ибо она дает возможность вести борьбу с частными торговцами. «Кооперация облегчает об'единение миллионов населения, а затем и всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, имеет гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму», пишет Ленин. «Кооперативная политика, — продолжает он,—в случае успеха дает нам под'ем мелкого хозяйства и облегчает его переход в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения», т.-е., другими словами, переход к социализму. По мысли Ленина, кооперация имеет при НЭП'е двойственный характер. С одной стороны, она могла, может и будет способствовать развитию капитализма в деревне, а с другой стороны, она является орудием социалистического строя; от нас зависит придать кооперации ту или иную организацию, которая вела бы ее к той цели, которая нам нужна, а не к той, которая для нас вредна. От организации кооперации в этом отношении очень много зависит.

Наконец, последняя брошюра Ленина о кооперации. Это его статья о кооперации, написанная в период болезни—последняя из написанных и опубликованных при его жизни. Эта статья всем хорошо известна; я ее излагать не буду. Вероятно, вы все ее читали, и я не хочу тратить времени, ибо доклад мой и без того слишком затянулся. Но если вы припомните содержание этой статьи, о которой так много говорилось, которую все старательно читают, вы увидите, что ничего нового Ленин в ней не говорит сверх того, что он говорил и писал раньше. Он только в более популярной, в более стройной форме излагает все то, что он говорил по поводу коммун и в брошюре о продналоге и т. д.

Я охарактеризовал вам если не все, то главнейшие из мыслей, которые Ленин в разные времена высказывал о кооперации. Все видели, что во всем, что он говорил и писал о кооперации, нет никакой твердой, определенной, раз навсегда данной теории кооперации. Кооперация для Ленина — одна из форм организации трудящихся. Размер пользы, которую может приносить эта организация, не остается неизменным. Он меняется в зависимости от условий общественной жизни. Меняется роль, которую кооперация может играть в разные эпохи. Меняются и принципы ее организации.

Для Ленина кооперация не самодовлеющая цель, а только одно из средств, одно из орудий трудящихся в борьбе за их освобождение. Кооперация должна всецело служить этой борьбе. И вся политика Ленина по отношению к кооперации есть стремление использовать кооперацию возможно лучше и полнее, как орудие пролетариата в его освободительной борьбе, а позже, как орудие социалистического строительства.

Когда вы смотрите на шахматную игру хорошего игрока, вы видите, как он преодолевает различные затруднения; вы учитесь на его игре. Точно так же вы можете учиться быть хорошим тактиком, изучая, как Ленин применял свою тактику. С этой точки зрения изучение эволюции взглядов Ленина на кооперацию является делом чрезвычайно важным, интересным и полезным не только для всякого кооператора, но и вообще для всякого коммуниста.

I.—СТАТЬИ.

Основной закон социалистического накопления [1]).

Не будет преувеличением сказать, что самым интересным, животрепещущим, самым волнующим вопросом после Октябрьского переворота 1917 г. и военной победы революции является для всех наших и практиков и теоретиков вопрос о том, что из себя представляет советская система хозяйства, в каком направлении она развивается, каковы основные законы развития этой системы, наконец, в каком отношении этот первый опыт хозяйства, выходящего в своих головных звеньях за пределы капитализма, находится к нашим старым и обычным представлениям о социализме. Последний вопрос, впрочем, правильней поставить так: как должны выглядеть теперь, через семь лет диктатуры пролетариата в огромной стране, наши прежние представления о социализме.

Ни одна экономическая формация не может развиваться в чистом виде, на основе только тех имманентных законов, которые присущи данной формации. Это противоречило бы самой идее развития. Развитие какой-либо экономической формы означает вытеснение ею других экономических форм, их подчинение новой, их постепенное исчезновение. При таких условиях диагональ параллелограмма сил, действующих в области экономики, никогда не может пролегать по линии внутренних законов господствующей формы, а всегда будет отклоняться от этой линии под влиянием противодействующих сил. А эти противодействующие силы, т.-е. силы других экономических форм, включенных в данную систему хозяйства,

[1]) Настоящая статья представляет из себя отдельную главу из 1-й части подготовляемой автором к печати книги «Новая экономика», в которой будет сделана попытка теоретического анализа хозяйства С. С. С. Р.

складываются по линии им свойственных законов развития. Эти законы развития старых форм превращаются теперь просто в законы противодействия новой форме.

Но анализ системы хозяйства, где действуют минимум два основных закона, крайне затрудняется в том случае, когда исторически прогрессивной формой является не та, которая уже господствует в экономике, а та, которая лишь превращается в господствующую. А так именно обстоит дело в нашей советской системе хозяйства. Затруднение, как это будет более подробно развито впоследствии, возникает здесь при анализе роли третьей экономической силы. В данном случае дело идет о мелком производстве. Во время гражданской войны кадры социализма, т.-е. рабочий класс и деревенская беднота, вели борьбу за массы среднего крестьянства с кадрами капитализма, т.-е. буржуазно-помещичьими, кулацкими, чиновничьими элементами. В этой борьбе среднее крестьянство, постоянно колеблясь, в общем стало на сторону рабочего класса. Теперь эта борьба перенесена в область экономики. Мелкое производство служит одинаково питательной базой как для капиталистического, так и для социалистического накопления. Вопрос о том, будет ли разлагающееся мелкое производство трансформироваться преимущественно в капиталистическом направлении, выделяя наемных рабочих на одной стороне, кулацкое хозяйство—на другой, или оно будет превращаться все более в периферию государственного хозяйства, — этот вопрос имеет огромное значение для судеб социализма в крестьянской стране. В первом случае не только темп развития будет медленней, но и методы борьбы социалистической формы с капиталистической будут иными; наконец, вся структура хозяйства будет иметь значительно иной вид. Я не говорю уже о важнейших политических последствиях, которые будут неизбежно связаны с движением вперед по этому варианту.

Это затруднение в области теоретического анализа тенденций развития советского хозяйства не является единственным. Есть скептики, которые вообще считают безнадежной попытку теоретического анализа советского хозяйства, поскольку это хозяйство существует только семь лет и, следовательно, не может дать достаточного конкретного материала для теоретических обобщений. В числе доказательств фигурируют часто и ссылки на «Экономику переходного периода» тов. Бухарина, которая-де была и осталась лишь теорией красногвардейского периода социальной революции и об'ективно не могла быть ничем иным. Приводится с другой стороны пример с «Капиталом» Маркса, который мог возникнуть лишь после

того, как современный капитализм существовал многие десятилетия, а товарное хозяйство — столетия.

Я считаю совершенно бесплодным занятием отвлекать часть страниц этого труда на формальное доказательство того, что теоретический анализ советского хозяйства возможен. Это значит отвлекать эти страницы от настоящего доказательства, каким должен явиться самый анализ советской системы хозяйства. Поэтому я прямо перехожу к сути дела.

Для понимания теперешней фазы развития советского хозяйства чрезвычайно полезно провести систематическое сравнение начальных шагов социализма с первыми шагами капиталистического способа производства. Это сравнение является до крайности поучительным и весьма облегчает весь наш анализ. И сходство, и различие — а различий несравненно больше, чем сходства — одинаково хорошо оттеняют особенности советской системы хозяйства.

Начнем с самого важного различия, которое обусловливает ряд других отличий.

Капиталистическое производство возникает и развивается в недрах феодального, или наполовину разложенного товарным хозяйством феодального общества за многие десятилетия до буржуазных революций. Это целиком относится к развитию торгового капитала, как необходимой предварительной стадии капиталистического производства. Это относится к первым шагам мануфактуры в Англии, и к первым шагам капиталистической машинной индустрии на континенте. Капитализм мог пробежать свой период первоначального накопления еще в период господства абсолютизма в политике, простого товарного производства и феодально-крепостнических отношений в области хозяйства.

Буржуазные революции начинаются после того, как капитализм проделал значительную работу по постройке своей системы в области экономики. Буржуазная революция является лишь эпизодом в процессе буржуазного развития, которое началось задолго до нее и продолжается с большей быстротой после нее. Наоборот, социалистическая система ведет свою хронологию с захвата власти пролетариатом. Это вытекает из самого существа социалистического хозяйства, как единого комплекса, который не может по крупинкам строиться в недрах капитализма. Если торговый капитал мог развиваться в порах феодального общества, если первые капиталистические предприятия могли функционировать, не вступая в непримиримое противоречие с существующим политическим строем и формами собственности и наоборот, как увидим ниже, питались их соками, то комплекс госу-

дарственного социалистического производства может появиться лишь в результате прорыва старой системы по всему фронту, лишь в результате социальной революции. Этот факт имеет колоссальное значение для понимания не только генезиса социализма, но и всего последующего социалистического строительства. Наоборот, недостаточное понимание или забвение самого существа того, что есть социализм, не раз приводило и приводит ряд товарищей к чисто обывательским, а иногда прямо реформистским представлениям о советском хозяйстве и путях его развития.

Для того, чтобы могло начаться капиталистическое накопление, были необходимы следующие предпосылки: 1) предварительная аккумуляция капитала в отдельных руках, достаточная для применения более высокой техники или более высокой ступени разделения труда при той же технике; 2) наличие кадра наемных рабочих; 3) достаточное развитие системы товарного хозяйства вообще, как базы для товарно-капиталистического производства и накопления.

Относительно первого из этих условий Маркс говорит: «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым, капиталистическим видом производства, или специфически капиталистическим способом производства. Таким образом мы должны предположить наличность такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать п е р в о н а ч а л ь н ы м н а к о п л е н и е м, потому что оно — не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт» («Капитал», т. I, ч. I, стр. 640, пер. Степанова).

Спрашивается, как же обстоит дело в этом отношении с первоначальным социалистическим накоплением? Имеет ли социализм свою пред'историю? Если имеет, когда она начинается?

Как мы уже видели, первоначальное капиталистическое накопление могло происходить на базе феодализма, тогда как первоначальное социалистическое накопление не может происходить на базе капитализма. Следовательно, если социализм имеет свою пред'историю, то она может начинаться только после завоевания власти пролетариатом. Национализация крупной промышленности и есть такой

первый акт социалистического накопления, т.-е. акт, который сосредоточивает в руках государства минимально-необходимые ресурсы для организации социалистического руководства промышленностью. Но здесь мы тотчас же сталкиваемся с другой стороной вопроса. Социализируя крупное производство, пролетарское государство одним только актом этой социализации меняет лишь систему собственности на орудия производства: оно приспособляет систему собственности к своим будущим шагам в деле социалистической перестройки всего хозяйства. Иными словами, путем революции рабочий класс приобретает лишь то, что капитализм имел в лице института частной собственности без всяких революций уже на базе феодализма [1]). Первоначальное же социалистическое накопление, как период создания материальных предпосылок для социалистического производства в собственном смысле этого слова, должно только начинаться захватом власти и национализацией. В самом деле. Капиталистическое накопление есть накопление на основе производства, экономически и технически отличного от ремесла. Капиталистическая мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом лишь постольку, поскольку она экономически оказалась выше его, поскольку применявшаяся на ней система разделения труда и другие преимущества крупного производства над мелким давали возможность изготовлять единицу продукта в мануфактуре с меньшими затратами, чем в ремесле. Но организация мануфактуры, постройка здания, запасы сырья, затрата переменного капитала на время процесса обращения — все это в условиях отсутствия современной системы кредитования промышленности — требовало наличия значительных ресурсов, созданных не в мануфактуре, а до мануфактуры, созданных в мелком производстве и награбленных с мелкого производства торговым капиталом. Еще в большей степени нужен предварительно накопленный капитал для начала функционирования крупной машинной индустрии. Следовательно, чтобы капиталистическое производство м о г л о показать свое преимущество над ремесленным, в техническом и экономическом смысле, необходим был период длительного грабежа мелкого производства.

Точно так же и социалистическое накопление в подлинном смысле этого слова, т.-е. накопление на технико-экономической базе социалистического хозяйства, уже развертывающего все е м у свой-

---

[1]) Я не говорю здесь об ограничениях института частной собственности в период феодализма. В основе частная собственность тогда существовала, несмотря на эти нарушения.

ственные черты и ему лишь свойственные преимущества, может начаться лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления. Как для функционирования мануфактур, а тем более фабрик с машинной техникой, нужен известный минимум предварительно скопленных средств в форме натуральных элементов производства, так необходим некоторый минимум для того, чтобы комплекс государственного хозяйства мог развить все свои экономические преимущества с одной стороны, мог бы подвести под себя новую техническую базу.

Здесь мы сразу наталкиваемся еще на одно крайне важное принципиальное конструктивное различие между капитализмом и социализмом, к которому мы еще вернемся при анализе условий конкуренции между социалистической и капиталистической формами хозяйства. Чтобы мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом, для этого совсем не требуется организации огромного количества мануфактур сразу. Одна, две, пять мануфактур уже могут показать свое преимущество над ремеслом и бить его в конкурентной борьбе. Следовательно, и размеры первоначально накопленного капитала в сравнении с масштабом всего национального хозяйства, взятого в целом, могли быть совсем невелики. Несколько предприятий, составлявших головную ударную группу на хозяйственном фронте и представлявших новую экономику, могли начать поступательное движение, не дожидаясь, чтобы весь переход был массовым и одновременным. И хотя конкретно, исторически за период развития торгового капитала, первоначальное накопление продвинулось так далеко, что к моменту организации мануфактур не было резкого недостатка в свободных капиталах, тем не менее все движение здесь носило неорганизованный, стихийный характер. Такой метод продвижения вперед новой формы делал возможным в дальнейшем и экспорт капитала. Капиталистические предприятия могли возникать в мелко-буржуазных странах, где не было ни технических, ни экономических предпосылок для нового способа производства, либо все это было в потенции и требовался внешний толчок со стороны прогрессивного иностранного капитала [1]).

Наоборот, никакое частичное и незначительное по размерам социалистическое накопление не способно решить основную проблему

[1]) Ниже мы увидим, что если сама структура капитализма и метод подчинения ему мелкого производства делают возможным экспорт капитала, то социалистическая форма может распространяться, лишь экспортируя пролетарские революции.

социалистической организации хозяйства. В частности, поскольку дело идет о хозяйстве Советского союза, то здесь необходимо: 1) накопление, которое делает возможным для государственного хозяйства достигнуть современной капиталистической техники там, где невозможен переход постепенно на базу новой техники; 2) накопление, которое делает возможным изменение технической базы государственного хозяйства и научную организацию труда и управления во всем комплексе государственного хозяйства; 3) накопление, которое обеспечивает продвижение вперед для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная независимость в движении всего комплекса делает совершенно невозможным разрозненное продвижение по методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции. Таким образом мы устанавливаем, что национализацией того, что было накоплено капитализмом, не только не заканчивается период первоначального социалистического накопления, а наоборот. Период такого накопления может только развертываться после завоевания власти пролетариатом и после первого акта накопления — социализации важнейших отраслей хозяйства. Но если дело обстоит так, то можно ли вообще, правильно ли вообще говорить о первоначальном социалистическом накоплении [1]) по аналогии с первоначальным капиталистическим накоплением? Ведь последнее начиналось до капиталистического производства, тогда как первое должно происходить одновременно с началом перехода к социалистическому производству и одновременно с накоплением в самом социалистическом комплексе? Мы полагаем, что этот термин можно сохранить в условном смысле, потому что хотя первоначальное социалистическое накопление хронологически переплетается с социалистическим производством и отчасти с социалистическим накоплением, на производственной основе, тем не менее экономическая сущность этого процесса по отношению к социалистическому производству такова же, как и первоначального капиталистического накопления по отношению к капиталистическому производству [2]). А если бы даже этот термин был признан

[1]) Термин «первоначальное социалистическое накопление» принадлежит одному из виднейших наших экономистов, не имеющему, к сожалению, привычки писать свои экономические работы, В. М. Смирнову.

[2]) Не надо также забывать что хотя первоначальное капиталистическое накопление на основе торгового капитализма предшествует капиталистическому производству, однако, весь период первоначального накопления обнимает также и первый период развития капиталистической промышленности.

неудачным, то его надо было бы тотчас заменить другим, потому что материальная сущность того, что он обозначает, не перестает существовать. Наоборот, различение первоначального социалистического накопления от собственно социалистического накопления имеет огромное принципиальное значение. Ниже мы увидим, что это различение имеет огромное значение для нашей экономической политики точно так же, как смешение этих двух процессов влечет за собой грубейшие ошибки в области практического руководства хозяйством.

Социалистическим накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления. Этот период имеет свои особенные черты и свои особенные законы. Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз и является закон первоначального или предварительного социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической жизни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости и все законы товарного и товарно-капиталистического хозяйства, поскольку они проявляются и могут проявиться в нашей системе хозяйства. Следовательно, мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не

сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон социалистического накопления.

Рассмотрим теперь систематически основные методы первоначального капиталистического накопления и сравним их, поскольку это только возможно, с аналогичными или близкими к ним методами и процессами первоначального социалистического накопления. Мы будем брать для сравнения не только период, предшествовавший капиталистическому производству, но и эпоху первых шагов капиталистического производства, потому что первоначальное накопление, как накопление вне круга капиталистического производства, продолжалось и после возникновения капиталистических предприятий, принимая самые различные формы.

Начнем с грабежа некапиталистических форм хозяйства. В сущности весь период существования торгового капитала с того момента, когда работа ремесленника на заказчика и на локальный рынок сменилась работой на отдаленные рынки и когда скупщик стал необходимым агентом производства, можно рассматривать как период первоначального накопления, как период систематического грабежа мелкого производства.

Другой формой грабежа, имевшей огромное значение, была колониальная политика стран мировой торговли. Мы пока имеем здесь в виду не такой грабеж, который связан с обменом меньшего количества труда на большее на основе «нормальной» торговли, а грабеж в форме налогов на туземцев, лишение их имущества, скота, земель, запасов драгоценных металлов, обращение побежденных в рабство, бесконечно разнообразные системы грубейшего обмана и т. д. Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Ограбление мелкого крестьянского производства в интересах первоначального накопления принимало самые различные формы. Знаменитое «огораживание», которому посвятил столько блестящих страниц Маркс в первом томе «Капитала», не было типичным методом первоначального накопления для всех стран. Наиболее же типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньёрами и раздел награбленного с торговым капиталом, во-первых, и налоговое обложение крестьянства государством с передачей части этих средств капиталу, во-вторых. Когда помещичье хозяйство стало превращаться из чисто натурального в денежное или полунатуральное, когда помещики получили вследствие роста торговли и благодаря росту

своих потребностей стимул к увеличению поборов с крестьян, они вступили в определенного рода бессознательную кооперацию с торговым капиталом. Все, что грабилось в деревне, за вычетом потребляемого на месте, продавалось купцам. В свою очередь купцы доставляли помещикам продукты городского или иностранного производства, служившие для удовлетворения их растущих и более рафинированных потребностей. Торговый капитал продавал эти продукты с прибылью в 100% и более. Он давал затем прогоравшим дворянам займы под ростовщические проценты. В результате феодалы являлись в известном смысле в этот период агентами торгового капитала, передаточным насосом в деле ограбления мелкого производства деревни в интересах первоначального капиталистического накопления. Будучи «высшим классом» по сравнению с третьим сословием в правовом отношении, они экономически кооперировали с купцами, взяв себе не высшую, а, наоборот, низшую ступень в деле выколачивания средств из крестьянства.

Другая форма грабежа мелкого производства — это государственные налоги. Из налоговых источников абсолютистские государства поощряли развитие мануфактур, выдавали субсидии купцам, делавшимся промышленниками, или дворянам, превратившимся в фабрикантов. Эта поддержка особенно оказывалась мануфактурам, так или иначе обслуживавшим снаряжение армии: суконные фабрики, оружейные заводы, металлургические предприятия и т. д. Такая же перекачка средств из каналов мелкого производства через государственный аппарат в крупную, особенно тяжелую промышленность, происходит и в гораздо более поздний период.

О роли государства, в частности, о роли государственного насилия в период первоначального накопления Маркс писал:

«Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» («Капитал», т. I, ч. I, стр. 775, пер. Степанова).

Это насилие играло огромную роль и при формировании национальных государств, как арены деятельности торгового капитала. Вспомните только глубокий и полный конкретной исторической правды классовый анализ, которому подвергает М. Н. Покровский политику Московских царей, чтобы воскресить в памяти эти страницы из рассматриваемого периода. Завоевание необходимой территории, торговых путей и т. д. это также не что иное, как звено в цепи первоначального капиталистического накопления, потому что без накопления необходимых территориальных предпосылок развитие торгового капитала и переход его в капитал промышленный не могут развиваться успешно. С этой точки зрения крестьянин платил дань молоху первоначального накопления не только тогда, когда через руки сеньёра передавал часть своего оброка купцу, не только тогда, когда через государство передавал часть податей мануфактуристу, но и в том случае, когда отдавал кости своих сыновей на прокладку новых торговых путей и на завоевание новых стран.

Важную роль в процессе первоначального накопления играет система государственных займов, при которой в форме процента происходит перекачка части ежегодного дохода мелких производителей в руки капиталистов — кредиторов, заключающего заем государства. В связи с этим Маркс говорит:

«Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали, кроме того, акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, агиотаж, — одним словом, биржевую игру и современную банкократию» (господство банков) («Капитал», т. I, ч. I, стр. 779).

Остановимся пока на перечисленных нами только что методах первоначального накопления, основанных, главным образом, на грабеже мелкого производства и на внеэкономическом давлении на него,

и посмотрим, как обстоит здесь дело в период первоначального социалистического накопления.

Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное об'единение, принципиально отвергает все насильственные методы капитала в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

Совсем иначе обстоит дело с эксплоатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение несоциалистических форм не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский союз. На этом пункте мы должны остановиться достаточно подробно.

Из предыдущего мы видели, что капиталистическое производство могло начать функционировать и далее развиваться, лишь опираясь на ресурсы, получавшиеся от мелкого производства. Переход общества от мелкобуржуазной системы производства к капиталистической не мог бы совершиться без предварительного накопления за счет мелкого производства, а в дальнейшем происходил бы черепашьим шагом, если бы добавочное накопление за счет мелкого производства не протекало рядом с капиталистическим накоплением за счет эксплоатации рабочей силы пролетариата. Самый же переход предполагает, как систему, такой обмен ценностей между крупным и мелким производством, при котором мелкое производство больше дает крупному, чем от него получает. В период социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без эксплоатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни и ремесла, наконец, без вычетов из капиталистического накопления в пользу накопления социалистического. Мы не знаем, насколько разоренными выйдут из гражданской войны другие страны, в которых победит диктатура пролетариата. Но такая страна как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства. Не надо забывать, что период первоначального социалистического накопления является самым критическим периодом в жизни социалистического государства после окончания гражданской войны. В этот период социалистическая система не в состоянии еще развить всех органически свойственных ей

преимуществ, но она в то же время ликвидирует неизбежно ряд экономических преимуществ, свойственных развитой капиталистической системе. Пробежать быстрей этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом — это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере, так стоит вопрос сейчас для СССР и так он будет стоять известное время для ряда европейских стран, в которых победит пролетариат. При таких условиях рассчитывать только на накопление внутри социалистического круга — значит рисковать самим существованием социалистической экономики, либо продлить до бесконечности период предварительного накопления, что, впрочем, не зависит от доброй воли пролетариата. Ниже мы приведем числовые расчеты относительно того, как долго пришлось бы ждать нам восстановления нашей промышленности даже в довоенных размерах, если бы мы опирались в этом только на прибавочный продукт самой промышленности. Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелко-буржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелко-буржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелко-буржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны.

Другим источником социалистического накопления может быть обложение частно-капиталистической прибыли, т.-е. систематические вычеты из капиталистического накопления. Природа этого рода ресурсов может быть разной, но, разумеется, в последнем счете и здесь дело идет о накоплении за счет труда, с одной стороны, рабочих, с другой—крестьян. Когда государство берет большие налоги с частно-капиталистических предприятий, оно возвращает в фонд социалистического накопления часть той прибавочной стоимости, которая была бы получена в качестве прибавочного продукта государством, если бы оно само при прочих равных условиях руководило данными предприятиями. Здесь капиталисты выступают по отношению к социалистическому государству в такой же роли, в какой феодальные помещики выступали по отношению к рыцарям первоначального накопления. Точно так же и обложение класса сельских кулаков, пользующихся наемным трудом, означает в конечном счете накопление за счет батрацкого труда деревни. Наоборот,

поскольку социалистическое государство облагает торговцев, скупщиков, капиталистов и кулаков, получающих отчасти свои доходы также и от крестьянства, ведущего самостоятельное хозяйство. мы будем иметь здесь и накопление за счет крестьянского хозяйства, при чем, как и раньше, указанные персонажи будут представлять из себя, с одной стороны, аккумуляторов капиталистического накопления, с другой стороны — передаточную инстанцию на одном из полюсов социалистического накопления.

Что касается государственных займов, служивших весьма важным каналом первоначального капиталистического накопления, то в период социалистического накопления роль их иная. Здесь надо различать две принципиально различные системы займов. Наши полупринудительные займы, в роде первого и второго выигрышного займов, надо отнести скорее к системе накопления из налоговых источников, т.-е. к накоплению посредством методов внеэкономического давления. Совсем иначе обстоит дело с кредитными операциями типа нормальных займов, практикующихся при буржуазной системе. Такие займы, допустим, заем у английских капиталистов на 30 лет из 7%, нельзя отнести прямо к источникам социалистического накопления, потому что советское государство будет платить проценты по займу из своих доходов и тем явится само передаточной инстанцией капиталистического накопления и капиталистической эксплоатации трудящихся масс Союза со стороны иностранной буржуазии. А с другой стороны эти займы могут служить сильнейшим стимулом к социалистическому накоплению, давая в результате в фонд социалистического накопления больший процент, чем они дают в фонд накопления капиталистического. Этого типа займов мы коснемся в другой связи при анализе экономического значения внешних займов и концессии при товарно-социалистической системе хозяйства.

Прежде чем мы перейдем к формам первоначального накопления на экономической основе, мы должны еще упомянуть о таком источнике государственного дохода, а тем самым при советской системе источнике первоначального накопления, который правильней причислить к налогам, но который внешне, формально к ним обыкновенно не относился в теоретической экономической литературе. Я говорю об эмиссии денежных знаков. В своих брошюрах «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» и «Причины падения курса нашего рубля», я показал, что эмиссия при системе падающей валюты есть один из видов налога, каковая идея нашла теперь общее признание. Более подробно на эту тему будет сказано в главе,

посвященной общей теории падающей валюты. Здесь же нужно лишь констатировать, что эмиссия является также одним из методов первоначального накопления. Что касается соответствующего периода в истории буржуазной системы хозяйства, то там эмиссия не играла роли вспомогательного фактора капиталистического накопления. Порча монеты, которой занимались феодальные князья и наши цари, выпуски бумажных денег в последующий период представляли из себя налоги государства на все население, в том числе в особенности на денежные капиталы буржуазии. Когда же государство является одновременно и органом управления страной и хозяином огромнейшего экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления. Это накопление происходит или за счет доходов мелкобуржуазных и капиталистических элементов, либо за счет сокращения заработной платы государственных рабочих и служащих Насколько солиден этот источник, видно из того, что со времени организации советской власти эмиссионный доход, включая потери самого государства, равнялся сумме около 1.800 миллионов рублей золотом. Эмиссия служила важнейшим финансовым ресурсом также и для советской власти Венгрии за время ее четырехмесячного существования.

Переходим теперь к методам первоначального накопления, которые приводят к аккумуляции капитала экономическими путями. Здесь нужно различать накопление, которое получается от обмена фонда заработной платы на полный продукт труда рабочего, с одной стороны, т.-е. накопление в самом производстве за счет прибавочной стоимости занятого в предприятиях пролетариата и, с другой стороны, обмен меньшего количества труда одной системы хозяйства или одной страны на большее количество труда другой системы хозяйства или другой страны.

Рассмотрим, как и раньше, методы первоначального накопления на экономической основе сначала для периода капиталистического способа производства.

Начнем со второго нашего подразделения, т.-е. с того, что мы теперь в нашем хозяйстве называем политикой цен. На эту тему в III томе «Капитала» мы находим следующее очень важное место. недостаточно использованное в марксистской экономической литературе для теоретического анализа как колониальной эксплоатации, так и эксплоатации капитализмом докапиталистических форм производства вообще.

«Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта раз-

ница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присвоивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных естественных условиях может итти рука об руку с низкими товарными ценами» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 219, пер. Степанова).

Если мы возьмем какую-либо капиталистическую страну Европы, например, Англию, и, с другой стороны, возьмем ряд ее колоний или полуколониальных стран, связанных с Англией торговыми отношениями, то при стоимостном анализе того, что Англия вывозит в колонии, и того, что она ввозит из них, всегда можно установить неравенство затрат труда на массы товаров, обмениваемых как эквиваленты. Наиболее ярким и грубым примером этого может служить обмен золотых украшений дикаря на кусок красной материи, привезенной купцом из Европы. Но и при «нормальной» торговле с колониями отмеченное Марксом явление продолжает существовать, потому что страна с низкой техникой затрачивает на единицу товара в среднем больше труда, чем страна с более высокой техникой. С этим же связан более низкий уровень жизни работающего населения и в том числе и жизненный уровень и уровень заработной платы рабочих в колониях или экономически отсталых странах. При одинаковой технике предприятие той же отрасли в колонии будет иметь добавочную прибыль в сравнении с аналогичным предприятием в метрополии. Это сплошь да рядом наблюдается при прочих равных условиях, и это возможно только потому, что на основании закона стоимости, регулирующего цены внутри данной страны, цена рабочей силы оказывается ниже, чем в метрополии, по всему фронту труда, вследствие чего страна с более высокой техникой, более высокой заработной платой и в то же время более низкими ценами оказывается в более благоприятных условиях обмена, чем страна с низкой техникой, низкой заработной платой и более высокими ценами. Более высокая прибыль на капитал, инвестируемый в колониях, основана на использовании этой основной разницы в положении колоний и метрополий. С этой точки зрения, добавочная прибыль на капитал, вложенный в колониях, есть, в сущности, прибыль, возникающая на переходе от одной системы техники к другой, от одной системы хозяйства к другой более высокой. Эта прибыль принципиально ничем не отличается от той добавочной прибыли, которую получает капиталист, впервые вводящий в данном производстве новую машину, сразу уменьшающую издержки производства. Но так как капитал есть вообще движение, так как переход от одной

системы техники к другой, от одних экономических формаций к другим (например, от докапиталистических к капиталистическим) никогда не прекращается, то и эксплоатация этого перехода «известным классом» является не случайностью, а постоянным явлением в течение всего периода капиталистического развития. Этот налог, который накладывает капиталистический класс на экономическое развитие общества, платят как мелкобуржуазные производители метрополии, так и колониальные и полуколониальные страны, взятые со всем их хозяйством в целом. Нас интересует в данном случае лишь период начала капиталистического развития. Он имеет свои особенности, сближающие его несколько с периодом монополистского капитализма. Мы должны различать три периода в истории эксплоатации капитализмом докапиталистических форм на экономической основе. Период свободной конкуренции, но фактической монополии молодого капитализма, поскольку первые предприятия, созданные капиталом, использовали уровень цен, созданный на базе ремесленного производства отнюдь не в обстановке широкой конкуренции. Большие капиталы—и тем более капиталистические предприятия—сами по себе были монополией в руках немногих. То же относится к торговому капиталу; поскольку недостаток капиталов, величина рисков, а следовательно, страховых надбавок, наконец, наличие возникших в этих условиях монопольных организаций внешней торговли, как Ост-Индская компания, делали колониальную эксплоатацию на основе обмена также монополией очень небольших групп капиталистов. За этим периодом следует период свободы конкуренции. Он не уничтожает той формы эксплоатации мелкого производства и тех методов накопления, о которых идет здесь речь, но вводит их в определенные рамки, в условия известного равновесия. Наконец, третий период—это период монополистского капитализма. В этот период, благодаря созданию системы национально-капиталистических организмов, отгороженных таможенным барьером от иностранной конкуренции, эксплоатация мелких производителей внутри страны на основе монопольных цен трестов снова увеличивается и снова, как и в период первоначального накопления, делается привилегией узкой группы капиталистических акул. Что же касается соответствующей эксплоатации колоний, то, с одной стороны, мы видим здесь тенденцию со стороны каждой крупной капиталистической колониальной державы распространить монополизацию внутреннего рынка на колонии и защищать это право вооруженным путем. С другой стороны, благодаря экспорту капитала в колонии добавочная прибыль от колонии все больше прини-

мает форму добавочной прибыли от предприятия с той же техникой, но с более низкой заработной платой. Это ведет к постепенной смене одного вида эксплоатации другим, это ведет вместе с тем к известному выравниванию условий колониального хозяйства в сравнении с метрополиями, что как раз усиливает тенденцию к закреплению за отдельными капитализмами их внутреннего рынка, который должен дать для усиленного накопления то, что теряется от развития индустрии в колониях. Ниже мы вернемся еще к вопросу о том, какую огромную роль имеет для понимания закона социалистического накопления тот факт, что социализм возникает исторически на базе монополистического капитализма, а не капитализма эпохи свободной конкуренции. Здесь же нам надо лишь отметить, что первоначальное капиталистическое накопление базировалось не только на эксплоатации мелкого производства налоговым путем, не только на основе его феодальной эксплоатации, бывшей лишь ступенью капиталистического накопления, но и было замаскировано системой рыночного обмена quasi-эквивалентов, за которой скрывался обмен меньшего количества труда на большее. В этом случае крестьянин и ремесленник эксплоатируются капиталом отчасти так же, как эксплоатируются рабочие, получающие в виде заработной платы, в виде рыночной цены своей рабочей силы лишь часть продукта своего труда.

После этой исторической экскурсии в область первоначального капиталистического накопления обратимся к анализу соответствующих моментов из периода предварительного социалистического накопления.

Разница с периодом первоначального капиталистического накопления заключается здесь, во-первых, в том, что социалистическое накопление должно происходить не только за счет прибавочного продукта мелкого производства, но и за счет прибавочной стоимости капиталистических форм хозяйства. Во-вторых, разница здесь обусловлена тем, что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на спине монополистического капитализма, и следовательно, располагает такими средствами регулирования всего хозяйства и такими методами перераспределения национального дохода экономическим путем, какие были недоступны капитализму на заре его развития.

Начнем с железнодорожных тарифов. Этот могучий рычаг регулировки хозяйства, целиком находящийся в руках государства СССР, использован крайне мало в интересах этого регулирования и совсем не использован в качестве орудия первоначального накопления. Система льготных тарифов для некоторых перевозок (уголь, нефть, соль) является пока скорее способом перераспределения государственных средств, чем косвенным обложением несоциалистического круга хозяйства. Точно так же ничтожно малое значение имеют пока те немногие льготы, которыми пользуются государственные и кооперативные отправители, по сравнению с частными. Использование этого рычага первоначального накопления — целиком еще музыка будущего. Лишь тогда, когда транспорт из убыточного превратится в прибыльный, возможно будет соответствующей постройкой ж.-д. тарифов, исходящей из различения государственных и частных грузов, осуществить систематическое обложение частных производителей и торговцев, и срезать с этого конца часть прибыли частного капитала. Нечего доказывать при этом, что все это будет одним из тех ударов по закону стоимости, которые делают экономику периода социалистического накопления эпохой постепенного изменения, ограничения и частью ликвидации этого закона.

Вторым могучим рычагом первоначального накопления является монополия банковской системы. В период первоначального капиталистического накопления ростовщический кредит является средством перераспределения национального дохода из рук феодалов в руки нарождающейся и крепнущей буржуазии. Что же касается кредита, как орудия мобилизации свободных средств общества и распределения их по каналам расширенного воспроизводства, то тогда эта форма кредита или отсутствовала, или находилась в зародышевом состоянии. Наоборот, в переживаемый хозяйством СССР период предварительного социалистического накопления, т.-е. на первых стадиях его, кредитная система государства больше действует в области перераспределения свободных средств страны, чем в области перераспределения национального дохода. Это может показаться неверным, поскольку процент, взимаемый банком по ссудам (если не считать периода быстро падающей валюты), является огромным по сравнению с нормально-капиталистическими условиями, тогда как вкладная операция является довольно ничтожной. Но мы не должны ни на минуту забывать при этом того реального экономического источника, который делает возможным червонную эмиссию и ссудные операции банка из источников этой эмиссии. Если банк выпускает 40 миллионов червонцев, не колебля курса валюты, то это экономически означает, что какими-то путями товарные ценности страны на эту сумму поступили в распоряжение Госбанка в разные сроки. Если считать, что этот «заем у обращения» раскладывается между государственным хозяйством и частным хо-

зяйством, допустим, пропорционально участию того и другого в денежном товарообороте страны, а средства этого займа идут на финансирование почти исключительно государственной и кооперативной промышленности и торговли, то перед нами здесь протекает с большой быстротой процесс социалистического накопления. Подробный теоретический и цифровой анализ этого процесса, как и действие на экономику страны всей кредитной системы в целом, будет нами рассмотрен ниже в специальной главе.

Что же касается вопроса о перераспределении национального дохода при посредстве кредитной системы, то здесь основное еще в будущем. Если Госбанк берет высокий процент с госпредприятий, получающих долгосрочные или краткосрочные ссуды, то здесь перед нами не процесс накопления в государственном круге, а прежде всего процесс распределения средств внутри государственного круга. Перераспределение из частного хозяйства в социалистический круг может происходить непосредственно лишь тогда, когда аккумулированные банковой системой, путем приема вкладов, средства частного хозяйства будут распределяться среди частного же хозяйства, на основе более высокого процента по ссудам, и разница между всей суммой выплачиваемого банком по вкладам и того, что получается банком в виде ссудного процента и других видов оплаты его услуг, будет поступать в фонд социалистического накопления. То же мы будем иметь, если государственные средства даются в рост путем кредитования частного хозяйства. Однако последняя операция при общем недостатке капиталов в стране и прежде всего в самом государственном круге, оставаясь формально источником накопления, в настоящий момент явно невыгодна, потому что превращается на данной стадии в явное орудие капиталистического накопления за счет государственного кредита. Эта операция может существовать лишь за счет более выгодной операции кредитования госпредприятий, потому что кредитование последних обеспечивает не только банковский процент, но и накопление капитала в госпредприятиях на производственной основе. При таких условиях кредитование частной торговли и промышленности, которое, допустим, способно дать банку 15% годовых, менее выгодно, чем кредитование государственной промышленности, которая, положим, способна платить банку 10% за ссуженный капитал, но сама получает на производственной основе 25% на ссуженный капитал. В этом случае Госбанку, как таковому, выгоднее кредитовать частную промышленность и торговлю, в то время как с точки зрения всего государственного комплекса в целом и с точки зрения социалистического накопления во всем комплексе, а не на одном его Госбанковском участке, такая операция является явно убыточной. Этим об'ясняется тот факт, что в настоящий момент Госбанк не кредитует частной торговли и промышленности, несмотря на готовность их платить больше государственных предприятий, а кредитует почти исключительно последние. С точки зрения задач социалистического накопления, такая политика является единственно правильной.

Но в будущем положение в этой области должно измениться, и может наступить момент, когда кредитование частного хозяйства превратится в одно из важнейших орудий его эксплоатации государственным хозяйством и в одно из важнейших средств экономического подчинения его регулирующим центрам государственного хозяйства. Особенно большую роль может сыграть кредитная система СССР в этом отношении при развитии долгосрочного сельскохозяйственного кредита, особенно, если нам удастся заключить крупные займы за границей и Госбанк явится распорядителем этих займов при переливании иностранных средств в хозяйственный организм СССР.

Из сказанного мы видим, таким образом, что вся наша кредитная политика в настоящее время подчинена и не может не быть подчинена закону первоначального социалистического накопления.

Переходим теперь к торговле внутренней и внешней. В период первоначального капиталистического накопления торговля в двух отношениях является инструментом этого накопления. Исторически первичной формой является эксплоатация торговым капиталом мелкого ремесленного производства. Этот вид эксплоатации через торговлю и через выполнение известных производственных функций (доставка кустарям в кредит сырья и т. д.) не имеет ничего общего с торговлей продуктами, произведенными рабочими в капиталистических предприятиях. В самом деле. В первом случае торговец и скупщик, затрачивая на покупку товаров, произведенных ремесленным путем, 100 единиц и выручая за него за покрытием расходов транспорта и т. д. 150 единиц, получает 50 единиц из дохода производителя. Совсем иное дело, когда торговый капитал оперирует товарами капиталистического производства. Здесь средняя торговая прибыль есть лишь вычет из прибавочной стоимости, создаваемой в процессе капиталистического производства. В этом случае добавочная прибыль торговца, возникающая не из капиталистического производства, может получиться лишь при обмене веществ капиталистической системы с некапиталистической средой и за счет последней. При отсутствии достаточной конкуренции она может

возникать, особенно в условиях особо благоприятного положения определенных групп торгового капитала, когда сама торговля (допустим, при крайней бедности страны капиталами вообще) представляет из себя почти своего рода монополию этих групп. Когда развертывание товарооборота страны, в котором главная роль принадлежит продуктам мелкобуржуазного производства, идет быстрей, чем развертывание торговой сети и процесс отложения торгового капитала,—торговый капитал может усиливать эксплоатацию некапиталистических производителей в большей степени, чем это имело бы место при избытке торгового капитала и достаточной конкуренции. Для периода первоначального накопления с его фактической монополией, как торгового, так и молодого промышленного капитала, не имеет значения теоретический вопрос о том, следует ли рассматривать добавочную прибыль, прилипающую к карманам торгового капитала в условиях такой монополии, как прибыль производительного капитала, лишь реализуемую в торговле, или как прибыль торгового капитала в собственном смысле, поскольку дело идет здесь об ограблении не рабочих, а мелких производителей. Необходимо лишь строго различать прибыль этого рода от нормальной прибыли торгового капитала в чистом капиталистическом обществе, тем более, что она бывает в реальном предприятии совершенно слита со всякой другой и никакая бухгалтерия ее не разделяет. Между тем различение того и другого имеет огромное значение, потому что дело идет о двух совершенно различных источниках этой прибыли, следовательно, об обмене веществ между двумя различными системами хозяйства, что имеет важное принципиальное значение при анализе источников первоначального социалистического накопления.

Обратимся теперь к обмену в системе СССР и прежде всего к внутренней торговле. Здесь мы должны различать: 1) обмен внутри круга самого государственного хозяйства; 2) обмен внутри частного хозяйства; 3) обмен веществ между кругом государственного хозяйства и частным хозяйством.

Что касается первого подразделения, то, разумеется, здесь не может быть для социалистического накопления никаких положительных задач. Экономика обмена сводится здесь к экономии при обмене, к уменьшению издержек процесса обращения. Эти издержки представляют из себя прямой вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, а в том случае, когда в обмене между госпредприятиями участвуют частные посредники, то здесь получается не только вычет из фонда социалистического накопления, но и приращение к фонду «второначального» капиталистического

накопления. Как боги Эпикура гнездились в порах мирозданья, так частные посредники, в первый период выхода государственных трестов на вольный рынок, пытались разместиться не только в каналах частной торговли, но и в норах и щелях, отделяющих одно государственное предприятие от другого, и здесь собирали «издержки обращения». Рационализация госторговли означает систематическое вытеснение этих пиявок капиталистического накопления из социалистического круга и не только ведет к сокращению издержек государственного хозяйства в процессе обращения, но и к организации самого обращения собственными силами.

Что касается второго подразделения, т.-е. обмена внутри частного хозяйства, то здесь, наоборот, социалистическое накопление вполне возможно. О внеэкономическом методе накопления из этого источника, т.-е. о налогах на торговлю продукцией частного хозяйства, мы уже говорили. Накопление другого рода, т.-е. на основе торгового обмена, не только возможно, но уже происходит отчасти и теперь и, несомненно, будет расти [1]). Примером такого накопления может служить, например, закупка у крестьян хлеба, продуктов питания вообще тем же «Хлебопродуктом» и продажа их частным потребителям на городских рынках. Торговая прибыль, получаемая таким образом, есть в сущности вычет из дохода производителей, продающих государственному органу для реализации свои товары. Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет из себя рассматриваемый нами источник социалистического накопления. Борьба госторговли и кооперации с частной торговлей на этом участке обмена имеет, с точки зрения социалистического накопления, не отрицательные, а положительные задачи. Здесь происходит (к сожалению, пока в малом размере) накопление из фонда одной системы хозяйства в пользу другой. То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю,—при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов

---

[1]) Увеличение ж.-д. тарифов на грузы частного капитала, реализуемые внутри частного же хозяйства, относится к накоплению из этого же источника.

из их доходов. Целесообразна ли такая политика, это вопрос другой. Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству,— подарок тем более тяжелый для государственного хозяйства, чем бедней это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него заниматься в филантропической по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых не хватает в самом производстве. Впрочем, на данной стадии развития госторговля ведет свои дела хуже частной торговли и для нее наиболее актуальным вопросом является пока сокращение издержек хотя бы до уровня частной торговли. Но здесь нам важно теоретически правильно поставить всю проблему, потому что дело идет не о политике текущего дня, а о понимании основных процессов развития целого периода социалистического развития. Ниже мы увидим, какие огромные трудности стоят на пути конкуренции госторговли с частным капиталом и как эти трудности упираются в основные проблемы социалистического строительства вообще. Мы должны только отметить здесь, что вследствие крайней бедности страны капиталом, и в обстановке довольно быстрого развития товарооборота в ней, торговая прибыль достигает огромных размеров, которые напоминают ситуацию из периода первоначального капиталистического накопления. При этих условиях этот участок накопления приобретает крайне важное значение, и успехи частного капитала очень сильно задерживают здесь приток средств из мелкобуржуазной среды в фонд социалистического накопления.

Третье подразделение, т.-е. обмен между государственным хозяйством и частным, представляет из себя пункт, где социалистическое накопление имеет перед собой и чисто отрицательные задачи, как при обмене внутри своего круга, так и положительные задачи, т.-е. питание государственного хозяйства за счет внесоциалистической среды. С этой стороны реализацию продукции госпромышленности вне социалистического круга мы должны рассмотреть особо от реализации продукции частного хозяйства внутри государственного круга.

Начнем с первого процесса, т.-е. с движения товарной массы государственной промышленности во внесоциалистическую среду. Задачи, стоящие здесь, с точки зрения социалистического накопления, являются отрицательными как в том случае, когда государственное хозяйство стремится сократить издержки обращения своих

органов, т.-е., по-просту, торговать с наименьшими расходами на торговый аппарат, так и в том случае, когда дело идет о вытеснении частной торговли со всего пути, который пробегает товар трестов от фабрики до конечного звена, т.-е. до потребителя.

Что касается первой из этих задач, то дело здесь идет об улучшении организации внутри самой же системы государственного хозяйства. Наоборот, вторая задача имеет гораздо более важное значение, потому что связана с борьбой двух враждебных систем за прибавочный продукт государственного хозяйства. Здесь враг находится почти в своем собственном доме. Необходимо здесь отметить принципиальную разницу, которая существует во взаимоотношениях, с одной стороны, между торговым и промышленным капиталом в эпоху первоначального капиталистического накопления и между частным торговым капиталом и государственною промышленностью в эпоху первоначального социалистического накопления. Если в период капиталистического накопления торговый капитал забирает из частного производительного капитала больше прибавочной стоимости, созданной в промышленности, то здесь дело идет лишь об ином распределении прибавочной стоимости внутри одной и той же системы хозяйства. Что сегодня с излишком аккумулировано торговым капиталом из прибавочной стоимости промышленного, то завтра возвращается в промышленность; переход избыточного капитала торговли в промышленность есть непрерывный процесс, происходящий с самого начала возникновения капиталистического производства. Совсем иное дело, когда промышленность в ее основной части входит в одну систему, а торговый аппарат принадлежит другой, враждебной системе, как в разбираемом случае. Тогда накопление частного торгового капитала есть прямой и безвозвратный вычет из прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственной промышленности. Если, допустим, вся годовая стоимость новых товарных ценностей, создаваемых в государственной промышленности и проходящей через торговый оборот, равна в оптовой продаже трестов 1 миллиарду, а в розничe эта товарная масса продается за 1½ миллиарда, то 500 миллионов есть прямой вычет в пользу торгового аппарата из прибавочного продукта промышленности. Если $^4/_5$ или 400 миллионов забирается частным торговым аппаратом, то этот аппарат превращается в опаснейшую дыру при самом источнике социалистического накопления, и не только накопления, а и даже простого воспроизводства в системе государственного хозяйства. Здесь происходит экспроприация частным капиталом не прибавочного продукта мелкого произ-

водства, на базе которого исторически развивается капитализм и эксплоатировать которое он никогда не прекращает в дальнейшем, а экспроприация прибавочного продукта социалистической промышленности — феномен, которого не знает экономическая история. Борьба с частным капиталом на этом участке для государственного хозяйства есть борьба против расхищения им же самим созданных ценностей. Перенесение борьбы с частным капиталом именно на этот участок является вполне правильным, как вполне правильным является стремление переходить от решения более легких задач к более трудным, т.-е. начать с овладения прежде всего оптовой и оптово-розничной торговли продуктами госпромышленности.

Таким образом, в деле овладения процессом обмена собственной продукции государственное хозяйство решает для себя задачу отрицательного характера: не дать частному капиталу того, что принадлежит по существу самому социалистическому кругу, что является его собственным фондом, созданным на его собственной производственной основе.

Совсем иначе обстоит дело с процессом движения ценностей из частного хозяйства в круг государственного хозяйства. Здесь борьба органов госторговли с частным капиталом в значительной степени есть борьба за прибавочный продукт частного хозяйства. Когда, например, заготовка сырья для промышленности на крестьянском рынке производится частным капиталом и вся дорога от производителя сырья до треста отрезана частными посредниками, то разница между покупной ценой у крестьянина и между продажной ценой для треста представляет из себя в основном вычет из дохода крестьянского хозяйства. Наоборот, если государственные органы, допустим, сами ведут всю заготовку сырья, то все, что вычитается из дохода крестьянства, поступает в круг государственного хозяйства. На данной стадии первоначального социалистического накопления борьба с частным капиталом и технически трудней и имеет менее важное значение, чем борьба против расхищения частным капиталом собственного прибавочного продукта государственного хозяйства. С другой стороны, успех в этой последней борьбе, т.-е. оттеснение частного капитала от торговли продукцией госпромышленности, несомненно, усилил бы процесс перехода частного капитала в частную промышленность—процесс, вообще говоря, экономически выгодный, хотя и опасный при быстром росте частного капитала.

Перейдем теперь к внешней торговле и к системе социалистического протекционизма (термин тов. Троцкого). Институт монополии внешней торговли имеет совершенно исключительное значение во

всей системе социалистического хозяйства. Он является, во-первых, сам одним из органов социалистического накопления. Во-вторых, он является одним из важнейших органов охраны самого процесса этого накопления во всех его видах и формах, и тем самым одним из важнейших рычагов борьбы против закона стоимости мирового капиталистического хозяйства. В-третьих, этот институт является одним из важнейших орудий регулирования всего хозяйства Союза. В данном случае мы остановимся на монополии внешней торговли, лишь как на орудии социалистического накопления.

По мере развития товарности крестьянского хозяйства, по мере роста торговых связей хозяйства СССР с мировым хозяйством, увеличиваются размеры экспорта. Так как продукция нашей промышленности в общей сумме экспорта играла до войны меньшую роль, чем экспорт продуктов сельского хозяйства, и так как при восстановлении последнего надо ожидать восстановления старых пропорций в составе экспортируемых товаров, то все это означает увеличение возможностей социалистического накопления из дохода крестьянского хозяйства. Чем больше экспорт продуктов деревни, тем больше экономическая зависимость последней от той инстанции, которая связывает крестьянское хозяйство с внешним рынком. Монополия внешней торговли не только ставит в зависимость мелкое производство от государства в деле реализации излишков, не только подставляет тем под насос социалистического накопления свой доход, но и является важным инструментом для получения добавочной прибыли на внешнем рынке. Есть такие отрасли мировой торговли, где государственное хозяйство СССР является почти монополистом. Достаточно указать на торговлю льном. Правда, государственная монополия торговли экспортируемыми товарами еще отнюдь не означает того, что в руках Внешторга оказывается вся разница между ценами внутреннего рынка и ценами внешнего. Если, например, Северолес, реализуя без посредников продукцию лесной промышленности, оказывается владельцем всего своего прибавочного продукта, то далеко не всегда государство передвигает экспортируемые товары по всем ступеням их движения до заграничного рынка. Если, например, хлеб покупается непосредственно у крестьян «Хлебопродуктом» и продается за границей Внешторгом, то здесь вся разница между покупной и продажной ценой проходит через руки государства. Наоборот, где заготовки ведутся через представителей частного капитала, в особенности же, где органы госторговли закупают экспортные товары у частных оптовиков, там торговая прибыль государства очень сильно урезывается в пользу частного капитала. С другой стороны, и там,

где продукты экспорта заготовляются и передвигаются дальше самими органами госторговли, это отнюдь не означает, что в данном случае Внешторг получает максимальную прибыль. При нашей весьма скверной и дорогой машине обмена сплошь да рядом вся (в процентном отношении часто огромная) разница между ценами покупки и продажными ценами на внешнем рынке целиком составляет так называемые накладные расходы, при чем чистая прибыль равна нулю. Но социалистическое накопление, особенно в первоначальный период этого накопления, отнюдь не всегда означает увеличение производительного капитала промышленности. Создание сети органов той же торговли, как создание всей минимально-необходимой постройки, обслуживающей государственное хозяйство и обеспечивающей оттеснение частного капитала с решающих позиций в экономической борьбе, — одно это есть также социалистическое накопление, только в иной форме. Как мы увидим ниже, узко-коммерческий, навеянный наблюдениями над частным капиталом, взгляд на все процессы внутри государственного хозяйства сильнейшим образом мешает пониманию самого существа социалистической формы хозяйства на ее первых ступенях и сбивает часто практически на совершенно ложный путь. За несовершенством того или иного аппарата часто не видят огромную важность этого аппарата во всей системе государственного хозяйства. И в данном случае крайняя невыгода, с коммерческой точки зрения, ряда наших торговых госорганов говорит за необходимость рационализации этой работы, а не за замену этих органов органами частными, которые «выгодней». Они выгодней, если на невыгоды социализма в его первой стадии смотреть с точки зрения капитализма, вместо того, чтобы «выгоды» капитализма (к которым неизбежно должны быть причислены и кризисы, и войны, и т. д.) оценить с социалистической точки зрения, даже и тогда, когда на отдельном участке капиталистическая форма имеет преимущество.

В предыдущем анализе мы исходим из предположения, что цены на продукты госпромышленности, поглощаемые частным хозяйством, представляют из себя данную величину. Теперь нам необходимо рассмотреть крайне важный вопрос о том, какую роль играет политика цен в деле социалистического накопления. Здесь мы рассмотрим политику цен на вывозимые товары, т.-е. принципы нашей таможенной политики и ее результаты, во-первых, и политику цен наших трестов и госорганов вообще, во-вторых.

Начнем с таможенной политики. Мы говорим о таможенных пошлинах на ввозимые товары, потому что обложение вывозимых госорганами и Внешторгом товаров представляет из себя не новый источник накопления, а лишь иное распределение между различными госорганами (например, между Наркомфином и ВСНХ с его трестами) одной и той же суммы торговой прибыли или дохода торгового оборота [1]). Таможенная политика СССР, с ее почти запретительными ставками на продукты легкой иностранной промышленности и с большими пошлинами на продукты машиностроения, представляет из себя мощный барьер, ограждающий внутренний товарооборот страны от действия мирового закона стоимости и охраняющий нашу слабую капиталами и технически отсталую социалистическую промышленность от гибели под ударами иностранной конкуренции. Эту роль социалистического протекционизма, как и роль монополии внешней торговли мы рассмотрим при анализе столкновения закона социалистического накопления с законом ценности. В данном случае мы говорим лишь о таможенной политике, как источнике социалистического накопления.

Таможенный доход СССР распадается на две различные категории, неодинакового значения с точки зрения накопления. Таможенный доход от обложения средств и орудий производства, ввозимых для оборудования или переоборудования государственной промышленности, ни в какой мере не является орудием накопления. В самом деле. Если, допустим, текстильный синдикат закупает в Англии новые машины для текстильных фабрик на 30 миллионов рублей и 10 миллионов платит в качестве пошлины, то перед нами лишь простое перераспределение государственного же фонда между текстильной промышленностью и Наркомфином. Общая сумма фондов государства не изменилась бы ни на копейку, если бы пошлин на текстильные машины не было бы совсем, либо если бы они были возвращены обратно текстильному синдикату. Могут, правда, сказать, что увеличение для текстильной промышленности стоимости оборудования заставит тресты увеличить свои ставки на амортизацию и соответственно увеличить продажную цену своих изделий. Но это возражение мнимое, потому что в данном случае текстильный синдикат является лишь насосом Наркомфина, высасывающим с потребителей сумму в 10 миллионов, и для существа дела совер-

---

[1]) Как уже было указано выше, доход торгового аппарата и прибыль этого аппарата — вещи совершенно различные. Доход высчитывается с точки зрения всего народного хозяйства, прибыль же есть валовой доход минус издержки торгового аппарата. Аппарат должен иметь доход, т.-е. делать вычеты из народного дохода, независимо от того, имеет ли он прибыль или убыток.

менно безразлично, вытянет ли он эту сумму, повысив продажную цену в целях дополнительных расходов на амортизацию, либо просто повысит эту цену, передаст ее в Наркомфин в порядке сдачи прибыли со стороны госпредприятий, а оборудование в 30 миллионов ввезет беспошлинно. Другой вопрос, что технически удобней. Вопрос сводится именно к этому. При данных ценах и прочих равных условиях фонд накопления текстильной промышленности, как и всякой другой, есть величина постоянная. Если таможенные пошлины падают на часть фонда этой промышленности и не перелагаются на потребителей, это есть перераспределение внутри государственного круга одного и того же фонда. Если же происходит увеличение цен, то происходит и увеличение фонда, но происходит оно вследствие увеличения цен, а не вследствие таможенной политики. Возможный размер этого увеличения определяется рядом сопутствующих экономических условий, а не величиной ставок таможенного обложения. А целесообразно ли вообще производить обложение потребителей данной отрасли промышленности под давлением обложения ввозимого для этой промышленности оборудования или целесообразней правильно построить политику цен и условия отчисления прибыли госпредприятий в кассу Наркомфина, — это вопрос техники накопления, не затрагивающий происхождение самого дохода.

Таким образом обложение ввозимых орудий производства для госпромышленности есть переложение ценностей из одного государственного кармана в другой: из фонда основного капитала госпромышленности в кассу Наркомфина. Совершенно тот же характер носит и обложение сырья для промышленности. И здесь при данном уровне цен вопрос сводится к перераспределению государственных средств внутри государственного же круга, хотя бы это обложение и было целесообразно по другим причинам.

Совсем иначе обстоит дело с обложением орудий производства, ввозимых для частной промышленности, и с импортом продуктов потребления. Здесь обложение целиком является вычетом из доходов потребительской массы, либо из фонда основного капитала частной промышленности. В самом деле. Если Внешторг ввозит из-за границы сахар, обувь и т. д., поскольку продукции собственного производства не хватает, то разницу между ценами внутреннего рынка и покупной ценой за границей заплатит потребитель и получат государственные торговые органы. Даже если эту разницу выплачивает рабочий, то и в данном случае мы будем иметь увеличение до-

ходов и накопления государства, хотя и за счет сокращения реального потребительского бюджета рабочего класса.

Так обстоит дело, если ввозимые продукты потребления лишь восполняют недостаток собственного внутреннего производства и продаются по ценам внутреннего рынка. Эта операция импорта нисколько не задержит процесса накопления и воспроизводства в других пунктах государственного хозяйства. Иначе обстоит дело, когда товаров ввозится больше, чем в состоянии поглотить рынок вместе с продуктами внутреннего производства, и когда они продаются дешевле, чем эти последние. В этом случае накопление в области торговли и через инструмент таможенного обложения покупается ценой частичного сокращения внутреннего производства, т.-е. ценой прекращения на одном из участков не только накопления на производственной основе, но и простого воспроизводства. Если же продуктов ввозится не больше, чем требует рынок, но они продаются дешевле, то здесь выигрыш на одном полюсе будет сопровождаться проигрышем на другом. Такая политика может быть выгодной, если потери компенсируются выигрышем, а понижение цен приводит к расширению спроса и в конечном счете выгодно для промышленности. Практическое решение в ту или другую сторону будет определяться в этом случае данными простого числового расчета.

Переходим теперь к политике цен на продукты госпромышленности. Эта политика имеет огромное значение не только для социалистического накопления, но и для нормального хода производства вообще, даже в его неувеличенных размерах; она имеет огромное значение для крестьянского хозяйства; она затрагивает, наконец, политические взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Мы коснемся этой политики пока лишь с точки зрения первоначального социалистического накопления.

Основной теоретический вопрос, который нужно решить здесь с самого начала, заключается в том, возможен ли вообще эквивалентный обмен веществ между государственным хозяйством и несоциалистической средой? Здесь можно представить себе три случая:

1) Когда государственное хозяйство получает меньше ценностей из внесоциалистической среды. В этом случае мы будем иметь дело с постепенным разложением крупного социалистического производства и постепенной распродажей ниже себестоимости ее продукции. Это разложение может принять форму либо распродажи ниже себестоимости невосстанавливаемого в полном об'еме основ-

ного капитала промышленности при постоянной заработной плате, либо в распродаже за бесценок рабочей силы промышленного пролетариата, либо, наконец, и в том, и в другом вместе. В начальный период нэпа мы имели ряд примеров такой расценки промышленной продукции, которая означала распродажу за бесценок и основного капитала, и рабочей силы пролетариата [1]). Превращение такой политики цен в систему, несомненно, означало бы постепенное распыление крупной промышленности и победу мелкого производства над крупным. Конкретные примеры читатель найдет в главе об экономике. промышленности. Этот случай не надо ни в каком случае смешивать с другим, когда при конкуренции цен вводится прибавка на амортизацию основного капитала, но фактически восстановления основного капитала не происходит, потому что выручаемые соответствующие суммы идут либо на повышение заработной платы, либо на запасы сырья, т.-е. идут на увеличение оборотного капитала. Такое временное позаимствование из фонда основного капитала на другие, более неотложные нужды, играло большую роль в жизни советской промышленности и играет еще и до сих пор. Этот процесс был неизбежен при крайней бедности госпромышленности оборотными капиталами и часто происходил даже при довольно высоких ценах, не ниже восстановительных.

2) Второй случай. Цены на продукты госпромышленности калькулируются таким образом, что при обмене продукции этой промышленности на продукты частного хозяйства происходит обмен эквивалентов, т.-е. ни одна из систем хозяйства не эксплоатирует другую. Такое положение вообще возможно лишь как весьма кратковременный эпизод. Считать такое положение нормальным, значит считать, что социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед, но не возможно стояние на одном месте. Говоря в данной связи о капитале, как процессе движения, Маркс писал: «Представление о капитале, как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный

[1]) Ярким примером того же, только из капиталистической практики, может служить политика цен германской промышленности в период падающей валюты, после мировой войны.

труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» («Капитал», т. II, стр. 81, пер. Степанова). Если капитал и в его индивидуальном обороте в каком-либо предприятии, и—поскольку мы берем капиталистическую систему в целом в ее отношении к докапиталистической среде,—представляет из себя движение, то каким же образом социалистическая форма в ее отношении к досоциалистической среде может быть «вещью, пребывающей в покое»? А что означает в данном случае движение? Движение в данном случае означает одно из двух: либо капиталистическая форма быстро раз'едает тот монолитный слиток государственного хозяйства, который образовался в лаве Октябрьской революции и гражданской войны, либо социалистическая форма развивается и за счет собственного накопления, и за счет внесоциалистической среды, питаясь также и ее соками. Если капитализм есть движение, то социализм есть еще более быстрое движение. И то, что он теряет в скорости в период первоначального накопления в смысле развертывания своей технико-экономической базы, благодаря крайней бедности капиталами, то он вынужден возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды. Одним из важнейших средств такого накопления, кроме вышеописанных и кроме того метода, о котором будет речь ниже, является неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой. Этот обмен с активным балансом на стороне социалистической формы возможен лишь при соответствующей политике цен на продукты государственной промышленности.

3) Таким образом мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах. Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени уве-

личивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства. Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в слабой покупательной способности частного хозяйства и в сравнительно медленном увеличении этой способности. Другое затруднение происходит от того, что государство является монополистом не во всех отраслях промышленности. Следовательно, политика цен должна была рассчитана таким образом, чтобы государственное накопление не влекло за собой автоматически частно-капиталистического накопления. Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства и вынуждающих часто говорить об эквивалентном обмене, хотя последний является при социализации крупной промышленности еще большей утопией, чем при господстве монополистического капитализма.

Накопление, путем соответствующей политики цен, имеет свои преимущества над другими видами прямого и косвенного обложения мелкого хозяйства. Важнейшее из них заключается в крайнем удобстве взимания, не требующем ни одной копейки на специальные налоговые аппараты.

Возражение, сводящееся к тому, что обложение на основе определенной политики цен (я сознательно избегаю говорить «на основе повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов, снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления) будет задевать заработную плату рабочих и деревенской бедноты,—является совершенно пустяковым. Не деревенская беднота является главным покупателем продуктов нашей промышленности. То же, что она при этом потеряет. она может получить обратно от государства в форме кредита, в форме принудительного накопления основного капитала ее хозяйства и т. д. Что же касается рабочих, то это возражение столь же неосновательно, как и возражение против косвенных налогов, которые являются вполне переложимыми с заработной платы. Числовой пример: если благодаря соответствующей политике цен рабочий класс выплачивает госпромышленности на ряду со всем населением, допустим, 50 миллионов, то государство легко может вернуть ему эту

сумму повышением зарплаты, тогда как сумма, полученная от буржуазных и мелкобуржуазных потребителей последним не вернется, и увеличит собой фонд социалистического накопления. Более подробно ко всей этой проблеме мы еще вернемся с цифрами в руках в главе об экономике промышленности.

Переходим теперь к накоплению на производственной основе, т.-е. к увеличению ценностей, создаваемых на основе расширенного воспроизводства внутри самой системы, ее собственными силами.

Начнем, как и выше, с начала с воспоминаний о соответствующих моментах первоначального капиталистического накопления. Давая определение того, что называется периодом первоначального капиталистического накопления, Маркс писал: «Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителей от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует пред'историю капитала и сответствующего ему способа производства» («Капитал, т. I, ч. I, стр. 737). Другими словами: период первоначального капиталистического накопления отнюдь не кончается с организацией первой капиталистической мануфактуры, а находится еще тогда в самом разгаре своего развития. Чтобы капиталистический способ производства мог стать господствующей формой производства, чтобы период первоначального капиталистического накопления сменился периодом «нормального» капиталистического накопления, чтобы отделение производителя от средств производства, т.-е. создание класса наемных рабочих, продвинулось достаточно далеко, для этого одновременно с чих, продвинулось достаточно далеко, для этого одновременно с обезземелением крестьян и с переходом самостоятельных ремесленников в ряды пролетариев должен итти с достаточной быстротой процесс производительного использования этих кадров. Чтобы выполнить в главных чертах основную задачу первоначального накопления — «отделение производителя от средств производства», капитализм как раз для осуществления этой задачи и в процессе ее осуществления должен начать и все больше развивать также накопление и на производственной основе. Этот процесс шел, непрерывно развертываясь; рядом с ним продолжалось накопление экономическими и внеэкономическими методами, описанными выше. Но роль накопления на производственной основе непрерывно возрастала по мере превращения всего производства, в его основных отраслях, в капиталистическое производство. Диалектическое развертывание этого процесса, где следствие переходит в причину,

Маркс выразил словами: «Поэтому с накоплением капитала развивается специфически капиталистический способ производства, а со специфически-капиталистическим способом производства — накопление капитала» («Капитал», т. I, ч. I, стр. 641, перев. Степанова).

Источником капиталистического накопления на производственной основе является эксплоатация рабочей силы. Формы этой эксплоатации примитивней, грубей на первых ступенях, когда абсолютная прибавочная стоимость занимает первое место в сравнении с относительной. В дальнейшем отношения между той и другой принимают обратный вид.

В начальный период развития капитализма, на первых капиталистических предприятиях рабочий день длиннее, чем в ремесленном производстве средних веков, праздников меньше, интенсивность труда неизбежно выше. Следовательно, общая масса труда, затрачиваемого в день отдельным работником, выше, чем в ремесленном производстве средних веков. С другой стороны, заработная плата на первых капиталистических предприятиях ниже заработной платы ремесленного подмастерья. Таким образом, более низкая заработная плата, более высокий рабочий день, чем в предшествующей экономической системе и все это на базе более высокой техники, при более высокой производительности труда—вот источники усиленного первоначального накопления на производственной основе в начальный период развития капитализма. Государство вмешивается в этот период в производственный процесс не с целью уменьшения или смягчения эксплоатации, как это имело место в последующем, а наоборот, с целью уменьшить силу сопротивления рабочего класса этой эксплоатации. Государство стоит на страже первоначального накопления, когда оно поддерживает процесс обезземеливания крестьян, когда оно издает законы о бродяжничестве и беспощадно вешает «бездомных бродяг», не желающих итти в ярмо капитала, когда оно издает законы не о минимуме, а о максимуме заработной платы и рабочего дня. Враги социализма, в частности, противники советской системы хозяйства, со злорадством констатируют, что в первые годы первоначального социалистического накопления заработная плата стоит у нас ниже, чем до войны и революции. Этим господам следует напомнить, что в период первоначального капиталистического накопления условия жизни наемных рабочих капиталистических фабрик, как это доказано Марксом в «Капитале» и рядом других исследователей, значительно хуже, чем условия жизни подмастерьев, а тем более мастеров средневековья. И это несмотря

на огромное техническое превосходство капиталистического производства над ремеслом. Иными словами: внешнее ухудшение жизни работающих масс в период первоначального социалистического накопления, в сравнении с положением рабочих в развитой капиталистической системе, так же мало говорит об экономическом преимуществе капитализма над социализмом, как мало ухудшение положения рабочих в первых капиталистических мануфактурах и фабриках в сравнении с ремеслом могло говорить об экономических преимуществах мелкого самостоятельного производства над капиталистическим.

Все основные методы эксплоатации рабочей силы капиталом достаточно ярко описаны в «Капитале» и общеизвестны. Я хочу здесь остановиться еще на одной стороне ее, которая имеет важное значение для соответствующего противопоставления с периодом первоначального социалистического накопления. Дело идет о хищническом расточении рабочей силы пролетариата во имя всемерной экономии в средствах производства и, следовательно, в интересах уменьшения себестоимости товаров. Вот что говорит об этом Маркс:

«Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует, далее, нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасности; отсутствие мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии всех учреждений, предназначенных для того, чтобы очеловечить процесс производства, сделать его приятным или хотя бы только сносным для рабочих. С капиталистической точки зрения, это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно, расточительно в обращении с человеческим материалом; с другой стороны—оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и своему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, при чем для общества теряется то, что выигрывается для отдельных капиталистов» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 61 — 62, пер. Степанова). Это варварское обращение с рабочей силой, характерное для всех этапов капитализма, достигает чудовищных форм именно в период первоначального накопления, когда экономическая борьба рабочих

почти еще не начиналась и соотношение сил было крайне невыгодно для рабочего класса.

Из этого периода необходимо отметить еще то обстоятельство, что капитализм тогда не нес расходов на резервную армию промышленности, которая стала экономически необходимой в последующую эпоху. Кроме того, сами капиталисты всемерно сокращали фонд своего личного потребления во имя расширения воспроизводства. Вот небольшая иллюстрация в этой области.

«В течение первого периода фабриканты были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования». В особенности сильно наживались они при помощи надувательства родителей, которые им отдавали своих детей в качестве учеников и должны были дорого платить за обучение, в то время как этих учеников морили голодом. С другой стороны, средняя прибыль была низка и накопление требовало большой бережливости. Они жили как скрягисобиратели сокровищ и далеко не потребляли даже процентов с своего капитала. «Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше»,—потому что непосредственная эксплоатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами, — «и жили в том же самом скромном стиле, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия не стали расширяться, благодаря рассылке всадников (конных комми-вояжеров) за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 года существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капитала в 3.000—4.000 фунт. стерл., добытых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили денег и стали строить себе каменные дома вместо деревянных и глинянных... В Манчестере, еще в первые десятилетия XVIII века, фабрикант, угостивший своих гостей кружкой иностранного вина, вызывал толки и пересуды среди всех соседей». До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 пенсов и пачку табаку за один пенс. Лишь в 1758 году увидели в первый раз — и это составило эпоху — «лицо, занятое промышленностью, в собственном экипаже». «Четвертый период», — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий» 44). Что сказал бы добрый доктор Aikin, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер?» («Капитал», т. I, ч. I, стр. 605).

Тецерь обратимся к вопросу о накоплении на производственной основе в государственном хозяйстве. Источник этого накопления тот же, что и при капитализме, т.-е. труд рабочего класса, заработная плата которого должна быть ниже общей стоимости продукции, создаваемой этим рабочим классом. Но здесь есть ряд капитальнейших различий как в общих условиях первоначального социалистического накопления, так и в формах использования рабочей силы и ее оплаты.

Прежде всего надо вспомнить здесь тот отмеченный нами выше факт, что социалистическое накопление может вообще начаться только после пролетарской революции, тогда как процесс первоначального социалистического накопления начинается и протекает до буржуазных революций. В одних странах он находится в полном разгаре во время этих революций (Англия, Франция), в других он уже к этому моменту пробежал свои главные ступени (Германия). За самую возможность приступить к переустройству всей экономической системы буржуазии не приходилось платить той дани, в виде разрушения производительных сил и истребления старых запасов, чего требует пролетарская революция и гражданская война XX века. Мы знаем, во что обойдется в других странах завоевание власти пролетариатом, но у нас это завоевание обошлось так дорого, что накопление на производственной основе не могло даже сразу начаться. Этому предшествовал период (не изжитый еще для некоторых отраслей хозяйства и до сих пор), когда общая сумма ценностей, создаваемых внутри государственного круга и поступающих в распределение внутри его и вне его, была не больше, а меньше той суммы, которая представляет из себя сумму себестоимости продукции. Период военного коммунизма ставил перед государством не проблему накопления и расширенного воспроизводства в условиях новой системы себестоимости, а задачу военной победы, с одной стороны, и задачу прокормления той коммуны нищих, воевавшей со всем капиталистическим миром, какой являлся тогда пролетариат и беднейшее крестьянство со своей армией. Хозяйство этого периода было военно-потребительским коммунизмом. Его задачей было—продержаться, кое-как прокормиться и победить. Дефицитность государственного хозяйства ни в каком случае не могла быть мотивом к его сокращению, а тем более прекращению. Сокращение производства происходило лишь тогда, когда не хватало сырья и топлива. Производство, бывшее убыточным с капиталистической точки зрения и с точки зрения накопления, было необходимым и полезным с точки зрения специфических задач этого

периода. Приведу маленький числовой пример: если бы мы произвели калькуляцию себестоимости продукции, по отношению к типичным предприятиям того периода, то мы получили бы следующую картину (числа взяты произвольно). Стоимость сырья и амортизированных орудий производства, т.-е. постоянный капитал,—1000, заработная плата, т.-е. переменный капитал—500, себестоимость продукта—1500, коммерческая стоимость продукта по довоенным ценам—600. При такой ситуации не только нет прибавочного продукта, а есть колоссальный убыток 1500—600=900. Однако при системе военного коммунизма, при его задачах такой эффект отнюдь не был отрицательным. Рабочие вырабатывали на зарплату и еще кое-что, а именно 100, шло в общий котел государственной коммуны. Эти 100 представляли из себя не прибавочный продукт, а заем из основного капитала или растрату основного капитала. Но этот заем, эта растрата составляла плюс в тот период, потому что основной капитал и запасы сырья лежали мертвым капиталом, если бы рабочая сила не превращала их в продукты потребления. Здесь могли быть и фактически бывали случаи, когда коммерческая стоимость продукции был ниже даже зарплаты, в нашем случае 400 по отношению к 500. Но в этом случае часть производства было целесообразно продолжать, раз рабочих все равно надо было кормить и нести издержки на консервацию заводов. Для государства было выгодней иметь дефицит на вырабатываемых продуктах (а не в ценностном измерении) в 100, пуская заводы, чем дефицит в 200 или 500 при закрытых заводах. Это была совершенно своеобразная экономика, в корне противоположная по своим задачам и по своим методам калькуляции капиталистическому производству.

По поводу основного стимула капиталистического производства, т.-е. прибыли, Маркс говорит: «Норма прибыли, это — та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство: производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 241, пер. Степанова).

И в период первоначального капиталистического накопления капитал, уходивший из торговли в производство, приносил, как правило, прибыль. Как правило, капитализм не знал и по самой структуре своей не мог знать периода, когда бы он «работал», с капиталистической точки зрения «впустую», т.-е. без прибыли, либо с убытком, покрывая последний из других источников первоначального накопления, лежащих за пределами капиталистических предприятий. Наоборот, то, что для частного капитала может существовать лишь как исключение, как эпизод — производство без прибыли, т.-е. производство без прибавочной стоимости — то в период военного коммунизма было правилом. Перефразируя приведенную только что фразу Маркса, мы могли бы по отношению к периоду военного коммунизма сказать: производится все и всякими способами, что может увеличить потребительский фонд сегодняшнего дня хотя бы путем растраты основного и оборотного капитала без скорой надежды на восстановление [1]).

Но такое хозяйство долго держаться не может. С окончанием гражданской войны кончилась эта пред'история первоначального социалистического накопления и началась его история. Но это накопление началось не с увеличения ежегодного фонда прибавочного продукта в государственном хозяйстве, а с сокращения ежегодного дефицита в этом хозяйстве. В этом первая характерная черта нашего социалистического накопления по сравнению с капиталистическим.

Социалистическое накопление начинается не от нуля и поднимается выше: оно начинается с уровня ниже нуля. Нуль прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве и в то же время нуль убытка — эта линия нуля являлась идеалом при переходе от периода военного коммунизма к периоду предварительного социалистического накопления [2]). В то время как движущим стимулом капиталистического производства является стремление к наибольшей прибыли, в период военного коммунизма существовало стремление к наибольшему количеству производимых продуктов, хотя бы ценой наибольшего убытка, а с начала социалистического накопления основной целью является достижение наименьшего убытка для всего государственного хозяйства (и по возможности для отдельных предприятий). В настоящий момент, т.-е. летом 1924 г. государственная промышленность и транспорт СССР по одним вычислениям приближаются к бездефицитности, по другим достигли этого пункта. Если стоимость валовой продукции промышленности равна 2500 миллионам рублей, а чистая 1000 милл., то накопления

---

[1]) Некоторую аналогию этому в капиталистическом мире представляло хозяйство Германии периода быстро падающей марки, поскольку в целом оно было несомненно дефицитным.

[2]) Я сознательно не говорю «к периоду новой экономической политики», потому что этот термин стал теперь совершенно бессмысленным, и ниже я сделаю предложение о замене его другим.

не будет, если эти 1000 $m=v$, т.-е. чистая продукция равна всей заработной плате, а m, т.-е. в данном случае не прибавочная стоимость, а прибавочный продукт [1]), равняется нулю. Наоборот, если сумма всей заработной платы ниже суммы новых ценностей, создаваемых в течение года рабочими государственной промышленности, тогда прибавочный продукт есть, хотя бы вся промышленность не только ничего не давала государству из этого продукта, но и требовала бы себе многомиллионных субсидий на восстановление основного и оборотного капитала. За время мировой войны, революции и гражданской войны не только не было нормального воспроизводства, но происходило огромное истощение основных элементов производства. Теперь происходит их восстановление. Если при этом основные ресурсы на это восстановление берутся не из накопления на производственной основе, а из внесоциалистической среды описанными выше методами, то это отнюдь не значит, что первого вида накопление совсем отсутствует. Если, допустим, чистая продукция года равна в госпромышленности 1000 милл. рублей, сумма всех заработных плат, выплаченных за год 700 миллионов, а на восстановление основного оборотного капитала пошли не только эти невидимые для государственного бюджета 1000 — 700 = 300, но и видимые и очень тяжелые для Наркомфина 200, то это отнюдь не значит, что прибавочный продукт отсутствует. Он имеется в данном случае налицо и кроме того к сумме 300 надо еще прибавить всю сумму государственных и местных налогов, выплаченных за год промышленностью, расходы на шефства и т. д. В данном случае я, разумеется, предполагаю, что стоимость переносимого на продукт C, т.-е. постоянного капитала, равного в данном примере 1500, высчитывается правильно, и убыток промышленности, происходящий от неправильной амортизации и низких цен, не съедает прибавочного продукта, созданного рабочими. А с другой стороны, вычисление правильно и в обратном отношении, т.-е. что результат повышенных монопольных цен не приписывается производительности труда рабочих, а сносится за счет налога на частное хозяйство, в данном случае, лишь незаметно взимаемого, благодаря соответствующей политике цен.

Итак, в самом начале социалистического накопления государство ведет производство, несмотря на его убыточность, и стремится

[1]) Прибавочная ценность возникает из обмена частного капитала на труд, где капитал и труд представлены двумя различными классами. Там же, где рабочий является и агентом производства и распорядителем продукта своего труда (через рабочее государство и профсоюзы), теоретически ошибочно говорить о прибавочной стоимости.

лишь к наименьшему убытку во всем хозяйстве в целом и далеко не всегда к наименьшему убытку при выборе предприятий, которые надо пускать в ход (иначе, в первую очередь пришлось бы остановить транспорт). Отсюда из этого основного различия от капиталистического накопления вытекает ряд различий производного характера. Но и тогда, когда линия нуля в области накопления перейдена, когда внешне государственное хозяйство, как целое, ведет ту же политику накопления, как и индивидуальное капиталистическое хозяйство, мы видим огромное различие между первоначальным капиталистическим и между первоначальным социалистическим накоплением. Эта разница не только в том, что принцип накопления в отдельном госпредприятии и принципы накопления в целом комплексе — две вещи разные, что крайне важно для экономической политики отдельных трестов. Эта разница связана с тем обстоятельством, что в то время как капиталистические предприятия с самого начала были технически выше и экономически сильней отдельных предприятий того способа производства, который они должны были вытеснить и подчинить себе, т.-е. мелкого производства, социалистическое производство вынуждено пробежать довольно длительный период накопления материальных ресурсов, в течение которого отдельное предприятие государственного хозяйства будет неизбежно технически не выше, а ниже, экономически не сильней, а слабей современного капиталистического предприятия передовой буржуазной страны. Вся экономика государственного хозяйства в этот период будет неизбежно подчинена, с одной стороны, задаче возможно быстрого накопления ресурсов, достаточных для перестройки технической базы промышленности на основе электрификации и экономически целесообразного распределения ее по территории, а с другой стороны — задаче охраны этой новой экономики от еще пока сильной капиталистической экономики. В этом смысле период первоначального социалистического накопления с ему свойственными законами будет неизбежен не только для таких отсталых крестьянских стран, как СССР, но и для социалистического хозяйства Европы, поскольку теперешнее европейское хозяйство (даже без предстоящих ему разрушений от гражданской войны) экономически и технически слабей хозяйства капиталистической Северной Америки. Только в более передовых промышленных странах первоначальное социалистическое накопление будет базироваться в гораздо большей степени на прибавочном продукте рабочих, чем на ресурсах, получаемых от досоциалистических форм производства в Европе и колониях. Но эти две задачи не стояли перед капитализмом в эпоху первона-

чального накопления. Некоторые мероприятия против ремесла имели место, но это был скорее продукт излишества и капиталистического задора, чем экономическая необходимость для капитализма, поскольку он все равно в условиях полного равенства решительно побивал мелкое производство. С другой стороны, и покровительственная таможенная политика в странах со слабо развитой промышленностью, направленная к охране данной промышленности от конкуренции капиталистически более развитой страны, не имеет, кроме внешнего сходства, ничего общего с социалистическим протекционизмом. Там дело шло о защите одной промышленности от другой, принадлежавших к одной и той же экономической системе. Здесь же перед нами охрана одного способа производства, находящегося в состоянии детской слабости, от другой, смертельно враждебной ему экономической системы, которая даже в период своей старческой дряхлости экономически и технически некоторое время неизбежно будет сильней новой экономики. Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим. Сравнение имело бы смысл лишь в том случае, если бы одна социалистическая страна со слабо развитой собственной промышленностью вводила пошлины для ограждения этой промышленности от социалистической промышленности более передовой страны, вместо того, чтобы войти как часть в единый хозяйственный организм социалистической экономики всех тех стран, где победил пролетариат. Тогда бы мы имели, как и при капитализме, таможенные пошлины внутри одной системы хозяйства. Но такое абсурдное положение вряд ли будет иметь когда-либо место. Кстати заметим, что даже этот пример, как и все примеры из области сравнения капиталистической экономики с социалистической, обнаруживает принципиальную разницу между той и другой в том смысле, что капитализм развертывается на основе конкуренции и взаимного отталкивания его частей, тогда как методом социалистической экспансии в области экономики (а также и политики) является взаимопритяжение частей, взаимопомощь и тенденция к единому хозяйственному комплексу. Это связано не только с военной, но и экономической необходимостью.

Выше мы говорили, что для капитализма, особенно в период первоначального накопления, характерно беспощадное, варварское, расточительное обращение с рабочей силой, которой капитализм стремится распоряжаться как всяким купленным товаром, входящим в число элементов производства. Пределами эксплоатации и

нажима в эту сторону являются чисто физиологические границы эксплоатации (рабочему надо спать и есть), либо сопротивление рабочего класса. В дальнейшем соотношение сил между рабочими и капиталистами в экономической борьбе является важнейшим фактором, ограничивающим темп и размеры капиталистического накопления на производственной основе. Наоборот, с момента своей победы рабочий класс из об'екта эксплоатации превращается также и в суб'екта ее. Он не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям так же, как относился к ним капиталист. В этом заключается определенная преграда для темпа социалистического накопления, преграда, которой не знала капиталистическая промышленность в первый период ее развития. Правда, мы знаем энтузиазм и героическое самоограничение рабочего класса в первые годы организации государственной промышленности, в особенности в период гражданской войны. Но такие моменты не характерны для всего периода социалистического накопления. Первым совершенно очевидным расхождением государственного хозяйства пролетариата от типичного капиталистического хозяйства является тот факт, что хотя государственное хозяйство работает на рынок и в сфере обмена является товарным производством, в отношении к рабочему оно начинает (но только пока начинает) выступать, как система производства для потребления производителей. Законы, управляющие движением заработной платы в период социалистического накопления, совсем иные, чем законы зарплаты при капитализме периода первоначального накопления. Наиболее ярким доказательством этого может служить тот факт, что, например, в 1920 г., когда безработица была меньше и частично чувствовался одно время недостаток в квалифицированной рабочей силе (что потребовало известных мер со стороны Наркомтруда), заработная плата была гораздо ниже, чем в 1924 году при 1.300.000 безработных в стране. При капиталистической системе, где уровень заработной платы определяется спросом и предложением на рабочую силу, организованностью и силой сопротивления рабочего класса,—отношения должны были бы существовать как раз обратные. Таким образом в этот период закон заработной платы подчинен закону социалистического накопления, который находит свое выражение в сознательном самоограничении рабочего класса. Это самоограничение заменяет собой ту равнодействующую в стихийной борьбе труда с капиталом, которая при прочих равных определяла уровень заработной платы и уровень прибавочной стоимости в системе капиталистического производства. Социалистическое накопление есть необходимость для ра-

бочего класса, но здесь она выступает, как сознанная необходимость.

Тот факт, что в государственном хозяйстве СССР, несмотря на его нищету, твердо сохраняется 8-часовой рабочий день и проводятся с каждым годом все и в большем масштабе меры по охране труда, точно так же возможен лишь постольку, поскольку рабочий класс является хозяином производства. При настоящем размере призводства что-либо подобное было бы абсолютно невозможно для капиталистической системы.

Из особенностей, которые характерны для периода первоначального социалистического накопления в сравнении с соответствующей эпохой капитализма, необходимо отметить факт огромной безработицы, которая требует затраты значительных средств из фонда накопления — расход, который не несли рыцари первоначального накопления, открывшие впервые свои фабрики и питавшиеся резервами рабочей силы из земледелия и ремесла.

Необходимо также здесь отметить, что страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после такого недавнего прошлого легче удается провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане.

Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но вероятно, этот закон имеет универсальное значение, за исключением, быть может, тех стран, которые последними перейдут к социалистической форме хозяйства. Исходя из сказанного нами выше, мы можем этот закон формулировать следующим образом. *Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, — тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочном продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное*

наследство в виде высоко-развитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, т.-е. уменьшить эксплоатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия [1]).

Период предварительного социалистического накопления не только есть время собирания материальных ресурсов новой экономики для окончательной победой ее над капиталистической формой, но в то же время период непосредственной борьбы государственного хозяйства с частным. Одним из интереснейших вопросов теории советского хозяйства является вопрос о том, как, в каких конкретных формах будет происходить вытеснение исторически более высокой социалистической системой хозяйства всех досоциалистических форм. Проблема расчленяется, кроме того, еще и так: чем методы борьбы социалистической формы с частным хозяйством в период предварительного социалистического накопления будут отличаться от методов борьбы в период подлинно социалистической промышленности, и, во-вторых, какая разница во взаимоотношениях социалистической формы с одной стороны с капиталистической, с другой стороны — с мелким товарным производством.

Как обстояло дело с победой капиталистического способа производства над докапиталистическими формами?

Вот что говорит об этом Маркс:

«С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность существенных предпосылок, в которых совершается процесс производства» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 175, пер. Степанова).

---

[1]) Этот закон должен, разумеется, испытать известные модификации при перенесении капитала из одной передовой социалистической страны в отсталую.

... «его тенденция заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит вовлечение этих способов производства в процессе его обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих» («Капитал», т. I, стр. 87).

... «те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только излишек продукта. Продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, наприм., первое действие капиталистической мировой торговли а такие народы, как китайцы, индейцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служил или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство» («Капитал» т. II, стр. 2).

Капиталистическое производство не страшно натуральному хозяйству, когда последнее не имеет с ним никаких точек соприкосновения, когда обе системы предоставляют из себя два совершенно несообщающиеся друг с другом сосуда. Натуральное хозяйство просто не принимает боя, поскольку оно не втянуто в денежный товарообмен. Капитализм представляет тогда из себя атлета, который тщетно вызывает на бой, на сцену, своего слабого противника, который молчит и не отзывается. И только тогда, когда этот более слабый противник развитием товарообмена вытаскивается на капиталистическую арену, его кладут на обе лопатки в процессе свободной конкурентной борьбы. Нам крайне важно подчеркнуть здесь, что для победы капиталистического способа производства над примитивным натуральным и над мелкобуржуазным было вполне достаточно тех экономических преимуществ, которые каждое капиталистическое предприятие, даже в стадии мануфактурного развития капитализма, имело над более примитивными формами хозяйства. Насилие играло главным образом вспомогательную роль. Оно ускоряло процесс капиталистического развития преимущественно в том отношении, что способствовало вытаскиванию натурального хозяйства на арену борьбы. Манчестерские теории буржуазии представляли из себя не только продукт обороны против абсолютизма с его вмешательством в хозяйственный процесс во вред третьему сословию, но и продукт осознания капитализмом своего чисто экономического превосходства над докапиталистическими формами, превосходства, опиравшегося на многолетний опыт успешной конкурентной борьбы. Каждое капиталистическое предприятие, взятое отдельно, было и технически, и экономически сильней любого ремесленного предприятия или группы таких предприятий. Аршин ситца, сработанный с затратой X единиц времени в капиталистическом предприятии, был смертельным оружием капитализма в борьбе с ручным ткачем, вырабатывавшим этот аршин с затратой 2 или 3 X рабочего времени. Исход боя решал потребитель, который, покупая более дешевый продукт, тем самым голосовал за капиталистический способ производства и поддерживал его против ремесла, делаясь покупателем капиталистической продукции.

Совсем в ином положении находится государственная промышленность периода первоначального социалистического накопления по отношению к капиталистической промышленности. Совсем в ином положении находится и отдельное предприятие государственной промышленности по отношению к типичному капиталистическому предприятию того же рода. Это ни на минуту не надо упускать из вида, как только мы ставим перед собой животрепещущий вопрос о том, как вообще может и должен протекать процесс вытеснения капиталистической формы социалистической. Вульгарное представление, согласно которому социалистическая форма уже в первый период ее существования побеждает капиталистическую в конкурентной борьбе так же, как капиталистическая фабрика побеждала ремесло, представляет из себя грубую, поверхностную, некритическую аналогию с прошлым. Эта аналогия не освещает вопрос, а затемняет всю проблему. Разумеется, делать такие поверхностные и некритические аналогии гораздо легче, чем понять своеобразную особенность периода первоначального социалистического накопления. Их и делали достаточно много у нас в экономической литературе с весьма жалким успехом. Экономическая политика пролетарского государства, поскольку она была пра-

вильной и не сбивалась на путь такого социалистического манчестерства, проводила ощупью и стихийно нечто как раз обратное тому, что логически и практически вытекало из подобного сорта аналогий, заменявших одно время научно-марксистский анализ нашего хозяйства.

В настоящий момент наше государственное хозяйство и технически, и экономически слабей капиталистического хозяйства Европы и Америки. Советское хозяйство Европы после победы в ней диктатуры пролетариата будет слабей хозяйства капиталистической Америки. В первоначальный период своего развития социалистическая форма, вследствие отсутствия, как материальных предпосылок, необходимых для перестройки ее технического базиса, так и вследствие отсутствия необходимых предпосылок социалистической культуры и социалистического воспитания работающего пролетариата, не может развить всех преимуществ, органически свойственных социализму, наличие которых делает социалистическую форму исторически более прогрессивной, чем капитализм. В период предварительного накопления социалистическая форма, как мы сказали выше, еще не развивает всех своих преимуществ, но утрачивает некоторые преимущества капиталистического хозяйства. Наоборот, последнее стоит во всеоружии основных своих преимуществ, что даже в период упадка капитализм вообще делает для социалистической формы невозможной конкурентную борьбу с капитализмом на основе равенства. Для государственного хозяйства пролетариата было бы полнейшим (и глупейшим) самоубийством пытаться бить капитализм на арене свободной конкурентной борьбы уже на теперешней стадии развития социалистического хозяйства. Последнее было бы разложено и, в конце концов, бито в этой борьбе. Не надо забывать, что если все наше государственное хозяйство при прочих равных условиях в целом слабей капиталистического (для точности сравнения скажу так: наша теперешняя государственная промышленность слабей нашей же довоенной крупной капиталистической промышленности), то и отдельное государственное предприятие при прочих равных условиях слабей капиталистического предприятия. По отношению к заграничной капиталистической промышленности это выражается в том, что продукты нашей промышленности в огромном большинстве дороже и хуже заграничных и иными быть не могут [1]). Внутри же страны

[1]) Например, техника нашей текстильной промышленности лет на 20 отстала от английской.

частная промышленность слабей только потому, что она находится не в равных условиях для борьбы. В руках государства находятся с самого начала крупные и технически самые лучшие предприятия. А во-вторых, что самое важное, частная промышленность во всем остальном поставлена в менее выгодные условия, чем государственная промышленность. Благодаря совершенно правильной социалистической политике государственное хозяйство, а, следовательно, отдельные государственные предприятия, только как часть этого целого, оказываются сильней частных, т.-е. сильней в условиях неравенства сторон. А если это все так,—а это именно так,—то отсюда следует, что победа социалистической формы над капиталистической в период экономической и технической слабости государственного хозяйства, т.-е. в период первоначального социалистического накопления, не может ни в каком случае происходить в результате конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий или групп их с отдельными аналогичными предприятиями капиталистического характера. Для победы этим путем государственным предприятиям не хватает того главного, что было у капиталистических предприятий, боровшихся с ремеслом: нет индивидуального экономического и технического преимущества над предприятиями исторически более низшей формы. Но если социалистическая форма должна победить и она побеждает уже постепенно на стадии предварительного социалистического накопления (само накопление есть уже продукт борьбы, один из ее трофеев), то для этого должны быть какие-то другие причины, выходящие за пределы конкурентной борьбы индивидуальных предприятий двух различных экономических систем. В чем же эти причины, где то особенное, что отличает социалистическую экспансию от экспансии капиталистической, что делает социалистическую форму в борьбе с капиталистической более устойчивой?

Первая самая важная особенность состоит в том, что государственное хозяйство вступает в борьбу и не может не вступать в борьбу только как единое целое. Отдельное предприятие государства, оторванное от целого и брошенное в стадию конкурентной борьбы, вероятно, не выдержало бы и было бы бито. Но то же предприятие, находясь в едином комплексе государственного хозяйства, имеет за собой всю силу этого комплекса, а потому оно уже не является ни в какой мере единичным предприятием или трестом старого капиталистического типа, даже когда оно «переведено на хозяйственный расчет» и внешне как будт бы подобно индиви-

дуальному предприятию товарного хозяйства или капиталистическому тресту. Как труд на основах кооперации представляет из себя нечто большее, чем сумму индивидуальных рабочих сил, об'единенных этой кооперативной работой, так и целостный комплекс государственного хозяйства есть нечто большее, чем арифметическая сумма всех входящих в него предприятий и трестов. Здесь получается добавочная сила от огромной кооперации нового типа,— результат действия большой экономической массы. Когда создавались и переводились на хозяйственный расчет наши тресты, то внешняя видимость этих трестов, их капиталистический облик и капиталистические методы калькуляции дали ряду вульгарных экономистов повод создать что-то вроде «терии» конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий с капиталистическими, — теории, которая подозрительным образом об'единила марксистски образованных или, по крайней мере, грамотных людей с верхоглядами и обывателями буржуазной «науки».

Но практические потребности огромной машины государственного хозяйства и его отдельных звеньев, фактическая политика, диктуемая этой машине экономической необходимостью, есть вещь гораздо более солидная, чем эти грошевые обывательские рассуждения, представляющие из себя попытку временные поверхностные явления при переходе государственного хозяйства от военного коммунизма к периоду социалистического накопления (или, как принято говорить у нас, к нэпу [1]), т.-е. явление известной дезорганизации, разбросанности трестов, отсутствие управления ими и т. д.— выдать за нормальный тип взаимоотношений трестов друг с другом и с частным рынком. Между тем, как только период реорганизации, период расстановки экономических сил государственного хозяйства применительно к условиям товарного обмена закончился и были сделаны первые шаги в новой обстановке, начался процесс «собирания» государственного хозяйства, как единого целого, нащупывания и практического использования тех преимуществ, которые дает кооперация больших экономических масс и, наконец, постепенного сужения поля «свободной» конкуренции государственного хозяйства с частным [1]).

[1]) Новая экономическая политика была «новой», пока жива была память о «старой» экономической политике военного коммунизма, которой она противопоставлялась. Необходимо ликвидировать этот термин. Начало положено словом НЭП, которое одновременно употребляется в трех смыслах, обозначая: 1) новую экономическую политику, 2) всю нашу смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства, 3) буржуазное начало в нашей экономике. Вместо «новая экономическая политика» теперь правильней и целесообразней говорить: политика социалистического накопления.

Другой причиной, которая делает устойчивой социалистическую форму в борьбе с капиталистической и которая также не имеет ничего общего со свободой конкурентной борьбы (а как раз наоборот), есть сращивание государственной власти с государственным хозяйством. В период первоначального капиталистического накопления государство часто способствует этому процессу, в том числе и мерами насилия, но это содействие государства капиталистическому развитию, а также и противодействие его, как феодального государства этому развитию, не идет ни в какое сравнение с той ролью, какую играет пролетарское государство в экономическом процессе. Некоторое представление об этом из прошлого может дать лишь период военно-государственного капитализма эпохи империалистической войны. В какой огромной степени сращивание капиталистического государства с капиталистическим хозяйством может увеличить силу и устойчивость данного политико-экономического механизма, показал опыт военно-государственного капитализма в Германии в 1914 — 1918 годах. При пролетарской диктатуре этот процесс сращивания идет гораздо дальше. Пролетарское государство и пролетарское хозяйство представляют собой единое целое в полном смысле этого слова. Это в огромнейшей степени увеличивает как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства. Мы уже указывали выше, какую огромную роль играют внеэкономические методы социалистического накопления. Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически досягаемого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства. С другой стороны, монополия внешней торговли и наш защитительный барьер таможенных пошлин, о который разбиваются волны закона стои-

[1]) То, что заставляет в настоящее время всех белогвардейцев истерически кричать о возвращении к методам военного коммунизма, есть на самом деле лишь процесс консолидации государственного хозяйства и начало перехода к тем методам борьбы его за свое существование и развитие, которые будут характерны для всего периода первоначального социалистического накопления.

234351

мости мирового хозяйства, есть реализация внутренней политической силы пролетарского государства и внешней поддержки его со стороны мирового пролетариата. Экономическое значение использования этих сил на этом участке имеет прямо решающее значение для всего существования социалистической формы в младенческий период ее существования.

Таким образом мы приходим к выводу, что если между капиталистической и социалистической экспансией есть то формальное сходство, что обеим формам имманентно присуще стремление развиваться не только за счет своих собственных ресурсов, но и неизбежно за счет вытеснения исторически отсталых способов производства и за счет их постоянной эксплоатации, то методы борьбы со старыми формами у капитализма и социализма совершенно отличны. Капитализм побеждает в рассыпном строю, в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства. Социализм побеждает в сомкнутом строю государственного хозяйства, выступающего как единое целое, амальгамированного с политической властью, в условиях ситематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции. Видимость свободы конкуренции после ликвидации политики военного коммунизма была лишь педагогической мерой для подтягивания и рационализации работы государственных предприятий, а не была возвращением к исторически свойственной капитализму в его первой и второй стадии развития форме взаимоотношений со старым способом производства. Социализму присуща с в о я с о б с т в е н н а я ф о р м а в з а и м о о т н о ш е н и я с с о ц и а л и с т и ч е с к и м и ф о р м а м и, которая ни в какой мере не может быть возрождением обстановки первоначального капиталистического накопления, она не может быть возрождением и той свободы конкуренции, от которой сам капитализм перешел в стадию монополистических об'единений. Мы ничего не можем сказать о том, в каких формах будет происходить вытеснение социализмом других экономических систем производства в тот период, когда социалистическое хозяйство будет иметь под собой новую техническую базу. Но для обозреваемого теперь периода первоначального социалистического накопления такой формой является: ограничение или даже ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими.

Что же касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие взаимоотношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокапитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и его подчиненных, т.-е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но рядом с этим неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством, другая кооперируется капиталистическим путем, третья, в обход этому последнему процессу, об'единяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтму давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть. Заметим здесь кстати, что у нас еще не найдены такие пути использования государственной монополии в интересах кооперации, которые в условиях ограничения свободы конкуренции для капиталистической формы давали бы максимальные результаты [1]).

Чтобы покончить с затронутым вопросом, мы должны сказать еще следующее. В период первоначального социалистического накопления государственное хозяйство, хотя и не перестроившее своей техники, уже в состоянии использовать те преимущества единого организованного комплекса, которые недоступны капитализму, растрачивающему зря много сил вследствие анархичности его структуры. Попытки использовать эти преимущества при системе военного коммунизма не были неудачными, но плоды их затерялись и потонули в той дыре общего хозяйственного дефицита, который был характерен для этой системы хозяйства. Теперь эти преимущества были бы гораздо более заметны, если бы мы, на-

[1]) Историческая задача капитализма состоит, между прочим, в том, что на основе обмена он делает все участвующие в обмене формы хозяйства частями единого экономического организма. Тем самым и мелкое товарное производство с самаго начала имеет возможность вступить в непосредственную связь с государственным хозяйством.

конец, осуществили насущнейшую организационную, а вместе с тем и важную общеэкономическую задачу управления всем государственным хозяйством, как единым целым.

Вместе с тем здесь надо упомянуть еще о преимуществе, которое имеет капитализм над государственным хозяйством в том отношении, что он уже выработал в предыдущую эпоху необходимый ему людской материал, такой тип агентов производства и распределения, которые воспитаны на капиталистических стимулах к труду и приспособлены к капиталистической дисциплине. Наоборот, тип «работников государственного хозяйства», как особый социальный тип, еще только формируется, что вынуждает новую систему хозяйства опираться на старых людей, неся при этом огромные убытки от бесхозяйственности, злоупотреблений и т. д. Как мы увидим из особой главы этой книги, накопление социалистических навыков и накопление социалистической культуры имеет крайне важное значение в борьбе социалистического производства с капиталистическим. По крайней мере, в первое десятилетие капитализм в этой области имеет явное преобладание над социализмом, потому что имеет в своих руках плоды векового культурного накопления.

Другая причина устойчивости капиталистической формы в борьбе с социалистической, особенно отчетливо выступающая в мелкой и средней торговле, заключается в том, что частные предприятия эксплоатируют труд своих рабочих и служащих, а также и труд самих хозяев, переходя всякие пределы допустимого советским законодательством об охране труда. Социалистическая система не может уменьшать свои издержки производства и обращения таким путем. А в тот период, когда эта форма не может бить частное хозяйство и на экономической основе, такое преимущество частного хозяйства имеет огромное значение, особенно в торговле. При системе самоэксплоатации торговцев, при отсутствии у них расходов на отчетность, при личном доверии хозяина к служащим (продукт приспособления работника к потребностям капиталистических отношений) государственная торговля вряд ли будет когда-либо связана с меньшими издержками на единицу оборота. Преимущество социализма (строгая охрана труда) превращается здесь в преимущество капитализма, поскольку дело идет о соревновании в деле сокращения издержек обращения.

После всего сказанного для нас будет ясней и проблема внешних займов и концессий в период социалистического накопления. Внешний долгосрочный заем за границей, с одной стороны, является одним из видов эксплоатации иностранным капиталом молодой новой экономики. Но, с другой стороны, он в сильнейшей степени способен ускорить процесс социалистического накопления. Он означает единовременное скачкообразное увеличение фонда социалистического накопления, он ускоряет процесс технического переоборудования государственного хозяйства и, следовательно, сокращает период пребывания государственной промышленности в приготовительном классе социализма. Он дает возможность занять многие десятки тысяч безработных рабочих, которые теперь оторваны от производства вследствие недостатка материальных элементов производства в руках государства, и тем самым делает этих безработных участниками социалистического накопления. Рассуждая теоретически, иностранные займы представляют из себя синтез капиталистического и социалистического накопления. Но они могут стать в гораздо большей степени фактором социалистического, чем капиталистического накопления в период упадка капитализма. Процент, который будет уплачиваться государственным хозяйством за кредит, будет, несомненно, много меньше тех новых ценностей, которые войдут в фонд социалистического накопления. При этом, разумеется, подразумевается, что государство является вполне свободным в распоряжении кредитами, и обязательство уплаты процентов есть единственная форма связи заимодавца с кредитором. Любопытно будет вспомнить, что инвестирование капиталов из хозяйственно-дряхлеющих стран в более молодые и развивающиеся капиталистические организмы за границей играли очень большую роль в период первоначального накопления. Так, например, когда Венеция потеряла гегемонию в торговле на Средиземном море, накопленные венецианским торговым капиталом средства стали помещаться в торговлю и промышленность Голландии. Через известное время, однако, капиталы из Голландии стали перекочевывать в Англию, а затем из Англии в Америку. «Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и голландцы перестали быть господствующей торговой и промышленной нацией. В период 1700 — 1776 г.г. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке — Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие, не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют лишь вчера капитализированную в Англии кровь рабочих-детей («Капитал», т. I, ч. I, стр. 780).

Во всяком случае, если бы, например, средства дряхлеющего капитализма Европы были способны в большом масштабе перекочевать в молодое советское хозяйство, на промежуток между настоящим моментом и пролетарской революцией в Европе, это было бы плюсом не для капитализма, а для социализма. Если в этом процессе хитрость гегелевского мирового разума должна выявиться в приманке этих капиталов процентом, то на это не стоило бы жалеть и повышенного процента в сравнении с обычным средним [1]).

Иначе обстоит дело с концессиями. Здесь отношение между социалистическим и капиталистическим накоплением скорее как раз обратное. Организатором накопления является частный капитал, государство же получает проценты в виде долевого отчисления с продукции, аренды, в виде налогов, права преимущественной покупки и т. д. Но отрицательная сторона концессий заключается не в том, что государство получает из прибавочной стоимости меньше капиталиста. При выгодно сданной концессии государство получает нечто в фонд накопления, вообще говоря, там, где не получило бы ничего без концессионера. Основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство периода первоначального социалистического накопления, т.-е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с иностранным капиталом, идущим во всеоружии своей техники, излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу. Большие концессии в основных отраслях государственной промышленности, страдающей от недостатка капитала, с самого начала покажут, что эти предприятия находятся в неравных условиях с государственными. Эти предприятия немедленно реализуют те выгоды, которые имеет развитая иностранная капиталистическая промышленность над нашей. Здесь мы будем иметь обход нашего таможенного кордона и состязание двух систем хозяйства при неблагоприятном соотношении сил для государственного хозяйства. Итог может быть здесь таков, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство. Это разложение выразится, между прочим, и в том, что рабочие в капиталистических предприятиях будут находиться в лучших материальных условиях, чем рабочие государственной промышленности, что, несомненно, будет иметь свои политические последствия. Все это относится, разумеется, только к первому периоду существования государственного хозяйства, к периоду первоначального накопления. Когда же социалистическая форма окрепнет экономически и технически, концессии не будут уже опасны. Но они тогда будут и менее нужны, потому что только крайняя нужда в новых капиталах заставляет итти по пути концессий. Сказанное, разумеется, не относится к концессиям, принимаемым в умеренной дозе, не в хозяйственных центрах СССР и не в решающих отраслях производства. Примером наиболее полезных и наименее опасных концессий могут служить лесные концессии.

[1]) К сожалению, есть не меньше оснований ожидать, что мировой капитализм будет искать решение проблемы о новых рынках и экспорте капитала не в такой форме, а в форме новой интервенции против Советского союза.

Во всяком случае осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма. Дело идет и здесь также об обеспечении необходимых предпосылок для социалистического накопления. И здесь, следовательно, перед нами борьба закона социалистического накопления с законом стоимости мирового капиталистического хозяйства.

Теперь мы перейдем к последней, самой интересной с теоретической точки зрения, преблеме: к вопросу о борьбе двух законов—закона стоимости и закона социалистического накопления—внутри хозяйства СССР.

Из предыдущего изложения было видно, что закону социалистического накопления подчинена вся экономическая политика советского государства и экономика государственного хозяйства. Невозможно говорить ни о каких законах движения заработной платы в государственном хозяйстве СССР и ни о какой теории заработной платы без анализа закона социалистического накопления и его проявления на этом участке экономического поля. Этому же закону подчинена, а поскольку не подчинена еще, должна будет подчиниться с железной необходимостью политика цен на продукцию госпромышленности и система железнодорожных и водных тарифов. Закону социалистического накопления подчинена структура доходной части бюджета с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического (разумеется, с поправками на экономическую возможность и политическую целесообразность).

Закону этого накопления подчинена структура расходной части бюджета. Монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма есть оборона социалистического хозяйства на данной его стадии, т.-е. защита известного поля, обеспеченного для социалистического накопления против вторжения в эти пределы носителей капиталистического накопления. Закону социалистического накопления подчинена вся наша кредитная система и по методам ее организации и по принципам ее политики, прежде всего по принципам распределения кредитных ресурсов страны. Тому же закону подчинена наша торговая политика внутри страны, с ее постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства и к проведению ряда мероприятий, направленных к регулированию внутреннего рынка. Это регулирование [1]) есть по существу также либо ограничение темпа и размеров капиталистического накопления в процессе обращения, либо увеличение социалистического накопления в этой сфере, либо осуществление того и другого вместе. Наша политика по охране труда, с одной стороны, есть политика сохранения и качественного улучшения важнейшей производительной силы, важнейшего элемента социалистического накопления, а именно рабочей силы пролетариата, а с другой стороны, в ее распространении на частное хозяйство, эта политика означает сокращение темпа и размеров капиталистического накопления.

Одним словом, все основные процессы внутри государственного хозяйства и общие принципы хозяйственной политики пролетарского государства подчинены в настоящей стадии развития прежде всего и больше всего экономической необходимости всемерного накопления и всемерной экономии и бережливости. Эта политика не во всех областях проведена с достаточной полнотой и последовательностью, например, не проведена в области борьбы с непроизводительным потреблением и т. д., но все это лишь вопрос времени.

Но государственное хозяйство СССР есть только часть всего хозяйственного целого страны. Большая часть ценностей создается в частном хозяйстве, точнее, в сфере простого товарного производства, как это мы увидим в следующих главах из подробного цифро-

[1]) Вообще регулирующие начала в нашем хозяйстве есть организационные ростки новой экономики — экономики государственного организованного хозяйства. Но на данной стадии эти ростки пускают корни и крепнут, выполняя *прежде* всего ***функции социалистического накопления.*** Выростая на этой функции, они в дальнейшем будут играть иную роль.

вого анализа нашего хозяйственного бюджета. Наша экономика в целом является товарно-социалистической системой хозяйства. Закон социалистического накопления коренится прежде всего в головных социалистических звеньях хозяйства, т.-е. в государственном хозяйстве и распространяет в известной мере свое действие на частное хозяйство лишь как на чужеродную среду. Наоборот, имманентным законом простого и капиталистического хозяйства является закон стоимости, который так же распространяет свое действие и на государственное хозяйство. Так как хозяйство СССР представляет из себя совершенно невиданный в экономической истории пример сожительства двух систем хозяйства, то оно должно быть также ареной не только борьбы, но и известного равновесия, следовательно, об'ективно известного сожительства двух различных экономических законов.

Закон социалистического накопления ограничен демократией товарного хозяйства, с присущей последнему закономерностью, линией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено, охвачено, если хотите, сжато законом социалистического накопления, законами развития чужеродного для него социалистического тела. Поэтому наше хозяйство, не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным.

Вопрос о научно-экономической квалификации нашей системы хозяйства вызвал и не раз будет еще некоторое (надеемся, непродолжительное) время вызывать много споров. Одно время у нас считалось верхом делеческого реализма и коммунистического мужества трактовать наше хозяйство, как одну из разновидностей товарного хозяйства, лишь несколько искаженного, в результате государственной собственности на крупную промышленность. Эта точка зрения молчаливо предполагала существование в нашем хозяйстве лишь одного основного закона, действующего в товарном хозяйстве, — закона стоимости. Если бы это было так, то под действием этого закона, напирающего и извнутри и извне, государственная промышленность должна была бы рассасываться в нэпе, если не рассосаться к настоящему моменту совсем, государственная монополия должна была бы делаться все более фиктивной, убыточные предприятия должны были бы закрываться, и существовать только прибыльные и т. д. В частности, транспорт и металлургия должны были бы или остановиться или перейти в руки иностранного капитала и т. д. и т. д. Ничего этого мы не наблюдаем, а наблюдаем, как постепенно развивается и крепнет на-ряду с развитием товарности крестьянского хозяйства как раз обратный

процесс. Почему же это? Если этот процесс развивается не по линии закона стоимости, а вопреки ему, если государственная промышленность развивается и крепнет вопреки закону стоимости, то это возможно лишь потому, что закону стоимости противодействует, этот закон модифицирует, отклоняет или частично ликвидирует какой-то другой закон. Какой это закон, мы уже видели.

Этот вывод имеет огромное принципиальное значение для правильного понимания нашей системы хозяйства и основных тенденций его развития. Но констатируя наличность в этом хозяйстве двух основных законов, мы еще не даем никакого ответа на вопрос об удельном экономическом весе и динамике каждого из них. Это должно быть предметом особого анализа, который будет дан в других главах. Необходимо лишь заметить, что, только исходя из признания этих двух законов, как предпосылки каждого конкретного исследования об общих тенденциях нашего хозяйства, мы в состоянии правильно понять массу новых и своеобразных черт в этом хозяйстве. Эти новые черты и явления никак нельзя вывести из развития товарного хозяйства, как такового. Поэтому тем, кто рассматривает наше хозяйство только как товарное хозяйство, приходится либо оставлять эти явления без об'яснения, либо накоплять гору «исключений», которые вопиют о каком-то общем правиле, либо (что чаще всего бывает), глубокомысленно записывать их в счет особенностей «хозяйства с диктатурой пролетариата». Я думаю, что подобного сорта «теоретический анализ» мы переросли и повторение три года под-ряд одних и тех же фраз о нэпе давным давно нам надоело своей бессодержательностью и бесплодием.

Посмотрим же, до каких пределов простирается в нашем хозяйстве действие законов товарного производства, в частности, их влияние на наше государственное хозяйство и, с другой стороны, в какой степени законы товарного производства изменены или частично ликвидируются законом социалистического накопления.

Начнем с законов товарного производства.

Товарное производство, как простое, так и капиталистическое товарное производство есть производство для рынка. В области обращения у нас, после ликвидации военного коммунизма, господствует денежный товарообмен. Он господствует не только внутри всего частного хозяйства (разумеется, минус натуральное), не только при обмене веществ между государственным хозяйством и частным, но и в огромной части также при обмене веществ внутри круга государственного хозяйства. Вот эта почти универсальная у нас форма денежного товарообмена и денежной калькуляции при-

нимается многими за показатель поля приложения и силы господства закона стоимости, как регулятора всех хозяйственных процессов. Это обстоятельство, несомненно, лежит в основе всей той переоценки роли и значения законов товарного хозяйства, которая мешала и мешает многим понять действительную сущность нашей хозяйственной системы. Однако, между областью распространения денежного товарообмена и значимостью закона ценности ни в коем случае нельзя проводить знака равенства. Этого нельзя делать даже в отношении чистого капитализма, поскольку уже в монополистический период капитализма закон стоимости частично ликвидируется, как и все другие, связанные с ним, законы товарного производства. В самых основах товарного производства происходят сильнейшие изменения. Цитируя буржуазного экономиста Кестнера, описывающего те изменения, которые вносит в систему торговли капитализм периода монополии, т. Ленин в своей брошюре «Империализм как новейший этап капитализма» писал: «В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано[1]) (подчеркнуто мной. *Е. П.*). И в той же брошюре в другом месте т. Ленин пишет: «Старый капитализм свободной конкуренции, с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно, напрашивается вопрос: к чему переходит этот новейший капитализм?—Но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся» [2]).

Мы знаем теперь после Октябрьской революции по опыту, «к чему переходит» капитализм периода монополии. Он переходит во всяком случае не к свободе конкуренции, а к монополии, во много раз более широкой и всеоб'емлющей, чем монополия американских трестов. Он переходит к монополии государства на всю крупную и среднюю промышленность, на транспорт, кредитную систему и оптовую торговлю. В этом смысле наше государственное хозяйство является исторически продолжением и усугублением монополистских тенденций капитализма, а следовательно, и продолжением

---

[1]) *В. Ленин.* — «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 23 Издание «Красная Новь».

[2]) Там же, стр. 34.

этих тенденций в направлении дальнейшего перерождения товарного хозяйства и дальнейшей ликвидации закона стоимости. Если уже в период монополистского капитализма товарное хозяйство было, по выражению тов. Ленина, «подорвано», то в какой же степени оно и его законы, следовательно, и его основной закон стоимости, подорваны в хозяйственной системе СССР?

Между морем нашего простого товарного производства и нашим государственным хозяйством имеются крайне слабые промежуточные звенья капиталистического производства и лишь в области обмена имеется огромное звено в виде частного торгового капитала. При таком положении, т.-е. пока частный промышленный капитал еще очень слаб, монополия государственной промышленности является подавляющей и ограничивается, главным образом, лишь конкуренцией ремесла и кустарной промышленности. Но эта конкуренция по отношению ко всей государственной промышленности ограничена техническим превосходством последней, а по отношению к тяжелой промышленности невозможна совсем.

Но если по размерам денежного товарооборота нельзя еще судить о силе и значимости специфических законов товарного производства, потому что такой подход к проблеме был бы чисто формальным и поверхностным, то столь же формально и столь же поверхностно было бы заключать о влиянии законов товарного производства на государственное хозяйство, если бы мы мерилом этого влияния взяли размеры движения товарных масс из частного хозяйства в государственное и обратно. Американский фермер еще в большей степени, чем наш крестьянин, участвует в товарообороте с американской промышленностью; его хлеб и сырье также крайне необходимы этой промышленности, он необходим этой промышленности и как покупатель, тем не менее это не мешает тому, что, подчиняясь экономическому соотношению сил, фермер находится в кабале у трестов и банков и никакого эквивалентного обмена у него с городом нет. Нельзя сказать: чем больше развивается товарооборот между городом и деревней в СССР, тем больше государственная промышленность подпадает в зависимость от товарного хозяйства и тем больше подчиняется действию его законов. В некоторых отношениях *верно как раз обратное*. Наша промышленность оказывалась бы в тем более тяжком положении, чем больше крестьянское хозяйство превращалось бы в хозяйство натуральное. Доказательством тому — эпоха военного коммунизма. Наоборот, чем больше развивается товарный обмен между городом и деревней, тем больше

соотношение сил определяется организованностью сторон. В данном случае, следовательно, тем больше крестьянское хозяйство попадает в зависимость от государственного хозяйства.

Для оценки действия законов товарного производства на государственное хозяйство нужен более детальный и более глубокий анализ. Мы дадим этот анализ в главах об экономике земледелия и о системе обмена в СССР.

Здесь мы укажем лишь на самое основное. Несомненно, стихия рыночных взаимоотношений, а следовательно, и закон стоимости оказывают свое влияние при закупке государственным кругом у мелкого производства таких товаров, которые имеют одновременно других конкурирующих покупателей внутри страны. Он оказывает свое действие и тогда, когда преимущественная покупка — в руках государства, но когда вместе с тем крестьянство в состоянии перейти от данных культур к другим, если этот монопольный закупщик дает неприемлемые цены производителю. В этом случае давление закона стоимости не только найдет свое выражение в ценах, т.-е. в своем денежном выражении на периферии обмена с частным хозяйством, но передастся глубоко внутрь государственного круга, отражаясь на калькуляции не только затронутой отрасли производства, но и всех смежных отраслей, в том числе через общий уровень заработной платы. Но много ли таких ценностей при обмене частного хозяйства с государственным и какой их удельный вес? Очень велико действие закона стоимости при обмене животноводческих продуктов питания (мясо, масло, яйца). Оно очень велико при обмене такого сырья, как кожи, овчина, шерсть, где много конкурирующих покупателей и где сам производитель при неблагоприятной рыночной кон'юнктуре усиливает собственную кустарную переработку сырья, бойкотируя город. Меньше влияния внутри рыночных отношений при обмене другого технического сырья, как пенька, лен и особенно хлопок. Здесь, правда, регулировка предельных цен идет с внешнего рынка, т.-е. от закона стоимости мирового хозяйства, но на очень большом пространстве от средних внутренних цен до цен внешнего рынка господство над ценами в огромной степени находится в руках монополиста экспортера, или почти монополиста по фабричной переработке, т.-е. государства. Наконец, еще в большей степени хозяином положения в области цен является государство при хлебной торговле. Казалось бы, где, как не здесь разгуляться закону стоимости! Однако, в действительности дело обстоит как раз наоборот. При неурожае закон стихии спроса и предложения выпирает в области торговли хлебом на

первый план, но при среднем урожае и при излишках, требующих реализации за границей, хозяином положения на рынке является государство. В неурожайные 1920 и 1921 годы, при огромном к тому же недосеве, государство срезало действие рыночной стихии внутри страны развертской, продналогом и ввозом хлеба из-за границы. Теперь же, при излишках оно достигает с гораздо большим успехом своей цели путем монополии хлебного экспорта. Господствуя над 200 миллионами внутренних излишков, оно господствует и над внутренними ценами. Это достаточно показал опыт осени 1923 г., когда при наличии хлебных излишков несвоевременное развертывание хлебных операций, равносильное временному бойкоту государством продажного крестьянского хлеба в условиях взноса налога, сбросило хлебные цены в некоторых местах до 20 — 30 коп. за пуд ржи, т.-е. в 6 — 7 раз в сравнении с ценами 1920 — 1921 года. Так обстоит дело при нормальном положении, т.-е. при среднем урожае. В дальнейшем, т.-е. с развертыванием хлебной торговли и что то же, — с развертыванием товарности крестьянского хозяйства, регулирующая роль здесь государства (в пределах, очерченных мировым законом стоимости в этой области) будет не падать, а возрастать.

Но законы товарного производства оказывают свое действие на государственное хозяйство и в другом смысле, и здесь их действие, пожалуй, более серьезно. Я говорю о реализации продукции государственной промышленности на частном рынке. Наша промышленность работает на рыночный спрос. Она работает на рыночный спрос и в том случае, когда этот спрос идет извнутри государственного круга, и в том случае, когда он идет извне его. Но рыночные взаимоотношения внутри государственного круга отнюдь не вытекают органически из имманентных законов развития и структуры самого государственного хозяйства. Здесь рыночные отношения являются формальными и навязаны государственному хозяйству извне, навязаны формой его взаимоотношений с частным хозяйством. Регулирование спроса государственной промышленности на продукты самой этой промышленности может итти очень далеко. При сохранении рыночной формы и денежных расчетов здесь достижима очень большая планомерность в распределении заказов, несмотря на все те колебания, которые будут итти от отраслей, непосредственно связанных с частным хозяйством. Другое дело — обмен с частным хозяйством. В этом пункте пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последняя же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой предпосылкой как раз самого социалистического накопления. Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на стороне государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена. Но через эту дверь зависимости государственного хозяйства от платежеспособного спроса частного хозяйства прорываются в него колебания стихии товарного хозяйства. Эти колебания могут быть ограничены плановой политикой цен и плановым развертыванием государственного хозяйства, основанного на предварительном учете спроса частного хозяйства, но не могут быть ликвидированы совсем.

Кроме того сила влияния частного хозяйства на государственное сказывается в этом пункте в том, что на стадии первоначального накопления и при крайней бедности капиталами государственное хозяйство подчинено в своем развертывании размерам платежеспособного спроса, не может вырваться здесь из законов товарного производства и усилить постепенно темп перехода к социалистическому типу производства для удовлетворения потребительского спроса самих работников социалистического круга. Ибо постепенное увеличение фонда воспроизводства за счет обмена с частным хозяйством возможно лишь на основе рыночного спроса со всеми вытекающими из него последствиями. При отсутствии иных основных форм связи частного хозяйства с государственным, кроме рыночного товарообмена, этот последний сам делается необходимой предпосылкой социалистического накопления.

Действие закона стоимости в товарном хозяйстве при свободе конкуренции, т.-е. в его родной социальной стихии, самым существенным образом отличается, следовательно, от силы действия этого закона в советской экономике и тем более на экономическом поле государственного хозяйства. Разница здесь, примерно, такая же, какая бывает в силе удара падающего с большой высоты камня, с одной стороны, на поверхности воды и, с другой стороны, на дне водоема. Чем организованней государственное хозяйство, чем тесней связаны его отдельные звенья оперативным хозяйственным планом, чем более оно представляет из себя компактное экономическое целое, тем сильней его противодействие закону стоимости, тем больше его активное влияние на законы товарного производства, тем больше оно само со своим железным законом социалисти-

ческого накопления превращается в важнейший элемент закономерности во всем хозяйстве, в том числе и частном.

Подводя баланс действию закона стоимости и закона социалистического накопления в нашем хозяйстве, мы приходим к выводу, что никакой научный анализ нашего хозяйства невозможен без признания наличия этих двух законов и без изучения того, что является продуктом их взаимодействия.

В заключение я хотел бы коснуться одного возможного возражения против самой возможности противопоставления закона стоимости, как стихийного регулятора экономических процессов товарного хозяйства, закону социалистического накопления, который находит свое выражение в сознательной политике пролетарского государства. Может показаться, самое понятие закона здесь как будто неуместно.

Это возражение несостоятельно. Если закон социалистического накопления находит свое выражение в соответствующей экономической политике пролетарского государства, то это не дает никаких оснований выключать и результаты этой политики и ее движущие мотивы и причины из круга явлений, подчиненных экономической необходимости. Если стоять на той точке зрения, что свобода есть сознанная необходимость, и ничего больше, то заранее сознанная необходимость определенных действий в области экономики не ликвидирует того или иного закона, как внешне принудительной силы, заставляющей действовать именно в данном направлении. Тем более, что и «сознательность» на первых этапах социалистического строительства весьма скромного об'ема. В связи с этим вопросом полезно вспомнить, что говорил Маркс о свободе и необходимости в области экономики.

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и циливизованный и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется его царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек,

ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над нами; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 357).

Закон предварительного социалистического накопления мы рассматриваем как внешне принудительную силу для советского государства; этот закон заставляет государство в интересах самосохранения всей системы действовать так, а не иначе. На той стадии развития социалистического строительства, которую мы теперь проходим, лишь только начинается трансформация политической экономии в другую науку. Эта трансформация в известном смысле начинается уже в Марксовой политической экономии. Если буржуазная политическая экономия рассматривала капиталистическое общество как нормальный тип человеческого общества и его законы трактовала, примерно, так же, как законы природы, если задача этой политической экономии состояла в об'яснении того, что есть, то уже Маркс, чтобы понять закономерности капиталистического производства, взятого в целом, должен был предварительно социализировать это общество в своей голове. Это не только дало ему возможность анализировать организм капиталистического общества как единое целое, понять законы развития этого общества и предсказать его неизбежную судьбу, но также позволило ему поставить задачу не только изучать мир, но и его изменять. Политическая экономия переходного периода от капитализма к социализму, имеющая об'ектом своего анализа смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства, неизбежно должна увеличивать удельный вес своей задачи, изменять общественную среду в сравнении с задачей ее изучения. Чем более организованной делается экономика переходного периода, чем более прозрачными становятся законы экономической необходимости, чем больше статистика и учет дают возможность предвидеть экономическую необходимость раньше, чем она ударит по головам и желудкам участников общества, подобно стихийной силе природы, тем больше изучение того, что есть, будет

отступать перед задачей схватить и предсказать то, что надо делать, тем больше политическая экономия будет превращаться в теорию экономической стратегии и организационного искусства государственного хозяйства, подчиняющего себе окружающую его периферию частного хозяйства.

Мы только еще вступаем на этот путь.

Е. Преображенский.

Деревня переходного периода.

I.

Область сельского хозяйства многими буржуазными и мелкобуржуазными писателями и учеными об'являлась такой областью, к которой не применимы общие законы капиталистического развития и тех противоречий, которые порождаются этим развитием. Эта область, по их мнению, является ярким показателем устойчивости собственнического буржуазного уклада. Давид, Герц, Чупров, Огановский, Семен Маслов, Макаров и другие сторонники, явные и тайные, капиталистического строя видели гарантию спасения последнего в инерции и устойчивости развития сельского хозяйства и, в частности, застрахованности его от общих капиталистических кризисов и острой классовой борьбы.

Мы не будем доказывать ту доказанную марксистской теорией истину, что развитие сельского хозяйства идет в общем тем же путем экономического развития и направляется теми же общими экономическими законами, что и промышленность. Труды Карла Маркса, Ленина, Каутского довоенного периода и других в достаточной степени осветили процесс развития сельского хозяйства и общественных отношений в деревне. Проникновение туда капиталистических отношений для нашего времени является очевидным фактом. «Всякое рассуждение,—говорит Ленин,—о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне».

Но для нас является крайне интересным тот факт, что в современную переходную эпоху от капитализма к социализму—процессы, переживаемые деревней, в общем совпадают с теми процессами, какие переживает город.

Перед экономической наукой встает крайне важный вопрос анализа и изучения современного развития сельского хозяйства и общественных отношений в деревне в настоящий переходный период

от капитализма к социализму, под углом зрения общих законов общественного развития в переходную эпоху.

Мы знаем, что капитализм в целом переживает кризис, который приводит к полному развалу и краху капиталистическую систему. Но насколько этот кризис затронул сельское хозяйство, или, лучше сказать, в какой мере и степени современная деревня вовлечена в тот круговорот развала капиталистического строя,—свидетелями которого мы являемся? Само собою разумеется, a priori можно сказать, что поскольку капиталистический строй разваливается, постольку неизбежно в этот процесс должна быть втянута и деревня, втянута вся целиком. Как мы уже знаем, крах капиталистической системы выражается в разрыве мировых экономических связей, в кризисе финансовом и производственном, в империалистических войнах и, наконец, в гражданской войне. От всех этих разрушительных процессов деревня не может быть отстранена, она в такой же степени, как и город, страдает от финансового банкротства современных буржуазных государств, от потери мирового рынка, последствий империалистических и гражданских войн и т. п. Вполне понятно, что раз разваливается вся система капитализма и капиталистических отношений, деревня не может быть исключена из этого краха.

Поэтому и экономически и политически деревня втянута в круговорот современных событий, следовательно, и в экономической области, т.-е. в области развития современного сельского хозяйства, и в политической области, т.-е. в развитии гражданской войны и в направлении борьбы против буржуазного государства и власти капиталистов за новый социальный слой,—мы наблюдаем по существу в деревне ту же картину, что и в городе, но, конечно, с известными особенностями.

Для понимания переходного периода и развертывающейся борьбы необходимо с особым вниманием изучать эти процессы экономического развития и политической борьбы в деревне. Тем более, что в большинстве капиталистических стран сельскохозяйственное население, несмотря на быстрое развитие промышленности и рост городов, все же составляет около половины всего населения, и только в наиболее промышленных странах, как Великобритания, С.-А. Соед. Штаты и Германия, сельское население составляет всего 20—30% работоспособного населения. Нижеследующая таблица показывает распределение работоспособного населения в главнейших странах.

Распределение населения (в миллионах).

Название страны.	К какому году относятся сведения.	Всего работоспособ. населения.	В том числе городского.		В том числе сельского.	
			абс. кол.	%%	абс. кол.	%%
Великобритания	1911	22	17	78	5	22
Германия (в теперешних границах)	1907	27	17,5	65	9,5	35
Франция	1907	20,9	12,7	60	8,2	40
Италия	1911	16,4	7,3	44	9,1	56
С.-А. Соед. Штаты	1920	41,6	30,7	74	10,9	26

Таким образом мы видим из этих данных, что наибольший процент сельского населения из крупных капиталистических держав имеет Италия, насчитывающая 56% сельского населения; затем идет Франция с 40% сельского населения, потом Германия с 35% и наименьший процент сельского населения имеет Великобритания, всего 22%, а также С.-А. Соед. Штаты с 26%. Более мелкие страны Европы, и в том числе Балканские страны, имеют огромное преобладание сельского населения над городским; в них сельское население составляет 70—80% общего населения. Уже эти данные показывают, что успешность борьбы против капиталистического строя в значительной мере определяется отношением к этой борьбе крестьянских масс. Поэтому особенно важно вскрыть действительное положение в деревне, затемненное зачастую «особенностями» сельского хозяйства, распыленностью и разнокалиберностью крестьянских масс, ослабленностью классовой борьбы по сравнению с городом и выявить настоящий ход развития как сельского хозяйства, так и социальной борьбы в деревне в переходной период.

II.

Классовая структура современной деревни.

Борющимися силами в деревне (в соответствии с основными формами хозяйства: крупного помещичьего, капиталистического и мелкого крестьянского) являются:

1. Крупные земельные собственники и сельско-хозяйственные предприниматели.

Распределение хозяйств.

Название страны.	Год, к которому относятся сведения.	I группа. Беднейшие хозяйства.		II группа. Средние хозяйства.		III группа. Крупные хозяйства.		IV группа. Помещичьи хозяйства.	
		Абс. число.	%%	Абс. число.	%%	Абс. число.	%%	Абс. число.	%%
1. Великобритания	1922	96 т. (1—5 ак.)	20	227 т. (5—50 ак.)	46	151 т. (50—300 ак.)	31	15 т. (св. 500 ак.)	3
2. Германия	1907	3.888 т. (до 5 гек.)	76,6	930 т. (5—20 гек.)	18,4	230 т. (20—100 гек.)	4,6	19 т. (св. 100 гек.)	0,4
3. Франция	1908	4.612 т. (до 10 гек.)	83,6	746 т. (10—40 гек.)	13,6	118 т. (40—100 гек.)	2,2	29 т. (св. 100 гек.)	0,6
4. Румыния	1908	989 т. (до 10 гек.)	94,4	54 т. (10—100 гек.)	5,2	—	—	4 т. (св. 100 гек.)	0,4
5. Сев.-Амер. Соед. Шт.	1920	288 т. (до 10 ак.)	4,5	3.486 т. (10—100 ак.)	54,1	2.456 т. (от 100—500 ак.)	38,1	217 т. (св. 500 ак.)	3,3

Примечание: Данные о классовой структуре современной деревни взяты мною из нижеследующих источников:

1) Ежегодник Коминтерна 1923.
2) «The Staatsman Year Book». London 1923.
3) «Statistisches Jahrbuch für d. Deutsche Reich». Berlin 1923.
4) Очерки по аграрной статистике проф. М. Сиринова. Госиздат.

Каждый из этих источников имеет серьезные недостатки как со стороны свежести данных, так и методов статистической разработки, но иных, более полных не имеется. В наибольшей степени нашим задачам, казалось, должен был бы отвечать Ежегодник Коминтерна. Но к сожалению, на обработке статистического материала сказалось спешка работы, повлекшая к существенным дефектам, затрудняющим в известной степени пользование этим материалом. Так, напр., в крайне важной для нас главе, разбирающей классовый состав капиталистических государств, мы имеем данные, что в Германии из 38 миллионов трудоспособного населения пролетариата насчитывается 26 миллионов, полупролетариата 3,5 милл. и господствующего класса 4,4 милл. человек. Таким образом совершенно исчезло среднее крестьянство, да и цифра полупролетариата явно преуменьшена. Как мы видели, сельское население в Германии насчитывается в 35% или в 9,5 милл. человек. Из них к сельско-хозяйственным рабочим и крестьянству относятся 8,5 милл. человек, а обращаясь к данным распределения хозяйств, мы видим, что беднейшее крестьянство составляет 76%, среднего около 20% и крупное около 4,5%. Подобного рода неправильные исчисления проведены по всем странам в этой главе, благодаря чему получается такой курьез, что типичнейшая крестьянская страна, например, Болгария также оказывается страной, где пролетариат абсолютно преобладает, — из 2,5 милл. трудоспособных, — пролетариата 1,6 милл., полупролетариата 260.000 чел. и господствующего класса 640.000 человек. Это — явная несуразность. Поэтому, используя материалы этого ежегодника по отдельным странам, пришлось исправлять их по другим источникам.

Работа проф. М. Сиринова крайне неполна. Статистические данные сильно устарели, особенно по таким странам как Франция и Англия, и относятся к прошлому столетию; поэтому нами использованы только вышеуказанные ежегодники.

2. Крестьянская масса, разделяющаяся на три основные группы:

а) крупных крестьян, владеющих землей в размере от 20 до 100 гектаров,

б) середняков, владеющих от 5 до 20 гект.,

в) полу-пролетарскую массу, т.-е. крестьян, владеющих до 5 гект.,

3. Сельско-хозяйственный пролетариат.

Удельный вес и значение этих трех групп различны.

Первая группа — крупные земельные собственники, являющиеся представителями капиталистической системы в деревне,—является одним из отрядов класса капиталистов. Количественно она незначительна, но экономически представляет огромную силу.

Вторая группа — крестьянская масса — представляет для нас наибольший интерес, так как с количественной стороны она является преобладающей, и в экономическом отношении ее значение огромно.

Наконец, третья группа—сельскохозяйственный пролетариат—является лишь частью рабочего класса и тесно связана с ним как интересами, так и формами борьбы. Чтобы определить соотношение классовых сил в деревне, мы должны рассмотреть распределение хозяйственных групп. Данные на предыдущей странице рисуют это распределение хозяйств по основным группам [1]).

Обращаясь к этим данным, мы видим огромное преобладание первых двух групп, т.-е. групп беднейшего и середняцкого крестьянства над крупным крестьянством и помещичьим хозяйством.

В трех европейских странах — Германии, Франции, Румынии — огромное преобладание беднейшей группы крестьянства, составляющей от 76 до 94% всего количества сельских хозяйств. Таким образом центр тяжести в области социальной борьбы в деревне в этих странах переносится на эту группу хозяйств, и соответствующим образом должна быть построена и наша тактика. Наоборот, в таких странах, как Великобритания и Америка, огромную роль среди крестьянства играют середняцкие хозяйства, составляющие от 46 до 54% всех хозяйств. Крупные крестьянские хозяйства особенно значительны в Великобритании и Америке, составляя от 31 до 38% всех хозяйств и падают до 4 и 2% в Германии и Франции.

Помещичьи хозяйства составляют ½% к общему количеству хозяйств на континенте Европы и 3%—в Великобритании и Америке. Но зато помещичьи хозяйства занимают огромные земельные площади. Во Франции маленькая относительно группа помещиков (помещичьи хозяйства составляют всего 0,6% от общего числа хозяйств, или 19.000 из 5,5 милл. хоз.) владеет, однако, 16 милл. гектаров из 60 милл. гектаров, или 27% всей земли. В Великобритании почти вся земля принадлежит ленд-лордам, которые живут сдачей ее в аренду. По статистике 1920 года 418.000 владений находилось в аренде и только 50.000 владений велись самими собственниками, а из них только 2.000 приходилось на помещиков, т.-е., иными словами, крупные землевладельцы Англии живут почти исключительно на арендную плату, получаемую ими от мелких производителей. В Германии, в теперешних ее границах, помещики владеют 5,5 милл. гект., или 20,5% всей земли. В Польше крупные землевладельцы владеют 40% всей земли. В Румынии помещики владеют 1,8 милл. гект. из 5,9 милл. гект., или 32%. Наконец, в Болгарии церквам, монастырям, казне и банкам принадлежит около 10%.

Таково фактическое современное состояние в области распределения сил в главных капиталистических странах, показывающее огромный перевес в смысле количественном беднейших и середняцких крестьянских масс. Но если сельско-хозяйственный пролетариат неразрывно связан в одно целое с городским пролетариатом, то того же нельзя сказать о многомиллионной крестьянской массе.

Крестьянская масса, не только середняцкая, но и полупролетарская, колеблется между буржуазией и пролетариатом и в отдельные моменты может выступать как революционная сила, в другие, как реакционная, но в конечном счете определяющим условием для крестьянского движения является заинтересованность в экономических и общественных выгодах для него. Следовательно, вопрос приходится ставить так: какие интересы заставляют крестьянскую массу итти вместе с пролетариатом против капитализма и какие интересы заставляют иногда крестьянскую массу выступать против пролетариата и играть роль орудия в руках борющейся буржуазии и, наконец, что является в конечном счете преобладающим. Только проанализировав этот вопрос, можно наметить правильную тактику в области крестьянского движения.

[1]) См. таблицы на стр. 120 — 121.

Интересы, заставляющие крестьянскую массу итти вместе с пролетариатом, следующие.

Во-первых, освобождение от остатков феодализма. Остатки феодализма особенно остро сказываются в области землевладения. До сих пор земли, принадлежавшие в Англии, Италии, Балканских странах королевским фамилиям, а также казне, церквам, монастырям, составляют крупную величину, и передача их в руки крестьян будет иметь огромное значение. Крестьянская масса непосредственно заинтересована в получении этого земельного фонда, но при каких условиях она может его получить? Только при условии свержения существующего буржуазного строя, ретиво охраняющего эти остатки прошлого.

Затем ликвидация арендных отношений и переход земли, находящейся в аренде у крестьян, в их полное и безвозмездное распоряжение. Проведение подобной меры также может быть осуществлено только при свержении буржуазного строя. Для примера укажем хотя бы на Англию, где, как мы видели, более 90% земли, принадлежащей ленд-лордам, сдано в аренду. Попытка «рабочего правительства» Макдональда провести национализацию парламентским путем потерпела крах, как и можно было ожидать.

Во-вторых, ликвидация помещичьего класса. Как мы знаем борьба с помещиками и крупными землевладельцами вообще составляет сущность борьбы в деревне. Борьба за землю является основной базой крестьянского движения европейских, а, повидимому, в ближайшем будущем и американских стран. Эта борьба более чем что-либо связывает воедино рабочий класс и крестьянство против современного капиталистического строя. На этой базе лучше, чем на чем-либо другом, достигается единый фронт борьбы. В России в Октябрьской революции именно в разрешении этого вопроса мы имели наиболее тесный единый фронт крестьян и рабочих. Тов. Ленин в своей исторической речи в день Октябрьского переворота так характеризовал значение его.

«Мы полагаем, — сказал он, — что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй, Октябрьской революции ясно показывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершали то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и эс-эров, которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым повели страну к разрухе и к крестьянскому

восстанию... Правительство Рабоче-Крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле—вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты». И действительно, в первый же день после октябрьского переворота был издан декрет, которым постановлялось, что: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские и церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов...»

Крестьяне получили помещичьей земли до 60 милл. десятин, церковной около трех с половиной и казенные земли составляли 138 миллионов. Таким образом, земельный фонд крестьянства почти удвоился, и многомиллионные крестьянские массы, и армия, состоявшая в большинстве из крестьян, в борьбе против помещиков нашли не только наиболее последовательную решительную поддержку со стороны авангарда рабочего класса, коммунистической партии, но последняя стала во главе этого движения и сумела повести за собой крестьянские массы, чего не смогли сделать колеблющиеся нерешительные мелко-буржуазные вожди мелко-буржуазных партий эс-эров и меньшевиков—Черновы, Керенские, Даны, Мартовы и др., не только не поддержавшие крестьянское движение в области ликвидации помещичьего класса, но выступившие в решительный момент против этого движения.

Помещичье землевладение в мировом масштабе крайне велико. Как мы видели, помещики владеют от 20 до 30 процентов всей земли, а в Англии почти вся земля принадлежит ленд-лордам, и ликвидация помещичьего класса и увеличение за его счет земельного фонда крестьянских масс или же создание государственного хозяйства будет иметь огромное значение. В этом пункте интересы рабочих и крестьян совпадают, и крестьянская масса пойдет вместе с рабочими в деле ликвидации помещичьего землевладения.

В-третьих, освобождение от капиталистического гнета. Деревня вовлечена полностью в товарный оборот, в рыночные отношения. Но именно тут в наибольшей степени открывается возможность для капитализма эксплоатировать массы мелкого производителя, наживаясь на его счет. Скупщики закабаляют мелкого производителя и скупают его продукт по низким ценам. Хлеб и сырье скупается так, что крестьянское хозяйство еле может влачить свое существование. Большой интерес с этой точки зрения

представляет сельское хозяйство в Америке, где, несмотря на колоссальный рост сельско-хозяйственного производства, на громадный избыток сельско-хозяйственных продуктов, тысячи мелких фермеров разоряются и выбрасываются в качестве безработной массы в город, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию с крупными земельными собственниками и рыночными условиями, которые создал мировой капитализм.

Кооперация в рамках капиталистического строя является паллиативным средством борьбы против этого зла. Те мелкобуржуазные политики и экономисты, которые в кооперации видят средство вывести и освободить крестьянские массы из-под гнета и эксплоатации капиталистического строя, являются или утопистами, или сторонниками капитализма. Законы капиталистического развития, законы конкуренции, дающие на рынке преимущество крупному капиталу, со всей последовательностью ведут к закабалению мелкого производителя господствующему классу капиталистов и их аппарату, в виде банков, оптовых торговых фирм и т. п. Стремление обойти эти законы обречено на неудачу, как показал опыт всех стран, и только свержение капиталистического строя может принести освобождение крестьянскому хозяйству.

В-четвертых, падение современной капиталистической системы означает одновременно освобождение от национального гнета миллионов порабощенных народностей. До 70% населения земного шара принадлежит к угнетенным нациям. Национальный гнет совершенно естественно обрушивается с особой силой на трудящиеся массы—на рабочих и крестьян, являющихся для стран угнетающих одновременно резервуаром дешевой рабской «силы» и резервуаром пушечного мяса во время империалистских войн. Достаточно вспомнить положение трудящихся масс в Индии, неимоверно угнетаемых английским капитализмом, или же положение населения африканских колоний Франции, использованных ею в последнюю империалистскую войну в качестве пушечного мяса. Борьба за национальное освобождение во всех странах показывает, что в ней огромное участие принимают как раз миллионы крестьянской массы, а так как только пролетариат в лице его коммунистических партий может вести действительную нелицемерную борьбу за право наций на самоопределение, то, вполне понятно,—это является сильнейшим стимулом к образованию единого фронта угнетенного национального населения с борющимся пролетариатом против современного капиталистического строя.

Наконец, в-пятых, технический прогресс и улучшение своего благосостояния деревня может получить только после свержения капитализма. Уже вышерассмотренные стимулы борьбы крестьянской массы показывают, какие препятствия к этому лежат в самом существе капиталистического строя. Отсталость—и экономическая и политическая—деревни необходима для современного капитализма, так как благодаря ей он может почерпать свое обогащение из деревни—с одной стороны, дешевую рабочую силу—с другой и поддержку своей реакционной политики—с третьей. Наоборот, проникновение новых достижений техники, новых форм хозяйства в деревню и новых форм организаций крестьянских масс ведет к подрыву основ капитализма.

Таковы причины, которые приводят крестьянские массы к необходимости итти нога в ногу с пролетариатом в его борьбе против капиталистического строя и дают возможность пролетариату, как наиболее организованной и сознательной общественной силе в борьбе с капитализмом, стать вождем этой крестьянской массы.

Но если крестьянская масса своими вышеочерченными основными интересами тесно связана с пролетарским движением, то, с другой стороны, она связана известными отношениями и с буржуазией, влияние которой передается через зажиточную часть крестьянства и заставляет сплошь и рядом крестьянские массы становиться реакционной силой, поддерживающей современный капиталистический строй. В чем заключаются эти интересы, которые заставляют крестьянские массы колебаться между борьбой против капитализма и борьбой за капитализм, между революцией и реакцией? Основная причина заключается в том, что, будучи мелким собственником, крестьянин естественно боится всего, что может нарушить его право частной собственности в области ли владения средствами производства или в области распоряжения своей продукцией, иными словами, в области рыночных отношений. Поэтому сплошь и рядом он встает на защиту того общественного строя, который обеспечивает, по его мнению, эту собственность, и против революционных попыток нарушить ее. Благодаря этому создается связь между крестьянской массой и буржуазией, имеющая своей основой защиту частной собственности.

Затем хозяйственная деятельность мелкого производителя порождает целый ряд отношений правового идеологического характера

(юридические формы и государственные органы, защищающие его частную собственность, религия как определенная идеологическая форма), нарушение которых также вызывает сопротивление инертной крестьянской массы. Таким образом, эти консервативные факторы являются стимулами, побуждающими зачастую крестьянскую массу, в особенности ее зажиточную часть, вставать на путь защиты старого строя.

Пролетариат в его борьбе не должен и не может проходить мимо этих сторон жизни деревни, а обязан учесть их значение, вскрыть их сущность и вырабатывать свою тактику, считаясь с ними. Ни на минуту мы не должны забывать этого двойственного, противоречивого положения крестьянства в современном строе. Но вместе с этим мы не должны забывать исторического влияния первого рода факторов, связанных с существом развития современной капиталистической системы и с железной необходимостью толкающих крестьянство итти вместе с рабочим классом против капиталистической системы.

Капитализм в своей настоящей практике уже не оставляет сомнений у мелкого производителя относительно устойчивости права его частной собственности при капитализме, так как разоряет его с помощью конкуренции, закабаляет его путем кредитных отношений и лишает его собственности, когда это ему выгодно. Процесс нарастания пролетарской и полупролетарской массы путем разорения мелких собственников является тому доказательством, и таким образом даже те связи, которые тянут крестьянские массы к поддержке буржуазного строя, рвутся и, наоборот, укрепляются связи их с пролетариатом.

Задача пролетариата состоит в том, чтобы ускорить этот процесс разрыва крестьянства с современным буржуазным строем, вырвать его из-под влияния буржуазии и ускорить процесс познавания им своих настоящих интересов. Социальная революция отнюдь не имеет своей задачей нарушить право частной собственности миллионов мелких производителей, наоборот, как показал опыт Советской России, именно крестьянство выигрывает в первую очередь от свержения буржуазного строя, увеличив свой земельный фонд и располагая полной свободой установления форм землепользования и свободой реализации своей продукции.

В дальнейшем мы более подробно остановимся на тактике пролетариата к крестьянству в переходную эпоху, теперь же лишь заметим, что классовая структура современной деревни дает колоссальный перевес той полупролетарской и середняцкой массе

крестьянства, которая основными интересами и условиями своей деятельности неизбежно приводится на путь социальной революции и на путь образования единого фронта борьбы с пролетариатом. К этому же приводит современное положение мирового сельского хозяйства, обостряющее противоречия, ухудшающее еще более положение трудящихся масс.

III.

Мировой сельско-хозяйственный кризис.

Современный мировой экономический кризис сказался в области сельского хозяйства как в отношении сельско-хозяйственного производства, так и в отношении кризиса сельско-хозяйственного товарообмена. Сельское хозяйство в мировом масштабе в производственном отношении переживает определенный упадок. Доказательством этому служит как сокращение посевной площади, так и общее уменьшение мировой продукции сельского хозяйства. Вот что рисуют нам цифровые данные [1]).

Посевная площадь 5 важнейших хлебов (пшеница, рожь, ячмень, овес и кукуруза).

Миллионы гектаров.

	1909–1913 г.г.	1914—1918 г.г.	1919—1921 г.г.
1. Все страны, включая Россию и выделившиеся из нее территории.	313,0 (100%)	—	296,0 (94,6%)
2. Европа, без России и выделившихся из нее территорий.	76,2 (100%)	70,5 (92,5%)	68,2 (89,5%)

[1]) Данные о мировом сельско-хозяйственном производстве имеются в работах тов. Осинского—«Мировой кризис сельского хозяйства», проф. Кулишера—«Обзор мирового хозяйства» и проф. Н. Д. Кондратьева—«Мировое хозяйство и его конъюнктура». Сравнение данных, приведенных этими авторами, показывает, что наиболее полные и тщательно проработанные данные имеются в работе тов. Осинского.

Проф. Кондратьев и проф. Кулишер более оптимистически подходят к оценке мировой посевной площади. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что их оптимизм базируется на неполноте тех данных, которыми они оперируют. Проф. Кулишер, при исчислении мировой посевной площади, не учел Россию, а затем сравнение проводит, беря лишь

Таким образом из этих данных мы видим, что посевная площадь не только не увеличилась по сравнению с довоенным временем, но сократилась на 17 милл. гектаров, или на 5,4%.

Но особенно показательны данные для Европы, при чем именно для капиталистической Европы. Если выключить Россию, мы имеем картину неуклонного падения сельско-хозяйственного производства в капиталистической Европе. В довоенное пятилетие мы имеем 76,2 милл. гект. посевной площади, в 1914—1918 г.г. всего 70,5 или сокращение на 7,5% и в послевоенные годы, 1919—1921, уже только 68,2 или сокращение на 10,5% по сравнению с довоенным временем. По отдельным же странам это сокращение достигает еще бо́льших размеров. В Германии посевная площадь 1919—1921 г.г. была почти на 30% ниже довоенной, т.-е., иными словами, сокращение посевной площади здесь достигло почти тех же размеров, что и в Советской России, пережившей гражданскую войну и голодный 1921 год. Во Франции сокращение достигает 22%, в шести придунайских странах: Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии, Чехо-Словакии, Болгарии—12%.

Во всем мире только Сев. Америка и главным образом Канада увеличили свою посевную площадь. Увеличение выразилось в 18,9%, Канада же увеличила посевную площадь на целых 86%. Однако это увеличение посевной площади в Америке создало кризис перепроизводства, и в этом отношении положительные результаты роста производства были аннулированы условиями капиталистического рынка. Таким образом мы видим, что в общем мировом масштабе посевная площадь сократилась, результатом чего явилось естественно сокращение сельско-хозяйственной продукции. Правда, если бы сбор урожая с единицы посева увеличился, в таком случае сокращение посевной площади могло бы быть компенсировано повышением урожайности. Но, оказывается, и урожайность также понизилась. Понижение по всем странам без России и выделившихся из нее территорий за период 1919—1921 г.г. в среднем, по сравнению с довоенным пятилетием 1909—1913 г.г., выражается в 5,6%, а для Европы в 14,2%. В Германии же понижение урожая с гектара выразилось за тот же период в 22,6%. Общее уменьшение сельско-хозяйственной продукции даже

1911—1912 г.г. за основу, а не среднюю за пятилетие до войны. У Кондратьева также для сравнения взят лишь один 1913 год и 1920 год, как показатель современного положения.

по оптимистическому в общем расчету проф. Кулишера выражается в 15%, а для картофеля почти в 50% [1]).

По данным же, взятым из работ тов. Осинского, мы имеем следующую картину:

Сбор пяти важнейших хлебов (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза).

В миллионах квинталов (квинтал равняется 6,1 пуд.).

	1909—1913 г.г.	1914—1918 г.г.	1919—1921 г.г.
1. Все страны, включая Россию и выделившиеся из нее территории.	3.489 (100%)	—	3.167 (90,8%)
2. Европа без России и выделившихся из нее территорий	1.078 (100%)	860 (79,8%)	828 (76,8%)

Общее сокращение мирового сбора хлебов выражается в 9,2%, а для Европы в целом в 23,2%. Это уже крупное сокращение. Европа недопроизводила в среднем в год 250 милл. квинталов, или около полутора миллиарда пудов. Не трудно представить, насколько для потребляющей Европы, которой и до войны не хватало производимого хлеба, должна была сказаться тяжело эта новая потеря.

Особенно тяжелое положение создалось в Германии, Франции и Придунайских странах. Германия получала почти в два раза меньше от своего сельского хозяйства продуктов, в сравнении с довоенным временем. Продукция у ней упала на 46,3%. Франция получала почти на треть меньше—на 27%; Придунайские страны также на одну треть меньше—31,2%. Таким образом сокращение сельско-хозяйственной продукции для некоторых европейских стран приняло почти катастрофические размеры.

И опять-таки только в Америке мы наблюдаем прирост сбора урожая на 16,2%, а в Канаде на 29%. Но в этих странах, повысивших сельско-хозяйственное производство, получился иного рода кризис: «Прирост,—говорит тов. Осинский (см. стр. 16),— повел в обеих названных странах к жестокому кризису сельского хозяйства, кризису другого типа, чем в других странах, кризису, выражающемуся в том, что себестоимость расширенного производства не покрывается довоенными ценами,—с одной стороны, и в том, что по-

[1]) См. проф. Кулишер — «Обзор миров. хоз», стр. 29.

требляющие страны неспособны даже по этим ценам вобрать в себя северо-американские продукты,—с другой стороны». Но это уже относится к рыночным отношениям.

Таким образом в области сельско-хозяйственного производства мы можем констатировать общее сокращение как посевной площади, так и количества сельско-хозяйственной продукции, принявшей особенно острый характер в капиталистической Европе. Хотя этот кризис сельского хозяйства и не так велик, как в промышленности, где, как мы видели, в тяжелой индустрии производство сократилось от 30 до 50% в Европе, а в сельском хозяйстве продукция упала только на 23%, тем не менее самый факт сельско-хозяйственного кризиса не подлежит сомнению.

Сельско-хозяйственный кризис вполне естественно должен был углубить и обострить противоречия общекапиталистического кризиса. Недопроизводство в Европе приводило к недопотреблению широких трудящихся масс, а перепроизводство в Америке осложняло мировой рынок еще новыми противоречиями.

Мировой рынок в отношении с.-х. продуктов слагается из двух основных явлений: недопроизводства в Европе и перепроизводства в Америке. При чем себестоимость производства в Америке, на что мы указали выше, настолько возросла, что несмотря на рост производства хлеба—цены на него таковы, что, с одной стороны, не покрывают себестоимости производства, благодаря чему происходит крах мелкого и среднего фермерства, а с другой стороны, они, тем не менее, мало доступны для обнищавшей Европы. В Европе же, благодаря недопроизводству, цены растут на продукты сельского хозяйства, дороговизна жизни растет и происходит уменьшение реальной заработной платы, ухудшение положения трудящихся масс.

Обращаясь к нижеследующим данным за 1922—1924 г.г. [1]), мы видим, что в то время как в 1913—1914 г.г. цены на рожь в Америке были значительно ниже, чем в европейских странах (на 20—30%), к концу 1922 г. они почти сравнялись с европейскими ценами, а в отношении некоторых стран обогнали их. В несколько более слабой степени такую же картину мы видим и в отношении движения цен на пшеницу.

[1]) Данные Римского С.-х. института взяты нами из „Торгового бюллетеня" № 13, 1924 г. Изд. Торгпредства СССР в Берлине.

Движение цен на рожь с августа 1922 г. по январь 1924 г.

Время.	Соединен. Штаты.	Голландия.	Франция.	Бельгия.	Швеция.	Польша.	Австрия.	Чехо-Слов.
	(В зол. марках за 50 кг.).							
1913/14 г.	5,45	6,27	7,90	5,67	7,48	5,60	8,37	8,52
Август 1922 г. . .	7,31	8,04	8,80	9,01	11,34	5,10	10,00	6,41
Октябрь 1922 г. .	7,98	7,22	8,07	8,06	8,42	5,19	9,85	8,27
Январь 1923 г. . .	8,36	7,90	9,41	7,58	8,14	7,09	11,32	7,04
Июль 1923 г. . . .	6,30	7,75	7,92	7,08	9,01	4,95	7,58	6,45
Ноябрь 1923 г. . .	6,41	6,91	8,42	7,08	8,80	6,74	7,64	8,09
Январь 1924 г. . .	6,70	—	7,46	—	8,78	5,33	8,23	—

Движение цен на пшеницу.

Время.	Соединен. Штаты.	Англия.	Голландия.	Франция.	Бельгия.	Швеция.	Польша.	Австрия.	Чехо-Слов.
	(В зол. марках за 50 кг.).								
1913/14 г.г. . . .	8,02	7,43	7,53	11,59	7,29	9,16	7,71	10,46	11,14
Август 1922 г. . .	9,47	11,55	9,98	13,44	10,52	11,61	8,51	12,35	9,14
Октябрь 1922 г. .	10,69	8,30	8,09	12,48	9,22	9,58	8,99	12,50	11,55
Январь 1923 г. . .	10,25	9,31	8,76	12,12	9,18	10,98	7,85	11,91	10,19
Июль 1923 г. . . .	9,22	10,52	10,06	11,91	10,52	12,58	7,81	10,88	9,77
Ноябрь 1923 г. . .	9,54	8,32	7,25	10,69	8,36	9,98	10,65	9,49	10,63
Январь 1924 г. . .	9,68	8,57	—	9,66	—	10,23	8,44	9,56	—

Если принять во внимание накладные расходы по перевозке хлеба из Америки в Европу, то станет вполне ясна картина того кризиса перепроизводства, какой имеется в Америке.

Рост цен непрерывно продолжался до 1923 г. Цены как в Европе, так и в Америке с 1914 г. и по 1923 г. по сравнению с довоенными ценами выросли в полтора-два раза.

В 1923 году под влиянием очень хорошего урожая наступил перелом, и цены сильно упали. Но уже 1924 год опять обнаружил повышательную тенденцию. Облегчение, повидимому, было временное, и дороговизна не преминет сказаться с новой силой на трудящихся массах.

Таким образом мы видим, что общий кризис капитализма захватил и сельское хозяйство, и последствия его на рабочих массах

сказываются с неменьшей силой, чем от промышленного кризиса. Капитализм прогнил насквозь и его губительность сказывается на всех сторонах мирового хозяйства.

IV.

Деревня Советской России.

Деревня Советской России — единственная, развивающаяся в условиях диктатуры пролетариата. Оглядываясь назад, мы можем наметить 3 основных этапа в ее развитии: 1) время непосредственного переворота, продолжавшееся несколько месяцев, 2) эпоха военного коммунизма, т.-е. прибл. с 1919 г. до 1921 г. и 3) современный.

Первый период—это период ликвидации помещичьего класса, ликвидации остатков феодализма, освобождения деревни от капиталистических уз и начала формирования нового строя в деревне, новых форм хозяйственного и политического правления и установления новых форм взаимоотношения с городом. От Октябрьского переворота крестьянская масса выиграла больше, чем какой-либо другой общественный слой России. Прежде всего, почти вся земля целиком перешла в руки крестьянства. До революции из 395 миллионов десятин земли крестьяне имели всего 164 милл., т.-е. меньше половины. Большая часть принадлежала помещикам и казне, при чем помещики половину своей земли сдавали в аренду. Малоземелье среди крестьянства было огромно: 50% крестьянских дворов владело менее 10 дес. земли. Сразу после Октябрьского переворота вся земля перешла к крестьянам, сразу же были ликвидированы остатки феодализма и крепостничества, и все «помещичьи» имения, все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями перешли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Крестьяне получили помещичьей земли (дворян и купцов) до 60 миллионов десятин, церковной около 3½ миллионов, казенные земли составляли 138 миллионов (о советских хозяйствах, земельный фонд которых остался в руках непосредственно органов Советской власти и не перешел в руки крестьянства, мы будем говорить особо). Арендная плата, от которой освобождалось крестьянство, равнялась около полумиллиарда зол. руб. в год. Таким образом первый период социального переворота означал удовлетворение исторических требований крестьян: увеличение земельного фонда, ликвидации помещичьего класса. Второй период — это период военного коммунизма. Как известно, в этот период в центре жизни и деятельности Сов. Республики стоял вопрос отражения нападений контр-революции и сосредоточение всех сил на решении этой задачи. Внутри страны в этот период в области хозяйственного управления и политического управления проходит полоса строжайшей централизации. Хозяйственный аппарат в городе и деревне представляет собой централизованную машину. В настоящее время недостатки подобного рода системы управления разобраны с достаточной полнотой, но приходится сказать, что исторически, в тех условиях, в каких находилась страна, подобного рода централизация была необходима. К решению основной задачи—к победе над поднявшей голову контр-революцией, была вплотную притянута деревня, дававшая, с одной стороны, живую силу для Красной армии, с другой стороны, те продукты, которыми питалось население. Годы 18—19—20, это—годы крайне тяжелого продовольственного положения, и основная задача заключалась в том, чтобы решить задачу продовольствия, и крестьянство Советской России эту задачу выполнило. В своей речи в 1918 году тов. Ленин следующими словами обрисовал существующее положение: «Перед нами,—говорил он,—сейчас стоит самая основная задача всего человеческого общежития — победить голод... И приходится решать эту задачу в обстановке гражданской войны, самого бешеного, отчаянного сопротивления эксплоататоров всех рангов, всех мастей, всех цветов и ориентаций и всего политического союза против революции... Поэтому все излишки хлеба мы должны собрать и добиться того, чтобы все запасы были свезены в те места, где нуждаются—правильно распределить». Деревня выполнила эту основную задачу. В 1918 и 1919 годы было заготовлено 107 миллионов пудов хлеба. В 1919 и 1920 г.г. 212 милл. пуд. хлеба, т.-е. почти в два раза больше, чем в предыдущий год, и в 1920—1921 г.—283 милл. пудов хлеба; иными словами, крестьянство из года в год давало больше хлеба государству, чем, несомненно, спасло пролетарскую революцию и советский строй и дало возможность победить контр-революцию.

Третий период характеризуется положительной экономической деятельностью как в городе, так и в деревне. Эта полоса упорного, напряженного строительства—полоса излечивания от понесенных ран, полоса восстановления хозяйственного организма, пострадавшего от долгих лет империалистической и гражданской войны. В этот период тов. Ленин следующим образом обрисовал содержание нашей экономической политики в отношении деревни: «Мы строим,—

сказал он,—свою экономику в связи с крестьянством, мы должны ее переделывать неоднократно, и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой и той работой, которой занят каждый крестьянин... Наша цель восстановить смычку, доказать крестьянину, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас ему доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина... вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики»...

В этот период энергично проводится землеустройство. В этот период начинает расти сельско-хозяйственное производство, расширяться посевная площадь. Для крестьян открывается свободный рынок, возникает целый ряд вопросов в области планомерного регулирования отношений между городом и деревней, наконец, после долгих лет перерыва сельское хозяйство в России, уже в лице Советской России, выступает на мировом рынке.

Обращаясь к анализу состояния деревни в Сов. России, мы должны проанализировать развитие форм сельского хозяйства, развитие производства и развитие рыночных отношений. Рассмотрев эти 3 стороны деятельности современной деревни в Сов. России, мы можем наметить перспективы в ее развитии.

В деревне мы имеем трояко рода формы сельского хозяйства: 1) сов. хозяйство, 2) крестьянское хозяйство и 3) коллективное хозяйство.

Обращаясь к первой форме—советским хозяйствам, мы должны сказать, что они вполне естественно являются лишь зачатком того крупного сельского хозяйства, которое неизбежно должно будет развиться в более или менее ближайшем будущем. Передача всей земли крестьянам отнюдь не отвечает признанию нами преимуществ мелкого сельского хозяйства. Наоборот, мы твердо убеждены, что будущее за крупным сельским хозяйством, за с.-х. машиной, за высокой с.-х. техникой. Формами для этого будут являться коллективные хозяйства и советские, но исторически было необходимо сначала решить первую основную задачу—ликвидацию помещичьего строя в деревне для того, чтобы расчистить путь к развитию крупного хозяйства. Переход к новым формам хозяйства может быть лишь постепенный, когда крестьянство само будет убеждаться в преимуществах новых форм сельского хозяйства, и когда новые общественные формы продвинут вперед крестьянскую массу по пути к организованности и сознательности. В силу указанных обстоятельств,

сов. хозяйства имеют в настоящее время лишь подсобное значение. Общее количество сов. хозяйств по переписи 1920 года ЦСУ по основным губерниям РСФСР, без автономных республик окраины, равнялось—5.715, что составляет всего 10% бывш. частно-владельческих имений. Посевов в них было 292.332 десятины, или 8% бывш. частно-владельческих, и население—264.910 чел. или 23%. Уже эти суммарные данные показывают, что относительно удельный вес сов. хозяйств — не велик. Сов. хозяйства распределялись следующим образом по своему назначению:

1) Госсельсиндикат	1.307	совхозов.
2) Госагробас (семенные, племенные рассадники, наход. в ведении Наркомзема) . .	105	„
3) Сданных в аренду	486	„
4) Оставшихся в веден. Гл. Зем. Упр.	1.401	„
5) Приписных (к предпр. и учрежд.).	2.628	„
Всего . . .	5.927	„

В смысле технического оборудования совхозы находятся сравнительно в удовлетворительном положении. По данным с.-х. переписи 1920 года на 5.923 совхоза имелось: плугов—41.000, борон—31.000, сеялок рядовых — 6.000, разбросных — 5.000, жнеек — 8.000, косилок—7.000, конных грабель—5.000, т.-е. в среднем на каждое хозяйство выходило—7 плугов, 5 борон, 2 сеялки, 1—2 жнейки, 1 косилка и одни конные грабли.

Рабочей силой также совхозы были обеспечены более чем необходимо. Следующие сравнительные данные показывают это:

Число постоянных рабочих на 100 дес. посева.

В 1916 году	17 рабочих.
„ 1920 „	38 „
„ 1922 „	23 „

Таким образом скорее можно говорить о переизбытке рабочих, чем о недостатке. Особенно в первые годы после переворота, в годы острой продовольственной нужды, в совхозах был огромный переизбыток населения, и только после 1921 года, когда совхозы были сняты с госснабжения и переведены на хозрасчет, мы видим сразу сокращение количества излишнего населения в совхозах и одновременно улучшение производства.

В производственном отношении советские хозяйства лишь медленно улучшаются, и до сих пор во многих отношениях производ-

ство в них стоит неудовлетворительно. После 1921 года можно констатировать значительное улучшение производства в совхозах, так как, например, по данным Госсельсиндиката, одни и те же совхозы, входящие в об'единение в 1920 году, имели посевов 75 десятин, а в 1922 г. — 118 дес. или увеличение на 58%. В настоящее время еще не приходится говорить о значении совхозов в массовом производстве с.-х. продуктов, но уже теперь совхозы стоят на собственных ногах, сводят концы с концами, отчуждая от 10—20% своей валовой продукции государству в качестве продналога, но особенно важна агрикультурная роль в той части совхозов, которая имеет специальное значение,— в качестве опытных станций, племенных рассадников и производства специальных с.-х. культур.

Основной формой сельского хозяйства является крестьянское хозяйство. Но уже с самого начала Октябрьского переворота можно было наблюдать 2 основных формы развития крестьянского хозяйства: 1) единоличное крестьянское хозяйство, 2) коллективное крестьянское хозяйство—с.-х. коммуны, артели и товарищества.

Особый интерес для нас, само собой разумеется, представляет развитие коллективного хозяйства как основа будущего социалистического хозяйства в деревне. На протяжении 6 лет коллективное хозяйство в деревне испытало ряд изменений, но вместе с этим мы должны констатировать тот факт, что несмотря на все зловещие предсказания наших врагов, новая форма крестьянского хозяйства пробила себе уже твердую дорогу. Само собой разумеется, единоличное хозяйство еще долго будет оставаться основной формой крестьянского хозяйства. Больше того, всякое искусственное форсирование изменения форм крестьянского хозяйства было бы вредно. Крестьянство само путем опыта, путем планового развития общего народного хозяйства, благодаря связям промышленности, благодаря проникновению техники в новую деревню, будет приходить к установлению новых форм. Повторяю, коллективная форма крестьянского хозяйства стоит на твердой дороге. Количество коллективных хозяйств по годам на территории РСФСР рисует следующую картину.

Года.	Кол. коллект. хоз.
1918	912
1919	6.186
1920	12.960
1921	15.080
1922	12.700
1923	12.938

Таким образом мы видим, что до 1921 года развитие коллективных хозяйств шло ускоренным темпом. Голодный 1921 год и переход к новой экономической политике привели к кризису ряд коллективных хозяйств, но уже в 1923 году опять обнаружилась повышательная тенденция. В 1923 году распределение колл. хозяйств по их организационным формам было следующее: коммун—1.804, или 13,9%, артелей—7.293, или 56,3% и товариществ по общественной обработке земли—3.841, или 29,8%.

Образование коллективных хозяйств происходит вследствие влияния производства и рыночных цен. В зависимости от с.-х. районов будет определяться преимущество той или иной формы крестьянского хозяйства. В одних районах, главным образом, потребительских, будет преобладать единоличная форма хозяйства (напр., Белорусский, Приозерный, центрально-промышл. районы), в других, где с.-х. производство ведется не только для собственного потребления, но и на рынок, и где имеется больший простор для развития с.-х. техники, коллективная форма хозяйства будет находить лучшие условия для своего развития, таково, напр., Поволжье и юг России.

В первые годы после переворота, в тяжелые годы гражданской войны немало коммун образовывалось не только вследствие экономической целесообразности, но и в целях получения различного рода преимуществ и привилегий, которые им предоставлялись. Поэтому наши противники с злорадством ожидали, что переход к новой экономполитике поведет к краху коллективную форму хозяйства. Точно так же они указывали, что достаточно устранить элемент принуждения в организации колл. хозяйства, чтобы крестьянство отказалось от с.-х. коммуны и возвратилось бы к единоличным формам хозяйства, являющимся в глазах наших противников оплотом собственнических начал и буржуазного строя. Для примера укажем, что в заграничной Струвевской «Русской Мысли», в статье «Большевики о своих достижениях в деревне» указывается, что «деревня не сломлена красной Москвой и попрежнему стоит неприступной буржуазной твердыней. Вся хозяйственная идеология, основанная на личном почине, предмет многолетнего бешеного натиска советских экспериментаторов, так и осталась непоколебленной». Но жестокая действительность и тут разбивает мечты белогвардейских экономистов. Деревня не только не осталась непоколебленной, но определенно становится на путь развития новых форм. В этом отношении большой интерес представляют, правда, пока еще предварительные, но тем не менее крайне интересные итоги по землеустройству.

Данные по землеустройству за 1919—1922 г.г.

(в тысячах десятин)

Виды землеустройства.	1919 г. по 33 губ.	1920 г. по 41 губ.	1921 г. по 47 губ.	1922 г. по 44 губ.
Групповое	1.756	8.027	14.637	12.887
Коллективное	426	775	935	492
Единоличное	—	—	0,2	803
Учреждения	45	66	398	289
Прочие	5.028	38	335	2.482
Всего	7.256	8.906	16.306	16.955

Здесь интересно отметить прежде всего, что землеустройство усиленным темпом начало развиваться с 1921 года. В 1921 г. землеустройство было проведено на вдвое большее количество земли, чем в 1920 году, а в 1922 г. оно еще более разрослось. Далее следует отметить, что единоличный тип хозяйства начинает появляться лишь с введением нэпа, т.-е. с 1921 года, сделав сразу значительный шаг в 1922 году; коллективный тип хозяйства в течение всего времени идет на втором месте и лишь в 1922 году спускается на третье место. Таким образом мы видим, что при полной свободе выбора форм при землеустройстве, колл. формы хозяйства избираются самим крестьянством. При рассмотрении землеустроительной работы по районам мы полностью находим подтверждение того, что коллективная форма преобладает в производственных районах, а единоличная—в потребительских районах. В некоторых губ., как например, Самарская, Челябинская, Сев.-Двинская, коллективный тип при землеустройстве является в 5—6 раз преобладающим, по сравнению с единоличным типом, а в Сев.-Двинской губ. — 90% принадлежит коллективному типу, обратную картину мы видим в Белорусском, Приозерном и центрально-промышленном районах, где единоличные хозяйства в такой же степени и мере преобладают над коллективными. Но, несмотря на эти успехи развития коллективных форм хозяйства в деревне, которые показывают, что новый строй делает определенные завоевания, тем не менее, конечно, в течение долгого промежутка времени будут преобладать старые формы крестьянского хозяйства.

В производственном отношении сельскому хозяйству в России пришлось пережить необычайно тяжелые годы. Империалистическая и гражданская войны должны были сказаться и сказались на положении сельского хозяйства, но нужно обладать всей близору-

костью и ослепленностью буржуазных экономистов, чтобы подобно господам Струве, Бруцкусам, Челинцевым и т. п. утверждать, что падение с.-х. производства об'ясняется введением новых форм экономической жизни в Сов. России. Достаточно сравнить цифры падения с.-х. продукции и сокращения посевной площади Сов. России и напр. Германии, чтобы увидеть, что тут есть общие причины, вызванные империалистической войной, а в России гражданской войной, и даже в России скорее, чем в Германии. Вместе с этим, уже 1923 год показывает, что сельское хозяйство в Сов. России быстро стало восстанавливаться. Наиболее показательные данные мы имеем в отношении посевной площади:

Посевная площадь.

Годы.	Размеры посевн. площ. в тыс. дес.	В % 1916 г.
1916	82,3	100
1920	63,4	78
1921	61,9	75
1922	51,6	62
1923	59,9	72

Таким образом мы видим, что посевная площадь сократилась %% на 30. В Германии посевн. площадь в 1919—1921 г.г., была также на 30% ниже довоенной, во Франции—на 20%. В 1923 г. мы видим быстрое увеличение посевной площади (приведенные в таблице цифры посевн. площ. за 1923 год несколько преуменьшены, т. к. посевы на усадебной земле льна, конопли и проч. усадебных культур исключены были, чтобы получить сравнимые данные с предыдущими цифрами).

Постепенно возрастает и общая продукция сельского хозяйства. До войны валовая продукция сельского хозяйства исчислялась в 6.120 милл. довоенных рублей; в 1921—1922 г. она составляла всего только 3.500 милл. довоенных рублей, или 57%, но уже в 1922—23 г. она составляла 4.590 милл. довоенных рублей, или 75% по сравнению с довоенной продукцией. Таким образом мы видим, что в производственном отношении сельское хозяйство Сов. России сравнительно быстро восстанавливается.

Переходя к рыночным отношениям, мы должны сказать, что именно в этой области народному хозяйству Сов. России пришлось встретиться с огромными затруднениями. Трудность задачи заключается в согласовании производства и потребления деревни и го-

рода, сельского хозяйства и промышленности, считаясь с тем основным условием, что об'единенная в подавляющей степени государственная промышленность сталкивается на рынке с необ'единенным мелким частным производителем. В то время как в промышленности уже начали проводиться плановые начала, в сельском хозяйстве среди многомиллионного крестьянства еще господствует производственная стихийность. Каким образом и какими мерами можно планомерно направлять развитие сельского хозяйства? Каким образом и какими мерами должно согласовать рыночные отношения между сельским хозяйством и промышленностью? Такова практическая постановка задачи. Несогласованность эта привела в 1923 году к известному резкому расхождению между ценами на продукты сельского хозяйства и на продукты промышленности, к тем пресловутым «ножницам», которые довольно серьезно грозили подорвать наше хозяйство. Вследствие расхождения цен, сбыт продуктов промышленности сильно упал, и получился крайне характерный кризис сбыта и, как следствие его, вынужденное сокращение производства промышленности.

Правда, «ножницы» оказались явлением временным, и с течением времени произошло, отчасти благодаря общим экономическим причинам (вследствие обычного поднятия цен на хлеб в конце зимы), а также вследствие принятых мер (экспорт хлеба за границу, снижение цен на продукты промышленности, вследствие постановления центральных государственных органов) — уравнение цен. Для иллюстрации приводим последние данные по этому поводу, составленные Госпланом:

Общетоварный индекс Госплана:
(оптовые цены по Европ. СССР).

Время.	Сельск. хозяйство.	Пром.	Отношение (сельск. хоз.=1)
На 1 окт. 1923 г. . . .	0,54	1,72	1 : 3,2
„ 1 нояб. „ . . .	0,59	1,65	1 : 2,8
„ 1 дек. „ . . .	0,67	1,54	1 : 2,3
„ 1 янв. 1924 г. . . .	0,74	1,47	1 : 1,99
„ 1 февр. „ . . .	0,86	1,37	1 : 1,59

Обращаясь к этим данным, мы видим крайне характерную картину сужения ножниц, когда цены на сельско-хозяйственные продукты поднялись на 59%, а цены на промышленные продукты упали на 20% и соотношение на 1 февраля 1924 г. стало 1 : 1,59, вместо бывшего 1 октября 1923 г. — 1 : 3,2.

Но хотя непосредственная опасность от «ножниц» миновала, повидимому, впоследствии не раз придется переживать подобное тяжелое положение, вследствие трудности и медленности проведения плановых начал в области товарообмена с деревней. Основное решение этой задачи лежит во владении механикой товарообмена в стране. Было бы, несомненно, грубейшей ошибкой подходить к решению задачи с точки зрения перепроизводства тех или иных продуктов в Сов. России, нарушающих пропорциональность и правильность развития товарооборота, и становиться на путь сокращения подобного перепроизводства, как это делается обычно в капиталистическом хозяйстве. Конечно, поскольку господствует у нас стихийность в области внутренних товарных отношений, поскольку частный капитал будет играть значительную роль, постольку будет иметь значение относительное перепроизводство. Но в общем у нас приходится говорить о недопроизводстве и сельско-хозяйственных продуктов, и продуктов промышленности.

Достаточно принять во внимание, например, развитие нашего экспорта, чтобы сказать, что у нас «недопроизводство» хлеба, что мы еще не можем, не в силах довести цифру нашего экспорта до довоенного в 600 — 700 милл. пудов хлеба в среднем в год. Точно так же у нас колоссальная потребность со стороны деревни в продуктах промышленности, и мы стоим тут перед задачей массового производства предметов первой необходимости, потребляемых деревней, однако, при одновременном понижении себестоимости продуктов и удешевлении их для покупателей. Таким образом, повторяю, еще раз решение вопроса лежит в овладении механикой товарообмена.

Средства для этого мы имеем в виде кооперации и в виде нашего финансового аппарата. Потребительская и сельско-хозяйственная кооперация, как органы, непосредственно связывающие город с деревней, промышленность с сельским хозяйством, должна занять господствующее положение в товарообороте страны. До сих пор мы этого, к сожалению, не видим.

Частный капитал в области розничной торговли вытеснил кооперацию, и, по последним данным, до 80% товарооборота в розничной торговле находятся в руках частного аппарата, в руках лавочника, в руках мелкого торговца. В оптовой торговле преобладающую роль имеют государственные органы, и частный капитал участвует в товарообороте оптовой торговли лишь в четвертой доле. Но экономическая смычка между городом и деревней в области торговли

осуществляется именно мелкой розничной торговлей, и здесь необходимо принятие энергичных мероприятий, чтобы кооперация заняла подобающее ей положение.

Для этой цели необходимо проведение определенной политики в отношении кооперации. Мы должны стать на путь всяческой помощи нашей советской кооперации, на путь покровительственной политики. Регулятором для направления товарооборота в стране и форм торговли и в значительной степени направления развития сельского хозяйства может служить наша финансовая политика. Весь денежный и налоговой аппарат в руках государства. С помощью этого аппарата, с помощью системы кредитования, с помощью определенной системы налогов мы можем поощрять те или иные формы хозяйства, выдвигать их вперед, а другие формы задерживать в их развитии. С этой точки зрения нам необходимо подойти к разрешению задачи урегулирования торговли с деревней. В первую очередь, в смысле финансовом, мы должны оказать поддержку нашей кооперации.

Второй способ правильной постановки разрешения указанной задачи заключается в том, чтобы наша промышленность обращала самое серьезное внимание на производство предметов, необходимых для деревни. До сих пор мы в области промышленности еще не справились с наследством прошлого. Отсутствие нормализации, отсутствие выработки типов товаров, наиболее подходящих и пригодных для крестьянских масс, многосортность различного рода производимых нашими предприятиями продуктов и недостаточная специализация в массовом производстве предметов, пригодных для многомиллионной массы крестьян — все это является тормазом в области установления экономической связи с деревней и удовлетворения ее потребностей.

Задачей нашей промышленности должно являться — поставить такое производство продуктов массового потребления, чтобы оно действительно отвечало нуждам и потребностям массового деревенского потребителя. Это—основная, элементарная и важнейшая задача в области современной нашей экономики. В этом смысле должна американизироваться наша промышленность, и только путем удовлетворения экономических нужд деревни мы установим действительную смычку с крестьянскими массами. На этот путь становятся сейчас наши хозяйственные органы, в эту сторону развивается наша экономическая деятельность, и можно рассчитывать, что в ближайшие годы нами в этом отношении будут достигнуты серьезные результаты.

Таким образом, деревня в Советской России становится на твердый путь и в производственном и в товарном отношениях.

1923 год явился переломным еще в том смысле, что впервые после долгих лет империалистской и гражданской войны Россия серьезно выступила на внешнем хлебном рынке и ее экспорт хлеба поднялся до 150 миллионов пудов, а к концу операционного года, вероятно, достигнет намеченной цифры в 200 милл. пудов. В ближайшем же году, если только будет удовлетворительный урожай, цифра экспорта нашего хлеба, несомненно, поднимется еще выше, и в этом отношении наше сельское хозяйство начинает оказывать значительное влияние на ход мирового хозяйства.

Заключение.

Задача пролетариата в переходную эпоху в отношении крестьянского движения заключается в том, чтобы быть руководителем этого движения. Эта задача стоит перед ним как в период социальной революции, так и в период, когда власть перейдет в его руки, когда будет установлена диктатура пролетариата, но когда его роль как руководителя крестьянства остается за ним и должна быть в полной мере им осознана.

В эпоху социальной революции необходимо установление единого фронта борьбы крестьянских масс и рабочих против капитализма за рабоче-крестьянскую власть. К этому, как мы видели, толкают интересы и крестьянских масс и рабочего класса. Но этот единый фронт должен развертываться на вполне конкретной почве борьбы. с конкретными лозунгами, имея своей основной задачей ниспровержение власти капиталистов и установление рабоче - крестьянской власти. Борьба должна вестись за увеличение земли крестьянским массам, за уменьшение налогового бремени, за содействие со стороны государства крестьянскому хозяйству, но необходимо в основе вести борьбу за установление рабоче-крестьянской власти, в рамках которой крестьянская беднейшая и середняцкая масса может только получить удовлетворение своих нужд и своих интересов. Во время диктатуры пролетариата, органы пролетарской диктатуры должны уметь руководить крестьянством и направлять развитие сельского хозяйства. Коммунистическая партия и органы пролетарской власти должны на деле показать, что крестьянину экономически и политически лучше жить, чем в буржуазном строе. Должна быть проявлена определенная осторожность подхода к крестьянскому хозяйству, которое еще долго будет основываться на частно-

собственническом принципе. Только медленно и постепенно будут пробивать себе дорогу новые формы хозяйства в деревне. И только практическим доказательством преимуществ нового строя и новых форм хозяйства пролетариат сможет на деле приобщить крестьянские массы к строительству социализма и к переходу к новым формам хозяйства.

В этом отношении Советская Россия имеет уже богатый опыт. В центре экономической политики стоял и стоит вопрос о смычке между рабочими и крестьянами, между сельским хозяйством и промышленностью. И этот опыт имеет значение не только российское, но и международное, и всякому рабоче-крестьянскому правительству, которое образуется в любой стране, придется в полной мере считаться с этим опытом.

Движение крестьянства в своей основе в настоящее время, поскольку оно выливается в открытое революционное выступление, носит по преимуществу неорганизованно стихийный характер. Это мы видим в национальном движении в Индии, в Африке, в Египте, в Европе на Балканах, или же в волнениях на аграрной почве в Италии, на Балтике и в Америке. Об'ективные условия толкают все больше и больше, как это мы видели выше, крестьянство на революционный путь, но политические и экономические организации крестьянства лишь в незначительной своей части начинают сворачивать на революционный путь, в большинстве же случаев оставаясь консервативными организациями. Такой характер носят политические крестьянские партии Европы и экономические организации крестьянства в виде сельско-хозяйственной кооперации. Подобное положение является вполне понятным, если мы учтем условия, в каких складывались политические и экономические организации крестьянства, охватывающие в большинстве случаев лишь наиболее зажиточные части крестьянства. Их современный реакционный характер об'ясняется по существу теми же причинами, благодаря которым, например, Второй Интернационал превратился в реакционную организацию, поддерживающую падающий капитализм. Почему Второй Интернационал превратился в реакционную организацию? Потому что он вырос в мирный период, в период парламентской деятельности, в период процветания капитализма, затушевывавшего накопление тех противоречий, какие привели к крутому революционному повороту развитие настоящего времени. Партии Второго Интернационала росли, воспитывались и действовали в условиях подымавшегося капитализма и Второй Интернационал проникся духом этого развития, создал соответствующие формы своей деятельности и вследствие этого оказался неприспособленным к действию в условиях развала капитализма, в условиях социальной революции и поэтому пошел в хвосте буржуазии. В силу диалектики исторического развития мировой пролетариат должен сбросить отжившую форму Второго Интернационала, ставшую реакционной формой, чтобы в рамках Третьего Интернационала выявить себя как силу, устанавливающую свою власть в форме диктатуры. Но если таков процесс был для партии Второго Интернационала, то и для крестьянских организаций он явился таковым же, тем более, что существующие крестьянские организации охватывают лишь наиболее зажиточные слои крестьянства.

Все же крестьянские организации в мелких странах относительно были настолько сильны, что брали в свои руки власть. Такие факты мы имеем, например, в Болгарии, когда у власти стоял союз земледельцев, в Прибалтийских государствах, в Польше (правительство Витоса), Чехо-Словакии, но вся их практика показала, что ни к какой самостоятельной политике они не способны и могут итти лишь в хвосте буржуазии крупных стран, выполняя ее указания и теряют власть при малейших попытках самостоятельности, как это мы видели, например, в Болгарии.

Но в настоящее время, с развертыванием развала капитализма даже крестьянские организации начинают, хотя медленно, но все же становиться на путь единого фронта с пролетариатом в борьбе против капитализма. Такие факты мы имеем в Америке, где фермерские организации (само собой разумеется, наиболее бедные) присоединяются к пролетарскому движению; таковы попытки земледельческого союза Болгарии сблизиться с коммунистической партией. Аналогичные попытки мы имеем в Румынии и в Югославии.

Наконец, в 1923 г. в Москве собралась Первая Международная Крестьянская Конференция, в которой участвовали представители не только Европы, но и других частей света, и среди крестьянских делегатов были представители Америки, Австралии и колоний. Всего было 158 делегатов. Эта Конференция заложила основы организации крестьян в борьбе их против современного буржуазного строя. Это, несомненно, лишь первый шаг и только начало аграрной работы.

В своей речи тов. Зиновьев вполне правильно отметил, что «в ближайшие годы все дело должно сводиться к тому, чтобы провести борозду от рабочего класса в деревни, к широким массам крестьян. То, что делается здесь на с'езде, это только начало прокладки этой дороги. Вы начали прокладывать от деревни к городу, мы—от

города к деревне и где-нибудь посредине мы сомкнемся. Крестьяне начинают строить эту дорогу от Крестьянского Интернационала к Рабочему Интернационалу, рабочие начинают строить в направлении к вам же, чтобы в определенном пункте сомкнуться. Эта дорога должна быть широкой, солидно построенной».

Выводы.

1. Рассматривая современное развитие деревни, мы видим, что и экономически и политически деревня целиком вовлечена в процесс развала мировой капиталистической системы и в процесс борьбы, какая происходит сейчас в рамках капитализма.

2. Общий экономический кризис захватил и сельское хозяйство. Мировой сельско-хозяйственный кризис характеризуется, с одной стороны, расстройством всего производства, общим уменьшением мировой сельско-хозяйственной продукции, и с другой—растущей дороговизной в странах потребления, главным образом, в Европе, и перепроизводством в Америке, в которой, несмотря на значительные запасы хлеба, тем не менее—благодаря высокой стоимости производства—сбыт затруднен. Мировой сельско-хозяйственный рынок представляет картину крайней неустойчивости.

3. Борьба против капиталистического строя находит свое выражение также в аграрном и национальном движениях. Благодаря экономическим и историческим условиям, борьба эта лишь в части стран получает характер открытого революционного выступления (таковы аграрные волнения в Италии, борьба на Балканах, в Индии, отчасти в Америке). В других странах, как Англия, Франция и Германия, крестьянские массы еще слабо вовлечены в революционную борьбу.

4. Вследствие того, что главная масса крестьян состоит из беднейших и середняцких крестьян (60 — 80%), создается общность интересов борьбы крестьян и пролетариата, ведущих борьбу за свержение капиталистического строя.

5. Основной задачей пролетариата и его коммунистических партий является—быть руководителем беднейших и середняцких крестьянских масс как в период борьбы за власть, так и в период диктатуры пролетариата. Борьба за рабоче-крестьянскую власть, борьба за насущные нужды крестьян, создание среди крестьян коммунистических организаций и, наконец, единый фронт с революционными крестьянскими организациями в борьбе против буржуазного

строя—таковы направления работы и деятельности в первый период борьбы за власть.

6. В условиях диктатуры пролетарита, как показал опыт Сов. России, наибольшую трудность представляет установление связи между городом и деревней, между сельским хозяйством и промышленностью. Только путем внимательного удовлетворения нужд крестьянского хозяйства, путем постепенного практического вовлечения крестьян в строительство нового общественного строя, путем практического доказательства преимуществ этого строя—пролетариат сможет руководить деревней.

Промышленность должна обратить самое серьезное внимание на производство предметов массового потребления в деревне. Кооперация должна стать основным аппаратом товарообмена с деревней. Экономические органы пролетарской власти должны способствовать техническому прогрессу в деревне и развитию новых коллективных форм хозяйства. На основе прочной экономической связи между городом и деревней, политическое руководство деревней станет на твердый путь.

7. Первая Международная Крестьянская Конференция, состоявшаяся в Москве в 1923 г., и организованный ею Международный Крестьянский Совет являются первым серьезным шагом в постановке организованной борьбы крестьян в мировом масштабе совместно с пролетариатом.

В. Милютин.

Наши валюты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

К теории валют.

(Теория червонца [1]).

III. О червонце.

1. К вопросу о природе червонца до перехода к червонному исчислению.

Какова сущность червонца и прежде всего на чем покоится его ценность? Здесь могут существовать различные точки зрения. Наиболее распространенная теория, которую можно назвать психологической теорией, утверждает, что червонец имеет ценность потому, что он обеспечен золотым запасом Госбанка. Мы знаем, однако, что в настоящее время размена на золото нет и что, следовательно, между бумажным червонцем, который находится в обороте, и золотым запасом Госбанка нет никакой смычки. Каким же образом золотой запас может при таких условиях влиять на ценность бумажной банкноты?

Если не прибегать к помощи чистейшей метафизики, то единственной связью, единственным передаточным звеном между золотом, лежащим в подвалах Госбанка, и бумажным червонцем, находящимся на руках у населения, может быть только психология населения или, точнее, вера в будущий размен бумажных червонцев на золото.

[1]) Настоящая часть работы почти полностью была написана в декабре 1923 г. и январе 1924 г., т.-е. раньше первой части, помещенной в предыдущем номере; этим об'ясняется метод ее изложения, относящийся к такому периоду, когда надо было доказывать многое из того, что теперь уже выступает с полной ясностью: однако автор сохраняет почти без всяких изменений прежнюю редакцию и делает лишь небольшие дополнительные вставки и примечания.

Этой теорией оперируют не только самые широкие круги населения, но также многие специалисты и даже марксисты. Я не имею здесь времени останавливаться на критике этой теории,— укажу здесь только на общеизвестные факты из области нашего денежного обращения.

В начале войны, когда у нас был приостановлен обмен кредитных билетов на звонкую монету, металлический запас прежнего Госбанка достигал колоссальной суммы в 1.700 миллионов рублей; при этом количество бумажных рублей в обращении достигало:

1 сентября	1914 г.	. . . . .	2.554 миллиона рублей
1 января	1915 г.	. . . . .	3.030 „ „
1 апреля	„	. . . . .	3.312 „ „
1 мая	„	. . . . .	3.362 „ „
1 июня	„	. . . . .	3.477 „ „

Иначе сказать, почти через год от начала войны золотое обеспечение составляло 50% всей денежной массы, т.-е. кредитный рубль был более обеспечен, чем по уставу Госбанка должен быть обеспечен наш червонец.

Кроме того, необходимо помнить, что в первый период войны, когда никто еще не предвидел продолжительности и всех разрушительных последствий войны, почти никто не сомневался в скором восстановлении размена на золото. В прочности кредитного рубля не сомневалось не только многочисленное население деревни, но даже и российские экономисты. Показателем беззаветного доверия могут служить крестьянские кубышки, наполняемые в течение 1914—1917 г.г. миллиардами «николаевок»; памятником же близорукой веры в прочность рубля со стороны экономистов может служить вся специальная литература того периода и в первую очередь «Труды» Комиссии Чупровского Общества по изучению дороговизны, относящиеся к средине 1915 года [1]).

Таким образом, налицо были такие условия, что если бы психологическая теория имела бы какое-либо значение, то кредитный рубль должен был бы сохранить полную устойчивость. Налицо был не только «дух золота», который, по мнению некоторых, сейчас царит над банкнотой и является душой ее ценности, но даже целая золотая атмосфера—и все же, несмотря на наличие всех необходимых условий, кредитный рубль не удержался даже и полгода и неизменно обесценивался с первых же месяцев войны.

[1]) См. Д. В. Кузовков — «Материалы по теории и политике денежного обращения в России», № 4 «Вестника Соц. Академии».

К I мая 1915 г. по сравнению с довоенным временем поднялись [1]):

курс иностранной валюты	на 22%
цена золота в слитках	„ 21%
цена продуктов, потребляемых всем населением и армией	„ 60%
цены продуктов, потребляемых частью населения и армией	„ 3-%

Иными словами, несмотря на очень высокое обеспечение золотым запасом, кредитный рубль к маю 1915 г. обесценился приблизительно на 30% [2]).

Совершенно такое же положение мы наблюдаем в первые годы войны и во всех других европейских странах: всюду банки стягивают огромные металлические резервы, всюду банкноты прекрасно обеспечены, всюду полная вера в будущий размен, и всюду систематическое падение ценности неразменных банкнот.

Если сравнить наш теперешний червонец с кредитным рублем первых лет войны, то его положение окажется неизмеримо хуже: население никогда не видело, чтобы бумажный червонец превращался в звонкую монету; кроме того, миллионы нэпманов, которые среди публики задают тон в вопросах денежного обращения, не верят не только в будущий размен на золото, но даже и в устойчивость НЭП'а. И все же наша банкнота, которая ходит по паритету на золото, является гораздо более устойчивой валютой, чем кредитный рубль 1915—1916 г.г., лучше «обеспеченный» и золотом и психологией населения. Один этот факт неопровержимо говорит, что между ценностью неразменной банкноты, с одной стороны, и золотым запасом Госбанка и верой в будущий обмен, с другой стороны, нет никакого соотношения.

Но то же самое говорит и вся история нашего червонца. Как известно, металлическое обеспечение наших банкнот с самого начала и до настоящего времени остается неизменно, на одном и том же уровне—50% всей массы, выпущенной в обращение, но это ничуть не помешало червонцу за короткий промежуток времени с

[1]) «Труды» Комиссии по изучению современной дороговизны при Чупровском Обществе, ст. ст. П. Маслова и Э. Каценеленбаума.

[2]) Сравнительно незначительное повышение цен на иностранную валюту и на золото в слитках об'ясняют, с одной стороны, субсидиями Антанты и отсрочкой платежей по иностранным займам, что сильно улучшало наш платежный баланс, а с другой стороны — начавшимся в то время обесценением золота.

мая 1923 г. по февраль 1924 г. потерять около половины своей ценности, что можно видеть из таблиц, приведенных в I части работы (страницы 91, 102, 103) [1]).

В десятый и сотый раз подтверждалось, что если нет фактического размена на золото, то ни золотое обеспечение, ни вера в него со стороны населения не могут оказать влияния на ценность и устойчивость бумажных денег.

Если вы больны лихорадкой, а в соседней комнате лежит склад хины, но вы не можете получить из него ни одного порошка, то как бы ни был велик запас хины, он не может оказать никакого влияния на ход вашей болезни, и вы можете отлично умереть—этот вывод проф. Мигулина, сделанный им на основании прежних наблюдений, полностью приложим по отношению к кредитному рублю в 1914—1916 годах.

С другой стороны, в мае-июне 1924 г., мы наблюдаем феномен, который подтверждает указанные положения, только с другой стороны: червонец на внутреннем рынке начинает в эти месяцы расцениваться выше, чем золотая десятка; за золотую десятку дают только 9 червонных рублей. Таким образом, бумажный червонец становится более золотым, чем само золото. Перед лицом таких фактов представителям теории обеспечения или, что одно и то же, психологической теории остается только беспомощно разводить руками.

К этому не лишне напомнить, что за два месяца до этого, в период так называемого разменного кризиса, этот самый червонец, обеспеченный Госбанком, расценивался на 25 процентов ниже неведомого до тех пор казначейского рубля и притом совершенно ничем не обеспеченного.

Если бы ценность банкноты в какой-либо мере зависела от такого фактора, как вера в размен со стороны нэпманов и городского мещанства, то наша банкнота была бы самой неустойчивой монетой в мире. Однако, на наше счастье психологическая теория ценности червонца есть чистейший абсурд; на наше счастье ценность

[1]) К моменту реформы на 21 февраля ценность червонца определялась: по индексу Статистики Труда — в 4, 87; по индексу Кон'юнкт. ин-та — в 5,15 и по индексу Госплана—в 7,23. Цифры индекса Госплана были до настоящего момента основным аргументом в руках тех, кто настаивал на сохранении червонцем его прежней ценности; однако в апреле 1924 г. была обнаружена крупная ошибка в исчислении индекса Госплана, которая делала неверным этот индекс в течение многих месяцев; после внесения поправок ценность червонца по индексу Госплана на 1 марта оказалась равной 5,34 товарных рубля (вместо прежних 7,4), а на 1 мая—5,75 товарн. руб. (см. «Фин. Газету» от 24 мая, кон'юнктурный обзор).

червонца покоится на более прочном базисе, чем доверие к нему черной биржи.

Но если золотой запас и вера в него не имеют влияния на поддержание ценности уже старых привычных для нас денег, то еще меньше может итти речь о том, что этот золотой запас и эта вера могли быть первоисточником ценности новой валюты, что они могли превратить в полноценные деньги клочки белой бумаги, не разменивавшиеся никогда на золото. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что в деле первоначального создания червонной валюты золотые запасы Госбанка играли не большую роль, чем золото, лежащее еще в недрах Уральских гор или Сибирской тайги.

Итак, доверие черной биржи и находящихся под ее влиянием обывательских масс не может быть базисом ценности нашего червонца. Каков же это базис? Здесь я перехожу ко второй теории, которая, в известном смысле, лежит в основе денежной политики Наркомфина и которую формулировал т. Сокольников на докладе в Соц. Академии. Во избежание недоразумений, я привожу формулировку т. Сокольникова по стенограмме его доклада:

«На чем основывается ценность банкноты? Если бы прямо за каждый червонец, приносимый в Государственный банк, выдавали бы взамен золотую десятку, то тогда ни для кого не было бы сомнения в том, что стоимость червонца определяется стоимостью этой золотой монеты, которую можно за него получить. Если бы за банкноту мы выдавали десятирублевку золотом, то это означает, что цена ее выражается десятью рублями золотом.

Но есть другая система (и эту «систему» т. Сокольников противопоставляет размену на золото) и она состоит в поддержании устойчивости паритета,—эту вторую систему мы избрали. Наша банкнота опирается на то, что наш Госбанк устанавливает валютный паритет между банкнотой и фунтом стерлингов и фактически поддерживает этот паритет. Устойчивость банкноты прежде всего опирается по самому существу,—самый главный пункт,—именно на то опирается, что оказывается в состоянии выдавать иностранную валюту за каждый пред'явленный ему червонец. Основа обеспечения ценности золотого паритета червонца состоит в том, что Госбанк был в состоянии это делать без отказа. Это нетрудно понять, почему? Потому что самая наша система внешней торговли есть система организованной внешней торговли. Червонец стал денежным посредником в товарном обороте между нашим и внутренним рынком, и это была основная задача, для которой и эмитировался червонец. «Но,—продолжает т. Сокольников,—золотой и валютный запас Госбанка, обеспечивающий поддержание товарного паритета, нужен не только для того, чтобы во внешней торговле опереть и поддерживать курс червонца, но и для того, чтобы поддержать его на вольном рынке».

В другом докладе [1]) т. Сокольников продолжает развивать ту же точку зрения:

«Итак, наш червонец держится на благоприятном торговом и платежном балансе,—в этом его сила. Кто этого не понимает, тот ничего не понял в червонце. Пока будет держаться валютный паритет червонца, может держаться и устойчивая валютная расценка вспомогательных мелких денег, которые будут циркулировать в тех пределах, в которых это потребно для размена крупных денег. Таким образом, наша мелко-купюрная валюта—серебро, и отчасти бумажные деньги,—так сказать, привешивается к червонцу и примыкает к нему... а через него—к благоприятному торговому и платежному балансу».

Если сжато формулировать это, то получается: Госбанк не производит обмена бумажного червонца на золото, но зато он применяет другую «систему», которую т. Сокольников находит возможным противопоставить обмену на золото, придавая, очевидно, ей то же самое значение в деле создания ценности бумажного червонца, какое золотой размен играет обычно в деле создания ценности банкнот; банк свободно обменивает червонец на полноценную иностранную валюту, на фунты и доллары, как на внешнем рынке, так и на внутреннем, вольном рынке, и этим поддерживает его курс на паритете с долларом; банк имеет возможность это делать потому, что у нас имеется хороший для нас платежный баланс и монополия внешней торговли. Такова в коротких словах вторая теория ценности нашего червонца.

Эта теория построена на ряде недоразумений, очевидных даже и для невооруженного глаза. Остановимся внимательней на том, что говорит т. Сокольников. Что представляет собой та политика под-

[1]) «От дензнака к твердой валюте», стр. 20.

держания курса червонца, о которой он говорит? В этой политике нет ничего нового; это есть обычный метод поддержания курса внутренней валюты по отношению к валюте иностранной, который с большим или меньшим успехом применяет каждое государство. Для этого, как известно, Госбанк в нужный момент выбрасывает на внутреннем рынке необходимое количество долларов, продавая их по золотому паритету, а за границей, наоборот, покупая по тому же паритету свои червонцы; в первом случае, выбрасывая на внутреннем рынке партию долларов, он увеличивает их предложение и снижает их цену до желательного уровня, т.-е. до паритета, а во втором случае, скупая на внешнем рынке по паритетной цене свои червонцы, Госбанк не дает им возможности упасть ниже цены паритета.

Это есть обычная политика покупки и продажи иностранной валюты, имеющая своей задачей поддерживать курс существующей в стране валюты в известном отношении к валюте иностранной; ее применяют и Англия, и Германия, и каждое другое государство. В одних случаях, при хорошем платежном балансе или достаточном запасном фонде иностранной валюты, эта политика бывает удачна, в других случаях, как в Германии в 1923 году, она оказывается бессильной и ведет к напрасной растрате валютного фонда. Ее можно с успехом вести как при монополии внешней торговли, так и при полной свободе внешнего обмена. Ее можно вести в различных формах.

В свое время Австрия вела ее в развернутой форме девизной политики и, несмотря на то, что в Австрии не было никакого Внешторга, австрийский банк с полным успехом поддерживал таким путем курс бумажной кроны,— с неменьшим успехом, чем наш Госбанк поддерживает курс червонца при наличии Внешторга. Эта политика может проводиться при самых различных условиях и принимать самые различные формы, но всегда и во всех случаях она имеет определенный смысл и определенное значение: всегда и при всех условиях это есть метод поддержания курса существующей уже валюты, а не базис для создания самой валюты. Всем известно, что австрийская девизная политика позволяла поддерживать устойчивый курс бумажной кроны по отношению к металлической иностранной валюте, но никто никогда не думал до сих пор, что девизная политика создала самую крону и была основой ее ценности.

То же самое можно сказать и по отношению к политике нашего Госбанка: выбрасывая на внутреннем и внешнем рынках доллары и

фунты или скупая их, он может устранить их колебание в отношении к червонцу, он может поддерживать курс уже существующего червонца, но не создать таким образом самую червонную валюту. Прежде чем поддерживать курс денег по отношению к иностранной валюте, нужно, чтобы еще раньше существовали самые деньги.

По существу т. Сокольников сам признает эту очевидную истину; в докладе он говорит: «Банк давал кредиты экспортеру (подразумевается, банкнотами), экспортер, вывозя за границу товар, выплачивал ему все иностранной валютой». Однако для того, чтобы давать экспортерам кредит банкнотами, необходимо сначала, чтобы банкноты были деньгами и имели покупательную силу денег на внутреннем рынке; прежде чем быть средством кредитования экспортеров, они должны еще раньше стать деньгами для тех, у кого экспортеры делают закупки, т.-е. для миллионов населения как г городе, так и в деревне. Чтобы получить ценность во внешнем обмене, червонцы должны раньше стать деньгами на внутреннем рынке (или хотя бы правом на деньги внутреннего рынка).

Следовательно, т. Сокольников в своей теории считает заранее доказанным и исходит из того, что ему как раз и надо доказать,— у него червонцы имеют ценность потому, что они имеют ценность. Как увидим ниже, недоразумение разрешается довольно просто. Забегая вперед, можно сказать, что червонцы с самого начала были правом на существовавшие ранее деньги, т.-е. на известное количество бумажных рублей и только поэтому экспортеры охотно брали их[1]).

Подойдем к вопросу с другой стороны. Тов. Сокольников говорит, что ценность нашего червонца основана на нашем внешнем товарообороте, для которого он как будто бы и эмитировался, что червонец как бы черпает свою ценность от соприкосновения с долларом,—ну, а если предположить, что наши сношения с заграницей еще не восстановлены и что никакого соприкосновения с долларом нет — можно ли в таких условиях создать и иметь червонную валюту? По теории т. Сокольникова выходит, что нельзя.

Или, например, предположим, что наши сношения с заграницей, а вместе с тем и знакомство червонца с долларом прервались, перестанет ли от этого червонец быть валютой и сохранять покупа-

---

[1]) Кредиты экспортерам в червонцах были только одним из средств внедрения червонцев в оборот на-ряду с другими методами, как выплата в червонцах заработной платы и т. п.

тельную силу? Так как по теории т. Сокольникова соприкосновение с полноценным долларом является основой ценности червонца, то с перерывом внешнего товарообмена должно было бы произойти крушение нашей червонной валюты. Едва ли надо много говорить по поводу таких неожиданных выводов.

Отметим, между прочим, то огромное значение, которое придает т. Сокольников благоприятному платежному балансу и монополии внешней торговли в деле с о з д а н и я нашего червонца. А между тем, мы знаем, что Германия с огромным успехом повторила наш эксперимент с червонцем (ибо ее «рентная марка» представляет по существу то же самое, что и наш червонец), и при этом Германия, как известно, не имела ни внешторга, ни благоприятного платежного баланса.

Такова теория ценности, формулированная т. Сокольниковым. В основе ее лежит гипотеза, что наша червонная валюта, почти в 300 миллионов червонных рублей (к ноябрю 1923 года, когда т. Сокольниковым был сделан доклад), возникла и получила свою ценность благодаря соприкосновению с иностранной валютой. Внешний обмен (у нас к тому же крайне ничтожный), который при создании внутренней валюты всегда играет совершенно третьестепенную роль, здесь в силу непонятной аберрации превратился в первоисточник ее ценности; огромное море червонной валюты получило свою ценность потому, что среди этого моря плавают кое-где иностранные доллары.

В заключение необходимо отметить факт, что в Германии рентовая марка является исключительно внутренней валютой и ее даже запрещено вывозить за границу, — этот факт с особой силой характеризует все своеобразие «долларной теории» ценности червонца, который построен по общему типу с германской рентовой маркой.

Две приведенные теории червонца разделяются, как это ни странно кажется, руководителями нашей денежной политики, которые прямо или косвенно были творцами червонной банкноты. Впрочем, такие парадоксы случались не один раз и прежде: как известно, Христофор Колумб, открывший Америку, до самой своей смерти был твердо уверен, что он приехал в Азию (Индию).

Нам неизвестно, сколько практических ошибок наделал Христофор Колумб в силу того, что он Америку считал за Азию, но что Наркомфин, руководясь в своей денежной политике совершенно ложной теорией, неизбежно должен наделать массу самых тяжелых ошибок, — это ясно уже само собой—это мы видели уже выше из истории нашей червонной валюты.

Кроме отмеченных двух теорий ценности банкноты, существует еще третья теория, по которой золотой запас Госбанка не является первоисточником происхождения червонца, по которой между червонцем и золотым запасом Госбанка не было никакой связи — ни через психологию обывателей, ни через обмен червонца на доллары. По этой теории червонцы в п е р в ы й п е р и о д и х с у щ е с т в о в а н и я базировались не на ценности золота; их ценность опиралась в этот период исключительно на советский рубль. Этой теории, очевидно, придерживается т. Преображенский, который в августе 1923 года писал, что наша банкнота едет верхом на рубле; на той же, приблизительно, точке зрения стоит С. А. Фалькнер. До настоящего времени эта точка зрения не была, однако, никем обоснована и не имеет полной и развернутой формулировки. Поэтому я сделаю здесь попытку формулировать ее.

При теоретическом подходе к червонцу первоначального периода прежде всего встает вопрос, являлся ли в этот период червонец банкнотой или он представлял собой разновидность бумажных денег. Характерным признаком бумажных денег является, как известно, обязательный прием их населением при актах купли-продажи и вообще при всех сделках: бумажные деньги — это прежняя банкнота, получившая принудительное хождение, — это банкнота, переставшая быть таковой.

Однако, как известно, наш червонец не обладал принудительным курсом, т.-е. основным отличительным признаком бумажных денег. Не только частная торговля, но даже и государственные кооперативные магазины не были обязаны принимать их в уплату за товары; поэтому червонец должен быть отнесен к разряду бумажных денег (и, конечно, уже не золотых), а к разряду банкнот.

Но что такое бумажная банкнота вообще? Банкнота не есть деньги, особенно вначале, при своем выпуске; она есть только право (ордер или ассигновка) на известное количество денег. Отличительным признаком банкноты является именно то, что она обменивается на деньги, имеющие обязательное хождение. Таким образом, если наш бумажный червонец не принадлежал к разряду бумажных денег, если он являлся банкнотой, то он должен был представлять собой право на деньги, должен был обеспечиваться разменом на эти деньги. На какие же деньги?

Бумажный червонец не разменивался на золотые червонцы; он не был правом на золотые деньги Госбанка, ибо на нем написано черным по белому, что банкнота только б у д е т обмениваться на золото и притом в неизвестном будущем. Получается, что наш чер-

вонец являлся неразменной банкнотой, что является абсолютной бессмыслицей, ибо банкнота всегда разменивается, неразменная же банкнота не есть банкнота, а бумажные деньги.

Некоторая видимость ответа на вопрос получается в том случае, если признать теорию обмена банкнот на доллары, формулированную т. Сокольниковым; но тогда наша червонная банкнота представила бы собой невиданный нигде феномен, превратившись в банкноту СССР, обеспеченную золотыми запасами... американских банков.

Однако, как мы видели, такая концепция основана на смешении понятий, ибо продажа и покупка долларов на червонцы и червонцев на доллары на внутреннем рынке и за границей не имеет ничего общего с тем разменом банкнот на деньги, который делает банкноту банкнотой.

Но является ли тогда червонец банкнотой, и если да, то на какой размен эта банкнота опиралась? Если не заниматься метафизикой и не игнорировать реальной действительности, то ответ будет ясен сам собой: банкнота была в первый период ордером на определенное количество существующих в стране совершенно реальных денег, — советских бумажных рублей. Бумажный червонец был правом на известное количество бумажных рублей,—такое, примерно, количество, которое стоит золото, содержащееся в золотой десятке. Никто никогда не видел, чтобы наша червонная банкнота разменивалась на золотую монету, но с самого ее возникновения все видели и знали, что она разменивается на советские рубли, — и в этом как раз все дело.

Если сегодня рыночная цена указанного количества золота равна 100 тысячам рублей, а через месяц поднимется вдвое или втрое, Госбанк через месяц будет выдавать за червонец в два-три раза больше бумажных рублей, чем выдает сегодня. Количество бумажных рублей, выдаваемых за один червонец, растет пропорционально обесценению рубля и росту товарных цен и потому представляет определенную, устойчивую ценность.

К этому нужно еще присоединить ряд очень важных деталей. Дело не только в том, что Госбанк выдавал за банкноту постоянно растущую «пачку» дензнаков, — гораздо существенней еще то, что государство с самого начала об'явило прием червонца по курсу дня всеми государственными кассами при уплате налогов, на железных дорогах, а затем и всеми государственными кооперативными магазинами. Вследствие этого, банкноту можно было превратить в соответствующую «пачку» дензнаков или в соответствующее количество

любого товара, производимого госпромышленностью, не адресуясь предварительно за разменом в отделения Госбанка. Когда же вслед за государством прием и размен банкнот открыли и частные торговцы, банкнота превратилась также в право на ценности всего товарного рынка.

Банкнота вошла в соотношение со всем товарным миром, но она могла сделать это только потому, что была приравнена к пачке бумажных денег известной величины, и потому, что эти бумажные деньги еще раньше, до появления в свет банкноты, находились в непосредственном соотношении с товарным рынком.

Ценность червонца создана не обещанием обменивать его через неизвестный срок на золото, а фактическим обменом его на бумажные деньги. Только этот обмен червонца на вполне реальные, хотя и бумажные, деньги превратил его для населения в право на определенную ценность, а тем самым и создал его ценность. Ценность червонца обеспечивалась не наличностью мертвого золотого запаса Госбанка, с которым он не имел никакой смычки, а разменом на бумажные рубли, смычкой с бумажными деньгами, а через них и с товарами, которая производилась в каждом отделении Госбанка, в каждом магазине и лавке. Когда товарный мир перешел к червонному исчислению (об этом мы будем говорит дальше), т.-е. когда произошла непосредственная смычка червонца с реальными ценностями рынка, то эта смычка могла произойти опять-таки через тот же бумажный рубль, — кто этого не понимает, тот действительно ничего не понял в происхождении червонца.

Таким образом, происхождение нашего червонца не заключает в себе ничего таинственного, оно предполагает только одно — существование до этого бумажных денег. Для того, чтобы понять сущность червонца в первоначальный его период, не требуется аппелировать к обывательским теориям, вроде кредитно-психологической теории; или выдумать и притягивать за волосы такие теории, как долларная теория.

На нашем червонце написано, что он обеспечивается драгоценными металлами Госбанка; однако, поскольку действительного размена на эти драгоценные металлы никогда не производилось, для публики вначале, когда она впервые знакомилась с новой валютой, одно только это обещание было, разумеется, пустым звуком. Госбанк с одинаковым успехом мог бы написать на червонце еще более широковещательно, что червонец обеспечивается всей будущей добычей золота в сибирских рудниках или даже всем тем золотом, которое вообще находится в недрах Урала, Сибири, а заодно

и Трансвааля. Однако в глазах населения это, разумеется, не придало бы белой бумажке ни атома ценности.

Представим себе на минуту, что выпуская в конце 1922 г. бумажный червонец, Наркомфин, ограничившись одним голым обещанием будущего размена, не производил бы действительного размена на определенную, постоянно растущую пачку советских рублей и не об'явил бы о приеме червонца кассами гостранспорта, госторговли и финотделов, — далеко ли в этом случае ушел бы бумажный червонец? Можно с абсолютной уверенностью сказать, что, не оседлав советского рубля и выезжая на одном обещании размена, наша червонная банкнота не только никогда не доехала бы до Лондона, но и не выехала бы за пределы Ильинских ворот и Китай-Города.

2. Уточнение вопроса об отношении червонца к золоту.

Характеризуя сущность червонца (в первоначальный период, до перехода к червонному исчислению), как разменной банкноты, мы формулировали так: червонец есть банкнота, т.-е. право на известное количество бумажных рублей — примерно, на такое количество, которое необходимо для покупки золота, содержащегося в золотой десятке. Здесь, к удовольствию фетишистов, под нашу банкноту как бы подводится известное золотое основание.

Однако, формулируя так, мы сделали по существу теоретическую ошибку, ибо между червонцем и золотом нет даже и той отдаленной связи, о которой говорится в указанной формулировке. Эту ошибку мы допустили совершенно сознательно, из педагогических соображений. Во всем нашем валютно-денежном мышлении настолько доминирует дух золота, что наши представители ортодоксального фетишизма все свои рассуждения о деньгах могут вести, только исходя от золота, иначе в их головах все начинает путаться. Мы как бы привыкли танцовать от печки, если же нам предлагают начать с середины комнаты, мы приходим в величайшее смущение. При таких условиях в своей характеристике червонца мы должны были пройти через эту неизбежную стадию. Теперь же, исправляя сделанную ошибку, мы попытаемся уточнить вопрос.

Выше говорилось, что размен банкноты на бумажные рубли по курсу золота есть то же самое, что размен ее на золото, или, что банкнота есть право на пачку бумажных денег равноценную известному количеству золота. Однако это не значит, что червонец имел

какое-либо отношение к тому золоту, которое лежало в подвалах Госбанка, — это значило только то, что червонец был правом на определенную ценность в виде известного постоянно растущего количества бумажных рублей и что эта ценность близка по своей величине к ценности одного из товаров, к ценности определенного количества золота.

Отношение, которое существовало между банкнотой и золотом, имело скорее арифметический характер, — по типу той формулы, что если две величины (червонец и золото) порознь равны третьей (соответствующему количеству бумажных рублей), то эти две величины равны между собой, т.-е. банкнота равна золоту. Или: если бумажная банкнота есть право на определенную ценность (пачка бумажных денег), а эта ценность приблизительно равна ценности одного из товаров, в данном случае золота, то банкнота по своей ценности равна приблизительно ценности этого золотого товара.

Отсюда вытекает прежде всего, что можно иметь устойчивую банкноту, равную по ценности золоту, не имея в Госбанке ни одного атома золота. Это показывает, что «червонцем» может стать и всякая другая бумага, выписанная на золото и размениваемая на бумажные деньги по курсу дня, например, облигации или купоны «золотого займа». Кто может сомневаться, что если бы государство в начале 1923 года об'явило прием купонов по курсу дня на железных дорогах, трамваях, при покупках в магазинах и при уплате налогов, то купоны превратились бы в устойчивую валюту?

Те, у кого не хватает теоретического воображения для того, чтобы представить, что из этого получилось бы, могут обратиться к опыту Германии. Здесь в связи с лихорадочным обесценением марки осенью 1923 года и в связи с тем, что «коалиционное» правительство долго топталось на месте с проведением реформы, хозяйственный оборот сам создал себе твердую валюту, превратив в нее мелкие купюры золотого займа. Нашим патриотически настроенным теоретикам червонца и певцам его «золотой сущности» было бы полезно прочитать следующую информацию о Германии, помещенную в официальном органе Наркомфина («Вестник Финансов», 1923, № 48):

> «Золотой заем, выписанный в золотых марках = $^{10}/_{42}$ доллара и выпущенный, на основании закона 14 августа 1923 года на сумму 500 милл. марок, сделался фактически, подобно нашему червонцу, основным орудием оборота, сбережения ценностей и платежным средством.

Заем удалось без труда продвинуть и в деревню, по инициативе «Имперского хлебного бюро», платившего облигациями займа сельским хозяйствам за поставленные продукты, и, таким образом, заем послужил главным орудием мобилизации урожая. Одним из важных преимуществ займа является то, что он принимается в уплату налогов. С последней недели октября котировка на берлинской хлебной бирже происходит в золотом займе.

Особенно укрепилась позиция золотого займа после недавно проведенного нового выпуска займа в мелких купюрах в 5,2, 1,½, ¼ и $^1/_{10}$ доллара на 300 мил. золотых марок. С Рейхсбанком заключено соглашение о том, что в будущем мелкие купюры займа не должны трактоваться, как ценные бумаги, но могут свободно продаваться и покупаться в качестве денег, без удержания комиссионных; мелкие купюры пользуются огромным спросом, так что одно время можно было говорить об их недостатке».

Облигации займа настолько превратились в деньги, что серьезными немецкими экономистами выдвигался проект использования их в качестве основы для создания новой валюты вместо проекта рентовой марки. В сущности, появившаяся затем рентовая марка, как и наш червонец, ничем не отличается от денег — облигаций, циркулировавших в обороте на огромную сумму в 800 милл.

Для того чтобы ценность банкноты оставалась устойчивой, количество падающих бумажных денег должно расти пропорционально росту цен; но рост цен может измеряться или ростом общетоварного индекса, или ростом цены какого-нибудь одного товара, являющегося на рынке наиболее устойчивым (например, голото), которое является как бы контрольным товаром.

Наркомфин по целому ряду соображений отказался от товарного индекса и взял в качестве такого контрольного товара золото. В этом смысле, — и только в этом, — наша банкнота являлась в первый период, до перехода к червонному исчислению, «золотой валютой». Золото здесь играло роль стрелки, которая показывает движение рыночных цен и обесценения бумажных денег и тем самым определяет курс червонца в бумажных деньгах.

Однако вместо золота с большим или меньшим успехом для дела можно применить также и цены на какой-либо другой, более или менее устойчивый товар, например, цены на хлеб или на мануфактуру, или даже общетоварный индекс. Сейчас на банкноте напи-

сано, что она подлежит в будущем размену на золото и, кроме того, как бы подразумевается надпись:

> «А впредь до установления размена на звонкую монету Госбанк выдает за червонец столько бумажных рублей, сколько стоит 1 золотник 78,24 долей чистого золота»,

но вместо этого можно было написать:

> «Банкноты имеют ценность, равную ценности одного пуда хлеба; Госбанк выдает за нее в любое время столько бумажных рублей, сколько стоит один пуд хлеба».

Разумеется, при этом надо было бы, как и сейчас, ежедневно опубликовывать в газетах «курс» этого хлебного червонца, т.-е. сколько конкретно рублей выдает в данный день Госбанк за эту хлебную банкноту, а также необходимо было бы, чтобы железные дороги, госторговля и налоговые кассы принимали эти хлебные червонцы по этому официальному курсу.

Но вместо цен на отдельные наиболее типичные товары можно также в качестве контрольной стрелки воспользоваться общетоварным индексом. Тогда редакция надписи, примерно, гласила бы:

> «Банкнота имеет ценность довоенного золотого рубля, курс которого ежедневно публикуется в Госбанке; Госбанк оплачивает банкноту дензнаками, соответственно публикуемому курсу. Государственные железные дороги, государственные торговые и промышленные предприятия, а также все кассы Наркомфина принимают банкноту согласно указанному курсу».

Разумеется, те, кто одержим «духом золота», приходит в ужас от такой ереси. В дискуссии в Соц. Академии, отвечая своим оппонентам, т. Сокольников в недоумении говорил:

> «Преображенский говорит такую вещь, что если бы мы на червонце не написали, что он равен золоту, и пустили его в оборот, то он был бы хорош. Но я бы спросил Преображенского, — что бы мы написали на червонце, что такое был бы червонец? У нас иногда ум за разум заходит. И *если выпустить червонец*, не сравнив его ни с чем, *что же это будет*? Очевидно, можно его выпустить по товарному индексу, *можно выпустить хлебные деньги*, мануфактурные деньги и т. д.» [1]).

[1]) Автор этих строк во многом расходится с т. Преображенским, в частности также и по вопросам теории и политики денег, но, в данном случае по

Очевидно, не только у оппонентов т. Сокольникова ум за разум заходит...

Основное свойство фетишистов, как известно, состоит в том, что созданный ими фетиш кажется им самой доподлинной реальностью, и, наоборот, вполне реальное явление они считают «извращением» выдуманных ими законов. Тов. Сокольников с ужасом отступает перед святотатственной мыслью, что твердую банкноту можно построить без единого куска золота [1]), перед мыслью, что могут существовать устойчивые хлебные, мануфактурные и даже — о ужас! — индексные банкноты; между тем, явления такого рода существуют вокруг т. Сокольникова, и он даже сам регистрирует их, хотя, очевидно, не считает их за реальные явления.

На наших глазах происходят такого рода факты, что, например, облигации хлебного займа, не обеспеченные золотом и даже не выписанные на золото, при отсутствии в обороте твердой валюты, стихийно превращаются в такую валюту, при этом, что особенно характерно, государство не только не содействует такому превращению, но, наоборот, всеми силами противодействует ему. В своей брошюре — «От дензнака к твердой валюте», т. Сокольников, незаметно для себя, констатирует этот факт стихийного появления устойчивой хлебной валюты, которая в Германии, как известно, имела еще большее распространение:

«В нынешнем году мы налог оставили натуральным, но налоговой пуд обратился в счетную единицу, а облигация хлебного займа превратилась в замаскированную валютную единицу».

Таким образом, «хлебная банкнота» оказалась реальностью, которую не только можно руками пощупать, но против которой приходится даже бороться, так как она может начать конкурировать с «законнорожденным» детищем Наркомфина и наследником дензнака — золотым червонцем.

«Но этот маскарад надо бросить» — грозно говорит Наркомфин и шлет по почте, телеграфу и радио предписание о борьбе с этим и иными подобными ему самозванными претендентами на звание валюты; в наших газетах мы читаем десятки сообщений, подобных следующему:

> «В связи с появившимся в печати сообщением о выпуске Раковским районным кооперативом марок достоинством в 5 руб. зол., НКФ телеграфно распорядился немедленно изъять марки из обращения и привлечь виновных в выпуске к ответственности».

Или:

> «Наркомпочтель по соглашению с НКФ не признал возможным удовлетворить ходатайство об обмене марок на советские знаки, так как при благоприятном разрешении вопроса почтовая марка обратилась бы в твердую разменную валюту».

Если же государство «узаконило» бы хлебную банкноту-облигацию и вместо того, чтобы бороться с ней, об'явило бы ее прием в платежах на жел. дорогах, в госпромышленности, в госторговле и в налоговых кассах, если бы Госбанк об'явил ее размен на дензнаки по курсу дня, то можно ли сомневаться, что эта хлебная облигация превратилась бы в самую настоящую валюту?

Если же, кроме того, Госбанк стал бы регулировать курс новоиспеченной—точнее, «само-испеченной» хлебной банкноты в соответствии не с ценами на хлеб, а с движением общего уровня цен в бумажных рублях, т.-е., иначе сказать, если бы ценность этой банкноты была оторвана от ее номинального основания, мы имели бы

вопросу о природе банкноты в ее первый период существования, он целиком подписывается под формулировкой, которую т. Преображенский мимоходом дал в августе, говоря, что «червонец едет верхом на падающем и хромающем советском рубле» («Правда»). Вообще приходится констатировать, что, несмотря на то, что т. Сокольников так часто щеголяет ссылками на Маркса, он совершенно не владеет его методом и поэтому, затвердив те или иные места из него, он, в условиях реальной действительности, оказывается в беспомощном положении и договаривается до абсурда, стоящего в противоречии не только с теорией Маркса, но и просто с элементарной азбукой политической экономии. В качестве примера можно привести его долларную теорию ценности червонца, которую не понял и до сих пор не понимает ни один экономист как из среды буржуазных ученых, так и из среды марксистов.

[1]) Появление бумажных, но вполне устойчивых валют, неразменных на золото, хотя и «обеспеченных» им, как наш червонец, или даже не имеющих никакого обеспечения, как германская рентовая марка,—появление таких валют окончательно сбило с толку представителей золотого фетишизма; в Англии, наиболее старой стране золотого обращения, германский опыт с рентовой маркой приводит некоторых даже в мистическое настроение; один английский банкир по поводу рентовой марки восклицает: «Это—чудо! Здесь все разумное отошло на задний план. Германская марка держится чудом и будет держаться до тех пор, пока немецкий народ верит в это чудо».

У нас в России предпочитают пока не думать о сущности германской марки, а свой червонец — возводить в ранг золотой валюты и считать его «почти чудом».

такую же индексную банкноту, какой в действительности являлась наша червонная банкнота.

Наша практика знает не только случай возникновения хлебных банкнот, уничтоженных, правда, в их зародыше, но и случаи почти настоящей индексной банкноты в виде так называемых железно-дорожных сертификатов. Предоставим другим характеризовать эту разновидность банкнот, обеспеченных только разменом на бумажные деньги. В № 2 «Вестника Финансов», 1924 г. (стр. 16) работник Валютного Управления Наркомфина т. Энгеев, анализируя условия «усвоения нашим денежным обращением такой совершенно чуждой ему ценной бумаги, как транспортный сертификат в 5 рублей золотом» ,— пишет:

> «Его денежная природа не отличалась какими-либо особыми преимуществами: 1) сертификать не имел никакого металлического обеспечения, 2) обеспеченность его всеми доходами железных дорог и водного транспорта едва ли многим могла содействовать поддержанию его денежного авторитета, т. к. держателю этого «заемного обязательства НКПС» было хорошо известно, что расходы по транспорту играют едва ли не большую роль, чем его доходы, 3) что же касается гарантия НКФ, то, ведь, такую гарантию имеют все государственные денежные знаки. Транспортный сертификат не был разменен на банкноту и размен этот не был прокламирован. Условием, делающим сертификат твердым денежным знаком, явилось снабжение его курсом и обязательство, принятое НКПС и НКФ, оплатить его по этому курсу в своих кассах. Таким образом, сообщение заемному обязательсту твердого курса сделало его бумагой, быстро усвоенной оборотом, несмотря на полное незнакомство нашего оборота с такой денежной разновидностью».

Следовательно, в случае с сертификатом нет даже обещания разменивать его на золото или даже на червонцы и все дело сводится только к тому, что за него выдают определенную пачку бумажных денег, размер которой определяется в половину того, что дают за 10-рублевый червонец.

Надо сказать, что хлебные и подобные ей банкноты, появлению которых у нас очень быстро был положен конец, в Германии имели гораздо более широкое распространение. Высокоразвитое товарно-капиталистическое хозяйство Германии, утеряв устойчивую валюту, стихийно пыталось создать эту валюту само, посрамляя при этом

теорию Кнаппа, считавшего, что творцом денег является государство. Эти попытки привели к появлению во многих местах в Германии «ржаных денег», о чем подробно рассказывает книга проф. Прейера «Roggenpapiere und Roggensteuern», практика с этими хлебными деньгами вызвала затем известные проекты введения «хлебной марки», которые одно время были близки к осуществлению.

Но кроме хлебных денег Германия дала примеры существования других «твердо-ценностных» денег, не опирающихся ни на какое золотое обеспечение и не связанных ничем с золотом и только обмениваемых на то или иное растущее количество старых марок. Деньги этого рода появились в Германии в связи с задержкой денежной реформы и были широко распространены до выпуска в свет мелких купюр золотого займа, о которых говорилось выше, являясь как бы дополнением к крупным деньгам —облигациям. В русской литературе некоторый материал по этому вопросу дает уже приведенная выше информация «Вестника Финансов»:

> «Выпущены они почти по всей Германии. По закону 26/X 1923 года они должны быть обеспечены облигациями золотого займа, депонированными в государственных кредитных учреждениях.
>
> Некоторые области выпускали их без какой бы то ни было связи с золотым займом, при чем базис их меняется в зависимости от особенностей города или области. Гессен выпускает деньги в виде беспроцентных долларных обязательств. Бавария создает деньги под обеспечение предприятиями по выработке электрической энергии, Баден—казначейские обязательства, обеспеченные лесными доходами, Ольденбург—ржаные облигации в купюрах до 1 ф. ржи».

Приведенные примеры с «золотой», «хлебной», и «индексной» банкнотой говорят, что ценность их определяется не тем, что их номинально приравнивают к золоту, хлебу или довоенному золотому рублю, а тем, что за них выдают то или иное количество реально существующих бумажных денег. Если банкнота называется золотой или хлебной, то это не значит, что она имеет золотую или хлебную субстанцию,—эти названия определяют только меру того, что лежит в основе ценности банкноты, т.-е. количество бумажных денег.

Если в качестве контрольного товара взято золото или хлеб, то за червонец выдается пачка бумажных денег, которая на рынке является эквивалентом известного количества золота или хлеба. Однако в качестве такой контрольной стрелки может быть взят и

общетоварный индекс,—в этом случае «пачка» должна быть равна довоенному золотому рублю, т.-е. она должна быть достаточно велика, чтобы за нее можно было получить на рынке ту порцию товаров, которую прежде рынок выдавал за золотой рубль. Величина этой пачки легко определяется цифрой, выражающей общее повышение цен, начиная с 1913 года; например, если в данный момент уровень цен с довоенного времени поднялся в 50 милл. раз, то за 50 милл. теперешних рублей можно получить на рынке то, что прежде за 1 золотой рубль.

Надо сказать, что по существу и золотая и хлебная и всякая другая банкнота, выписанная первоначально на какой-либо конкретный товар, в конечном счете неизбежно превращается в индексную банкноту, курс которой движется не параллельно ценности этого конкретного товара, а параллельно общему движению уровня товарных цен. В самом деле, если бы курс нашей «золотой» банкноты следовал за ценами золота,—безразлично золота в слитках, или золота в монете, т.-е. золотой десятки, — она должна была бы резко отклоняться от движения общего уровня цен, так как движение цен на золото во всех его видах у нас в настоящее время никогда почти не совпадает с общим движением цен. Поэтому для того, чтобы быть устойчивой, всякая банкнота, построенная первоначально, как эквивалент какого-либо конкретного товара, в дальнейшем неизбежно должна оторваться от своего первоначального основания и изменить свой курс параллельно движению общетоварного индекса.

Это, однако, не значит, что банкнота превращается в какую-то метафизическую абстракцию, какую-то чисто счетную величину,—ибо пачка бумажных рублей, выдаваемая за такую банкноту, всегда остается вполне реальной величиной,—но это значит, что об'ем этой пачки изменяется параллельно движению цен не золота, хлеба или какого-либо другого товара, а параллельно движению общего уровня цен. Фактически и наша золотая банкнота точно так же являлась индексной банкнотой, курс которой Наркомфин регулировал в соответствии с движением общетоварного индекса.

Итак, происхождение червонцев не представляет собой ничего загадочного, оно предполагает одно—и только одно—условие: существование до них обыкновенных бумажных денег, обладающих покупательной способностью на рынке.

Другое дело—проблема происхождения и ценности этих самых бумажных денег: подойдя вплотную к этой проблеме, марксисты

перед войной, как известно, порядочно переругались. Если бы сейчас возобновить дискуссию на эту тему, то, вероятно, дело не обошлось бы без разделения на «фракции».

Вообще над этой проблемой придется еще поработать, но все трудности ее не имеют никакого отношения к вопросу о происхождении червонных банкнот, ибо поскольку указанные условия—существование бумажных денег — налицо, постольку возникновение и вся дальнейшая история червонца не требуют для своего об'яснения никаких головоломных теорий.

3. Условия устойчивости червонца в банкнотный период

(До перехода к червонному исчислению).

Итак, мы показали, что банкноту можно конструировать, не только не имея ни одного фунта золота, но даже не упоминая о золоте. Теперь мы перейдем к вопросу о том, насколько такая банкнота, построенная на базе неустойчивых бумажных денег, может сохранять устойчивость.

Теория бумажных денег, как мы увидим, показывает, что ценность такой банкноты может быть более устойчива, чем ценность любого товара, в том числе и золота.

В наше время, после появления устойчивой банкноты, наши представления о неустойчивых бумажных деньгах успели запутаться и извратиться. Сейчас начинают думать, что чуть не с первого дня появления на свет червонца советский рубль превратился в простой разменный знак при этом червонце, ценность которого в действительности являлась долгое время простым отражением этого советского рубля. Начинают думать, что не червонец получил свою ценность, потому что он был приравнен к известной пачке бумажных рублей, а, наоборот, «пачка» бумажных рублей имеет ценность потому, что она приравнивается к червонцу. У наших теоретиков, а в особенности у практиков денежной политики, часто получается, что червонец — это с самого начала деньги, а советский рубль — это какое-то «недоразумение», хотя это «недоразумение» просуществовало несколько лет до появления червонца, обладая нераздельной властью на всем товарном рынке.

В действительности, вопреки этим представлениям бумажный рубль имел, имеет и до самого конца будет иметь [1]) определенную

[1]) Статья написана в январе 1924 г.

совершенно самостоятельную ценность, регулируемую отчетливо формулированными законами денежного обращения. Согласно теории Маркса, ценность всей массы бумажных денег, а тем самым, и ценность каждой бумажной единицы определяется ценностью того золота, которое эта масса представляет в процессе обращения:

«Захваченные обращением знаки ценности, или бумажные деньги, попадают во власть законов, присущих обращению. Поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, имеет ценность определенной величины, постольку и знак золота представляет собой ценность».

«Ценность бумажек, находящихся в обращении, зависит исключительно от их собственного количества».

Таким образом, если ценность всей бумажной массы, представляющей то или иное количество золота, необходимого для обращения, обозначим через Ц, а количество бумажных рублей, находящихся в обороте, через N, то ценность каждого бумажного рубля точно определяется дробью $\frac{Ц}{N}$ Эта ценность — величина совершенно реальная и определенная, как бы много ни было выпущено бумажных рублей, т.-е. как бы ни был велик знаменатель N.

Как известно, Гильфердинг выдвинул несколько иную концепцию; он считает, что при бумажно-денежном обращении ценность всей массы обращающихся денег определяется непосредственно размерами товарного обращения, т.-е. ценностью товарной массы, проходящей через рынок. По Гильфердингу, и самое количество золота (не ценность металла, а его количество при данной его ценности), которое необходимо для товарного обращения, определяется размерами этого обращения. Поэтому, по его мнению, «стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам», непосредственно из ценности товарной массы, подлежащей реализации на рынке.

В данном случае, однако, безразлично, будем ли мы производить ценность бумажно-денежной массы непосредственно от размеров товарного обращения или же будем «производить» эту ценность непосредственно от золота,— ибо в обоих случаях общая величина ценности бумажно-денежной массы будет одна и та же.

Если ценность золота, замещаемого в обращении бумажными деньгами, если Ц = 100 милл. зол. рублей, а N = 1 милл., 1 триллиону, и т. д., то ценность бум. рубля будет равна $\frac{1}{01}$ $\frac{1}{10.000}$ или соответственно какой-либо иной доле золотого рубля; и как бы ни велико было N, как бы ни мала была дробь $\frac{Ц}{N}$, эта дробь остается

совершенно реальной величиной, она остается мерой всех вещей, для всего товарного мира. Как бы ни мала была эта дробь, всегда можно, помножив ее на то или иное число, получить ценность любой величины, эквивалентную 1.000 пуд. хлеба, 2.000 арш. ситца, фунтам и пудам золота и т. д.

Как бы ни мала была ценность отдельного бумажного рубля, всегда можно, выпустив купюры в 1 тысячу, 1 миллиард или 1 триллион рублей, получить ценность, не уступающую золотой десятке или золотой сотне; как бы ни обесценивался рубль, всегда остается в силе положение, что в известном смысле нет ничего дороже этого бумажного рубля.

«Какая угодно масса бумажных денег,—пишет Маркс,—может быть поглощена и переварена процессом обращения» [1]).

А тем самым при всех условиях отдельный бумажный рубль, составляя определенную часть бумажно-денежной массы, остается всегда реальной ценностью, величина которой точно определяется $\frac{Ц}{N}$.

Поскольку же это так, постольку и «пачка» бумажных рублей, растущая пропорционально с обесценением рубля, а вместе с тем и банкнота, обеспечиваемая обменом на эту пачку, есть не только вполне реальная ценность, но притом такая ценность, величина которой остается устойчивой и неизменной, несмотря на обесценение рубля.

Первоначальный размен «пачки», а вместе с тем и ценность банкоты могут быть различны в зависимости от того, будет ли банкнота золотая, хлебная, сахарная и т. д., т.-е. в зависимости от того, будет ли эта пачка эквивалентной известному количеству золота, хлеба, сахара или известному товарному «набору».

Допустим, что в момент выпуска хлебных банкнот пуд хлеба стоит на рынке 10 бумажных рублей, один пуд сахара—40 бумажных рублей, один золотник 78,24 доли чистого золота (вес золотой десятки)—100 рублей; тогда в момент выпуска «пачка» при хлебной банкноте будет равна по своей ценности 10 бумажным рублям,

---

[1]) Здесь Маркс, за 50 лет до нашего времени, установил то бессмертие бумажного рубля и бумажной марки, которая подтвердилась всем опытом 1914—1923 г.г., а, между тем, некоторые «марксисты» не сумели понять этого, даже наблюдая воочию процесс обесценения рубля в течение нескольких лет; так, например, проф. Каценеленбаум, оперирующий психологической теорией ценности бумажных денег, в 1819 г. предрекал неизбежную автоматическую смерть рубля от его обесценения.

или 10 $\frac{Ц}{N}$, при сахарной—40 руб., или 40 $\frac{Ц}{N}$, при золотой—100 бумажных руб., или 100 $\frac{Ц}{N}$.

Из этого следует, во-первых, что с самого начала «пачка», лежащая в основе банкноты, а вместе с тем и самая банкнота есть такая же реальная ценность, как и бумажный рубль, и, подобно этому последнему, может служить мерой вещей для товарного мира.

Из этого, во-вторых, следует, что величина этой ценности — поскольку пачка растет вместе с обесценением рубля — может оставаться неизменной, несмотря на обесценение рубля. В самом деле, первоначальная выпускная ценность пачки, а вместе с ней и банкноты (например, хлебной), эта первоначальная величина 10 $\frac{Ц}{N}$ неизменно падает, поскольку обесценивается сам бумажный рубль; но выпускная ценность хлебной банкноты, или первоначальная величина 10 $\frac{Ц}{N}$, остается неизменной, если количество бумажных рублей, заключающихся в пачке, увеличивается каждый раз во столько же, во сколько упала покупательная сила отдельного бумажного рубля, во сколько повысился общий уровень товарных цен.

Если общий уровень цен повысился в два раза, а ценность отдельного рубля, или $\frac{Ц}{N}$, соответственно понизилась вдвое, то и вся пачка — банкнота должна обесцениться вдвое, но если вместо прежних 10 рублей в пачке будет их в два раза больше, т.-е. 20, то никакого изменения в ценности пачки-банкноты не произойдет. Коэффициент роста цен, т.-е. число показывающее, во сколько повышается уровень цен, есть в то же время и коэффициент обесценения рубля, показывающий, во сколько понизилась первоначальная величина $\frac{Ц}{N}$ — обозначаим этот коэффициент через букву **n**. Помножая на этот коэффициент первоначальную «пачку», мы будем иметь неизменную величину, всегда равную прежней 10 $\frac{Ц}{N}$.

Таким образом для поддержания первоначальной ценности банкноты на одном уровне, надо иметь только коэффициент общего роста цен, если же этот коэффициент дан, банкнота, опирающаяся на неустойчивые бумажные деньги, может неизменно сохранять свою первоначальную ценность.

Необходимо отметить, что если первоначально, при своем выпуске, банкнота «выписана» на тот или иной конкретный товар, в данном случае на хлеб, то в дальнейшем можно держаться различной тактики: можно увеличивать первоначальную пачку или пропорционально росту цен этого отдельного товара (хлеба), или же пропорционально росту общего уровня цен. В первом случае сохраняется условная связь банкноты с тем товаром (хлебом), на который она первоначально выписана, а тем самым ее ценность будет также колебаться, как и рыночная цена этого товара; банкнота, выписанная на отдельный товар, будет обладать лишь относительной устойчивостью, такой же примерно, как облигация хлебного займа. Даже если банкнота выписана первоначально не на хлеб, а на золото, то это мало поможет делу, так как рыночная цена золота в наших условиях подвержена огромным колебаниям. И только в том случае, если об'ем первоначальной пачки, представляемой банкнотой, изменяется пропорционально общему уровню цен, банкнота сохраняет свою полную устойчивость, хотя она тем самым окончательно отрывается от того товара, с которым она связана при своем появлении: из облигации хлебного займа банкнота здесь превращается в настоящие деньги.

Наша червонная банкнота при своем выпуске была выписана на золото, но если бы она продолжала удерживать связь с ним— с конкретным золотом, обращающимся в данный конкретный период на конкретном советском рынке,—если бы ее ценность колебалась в соответствии с рыночной ценой этого золота, которая прыгает не менее и даже более резко, чем цены других отдельных товаров, то червонная банкнота фактически не могла бы быть устойчивой валютой и выполнять соответствующие функции.

Для того, чтобы избежать этих прелестей «золотой» банкноты. Наркомфин вынужден был из золотой превратить ее в индексную и регулировать ее курс не по рыночным ценам, а по обще-товарному индексу [1]).

Итак, помножая на коэффициент роста товарных цен первоначальную пачку бумажных рублей, мы можем иметь вполне устойчивую валюту,—гораздо более устойчивую, чем ценность того или иного товара, в том числе и золота.

Здесь, однако, встает практический вопрос: можем ли мы иметь такой общетоварный индекс, который показывал бы состояние об-

---

[1]) Регулирование курса червонной банкноты (в бумажных рублях) в соответствии с курсом иностранной валюты, например, доллара, не может служить источником ее устойчивости, так как цена иностранной валюты на внутреннем рынке данной страны подвержена колебаниям, находящимся в связи с рядом таких факторов, как торговый и платежный баланс, которые вносят пертурбационные элементы в движение цен на иностранную валюту.

щего уровня цен не за прошлое, не за месяц или неделю, а за настоящее, ибо если индекс только констатирует уже происшедшее прежде движение цен и не отражает настоящего момента, то тем самым он перестает служить контрольной стрелкой, по которой необходимо регулировать бумажно-денежный курс банкноты.

Несомненно, что составление обще-товарного индекса на сегодняшний день — вещь невозможная; однако на практике это не является сколько-нибудь препятствием для пользования индексом в указанном смысле. Конечно, никто не знает и не может знать индекса сегодняшнего дня, но всякий, кто наблюдает за ростом цен, отлично знает *темп* этого роста. Этот *темп* остается устойчивым в течение не только недель, но и месяцев; замедление и ускорение темпа, как такового, происходят очень медленно и относительно редко.

Поэтому на практике не представляет больших затруднений, исходя из темпа предыдущей недели, определить если не с абсолютной точностью, то очень близко темп роста цен на сегодняшний или даже на завтрашний день. Этот способ предвидения настолько прост и верен, что им постоянно пользуются миллионы участников товарооборота в условиях эмиссионного хозяйства. В частности, в широких размерах эта «теория вероятностей» используется городским и деревенским оборотом при заключении всякого рода сделок на червонцы; не получая подолгу газет, население деревни вынуждено часто «угадывать» курс червонца на тот или иной день, и это делается с достаточным успехом. Использование движения обще-товарного индекса особенно облегчается в покойные периоды эмиссионного хозяйства,—в этом случае «недолеты» и «перелеты» сводятся к минимальным размерам, не имеющим практического значения.

4. Переход к червонному исчислению.

С появлением червонца в условиях непрерывного падения рубля, начался переход к червонному исчислению; госпромышленность, госторговля, гостранспорт и налоговая система переходят к червонным ценам, к червонным тарифам и ставкам; Госплан переходит к сделкам с расчетом на червонцы; заработная плата, исчисляемая прежде в бумажных рублях, получает теперь свое выражение в червонцах.

В чем сущность перехода к червонному исчислению? Оно заключается в приравнивании всех ценностей народного хозяйства к ценности червонца, которая есть вполне определенная, вполне реальная величина. Как мы видели выше, червонец первоначально, в момент своего возникновения, есть банкнота, т.-е. ассигновка на определенное количество бумажных рублей, — на такое количество, которое на рынке эквивалентно или 1 золотому рублю («золотая» банкнота), или 1 пуду хлеба («хлебная» банкнота), или товарному набору, стоящему до войны 1 рубль золотом (индексная банкнота); даже отрываясь в дальнейшем от своего первоначального основания и превратившись из золотой банкноты в банкноту индексную, наша червонная банкнота осталась реальной ценностью, вполне определенной величины.

Поэтому, являясь ассигновкой на пачку бум. рублей, червонная банкнота представляла собой вполне конкретную единицу измерения, с которой могут быть сравниваемы ценности всех других товаров. Переход к червонному исчислению и представляет собой процесс такого сравнивания, в результате которого устанавливаются соотношения ценностей всех отдельных конкретных товаров к этой единице ценности и фиксация этих соотношений.

Технически такой переход представляет простейшую арифметическую операцию. Если 1 червонец равен пачке в 100 миллиардов бум. рублей, в то время, как:

1 пуд хлеба = 10 миллиардов рублей.
1 арш. ситца = 5 миллиардов рублей.
1 ф. сахара = 2 миллиарда рублей и т. д.,

то не представляет никаких затруднений установить, что в «червонном исчислении»:

1 пуд хлеба = 1 черв. рублю
1 арш. ситца = $^1/_2$ черв. руб.
1 ф. сахара = $^1/_5$ черв. руб. и т. д.

Когда червонная банкнота устанавливала свое отношение к одному пуду хлеба или 1 арш. ситца, она выступала исключительно как представитель известной пачки бум. рублей и не имела ни атома какой-либо иной субстанции; по существу это новое червонное исчисление, взятое формально, есть продолжение, или, точнее, новая форма прежнего исчисления в бумажных рублях, но, с другой стороны, оно отличается от прежнего исчисления тем, что соотношение между товарами и червонцем, в противоположность отношению между товарами и бумажным рублем есть отношение устойчивое, а это как раз и составляет конечную цель всего перехода.

Однако, стремясь к достижению этой основной цели, такой переход должен выполнить одно абсолютно обязательное условие: соотношение между отдельными членами товарного мира должно остаться после перехода таким же, как и до перехода. Приведенные два ряда показывают, что этот императивный мандат, обязательный для всякой новой валюты, заменяющей старую, выполнен с абсолютной точностью: как при прежнем, так и при новом червонном исчислении остается в силе соотношение:

1 пуд. хл.=2 арш. ситца=5 ф. сахара и т. д.

Вопрос о том, сохранится ли это соотношение через день или через месяц, будет ли и после 1 пуд = 2 арш. ситца, это в данном случае не имеет никакого значения, так как его решение зависит не от свойств валюты, — будет ли то валюта бумажная, червонная или золотая, а определяется условиями производства и общей рыночной кон'юнктурой. Самое же существенное здесь то, что соотношения между товарными ценностями, вытекающие из производственных условий, при переходе к новой валюте, не подвергаются и не могут подвергнуться ни малейшим изменениям. Здесь проявляется основная конституция товарно-денежного хозяйства, по которой деньги, являющиеся по внешности неограниченным повелителем товарного мира, в действительности остаются его вспомогательным средством, служащим для выражения ценностных соотношений между продуктами труда.

Переход к червонному исчислению, поскольку он произведен для огромного большинства рыночных товаров и поскольку вслед за таким переходом рынок начинает принимать червонец непосредственно в оплату товаров, забывая о существовании бум. рубля, — такой переход, являясь по внешности простой счетной операцией, однако, радикально изменяет положение червонной банкноты.

Раз рынок произвел расценку своих товаров в червонце и беспрепятственно отпускает за червонец любой товар в определенном количестве, червонная банкнота превращается в настоящие деньги, т.-е. в право на известную долю всего общественного продукта, на долю всего абстрактного общественного труда, кристаллизованного в массе товаров, проходящих в данный момент через рынок [1]).

[1]) Адам Смит писал: «На деньги можно смотреть, как на билет, по которому все купцы обязаны выдавать предъявителю определенное количество товаров. Человек, который получает золотую монету, гораздо больше интересуется не самой монетой, а тем, сколько товару он за нее получит,

Положение червонца в товарном мире сразу меняется. Раньше он входил в соотношение с товарами только через посредство бумажного рубля, теперь между ними установились непосредственные отношения. Раньше для того, чтобы превратиться в товар, червонец должен был превратиться предварительно в пачку бумажных рублей, теперь же он стал противостоять товарам непосредственно. Каждый член товарного мира получил теперь свое выражение в червонце, а через него установил свое соотношение ко всем другим членам этого мира, иными словами: прежде червонец был банкнотой, теперь же он стал настоящими деньгами, хотя и бумажными.

С переходом на червонное исчисление, в 1923 г. повторилось, по существу, то же самое, что произошло в 1914 году: до 1914 г. бумажный кредитный рубль, являясь представителем золотого рубля, вошел в непосредственное отношение со всеми ценностями рынка и стал средством для выражения соотношений между этими ценностями; в 1914 г., когда произошло прекращение размена на золото, кредитный рубль, незаметно для миллионов населения и для всего оборота, заменил золотой рубль, и сам превратился в настоящие деньги, сам стал средством для выражения ценности товаров.

В 1923 г. червонец, являясь сначала представителем известной пачки бумажных рублей, через ее посредство вошел в прямое соотношение с товарным миром и, будучи сначала банкнотой, т.-е. представителем известного количества бум. рублей, затем с переходом к червонному исчислению, стал самостоятельными деньгами.

Кредитный рубль в'ехал в сферу товарного обращения верхом на золотом рубле, червонец же — верхом на совзнаке. Впрочем, это различие не оказало никакого влияния на их будущую карьеру: и того и другого оборот произвел в одинаковой ранг, — ранг неразменных бумажных денег.

5. Вопрос о неизбежности перехода к червонному исчислению.

Останется ли червонец только банкнотой или же оборот перейдет к червонному исчислению, и червонец превратится из банкноты в настоящие деньги,—направление этого вопроса в условиях быстрого падения рубля не зависит от воли государства. При лихорадочном обесценении бумажного рубля, оборот ищет какого-либо устойчивого

В. И. Ленин в своей брошюре о продналоге писал: «Деньги, это—свидетельство на получение общественного богатства» (т.-е. того, что продается на рынке).

измерителя и средства для страхования от эмиссионного налога. В 1919—1920 г.г. оборот использует для этого различные товары, и мы наблюдаем попытку превратить в деньги соль, хлеб и т. д. В 1921—1922 г.г., пока не появился червонец, городской оборот и прежде всего госхозяйство пытались опереть свои расчеты на товарный и золотой рубль. В Германии, как только началось ускоренное падение марки, уже начиная с осени 1922 года, оборот стихийно стремится найти средство для измерения ценности товаров и для страхования от эмиссионного налога в американском долларе, а за недостатком долларов создает «ржаную валюту» и всякого рода иные суррогаты устойчивых денег.

Точно так же с появлением червонца, как только население ближе ознакомилось с ним, оно стихийно стремится не только использовать его как средство для страхования от эмиссионного налога, но и как средство для выражения ценности товаров.

Государство может содействовать такому переходу к червонному исчислению, или держать нейтралитет, или даже активно способствовать этому переходу, все это не имеет решающего значения, раз, при лихорадочном падении основной валюты, новая валюта представляет собою устойчивую ценность.

Однако стихийный переход к исчислению на новую более устойчивую валюту неизбежен лишь при резком падении старой валюты: если же такого падения нет, если бы, например, наш рубль падал не на 50 — 100 и более процентов в месяц, а на 5 — 10% или еще меньше, то вполне возможно, что население, привыкшее к старой валюте, не проявило бы стремления к переходу на новую валюту; это было бы тем более вероятно, если бы государство вместо того, чтобы форсировать такой переход, наоборот, противодействовало бы ему, оставляя цены и тарифы своего хозяйства в прежнем исчислении.

Насколько упорно держится население за исчисление в старой валюте,—это видно из того, что несмотря на лихорадочное падение совзнака и на существование рядом с ним устойчивого червонца, оно до самого последнего момента вело счет не на червонец, а на бумажный рубль, хотя этот счет был сопряжен с огромными затруднениями (астрономические цифры), даже подмосковное население до середины февраля 1924 года не умеет еще устанавливать в червонцах цены на свои продукты и считают попрежнему на рубли, хотя ему приходится менять расценки почти каждый день; подмосковные молочницы, которые почти каждый день бывают в Москве, вплоть до марта не знают еще сами, сколько червонных копеек стоит их кружка молока.

В «Экономич. Жизни», в корреспонденции из Харькова от 20 марта мы читаем:

«Предпочитая серебряную монету и совзнакам и казначейским билетам, крестьянин тем не менее все еще не может научиться считать «по-новому». Получая гривенник, крестьянин тут же начинает переводить его на совзнаки, даже не образца 1923 г., а на миллиарды. Совершенно дискредитировавший себя в глазах крестьянина совзнак все же остается для него единицей при расчетах».

Таким образом вполне реально такое положение вещей, когда вполне устойчивый червонец остается только банкнотой, не превращаясь в деньги, старая же валюта остается для населения основной валютой, хотя, являясь орудием эмиссионного налога, подвергается непрерывному, но медленному обесценению. Практические выводы из этой возможности мы попытаемся сделать в другом месте, а здесь же возвратимся к предмету нашего анализа.

6. Самостоятельный характер двух валют с переходом к новому исчислению.

С переходом к червонному исчислению, червонец превращается в самостоятельную валюту, одновременно же и на-ряду с ним продолжает существовать старая валюта, которая сохраняет свою самостоятельность. Создаются две не параллельные, а дополняющие одна другую валюты, из которых каждая регулируется своими особыми законами ценности.

Что касается ценности червонца, то величина ее определяется самыми условиями его происхождения из банкноты, — совершенно так же, как величина ценности кредитного рубля в 1914 г. определялась условиями происхождения этого рубля из разменной банкноты; если банкнота, превратившаяся в деньги, была хлебной или золотой, или индексной банкнотой, то и червонец был первоначально эквивалентен одному пуду хлеба, одному золотому рублю (по ценности на данный момент) или довоенному золотому рублю. Эта ценность червонных денег, воспринятая ими от червонных банкнот, получила признание со стороны товарного мира и была окончательно закреплена в червонных ценах, которые придали червонцу непосредственную покупательную силу определенной величины. Эту исходную ценность, эту свою покупательную силу червонец продолжает сохранять и в дальнейшем, если факторы, стоящие вне нормальных рыночных отношений (например, инфляция, или общее уменьшение товарного обращения), не меняют их величины.

Ценность червонца здесь определяется теми же факторами, как и ценность кредитного рубля, в тот момент, когда уже был прекращен размен его на золото, но не было еще инфляции, изменяющей соотношение между массой денег и массой реализуемых товаров.

Разница заключается лишь в том, что ценность червонца может быть более устойчива, чем ценность кредитного рубля.

Устойчивость червонца находится в зависимости от того, насколько он переполняет отведенную ему сферу обращения: он может быть абсолютно устойчив, когда не переполняет этой сферы, его устойчивость начинает колебаться под влиянием сезонных и других колебаний рынка, если он уже заполнил сферу своего обращения, но не переполнил ее; и, наконец, когда сфера обращения переполнена и перейдена линия инфляции, банкнота теряет окончательно свою устойчивость и превращается в обычные бумажные деньги с падающим курсом.

Для того, чтобы эти возможные метаморфозы червонца выступили с необходимой ясностью, мы остановимся предварительно на вопросе о сфере обращения червонца.

Обозначим через Ц ценность всей денежной массы.

Эта возможная величина денежной массы по самой природе товарного хозяйства должна состоять из монет различного «достоинства», начиная от копеек и пятачков и кончая купюрами в 100 и больше рублей. До войны вся масса монет в 2½ миллиарда распределялась следующим образом:

Величина купюры.	На сумму (милл. руб.).	В процентах к общей сумме.
500 руб.	99,1	4,0
100 »	501,7	20,3
50 »	16,1	0,7
25 »	298,9	12,1
15 »	23,4	0,9
10 »	538,3	21,8
7½ »	9,6	0,4
5 »	503,4	20,4
3 »	235,8	9,6
1 »	86,7	3,5
ниже 1 »	153,2	6,3
Итого	2.466,2	100.

Таким образом, крупные купюры, свыше 5 рублей, составляли 60%, а мелкие, ниже 5 рублей (что соответствует приблизительно ценности 10 червонных рублей),—40% всей денежной массы. Это подразделение является не случайным, а вполне закономерным и

обусловливается общим строением товарного оборота, а также всего государственного народного хозяйства. Сейчас прежняя пропорция между деньгами крупных и мелких купюр, вероятно, изменилась, но и сейчас существует определенная закономерность в подразделении денежной массы на крупные и мелкие деньги, а тем самым, поскольку банкноты имеют только крупные купюры, даются предельные границы их обращения. Если в наше время, по условиям нашего хозяйства, деньги крупных купюр должны составлять ³/₅ всей денежной массы, то максимальный размер червонного обращения тем самым определяется в ³/₅ этой массы—это есть граница для сферы нашего червонного обращения при данной структуре товарного оборота.

Итак, в каждый данный момент имеются вполне определенные границы для обращения крупных купюр, а тем самым и для червонных банкнот, границы, за которые они, при данных условиях, не могут выйти [1]).

В то время как старый кредитный рубль в момент прекращения размена заполнял всю сферу всего денежного обращения, червонец заполняет отведенную ему сферу лишь частично. Здесь на-ряду с червонцем, заполняя всю остальную часть сферы его обращения, циркулирует старая, непрерывно падающая бумажная валюта. Во всех тех случаях, когда между этими двумя валютами возникает борьба, старая валюта без всякого сопротивления уступает свои позиции новой устойчивой валюте.

При таких условиях, т.-е. при ограниченном количестве новой валюты, устойчивость червонца неизмеримо выше, чем устойчивость кредитного рубля. Кредитный рубль обладал реальной ценностью, но эта ценность не могла быть устойчивой, ибо ценность всей массы кредитных рублей в конечном счете определялась размером товарного обращения, поскольку же это последнее, не являясь всегда

[1]) Надо заметить, что мелкие купюры, соединяясь в пачку той или другой величины, всегда могут заменить собой крупную купюру, и поэтому крупный оборот может быть, хотя и с известными неудобствами, обслужен мелкими купюрами; наоборот, крупная купюра не может быть разрезана на части, и потому она не может проникнуть дальше определенных границ. Поэтому мелкие купюры могут при известных условиях окончательно вытеснить из оборота крупные, последние же никогда не могут захватить всех позиций мелких денег.

Эти строки были написаны в январе 1924 г.; размешный кризис, разразившийся в связи с денежной реформой, потвердил выдвинутое здесь положение, подчеркнув с особой силой наличие двух самостоятельных сфер обращения: сферы крупно-купюрных и мелко-купюрных денег.

постоянной величиной, непрерывно подвергается колебаниям, постольку колеблется ценность всей массы кредитных рублей, как и ценность каждого рубля в отдельности.

«Если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их насыщения деньгами,—пишет Маркс,—то завтра, вследствие какого-либо колебания в товарном обращении, они могут оказаться переполненными». Эта опасность переполнения, которая висит над кредитным рублем, как и над всякими обычными бумажными деньгами, заполняющими всю сферу обращения, не может угрожать червонцу, ибо при всяком сжатии товарного оборота, влекущем за собой сжатие сферы денежного обращения, возникает борьба между падающим рублем и устойчивым червонцем, которым становится тесно в новой сузившейся сфере обращения. При полной беззащитности падающего рубля перед устойчивыми червонцами эта борьба кончается каждый раз сокращением поля обращения и соответствующим обесценением бумажного рубля, который таким образом принимает на себя все колебания рыночной конъюнктуры.

Наличие на-ряду с устойчивой бумажной валютой другой, менее устойчивой, за счет которой совершаются колебания хозяйственной конъюнктуры, превращает денежную систему в твердый шар с эластичной резиновой оболочкой, предохраняющей его от сотрясений и повреждений.

Однако это возможно лишь при одном непременном условии: если сфера червонного обращения, т.-е. сфера крупно-купюрных денег не заполнена еще червонной массой, если в этой сфере имеется некоторая резервная часть, заполненная более слабой валютой, уступающей свое место валюте более устойчивой. Если же этого резерва нет, червонная валюта подвержена всем тем колебаниям, которые, как указывает Маркс, неизбежны для бумажно-денежной валюты, хотя бы и неразводняемой добавочными эмиссиями [1]).

[1]) Эта часть статьи была написана в январе 1923 г., когда роль второй валюты играл совзнак: с заменой совзнака казначейским рублем, поскольку между этим последним и червонцем будет существовать «смычка», червонец вместе с казначейским билетом превратится фактически в единую бумажную валюту, подверженную тем же колебаниям, как и обычные бумажные деньги; поскольку же связь между червонцем и казначейским рублем будет разомкнута и установится рыночный курс червонца по отношению к билету, получится такая же система двух валют, как и до реформы.

В этом случае, если червонец не будет заполнять всей сферы крупно-купюрного обращения, его устойчивость может быть выше, чем при наличии «смычки»; эта устойчивость может превышать даже прочность золотой валюты, а особенно в современную эпоху, когда ценность золота подвергается непрерывной пертурбации.

Что касается ценности бумажного рубля, то с переходом к червонному исчислению, она сохраняет свою самостоятельность и регулируется по существу теми же законами, как и до такого перехода. Если прежде ценность всей массы бум. рублей определялась в 100 милл. рублей золотом, а после появления червонца сфера обращения рубля сузилась в 4 раза, то в силу одного этого общая ценность массы опустится до 25 милл., а ценность каждой отдельной единицы упадет в 4 раза.

В дальнейшем ценность отдельного бумажного рубля будет падать с увеличением общей массы бумажных рублей, с увеличением скорости его обращения или с уменьшением той товарной массы, которая еще приводится в движение через бумажный рубль. Эта ценность будет расти, если скорость обращения падает, если увеличивается указанная масса товаров, или если, по тем или иным причинам, червонец уступает добровольно бумажному рублю часть уже захваченного им товарного оборота (случай тезаврации червонца, случай роста обслуживаемого им оборота при сохранении прежнего количества червонцев и т. п.) — словом, все те законы бумажно-денежного обращения, которые регулировали ценность бумажного рубля до появления червонца, — все эти законы сохраняют свою силу и после этого появления.

В 1920 — 1921 г.г. сфера обращения бумажного рубля была сдавлена до минимума ордерной системой в городе и натуральным обменом в деревне; в то время в Москве носителями «денежного хозяйства» оставались только уличные продавцы папирос («Ира рассыпная»); в 1923 — 1924 г.г. бумажный рубль оказался сдавлен червонной массой, однако это не мешало ему как тогда, так и теперь оставаться деньгами с самостоятельной ценностью.

С распространением червонца и с переходом к червонному исчислению, многим начинает казаться, что бумажный рубль теряет самостоятельность и превращается в разменный знак при червонце, подобно тому, как серебряные полтинники и гривенники были разменной монетой при золотых рублях; некоторым кажется, что та или иная пачка бумажных рублей, равная по ценности чер-

вонцу, имеет эту ценность не потому, что рубль продолжает в своей сфере выполнять функцию денег, а потому что эта пачка приравнивается к одному червонцу.

Однако такая теория представляет лишь один из случаев полного непонимания сущности червонца. Если червонец в первоначальном периоде своего существования, до перехода оборота к червонному исчислению, представлял из себя простую ассигновку на пачку бумажных рублей и был совершенно производной величиной, то, наоборот, бумажный рубль никогда не был и не мог быть величиной, производной от червонца. Тем, кто пытается утверждать обратное, пришлось бы доказать, что ценность бумажного рубля в июле—декабре 1923 года регулировалась совершенно иными законами, чем в феврале или мае того же года.

Что устойчивая червонная банкнота могла быть построена на падающем бумажном рубле, — в этом так же нет ничего удивительного, как и в том, что облигации займа или купоны от них, выписанные на золото, могут сохранять устойчивую ценность и черпать эту ценность в бумажном рубле, в котором они оплачиваются. Но практика не знает и теория не может себе представить таких «разменных знаков», которые жили бы самостоятельной жизнью, независимой от тех денег, которые они «разменивают».

Бумажный рубль превратится в разменный знак, равный известной доле червонца, и потеряет свою самостоятельность только тогда, когда, с прекращением дальнейшей эмиссии, будет об'явлен твердый курс рубля в червонце, по которому он подлежит обмену, но это, по существу, означает уже смерть рубля и как раз с особой силой оттеняет полную его самостоятельность за прежнее время, в период параллельного существования его на-ряду с червонцем, — как бы ни сужена была сфера его обращения.

7. Курс червонца и рубля и его движение.

Пока червонец был банкнотой и его ценность определялась размерами представляемой им пачки бумажных рублей, его курс по отношению к бумажному рублю механически определялся размерами этой пачки, а тем самым определялась и ценность самого червонца, ибо другого источника своей ценности, кроме своего отношения к бумажному рублю, червонец не имел.

Поскольку государство стремилось поддерживать ценность червонца на одном и том же уровне, размер пачки, а тем самым и

курс червонца, изменялся параллельно с ростом обще-товарного индекса, всякое же отклонение курса от индекса автоматически приводило к снижению или повышению ценности червонной банкноты. При этом, если считать, что курс есть соотношение между двумя самостоятельными валютами, то, по существу, червонная банкнота не могла иметь никакого курса, точно так же, как не мог иметь курса кредитный рубль, разменяемый на золото, по отношению к самому золоту.

В новом положении червонец черпает свою ценность уже не в пачке бумажных рублей, а в червонных ценах и в реальных товарных ценностях, которые безоговорочно в известных количествах выдает за него рынок. Здесь отношение между червонцем и рублем превращается в отношение между вполне самостоятельными величинами и тем самым впервые появляется «курс» в настоящем смысле этого слова.

Так как ценность бумажного рубля и ценность червонца являются теперь вполне самостоятельными величинами, то курс между этими величинами не есть явление случайное, зависящее от произвола Госбанка. Если с переходом к червонным ценам

1 червонец = 10 пуд. ржи,

а в то же время при данном обесценении рубля

20 миллиардов бумажных рублей = 1 пуду,

то тем самым определяется высота курса червонца по отношению к бумажному рублю:

1 червонец должен быть = 200 миллиардам рублей.

Если при дальнейшем обесценении бумажного рубля цена одного пуда ржи поднимется до 40 миллиардов, то курс червонца по отношению к бумажному рублю должен повыситься до 400 миллиардов [1]).

Раньше червонец номинально находился в известном отношении к товарам, потому что он имел определенное отношение (курс) к бумажному рублю, теперь, наоборот, он имеет отношение к бумажному рублю (курс) потому, что он стоит в определенном отношении к товарному миру; раньше червонец определял свое отношение к товарам через бумажный рубль, теперь, наоборот, он определяет свое отношение к рублю через товары.

Если иметь в виду, что отношение червонца к товарам в нормальных условиях остается устойчивым, отношение же бумажного рубля к товарам (цена товаров в бумажных рублях) непрерывно

[1]) Здесь один пуд ржи взят как типичный товар в предположении, что его цена в бум. рублях изменяется параллельно общему росту цен.

меняется, то курс червонца в рублях должен следовать за движением товарных цен, выраженных в рублях; иначе сказать, раз отношение червонца к рублю (червонный курс) есть результат двух других отношений: червонца к товарам (цены в червонцах) и рубля к тем же товарам (цены в рублях), — раз первое из этих отношений остается величиной постоянной, а переменной величиной является лишь второе отношение (цены в рублях), то тем самым движение курса червонца по отношению к рублю должно быть простым повторением движения общего уровня цен в рублях (общетоварного индекса). Отсюда видно, что движение курса червонца, параллельно росту товарных цен в рублях, диктуется с такой же непреодолимой силой, как и самый рост цен, вызываемый инфляцией. Всякие попытки валютной политики задержать рост курса червонца являются бессильной, а тем самым бессмысленной попыткой; они являются повторением политики твердых цен, при помощи которых в свое время хотели решить квадратуру круга: задержать рост цен в условиях наводнения оборота новыми бумажными деньгами. Однако попытка диктовать обороту произвольный курс червонца систематическим повышением или понижением его против рыночного курса, т.-е. против движений индекса,—делалась и продолжает делаться. Мы увидим, к каким извращениям экономического оборота и к каким потерям для государства это ведет.

8. Случаи отклонения официального курса червонца от рыночного.

При регулировании курса одной валюты (червонца) к другой валюте (бумажному рублю) возможно, что регулирующие органы по тем или иным соображениям искусственно снижают официальный курс одной валюты против рыночного курса или же искусственно повышают этот курс; так как каждый из этих двух случаев может протекать или в условиях непрерывного падения другой валюты, или в условиях стабильности ее, хотя бы временной, то в результате получается четыре возможных случая отклонения курса [1]).

Анализ этих четырех случаев показывает, что если политика снижения или повышения официального курса имеет длительный и систематический характер, то это неизбежно ведет к перестройке товарных цен в червонном исчислении, к изменению ценности червонной валюты и к новому перераспределению сферы обращения

[1]) Разумеется, все время дело идет о том периоде, когда оборот уже перешел к червонному исчислению.

между червонным и бумажным рублем. При длительном снижении червонного курса рынок проявляет тенденцию к повышению червонных цен товаров, и поскольку эта тенденция одерживает верх, происходит частичная девальвация червонцев, падение общей ценности червонной массы и расширение наличной сферы обращения бумажного рубля; однако результаты этой девальвации для положения другой валюты (бумажного рубля) будут не одинаковы в зависимости от того, продолжается ли в это время падение бумажного рубля или же он устойчив. Наоборот, при длительном повышении официального курса червонца против рыночного, рынок, через кризис сбыта, проявляет тенденцию к снижению червонных цен, и поскольку эта тенденция реализуется, наступает повышение ценности червонца, увеличение общей ценности всей червонной массы и сужение наличной сферы обращения бумажного рубля, при чем влияние на бумажный рубль, в случае падения и в случае стабильности его, будет опять неодинаково.

Недостаток места не позволяет останавливаться здесь на анализе всех четырех случаев; поэтому, откладывая этот анализ до более удобного момента, мы остановимся здесь лишь на случае *снижения официального курса червонца в условиях падения рубля и роста цен* (в бум. рублях). Этот случай регулирования официального курса имеет вполне актуальное значение, ибо, как известно, наш Госбанк систематически применяет снижение курса, начиная с осени 1923 года [1]).

Попытаемся теоретически проследить те последствия, которые ведет за собой снижение официального курса червонца.

Допустим, что органы, регулирующие курс червонца, по тем или иным соображениям начинают снижать официальный его курс против рыночного курса, движение которого, как мы видели, совпадает с движением уровня цен (в бумажных рублях). Если в момент своего первоначального появления в обороте червонец был представителем пачки в n рублей (пусть первоначальное n будет равно

[1]) К вопросу об отклонении официального курса червонца от рыночного автор подошел не прямо, а косвенно, в порядке исследования вопроса о возможности искусственного повышения или понижения ценности одной валюты при системе двух валют. Этот анализ, дойдя до случая снижения официального курса одной из валют как одного из методов снижения ценности этой валюты, в условиях обесценения другой валюты, привел автора к неожиданному выводу: те последствия снижения официального курса, которые вытекали из чисто теоретического анализа, совершенно совпали с теми последствиями и тенденциями, которые мы имеем в результате политики нашего Госбанка.

60 миллиардам, если затем общий уровень цен поднялся, скажем, в два раза, то курс червонца должен определиться в 2 n, но вместо этого регулирующий орган устанавливает курс 1,8 n рублей, т.-е. на 10% ниже рыночного; в то время как на рынке червонец стоит 100 миллиардов, в официальной котировке он будет расцениваться только в 90 миллиардов. Так как госпромышленность, госторговля и вся налоговая система производят отпуск товаров и услуг и прием платежей в червонном исчислении, но одновременно и за бумажные рубли и за червонец, то населению становится выгодно расплачиваться со всеми этими органами госхозяйства не червонцами, а бумажными рублями.

Если за 10 аршин сукна госмагазин требует или 1 червонец, или 90 миллиардов бумажных рублей, в то время как на рынке червонец стоит 100 миллиардов, то покупатель, имеющий червонец, обменивает его предварительно на 100 миллиардов рублей и получает за них в магазине, вместо прежних 10 аршин, более 11 аршин. Население начинает расплачиваться в червонном исчислении, но не червонцами в натуре, а бумажными рублями по официальному курсу.

Это влечет за собой ряд серьезных последствий для всего оборота и всего госхозяйства. Первым последствием искусственного снижения официального курса против рыночного является отлив устойчивой червонной валюты из сферы госхозяйства и переход ее в частный оборот. Червонцы уходят из госхозяйства, но не возвращаются обратно. Госхозяйство теперь получает от населения почти исключительно совзнаки и в свою очередь имеет в своем распоряжении для закупки сырья и материалов только эти совзнаки. В сфере госхозяйства создался таким образом червонный оборот без червонцев. Здесь господствует «червонное исчисление при совзначном получении».

Это не значит, однако, что червонцы вообще исчезли из оборота. Наблюдая в ноябре—декабре 1923 г. исчезновение червонцев из сферы госхозяйства, экономисты обычно делали заключение, что червонец «тезаврирован», при чем общей причиной тезаврации выставляли стремление населения страховать себя от обесценения совзнака. Однако здесь надо помнить, что обесценение совзнака в ноябре и декабре не было новостью; это обесценение имело место и в августе и сентябре и притом в таких же приблизительно размерах, как и в ноябре—декабре. В ноябре, когда обесценение совзнака составляло 99% в месяц, его положение было не более катастрофичное, чем в сентябре и октябре, когда он падал на 98 и 78% в месяц. А между тем, в ноябре червонец «тезаврируется»,

тогда как в августе и сентябре он гуляет свободно по поверхности оборота. Если «тезаврация» как средство страховки и получила в ноябре некоторое развитие, то все же основным мотивом было не это бегство от эмиссионного налога, а начавшаяся в ноябре политика снижения официального курса против рыночного и вызванное этим бегство червонца из сферы госпромышленности.

В соответствии с этим следует иначе расценивать и самый смысл тезаврации. Исчезновение червонца из гособорота отнюдь не обозначало исчезновение его вообще; червонец уходит в сферу частного оборота, где он частью «тезаврируется» —если можно назвать тезаврацией обычное более длительное задерживание денег устойчивых, чем денег падающих, — частью свободно переходит из рук в руки, но только не по официальному, а по рыночному курсу. Крестьянин теперь продает скот и зерно исключительно за «натуральные червонцы», и воздерживается от продажи в «червонном исчислении при совзначном получении»[1]). Таким образом, если госпромышленности приходится оперировать только с «червонным исчислением», деревня и частный оборот, оказывается, имеют возможность оперировать с «натуральными червонцами».

Итак, снижение официального курса привело фактически к тому, что червонец был как бы изгнан из всей сферы госхозяйства, в связи с чем червонная валюта оказалась в распоряжении частного оборота, все же госхозяйство — госпромышленность, госторговля, гостранспорт и государственная налоговая система—остались почти исключительно с падающим совзнаком; частный оборот оказался почти свободен от эмиссионного налога, вся же тяжесть этого налога почти целиком легла на само госхозяйство — второе следствие снижения официального курса.

Далее, в связи с отливом червонной массы из оборота получилось резкое сужение сферы его обращения, а через это червонец, который и без того был на границе инфляции, теперь перешел эту границу. В самом деле, допустим, что вся сфера червонного обращения, при данных условиях, определяется цифрой в 350 миллионов червонных рублей, но в обращении находится только 300 миллионов, т.-е. червонец не подошел еще к границе инфляции. Если сфера частного оборота, при данных условиях, может поглотить не более 100 миллионов червонцев, то отлив всей червонной массы из госхозяйства может повлечь переполнение ею частного оборота, а тем самым и червонную инфляцию.

---

[1]) Проф. С. А. Первушин. «Фин. Газета», 1924 г. № 48.

Правда, при обесценении бумажного рубля, может начаться процесс тезаврации (припрятывания) червонцев в качестве средства страховки от эмиссионного налога, и часть червонной массы тогда выпадет из активного оборота, чем компенсируется происшедшее общее сужение сферы червонного обращения.

Однако, как мы видели выше, в настоящих условиях произошла не тезаврация в прямом смысле слова, при которой червонец выпал бы совершенно из активного оборота, а лишь перемещение червонца в частный оборот; поэтому, даже несмотря на тезаврацию, которая могла иметь лишь незначительные размеры, червонная масса оказалась не в состоянии вместиться в узкие пределы частного оборота, что подготовило наступление инфляции или же увеличило ее силу, — третье следствие снижения червонного курса.

Впрочем, так как Госбанк продолжает систематически держать официальный курс червонца в бум. рублях ниже рыночного, так как рынок непрерывно расценивает червонец (хотя бы и падающий в цене по отношению к товару) выше официального курса, то получается абсолютное обесценение червонца (в товарах) при относительно высокой расценке его на рынке в бум. рублях и при всеобщей погоне за червонцем,—обесценение червонца в товарах маскируется, и по внешности ничто как будто не говорит об этом обесценении.

Далее, снижение официального курса против рыночного на 10% превращается для госпромышленности и налоговой системы в обязательство брать 90 миллиардов бум. рублей там, где они должны были бы получать 100, что равносильно фактически снижению на 10% всех цен, тарифов и налоговых ставок.

Но, отдавая частному обороту свои продукты и услуги на 10% дешевле, само госхозяйство в то же время, во всех случаях, вынуждено расплачиваться по прежним рыночным курсам и ценам. Если обязательства госхозяйства заключены в червонцах, то оно, не имея в своем распоряжении червонцев в натуре, должно покупать их. но не по официальному, а по рыночному курсу; точно так же все цены в бум. рублях на сырье и материалы, доставляемые госхозяйству частными поставщиками, остаются не сниженными и продолжают расти прежним темпом,—тем темпом, которым повышается рыночный курс червонца; и поскольку госпромышленность, не имея в своем распоряжении червонцев, расплачивается в бум. рублях, создается положение, что все свои платежи она производит по рыночному «курсу» товаров и червонца, а сама получает — по официальному.

Так как рыночные цены товаров, выраженные в бум. рублях, не снизились от снижения курса червонца, то эти цены, переведенные в червонные рубли, оказываются повышенными в той же мере, в какой снижен курс червонца. Если то или иное количество льна или другого сырья стоит в бум. рублях 100 миллиардов, в то время, как официальный курс червонца снижен со 100 до 90, то эта цена льна, в переводе на червонцы по официальному курсу, оказывается повышенной более чем на 10%. С точки зрения госпромышленности, которая, несмотря на снижение червонного курса, остается при прежних червонных ценах, кажется, что цены на сырье и материалы в червонном исчислении повысились. Фактически, при изменении цен госпромышленности, цены частного оборота остались неизменными, создается же совершенно обратное впечатление.

В конечном счете, с какого бы конца ни рассматривалось данное явление, реально оно обозначает распродажу по пониженным ценам запасов и ценностей госхозяйства и соответственное понижение реальных поступлений от налоговой системы. Если до этого цены госпромышленности стояли на таком уровне, что они приносили ей крупную чистую прибыль, то снижение официального курса поведет к снижению этих прибылей; если же цены до этого были уже доведены до уровня себестоимости, то указанное снижение поведет уже к убыткам.

Не имея возможности переложить свои убытки на частный оборот (поставщиков, подрядчиков и т. д.), госпромышленность перелагает часть их на пролетариат, ибо, выплачивая в бум. рублях заработную плату, переведенную на червонное исчисление, госпромышленность тем самым снижает реальный уровень заработной платы. Поскольку это снижение уровня зарплаты — четвертое следствие снижения официального курса—вызывает реакцию со стороны пролетариата, и происходит номинальное повышение зарплаты в червонном исчислении (аналогичное номинальному повышению червонных цен на сырье и материалы), а тем самым все невыгоды от снижения официального курса всей своей тяжестью падают на госпромышленность.

Однако потери госхозяйства не ограничиваются этим; как мы видели, при отливе червонной валюты из сферы госхозяйства, последняя остается исключительно с быстро падающим рублем, а тем самым огромная доля эмиссионного налога начинает ложиться на самое государственное хозяйство. Последнее начинает нести недоборы и потому, что оно получает за свои продукты меньше бум. рублей, и потому, что эти бум. рубли непрерывно теряют свою ценность.

«Совзначное получение» начинает бить госпромышленность по карману сразу с двух концов.

Таким образом, нарушение регулирующими органами тех законов, которые управляют движением курса червонца, попытки снижения курса против роста общего уровня цен (в рублях) приводят к искривлению и нарушению всех рыночных отношений. Такое снижение ставит все товарно-денежное обращение в безвыходное противоречие. До этого, поскольку курс червонца на 10% снижен, а цены госпромышленности остаются прежними, за червонец в сфере госхозяйства можно получить бум. рублей на 10% меньше прежнего, товаров же—столько, сколько и прежде. При прежних размерах товарного «обеспечения» червонца, его обеспечение в бум. рублях снижается со 100 до 90 миллиардов. В то время как Госбанк выдает за червонец меньше (относительно) бум. рублей, чем прежде, ВСНХ и другие хозорганы продолжают выдавать за него прежнее количество товаров.

Это безвыходное противоречие не может длиться до бесконечности. Если Госбанк, не отступая, систематически держит официальный курс червонца ниже рыночного, это вызывает у госпромышленности неустранимую тенденцию компенсировать свои потери повышением червонных цен; если эта тенденция реализуется, если происходит снижение покупательной силы червонца, тогда в области госхозяйства происходит одновременно девальвация его и по отношению к бум. рублю и по отношению к товарам.

При той руководящей роли, которую играет госхозяйство, это изменившееся положение червонца распространяется точно так же и на сферу частного оборота, а тем самым ликвидируется созданное противоречие.

Однако победа официального курса над рыночным проходит по внешности незаметной, так как Госбанк продолжает держать официальный курс на 10% ниже рыночного (уже нового рыночного), и это новое снижение маскирует победу официального курса. «Ножницы» между официальным рыночным курсом, сжавшиеся было под влиянием повышения червонных цен, опять раздвигаются под влиянием дальнейшего снижения курса. В свою очередь, это новое снижение курса восстанавливает ликвидированные было противоречия, а вместе с этим возникает прежняя тенденция к дальнейшему повышению червонных цен госпромышленности.

Вначале, при снижении курса, гособорот рассматривает это как преходящее явление и поэтому даже не пытается немедленно перестраивать свои цены, но когда факт расхождения курса становится

длительным и доходит до сознания хозяйственников, они начинают равняться в своей калькуляции по официальному курсу, производя новые и новые переоценки товаров в червонцах. Раз первоначальная инерция червонных цен преодолена, может начаться систематический рост червонных цен даже и при отсутствии червонной инфляции.

Длительное, систематическое снижение курса одной валюты в другой, несмотря на кажущуюся незначительность, превращается в непрерывно действующий фактор огромной силы.

Надо заметить, что частичная девальвация червонца, начатая актом снижения его курса в бум. рублях и закончившаяся актом повышения червонных цен, сначала госпромышленностью, а за ней и частным рынком, представляет долгий и мучительный процесс потому, что между двумя этими актами проходит очень большой промежуток. Если же повышение червонных цен следует непосредственно за снижением червонного курса, то та девальвация, которая получается в результате борьбы, проходит быстро и менее болезненно. Отсюда, между прочим, можно сделать следующий вывод: при наличии большого государственного хозяйства, государство, путем регулирования курса одной из валют и путем одновременного изменения товарных цен в этой валюте, имеет возможность изменять ценность самой валюты. Этот вывод, как мы увидим дальше, подтверждается также и иного рода явлениями.

Выводы.

Анализ червонца в различных стадиях его эволюции позволяет сделать следующие выводы:

1. В первоначальный период, до перехода оборота к червонному исчислению, червонец представляет собой своеобразный вид банкноты, разменяемой на существующие в обороте деньги по курсу дня; в этом периоде ценность червонца всецело определяется размерами той «пачки» денег, которую банк выдает в обмен за него: червонец едет верхом на бумажном рубле.

2. С переходом товарного оборота к червонному исчислению, червонец становится в непосредственное отношение к товарам и превращается в самостоятельную бумажно-денежную валюту, аналогичную с неразменным кредитным рублем; нет ни одного конструктивного признака, который отличал бы одну валюту от другой.

3. Если червонная масса не заполняет всей сферы своего обращения, и некоторая часть этой сферы остается заполненной менее

устойчивой валютой, червонец может сохранить неизменной свою первоначальную «выпускную» ценность,—совершенно так же, как кредитный рубль, с прекращением размена на золото, сохраняет ценность, равную ценности золотого рубля; однако в отличие от обычных бумажных денег «нормального» периода, червонец, при наличии указанного условия, не подвергается влиянию колебаний товарного обращения, которые согласно теории Маркса, ведут к переполнению каналов обращения и к колебаниям ценности бум. денег; менее устойчивая валюта превращается в эластичную оболочку, которая защищает червонную массу от этих колебаний. Если же указанное условие отпадает, червонная валюта обращается в обычную бумажно-денежную валюту.

4. Первоначальная выпускная ценность червонца поддерживается стихийными отношениями рынка, который меняет его курс параллельно движению общего уровня цен в другой валюте.

Органы, регулирующие курс одной валюты по отношению к другой, могут только умерять и смягчать те скачки в движении курса, которые неизбежны при стихийных рыночных отношениях. Если же регулирующие органы сознательно или бессознательно вмешиваются активно в основное движение курса и систематически снижают или повышают официальный курс против рыночного курса,—это ведет к пертурбациям в товарно-денежных отношениях.

Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне.

1.

На общем фоне гибели и разрушения старого уклада жизни уже в ближайшие годы после революции успели с заметной силой проявиться и положительные симптомы, свидетельствовавшие о прогрессе в развитии сельской жизни и о возникновении новых общественных связей и отношений взамен разрушенных старых. Этой новой формой организации, явившейся на смену разрушившейся общины, была кооперация.

Уже самый факт быстрого и широкого распространения кооперации и число членов, достигших к июлю 1914 года только в кредитных и ссудосберегательных товариществах внушительной цифры свыше 9 миллионов, свидетельствуют, что кооперативное движение охватило далеко не одни только верхи крестьянства, но проникло и значительно глубже, в самую толщу крестьянской массы. Место отжившей архаической общины заняла новая форма об'единения, построенная на совсем иных началах и принципах, не только более соответствовавшая изменившимся условиям деревенской жизни, но и непосредственно из них возникшая.

Кооперация не только не стесняла, как община, личной инициативы и личной свободы, но, напротив, представляла широкое поле для ее проявления, облегчая возможность получить необходимые средства. Вместо принуждения и круговой поруки — в основе кооперативного об'единения лежит идея свободной взаимопомощи, вместо уравнительного начала, принижающего общий уровень до уровня наиболее отсталых и наименее состоятельных хозяйств, — свободное проявление индивидуальности и стимула к прогрессу. Вместо того, чтобы служить препятствием экономическому развитию страны, каким являлась община, кооперация способствовала переустройству всей экономической жизни дерев-

ни в духе установления и распространения буржуазно-капиталистических начал. Сельско-хозяйственные кооперативы и частные ссудо-сберегательные и кредитные товарищества дали крестьянину возможность делать необходимые затраты на хозяйственные нужды и способствовали под'ему его хозяйства, сообщая ему в то же время в большей или меньшей степени торгово-предпринимательский характер. Потребительские общества, с другой стороны, приближая к крестьянству промышленные продукты и обеспечивая получение их по возможно низким ценам, повышали покупательную способность сельского населения и содействовали расширению внутреннего рынка. Таким образом, и как производитель и как потребитель, крестьянин все более порывал с прежней своей хозяйственной замкнутостью и приобщался к общей экономической жизни страны. Вместе с этим, в конце концов, и наиболее отсталые слои деревни начинали постепенно втягиваться в круг капиталистических отношений. В противоположность общине, кооперация не задерживала, а напротив, в значительной мере облегчала и ускоряла процесс капитализации страны.

Кооперация в качестве преимущественной формы об'единения и организации сельского населения успела в экономической жизни капиталистических стран Западной Европы занять видное место; и именно в области сельского хозяйства, в котором мелкое хозяйство оказывалось и более прочным и более устойчивым по сравнению с областью городской ремесленной промышленности, кооперация имеет, несомненно, большее значение и более шансов на успех, нежели в городах [1]), о чем свидетельствуют и статистические данные об относительном распространении кооперативных учреждений в городах и в деревне и ближайшее знакомство с той ролью, какую играет кооперация в экономической жизни городского и сельского населения. Деятельность сельско-хозяйственных товариществ ограничивается по преимуществу областью кредита и торговли и в большинстве случаев не только не стесняет и не ограничивает индивидуального производства, но зачастую содействует этому последнему, давая возможность мелким хозяевам расширять свою деятельность и таким образом способствуя развитию более крупных хозяйств за счет мелких и вместе с этим капитализации сельского хозяйства [2]). Пример западно-европейских государств показывает, какое значение может иметь кооперация для развития сельско-хозяйственной промышленности и для поднятия благосостояния сельского населения. «Дания, бывшая до 1865 года крайне бедной страной, теперь, благодаря кооперации, самое богатое государство континентальной Европы. Прежде датские крестьяне не могли конкурировать с крупными фермами, теперь же владельцы этих ферм добиваются, как чести, участия в крестьянских молочных. 96% всего молока страны и 65% всех свиней проходят через кооперации. 40% масла, потребляемого англичанами, — датского происхождения. Там каждая деревня обладает молочным товариществом. Мелкие арендаторы Ирландии освобождены из страшной нужды не столько законом, облегчившим им приобретение клочка земли, сколько кооперацией. Бедная Италия за какие-нибудь десять лет значительно повысила производительность почвы, сократив хищническую культуру при помощи кооперации» [1]). То же самое видим мы в Бельгии: «кооперативные сельско-хозяйственные товарищества спасли бельгийских мелких землевладельцев от неминуемой гибели», при чем «положение бельгийского крестьянина — мелкого собственника и фермера все более крепнет, благодаря кооперации» [2]). Не лишено при этом значения, что и в большинстве западно-европейских государств с развитой агрикультурой и сельским хозяйством толчком к широкому распространению кооперации в среде сельского населения обычно служил сельско-хозяйственный кризис, тяжело отражавшийся на положении земледельческого населения [3]).

Что необычайный успех и быстрый рост кооперации в России в послереволюционные годы находился в непосредственной связи с пережитым деревней переворотом и что именно только с падением крепостничества и общинного строя для кооперации открывались широкие возможности, об этом лучше всего свидетельствует вся предшествовавшая судьба кооперативного движения в России. Первое ссудосберегательное товарищество в России основано было в 1866 году. В первое десятилетие после того число товариществ быстро росло; в 70-х г.г. открывалось ежегодно от 120 до 150 товариществ, но уже с 1877 — 1878 года начинается такое же быстрое падение числа вновь открываемых кооперативов, а с 80-х годов и до

[1]) Тотомианц — «Сельско-хозяйственная кооперация». Пб. 1908 г. стр. 6 — 7.

[2]) Каутский — «Аграрный вопрос» Изд. «Новый Мир», Пб. 1906 г. стр. 159, след.

[1]) Тотомианц, стр. 208.

[2]) А. Ширский — «Сельско-хозяйственные кооперативы в Бельгии». (Библиотека Моск. Союзн. Потребит. Общества, № 1, М. 1907, стр. 24).

[3]) Тотомианц, стр. 5, ср. Ширский.

ни в духе установления и распространения буржуазно-капиталистических начал. Сельско-хозяйственные кооперативы и частные ссудо-сберегательные и кредитные товарищества дали крестьянину возможность делать необходимые затраты на хозяйственные нужды и способствовали под'ему его хозяйства, сообщая ему в то же время в большей или меньшей степени торгово-предпринимательский характер. Потребительские общества, с другой стороны, приближая к крестьянству промышленные продукты и обеспечивая получение их по возможно низким ценам, повышали покупательную способность сельского населения и содействовали расширению внутреннего рынка. Таким образом, и как производитель и как потребитель, крестьянин все более порывал с прежней своей хозяйственной замкнутостью и приобщался к общей экономической жизни страны. Вместе с этим, в конце концов, и наиболее отсталые слои деревни начинали постепенно втягиваться в круг капиталистических отношений. В противоположность общине, кооперация не задерживала, а напротив, в значительной мере облегчала и ускоряла процесс капитализации страны.

Кооперация в качестве преимущественной формы об'единения и организации сельского населения успела в экономической жизни капиталистических стран Западной Европы занять видное место; и именно в области сельского хозяйства, в котором мелкое хозяйство оказывалось и более прочным и более устойчивым по сравнению с областью городской ремесленной промышленности, кооперация имеет, несомненно, большее значение и более шансов на успех, нежели в городах [1]), о чем свидетельствуют и статистические данные об относительном распространении кооперативных учреждений в городах и в деревне и ближайшее знакомство с той ролью, какую играет кооперация в экономической жизни городского и сельского населения. Деятельность сельско-хозяйственных товариществ ограничивается по преимуществу областью кредита и торговли и в большинстве случаев не только не стесняет и не ограничивает индивидуального производства, но зачастую содействует этому последнему, давая возможность мелким хозяевам расширять свою деятельность и таким образом способствуя развитию более крупных хозяйств за счет мелких и вместе с этим капитализации сельского хозяйства [2]). Пример западно-европейских государств показывает, какое значение может иметь кооперация для развития сельско-хозяйственной промышленности и для поднятия благосостояния сельского населения. «Дания, бывшая до 1865 года крайне бедной страной, теперь, благодаря кооперации, самое богатое государство континентальной Европы. Прежде датские крестьяне не могли конкурировать с крупными фермами, теперь же владельцы этих ферм добиваются, как чести, участия в крестьянских молочных. 96% всего молока страны и 65% всех свиней проходят через кооперации. 40% масла, потребляемого англичанами, — датского происхождения. Там каждая деревня обладает молочным товариществом. Мелкие арендаторы Ирландии освобождены из страшной нужды не столько законом, облегчившим им приобретение клочка земли, сколько кооперацией. Бедная Италия за какие-нибудь десять лет значительно повысила производительность почвы, сократив хищническую культуру при помощи кооперации» [1]). То же самое видим мы в Бельгии: «кооперативные сельско-хозяйственные товарищества спасли бельгийских мелких землевладельцев от неминуемой гибели», при чем «положение бельгийского крестьянина — мелкого собственника и фермера все более крепнет, благодаря кооперации» [2]). Не лишено при этом значения, что и в большинстве западно-европейских государств с развитой агрикультурой и сельским хозяйством толчком к широкому распространению кооперации в среде сельского населения обычно служил сельско-хозяйственный кризис, тяжело отражавшийся на положении земледельческого населения [3]).

Что необычайный успех и быстрый рост кооперации в России в послереволюционные годы находился в непосредственной связи с пережитым деревней переворотом и что именно только с падением крепостничества и общинного строя для кооперации открывались широкие возможности, об этом лучше всего свидетельствует вся предшествовавшая судьба кооперативного движения в России. Первое ссудосберегательное товарищество в России основано было в 1866 году. В первое десятилетие после того число товариществ быстро росло; в 70-х г.г. открывалось ежегодно от 120 до 150 товариществ, но уже с 1877 — 1878 года начинается такое же быстрое падение числа вновь открываемых кооперативов, а с 80-х годов и до

---

[1]) Тотомианц — «Сельско-хозяйственная кооперация». Пб. 1908 г. стр. 6 — 7.

[2]) Каутский — «Аграрный вопрос» Изд. «Новый Мир», Пб. 1906 г. стр. 159, след.

[1]) Тотомианц, стр. 208.

[2]) А. Ширский — «Сельско-хозяйственные кооперативы в Бельгии». (Библиотека Моск. Союзн. Потребит. Общества, № 1, М. 1907, стр. 24).

[3]) Тотомианц, стр. 5, ср. Ширский.

самого конца 90-х годов ежегодно открывается не более 1—2 десятков новых товариществ [1]). За все время до 1900 года было открыто всего 1169 сельских товариществ (из общего числа 1459), но из них 623, т.-е. 53% вынуждены были закрыться, главным образом в силу своей внутренней несостоятельности, и таким образом к началу 900-х годов функционировало всего лишь 546 сельских товариществ, — итог для 35 лет слишком незначительный; если же при этом принять во внимание, что в половине 80-х годов число функционировавших обществ было даже более значительно, достигая 807 обществ, и что с того времени наблюдалось систематическое падение, то этот итог окажется совсем малоутешительным [2]). Причина успеха ссудо-сберегательных товариществ в первые годы, успеха, в значительной мере, как показывает последующая их судьба, искусственного, заключалась прежде всего в усиленной помощи вновь образуемым товариществам со стороны земств [3]). Самая инициатива образования кооперативов почти исключительно исходила от земств и дворянских помещичьих кругов. По анкете, произведенной Петербургским городским отделением комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах в 1872 г., из 95 товариществ—22 открыто по инициативе дворянства, 70—по инициативе земств и по одному по почину священника, врача и волостного старшины. Инициатива таким образом, как видим, шла исключительно сверху. Кооперативы не развивались, а насаждались [4]).

Что касается массы сельского населения, то последняя в первое время отнеслась к кооперации сочувственно, видя в ней главным образом возможность легкого получения денежных средств. Крестьяне, привлеченные доступностью кредита, но совсем чуждые еще самой идее кооперации, охотно шли во вновь образовавшиеся кооперативные учреждения. Для характеристики отношения крестьян в то время к кооперативным учреждениям и для уяснения психологии крестьянина-общинника показательна, например, следующая история такого товарищества в Новгородской губернии, сообщенная в одной корреспонденции в половине 80-х годов: «Ссудо-сберегательное товарищество открылось лет десять тому назад. Нуждающиеся крестьяне, узнав, что там выдают деньги в ссуду и под залог ничего не берут, а нужно только друг за друга поручиться, стали подговаривать сосед соседа записываться в члены товарищества, и скоро бросились многие воспользоваться таким счастьем. Поступали в члены, брали в ссуду рублей по 20, сроком на 9 месяцев, чем оставались очень довольны, и с радости сейчас же рублей по 5 пропивали, а остальные деньги, конечно, в бедном хозяйстве кое-куда скоро расходились безвозвратно. Затем приходит срок уплаты долга.., идут и получают еще по 20 рублей, а первые ссуды переводятся на новый срок. Таким образом заемщики накопили долгу по 40 рублей. Но тогда об этом не тужили, а смотрели, как бы еще где занять побольше. Вскоре около нашего места открыли еще товарищество. Наши не прозевали и туда в члены попали — по 40 руб. и там ссуды взяли. Таким образом, года в 3 наши члены по 80 рублей готовых денег прожили и были очень рады такой благодати. Когда уездный исправник на собрании допрашивал, видят ли мужички пользу от этих класс, то все в один голос кричали: — «видим, батюшка, большую пользу, дай бог тому здоровья, кто это задумал» [1]). До какой степени чужда была крестьянам еще мысль о значении кооперативной деятельности и до какой степени были живы еще среди них общинные уравнительные тенденции, показывают неоднократные случаи раздела между всеми членами товарищества первоначально полученной от земства ссуды [2]). Московское губернское земство, предпринявшее специальное обследование положения ссудо-сберегательных товариществ в губернии и в частности отношения к ним населения, пришло в конечном результате к таким малоутешительным выводам: «Перенесенные целиком в среду крестьянства, со всеми сложными атрибутами, с общими собраниями, советами, правлением, паями, процентами, счетоводными книгами, со всей своей сложной машиной, выработавшейся совсем на другой почве,—эти народно-кредитные учреждения в начале, в продолжении и в конце своего существования оставались для населения мертвыми... Единственное действие сельских ссудо-сберегательных товариществ, по крайней мере, Мо-

[1]) См. Погодную статистику вновь открываемых ссудо-сберегательных товариществ за 1866—1900 г.г. в книге Прокоповича—«Кооперативное движение в России», Спб. 1903, стр. 97.

[2]) См. в той же книге Прокоповича, стр. 107.

[3]) Соколовский — «Деятельность земств по устройству ссудо-сберегательных товариществ—1890 г. Слобожанин — «Смотр кооперативным силам», Спб. 1909, стр. 56 и след. Прокопович, стр. 94.

[4]) М. Хейсин. «Кредитная кооперация в России—исторический очерк и современное положение». Петербург 1918 г. стр. 26 — 27. В популярном «Историческом очерке кооперации в России» П. 1918, стр. 21, Хейсин называет первый период в развитии русской кооперации—«барским».

[1]) Прокопович, стр. 118 — 119.

[2]) Прокопович, стр. 129.

сковского уезда, заключалось в том, чтобы делать займы у частных лиц или в Государственном банке и выдавать из позаимствованных денег ссуды членам товарищества. Пока это действие для товарищества возможно, пока кредит есть, — оно существует; кредит иссяк, — и товарищество прекращает свое существование» [1]). Но ясное дело, что поставленное таким образом учреждение утрачивает свое первоначальное значение и перестает быть в собственном смысле кооперативным учреждением.

Малосознательное отношение крестьянства к самой идее кооперации вызвало разочарование и в среде земцев и охлаждение с их стороны к делу насаждения ссудо-сберегательных товариществ: «Неутешительные результаты ревизии и исследования, нередко обнаруживавшие полное расстройство дел товариществ, привели те немногие земства, которые еще не переставали интересоваться вопросом о сельском кредите, к убеждению, что товарищества, основанные на началах самодеятельности членов, не под силу крестьянскому населению» [2]). «Недоверие к способности крестьянина управлять кредитным учреждением и даже сомнение в возможности развить такую способность» [3]) привели к тому, что земства совершенно перестали интересоваться делом кооперации. Время разочарования в крестьянской кооперации совпало с усилением реакции и с изменением социального состава земств. В результате еще с 80-х годов число субсидируемых земством товариществ упало до 1—2 в год, а вместе с этим и общее число вновь основываемых кооперативов упало до 10 и даже менее. Земские деятели пришли таким образом к заключению, что «основное начало их (кооперативов) — самодеятельность членов — оказалось совершенно неосуществимым при современном уровне умственного развития крестьян» [4]). Однако более проницательные люди уже в то время начали понимать, что дело вовсе не только, даже не столько в низком уровне развития и «поголовной безграмотности» крестьян, сколько в общей экономической отсталости русской деревни и в архаичности ее основного института, общины с типичными для этой последней уравнительными и в то же время общинно-принудительными тенденциями. Так, уже один из первых инициаторов-пропагандистов кооперативного дела в России, Колюпанов,

[1]) Слобожанин — «Смотр кооперативным силам», стр. 58.
[2]) Соколовский, стр. 330.
[3]) Соколовский, стр. 332.
[4]) Соколовский, стр. 335.

проводил резкое различие между свободным союзом, каким является кооперативное учреждение, и принудительным союзом. общиной, и указывал на ту опасность, какая таится для дела кооперации в общем уравнительном начале. Общинный способ уравнительного распределения, писал он, «совсем уничтожает основную задачу кредита: по существующим обычаям, вытекающим из самой сущности поземельной общины и потому непреложным и непредотвратимым,—крестьяне все полученное на волость или на общество делят поровну, поголовно, также они потребуют и раздела этого фонда, выданного в ссуду, или выдачи каждому по равной ссуде — а этот поголовный кредит есть чистейшее извращение кредита, который распределяется только по личным потребностям каждого; всем равно нужно быть не может, а если у всех равная нужда, то не хватит капиталу для ее удовлетворения. Кредит, чтобы принести пользу, должен быть непременно соразмерен потребности... Раздел банковской кассы...—не есть уже кредит,—это действие филантропическое или какое угодно, только не экономическое... Напротив, ссудо-сберегательное товарищество не заключает никакого зародыша равномерности или огульности распределения кредита, вопреки личной потребности каждого: в нем нет того нивеллирующего начала, которое заключает в себе всякая община, а, напротив, присутствует естественное начало личного разнообразия: доли, принадлежащие каждому члену и обращающиеся в кассе, различны и зависят от личного усмотрения каждого» [1]). К тому же заключению постепенно приходили и практики кооперативного дела. Так, уже в докладе, прочитанном В. Н. Хитрово в Вольно-Экономическом обществе 2 ноября 1874 года, констатировалось, что крестьяне просто-напросто смешали кооперативную организацию кредита и заведывания полученной ссудой с круговой порукою за ссуду при разделе ее по душам. Точно так же и много позднее в одном из отчетов Пб-ского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и пр. товариществах, относящемся к самому концу 90-х годов, на основании долгой практики резко противопоставлялись друг другу как исключающие одно другое, свободные союзы, которые представляют собою «союзы лиц, принимающих участие в них добровольно», союзам общинно-принудительным, «в состав которых включаются, на основании мирского приговора, все домохозяева, приписанные

[1]) Н. П. Колюпанов—«Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ». М. 1870, стр. 198 — 199.

к данной волости или сельской общине, нуждаются ли они или вообще желают ли пользоваться кредитом или нет» [1]).

Разочарованию сверху шло навстречу и разочарование снизу и по тем же самым причинам. Убедившись в том, что учреждение кооперации вовсе не равнозначуще простому получению ссуды на льготных условиях и что, напротив, оно связано с известной ответственностью и требует самодеятельности с их стороны, и видя, с другой стороны, что дело кооперации противоречит господствующему в их жизни общинно-уравнительному началу, крестьяне быстро охладели к кооперативным учреждениям. Вот почему с прекращением инициативы и участия в деле основания кооперативных товариществ со стороны земств, и вообще все кооперативное дело в России почти совершенно замерло.

Неуспех ссудо-сберегательных товариществ побудил деятелей кооперации искать новых форм, которые были бы более доступны и близки населению. В качестве такой формы в конце 90-х годов выдвинуты были кредитные товарищества, построенные в противоположность ссудо-сберегательным товариществам, приближающимся к Шульце-Деличевскому типу, по примеру германских райфейзинских товариществ [2]). Основание им положено было законом 1 июня 1895 года об учреждениях мелкого кредита. В отличие от ссудных товариществ, кредитные товарищества и учреждения не требовали первоначально паевых взносов от своих участников, но начинали свои действия исключительно на пожертвования, пособия и ссуды со стороны частных лиц, общественных учреждений и государственного банка. Получая ссуды от государственного банка, они поэтому подчинялись непосредственно надзору со стороны правительственных кредитных инспекторов, права вмешательства которых в дела товариществ простирались вплоть до устранения в известных случаях должностных лиц. При этом власть инспектора распространена была одинаково и на кредитные учреждения, основанные без содействия государственного банка. Само собою разумеется, что поставленные в такие условия кредитные товарищества еще менее даже, нежели ссудо-сберегательные, как признает отчет главного Комитета, могли «служить школою самоуправления» [3]). При этом самая возможность пользоваться кредитом от

[3]) Прокопович—«Кооперативное движение в России», стр. 130.

[2]) О характере и значении кредитных товариществ Райфейзенского типа см. Туган-Барановский — «Социальные основы кооперации», изд. 3. М. 1919 г., стр. 228—250.

[3]) Слобожанин, стр. 62 — 64.

Государственного банка в более широких размерах представилась кредитным обществам лишь с изданием Положения об учреждениях мелкого кредита 7 июня 1904 г.

Хотя эта новая форма кооперации и была рассчитана на бо́льшую доступность для крестьян, однако и она не получила широкого распространения среди сельского населения. За первые пять лет функционирования нового закона из 93 утвержденных уставов кредитных учреждений только 67 приходилось на сельские местности [1]). За десятилетие 1895 — 1904 г.г. всего было разрешено 1095 товариществ (в том числе кредитных 460 и ссудо-сберегательных 635), но, как и в первое пятилетие, значительный процент в числе этих товариществ не принадлежал к числу сельских кооперативов; с другой стороны, большинство вновь возникших товариществ приходилось на польские и прибалтийские губернии, затем на южный и юго-западный районы, т.-е. на места с бо́льшим достатком среди крестьянства [2]). Напротив, в центральных губерниях дело с кооперативными товариществами обстояло более чем безнадежно. «Несмотря на все усилия», писал, например, обозреватель 29-го отчета Спб. отдела комитета о ссудо-сберегательных товариществах, «не удалось предупредить распадение товариществ в центре, где крестьянское хозяйство дошло до такого состояния, что нуждалось для своего восстановления в целой совокупности мер» [3]).

Еще менее успеха, нежели учреждения мелкого кредита, имели другого рода кооперативы, именно потребительские товарищества. В развитии потребительской кооперации не наблюдалось даже того периода первоначального расцвета, как в истории ссудо-сберегательных товариществ. Возникнув годом ранее этих последних, потребительские кооперативы до конца 80-х годов почти не развивались. Число ежегодно разрешавшихся товариществ измерялось, по бо́льшей части, единицами, лишь дважды за весь этот период достигши 23 и 22 (в 1868 и 1869). В 90-х годах развитие потребительных кооперативов пошло несколько успешнее, поднявшись до нескольких десятков ежегодно разрешаемых обществ [4]). При этом бо́льшая часть обществ, по свидетельству комитета,

[1]) Прокопович, стр. 151.

[2]) Хейсин — «Кредитная кооперация в России», стр. 59—62.

[3]) Цитировано по Хейсину — «Кредитная кооперация в России». П. 1918 г., стр. 72.

[4]) Прокопович, стр. 152. А. Меркулов. «Исторический очерк потребительной кооперации в России», изд. 3-е, М. 1919, стр. 34 — 35.

исходатайствовавши утверждение устава, однако, или совсем не осуществлялись, или просуществовавши более или менее продолжительное время, «распадались». К 1898 г. всего было утверждено 580 уставов потребительских обществ, из них 218 закрылось. Таким образом функционировало 362 общества, к 1901 году число это возросло до 587 [1]).

Но если таковы были общие неутешительные итоги развития потребительской кооперации в России дореволюционного времени, то данные относительно собственно сельских потребительских учреждений еще более показательны. В противоположность кредитным кооперативам, в которых сельские учреждения все же по числу далеко превосходили кооперативные учреждения городские и фабрично-заводские, потребительская кооперация, напротив, среди сельского населения получила значительно меньшее распространение по сравнению с другими группами населения [2]).

Так, число действовавших к 1901 году потребительских товариществ распределялось по социально-экономическим группам следующим образом:

Потребительные общества.	Утвержден. уставов.	1 января 1901 г. действовало.
Сельские	177	143
Городские	313	179
Фабрично-заводские и железнодорожные	247	209
Офицерские и чиновнические . .	87	69

Из общего числа 177 утвержденных уставов сельских потребительских кооперативов до 1880 г. утверждено было всего 6, а за 25 лет с 1866 — 1890 г.г. — 18, при чем действовало из них в 1901 г. всего 6 [3]).

---

[1]) Прокопович, стр. 154 — 155.

[2]) В первые 25 — 30 лет существования потребительской кооперации в России сельские потребительные общества почти совершенно отсутствуют. Преобладают первоначально фабрично-заводские кооперативы, открывавшиеся преимущественно по инициативе наживавшейся на них фабричной администрации, затем городские потребительные общества. Развитие сельской кооперации начинается только с половины 90-х г.г., и еще в начале текущего столетия число сельских кооперативов значительно отставало от городских (Меркулов, стр. 37 и след.).

[3]) Прокопович, стр. 181 — 182.

2.

Таково было положение кооперативного дела в деревне к началу 900-х годов. Попытки насаждения кооперации в деревне, исходившие сверху, не встречая поддержки и сознательного отношения снизу в среде самого сельского населения, в большинстве случаев оканчивались таким образом неудачей, после чего почти совершенно прекращались, и вместе с тем замирало и самое кооперативное дело. Только с конца 90-х годов, в связи с общим экономическим под'емом и с оживлением общественной деятельности, и кооперация вновь получает несколько большее, хотя относительно все же крайне ничтожное распространение [1]). Главная причина неуспеха кооперации в среде крестьянства была, как уже указывалось, экономическая отсталость этого последнего и господство в его жизни архаических уравнительно-общинных тенденций, совершенно чуждых идее свободной кооперации и потому не уживавшихся с нею.

До революции 1905 года собственно почти не приходится говорить о русской кооперации. Зато после картина резко меняется. Русская кооперация, и именно прежде всего сельская [2]) кооперация, в короткое время вырастает в заметную величину и успела занять не последнее место в ряду кооперацый наиболее передовых государств Западной Европы. В связи с переворотом, как мы видели, вся обстановка деревенской жизни совершено изменилась. Община в течение нескольких лет во всей центральной и южной России оказалась почти окончательно разрушенной. Вместо исключительного преобладания общинного землевладения над подворным в результате выдела из общины, более половины всех крестьянских дворов оказались перешедшими к единоличной собственности. Но и там, где процесс разложения общины был менее интенсивен, и община еще, повидимому, сохранилась, общинному принципу, тем не менее, нанесен был жестокий удар. Община ока-

---

[1]) Сравн. А. Меркулов, стр. 40 и след.

[2]) В 1322 кредитных товариществах, давших ответ на киевскую анкету 1913 года о своем профессиональном составе, члены их распределялись по профессиональным группам след. образом: земледельцы — 696.216 (77%), ремесленники — 86.619 (9,5%), торговцы — 46.792 (5,5%), промышленники — 25.826 (2,7%), рабочие — 23.031 (2,5%), интеллигенция — 24.117 (2,6%). См. Л. В—он, «Наша кредитная кооперация по киевской анкете», Вестник Кооперации 1914 г., № 6 — 7, стр. 95 — 96.

залась бессильной помочь коренному злу деревенской жизни, прогрессирующему малоземелью и бедности, и в то же время тем заметнее выступал ее принудительный характер и стеснение личной инициативы. Число принципиальных сторонников общины, мира, поэтому, быстро начало таять,—и напротив, принцип единоличной собственности и сознание выгод, связанных с свободным единоличным хозяйством, впервые получил широкое распространение в среде сельского населения. Вместе и одновременно с этим в жизни деревни, как мы видели, на первое место выдвигалась сельская буржуазия в лице более крепких, индивидуалистически настроенных элементов. Почва, таким образом, для восприятия кооперативной идеи оказалась более подготовленной, и в то же время разрушение общинной организации побуждало крестьянство, как мы уже указывали, искать новых форм организации и тем самым толкало в сторону кооперации.

Трудно сказать, откуда исходила инициатива возрождения кооперативного движения, да это и не имеет значения[1]). Но если и теперь инициатива исходила от интеллигентных верхов, то на этот раз она встретила горячий отклик и несравненно более сочувственное отношение в массах, нежели в первый период развития кооперации в России. Движение началось и развивалось теперь помимо земств, которые примкнули к нему только впоследствии[2]). Уже одни голые статистические цифры могут показать, насколько неизмеримо более широким размахом отличалось развитие кооперативного дела в послереволюционные годы по сравнению с предшествовавшим временем и какое значение кооперативы сразу успели получить в экономической жизни деревни[3]). Начнем с наиболее типичных, именно для деревни, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ[4]):

---

[1]) Связывать широкое развитие кооперации с деятельностью инспекторов мелкого кредита, как это делает Туган-Барановский («Социальные основы кооперации», изд. 3, стр. 318), — и односторонне и неисторично, причем такому утверждению решительно противоречат и приводимые самим Туган-Барановским далее данные (ср., напр., стр. 320).

[2]) На этот раз земства обратили внимание на кооперацию только после того, как она выросла в очень внушительную силу. См. А. Дорошенко — «Кооперация и земское содействие ее в 1913 г.», «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1914 г. № 9, стр. 389.

[3]) «Вестник Финансов», 1902 г., № 21, стр. 321.

[4]) В 591 товариществах, представивших данные о числе членов 1889 г., числилось 237249 членов (Прокопович, стр. 103).

	Кредитные товарищества.			Ссудо-сберегат. товарищества.		
К 1 январ.	Число их.	Число членов в тысяч.	Оборотн. средства. (баланс в милл. р.).	Число их.	Число член. в тысяч.	Оборотн. средства.
1900	56	—	—	742	250—300	—
1905	536	181,3	5,5	832	369,7	51,8
1906	773	304,4	9,5	769	375,1	51,3
1907	1.199	501,4	15,2	885	425,9	61,5
1908	2.012	838,7	24,6	1.167	619,5	81,4
1909	2.691	1.269,2	36,5	1.476	673,6	96,1
1910	3.610	1.693,0	51,1	1.786	888,0	127,0
1911	4.443	2.270,0	77,9	2.134	1.067,0	158,2
1912	5.940	3.353,1	134,1	2.593	1.394,4	209,4
1913	7.964	4.870,3	213,4	3.025	1.740,2	255,3
1914	9.536	6.209,9	304,9	3.479	2.044,7	309,3
1 июля 1914	10.393	7.033,7	428,2	3.727	2.199,8	345,3.

Анализируя эти цифры, мы прежде всего видим не только усиленное развитие кооперации и заметно увеличивающийся темп ее роста. В то время как в начале 900-х годов число ежегодно основываемых кредитных кооперативов в среднем не превышало 100. в 1905 — 1910 г.г. оно достигает нескольких сот, начиная с 1911 г. — от 1,5 до 2 тысяч; рост ссудо-сберегательных товариществ более равномерный. Одновременно с ростом общего числа кооперативов наблюдается и увеличение их размеров как по числу членов, приходящихся в среднем на 1 кооператив, так и по средней величине оборотных средств. В 1905 году приходилось на 1 кредитный кооператив—338 членов и 10,2 тысяч рублей оборотных средств, в 1910 г. уже 469 членов и 14,1 тысяч рублей оборотных средств, а к 1 июля 1914 число членов возросло до 676, оборотные же средства до 41,2 тысяч рублей. Та же самая тенденция, хотя и в более слабой степени, обнаруживается и в развитии ссудо-сберегательных товариществ. Среднее число членов в этих товариществах за те же годы было 444,497 и 590, а средний размер оборотных средств 6,2 тыс. рублей, 7,1 тыс. рублей и 9,2 тыс. рублей.

О степени самостоятельности развития кооперативов можно судить по тому, что из общей суммы оборотных средств кредитных и ссудо-сберегательных товариществ на 1 июля 1914 г. в 773.511,7 тыс. рублей только 167 милл. рублей или около 21% приходилось на вспомоществование от Государственного банка и 50 милл. рублей

(менее 7%) на земские средства, остальные 72% оборотных средств составлялись частью из собственных, частью из привлеченных частных капиталов [1]) (в первый период расцвета кооперации в 60—70 годах преобладали кооперативы, основанные на ссуды, полученные от земств). Насколько широкое распространение получила в послереволюционные годы кредитная кооперация и как велико должно было быть ее значение в жизни деревни, может показать простое сопоставление общего числа крестьянских дворов с числом дворов, участвовавших в кооперативах. По данным, собранным кооперативной секцией при Комитете Киевской выставки 1913 г., в 1905 г. на 26 миллионов хозяйств участвовавших в кооперативах насчитывалось лишь 703 тысячи или не более 3%, к началу 1913 г. уже 6,5 миллионов на 31 миллион (21%) [2]). По данным на 1 июля 1914 года кооперация охватила уже до 9 миллионов участников, т.-е. почти 30% всех хозяйств.

Рядом с кредитной кооперацией, имевшей прежде всего своей задачей кредитование населения на доступных условиях и не преследовавшей специальных целей, широкое развитие получила в последнее время собственно сельско-хозяйственная кооперация, непосредственной целью которой было поднятие сельского хозяйства и облегчение сбыта продуктов крестьянского хозяйства; так, число сельско-хозяйственных обществ еще в 1902 году составляло всего 212, к 1 января 1905 г.—843 [3]), в 1910—3.103 [4]), а к 1 января 1914—4.706 [5]) (в том числе в Европейской России 3.578) сельско-хозяйственных товариществ, действовавших на основании устава, к 1914 году, насчитывалось 1.361 [6]). Сверх того ни в то, ни в другое число не вошло множество договорных обществ, не имеющих устава, и прежде всего маслодельные артели, которых насчитывалось к 1914 г. не менее 2000 [7]).

[1]) «Записная книга кооператора», 1915, стр. 398.

[2]) «Торгово-Промышленная Газета», 1913 г., № 184 от 13 августа.

[3]) Тотомианц, стр. 225.

[4]) «Торгово-Промышленная Газета», 1913, 7 мая.

[5]) «Записная книга кооператора», изд. Московск. сельско-хозяйств. Потребительского Общества, стр. 358. «Вестник Мелкого Кредита» 1914 г., № 18, стр. 24. А. Лозовый, «Сельско-хозяйств. кооперация». М. 1923 г., стр. 88, дает цифру 4692.

[6]) «Торг.-Промыш. Газета», 1914, № 4 от 5 января. Хейсин. «Историч. очерк кооперации в России», стр. 118, дает несколько меньшую цифру сельско-хозяйств. обществ и товариществ, именно 5.985.

[7]) «Записная книга кооператора», стр. 358.

О развитии потребительной кооперации могут дать представление следующие цифры:

Потребительных обществ: 1900— 348 1911—5.278
1905—1.318 1912—7.276
1910—4.767 1913—8.877 (В том числе в Европейской России—6.899).

В то время как за восьмилетие, предшествовавшее революции 1905 г., среднее число ежегодно открывавшихся потребительных кооперативов не достигало и 150, в 1906—1914 г.г. в среднем в год открывалось по 1173 потребительных кооперативов [1]). В противоположность прошлому столетию в описываемое время и в потребительной кооперации, так же как в кредитной, первое место по числу обществ принадлежало сельской группе, насчитывавшей в 1912 г. 5.220 кооперативов, тогда как на городскую группу приходилось всего 683 общества, фабрично-заводскую—4, железнодорожную—190.

Для того, чтобы судить о темпе развития кооперации в России за послереволюционные годы и о тех успехах, какие достигнуты были в этом отношении, приведем в заключение нашего статистического обзора сравнительные данные о росте кооперативных учреждений в России и в западно-европейских государствах за шестилетие с 1907 — 1908 — 1913 год, в течение которого наблюдался наиболее интенсивный рост кооперативных учреждений в России. (См. табл. на стр. 212).

Россия, занимавшая по числу кооперативов еще в 1908 году 4-е место (в год революции 1905—6-е место), к началу 1914 года заняла уже 2-е место, непосредственно вслед за Германией; по темпу же роста русская кооперация оставляла далеко за собой даже страны с наиболее развитой кооперацией, как Дания и Бельгия.

Но кооперация выросла в России не только в абсолютно крупную величину. И по своему значению она успела превратиться в крупный фактор в жизни населения. Если еще в 1905 году один кооператив приходился на 105 тысяч населения, а один член кредитного кооператива на 261 чел., то к июлю 1914 года это соотношение понизилось до 8,6 тысяч и 16 человек; в 1905 году один потребительный кооператив приходился на 142 тысячи населения, а в 1914 году менее чем на 17 тысяч, процент же организованного

[1]) А. Меркулов, стр. 35.

в потребительные кооперативы населения поднялся за это время с 0,2 до 5,7%. И все же, несмотря на быстрый как абсолютный, так и относительный рост кооперации в России, к началу войны она не успела еще достигнуть того значения и распространения, каким пользовались кооперативные учреждения в Западной Европе. В среднем одно кооперативное учреждение приходилось в России на 5,2 тысячи населения, тогда как в Австрии на 1,5 тысяч, в Венгрии на 3,4, в Англии на 8,6 тысяч (такая высокая цифра для Англии об'ясняется крупными размерами английских кооперативов), в Бельгии 1,2, в Германии 1,9, в Дании—0,9, Италии 4,7, Франции 1,9, Швейцарии 0,5. Занимая таким образом по своим абсолютным размерам одно из первых мест в отношении своего значения в жизни населения, русская кооперация все еще значительно отставала даже от наиболее экономически отсталых государств Западной Европы. То же самое следует сказать и относительно средней величины отдельных учреждений, о чем свидетельствуют, напр., данные, касающиеся положения потребительной кооперации различных стран в 1913—14 г.г. [1]).

	Членов на одно потребит. т-во приходилось в среднем.	Средний оборот одного общества в тысячах рублей.	Доля оборота на одного члена в рублях.
Англия	2.075	570,7	276,5
Германия	980	131,1	133
Бельгия	833	88,4	106
Швейцария	737	140,0	189
Австрия	388	48,9	126
Франция	270	37,0	137
Италия	224	26,1	117
Венгрия	194	15.4	79
Дания	150	26,7	177,6
Россия	149	25,0	168
По всем странам	396	70,6	177

Дальнейшей ступенью в развитии кооперативного дела было об'единение отдельных кооперативов в союзы. Тенденция к об'единению проявилась одинаково во всех родах кооперации. Так, в 1914 году действовало 13 союзов кредитных товариществ, из них только два—Бердянский и Мелитопольский—возникли до 1905 года, три—Благодаринский, Екатеринбургский и Киевский в 1907 году,

[1]) По данным Московского Союза Потребительных Обществ.

	Потребительн. кооперативов.		Кредитных кооперативов.		Сельско-хоз. сбыт, переработка, продажа, аренда, земл. закупка, страхов.		Прочие.		Всего.		Прирост в процентах.
	1907/8.	К началу 1914.	1907/8.	К началу 1914.	1907/8.	К началу 1914.	1907/8.	К началу 1914.	1907/8.	К началу 1914.	
Австрия	448 [1])	1.471	6.872	12.123	—	3.425	2.475	2.072	9.795	19.691	66,0 [8])
Венгрия	828 [1])	1.664	—	3.544	(51 [2])	—	—	877	1.479	6.085	100,9
Англия	1.440	1.387	142	285	264	1 241	—	2.417	1.846	5.346	58,6
Бельгия	175 [1])	531	552	637	1.302	3.913	230	1.064	1 759	6.261	255,8 [9])
Германия	2.980 [1])	2.316	16.092	19.832	6.057	10.661	1.174	3.430 [7])	26 303	36.069	31,8 [10])
Дания	1.188 [1])	1.364	—	—	1.118 [3])	4.466	—	1.820	2 306	7.650	152,8
Италия	1.625	1.764	1.608	2.122	982 [4])	1.677	1.665	1.8.5	5 880	7.388	25,6
Россия	3.500	10.000	3.179	14.120	2.000 [5])	18 576	—	560	8 679	33.256	276,7
Франция	2.301	3.261	1.726	4.194	12.000 [6])	12.587	3.121	496	16.027	20.538	25,0
Швейцария	295 [1])	563	144	322	1.531	3.572		3.447	5.597	7.904	55,1

[1]) К 1 июля 1911 года.

[2]) Молочные товарищества.

[3]) Молочных и маслодельных.

[4]) В 1907 году.

[5]) Сельск.-хоз. обществ 1.056, остальные цифры приблизительны.

[6]) По докладу Рокинья, представленному на междун. кооп. с'езд в Кремоне в конце 1907 г., с.-х. обществ во Франции насчитывалось до 4 000, страховых обществ в сел.-хоз. кооперации до 8 тыс. Тотоманц, «Сел.-хоз. кооперация», стр. 190.

[7]) В том числе 1.463 жилищных, относительно которых сведения за 1907 г. не принимались во внимание.

[8]) При вычислении процентного роста в странах, относительно которых для 1907/8 г. нет данных, соответствующие данные исключены и для 1914 года.

[9]) Высокий процент прироста кооперативов в Бельгии и отчасти в Дании об'ясняется неполнотой данных относительно 1908 года.

[10]) Процент вычислен только относительно тех кооперативов, числ. которых принято в расчет в таблице в отношении обоих сопоставляемых годов.

три—Златоустовский, Екатеринославский и Кубанский в 1912 г., два—Нижегородский и Терский в 1913 году, остальные—в 1914 году. Еще в 1911 году в пяти союзах насчитывалось только 98 товариществ, а к 1 января 1914 г. в десяти, действовавших в 1913 году, союзах насчитывалось уже свыше 500 товариществ с числом членов до полмиллиона человек. Еще в 1911 году таким образом об'единительное движение между товариществами только начиналось, а спустя 2 года оно выросло в заметную величину. При этом рост союзов происходил не только за счет вновь основывавшихся союзов, но одинаково и благодаря расширению деятельности ранее основанных и благодаря присоединению к ним новых кооперативов. О развитии и росте отдельных союзов кредитных товариществ дают представление след. цифры [1]).

Название союза	Год основания.	Число кооперат., входящ. в союзы в 1911 г.	Число кооперат. входящ. в союзы в 1913 г.	Баланс союзов в 1911 г. в тыс. р.	Баланс союзов в 1913 г. в тыс. р.	Число членов в союзных товариществах в 1913 году
Бердянский	1902	16	24	9,2	155,9	26.453
Мелитопольский . .	1903	10	34	14,4	255,2	40.292
Екатеринбургский .	1907	36	67	108.9	384.8	84.551
Киевский	1907	20	102	13,3	2.126,1	138.389
Благодаринский . .	1908	16	24	43,7	119,7	18.284
Кубанский	1912	—	93	—	784,2	68.415
Екатеринославский .	1912	—	50	—	230,5	31.397
Златоустовский . . .	1912	—	14	—	83,7	14.083
Нижегородский . . .	1913	—	69	—	190,1	43.057
Терский	1913	—	67	—	378,2	—

За 2 года (1912 и 1913 г.г.) союзы, возникшие до того времени, выросли более, чем за пять и даже за десять лет предшествовавшего существования. Особенно поразительным в этом отношении представляется рост Киевского союза. Еще в 1911 году, не выделяясь из числа других союзов, а по балансу занимая одно из последних мест, Киевский союз за два указанные года вырастает в крупнейший союз, об'единяющий до 140 тысяч членов, при чем число входивших в него товариществ увеличилось более чем в 5 раз, баланс же союза возрос более чем в 150 раз. Вновь возникшие в эти годы союзы точно так же отличались от ранее существовавших союзов по своим размерам и уже с момента своего возникновения насчитывали большее число членов, нежели союзы, существовавшие уже к тому времени по десяти и, как Бердянский, даже более лет.

[1]) Данные относительно 1911 года взяты из «Торг.-Промышл. Газеты», 1913 г., № 14; относительно 1913 года — по сведениям Московск. Союза потребительн. обществ из «Записн. книги кооператора», на 1915 г., стр. 367. Относительно деятельности отдельных союзов по отчетам см. соответствующие главы в книге Тотомианца—«Кооперация в русской деревне», М. 1912, также «Кооперация на Всероссийской выставке в 1913 году в Киеве». Киев 1914 г., Отдел кредитной кооперации, стр. 32 — 43. (Общая характеристика деятельности союзов) и стр. 49 — 56 (по отдельным союзам).

Тенденция к об'единению союзов одинаково наблюдалась и в потребительной кооперации. Правда, образование местных районных союзов тормозилось, главным образом, внешними условиями и прежде всего трудностью добиться утверждения устава союза [1]). Возникшие в 1900 году «Общество оптовых закупок в С.-Петербурге», и в 1908 г. «Киевский союз потребительных обществ» вынуждены были закрыться в 1911 г., т.-е. в то время, когда тенденция к об'единению союзов вообще не успела еще проявиться с полной силой, и к 1914 году действовал только один Пермский союз потребительных обществ, открывший свои действия в 1912 году. Однако, затрудняемое внешними условиями союзное движение нашло для себя ряд обходных путей, частью примыкая к крупным союзным об'единениям другого типа, как напр., к Сибирскому и Приуральскому, к коммунальному отделу Вологодского общества сельских хозяев и др., частью выливаясь в форму основания союзов на договорном начале (товариществ на вере), частью, наконец, путем организации на основании нормального устава более крупных потребительных обществ, в которые менее значительные товарищества входят в качестве членов [2]).

Но если местные и районные союзы, вследствие внешних затруднений, развивались относительно медленно, зато тем большее значение имела центральная всероссийская организация—Московский союз потребительных обществ, об'единивший до 1.265 отдельных обществ, т.-е. свыше 12% общего их числа (все союзы кредитных товариществ об'единяли к этому времени не более 40% общего

[1]) Так, хотя в 1909 г. на ряде с'ездов и было решено приступить к организации союзов потребительных обществ, но осуществить это намерение не удалось: в 1910 г. отказано в утверждении Екатеринославскому, в 1911 г. Уральскому союзу потребительных обществ, см. «Торг.-Промышл. Газета», 1913, № 46.

[2]) Там же.

числа товариществ). Хотя Московский союз и образовался еще в 1898 г., но широкое развитие его деятельность получила лишь в послереволюционное время, в связи с общим под'емом кооперативного движения, о чем говорят следующие цифры:

	Число обществ, входивших в Московск. союз.	Паевой капитал союза		Оборот Союза
		оплаченный в рубл.	неоплачен.	в рублях.
1899	37	800	—	31.340
1900	68	5.200	—	139.322
1901	85	7.900	—	109.302
1902	110	9.650	—	177.567
1903	131	11.750	—	260.420
1904	144	12.400	—	347.304
1905	153	17.655	—	439.706
1906	166	19.132	—	290.759
1907	201	27.558	—	399.978
1908	257	38.568	—	722.541
1909	294	47.822	33.744	1.174.556
1910	393	68.008	36.808	1.953.415
1911	549	91.194	62.245	3.611.709
1912	776	166.257	64.925	5.953.787
1913	1016	225.441	77.009	7.985.244
1914	1265	270.500	77.000	около 10.000.000 [2]

Деятельность Московского союза распространялась на всю территорию России, при чем распределение ее было более или менее равномерным. Так, в 1913 г. в центральной области союз охватывал 382, на юге и юго-западе—360, в северных и прибалтийских губерниях—79 товариществ, на Востоке и в Сибири—195. Союз имел к 1914 году специальную агентуру в Киеве, охватывавшую губернии: Киевскую, Подольскую, Волынскую, частью Могилевскую, Минскую, Бессарабскую и Херсонскую; в Ростове на Дону, охватывавшую Екатеринославскую губернию, северный Кавказ и все Черноморское побережье, наконец, Одесскую, сверх того Рыбинский закупочно-распределительный пункт, обслуживавший северную и северо-западную Россию, и Белоцерковскую агентуру, закрытую в августе 1914 г. после образования местного товарищества кооперативов [2]). Возможно, что на-ряду с внешними препятствиями полицейского свойства, именно, широкая деятельность Московского союза

[1]) Ежегодник Моск. Союза Потреб. Обществ на 1914 г.

[2]) Там же.

устраняла необходимость возникновения местных и районных союзов потребительских обществ. Так, с прекращением действия Киевского союза в 1911 г. его сменили Киевская и Белоцерковская агентуры Московского союза. Деятели союза держатся именно той точки зрения, что «союзное об'единение в потребительской кооперации должно быть единым для всей России во избежание дробления капиталов и покупательной силы отдельных кооперативов, децентрализация же осуществляется путем открытия на местах агентур союза, при участии в них местных деятелей [1]).

Наконец, и многочисленные специальные кооперативы точно так же к 1914 г. были об'единены в несколько крупных союзов, из которых на первом месте должен быть поставлен Сибирский союз маслодельных артелей с центром в Кургане, затем Приуральский союз маслодельных артелей, Вологодское сельско-хозяйственное общество, распространявшее свою деятельность на весь Север, Архангельский союз смолокуренных артелей с центром в городе Шенкурске, Щунинский союз картофелетерочных товариществ в селе Шунинском Костромской губернии, союз молочных товариществ в Москве [2]).

Особенно крупное значение в развитии кооперативного дела имело основание в Москве Народного банка, открывшего свои действия с 1 мая 1912 г. и поставившего себе главной целью оказание денежной помощи кооперации. Московский Народный банк представлял собою, правда, акционерное общество, но в состав его акционеров вошли почти исключительно разного рода кооперативные учреждения, между которыми к 1 января 1914 г. распределялось до 77% всех внесенных сумм. Участие в предприятии частных лиц, сочувствовавших делу кооперации, не превышало 10% [3]). Первоначальный капитал ограничивался 1 миллионом рублей. 1 марта 1914 г. он был увеличен новым выпуском акций до 2 миллионов рублей. Основание банка таким образом представляло попытку производства кооперативных операций на собственные средства, что должно было устранить зависимость кооперации от субсидировавшего до того времени кооперативные учреждения Государственного банка. Помимо оказания кредитной помощи кооперативам и принятия

[1]) «Торг.-Промышл. Газета», 1913, № 46.

[2]) «Записная книга кооператора на 1915 г.», стр. 363. «Торг.-Промышл. Газета» 1913 г., стр. 296. Основание первого об'единения, принявшего всероссийские размеры (Льноцентра) относится уже к военному времени, именно к 1915 году.

[3]) «Вестник мелкого кредита», 1914 г. № 19.

и учета их векселей Московский Народный банк имел в виду и содействие торговым операциям кооперативов, для чего при банке заведен был специальный товарный отдел, в круг деятельности которого входила: 1) закупка на рынке предметов сельского хозяйства по заказам кооперативных товариществ и 2) продажа на рынке по поручениям кооперативов продуктов сельских хозяйств и производства их членов. Товарный отдел обслуживал одинаково все кооперативы как состоящие, так и не состоящие акционерами банка, при этом торговая деятельность банка не ограничивалась пределами внутреннего рынка, но имелось в виду содействие кооперативному сбыту сельско-хозяйственных продуктов на заграничных рынках. Первые два года деятельность банка оказывалась вполне успешной. Баланс его к 1 сентября 1914 года составлял уже 7 миллионов рублей, и финансовое положение было вполне прочно. Кооперативы, пользовавшиеся ссудами из банка, оказались весьма аккуратными плательщиками, при чем, однако, ввиду того, что банк обслуживал главным образом сельско-хозяйственную кооперацию, время прилива и отлива денежных сумм в его кассы не совпадало с обычным временем прилива и отлива денежных сумм в других банках. «Осенью, начиная с августа, члены кооперативов погашали из выручки от реализации урожая свои долги кооперативам, и последние, в свою очередь, уплачивали долги банку; наоборот, весной и летом кооперативы пред'являли к банку усиленный спрос на деньги, нужные для полевых работ» [1]). Такое несовпадение времени наибольшего востребования денежных сумм в Московском Народном и других банках ставило первый в особо благоприятные условия, позволяя ему кредитоваться в частных банках на крупные суммы даже в моменты затруднительного положения денежного рынка.

Быстрый рост числа кооперативов, развитие об'единительных тенденций в их среде, основание собственного кооперативного банка, наконец, растущее с каждым годом число местных областных с'ездов [2]) — все это одинаково свидетельствовало о том, что, в противоположность неудачным попыткам насаждения кооперации во второй половине прошедшего столетия, в послереволюционную эпоху кооперативное движение отвечало действительным потребностям и успело привлечь к себе внимание и сочувствие широких масс, преимущественно сельских.

[1]) «Торгово-Промышл. Газета», 1914, № 72.

[2]) Число кооперативных с'ездов прогрессировало из года в год, в особенности, начиная с 1910 года. В 1904 году было всего два с'езда, в 1905 и 1906 г.г. по 4, в 1907 г. — 7, 1908 г. — 24, 1909 г. — 9, в 1910 г. — 21, в 1911 — 34, в 1912 г.—71, в 1913—81. Из общего числа с'ездов всероссийских было 3, краевых — 20, губернских и областных — 67, местных — 28, охватывавших несколько уездов—99, и наконец, мелких—29. См. Малицкий—«С'езды и совещания по мелкому кредиту». «Вестник мелкого кредита», 1914 г. № 11, стр. 431 и след. Там же приведен список с'ездов по отдельным губерниям. Относительно всероссийских с'ездов см. М. Хейсин—«Исторический очерк кооперации в России», II. 1918 г., стр. 101 след., 113 след.

3.

Таковы общие суммарные данные относительно роста русской кооперации в послереволюционные годы. Посмотрим теперь, каково было значение этого факта для экономической жизни страны, и прежде всего какую роль играла кооперация в жизни сельского населения; роль эта, само собою разумеется, не могла быть тождественной для всех районов, и потому необходимо рассматривать значение кооперации в связи с территориальным распределением различных ее видов. Обращаясь к данным относительно территориального распределения кооперации, мы прежде всего находим преимущественное распространение ее в Европейской России. К началу 1914 года на Европейскую Россию (без Прибалтийских губерний и Польши) приходилось 9.537 кооперативов, на Прибалтийские губернии—284, на Царство Польское—799, Кавказ—1.208, Туркестан и степные области—726, Сибирь—995. Но и в самой Европейской России развитие кооперативного дела совершалось далеко не равномерно. Так, по сведениям кооперативной секции при Всероссийской Киевской выставке 1913 г., развитие кооперативного дела по отдельным районам представлялось в следующем виде [1]). См. стр. 221.

Из приведенной таблицы мы видим, что кооперация обслуживала прежде всего и главным образом земледельческие районы, что подтверждает и сделанный нами ранее вывод о преимущественной роли кооперации в жизни именно сельского населения. В частности по среднему числу кооперативов на губернию первое место занимали Приуральские губернии, и ранее отличавшиеся своим относительно высоким культурным уровнем. За Приуральскими следуют губернии южного, юго-западного и малороссийского

[1]) Сводная таблица составлена нами на основании, данных, помещенных в издании кооперативной секции — «Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве», Киев 1914 г. Отд. кредитной кооперации.

районов и затем, сравнительно лишь немного от них отставая—губернии центрально-земледельческие и Приволжские. Остальные районы, в том числе и промышленный, по развитию кооперации остаются далеко позади земледельческих губерний [1]). О том же свидетельствует и другой признак, именно, отношение числа организованных членов кооперативов к общему наличному числу населения районов. И по этому признаку центрально-земледельческие губернии занимали третье место после южного и Уральского районов. В отношении обслуживаемой кооперацией посевной площади центральный район находился даже в лучших условиях по сравнению с другими земледельческими районами. Но это обстоятельство стоит в непосредственной связи с меньшими размерами крестьянского землевладения этого района и потому не может считаться показательным. Но если таким образом в отношении числа кооперативов и количества организованного в них населения в центральном земледельческом районе кооперация и успела сделать заметные успехи, то нельзя того же сказать о средствах, находившихся в распоряжении кооперативных учреждений. Как по размерам капитала и баланса, так и по средним размерам ссуд совершенно исключительное место занимали губернии, прибалтийские, затем более богатый юг, частью западные губернии, благодаря, по всей вероятности, относительно большему развитию здесь городской кооперации. Губернии же центрального земледельческого района в отношении кооперативных средств принадлежали к числу наименее обеспеченных, занимая одно из последних мест. Как бы то ни было, но мы можем констатировать, что кооперация успела пустить глубокие корни во всей земледельческой полосе Европейской России, не исключая и наиболее отсталых районов. Слабее развита кредитная кооперация в северных губерниях, расположенных ближе к промышленным центрам, зато здесь получила распространение торговая и производственная кооперация по сбыту и заготовке молочных продуктов, мяса, яиц и пр.

[1]) И в дальнейшем наибольшее развитие кооперации наблюдалось в тех же районах. К 1 июля 1916 года в 30 из 50 губерний Европейской России число кооперативов было свыше двухсот, в том числе во всех губерниях Уральского, Малороссийского и Юго-западного районов, в четырех из пяти южных, в восьми из девяти центрально-земледельческих, в четырех из пяти восточных, в шести из девяти промышленных. При этом промышленные губернии в большинстве имели менее 250 товариществ на губернию, значительно отставая в этом отношении даже от центрально-земледельческих губерний (Хейсин — «Кредитная кооперация в России», стр. 121 — 122).

Районы.	Число губерний.	Кредитных кооперативов.	Сельско-сберег. товариществ.	Всего кредитн. учреждений.	В среднем на губернию.	Число жит. на 1 член кооп.	Число членов на 1 т-во.	Посевная площ. на 1 т-во (десятин).	Собственн. капитала. На т-во.	Собственн. капитала. На члена.	Средний баланс в (руб.). На т-во.	Средний баланс в (руб.). На члена.	Средний размер ссуды на заемщика.
Южный [1])	5	926	377	1303	261	19	648	14320	9350	14,43	49264	76,04	87,08
Юго-западный [2])	3	395	267	662	221	32	594	9515	8001	13,47	35737	60,16	70,06
Малороссийский [3])	3	529	137	666	222	29	607	10283	5557	9,33	33356	54,99	67,99
Центрально-земледельческий [4])	9	1484	183	1667	185	27	617	11493	3609	5,85	20622	33,42	41,85
Восточный [5])	4	643	47	690	172	31	566	17286	3074	5,44	21451	37,93	43,15
Приуральский [6])	3	816	59	875	292	23	630	16638	2814	4,47	17318	27,51	35,69
Промышленный [7])	6	866	178	1044	130	41	471	7301	2852	6,06	14245	30,26	40,2
Северный [8])	6	224	110	334	56	78	394	8881	4435	11,25	14896	37,84	48,90
Прибалтийский [9])	3	2	271	273	91	29	342	4403	32665	95,59	238318	697,42	18,35
Литовский [10])	3	90	157	247	82	63	440	13394	9807	22,29	46943	106,71	93,06
Белорусский [11])	3	113	230	343	114	49	483	10671	7161	14,81	33535	69,37	73,90
В среднем по России [12])	—	—	—	—	—	—	556	11869	1357	13,24	40197	72,35	83,94

[1]) Губернии: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Область Войска Донского.
[2]) Киевская, Волынская, Подольская.
[3]) Полтавская, Харьковская, Черниговская.
[4]) Курская, Орловская, Тульская, Пензенская, Рязанская, Воронежская, Тамбовская, Симбирская, Саратовская.
[5]) Казанская, Самарская, Астраханская, Оренбургская.
[6]) Вятская, Пермская, Уфимская.
[7]) Ярославская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимирская, Тверская.
[8]) Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Ленинградская, Новгородская и Псковская.
[9]) Эстляндская, Лифляндская, Курляндская.
[10]) Виленская, Ковенская, Гродненская.
[11]) Витебская, Могилевская, Минская.
[12]) В среднем итоге приняты во внимание и другие районы, не вошедшие в таблицу (Сибирск., Среднеазиат., Закавказск.).

Успешное развитие кооперации и растущее значение ее в жизни населения земледельческих губерний подтверждается и сообщениями с мест: «О быстроте роста крестьянской кооперации,—пишет, например, кн. Е. Трубецкой [1]),—свидетельствует следующий факт. Пять—шесть лет тому назад в знакомой мне Калужской губернии о них почти вовсе не было слышно, а в мае месяце 1913 года их было уже двести сорок, в том числе 150 одних кредитных кооперативов, делающих миллионные обороты в виде ссудных вкладов и т. п. операций. А на-ряду с кредитными множатся не по дням, а по часам другие кооперативы—артели (особенно молочные и маслодельные), потребительные товарищества, крестьянские сельско-хозяйственные общества, при которых утверждаются сельско-хозяйственные склады, сортировальные и прокатные пункты». О том же сообщают и из других земледельческих губерний: «Пензенская губерния до настоящего времени [2]) была одной из тех местностей России, где кредитные и другого рода кооперативы прививались чрезвычайно туго, и только лишь в последние 7 лет... развитие их стало на более прочную ногу. В 1914 году впервые было открыто лишь 2 кредитных товарищества, затем в последующие годы число товариществ прогрессивно увеличивается и к концу 1909 г. достигает 55 с 26.274 членами в них, а к началу 1911 г. общее число действующих кредитных кооперативов насчитывается более 100, из них свыше 90 кредитных товариществ, 9 ссудо-сберегательных и пять земских касс» [3]). Но особенно интересно особщение корреспондента Пензенской губернии об изменившемся отношении крестьян к кооперации: «Опыт шести лет существования кредитных товариществ не прошел бесследно для крестьян губернии, уже ясно понимающих целесообразность и выгодность для себя организации учреждений на началах взаимопомощи, чему свидетельством служит не только рост этих учреждений, не только увеличение взносов, но и такой факт, как досрочное погашение принятых обязательств; этих досрочно погашенных ссуд в 1909 году поступило свыше 15 тысяч рублей, т.-е. около 16% общей суммы уплаченных в отчетном году ссуд [4]). Таким образом и в отношении крестьянской массы к кооперативным учреждениям по сравнению с временем первых опытов кооперации, когда крестьяне видели во вновь учреждаемых кооперативах лишь возможность получения ссуды, не думая об уплате долга, произошел резкий перелом. О «возрастающем интересе населения губернии как в городах, так главным образом, в селах к учреждениям кооперативного характера», сообщал корреспондент Рязанской губернии [1]). Широкое развитие получила кооперация и в Тамбовской губернии. Так, в Тамбовском уезде развитие кредитной кооперации началось лишь в 1907 г. До этого в уезде насчитывалось только 5 кредитных кооперативов, а к началу 1916 г. их уже в одном уезде было 58 (21 ссудо-сберегательных и 37 кредитных товариществ), т.-е. более, чем по одному кооперативу на волость (в уезде 46 волостей). «Сеть учреждений мелкого кредита в уезде можно считать почти законченной» [2]). При этом размеры кооперативов были довольно значительны. В 51 кредитном кооперативе на 1 апреля 1916 года числилось 35 тыс. членов. Не менее быстро развивалась в губернии и потребительная кооперация. Число потребительных обществ в губернии с 20 в 1913 г. возросло к началу 1915 г. до 70. Особенно быстро, как и повсюду, начала развиваться потребительная кооперация в связи с войной. Так, в одном Тамбовском уезде насчитывалось к половине 1916 года до 85 кооперативов (из них только один городской) против 7, имевшихся в начале предшествовавшего года [3]). С особенной силой проявлялась об'единительная тенденция в среде хуторян в Самарской и Саратовской губерниях [4]). В Самарской губернии кооперация успела встать на прочную ногу. «Самарская губерния является районом очень развитой кредитной кооперации. К настоящему времени в ней имеется 230 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ с общим балансом (на 1 октября 1912 г.) свыше 6.700 тысяч рублей, при чем 3,1 милл. рублей составляют вклады—сбережения местного населения, с общим числом членов 155 тысяч человек. Кредитные кооперативы вынесли благополучно и тяжелый неурожай 1911 года и частичный неурожай текущего и оказали огромные услуги населению в годину бедствия. В настоящее время прочное положение дел в кооперативах, в отношении постановки простейших операций — ссудной и вкладной, мало озабочивает их руково-

[1]) «Русская Мысль», 1923, декабрь.
[2]) Сообщение относится к 1911 г.
[3]) «Торг.-Промышл. Газета», 1911 г. 7 апреля.
[4]) Там же.

[1]) «Торг.-Промышл. Газета», 1913 г. 19 января.
[2]) Доклад Петропавловского «О состоянии кредитной кооперации в Тамбовском уезде», на земском кооперативном совещании уездной земской кассы мелкого кредита. «Труды III совещания». Тамбов, 1917 г., стр. 36.
[3]) «Труды I и II кооперативных совещаний при уездной кассе земского кредита,» стр. 50, «Труды III совещания», стр. 49.
[4]) «Торгово-Промышл. Газета», 1911 г., № 75.

дителей; интерес привлекается более сложными операциями, выдачей ссуд под обеспечение арендой надела (для удержания в руках средних хозяев распродающихся наделов) и организацией сбыта хлеба с помощью зернохранилищ [1]).

Успешно развивалось кооперативное дело и в Украинском районе. Здесь на первом месте по развитию кредитных кооперативов стоят земледельческие губернии: Харьковская, Полтавская, Черниговская, Херсонская, Область Войска Донского, по числу же потребительных обществ первое место занимали Киевская и Подольская губернии. При этом в Юго-западных губерниях преимущественный интерес к кооперации отмечался в среде крестьянства. Так, относительно Киевской губернии еще в 1911 году, например, сообщалось: «Для характеристики кооперативного дела в нашей губернии важно отметить, что до 1907 года потребительные общества открывались, главным образом, служащими и чиновниками в городах и администрацией на сахарных заводах. Притом почти все они носили замкнутый характер, имели крупные паи и были мало доступны для широких слоев населения. Начиная с 1907 года, эти кооперативы открываются уже не столько в городах и заводских местечках, сколько в селах, где участниками их являются преимущественно крестьяне» [2]). Одновременно с интересом к потребительной кооперации в корреспонденции отмечалось также, что и «потребность в мелком кредите очень велика и не удовлетворяется существующими кредитными кооперативами».

С количественным ростом кооперативных учреждений растет и их внутренний вес и значение в жизни деревни. С разрушением общины, как мы уже указывали, они получили крупное организационное значение, играя роль центров, вокруг которых сосредоточивалась вся деревенская жизнь. Кооперация успела настолько упрочиться и получить такое значение в жизни деревни, что мы наблюдаем с ее стороны тенденцию к вытеснению земства и к занятию его места в качестве руководящего центра жизни деревни вообще. Так, многие кооперативные с'езды высказались за передачу всех земских сельско-хозяйственных складов в руки кооперативов [3]). «Во всякой прогрессивной деревне кооператив теперь становится центром жизни. К нему стекаются все лучшие люди деревни, к нему приходит и та часть интеллигенции, которая, несмотря на все

[1]) «Торгово-Промышл. Газета», 1913 г., № 2.

[2]) Дорошенко—«Кооперация и земское содействие ей в 1913 году».

[3]) Дорошенко, «Кооперация и земское содействие ей в 1913 году». «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1914, сентябрь, стр. 391.

рогатки, получила доступ к народу и возможность делиться с ним своими знаниями и трудом. Обычная картина такова. Агроному, земскому врачу, священнику или кому-либо вообще из земского третьего элемента удается собрать группу крестьян для образования кредитного товарищества. После долгих хлопот получают из Государственного банка ссуду в 2—3 тысячи для основного капитала. Начинают работать. Сначала раздают ссуды деньгами, а затем принимаются и за посреднические операции. Покупают сельско-хозяйственные орудия, скот и лучшие семена, устраивают «прокатные пункты» для отдачи на прокат более дорогих машин. Мало-по-малу начинают, с одной стороны, закупать необходимые всем продукты собственного производства, получая под хлеб в Государственном банке увеличенный кредит. Около товарищества заводится собственная потребительская лавка. Сначала нанимают, а затем строят собственный амбар. Воздвигается, наконец, собственный дом — «Народный дом» с особым большим залом. В этом доме группируются мало-по-малу все общественные учреждения деревни. В нем читаются и разные «чтения», в нем устраиваются и вечерние классы для взрослых. Где начинают с кредитных товариществ, где с маслодельных, но повсюду кооперативы стремятся стать живым общественным центром. Не одни материальные выгоды двигают кооперативами. В основе их деятельности лежит сознание необходимости организовать людей, приведения нашей пылеобразной деревенской массы в связное состояние» [1]). Разнообразие функций, выполнявшихся русскими кооперативами, отмечает и анкета, производившаяся кооперативной секцией при Киевской выставке 1913 г. «Помимо ссудных операций кредитные кооперативы развивают энергичную торговлю и посредническую деятельность, снабжая своих членов товарами и инвентарем из первых рук. На-ряду с этим отдельные кооперативы оказывают своим членам агрономическую помощь, а некоторые занимаются и культурно-просветительной деятельностью» [2]). Естественно, что на первых порах деятельности кооперативных учреждений в России, именно это организующее и воспитательное значение их выступало на первый план. Иначе и не могло быть при общей отсталости нашей деревенской жизни.

[1]) Ежегодник «Речи». 1914 г., стр. 205.

[2]) «Торг.-Промышл. Газета». 1913, № 184. Собранные киевской анкетой статистические данные относительно культурно-просветительной деятельности, развивавшейся кооперативами, см. «Кооперация на Всероссийской выставке 1913 года в Киеве». Киев. 1914. Отдел кредитной кооперации, стр. 23; Тотомианц, «Сельско-хозяйственная Кооперация», стр. 220.

Кооперация, как уже указывалось, удовлетворяла первое время прежде всего нужде крестьянства в организации, которая заменила бы распадающуюся общину. Специальные сельско-хозяйственные общества развивались, поэтому, особенно в земледельческом районе, медленнее, нежели кредитные кооперативы, менее определенные по своему характеру и потому более способные выполнять, как мы только что видели, самые разнообразные функции. На первом с'езде деятелей по мелкому кредиту и сельско-хозяйственной кооперации в марте 1912 года отмечалось, что, хотя уже в то время Россия занимала по числу кооперативов второе место после Германии, то «деятельность наших кооперацій развивалась вяло, и только кредитные кооперации работали более или менее удовлетворительно» [1]). По той же причине и попытки выделения отдельных функций кредитных товариществ в специальные кооперативы зачастую оканчивались неуспехом, например, из 80 сельско-хозяйственных обществ, выделившихся из кредитных кооперативов в Кубанской Области, большинство оказалось нежизнеспособными [2]). Но если кооперативное движение на первых порах и выливалось преимущественно в форму кредитных товариществ, зато организующее и воспитательное значение этих последних было тем более значительно.

«Весь вид нашей деревни изменился под влиянием кооперации. Она пробудила крестьянство, заставила и заставляет организоваться; кооперативы вырабатывают новых людей. Кооперативы становятся культурными ячейками в нашей деревне» [3]). И мы уже видели, как под влиянием кооперации быстро совершается перерождение нашего крестьянства, как быстро растет в нем сознательное отношение к кооперации и предоставляемым ею экономическим выгодам, параллельно с тем, как старая общинная психология, в которой на первом месте стоял мир и общество, сменяется психологией настоящего мелкого собственника [4]). Кооперация не встречает уже более препятствий со стороны общины. Ей приходится иметь дело не с «обществом», как в первое время своего существования

[1]) «Торг.-Промышл. Газета», 1912 г., № 61.

[2]) « « 1913, № 116.

[3]) Труды I и II кооперативных совещаний при Тамбовской уездной земской кассе, стр. 4.

[4]) Эта перемена психологии крестьянина с переходом от общинной к личной собственности отмечается и в народнической литературе, хотя и изображается в самом мрачном свете. См. П. Сурожский — «Собственники», «Северные Записки», 1913 г., № 5 — 6, стр. 288 — 289.

в России, а исключительно с единоличными заемщиками [1]), при чем среди этих последних все более развивается сознательное и деловое отношение к ней. Крестьяне не просто стремятся воспользоваться случаем получить денежную ссуду, но занимают на определенные цели и исправнее, часто, как мы видим, даже до срока возвращают занятые суммы. Ссуды, получаемые из кооперативов, не расходуются на случайные, преимущественно потребительные цели, как это наблюдалось в кооперативном деле 70-х и 80-х годов, но употребляются в большинстве случаев на расширение хозяйства и вообще на производительные цели. Как показывают результаты анкеты кооперативной секции при Киевской выставке, «большинство ссуд, выдававшихся кредитными кооперативами, имело производительное назначение. Ссуды выдаются на покупку скота (21,3%), на аренду земли (23%), на корм для скота (9%), на покупку орудий ремесленного производства (5,4%), на хозяйственные постройки, на наем работников, на торговлю, на покупку земли (7,2%), на улучшение угодий (4,1%), на снаряжение в отхожие промыслы (0,6%) и пр. На личные потребности, на жилые постройки отпущено всего ссуд 13,6%» [2]).

Говоря об отношении крестьян к хуторскому хозяйству, мы уже имели случай указывать, что крестьяне, сознавая все преимущества единоличного хозяйства, главное препятствие к его осуществлению видели в отсутствие средств и в малоземелье [3]). Кооперативные товарищества, с одной стороны, облегчали им приобретение по более дешевым ценам сельско-хозяйственных машин и других разного рода хозяйственных предметов [4]), с другой стороны, доставляли кредит на льготных условиях, облегчая тем самым приобретение и наем земли, покупку скота и пр. По данным анкеты кооперативной

[1]) Труды III совещания при Тамбовской уездной земской кассе мелкого кредита, стр. 40, ср. «Нужды деревни» 1910 г., № 4, из статьи Оленикова: «Даже такие формы коллективных начинаний, как кооперативы потребительные, кредитные и др., формируются всегда из отдельных единиц, но не складываются в готовой общине, как таковой».

[2]) «Торг.-Промышл. Газета», 1913, № 84.

[3]) «Вестник Социал. Академии», 1923 г., № 6.

[4]) По сведениям Киевской анкеты о 5 союзах (Бердянском, Екатеринбургском, Кубанском, Мелитопольском и Киевском), посреднические операции их распределялись следующим образом: покупка земледельческих машин и орудий 336.741 р. 83 к., удобрений — 5.835 р. 75 к., семян—123.269 р. 25 к., огнеупорных кровель и строительных материалов — 160.913 р. 25 к., книги, бланки и пр.—42.464 р. 20 к. Всего 698.214 р. 55 к., см. «Вест. Мелк. Кредита», 1914 г., № 25, стр. 1009.

секции, 102 кооперативных товарищества в момент учреждения встречались с ростовщическим процентом свыше 50%. Ко времени Киевской выставки, т.-е. к лету 1913 года, существование такого чудовищного процента могли отметить только 11 товариществ [1]). Такое же понижение ссудного процента отмечается и относительно северной кооперации. С распространением кредитных товариществ на Севере средний процент за ссуды с 36% в короткое время упал до 19% у частных лиц и до 12% в кредитных кооперативах [2]). Московское земство в 1911 году предприняло специальную анкету среди ссудо-сберегательных и кредитных товариществ по вопросу о сокращении ростовщичества. Из 48 ответов в 6 случаях сокращения ростовщичества не отмечено, вследствие слабой еще деятельности самих кооперативов, в 5—ростовщичества совсем не наблюдалось, в 37—констатировалось полное исчезновение или значительное сокращение деятельности ростовщиков [3]).

О том, насколько глубоко проникла идея кооперации в сознание крестьян, свидетельствует все возрастающее количество кооперативных деятелей из среды крестьян. Уже на первом Всероссийском с'езде в Москве 1908 года отмечается его преимущественно демократический состав [4]). На кооперативных губернских и районных с'ездах, учащавшихся с каждым годом, также наблюдалось постоянное преобладание кооператоров из крестьян [5]).

Но чем более идея кооперации входила в сознание крестьян и чем большее значение успевала она приобрести в их жизни, тем все более первоначальная культурно-просветительная ее роль отступала на задний план перед ее прямым назначением. Перемена в характере сельской кооперации наблюдалась в сущности уже начиная с 1906 г. С этого времени, вместо того, чтобы служить по преимуществу культурно-просветительным целям, кооперативы «все более и более стремятся стать экономическими организациями» [6]). При этом, не ограничиваясь непосредственно ссудными

[1]) «Кооперация на Всеросс. выставке 1913 г. в Киеве», Киев 1914, отд. 3, стр. 15—16; ср. В — н, «Наша кредитная кооперация по Киевской анкете», «Вестник Кооперации», 1914, № 6—7, стр. 37.

[2]) «Торг.-Промышл. Газета», 1912, № 40.

[3]) См. «Кредитные и ссудо-сберегат. товарищества». М. 1911 г., где опубликованы результаты московской анкеты.

[4]) Слобожанин — «Смотр кооперативным силам», стр. 17 — 19.

[5]) Ежегодник «Речи». 1914, стр. 207.

[6]) М. Хейсин — «Кооперативное движение в России», «Запросы Жизни», 1910, № 5, стр. 290 — 291.

операциями, деятельность кредитных товариществ росла не только вширь, но и вглубь, захватывая различные области крестьянского хозяйства и вместе с этим все определеннее принимая характер экономической помощи населению. Они не только снабжают крестьянское хозяйство усовершенствованными сельско-хозяйственными орудиями, рабочим скотом, семенами, но и налаживают кооперативный сбыт различных сельско-хозяйственных продуктов, втягивая вместе с этим крестьянское хозяйство в торговый оборот и сообщая ему предпринимательский характер.

Из операций этого рода на первом месте стоят хлебозалоговые операции и совместное устройство зернохранилищ [1]), дающие крестьянам возможность сбывать свой хлеб на наиболее выгодных условиях. Именно, залоговые операции давали возможность крестьянину получить осенью необходимую ему денежную сумму под залог хлеба, с тем, чтобы, вновь выкупив хлеб весной, продать его по более дорогим весенним ценам. Деятельность кооперативов по залогу и хранению хлеба, ничтожная в первые годы широкого развития кооперации, к концу рассматриваемого периода приняла довольно широкие и абсолютно и относительно размеры, о чем свидетельствуют следующие данные о развитии залоговых операций кредитных кооперативов [2]).

Число занимавшихся хлебозалоговыми операциями:

На 1 января.	Кредитных т-в.	Ссудо-сбер. т-в.	Всего.	Прирост.	Процент прироста.	% к общему числу кредит. учреждений.
1906	48	1	49	—	—	3
1908	103	1	104	55	112,3	3
1910	267	19	286	182	175,0	5
1912	860	89	949	663	231,8	11
1913	1.478	166	1.644	695	73,2	15

К 1 января 1914 года хлебозалоговыми операциями занимались уже 2.388 кооперативов с общим кредитом в 38.069.500 рублей, что дает увеличение сравнительно с предшествовавшим годом на 744 (возрастание более, чем на 45%). Губернии, в которых хлебозало-

[1]) Относительно устраиваемых кооперативами зернохранилищ см. специальную монографию Бородаевского: «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбыт хлеба».

[2]) «Вестник Мелкого Кредита», 1913 г., № 35.

говые операции получили к этому времени более значительное развитие, были следующие (берем только губернии Европейской России).

Губернии [1].	Число кооперативов, производивших хлебозалоговые операции.	Губернии.	Число кооперативов, производивших хлебозалоговые операции.
Херсонская	191	Полтавская	6
Оренбургская	184	Харьковская	63
Самарская	174	Воронежская	46
Орловская	144	Симбирская	46
Уфимская	120	Тамбовская	44
Саратовская	116	Казанская	40
Екатеринославск. . .	96	Пензенская	33
Донская область . . .	81	Нижегородская . . .	28
Кубанская	77	Тульская	22
Таврическая	64		

Картина получается вполне определенная. Наибольшее развитие получили хлебозалоговые операции в южных и юго-восточных губерниях, т.-е. в районах с преобладанием торгового земледелия, затем в губерниях Украины и, наконец, в значительно слабейшей степени в губерниях центрального земледельческого района. Вне земледельческой полосы, как и следовало ожидать, хлебозалоговые операции почти не получили развития. В большинстве товариществ хлеб, приносимый в залог, хранился в помещении заемщика (лишь за печатью товарищества). Многие товарищества успели, однако, обзавестись и специальными амбарами для хранения заложенного хлеба. В мае 1913 года таких товариществ было 498 [2]). В частности, хлебозалоговые операции получили преимущественное распространение во всех украинских губерниях [3]), в губерниях земледельческого центра (Пензенской [4]), Воронежской, занимавшей третье место по числу кооперативов, ведших залоговые операции [5]), Тамбовской, [6]), Орловской [7]) и др.; в Приволжских губерниях

[1]) Остальные губернии менее 20. «Вестник Мелкого Кредита», 1914 г. № 18, стр. 725.

[2]) «Вестник Мелк. Кредита», 1913 г., № 35.

[3]) «Торг.-Промышл. Газета», 1912, № 53; 1913, № 221, 1914, № 34. К у л ы ж н ы й. «Устройство хлеботорговли и товарищеский сбыт хлеба», Петроград, 1918, стр. 68.

[4]) «Торг.-Промышл. Газета», 1911 г., № 75.

[5]) К а л у ж н ы й, стр. 69.

[6]) «Труды III кооперативного совещания», стр. 41 — 42.

[7]) «Торг.-Промышл, Газета», 1913 г., № 221.

(Нижегородской [1]), Казанской [2]) и в восточных земледельческих (Самарской, которой принадлежало в этом отношении первое место [3]), Уральской [4]).

Участие кооперативов в сбыте и обработке сельско-хозяйственных продуктов, однако, далеко не исчерпывалось залогом и содействием сбыту хлеба. Деятельность их по сбыту продуктов чрезвычайно разнообразна, варьируясь в зависимости от преобладающей в той или иной местности отрасли сельского хозяйства. Так, кредитные кооперативы брали на себя, например, постройку кооперативных мельниц (Кубанская Область, Киевская и Подольская губернии), кооперативный сбыт льна (Могилевская, Витебская, Смоленская, Ярославская, Волынская губернии), сушку овощей (Ярославская губерния), картофелетерочное производство крахмала (Костромская губерния), поставку свекловицы на сахарные заводы (Харьковская губерния), ссуды под залог махорки и кооперативный сбыт ее (Черниговская губерния), сбыт хмеля (Волынская губерния), устройство винных погребов (в Крыму), устройство заводов для выработки томатного пюре, то же из айвы и по изготовлению пастилы (Астраханская губ.), кирпично-черепичных заводов и, наконец, хлопко-очистительных заводов (Туркестан) [5]). Если в центрально-земледельческом районе, где крестьянское хозяйство, только еще освобождавшееся от крепостнических пережитков и переживавшее тяжелый кризис, нуждалось прежде всего в кредитных кооперативах, помогавших ему оправиться и стать на ноги, если здесь другие специальные виды кооперативов прививались, особенно в первое время, сравнительно туго и поэтому различные посреднические функции брали на себя те же кредитные кооперативы, то, напротив, в губерниях северных, северо-западных и центрально-промышленных, где деревня уже ранее испытывала влияние капиталистических отношений и отчасти еще до революции оказывалась втянутой в торговый оборот [6]), в ее жизни получили более широкое распространение и значение специальные коопера-

[1]) «Торгово-Промышл. Газета», 1914 г., № 34.

[2]) » » 1913 г., № 221.

[3]) » » 1913 г., № 2, К а л у ж н ы й, стр. 68.

[4]) » » 1911 г., № 75.

[5]) » » 1911 г., № 253; 1912, № 63; 1913, № 90 и 116, 1914, № 33 («Кооперативный сбыт льна»).

[6]) О деятельности специальных сел.-хоз. обществ, см. В. Т о т о м и а н ц «Кооперация в русск. деревне», М. 1912, главы VI, VIII, IX. Относительно различных видов сельско-хоз. кооперации и их значении А. Л о з о в ы й, глава III.

тивные товарищества [1]). В Московской губернии к 1 января 1914 г. на 184 кредитных и ссудо-сберегательных обществ приходилось 108 сельско-хозяйственных и других специальных. Первое место по числу сельско-хозяйственных обществ вслед за Полтавской губернией с ее 326 сельско-хозяйственными товариществами общего характера, преследующими по преимуществу земледельческие цели, принадлежало северным губерниям, Пермской, Лифляндской, Костромской, Новгородской, Ленинградской, имевшим от 100 до 200 сельско-хозяйственных обществ, при чем в большинстве случаев, в отличие от сельско-хозяйственных обществ земледельческих губерний, на севере эти общества преследовали не только земледельческие, но часто и специальные цели—содействие скотоводству, пчеловодству и пр.

Рядом с сельско-хозяйственными обществами общего и специального характера к 1 января 1914 года насчитывалось 136 сельско-хозяйственных товариществ (действовавших на основании устава), главным образом, молочных (75% этих последних, впрочем, приходилось на Прибалтийские губернии и Польшу) [2]). Но, помимо уставных товариществ, еще более значительно было число специальных товариществ, действовавших на основании простого договора. В числе этих последних первое место принадлежало маслодельным артелям, получившим наиболее широкое развитие, как известно, в Сибири. Кооперативные операции оказали здесь огромное влияние на постановку всего дела производства и сбыта масла. «В первый год работы организации (1902—1903 г.), когда маслоделие находилось всецело в руках частных предпринимателей, в Сибири нельзя было найти в продаже ни хорошей посуды для молока, ни хороших маслообработников, ни хороших маслобоек. Все это было дешево, плохо сделано, большей частью, не выдерживало даже и одного лета без ремонта. Системы были устарелые, давно брошенные в передовых странах. Хорошей машины, хорошей фляги в продаже в Сибири не было, и она не нужна была частному маслоделу, непрочное положение которого не дозволяло ему обзаводиться хорошим, дорогим инвентарем. Кооперации повели дело иначе. Они стали требовать молочную посуду и машины лучших качеств. В продаже появились финские и датские штампованные фляги и прочая посуда. То же самое нужно сказать о маслобойках. Старые русские маслообработники с деревянным станком теперь берут только тогда, когда нет ни одной заграничной с чугунным штативом. Даже и из заграничных выбирают те, которые удобнее и прочнее» [1]). Уже в 1906 году в Западной Сибири действовало 178 кооперативных маслодельных заводов [2]), а в 1913 г. число одних кооперативных заводов, входивших в Сибирский союз, превышало 600, всего же маслодельных артелей к началу 1914 г. было не менее 2.000. Сибирский маслодельный союз — едва ли не самая крупная кооперативная организация в России. Возникнув в 1907 г. и об'единяя вначале всего 12 маслодельных артелей, он сразу же поставил себе целью не только сбыт масла на внутреннем рынке, но и борьбу с экспортерами-посредниками и непосредственные сношения с иностранными рынками. Дело пошло настолько успешно, что, уже спустя пять лет, к 1911 г. он об'единял маслодельные артели на всем пространстве Западной Сибири от северных уездов Тобольской губернии до Алтая и от Челябинска до Омска, а к 1913 г. обладал 577 заводами и сосредоточивал в своих руках до 80% всего вывоза масла из Сибири. В Берлинском и Лондонском союзе имелись уже к этому времени собственные агентуры [3]). Рядом с Сибирским союзом возник, откололовшись от него, Приуральский союз маслодельных артелей, об'единивший в первое же время по своем образовании до 80 — 90 артелей. Далее [4]) кооперативное маслоделие широко развилось в последние годы (перед войной) на севере, по преимуществу в Вологодской губернии.

Кроме маслодельного производства, в котором кооперативные учреждения укрепились настолько, что, например, в Сибири почти совсем вытеснили частное производство, кооперативы захватывали все новые и новые отрасли сельского хозяйства. Так, в годы, непосредственно предшествовавшие войне, отмечалось возникновение специальных кооперативов по скупке и сбыту яиц, по сбыту скота,

[1]) Так, например, в северных и восточных губерниях уже с 70-х г.г. прошлого столетия начало развиваться молочное хозяйство, производящее на рынок (Ковалевский и И. Левитский. «Статистический очерк молочного хозяйства в северных и средних полосах Европейской России». Пб. 1879, цитировано у В. Ильина. «Развитие капитализма в России», см. вообще §§ 3—5, гл. IV последи. книги). Западные губернии, как Псковская и Смоленская, издавна, как известно, представляли специальный район льноводства.

[2]) «Торгово-Промышл. Газета», 1914, № 13.

[1]) А. Балакшин—«Отчет завед. организ. по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Европе», Пб. 1907, стр. 72.

[2]) Балакшин, стр. 3.

[3]) «Торгово-Промышл. Газета», 1911 г., № 153, 1913, № 184. «Вестник Мелкого Кредита», 1914, № 9.

[4]) «Торгово-Промышл. Газета», там же.

мяса, главным образом свинины и птицы. Кооперативы последнего рода быстро начали распространяться по всей Юго-Западной полосе России. «Здесь с особенной настойчивостью идет перестройка хозяйства, и на смену экстенсивного крупного скотоводства идет интенсивное мелкое крестьянское свиноводство и крестьянское птицеводство. А в этом случае основным моментом успеха были, во-первых, выгодные цены, а во-вторых, — прочный сбыт. Земства и кооперативы учли эти два момента и предприняли серьезные шаги к немедленному проведению их в жизнь» [1]). Крестьянское хозяйство, таким образом, и в Юго-Западной России, являющейся одной из наиболее экономически отсталых областей, начало, благодаря прежде всего распространению кооперации, перестраиваться применительно к условиям рынка и из хозяйства чисто натурального, каким оно было еще недавно, превращалось вместе с этим в хозяйство чисто денежное, работающее на продажу и приспосабливающее свое производство к требованиям рынка.

Успешное развитие кооперации, совершавшееся одновременно и параллельно с процессом перестройки всей деревенской жизни, так же, как и самый этот процесс, являлось непосредственным последствием удара, нанесенного старым, докапиталистическим порядкам революцией. И совпадение их во времени, поэтому, отнюдь не являлось случайным. Кооперация представляла собою прежде всего новую форму организации, пришедшую на смену разрушившейся старой, форму организации, вполне соответствовавшую изменившимся условиям, дополнявшую и завершавшую таким образом тот коренной переворот в жизни деревни, который был обрисован нами в предыдущих очерках. Если мобилизация общинного землевладения и разложение общины приводило, с одной стороны, к образованию класса сельской буржуазии, а с другой, к окончательной пролетаризации и удалению из деревни наименее состоятельных элементов крестьянства, то кооперация расчищала пути для товарно-денежных отношений, облегчая проникновение их в деревню. Она не только служила для крестьянства новой формой организации, не только давала возможность средне-состоятельному крестьянству переживать тяжелые последствия кризиса, а наиболее зажиточным элементам сельской буржуазии в собственном смысле—поставить свое хозяйство на прочную ногу,—она в то же время перестраивала крестьянское хозяйство на совершенно новых началах и основаниях, втягивая его в общий денежный и торговый оборот и вместе

[1]) «Торгово-Промышл. Газета», 1914 г., № 130.

с этим все в большей степени способствуя превращению его в зависящее от условий рынка товарно-денежное хозяйство. «Для мелких крестьян,—говорит Каутский,—кредитные товарищества имеют значение преимущественно в смысле личного кредита. Кредитному товариществу доступно то, что недосягаемо для отдельных крестьян—кредит у городского крупного денежного капитала на современных капиталистических условиях. Если займы отдельных крестьян слишком незначительны, чтобы интересовать крупный капитал, то ссуды целому товариществу играют совсем иную роль и если ссуда совершенно неизвестному крестьянину для городского банка вещь рискованная, то, благодаря круговой поруке товарищества, риск этот уменьшается до минимума. Таким образом крестьянские товарищества дают возможность и мелкому крестьянину получать деньги за небольшие проценты, которые он может выплачивать не разоряясь, благодаря улучшению хозяйства с помощью ссуды. Кредитные товарищества, несомненно, имеют для крестьянина весьма большое значение—как средство экономического прогресса только не к социализму, как часто думают, а к капитализму, но как таковые они экономически весьма ценны» [1]).

И именно эту роль, роль посредника по снабжению мелкого крестьянского хозяйства необходимыми денежными средствами, как мы видим, русская кооперация прежде всего и выполняла — и выполняла вполне успешно. Кооперативы, по отчетам Государственного банка, широко кредитовавшего особенно в первый период развития кооперации, являлись наиболее исправными плательщиками. Убытки банка по ссудам, выданным учреждениям мелкого кредита за пятилетие 1908—1912, выразились в сумме всего лишь в 187 тыс. рублей, сумме, составлявшей едва 2½% дохода, полученного банком от этих ссуд в виде процентов (7.385 тысяч рублей). Потери Государственного банка по операциям с учреждениями мелкого кредита являлись таким образом совершенно ничтожными

[1]) К. Каутский, «Аграрный вопрос», издание 2-е, «Новый Мир», Пб. 1906 г., часть I, стр. 161. Последние слова Каутского справедливы, само собою разумеется, лишь относительно развития кооперации в капиталистических условиях. Значение и роль кооперации, являющейся не более как формой организации, определяется не какими-либо заложенными в ней самой тенденциями, но прежде всего теми общественно-производственными отношениями, в каких она функционирует. Кооперативное начало играло не меньшую роль в жизни средневекового ремесленника, но, конечно, не могло в то время вести ни к капитализму, ни к социализму. Точно так же и в экономических условиях современной России—роль и значение коопе-

по сравнению с потерями того же банка, а также частных коммерческих банков по операциям с частными лицами и учреждениями. Точно так же и Московский Народный банк, специально обслуживавший кооперативы, за первые два года своей деятельности не понес никаких потерь, несмотря на неблагоприятные условия денежного рынка. Сверх того, как мы видели на примере Московского Народного банка, сельско-хозяйственная кредитная кооперация в отношении получения денег поставлена в особо благоприятные условия, так как время наибольшего пред'явления к ней требований на денежные средства не совпадает с обычным временем усиленного спроса на денежном рынке. Благодаря этим благоприятным условиям, финансовое положение кооперации за несколько лет успело в достаточной мере упрочиться и, например, в отчете Киевского Союза учреждений мелкого кредита за 1913 г. констатируется, что авторитет Союза, как кредитного учреждения, занял прочное положение в местных финансовых кругах. Благодаря этому, кооперативы, первоначально существовавшие преимущественно на субсидии со стороны Государственного банка, с каждым годом все более начинали привлекать денежные средства и из других источников и прежде всего из частных банков. Так, на 1 апреля 1914 г. из общего баланса всех кредитных товариществ в 716.122 тыс. рублей, на долю собственных средств приходилось 118.710 тысяч, правительственных (Государственный банк) — 134.478 тысяч, земских — 41.659 тыс. и 413.680 тыс. рублей, т.-е. почти 60%—на долю привлеченных капиталов частных лиц и учреждений.

Выступая посредником между крестьянином и кредитными учреждениями и облегчая, таким образом, для него доступ на широкий рынок капиталов, кооперация тем самым превращала его хозяйство в денежное хозяйство и, избавляя его от власти мелкого сельского ростовщичества, втягивала в то же время в общий процесс капиталистического развития. Принимая на себя посреднические функции по сбыту продуктов мелкого крестьянского хозяйства, она

рации не могут не быть иными, нежели в годы, предшествовавшие Октябрьской революции. См. Ленин. «О кооперации», ср. А. Лозовый. «Сельскохозяйственная кооперация и значение ее в современных условиях». М. 1923 г. Введение, стр. 3—15. Туган-Барановский («Социальные основы кооперации» изд. 3-е, М. 1919 г., стр. 476, след.) находит, что крестьянская кооперация ведет не к социализму, а к созданию «нового типа крестьянского хозяйства», но подобное утверждение так же односторонне и неправильно, как и обратное мнение, что кооперация сама по себе способна привести к социализму.

одновременно способствовала превращению его в товарное хозяйство, производящее на рынок. Под ее непосредственным влиянием, как мы видели, крестьянское хозяйство не только интенсифицируется и обзаводится усовершенствованными сельско-хозяйственными орудиями и машинами, но и развивает совершенно новые отрасли сельского хозяйства, рассчитанные преимущественно или почти исключительно на рынок, как маслоделие, сыроварение, садоводство, огородничество. Любопытно отметить при этом, что, способствуя окончательному превращению крестьянина из земледельца в мелкого предпринимателя, кооперативные товарищества сообщают ему и психологию этого последнего, заинтересовывая его в повышении цен на продукты его труда и завершая таким образом превращение его в мелкого буржуа [1]). «Кооперативные учреждения по обработке и сбыту продуктов крестьянского хозяйства, выступая на товарном рынке, не только не способствуют понижению товарных цен, а, напротив, в полной противоположности с потребительными кооперативами, стремятся к возможному их повышению, не уступая в этом отношении любому капиталистическому предприятию. Правда, для большинства товариществ, впервые выступавших на рынке, борьба за высокие цены оказывалась не по силам, и они нередко бывали вынуждены сами подчиняться требованиям рынка и мириться в борьбе за существование, как и всякий менее сильный конкурент, с ценами даже ниже обычных; но там, где товарищества уже успели завоевать себе положение на рынке, они вносят и свою лепту в повышение цен последних лет. Сибирские и вологодские маслодельные артели, например, немало по-

[1]) Ср. откровенные отзывы двух столпов кадетской «Речи» Миклашевского и Изгоева на анкету о целях и значении кооперации, предпринятой Тотомианцем еще в 1911 г.: «По моему убеждению», отвечает Миклашевский, «надлежит говорить прямо и откровенно: мы делаем малое, но важное дело, стоя на почве существующих учреждений и собственности... Мне кажется особенно желательным именно в настоящее время этот определенно выраженный чисто буржуазный характер кооперации. В особенности этот чисто буржуазный практический характер кооперации необходим для деревни». Изгоев точно так же цель кооперации видит прежде всего в том, чтобы превратить крестьянство в сознательную демократию, а не в толпу, следующую сегодня за красным, завтра за черным демагогом». Ср. восторженный отзыв о кооперации кн. Е. Трубецкого, являющегося сторонником «зажиточного и дорожащего собственностью» крестьянства («Новая земская Россия», Русская Мысль, 1913 г., № 2).

содействовали вздорожанию масла. Московский союз молочных товариществ (контрагентура Московских потребительских обществ) предпочел ограничить свою деятельность, чем толкнуть вниз высокие московские цены на молоко» [1]).

4.

Ближайшим последствием такого превращения крестьянского хозяйства в товарное и денежное должно было явиться возникновение конкуренции между отдельными хозяевами, устраняемое кооперацией лишь отчасти. Присматриваясь к деятельности кооперативных учреждений, мы прежде всего видим, что доминирующую роль в ней играли и наибольшие выгоды от нее получали более состоятельные элементы деревни. Поскольку кооперация способствовала развитию крестьянского хозяйства в направлении капитализма, она втягивала в капиталистический оборот в первую голову высшие и наиболее обеспеченные слои сельского населения. В тех немногих, правда, случаях, когда при обследовании деятельности кооперативных учреждений обращалось внимание и на изменение их состава, это исследование показало, что первоначальные кадры и основное ядро их составляли именно более богатые и состоятельные хозяева, сельская буржуазия в собственном смысле, и только в дальнейшем, с количественным ростом кооперации, она начинает захватывать и более широкие слои сельского населения. Так, в Уфимской губернии в 1906 году состоятельные хозяева в числе членов кредитных кооперативов составляли более половины (53%), в 1909 году этот процент понизился до 38, и в 1911 году до 30 [2]). Факт первоначального преобладания в кооперации крестьянской буржуазии констатирует и исследователь западно-сибирской маслодельной кооперации. «В большинство случаев,—говорит Н. Макаров,—начинают кооперацию более состоятельные крестьяне, затем при успешных делах кооперации и ее помощи начинают присоединяться и менее состоятельные элементы, так что среднее число коров на один двор уменьшается, но в последующие годы, например, с 1907 года, начинается обратное движение [3]).

[1]) К. Дмитриев — «Заметки о потребительской кооперации». «Наша Заря», 1912 г. № 4, стр. 43.

[2]) М. Н. Красильников, «Кооперация в Уфимской губерн.», вып. I, «Кредитная кооперация», Уфа, 1913 г., стр. 32 — 33.

[3]) Н. Н. Макаров. «Крестьянское кооперативное движение в западной Сибири», стр. 156, 161—162. Обратное направление процесса Макаров об'-

Но если процент состоятельных элементов в кооперации с ростом этих последних и сокращался, все же именно эти элементы продолжали составлять их основное и более активное ядро и извлекали из их деятельности наибольшие выгоды. Так, С. Н. Прокопович, на основании исследования бюджетов крестьянских хозяйств, как возможной основы для развития кооперации [1]), составил следующую таблицу «возможного предела обхвата крестьянских хозяйств разного рода кооперативными организациями», в зависимости от площади посева [2]):

Хозяйства с посевом:

	До 1 десят.	1—2 десятин.	2—3 десятин.	3—4 десятин.	4—6 десятин.	6—10 десятин.	Свыше 10 дес.
	в		р	у	б	л	я	х.
Кооперация по сбыту.							
Вятский уезд	5,4	10,1	—	11,7	19,2	27,2	46,3
Старобельский уезд	16,2	23,0	17,5	46,1	57,8	91,0	307,5
Вологодский уезд	25,1	54,3	73,2	91,2	113,4	235,2	—
Кооперация по закупке.							
Вятский уезд	1,9	5,7	—	7,4	6,8	6,2	8,3
Старобельский уезд	8,8	4,0	9,0	6,7	11,5	18,0	46,1
Вологодский уезд	5,8	9,1	11,6	16,2	28,4	30,7	—
Потребительная кооперация.							
Вятский уезд	40,0	30,4	—	27,5	18,6	15,5	20,0
Старобельский уезд	43,6	15,0	25,7	21,6	23,4	28,5	31,6
Вологодский уезд	60,3	71,8	77,2	71,6	117,6	89,9	—

Из этой таблицы мы видим, что если потребительные расходы распределяются между различными имущественными группами более или менее равномерно, то потребность в содействии кооперации

ясняет тем, что все менее состоятельные элементы уже вошли в кооперацию, в хозяйствах же, вошедших в кооперативы, число коров начало возрастать.

[1]) С. Н. Прокопович, «Сельско-хозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства», М. — Л. 1922 г., глава I.

[2]) Там же, стр. 23.

по сбыту и по хозяйственным закупкам в высших группах, как видим, во много раз превосходит аналогичные потребности менее состоятельных хозяйств [1]). Различие это с особой определенностью выступает в уездах с более значительной дифференциацией: Старобельском Харьковской губернии и Вологодском, в котором широко развито маслоделие и торговля молочными продуктами.

К такому же выводу приходит и другой исследователь. «При одинаковом земельном обеспечении,—говорит Красильников,—при одинаковом количестве арендованной земли члены кредитных товариществ засевают большие пространства и обладают относительно большим посевным фондом, нежели обычная масса. Это значит, что кооперативная среда более предприимчива, более работоспособна и всасывает в себя наиболее энергичные элементы деревни» [2]).

Но «наиболее энергичные и предприимчивые» элементы — это прежде всего те хозяйственные мужики, те более зажиточные слои хозяйства, которые в послереволюционные годы именно и составляли основные кадры нарождающейся сельской буржуазии. Именно эти элементы и образовали, если не наиболее численное, то наиболее активное и первоначальное ядро кооперации. Именно эти элементы в первую голову использовали представляемые ею выгоды в процессе превращения своего полунатурального хозяйства в хозяйство товарно-денежное. Кроме приведенных уже общих суммарных расчетов, об этом свидетельствуют также и результаты более специальных обследований деятельности кооперативов. Так, размеры открытого кредита (на члена в рублях) по лошадным группам представлялись в следующем виде [3]) (см. 241 стр.).

Как видим, амплитуда колебаний в размере кредита между высшей и низшей группами, относительно незначительная в обеих центральных губерниях, гораздо определеннее выступает в степных губерниях с более ярко выраженной дифференциацией. Еще показательнее устанавливаемое Красильниковым для Уфимской губернии соотношение открытого членам кооперативов кредита с их имуществом [1]).

[1]) Ср. Прокопович, стр. 71: «Изучение крестьянских бюджетов привело нас к выводу, что наиболее активное участие в различных видах сельскохозяйственных кооперативов могут принимать более зажиточные многопосевные и многоскотные группы крестьян»; относительно молочных хозяйств, стр. 87: «Мера участия членов в хозяйственной деятельности молочных артелей и кредитных кооперативов тем более, чем выше их хозяйственный достаток; чем зажиточнее крестьянин, тем больше пользы получает он от участия в кооперативных товариществах и тем значительнее поддержка, которую он оказывает их хозяйственному развитию».

[2]) Красильников, «Кооперация в Уфимской губернии», вып. I, стр. 25.

[3]) Прокопович, стр. 84.

Хозяйство.	Херсонск. Таврическ. Екатерин. губерн.	Московская губерния.	Судогодск. уезд Владимир. губернии.	Челябинск. уезд.	Уфимская губ.
	Открытый кредит на хозяйство в рублях.				
Безлошадные	57,6	34,0	38,0	32,2	35,7
С 1 лошадью	76,1	38,5	43,0	45,3	35,7
С 2 лошадьми	62,4	56,8	69,0	70,8	51,3
С 3—4 лошадьми	96,5	—	92,0	111,4	77,7
С 5 и более	127,9	—	—	173,5	116,0
В среднем	77,9	40,5	46,0	88,5	59,8

Хозяйства.	Ценность имущества.	Открытый кредит.	Отношение открытого кредита к имуществу.
	В рублях.		
Беспосевные	829	40,6	4,9%
С посевом до 2 десят. .	689	26,4	3,8 „
„ „ 2—4 „ .	805	34,8	4,3 „
„ „ 4—10 „ .	1181	49,8	4,2 „
„ свыше 10 дес.	2186	98,0	4,5 „
В среднем	1106	52,3	4,7 „

Мы видим здесь возрастание кредита и притом не просто пропорциональное имуществу. Обращает на себя внимание также размер имущества и кредита беспосевных, которые, как нам уже приходилось указывать в другом месте [2]), отнюдь не тождественны с пролетарским элементом, а в значительной своей части образуют как раз наиболее состоятельный слой сельского населения. В то же время и процент членов, бравших ссуды, и средний размер ссуд был для высших групп значительно больше, как показывает пример кредитных кооперативов Московской губернии [3]) (см. 242 стр.).

[1]) Красильников, стр. 32.

[2]) «Вестник Социалистической Академии», 1923 г., № 5, стр. 148 и след.

[3]) Н. Макаров, «Кредитная кооперация в Московском уезде», М. 1911 г., стр. 219 и след. Прокопович, стр. 86.

	% членов, бравших ссуды.	Сумма выданных ссуд на 1 бравшего	на 1 члена
		В рублях.	
Безлошадные . .	56,3	30,3	17,0
С 1 лошадью . .	64,3	41,2	26,5
С 2 лошадьми . .	74,3	51,0	37,9

Так обстояло дело в Московской губернии. В губерниях же с более дифференцированным населением, где, как мы видели, различие в размере кредита, открытого высшим и низшим группам, было более значительным, очевидно, и размер отдельных ссуд, и по всей вероятности, и процент членов, бравших ссуды, в высших группах еще значительнее отличался от низших групп, нежели в Московской губ.

Если, как мы видели, расходы на личное потребление в высших и низших группах крестьянства приблизительно одинаковы, то, естественно, надо ожидать, что весь излишек занимаемых сумм в более состоятельных группах идет прежде всего на различные улучшения в хозяйстве и на приобретение улучшенных орудий. И мы, действительно, видим, что более значительные расходы на сельско-хозяйственный инвентарь, особенно в земледельческих губерниях и в промысловом Вологодском уезде, производятся только в хозяйствах высших имущественных групп. В то время как в неземледельческих губерниях расходы на сельско-хозяйственный инвентарь одинаково незначительны во всех группах, в земледельческих губерниях, где в послереволюционные годы происходил усиленный процесс дифференциации (по сведениям о Старобельском уезде Харьковской губ. 1910 г. и о Тамбовской губ.—1915 г.) расходы на инвентарь, начиная с хозяйств с посевом в 6—10 десятин, возрастают и притом не пропорционально, а прогрессивно [1]).

В сбыте продуктов также, естественно, прежде всего заинтересованы высшие имущественные группы. Так, беря характерные для сбыта молочных продуктов, льна и зерновых хлебов губернии, мы находим следующий размер выручки от продажи этих продуктов по отдельным имущественным группам [2]) (см. 243 стр.).

О преимущественном участии в операциях по сбыту, именно, высших имущественных групп свидетельствуют и результаты специально произведенного в октябре 1912 года обследования товариществ, ведших операции с хлебом. Всего было обследовано восемь товариществ, при чем оказалось, что ссудами под хлеб воспользовались лишь от 10 до 120 заемщиков на товарищество, т.-е. всего

[1]) Прокопович, стр. 60.
[2]) Прокопович, стр. 48, 52, 54.

Хозяйства с посевом.	Вологодск. губ. Продажа молочных прод. на двор.	Смоленск. губ. Продажа льна на двор.	Старобельск. уезд. Харьк. губ. Продажа зерновых хлебов на двор.
	В рублях.		
До 1 десят. . . .	19,2	—	3,4
1—2 „ . . .	37,0	19,1	11,3
2—3 „ . . .	44,2	49,1	9,0
3—4 „ . . .	56,1	74,7	25,9
4—6 „ . . .	63,6	101,4	38,1
6—10 „ . . .	128,3	123,6	54,2
Свыше 10 „ . . .	—	152,5	247,2

от 9% до 17% общего числа членов; средняя сумма ссуды была от 400 до 600 рублей, для одного товарищества даже 842 рубля, т.-е. партии хлеба принимались в 600—1000 пуд., партии для крестьянского хозяйства крупные и имеющиеся лишь у небольшой части членов товариществ. Хлебозалоговые операции таким образом, как констатировало указанное обследование, охватывали лишь небольшую, наиболее зажиточную часть членов товариществ [1]). О том же свидетельствует и отмеченный выше факт более значительного развития хлебозалоговых операций, по преимуществу в Новороссийских и Заволжских губерниях, образовавших и в дореволюционное время район с наиболее крупными размерами крестьянского хозяйства и с наиболее определенным расслоением крестьянства.

Еще определеннее преобладание зажиточных групп и преимущественное получение ими выгод выступает в кооперативах специального характера. Так, обследование маслодельных артелей Барнаульской волости Томской губ. дало следующую картину участия в них различных имущественных групп [2]) (см. 244 стр.).

Мы видим здесь, что участие в кооперации возрастает не только пропорционально, но и прогрессивно по мере того, как мы от низших имущественных групп переходим к высшим. В предпоследней группе (4 — 9,9 дес.) участвует в кооперации свыше $^3/_4$ всех хозяйств, в высшей группе (свыше 10 дес.) почти все хозяйства (до $^9/_{10}$ общего числа хозяйств группы). Доход отдельных хозяйств при содействии маслодельных кооперативов обследован был на примере двух маслодельных артелей Судогодского уезда, Владимирской губ., при чем

[1]) «Вестник Мелкого Кредита», 1913 г., № 17.
[2]) П. Трегубов, «Экономическое исследование маслоделия в Сибири», Приложения, стр. 67 — 68.

Хозяйства.	Все население. Число хозяйств.	%	Члены артелей. Число хозяйств.	%	Коэффициент участия.
Беспосевные . .	601	9,2	161	4,0	0,43
С посевом до 2 д.	1.153	17,7	457	11,3	0,64
„ „ до 2—3,9 „	1.503	23,1	850	21,0	0,91
„ „ „ 4—9,9 „	2.256	34,7	1.689	41,8	1,20
10 и более .	985	15,2	888	22,0	1,45
Всего . .	6 498	100,0	4.045	100,0	1,00

в зависимости от числа коров, он в одном случае составлял на хозяйство с одной коровой — 34,3 руб., с двумя коровами — 56,2 руб., с тремя — 90,2 руб., с четырьмя — 109,2 руб., с пятью и более — 159,2 руб., в другом случае цифры еще более показательны: здесь хозяйство с двумя коровами выручило 66,5 руб., с тремя—157,1 руб., с четырьмя — 210,7 руб. [1]).

Из рассмотрения деятельности кредитных кооперативов и специальных кооперативов по сбыту мы могли таким образом убедиться, что, способствуя росту товарности крестьянского хозяйства, они в то же время являлись своего рода средством отбора в процессе образования сельской буржуазии, выдвигая на первый план и ставя в более благоприятные и выгодные условия прежде всего высшие имущественные группы. Крестьяне-пауперы и даже крестьяне среднего достоинства в значительно меньшей степени пользовались возможностью сбыта через кооперативные организации продуктов своего хозяйства, нежели зажиточные слои сельской буржуазии. Точно так же они в меньшей степени пользовались, как мы видели, и кредитом, употребляя получаемые ссуды на пополнение различных прорех и текущих нужд своего хозяйства. Только более зажиточное и состоятельное крестьянство систематически пользовалось кооперативным кредитом для улучшения и развития хозяйства. Развитие кооперации действовало таким образом в том же направлении, как и параллельный ему процесс мобилизации надельной земли и индивидуализации крестьянского хозяйства, капитализируя деревню и способствуя нарождению сельской буржуазии.

Если в потребительной кооперации эта тенденция выделения более сильных и имущественно обеспеченных слоев сельского населения (участие в потребительной кооперации различных имущественных групп, как мы видели, более или менее равномерно), зато она способствовала общему распространению денежных хозяйственных отношений вместо господствовавших до того в деревне натуральных или полунатуральных. В то время как кредитная кооперация и разного рода специальные кооперативы в значительной мере ускоряли процесс вовлечения крестьянина в общее капиталистическое хозяйство страны в качестве активного производителя, потребительная кооперация, также только после 1905 года получившая широкое распространение в среде сельского населения, делая для него более доступными как по цене, так и по продаже на месте, различные промышленные изделия, тем самым привлекала его к участию в товарном обороте в качестве потребителя. Кредитные и специальные кооперативы таким образом давали в руки крестьянину денежные средства в виде кредитуемых или выручаемых при сбыте его продуктов сумм, потребительные кооперативы облегчали ему приобретение предметов хозяйственного обихода и личного потребления. Круг превращения крестьянского хозяйства в хозяйство чисто денежное вместе с этим завершался.

[1]) Чернобровцев, «Александровская и Мызинская молочные артели Судогодского уезда» 1915 г., стр. 300 — 301. Прокопович, стр. 81.

С какой бы стороны мы ни рассматривали жизнь деревни в послереволюционные годы, какое бы из наиболее ярких явлений этой жизни ни сделали предметом своего ближайшего исследования, повсюду, таким образом, мы встречаемся с одним и тем же процессом, процессом коренной ломки старого уклада и перестройки дореволюционной полукрепостнической деревни в направлении буржуазно-капиталистического развития. Тот и другой процесс совершался настолько быстрым и притом все прогрессирующим темпом, что у наблюдателя получается впечатление лавины, долгое время висевшей над пропастью, наконец, подтаявшей и вдруг сорвавшейся и стремительно покатившейся вниз.

А. И. Тюменев.

Последние дни Якобинского Клуба.

(Якобинцы в эпоху реакции [1]).

I.

Девятого Термидора пала диктатура группы мелкой буржуазии, возглавляемой Робеспьером; падение это было результатом коалиции левых якобинцев с умеренными, значительную часть которых составляли элементы, подвергшиеся в ходе революции и в процессе связанных с нею экономических явлений своего рода перерождению. Эти переродившиеся элементы якобинской партии уже не отражали интересов мелкой буржуазии, а являлись выразителями надежд и чаяний новой или, вернее, старой, но возродившейся крупной буржуазии.

Ее возрождение показывало, что все попытки мелко-буржуазных якобинцев создать царство мелко-буржуазного равенства были утопией. Колесо экономического развития повернуть назад было невозможно. Попранная экономика мстила за себя, в этом и заключался смысл событий 9 Термидора. Крупная буржуазия и ее приспешники поняли это и торжествовали по поводу казни Робеспьера. Левая же часть противоробеспьеровской коалиции была уверена, что теперь пришла пора ее власти.

Правда, в момент переворота и непосредственно после него формально власть оказалась в руках представителей левой. Их союзники справа считали необходимым временно сохранять эту иллюзию левых: реакционеры до поры до времени скрывали свое истинное лицо. Но в Конвенте уже поредели ряды монтаньяров, многие из них уже спустились на скамьи Болота. На Горе, некогда кишащей людьми, осталось едва 30 человек патриотов [1]).

Средоточием этих патриотов продолжал оставаться Якобинский Клуб. Его члены находились теперь в очень затруднительном положении. В ночь на 9 Термидора большинство их было на стороне Робеспьера. Теперь следовало, во что бы то ни стало, оправдаться в обвинениях в соучастии с тираном. Протокол заседания от 11 Термидора подчеркивает, что на этом заседании не присутствовали «подлые рабы» и «нахальные заговорщики», добившиеся «наружными добродетелями господства над Обществом». [2]).

Восемнадцатого Термидора якобинцы обратились ко всем филиальным народным обществам с адресом, целью которого являлось отринуть всякие подозрения в сочувствии Робеспьеру. В этом адресе «истинные якобинцы» опять-таки противопоставлялись «заговорщикам». На первом же, происходившем после 9 Термидора, заседании был поднят вопрос о чистке состава Общества. Один из якобинцев, выступив по этому поводу, сказал, что Робеспьер в течение двух последних месяцев ввел в Общество массу своих сторонников, поэтому и надлежит подвергнуть рассмотрению убеждения всех вступивших в Общество за последнее время. Повидимому, эта чистка считалась очень действительным средством для доказательства лойяльности якобинцев новому правительству, ибо к этому вопросу возвращались несколько раз. На одном из первых августовских заседаний для проведения этой чистки была составлена комиссия. Характерно, что в нее вошел, наравне с Леонардом Бурдоном, представитель левого крыла, Дюбуа Крансе, возвращенный в лоно Общества дантонист.

Уже из этого факта видно, что на первых заседаниях Клуба между обеими, составлявшими противоробеспьеровскую коалицию, фракциями царило полное единение. Однако это единодушие про-

---

[1]) Настоящая работа, являясь продолжением напечатанной в № 6 «Вестника Социалистической Академии» — «Фракционной борьбы в Якобинском Клубе», как и эта последняя статья, представляет собою (правда, **сильно сокращенный**) доклад, зачитанный в семинарии по истории Французской Революции, руководимой в Институте Красной Профессуры тов. Лукиным. Для работы использованы в качестве источников: «Протоколы Якобинского клуба», собранные Оляром — «Société de Jacobins», recueil de documents par Aulard, t. VI — в ссылках — VI, газета Монитёр — Réimpression de l'ansien Moniteur t. t. XXI, XXII, в ссылках — «Мо XXI, XXII», Сборник документов «Париж во время реакции» — Aulard «Paris pendant la réaction», в ссылках P.p., «Journal de la liberté de la Presse», имеющиеся №№. Помимо того, в качестве пособий были привлечены Deville «Thermidor et Directoire», в ссылках «Dev.», Луи Блан «История Французской Революции», т. XI, в ссылках ЛБ XI, Олар — «Политич. истор. Франц. Революции», его же — «Очерки и лекции» и другие труды, указанные в самих ссылках.

[1]) Левассер, цит. Луи Бланом, XI, 229.

[2]) VI, 295.

Последние дни Якобинского Клуба.

(Якобинцы в эпоху реакции [1]).

I.

Девятого Термидора пала диктатура группы мелкой буржуазии, возглавляемой Робеспьером; падение это было результатом коалиции левых якобинцев с умеренными, значительную часть которых составляли элементы, подвергшиеся в ходе революции и в процессе связанных с нею экономических явлений своего рода перерождению. Эти переродившиеся элементы якобинской партии уже не отражали интересов мелкой буржуазии, а являлись выразителями надежд и чаяний новой или, вернее, старой, но возродившейся крупной буржуазии.

Ее возрождение показывало, что все попытки мелко-буржуазных якобинцев создать царство мелко-буржуазного равенства были утопией. Колесо экономического развития повернуть назад было невозможно. Попранная экономика мстила за себя, в этом и заключался смысл событий 9 Термидора. Крупная буржуазия и ее приспешники поняли это и торжествовали по поводу казни Робеспьера. Левая же часть противоробеспьеровской коалиции была уверена, что теперь пришла пора ее власти.

Правда, в момент переворота и непосредственно после него формально власть оказалась в руках представителей левой. Их союзники справа считали необходимым временно сохранять эту иллюзию левых: реакционеры до поры до времени скрывали свое истинное лицо. Но в Конвенте уже поредели ряды монтаньяров, многие из них уже спустились на скамьи Болота. На Горе, некогда кишащей людьми, осталось едва 30 человек патриотов [1]).

Средоточием этих патриотов продолжал оставаться Якобинский Клуб. Его члены находились теперь в очень затруднительном положении. В ночь на 9 Термидора большинство их было на стороне Робеспьера. Теперь следовало, во что бы то ни стало, оправдаться в обвинениях в соучастии с тираном. Протокол заседания от 11 Термидора подчеркивает, что на этом заседании не присутствовали «подлые рабы» и «нахальные заговорщики», добившиеся «наружными добродетелями господства над Обществом». [2]).

Восемнадцатого Термидора якобинцы обратились ко всем филиальным народным обществам с адресом, целью которого являлось отринуть всякие подозрения в сочувствии Робеспьеру. В этом адресе «истинные якобинцы» опять-таки противопоставлялись «заговорщикам». На первом же, происходившем после 9 Термидора, заседании был поднят вопрос о чистке состава Общества. Один из якобинцев, выступив по этому поводу, сказал, что Робеспьер в течение двух последних месяцев ввел в Общество массу своих сторонников, поэтому и надлежит подвергнуть рассмотрению убеждения всех вступивших в Общество за последнее время. Повидимому, эта чистка считалась очень действительным средством для доказательства лойяльности якобинцев новому правительству, ибо к этому вопросу возвращались несколько раз. На одном из первых августовских заседаний для проведения этой чистки была составлена комиссия. Характерно, что в нее вошел, наравне с Леонардом Бурдоном, представитель левого крыла, Дюбуа Крансе, возвращенный в лоно Общества дантонист.

Уже из этого факта видно, что на первых заседаниях Клуба между обеими, составлявшими противоробеспьеровскую коалицию, фракциями царило полное единение. Однако это единодушие про-

---

[1]) Настоящая работа, являясь продолжением напечатанной в № 6 «Вестника Социалистической Академии» — «Фракционной борьбы в Якобинском Клубе», как и эта последняя статья, представляет собою (правда, **сильно сокращенный**) доклад, зачитанный в семинарии по истории Французской Революции, руководимой в Институте Красной Профессуры тов. Лукиным. Для работы использованы в качестве источников: «Протоколы Якобинского клуба», собранные Оляром — «Société de Jacobins», recueil de documents par Aulard, t. VI — в ссылках — VI, газета Монитёр — Réimpression de l'ansien Moniteur t. t. XXI, XXII, в ссылках — «Мо XXI, XXII», Сборник документов «Париж во время реакции» — Aulard «Paris pendant la réaction», в ссылках P.p., «Journal de la liberté de la Presse», имеющиеся №№. Помимо того, в качестве пособий были привлечены Deville «Thermidor et Directoire», в ссылках «Dev.», Луи Блан «История Французской Революции», т. XI, в ссылках ЛБ XI, Олар — «Политич. истор. Франц. Революции», его же — «Очерки и лекции» и другие труды, указанные в самих ссылках.

[1]) Левассер, цит. Луи Бланом, XI, 229.

[2]) VI, 295.

держалось очень недолго. Уже на третьем заседании обнаружились разногласия, предвестники будущей жестокой борьбы. Столкновение произошло между Бурдоном и уцелевшим, благодаря предательству, дантонистом Лежандром. Последний протестовал против предложения Бурдона оказать юридическую помощь некоторым. якобы несправедливо заключенным, гражданам Орлеана. Протестовал же Лежандр против предложения Бурдона потому, что орлеанцы в свое время проявили себя как сторонники левого крыла якобинцев [1]).

А вскоре в Клубе начали опять звучать зловещие и предостерегающие речи. «Обществу нужно избегать двух рифов,—говорил Бантаболь, — аристократии и прежних соучастников тиранов» [2]). Через несколько дней в Клубе вновь заговорили об опасностях модерантизма, а 11 августа Шаль сообщил о начавшихся преследованиях патриотов [3]).

Реакция поднимала голову. Из провинции начали приходить дурные вести: патриотов преследуют, «народные общества наполняются мюскаденами и контр-революционерами»... Истинный смысл событий 9 Термидора начал обнаруживаться. Друзья революции— патриоты подвергались гонениям, напротив, ее недруги, аристократы и контр-революционеры, начали массами освобождаться из тюрем.

В конце августа якобинец Мор горько жаловался на это обстоятельство: «Открывают тюрьмы,—говорил он,—для того, чтобы позволить выйти из них графам, герцогам и другим знатным...» [4]).

В Конвенте несколько умеренных депутатов, принимавших деятельное участие в свержении Робеспьера, в их числе Фуше, потребовали освобождения новых категорий государственных преступников. Аналогичные известия относительно освобождения аристократов поступали из провинциальных народных обществ.

В этих обстоятельствах правые решили рассчитаться со своими бывшими союзниками. Двадцатого августа Лекуантр выступил в Конвенте с обвинениями против прежних комитетов Безопасности и Общественного Спасения... Но время решительного удара еще не пришло; после долгих чрезвычайно бурных прений, Конвент «отклонил с величайшим негодованием обвинение Лекуантра». Повидимому, многие из новоявленных реакционеров опасались, как бы падение членов бывшего правительства не увлекло бы за собой и их самих: слишком малый срок отделяет настоящий момент от эпохи сотрудничества их с этим правительством.

[1]) VI, 308 — 311.
[2]) VI, 337 — 338.
[3]) VI, 357.
[4]) VI, 372 — 373.

Париж был сильно взволнован всеми этими событиями [1]). В Якобинском же Клубе они вызвали целую бурю. На заседании, происходившем в день выступления Лекуантра, Каррье прямо указал на Тальена, главу правых, как на инициатора этого выступления. Дюгэм, изгнанный в свое время Робеспьером за левизну своих воззрений, считал, что Тальен действовал заодно с Фрероном и Дюбуа Карнсэ, и что Лекуантр выступил по их наущению [2]).

Было решено, что Тальен и Лекуантр явятся для дачи об'яснений, однако, Лекуантр прислал очень резкое письмо, в котором заявлял, что не считает преступлением перед Обществом свои выступления в качестве члена народного представительства. Гнев якобинцев не поддавался описанию. Дюкенуа заклинал патриотов не обращать взор назад и уничтожать без сожаления врагов общественного блага, Фейо требовал, чтобы мечи не были вложены в ножны, ибо «сохранились еще аристократы, подлежащие уничтожению»... [3]).

II.

Реакция, начавшая свое наступление, желала устранить со своего пути все препятствия,—таковым для нее являлись террористические мероприятия, установленные для борьбы с контр-революцией в эпоху якобинской диктатуры. В числе этих мероприятий не последнее место занимало стеснение свободы прессы. Именно поэтому 2 Фруктидора Тальен с конвентской трибуны потребовал— «свободы прессы или смерти» [4]).

Таким путем создалось положение, при котором якобинцы-демократы [5]) казались противниками проведения, казалось бы, такого демократического мероприятия, как восстановление свободы печатного слова.

[1]) P.p. I, 66 — 69.
[2]) VI, 396 — 398.
[3]) VI, 402 — 405.
[4]) О л а р, 573.
[5]) Во избежание недоразумения следует заметить, что демократами якобинцы могут быть названы здесь только условно: демократию они признавали, так сказать, в потенции, отстаивая для настоящего момента диктатуру и революционное правительство; как мы увидим ниже, существовали группы, требовавшие немедленного осуществления демократии.

Вопрос о восстановлении свободы прессы сильно волновал Якобинский Клуб. Сторонники восстановления этой свободы очень умело скрывали контр-революционную сущность своих стремлений. Реаль говорил, что свобода прессы — единственная гарантия против произвола властей и возрождающегося модерантизма, Ликинио уверял, что во всякой стране, в которой не существует свободы прессы, «существует только дикость, тираны и рабы...» [1]).

Даже посетители трибун были вовлечены в эти прения. Один из них в письменном докладе доказывал необходимость свободы прессы при всяком республиканском правительстве и ее упадок при тирании [2]).

Все эти выступления были лишь прелюдией к большому выступлению главы правых термидорианцев Тальена. Он в своей речи заявил, что вопрос о свободе прессы имеет такую важность, что не одобрив полностью лозунга «свобода прессы или смерть», якобинцы останутся «низкими рабами капризов тиранических настроений духа первого встречного, облеченного властью». «Никогда,—с пафосом восклицал он,—свобода не может существовать в стране, в которой можно замкнуть все уста, сломать все перья, сковать самую мысль...» — «Якобинцы, могут — заявлял он далее, — воздвигнуть себе бессмертный памятник: таковым будет для них восстановление во всей полноте права свободного выражения мысли..»

Противники свободы прессы находили, что она уже существует на основании Декларации Прав и что поэтому вопрос этот не подлежит никакому обсуждению. Единомышленники же Тальена возражали им на это, что в данном случае вопрос идет о гарантии пользования этим правом. Ряд новых выступлений защитников свободы печати вызвал и их противников на более решительные речи: Карраф заявил, что патриоты не нуждаются в свободе прессы, ибо у них есть право обращения к оружию против всех притеснителей, Изорэ сказал, что свобода прессы явится поощрением для аристократов к нападению на принципы революции, и что по этим причинам эта свобода должна быть оставлена в том положении, в каком она находится сейчас, и, наконец, Дюгэм высказал ту мысль, что свобода прессы способна погубить Республику [3]).

В начале сентября спор по вопросу о свободе прессы возобновился с новой силой. Об'яснялось это тем, что контр-революционность правых термидорианцев уже нашла свое яркое проявление в выступлении Лекуантра и что главари реакционной клики, Фрерон и Тальен, были исключены из состава Общества. Поэтому-то теперь Лакомб, один из самых решительных демократов, напал на всех тех, кто при обсуждении вопроса о свободе прессы держался нерешительно и двусмысленно. Лакомб отстаивал мысль о разрушительности свободы печати для революционного порядка. Дюфрень находил, что Лекуантр, писавший против Конвента и Республики, воспользовался именно свободой письменного выражения мысли. В результате всех этих бурных прений, среди которых имело место исключение из состава Общества одного из сторонников свободы прессы Лаво, была принята резолюция: «Свобода прессы существует постольку, поскольку она допустима, согласно Декларации Прав. Всякая иная постановка вопроса должна быть отложена впредь до окончания революционной войны» [1]).

Высказываясь против восстановления свободы прессы, якобинцы проявляли совершенно правильное понимание событий: при создавшемся положении вещей свобода печати могла быть полезна только их противникам. «Журналисты-анти-демократы, — говорит Олар,—сильные своей численностью и поддерживаемые общественным мнением... нападали сначала на террор, потом на революционное правительство и наконец, на самые принципы революции» [2]).

Вопрос о свободе прессы волновал и все население Парижа: отчеты полицейских инспекторов [3]) часто сообщают о возникавших в общественных местах свалках и драках «из-за разницы во взглядах на свободу прессы». Как противники якобинцев использовали эту, захваченную явочным порядком, свободу, видно из того, что ими выбрасывалась в публику масса самых злостных памфлетов с заглавиями вроде следующих: «Якобинцы без масок», «Якобинцы—убежденные лицемеры», «Война не на живот, а на смерть против всех убийц» и т. д. [4]).

Реакционные газеты занимались печатанием всяких небылиц об якобинцах, а одна из них — «Патриотическая Летопись» — специализировалась на фальсифицировании протоколов Клуба [5]).

---

[1]) VI, 342, 322.
[2]) VI, 348.
[3]) VI, 357 — 363, 393 — 394.

[1]) VI, 419 — 422.
[2]) Олар. 573 — 574.
[3]) В собрании документов под заглавием «Париж в эпоху реакции», Олар поместил вместе с отрывками газет и театральных афиш и отчеты полицейских инспекторов.
[4]) P. p. I, 95, 106, 101, 153.
[5]) VI, примеч. к стр. 630, 634.

Стеснение свободы прессы было лишь одним из мероприятий системы террористического режима. Правые термидорианцы выступили и против других проявлений этого режима, не потому, конечно, что они были противниками этого режима вообще, а потому, что теперь они опирались на те слои населения, на которые этот режим падал всею своею тяжестью. Как мы знаем, левые в массовом освобождении заключенных из тюрем видели угрозу революции, правые же таким путем создавали себе кадры надежных союзников.

Хотя переворот 9 Термидора совершался левыми совсем не с целью ослабления террора, но по совершении этого переворота, союзники справа оказались сильнее их и теперь террористические мероприятия начали отменяться одно за другим: 10 Термидора упразднили народные комиссии, 1 августа отменили закон 22 Прериаля и отстранили от должности обвинителя Фукье-Тенвиля, 5 августа ослабили законы о подозрительных, 10 августа преобразовали Революционный Трибунал, 4 сентября отменили наиболее суровые законы против дворян и эмигрантов [1]).

Реакционеры торжествовали. Умеренные и правые газеты восторженно приводили на своих страницах число освобожденных из тюрем граждан, нарочито расписывали трогательные сцены, происходившие при выходе их из тюрем... Героем всех этих событий правые газеты делали Тальена. В газетах трогательно рассказывалось, как этот вождь реакции открывал ворота тюрем, освобождал заключенных и утешал остающихся в тюрьмах [2]).

В самом Клубе правые применили такую тактику. В середине августа на одном заседании выступил Реаль и с самым невинным видом начал описывать ужасы, творящиеся в тюрьмах, и хотя некоторые якобинцы и требовали «прекращения возмутительных описаний», Лежандр настаивал на продолжении Реалем его рассказа. Реаль на трибуне был сменен перешедшим в лагерь реакции Дюфурни, описывавшим ужасы тюрьмы Карм [3]).

На следующих заседаниях нападки на террористический режим продолжались. Реакционеры получили отповедь лишь тогда, когда в Конвенте, как мы уже об этом знаем, был поднят некоторыми депутатами вопрос об освобождении новых групп заключенных. С негодующей речью выступил Мор. Он сравнил революцию «с дорогой, по которой должна катиться колесница революционного правительства». «Если эта колесница,—говорил Мор,—встречает препятствия, задерживающие ее движение, будет совершенно правильно, разумно и справедливо устранить эти препятствия, т.-е. сделать дорогу гладкой, удобной и проходимой»...

Другой оратор, заканчивая свое пламенное в защиту террора выступление, воскликнул: «Никакой гуманности, никакого милосердия по отношению к врагам народа!» [1]).

На другой день якобинская депутация предстала перед решеткой Конвента. Оратор этой депутации в весьма осторожных выражениях указал на то обстоятельство, что каким-то образом вместе с людьми невинными, освобождаемыми из тюрем, свободу получили и аристократы, использующие эту свободу для составления новых заговоров. Оратор просил опубликования списка освобождаемых. Его речь была прервана ропотом на скамьях правых, а Конвент, отклонив предложение о напечатании этой речи в «Бюллетени», голосовал простой переход к очередным делам [2]).

После выявления такого отношения к требованиям якобинцев, после выступления Лекуантра им стало ясно, что подкоп ведется под самую идею революционного правительства, поэтому, выступая по поводу гренельского взрыва, Дюперре подчеркнул, что именно «под властью революционного правительства, на которое теперь так много клевещут, французы сделались друзьями и братьями» [3])...

По этим-то именно причинам вопрос о свободе прессы, как мы видели, и породил столь ожесточенную борьбу. Третьего сентября некоторые члены Общества потребовали, чтобы все дела были отложены и чтобы Общество занялось рассмотрением поведения Тальена. Выступил Луа и заговорил о новой партии, ведущей борьбу против самого Конвента. Он уверял, что во главе этой партии стоят Тальен, Лекуантр и их клика. Лакомб сравнивал настоящее положение вещей с эпохой бриссотинцев, Каррье находил, что Тальен и Лекуантр находятся в заговоре против революции...

Тальен выступил с оправдательной речью. Он говорил, что желал уничтожения лишь наиболее жестоких форм революционного правительства, что он оттоваривал Лекуантра от выступления; закончил он заявлением, что, если Общество изгонит его из своей среды, он уйдет в Конвент, чтобы там продолжать борьбу против фракций и интриганов.

---

[1]) Олар, 571 — 573; Л. Б. XI, 251; P. p. 25.
[2]) P. p. I, 25, 153, 27.
[3]) VI, 341 — 346

[1]) VI, 372 — 376.
[2]) VI, 378 — 379.
[3]) VI, 406.

Приблизительно то же самое говорил и Фрерон. «Террор,—говорил он,—был величайшим средством, которым пользовался Робеспьер, но разве восстановление террора — требование справедливости?..»

Однако собрание, не приняв оправданий, исключило и Фрерона, и Тальена из состава Общества. Оба изгнанных, выйдя из собрания, бросились друг другу в об'ятия, при чем якобинцы по этому поводу кричали: «Вот в каком согласии друг с другом находятся заговорщики» [1]).

После удаления вождей реакции из состава Общества, якобинцы оказались в явно враждебных отношениях с Конвентом, большинство которого было явно реакционным. Именно теперь на голову якобинцев, как из рога изобилия, сыплется целый дождь злостных клевет и измышлений. Сами якобинцы писали по этому поводу в одном из направляемых в провинцию посланий: «Поцелуй, которым обменялись по выходе из Клуба изгнанные, был как бы сигналом к об'явлению войны. Именно с этого момента берут свое начало пасквильные брошюры, афиши, газеты... Это исключение было истолковано как удар по национальному представительству [2]).

Но и клеветы и памфлеты были лишь артиллерийской подготовкой к главной атаке на Якобинский Клуб, бывший как бы бельмом на глазу реакционеров. Чтобы нанести якобинцам последний удар, надо было лишить их союзников, порвать все их связи с обществами провинции и Парижа, затем необходимо было дискредитировать в глазах публики отдельных членов Клуба, а в их лице и все Общество. В развитии всех этих обстоятельств и заключался смысл дальнейшей борьбы между якобинцами и продолжающей наступать реакцией.

Одно время казалось, что звезда якобинцев восходит вновь, что они опять добьются восстановления своего влияния в Конвенте, но это был только временный успех, только колебание политического маятника. В общем же реакция продолжала свое наступление, правда, временами то более быстрое, то замедленное...

III.

Реакция продолжала захватывать новые и новые позиции. На одном из первых сентябрьских заседаний Общества был зачитан ряд адресов из провинции. «Все эти адреса,—говорит протокол,—рисуют картину угнетения патриотов реакционерами, угнетения, последовавшего за событиями 9 и 10 Термидора».

[1]) VI, 412 — 417.
[2]) VI, 519.

Взволнованные такими известиями якобинцы решили вновь обратиться в Конвент с адресом, который бы представил вниманию законодателей картину зол, раздирающих Республику. «Набат свободы,—говорил по этому поводу Буэн,—звучит по всей стране. Необходимо, чтобы Общество в энергичном адресе нарисовало Конвенту картину несчастий, обрушившихся на патриотов» [1]).

Несмотря на то, что совсем недавно одно ходатайство якобинцев перед конвентом потерпело полное фиаско, они решили отправить новую депутацию.

Одиннадцатого октября депутация якобинцев вновь появилась перед решеткой Конвента. «Законодатели,—сказал оратор депутации,—крик горя доносится со всех концов Республики, это голос угнетаемых патриотов, патриотов, брошенных в тюрьмы, из которых только что вышли аристократы... Кто эти люди, сделавшиеся об'ектом возмездия новой тирании с момента смерти прежнего тирана?.. Все они—истинные санкюлоты, кормящие своими трудами семьи, столь же бедные, как и неподкупные...» Адрес заканчивался уверением, что республиканцы или будут защищать права народа или умрут около законодателей. В общем же адрес требовал точного применения закона о подозрительных.

На этот раз депутация якобинцев была принята Конвентом более, чем благосклонно. Посреди оживленных аплодисментов, она выступила на середину залы. Было вынесено постановление о напечатании адреса в «Бюллетени» и о передаче его для разработки соответствующих мероприятий комитетам [2]).

Такой прием, оказанный якобинской депутации, еще столь недавно отвергнутой, может быть об'яснен только тактическими соображениями, которыми руководилось реакционное большинство Конвента. Что дело обстояло именно так, видно из того, что предложение о передаче адреса комитетам для разработки соответствующих мероприятий, было внесено злейшим врагом якобинцев Мерленом из Тионвилля. Такое поведение правых об'яснялось борьбой, которую Конвент вел в это время против низов демократии, возглавляемых избирательным клубом (Club Electoral). Конвент нуждался для этой борьбы или в помощи или, по крайней мере, в нейтралитете якобинцев. И действительно, в день посещения депутацией якобинцев Конвента вожди электоральцев Ру и Бодсон были брошены в тюрьму. Повидимому, по тем же тактическим соображениям Конвент

[1]) VI, 434 — 435.
[2]) VI, 448 — 451.

декретировал 12 сентября перенесение в Пантеон праха «Друга народа».

И сами якобинцы понимали, что их успех носит временный характер. Уже через 3 дня после посещения их депутации Конвента с трибуны Клуба вновь зазвучали зловещие и предостерегающие речи. Дождь памфлетной клеветы продолжался, газета Фрерона говорила, что покушение на Тальена (а такое действительно имело место) — дело рук переменивших свое название робеспьеровцев. Якобинцев теперь не называли иначе, как «хвост Робеспьера». — «Защищай свой хвост» назывался один выпущенный против них памфлет, «Отрежьте ему хвост» был озаглавлен другой и т. д. [1]).

Для того, чтобы укрепить свое положение, якобинцы задумали организовать своего рода демонстрацию: 17 сентября в их Клубе появились депутации шести дружественных им секций. Выступления ораторов этих депутаций были сплошным гимном якобинцам. Один из ораторов выражал удивление их доблести, другой рассказывал о сожжении его секцией противоякобинских памфлетов, третий говорил, что именно теперь, когда аристократы всех оттенков нападают на якобинцев, обязанность всех санкюлотов присоединиться к якобинцам. Один оратор, кроме того, упоминал и о народных обществах вообще, как о единственной опоре Конвента, являющегося центром об'единения патриотов. Большинство ораторов засвидетельствовали свое присоединение к мыслям, высказанным в адресах народных обществ Гренобля и Дижона. В последнем адресе дижонцы ополчались против модерантизма, жаловались на освобождение аристократов, требовали учреждения новых революционных комитетов и настаивали на стеснении свободы прессы. Адрес Гренобля предлагал ряд культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских мероприятий [2]).

Помимо того, ораторы секций в своих выступлениях передали ряд интересных сведений об ожесточенной борьбе, ареной которой являлись секции в это время. Из слов одного оратора было видно, что враги якобинцев, ведя против них ожесточенную борьбу, прибегали к срыву обсуждения благоприятных для якобинцев резолюций, старались контрабандой прочитать на собраниях секций противоякобинские памфлеты и т. д. [3]).

[1]) P. p., I, 94 — 99.
[2]) VI, 417, 452.
[3]) VI, 474 — 479.

Никакого практического значения эта произведенная якобинцами манифестация не имела: уже на другой день в Пале-Рояле снова произошли анти-якобинские демонстрации, о чем и докладывалось на заседании Общества [1]).

На этом же заседании было решено обратиться ко всем народным обществам провинции с адресом, в котором должно было говориться, что «народные общества доставили всей Республике и всему миру образец преданности гражданской добродетели...» Из этого адреса, из речей ораторов секционных депутаций да и из самого появления этих депутаций видно, что теперь якобинцы, чувствуя себя под ударами реакции, усиленно искали опоры себе в секционных и провинциальных народных обществах.

Одна реакционная газета как раз в это время писала: «Продолжатели Робеспьера—рыцари гильотины, лионские расстрельщики, любители потоплений агитируют в секциях с большой энергией» [2]).

В середине сентября Рессон на одном заседании заявил, что Комитет Корреспонденции не справляется с массой получаемых из провинций писем, с другой стороны, к этому же времени можно заметить необычайное увеличение числа отправляемых в провинциальные народные общества циркулярных писем, адресов и перепечаток протоколов.

Словом, очевидно, якобинцы теперь пытались связаться с теми демократическими организациями, для разложения и бюрократизации которых они в свое время сделали не мало [3]).

Все чаще и чаще на заседаниях Общества звучат похвалы народным обществам. Крассу жаловался на врагов революции, желающих уничтожения этих обществ, Бурдон заявлял, что Общество якобинцев, как и другие народные общества, имеет своей целью обсуждение вопросов общественного блага [4]).

В первых числах октября в Клубе вновь появились депутации пяти секций. В этот день несколько враждебных якобинцам секций через свои депутации сделали в Конвенте ряд декларативных заявлений, при чем Конвент постановил адрес реакционной секции Тампля отпечатать в «Бюллетени», якобинская же секция Пик была встречена им весьма холодно, и ее обращение по поводу наводняющих Париж памфлетов было попросту передано комитетам [5]).

[1]) VI, 496, 491 — 493.
[2]) P. p., 104.
[3]) VI, 14, 121 — 125.
[4]) VI, 444, 495 — 496.
[5]) Mo. XXII, 134 — 135.

В ответ на эти демонстративные выступления врагов и в ответ на благосклонность, проявленную по отношению к ним Конвентом, и была организована новая манифестация в Клубе. Депутаты секций опять восхваляли доблести якобинцев и народных обществ, а также изъявили свою полную лойяльность Конвенту [1]).

Мы видим, что якобинцы очень хорошо знали, где им искать союзников, но их враги еще лучше знали, как их этих союзников лишить. Еще 21 августа было сокращено число секционных заседаний и отменено вознаграждение за их посещение. Грозные для контр-революционеров революционные комитеты секций были сокращены в числе в 4 раза и заполнены агентами, верными правительству. Новые комитеты сразу заняли позицию, враждебную якобинцам. По этому поводу на заседаниях Общества раздавались жалобы и даже было решено обратиться с соответствующим адресом к Конвенту [2]).

Так обстояло дело с изоляцией якобинцев от их парижских союзников, что же касается союзников из провинции, то здесь для разрыва связи между ними и якобинцами подготовляли весьма решительный удар.

В начале октября в Конвенте был поставлен вопрос о необходимости запретить должностным лицам и депутатам вступать в народные общества. Выступивший по этому поводу Пелле мотивировал это предложение тем, что в Конвенте нельзя допускать существования двух партий, каковые неизбежно будут существовать, поскольку часть депутатов будет состоять членами Якобинского Клуба. «Как только некоторые наши товарищи пошли к якобинцам, — говорил оратор, — тотчас же среди нас возникли разногласия и раздоры. Возможно ли, чтобы Конвент не попытался нанести удар в ответ на то, что делают якобинцы?». «Я требую, — закончил он, — запрещения членам Конвента состоять в каком-либо обществе». Тюрио говорил, что Якобинский Клуб наполнен или чиновниками, боящимися разоблачений и старающимися в свою очередь кого-либо разоблачать, или ворами, боящимися раскрытия своих воровских проделок. Дюбуа Крансе говорил, что соучастники Робеспьера до сих пор наполняют Общество, что там находятся члены бывших революционных комитетов, являвшихся орудием тирана, и что чистка, якобы произведенная среди членов Общества, носила фиктивный характер.

[1]) VI, 533 — 536.
[2]) VI, 529 — 532.

С защитой якобинцев выступил Крассу. Он высказывал ту мысль, что в народных и секционных обществах занимаются важнейшими интересами государства. «Неужели,—вопрошал он,—есть что-нибудь преступное в том, что мы по окончании заседания Конвента идем в поисках истины к своим братьям?» [1]).

Негодующие якобинцы посвятили обсуждению этих выступлений несколько заседаний. Дюваль произнес речь, которую постановили напечатать и разослать по народным обществам. Он сравнивал происходящее в данный момент с временами Бриссо и Шапелье и заявил, что желать дезорганизации народных обществ значит нападать на признанный Декларацией принцип и подрывать основы свободы. Крассу полагал, что теперь реакционеры ставят вопрос не столько о запрещении депутатам быть членами народных обществ, сколько об очищении этих обществ от неудобных лиц и о заполнении их покорными «наблюдателями» событий. «Народные общества,—закончил он,—принадлежат самим себе, их существование покоится на Декларации Прав и, как и эта последняя, они неуничтожимы» [2]).

Но все произносимые в Якобинском Клубе тирады, сколь пламенны они ни были, не могли задержать катящейся вперед и растущей по мере своего движения, как снежный ком, реакции...

Уже 10 октября Рессон снова бьет тревогу: «Все улицы Парижа оглашаются клеветами против нас,—восклицает он,—повсюду нас притесняют: если мы говорим — нас заключают в тюрьмы, если мы молчим — нам ставят в вину наше молчание. Враги общественности хотят подрезать ствол, чтобы погубить все дерево, они хотят поразить якобинцев, ибо якобинцы — пункт об'единения народных обществ...»

Затем выступил Дютем, он пламенной речью призывал к изгнанию врагов революции из пределов Франции и воздал хвалу добродетелям народа. «Добродетель, — говорил он, — пребывает в народе, армии начали торжествовать над врагами тогда, когда простые капралы и сержанты сделались генералами; с того момента, как во главе всех дел поставили санкюлотов, дела пошли хорошо». И Дютем вновь предлагал обратиться к Конвенту с просьбой о поддержании системы устрашения преступников и очищения страны от негодяев и контр-революционеров [3]).

[1]) VI, 537 — 543.
[2]) VI, 550 — 556.
[3]) VI, 560 — 564.

Конечно, такие речи были совершенно бесплодны. Призывать к усилению террора против контр-революционеров не имело никакого смысла, ибо Конвент был против не только усиления его, но и против удержания его на прежнем уровне. И Дюгем, как член Конвента, должен был знать это лучше других. С другой стороны, все демократические излияния Дюгема совсем не указывали на то, что якобинцы действительно были готовы протянуть руку союза и помощи тем революционным и демократическим организациям, которые вели одновременно с ними борьбу против Конвента. Незадолго перед этим якобинцы очень холодно встретили депутацию Избирательного Клуба, того клуба, в котором гремели речи Бабефа, Бодсона и Варле, и который своими истинно-демократическими петициями доставлял конвентскому большинству не мало хлопот. И вот, когда 8 октября депутация этого Клуба явилась к якобинцам с жалобой на то, что его петиция о восстановлении муниципальных властей отвергнута Конвентом, якобинцы, заслушав адрес, голосовали простой переход к очередным делам. Напрасно Фейо пытался уверять, что и якобинцы, и электоральцы исповедуют одни и те же принципы [1]).

А между тем, именно теперь был необходим единый демократический фронт—враги якобинцев подготовляли против них новые решительные мероприятия... Как реакционеры использовали вражду двух демократических фракций, видно из адреса к Французскому Народу, принятому Конвентом 9 октября.

Этим адресом правые термидорианцы наносили одновременные удары и электоранцам и якобинцам. О последних говорилось, что они, «эти исключительные патриоты, вечно говорящие о крови и эшафотах, боятся справедливости и хотят найти ее в замешательстве и анархии».

Против сподвижников Бабефа, против сторонников Варлэ были направлены заявления адреса о том, что революционное правительство впредь будет существовать, «вопреки тем, кто ради осуществления своих подлых надежд требует правительства конституционного... кто говорит о правах народа...». «Собственность,—декларировали авторы адреса, — должна быть священной, нам чужды системы, продиктованные безнравственностью и леностью, системы, снисходительные к грабежу [2]).

---

[1]) VI, 558 — 559.
[2]) Mo XXII 200 — 201.

Вскоре после этого конвентское большинство нанесло Якобинскому Клубу, а также и другим народным обществам удар, от которого им не суждено было оправиться. Шестнадцатого октября (25 Вандемьера) был принят декрет, стесняющий деятельность народных обществ, разрушающий имеющиеся между ними связи и лишающий их одного направляющего всю их деятельность центра.

Принятию декрета предшествовали ожесточенные прения, в процессе которых реакционеры не стесняясь высказывали свои дышащие ненавистью к демократии и революции мысли, прикрываясь лишь для вида трафаретными фразами о «правах человека», «представительном правлении» и т. д. Выступали все корифеи реакции: Пелле, Мерлен, Бурдон из Уазы, Ревбель, Дюбуа Крансе. Во время этих прений Конвент весь в целом, за исключением кучки якобинцев, показал себя реакционным: выступления депутатов-якобинцев прерывались возгласами и шумом, а все выпады правых против них встречались восторженными аплодисментами.

Ревбель приписывал народным обществам всевозможные преступления. По его словам, члены этих обществ наводнили всю страну кровью и создали повсюду инквизиционные учреждения. Бантаболь говорил, что Конвент не должен терпеть рядом с собой существование второго центра, затемняющего общественное мнение и лишающего народное представительство авторитета. Бурдон из Уазы сравнивал народные общества с монашескими общинами и называл их наиболее прочно организованными аристократиями. «Народные общества,—говорил он,—заражены присутствием в них людей, неизвестных в 1789 г., людей, желающих только грабежа, беспорядка и убийств...»

Левые защищались далеко не так энергично, как этого бы следовало ожидать. Лучшие их ораторы молчали. Удачнее других выступал Дю-Барран. Он доказывал, что запрещение об'единений и сношений обществ друг с другом, как это предполагалось в новом декрете, нанесет удар принципу, которому все присягали, принципу—«единства и неделимости Республики». Ведь, именно благодаря сношению обществ друг с другом этот принцип восторжествовал в тяжелую пору 1793 года.

По окончании речи Дю-Баррана, Дюбуа Крансе выступил с предложением о том, чтобы ораторы впредь держались в рамках обсуждаемого декрета, а не занимались бы пропагандированием ложной идеи о чьем-то желании разрушить народные общества.

В последний момент Ромм попытался спасти положение, указав на необходимость предварительного тщательного обсуждения декрета. С суровой отповедью ему выступил Мерлен из Тионвилля, указавший на то, что декрет достаточно обдуман вносящими его Комитетами. После этой речи был проголосован и принят первый пункт декрета, а затем и остальные «среди самых оживленных аплодисментов, возобновляющихся по мере принятия каждого нового пункта» [1]).

Что же представлял собою этот новый, принятый после столь ожесточенной борьбы декрет? Пункт первый его запрещал, как нечто потрясающее правительство и враждебное единству республики, всякие об'единения народных обществ, а также и переписку их друг с другом от коллективного имени. Пункт второй запрещал подачу коллективных петиций, которые отныне должны были подписываться индивидуально. Третьим пунктом властям запрещалось какое бы то ни было обсуждение таких коллективно-поданных петиций. Пункт четвертый грозил арестом лицам, подписавшим в качестве председателя и секретаря коллективную петицию. Пункты с пятого по девятый ставили народные общества под строжайший надзор и контроль правительственных органов: полный список всех членов общества с сообщением о них самых подробных сведений должен быть вывешен на видном месте и отправлен в копиях представителям власти — национальным агентам — дистрикта и коммуны. Пункт последний грозил арестом всем препятствующим выполнению любого из пунктов данного декрета [2]).

Как мы видим, новый декрет сводил на-нет всякое значение народных обществ, превращая их членов в подлинных «наблюдателей», но никак не участников событий. С момента его издания общества теряли всякую связь друг с другом, теряли всякое руководство и направление их деятельности из единого центра — Якобинского Клуба—и, наконец, они оказывались предоставленными самому грубому произволу со стороны агентов враждебного им правительства. Словом, и правым термидорианцам было из-за чего стараться, добиваясь скорейшего принятия этого декрета, и левым — было из-за чего протестовать, добиваясь его отсрочки...

Что касается этих последних, то скорее приходится удивляться недостаточной энергичности их сопротивления: ведь, этот декрет,

[1]) Mo, XXII 255 — 260.
[2]) VI, 570 — 571.

давая в руки их противников такое могучее средство борьбы, отнимал у левых последний оплот в их борьбе против реакции.

На ближайшем заседании Якобинского Клуба отдельными членами Общества был предложен ряд мероприятий, которые бы помогли сноситься с провинциальными союзниками в обход нового закона. Гужон произнес горячую речь, в которой говорил, что новый закон приведет участников реакционной клики на эшафот и доставит торжество честным людям... «Пусть народные общества помнят, — восклицал он, — что аристократы собираются их уничтожить и что теперь, когда борьба между преступлением и добродетелью началась, хитрые интриги людей, желающих господства одного миллиона бездельников над двадцатью пятью миллионами трудолюбивых и полезных граждан, будут сведены на-нет»... Фейо давал запоздалую отповедь обвинителям народных обществ: «напрасно, — говорил он, — народные общества трактуют как учреждения монашеские и аристократические; те, кто говорят так, сами боятся народных обществ—этого ока народа, разоблачающего отклоняющихся от стези свободы» [1]).

Официально роковой декрет был зачитан на заседании общества 18 октября. Газета «Патриотическая Летопись» сообщала, что после прочтения этого декрета в зале «водворилась грустная тишина, и у многих на глазах навернулись слезы».

Лишенное связи с другими обществами, для которых оно было центром, лишенное возможности коллективно выступать, оказывая таким образом воздействие на дела и события, Якобинское Общество этим путем, помимо своей воли, было низведено до роли простого клуба для совместных обсуждений событий текущего момента, для заслушания речей и дискуссий на те или иные темы.

IV.

Якобинский Клуб, будучи низведенным до положения простого дискуссионного клуба, продолжал оставаться для своих врагов страшным. Ведь он все еще являлся агитационным центром, он все еще мог путем какого-нибудь обхода декрета (о чем якобинцы много думали) вновь наладить порванные связи между ним и его союзниками. Поэтому было совершенно необходимо его окончательно уничтожить, однако, предварительно следовало дискредитировать в глазах общества его отдельных членов. Здесь большую

[1]) VI, 588 — 594.

роль должен был сыграть процесс Нантского Революционного Комитета и его главы — Каррье.

Каррье, бывший гебертист, уцелевший после попытки гебертистов совершить переворот, начиная с девятого Термидора был одним из самых решительных врагов реакции. По этим причинам он был особенно ненавистен правым. Правда, совершенные им жестокости были велики, но и Фрерон и Тальен, выполняя свои миссии, совершали, вероятно, жестокости не меньшие, а последний и гораздо бо́льшие злоупотребления, однако никому из правых не приходило в голову привлечь их к ответственности. Каррье же был левым якобинцем, Каррье был врагом реакции; этого было достаточно для того, чтобы создать против него процесс, который, следовательно, и должен был носить чисто-политический характер.

Враги якобинцев и ранее пользовались арестом и привлечением к суду видных членов Общества как средством для дискредитирования всего Клуба. В свое время арестовали Каррафа, потом — Луа и, наконец, целую группу якобинцев с Лакомбом во главе... [1]).

Что же касается Каррье, то против него травля была начата задолго до процесса. Памфлеты и пасквильные статьи подготовляли почву для привлечения его к суду [2]).

В конце октября Конвент принял постановление, облегчающее привлечение к суду членов Конвента, а затем была создана комиссия для расследования поведения Каррье.

Враги якобинцев слева, Бабеф и его сторонники, тоже не упустили такого случая нападения на них. Бабеф издал памфлет, озаглавленный «Система истребления народа, или жизнь и преступления Каррье», Винсент в письме в редакцию издаваемого Бабефом журнала писал: «те, кто защищает Революционный Комитет Нанта — душители народа» [3]).

Вполне понятно, что якобинцы посмотрели на этот процесс как на акт политический, и если газеты реакционеров посвящали процессу многие страницы, газеты якобинские хранили о нем полное молчание. Недаром, одна из реакционных газет весьма язвительно писала: «Многие спрашивают нас, почему «Газета Свободных Людей» и «Универсальная Газета» ничего не пишут относительно процесса Революционного Комитета Нанта» [1]).

[1]) VI, 494, 512, 565.
[2]) P. p. 171, 172 — 173, 181, 199, 202.
[3]) «Журнал Свободы Прессы», № 24, стр. 7 — 8.

Больше того, якобинцы решительно взяли Каррье под свою защиту: еще в начале октября на заседании Клуба было заявлено, что «Каррье честный человек и друг милосердия и гуманности» [2]). А в день ареста Каррье, 3 ноября, в Клубе произошел ряд бурных выступлений в его защиту.

Крассу утверждал, что процесс против Нантского Комитета начат со специальной целью вовлечения в это дело одного народного представителя, т.-е. Каррье, и что состав присяжных и даже наполнявшей зал суда публики подобран искусственно. Другой член общества уверял, что этим процессом «представители народа, хранящие ему верность, ставятся в положение заговорщиков». По мнению оратора, инициатором этого процесса являлись выходцы из грязного Болота, составляющие все тот же миллион эгоистов...Буэн отождествлял процесс против Каррье с процессом против самой революции. «Если общественное дело требовало совершения жестокостей,—говорил он,—мы все должны с величайшей энергией защищать репутацию человека, эти жестокости совершившего». Осторожный обычно Левассер взял под свою защиту всю систему террора. Он утверждал, что гражданская война «по необходимости сопровождается ужасами, которых нельзя избежать».

Билло-Варрен счел себя лично затронутым нападками на Каррье. В самом деле, ведь жестокости, совершонные Каррье, одобрялись Комитетом Общественного Спасения, членом которого был Билло-Варрен.

И Билло-Варрен совершенно правильно оценивал положение, когда думал, что следом за Каррье наступит очередь и его самого. Памфлеты уже об'единяли в пеструю амальгаму и преступления Каррье, и деятельность Колло д'Эрбуа и Билло-Варрена. Одна реакционная газета намекала на то, что «не все чудовища действовали на берегах Луары и что воды Сены также окрашены кровью» [3]).

И Билло-Варрен разразился громовою речью, напоминавшей былые времена Якобинского Клуба. Он сравнивал теперешнее положение вещей с эпохой бойни на Марсовом Поле и говорил, что теперь вновь нападают на патриотов, ибо подвергают пересмотру все дело революции, как тогда желали пересмотра конституции.

[1]) P. p. 204. Обе газеты якобинского направления.
[2]) VI, 556.
[3]) P. p. 185, 207.

«Патриотов обвиняют,—восклицал он,—в том, что они хранят молчание, но лев еще не умер, он только спит и, пробудившись, он уничтожит своих врагов. Ров вырыт, патриоты вновь соберут свою энергию и разбудят народ... Я призываю всех, сражавшихся за революцию, напрячь все свои силы к тому, чтобы заставить осмеливающихся нападать на нас трусов сойти в ничто. Враги наши питают злобу не к отдельной личности, но ко всему Конвенту, который нужно защищать и которому нужно помешать низвергнуться в пропасть. Мы тысячу раз рисковали своей жизнью и будем надеяться, что если нас ожидает эшафот — это будет эшафот, покрывший бессмертною славой Сиднэя [1]). Мы или заслужим славу людей, низвергнувших преступников, нападавших на друзей народа, или мы погибнем, этот народ защищая» [2]).

Враги якобинцев были, вероятно, очень обрадованы этой речью, она давала им новый повод к совершению ряда мероприятий против ненавистного им Клуба. В Конвенте по этому поводу разыгрался ряд бурных сцен. «Газета Горы» с протоколом, заключавшим речь Билло-Варрена, фигурировала в прениях как вещественное доказательство виновности якобинцев. Бантоболь потрясал ею в воздухе и кричал, что «сообщит об ужасных произнесенных в Клубе речах». «Я вам прочту,—говорил он,—«Газету Горы» и вы услышите, как имел наглость выразиться Билло-Варрен». Якобинцы покрыли аплодисментами зачитанный отрывок речи своего лидера. Тальен обвинил Билло-Варрена в желании увлечь народ на выступление против Конвента, Лежандр говорил о политических корсарах, «не успевших еще снять жатвы», а Клозель уверял на основании якобы самых достоверных данных, что мятежный призыв был продиктован якобинцам эмигрантами из Швейцарии [3]).

Против столь гнусного обвинения депутация якобинцев заявила на другой день протест, она требовала, чтобы был сделан по этому вопросу подробный доклад. Ревбель по заслушании адреса депутации заявил, что невозможно посвящать столько времени якобинцам, а в ответ на требования Мора о напечатании заявления якобинцев в «Бюллетени», он сказал, что нельзя печатать в «Бюллетени» каждую петицию, и потребовал перехода к очередным делам, что и было принято [4]).

[1]) Сиднэй — казненный в 1683 году вместе с лордом Монмутом республиканец.

[2]) VI, 629 — 633.

[3]) Mo, XXII, 432 — 436.

[4]) Mo, XXII, 442.

Над головами якобинцев собирались грозные тучи, их петиции отвергались, на них возводились тягчайшие обвинения — все это предвещало близкую развязку. На них продолжал изливаться поток новых и новых памфлетов: «Исповедь Каррье», «Вся правда о партиях, вышедших из среды якобинцев от Лафайета до Каррье» были озаглавлены эти памфлеты [1]). В Конвенте вновь был поднят вопрос об окончательном запрещении депутатам быть членами Якобинского Клуба [2]).

Но врагам якобинцев всего этого было недостаточно, они задумывали форменный разгром Клуба, соединенный с избиением и осмеянием самих якобинцев. Подготовка к этому разбойничьему акту велась давно. Седьмого ноября один член Общества сообщил о подозрительных и угрожающих разговорах, слышанных им в кафе; тогда якобинцы отнеслись к этому сообщению с насмешкой [3]), но уже через два дня эти угрозы реально осуществились.

Девятого ноября во время заседания Клуба толпы хулиганов нападали на него. Окна были разбиты камнями, при чем камни и осколки стекол засыпали все помещение; выбежавшие на улицу якобинцы подвергались оскорблениям, на них сыпались булыжники и удары. Удар камнем в лицо получил депутат Конвента Дюгем. В ответ на треск разбиваемых окон, грохот падающих камней, свист и крики окружающих хулиганов, якобинцы кричали: «Да здравствует Республика, да здравствует Конвент».

Несколько человек из нападавших были задержаны и для ограждения от ярости возмущенных этими нападениями якобинцев были помещены под защиту революционного символа — фригийской шапки, почему и остались неприкосновенными.

Когда, узнавшие о происходящем члены Конвента прибыли на место действия, они были встречены якобинцами аплодисментами... [4]).

Разгром Клуба доставил противникам якобинцев много радости. Реакционные газеты торжествовали, они изображали дело так, что сам народ, негодуя на сеятелей смуты, якобинцев, расправился с ними. Все событие описывалось этими газетами в трагикомическом тоне, особенно радовало их избиение нескольких бывших на заседании Клуба женщин [5]).

[1]) P. p. 226.

[2]) Mo, XXII, 440 — 441.

[3]) VI, 641.

[4]) 643 — 648.

[5]) P. p. 230, 231.

Ожесточенная стычка произошла по этому поводу в Конвенте. Дюгем пытался доказать, что выпад против Якобинского Клуба оскорбителен для самого народного представительства, так как погром и избиение происходили на глазах членов Конвента, а виновники всех этих безобразий отпущены на свободу. Дюгем жаловался на полную бездеятельность правительства, на безучастность полиции и патрулей. Дюруа, сам не являвшийся якобинцем, почему на беспристрастность его слов можно до некоторой степени полагаться, подтвердил сообщенное Дюгемом. Он говорил, что толпа, громившая Клуб, вышла из Палэ-Рояля, штаб-квартиры банд хулиганов, так называемых «фрероновых молодцов», что погромщики особенно неистовствовали по отношению к женщинам и что власти оставались все время безучастными к происходившему.

От имени Комитета Безопасности выступил Ревбель, который вместо дачи каких-либо об'яснений обрушился на якобинцев с градом обвинений: они одели Францию в траур, они наполнили ее бастилиями, они до сих пор оплакивают ужасный режим террора, они составляли заговоры 9 и 10 Термидора, мудрено ли, что теперь «терпение народа лопнуло, глаза его раскрылись и драчуны сами оказались избитыми...» По его словам выходило, что якобинцы первые напали на граждан, кричавших «Да здравствует Конвент». Это клеветническое сообщение было встречено протестующими криками левых депутатов. Ревбель же в заключение своей речи потребовал прекращения заседаний Клуба [1]).

На другой день депутация секции, на территории которой помещался Якобинский Клуб, заявила Конвенту протест против безобразий, чинимых погромщиками. «Право собственности нарушено, — сетовал оратор депутации, — одно народное общество приведено в смятение, а народное представительство оскорблено в лице своих членов...» Петиция эта, конечно, не имела никаких последствий, сторонникам якобинцев не удалось даже добиться напечатания ее в «Бюллетени» [2]).

В этот же день вечером Якобинский Клуб имел свое последнее заседание, оно было начато пением революционных песен и криками в честь Республики и Конвента. Затем была зачитана статья Декларации Прав, гарантирующая неприкосновенность народным обществам, как раз в этот момент Клуб подвергался новому нападению погромщиков.

[1]) Mo, 473 — 476, 479 — 481.
[2]) Mo, XXII, 481.

«Знаете ли вы,—вскричал при этом один из якобинцев,—знаете ли вы, кто на вас нападает? Это кучка молодых людей, избавившихся службою в различных учреждениях от воинской повинности, это — выходцы из Палэ-Рояля, ими руководят люди, устраивающие обеды по 50 ливров с персоны, люди, предающиеся разврату и погрязшие в пороках...»

После того, как толпа погромщиков схлынула, член общества Монетье заявил, что в настоящий момент вопрос о дальнейшей судьбе Клуба обсуждается комитетами; потому, относясь с доверием к решениям, которые будут вынесены правительственными органами, необходимо сейчас, закрыв заседание, разойтись по домам. Предложение Монетье было принято, и заседание Якобинского Клуба, бывшее его последним заседанием, было закрыто под крики «Да здравствует Республика, да здравствует Конвент» [1]).

На следующий день Конвентом был заслушан доклад четырех об'единенных комитетов по вопросу о судьбе Якобинского Клуба. Выступавший в качестве докладчика Леньело сообщил о необходимости закрытия Клуба, это заявление было встречено бурными аплодисментами. Мотивируя столь суровое решение, вынесенное комитетами, Леньело еще раз пред'явил якобинцам все уже неоднократно пред'являвшиеся им обвинения, вплоть до соперничества их с Конвентом. Вспомнил он и недавнюю речь Билло-Варрена и закончил заверением, что комитеты не намерены посягать на народные общества вообще. При бурных аплодисментах всего Конвента предложение четырех комитетов было принято [2]).

Так закончил свое существование Якобинский Клуб, бывший столь долго оплотом революции. Его враги опасались, что якобинцы попытаются поднять восстание в Париже. Одна реакционная газета по этому поводу писала: «Боялись, как бы сторонники якобинцев не произвели бы в сорока восьми секциях Парижа каких-либо выступлений...». «Якобинцы пытались, — сообщала другая газета, — произвести восстание в Сент-Антуанском предместье...» [3]).

Ненависть к якобинцам у врагов революции была настолько велика, что через несколько дней после закрытия Клуба жирондист Кадруа внес предложение о запрещении впредь всем обществам именоваться Обществом Якобинцев и о передаче занимаемого Клубом помещения оружейной мастерской [4]).

[1]) VI, 670 — 673.
[2]) Mo, XXII, 489 — 490.
[3]) Pp. 248, 249.
[4]) Mo, XXII, 499.

Народные общества пережили падение своего центра всего лишь на десять месяцев. «Дальнейшее существование народных обществ,—говорит Боровой,—было лишь их медленной агонией. С закрытием Якобинского Клуба была разбита вся якобинская организация. Со смертью центра стали мертветь и члены этого недавно столь могучего и живого организма. Погребальным камнем был декрет 6 Фрюктидора (23 августа) 1795 г.».

Докладчик проекта этого декрета «обвинил остатки народных обществ... в покушениях на новые преступления, одни мечтают о терроре, другие склонны к роялизму... в заключение он предложил закрыть собрания, известные под названием «клубов или народных обществ», что и было почти единодушно принято Конвентом...» [1]).

Новая фрюктидоровская конституция закрепила это решение Конвента: ее 361 статья гласила: «никакое собрание граждан не может называть себя народным обществом».

V.

1.

Во всех своих речах и выступлениях якобинцы были очень щедры на воинственные фразы, грозные посулы и обещания: «Настанет день и Гора низвергнется на Болото», «скоро рептилии смешаются с грязью», «враги революции обратятся в ничто» — постоянно слышим мы из уст якобинцев. С другой стороны, мы видели, что их враги опасались восстания после закрытия Клуба. А между тем, это закрытие было принято якобинцами с полным смирением и покорностью и никаких попыток к восстанию они не сделали.

Чем об'ясняется это? Дело в том, что у якобинцев не было возможности произвести это восстание, не было возможности опереться на парижские массы, без чего, как показал опыт гебертистов и коммуны 9 Термидора, всякая попытка к восстанию была обречена на неудачу.

Якобинцы, выступив 9 Термидора защитниками Конвента против мятежной коммуны, продолжали защищать его и тогда, когда этот Конвент начал вести против них ожесточенную травлю. Они вынуждены были бороться не против Конвента в целом, а против

[1]) Боровой. «История личной свободы во Франции», т. I. ч. 2, 150—151.

его отдельных представителей, при чем Конвент действовал против них, как Конвент в целом, пользуясь своим авторитетом и силой.

Якобинцы не могли противопоставить Конвенту никакого лозунга, никакого центра, вокруг которого могли бы сгруппироваться восставшие: коммуна была разгромлена и якобинцы сами были противниками ее восстановления, а сделать центром восстания свой собственный Клуб—значило вступить на путь открытой партийной борьбы, что тогда приравнялось к простому мятежу. Да и едва ли Якобинский Клуб после всех своих прегрешений по отношению к парижским массам мог бы сделаться центром массового движения.

Главным обвинением против якобинцев являлось обвинение их в желании распустить или дискредитировать Конвент, поэтому якобинцам приходилось всеми силами стараться избавиться от всяких подозрений в неуважении к народному представительству. Даже в последние минуты, даже в моменты разгрома Клуба они стараются своими возгласами и заявлениями засвидетельствовать свою лойяльность этому народному представительству. Им приходится борьбу с Конвентом вести под лозунгом защиты Конвента.

2.

В свое время две блестящих победы революции 10 августа и 31 мая были одержаны, благодаря единению всех демократических элементов. Теперь же, в пору величайшей опасности для демократии этого единения не существовало и это выбивало из-под ног якобинцев почву, делало их бессильными в борьбе с реакцией. Ведь бороться с этой последней, помимо якобинцев, приходилось и остаткам бешеных и, вероятно, гебертистов, руководимых «Избирательным Клубом». А между тем, якобинцы к этим группам, которые, казалось, должны были быть их союзниками, относились не только равнодушно, но даже и враждебно. Якобинцы очень холодно встречали посещавшие их Клуб депутации «Избирательного Клуба». Они были противниками восстановления Парижской Коммуны и вообще конституционных властей гор. Парижа, чему электоральцы придавали громадное значение. Якобинцы оставались совершенно равнодушными к проведению такой анти-демократической меры, как прекращение оплаты секционных заседаний и сокращение числа этих заседаний, между тем, как электоральцы с Бабефом во главе боролись весьма ожесточенно против проведения этих мероприятий. Ведь для Бабефа секции были «местом, где народ должен осуще-

ствлять свою исполнительную власть и непрестанное наблюдение над поведением своих доверенных» [1]). «Возвратите секциям возможность заседать дважды в декаду,—пишет Бабеф в адресе «Избирательного Клуба»,—ибо и этого едва достаточно для разрешения текущих дел...» [2]). В протоколах же Якобинского Клуба мы не найдем никаких постановлений, никаких адресов, касающихся данного вопроса.

Сильно расходились якобинцы и электоральцы во взглядах на революционное правительство. Первые, как мы знаем, хотели оставления его в прежнем виде, вторые требовали немедленной замены революционного правительства демократией. По этим причинам электоральцы, в противоположность якобинцам, были сторонниками свободы печати, которая была им необходима для проповеди воззрений, находящихся под запретом и, вероятнее всего, враждебных собственности. В сентябре месяце Бабеф подал Конвенту петицию, в которой требовал «гарантий неограниченной свободы мнений и печати». В октябре месяце он уже нападает на самое революционное правительство, уверяя, что «все друзья свободы стремятся к ниспровержению революционного правительства, ибо оно губительно для всякой свободы» [3]).

По этим причинам якобинцы трактовали электоральцев как аристократов и контр-революционеров, «фабрикующих заговоры и засыпающих Конвент контр-революционными петициями, требующими уничтожения революционного правительства и восстановления народных выборов и свободы прессы, всего того, что может быть благоприятным только для аристократов». «Избирательный Клуб» для якобинцев был «очагом контр-революции, ибо он принимал участие в мятеже Гебера» [4]).

«Избирательный Клуб» не был одиноким в вынесении определенной отрицательной оценки революционному правительству. В конце августа к якобинцам явилась депутация «Общества Защитников Прав Человека» и выразила свое сомнение в совместимости революционного правительства со свободой мнений. Депутация эта была встречена якобинцами очень враждебно, Дюпэррэ относительно ее заметил, что теперь вновь поднимают головы люди, колебавшиеся выступить 10 августа, и что теперь эти люди ставят на

[1]) «Журнал Свободы Прессы» № 21, стр. 3.
[2]) Dev. 31.
[3]) Dev. 25, 31.
[4]) VI, 435.

очередь избирательный вопрос и засыпают секцию мятежными адресами» [1]).

Противники якобинцев слева, как мы уже говорили, были сторонниками немедленного восстановления демократии. Бабеф требовал «чтобы народ получил всю полноту своих прав, заключающуюся в назначении им самим магистратов». «Верните Парижу его муниципалитет, его магистратов, избранных народом, который один имеет право их избирать»,—писал он. Секция Музея, распропагандированная Бабефом, приняла резолюцию о необходимости восстановления прав народа—избирать представителей власти. За эту резолюцию в секциях велась ожесточенная агитация, якобинцы же выступали ее яростными противниками [2]).

По мнению якобинцев все эти требования были «опасными», «неблагоприятными для патриотов» и представляли собой лишь маску, «которой прикрываются аристократы» [3]).

Как использовала реакция эту вражду двух фракций демократии, мы уже знаем: лавируя между ними, она неизменно оказывались в выигрыше,—так, приняв благосклонно якобинскую депутацию, реакционеры бросили в тюрьму вождей электоральцев, в конце сентября они разгромили (в буквальном смысле) «Избирательный Клуб», а в октябре месяце они оказались уже настолько сильными, что смогли наносить своим «Адресом Французскому Народу» удары обеим фракциям [4]).

Каковы были причины столь сильной вражды, царящей между двумя группами, которые, казалось бы, должны были действовать в полном согласии, ведя борьбу с реакцией. Ответа на этот вопрос надо искать в том, что эта вражда была продолжением вражды якобинцев к бешеным, мелкой буржуазии, к бедным ремесленникам и наемным рабочим. Народное общество «Защитников Прав Человека», депутация которого была столь враждебна встречена якобинцами, имело свое пребывание в центре рабочего предместья Сент-Антуан. Полицейский отчет от 26 августа сообщает, что «в предместьи Сент-Антуан граждане жалуются на то, что Конвент не оставил за народом права выбора магистратов, они говорят, что революционное правительство не должно ставить препятствий к осуществлению этого права...». Около этого же времени, одна

[1]) VI, 388 — 391.
[2]) Dev. 25, 31.
[3]) VI, 385 — 387.
[4]) Dev. 28, 31, 36 и выше стр.

реакционная газета сообщала о каких-то попытках поднять восстание в Сент-Антуанском предместьи [1]).

Приблизительно за год перед этим в момент величайшего напряжения борьбы между якобинцами и бешеными, последние начали нападать на революционное правительство и требовать проведения полной демократии [2]). События протекшего с тех пор года могли только укрепить вражду к революционному правительству среди слоев населения, представляемого бешеными. Под флагом этого революционного правительства в свое время был произведен разгром секций, под этим же флагом велось преследование против Жака Ру, Леклерка, Шометта, под флагом же революционного правительства была разрушена та самая коммуна, которую теперь не желали восстанавливать. Вероятно, эти обстоятельства и ухудшение в материальном положении беднейших слоев мелкой буржуазии отбросили в лагерь бешеных многих сторонников Шометта и Гебера.

3.

Итак, под флагом революционного правительства было проведено много репрессивных мероприятий против низов парижского населения, положительного же в их интересах ничего сделано не было. Со времени гибели шометтистской коммуны экономические вопросы были сняты с повестки дня, ничего нового в этом направлении не делалось, а все, что было сделано ранее, должно было разочаровать трудящуюся бедноту,—по крайней мере, так обстояло дело с главнейшим, проведенным по настоянию этой бедноты мероприятием, — «максимумом». Полицейские отчеты, по мере приближения зимы, сообщают все чаще и чаще о высказываемом народом неудовольствии этим мероприятием, все чаще и чаще слышатся требования восстановления свободной продажи съестных припасов... [3]). «Избирательный Клуб» очень интересовался вопросом о продовольствии, им был подан Конвенту адрес, касающийся «средств оживления коммерции», в котором требовалось, чтобы «впредь никакая комиссия не производила захватов и реквизиций...» [4]).

Что касается якобинцев, то, несмотря на то, что вопрос о голоде и недостатке продуктов волновал все умы и все население, в протоколах Якобинского Клуба мы почти не найдем следов постановки

[1]) P. p. 64, 59.
[2]) V. 327, 328.
[3]) P. p. 147, 152, 168.
[4]) Mo, XXII, 143, Dev. 31.

этого вопроса на обсуждение. Лишь накануне самого закрытия Клуба Дюгемом была произнесена интересная речь, затрагивающая этот больной вопрос. В этой речи Дюгем высказывал мысль о необходимости смягчения политики «максимума» и прекращения реквизиций, он полагал, что правительство должно заботиться только о снабжении армий и больших городов, все же остальное должно быть поприщем свободной торговли [1]).

Как мы видим, Дюгем выдвигает положения, сходные с требованиями петиций электоральцев и пожеланиями широких масс городского населения. Но, повидимому, у электоральцев и клубов предместий были какие-то и иные, более радикальные и более решительные требования и пожелания, которые касались, по всей видимости, перераспределения имуществ и собственности. Иначе нам никак нельзя понять ожесточенную вражду между электоральцами и якобинцами и об'яснить шумиху, поднятую Конвентом в защиту собственности в «Адресе к Французскому Народу» [2]).

Еще в 1787 г. будущий вождь электоральцев Бабеф интересовался возможностью существования государства, в котором господствовало бы полное равенство, а земля находилась в общем владении [3]).

В газете «Народный Трибун», начатой изданием 4 октября 1794 г., Бабеф говорит о «нечистом происхождении права собственности, признаваемого лишь по какому-то безумию неограниченным и наследственным» [4]) В своем «Проекте Адреса» Бабеф выражается еще резче: «индивидуальная собственность является, — по его словам, — главным источником всех зол, раздирающих общество...». «Что можно сказать о законах и о собственности? — вопрошает он. — Собственность есть доля узурпаторов, а законы — ужасное сочинение...» «Убивайте без пощады тиранов, патрициев, позолоченных миллионами, всех безнравственных, противодействующих вашему благу....» [5]).

Таковы были, высказываемые вождем электоральцев взгляды в рассматриваемую нами эпоху. Насколько эти взгляды пользовались сочувствием широких масс парижского населения, сказать трудно. Во всяком случае, журналы Бабефа расходились в громадном количестве экземпляров [6]).

[1]) VI, 623 — 626.
[2]) См. выше стр. 250.
[3]) A d v i e l l e, «Переписка Бабефа», стр. 117.
[4]) Л и х т е н б е р ж е, «История социализма в XVIII веке», стр. 117.
[5]) E s p i n a s, «Histoire de philosophie sociale», 236 — 237.
[6]) A d v i e l l e, «Histoire de Gr. Baboeuf», т. I, стр. 114.

реакционная газета сообщала о каких-то попытках поднять восстание в Сент-Антуанском предместьи [1]).

Приблизительно за год перед этим в момент величайшего напряжения борьбы между якобинцами и бешеными, последние начали нападать на революционное правительство и требовать проведения полной демократии [2]). События протекшего с тех пор года могли только укрепить вражду к революционному правительству среди слоев населения, представляемого бешеными. Под флагом этого революционного правительства в свое время был произведен разгром секций, под этим же флагом велось преследование против Жака Ру, Леклерка, Шометта, под флагом же революционного правительства была разрушена та самая коммуна, которую теперь не желали восстанавливать. Вероятно, эти обстоятельства и ухудшение в материальном положении беднейших слоев мелкой буржуазии отбросили в лагерь бешеных многих сторонников Шометта и Гебера.

3.

Итак, под флагом революционного правительства было проведено много репрессивных мероприятий против низов парижского населения, положительного же в их интересах ничего сделано не было. Со времени гибели шометтистской коммуны экономические вопросы были сняты с повестки дня, ничего нового в этом направлении не делалось, а все, что было сделано ранее, должно было разочаровать трудящуюся бедноту,—по крайней мере, так обстояло дело с главнейшим, проведенным по настоянию этой бедноты мероприятием, — «максимумом». Полицейские отчеты, по мере приближения зимы, сообщают все чаще и чаще о высказываемом народом неудовольствии этим мероприятием, все чаще и чаще слышатся требования восстановления свободной продажи съестных припасов... [3]). «Избирательный Клуб» очень интересовался вопросом о продовольствии, им был подан Конвенту адрес, касающийся «средств оживления коммерции», в котором требовалось, чтобы «впредь никакая комиссия не производила захватов и реквизиций...» [4]).

Что касается якобинцев, то, несмотря на то, что вопрос о голоде и недостатке продуктов волновал все умы и все население, в протоколах Якобинского Клуба мы почти не найдем следов постановки

[1]) P. p. 64, 59.
[2]) V. 327, 328.
[3]) P. p. 147, 152, 168.
[4]) Mo, XXII, 143, Dev. 31.

этого вопроса на обсуждение. Лишь накануне самого закрытия Клуба Дюгемом была произнесена интересная речь, затрагивающая этот больной вопрос. В этой речи Дюгем высказывал мысль о необходимости смягчения политики «максимума» и прекращения реквизиций, он полагал, что правительство должно заботиться только о снабжении армий и больших городов, все же остальное должно быть поприщем свободной торговли [1]).

Как мы видим, Дюгем выдвигает положения, сходные с требованиями петиций электоральцев и пожеланиями широких масс городского населения. Но, повидимому, у электоральцев и клубов предместий были какие-то и иные, более радикальные и более решительные требования и пожелания, которые касались, по всей видимости, перераспределения имуществ и собственности. Иначе нам никак нельзя понять ожесточенную вражду между электоральцами и якобинцами и об'яснить шумиху, поднятую Конвентом в защиту собственности в «Адресе к Французскому Народу» [2]).

Еще в 1787 г. будущий вождь электоральцев Бабеф интересовался возможностью существования государства, в котором господствовало бы полное равенство, а земля находилась в общем владении [3]).

В газете «Народный Трибун», начатой изданием 4 октября 1794 г., Бабеф говорит о «нечистом происхождении права собственности, признаваемого лишь по какому-то безумию неограниченным и наследственным» [4]) В своем «Проекте Адреса» Бабеф выражается еще резче: «индивидуальная собственность является, — по его словам, — главным источником всех зол, раздирающих общество...». «Что можно сказать о законах и о собственности? — вопрошает он. — Собственность есть доля узурпаторов, а законы — ужасное сочинение...» «Убивайте без пощады тиранов, патрициев, позолоченных миллионами, всех безнравственных, противодействующих вашему благу....» [5]).

Таковы были, высказываемые вождем электоральцев взгляды в рассматриваемую нами эпоху. Насколько эти взгляды пользовались сочувствием широких масс парижского населения, сказать трудно. Во всяком случае, журналы Бабефа расходились в громадном количестве экземпляров [6]).

[1]) VI, 623 — 626.
[2]) См. выше стр. 250.
[3]) A d v i e l l e, «Переписка Бабефа», стр. 117.
[4]) Л и х т е н б е р ж е, «История социализма в XVIII веке», стр. 117.
[5]) E s p i n a s, «Histoire de philosophie sociale», 236 — 237.
[6]) A d v i e l l e, «Histoire de Gr. Baboeuf», т. I, стр. 114.

4.

Мы уже указывали на равнодушие якобинцев к продовольственному вопросу, вообще их безразличие к разрешению вопросов экономических, вопросов насущных для беднейших масс парижского населения — изумительно. Они как будто совершенно забыли, что в свое время единый противо-жирондистский фронт был создан на фундаменте разрешения этих столь насущных для столичного трудового населения экономических вопросов.

Казалось бы, теперь, когда среди вождей якобинцев наибольшим влиянием стала пользоваться группа Билло-Варрена, который сам был повинен в создании неких социальных проектов, якобинцы снова обратятся к разрешению социально-экономических проблем. Однако, ничего подобного не произошло. Никаких предложений, направленных к проведению мероприятий экономических и социальных, в протоколах Клуба почти не встречаем. Если эти вопросы ставятся, то они ставятся как-то вскользь, между делом, и никаких резолюций и решений по ним не выносится [1]). Вопросы чисто политические продолжают доминировать над всеми остальными, к этим вопросам сводятся все декларативные и программные заявления, делаемые в Клубе [2]).

На все требования предместий якобинцы могли ответить только предложениями об усилении террора, которые ими и делались постоянно, но этот террор для обитателей предместий стал ненавистен, ибо он столько раз был обращаем против них самих и против их вождей. Мудрено ли, что в подобных обстоятельствах, при полном равнодушии якобинцев к самым животрепещущим вопросам, волнующим широкие массы трудового населения, эти массы оставались глубоко равнодушными к борьбе, происходившей между реакционерами и якобинцами, и к судьбе, постигшей последних. Полицейский отчет от 11 ноября, т.-е. от того дня, когда был закрыт Якобинский Клуб, отмечает полное спокойствие, царящее в рабочем предместье Сент-Антуан [3]).

Причина такого игнорирования вопросов экономических и социальных, такого равнодушия к насущным нуждам трудящегося населения, коренится в зажиточности слоев, составляющих кадры рядовых якобинцев, в интеллигентском составе их вождей и в том,

[1]) VI, 424, 418.
[2]) VI, 516, 462, 422.
[3]) P. p. 233.

что благодаря постоянной фракционной грызне, благодаря частым переворотам якобинцы сделались политиками по специальности и в этой политике они видели альфу и омегу своего существования. Кроме того, на их вождях, несомненно, отражалась работа в «бюрократических», хотя бы и революционных учреждениях, но мало доступных, в особенности в условиях режима узкой диктатуры, воздействию широких масс трудового населения. В результате всего этого произошло то, что понадобилось закрытие Клуба и несколько месяцев реакции для того, чтобы приблизить якобинцев к массам, населявшим предместья, и заставить их выступить совместно с ними. Это явление и имело место через 5 месяцев в прэреальские дни, когда во главе движения предместий стала якобинская секция Лепелетье, а требования ворвавшихся в Конвент толп народа были поддержаны членами Конвента — якобинцами.

5.

Понимали ли якобинцы, кто являлся их противником справа, понимали ли они, что представляла собой группа правых термидорианцев? На этот вопрос можно ответить вполне утвердительно. Что ядро их новых врагов составляет возродившаяся крупная буржуазия, выросшая на военных поставках, злоупотреблениях и спекуляциях, — якобинцы представляли себе очень ясно. Недаром этих своих противников они помимо названий «контр-революционеры», «модерантисты» и «аристократы» клеймили наименованием «расхитители народных имуществ». Этим «расхитителям народного достояния» якобинцы постоянно противопоставляли «честных, неподкупных, но бедных патриотов», миллиону бездельников — двадцать пять миллионов трудового народа. «Невозможно,—говорил Крассу,—чтобы в чистой демократии двадцать пять миллионов человек зависели от одного миллиона, чтобы трудолюбивое население было в своего рода кабале у нескольких человек, имеющих состояние, полученное ими благодаря интриге, случаю или хищению... Якобинцы должны стремиться к тому, чтобы партия неимущих трудящихся не находилась в зависимости от партии праздных богачей» [1]).

На одном из заседаний, происходившем в конце сентября, Одуен произнес одну из самых пылких речей, когда-либо произносимых с трибуны Общества. В этой речи он на заданный самому себе вопрос, «кто же эти господа, так называемые, честные люди?» — давал такой

[1]) VI, 475.

ответ: «это—профессиональные бездельники, богачи благодаря получению наследства, миллионеры благодаря хищениям, низостям и преступлениям, неумолимые эгоисты, извращенные сибариты, это пресловутый миллион отцов-кормильцев народа» [1]).

Как мы видим, якобинцам нельзя отказать в ясности понимания социальной подоплеки выступавшей против них партии, почему же тогда они не вступили в союз с группами, стоящими на противоположных ступенях социальной лестницы, с населением предместий, с представителями «двадцати пяти миллионов партии неимущих трудящихся»?

Но таково уже промежуточное положение социальной группы—именуемой мелкой буржуазией. Это положение заставляет ее вечно колебаться между двумя классами,—имущим классом крупной буржуазии и классом неимущих трудящихся. При чем, всякий раз, когда ее мелко-буржуазной собственности грозит не только опасность, но даже тень опасности, мелкая буржуазия бросается в об'ятия буржуазии крупной. Поэтому якобинцы считали своим долгом отмежеваться от групп, представляющих интересы неимущего трудового населения Парижа, они спешили об'явить о том, что не измышляют никаких посягающих на частную собственность проектов. «Пусть нам не говорят, что наша цель—ограбление богачей,—заявил Одуен в уже упомянутой нами речи,—пусть они сохранят свои богатства... народ ничего не просит, кроме работы и хлеба, он умеет довольствоваться и этим» [1]).

Олар в главе, посвященной «мнениям и партиям после 9 Термидора», в своей «Политической истории Французской революции», говорит: «Ясно было, что существовало две враждебных партии..., но нельзя было различить двух отдельных программ...». С таким мнением почтенного французского историка нельзя вполне согласиться. Во-первых, о двух партиях можно говорить только относительно Конвента. Но вне Конвента можно смело утверждать существование трех партий: правых термидорианцев — выразителей взглядов возродившейся крупной буржуазии, якобинцев — представителей мелкой буржуазии, и партии, защищавшей интересы трудящейся бедноты, интересы бедных ремесленников и наемных рабочих, населявших окраины Парижа.

[1]) VI, 526.
[2]) VI, 528.

Во-вторых, все эти три партии имели свои программы, правда, неписанные, но весьма отчетливо усвоенные и весьма твердо защищаемые представителями каждой из этих партий.

За сохранение прежнего положения вещей, за оставление революционного правительства и террористического режима таким, каким он был до 9 Термидора, — стояли представители мелкой буржуазии. Для нее террористический режим был единственным средством удержаться под напором крупной буржуазии, использовавшей войну и революцию для укрепления своей экономической базы, положение же буржуазии мелкой не только не укрепилось, но вследствие бедствий, войны и революции пошатнулось, и она теперь, кроме оружия чисто политического — террора, ничего не могла противопоставить экономической мощи своего противника.

Напротив, буржуазия крупная желала смягчения террористического режима, ослабления революционного правительства [1]) и замены его, но конечно, не демократией, а буржуазной республикой, как это и имело место впоследствии, — такой буржуазной республикой, которая обеспечивала бы крупной буржуазии полную возможность наживы и накопления богатств, сохраняя в то же время за ней все полученные от революции блага.

Третья партия, представляемая клубами предместий и «Избирательным Клубом», желала замены революционного правительства демократией, ибо она, как надеялись сторонники этой партии, должна была осуществить те социальные чаяния трудящейся бедноты, которые оказалось не в состоянии осуществить руководимое якобинцами революционное правительство. Словом, требование этой партии в 1794 г., как и позднее в 1795 г., можно свести к лозунгу—«хлеба и конституции 1793 г.».

И промежуток времени в три с половиной месяца, промежуток времени, протекший от 9 Термидора до закрытия Якобинского Клуба и явившийся предметом рассмотрения настоящей работы, и был заполнен борьбой всех трех указанных партий за осуществление их неписанных программ.

Для каждой из этих борющихся партий было важно захватить или разрушить центр, на который опиралась партия противная. В этом отношении правые термидорианцы, опирающиеся на самый Конвент, оказались в более выгодном положении: последовательно под

---

[1]) «Враги народа это те... кто требует революционного правительства в перчатках» — говорилось в одном адресе, полученном якобинцами из армии (VI, 514).

их ударами пали «Избирательной Клуб» и «Клуб Якобинцев». Каждый из центров столкнувшихся партий пытался расширить свое влияние, опереться на какие-либо организации или учреждения, отсюда ожесточенность борьбы за овладение этими организациями—народными обществами, секциями и революционными комитетами...

С. Моносов.

Ортодоксальный марксизм[1]).

«Недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, не в теоретических аргументах тут дело». (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. соч. X. 21.)

Берлинское издательство «Malikverlag» выпустило сборник статей тов. Лукача под заглавием «Geschichte und Klassenbewusstsein» (История и классовое сознание). Основная статья этого сборника появилась и на русском языке в «Вестнике Социалистической Академии». Это последнее обстоятельство уже само по себе заставило бы нас выступить на этих страницах с критическим разбором взглядов тов. Лукача на некоторые важнейшие проблемы марксизма—даже если бы он сам, в предисловии к своей книге, не выразил пожелания, чтобы затронутые им вопросы сделались предметом публичной дискуссии.

Выяснить свое отношение к философской позиции тов. Лукача в небольшой статье чрезвычайно трудно по разным причинам. Во-первых, тов. Лукач исследует труднейшие проблемы марксизма, и он подходит к своей задаче во всеоружии современной философской культуры. Как это обстоятельство, так и все прошлое тов. Лукача требует от нас особенно внимательного отношения к его взглядам. Еще задолго до того, как он сделался коммунистом, тов. Лукач уже

---

[1]) Примечание редакции. В кн. 4, 5 и 6 «Вестника Социалистической Академии» была помещена ст. тов. Г. Лукача под названием «Материализация и пролетарское сознание». В виду того, что тов. Лукач в самых существенных пунктах отступает от ортодоксального марксизма, редакция «Вестника» считает необходимым отметить свое принципиальное несогласие с взглядами автора названной статьи. Охотно предоставляя место статье тов. Рудаша, подвергающего критике взгляды тов. Лукача с точки зрения ортодоксального марксизма, редакция с удовлетворением констатирует, что она в основном солидаризируется с критикой т. Рудаша.

пользовался в философских кругах Германии заслуженной известностью, как философ — и философ, который идет собственными путями, который мыслит самостоятельно, а не только пережевывает идеи великих мыслителей прошлого. Затем тов. Лукач сделался коммунистом и работал для нашей партии нелегально еще до пролетарской революции в Венгрии. Во время венгерской революции и после нее он всегда стоял на видных постах, не знал никаких колебаний, был от'явленным врагом всякого оппортунизма. Если его философское прошлое может внушить некоторое недоверие к его философскому будущему, то, как коммунист, он боролся за пролетарскую революцию на самых опасных постах и как народный комиссар, и как простой солдат на фронте, и с этой стороны он выше всяких подозрений.

Все это я говорю не потому, что желал бы подойти к той или другой оценке научных взглядов тов. Лукача с таких точек зрения, которые лежат вне сферы научной мысли. Но так как, по моему глубокому убеждению, в его статьях содержится многое, что я, как марксист, не только не принимаю, но и со всей энергией отвергаю, то меня, естественно, интересует вопрос об источниках этих его, совершенно явных, заблуждений, — и этот источник я нахожу в его философском прошлом. Это прошлое лежит (не географически, а философски) в Гейдельберге, где тов. Лукач стоял очень близко к кругу Макса Вебера, Эмиля Ласка и др. Но социология Макса Вебера очень тесно соприкасается с Риккертом, а всякому марксисту хорошо известно, что из себя представляет направление Риккерта: это—идеалистическая и агностическая, т.-е. реакционная философия. И я утверждаю: если со своим социальным прошлым тов. Лукач порвал окончательно, то нельзя сказать то же о его философском прошлом. В его последней книге мы не без удивления встречаем старых знакомцев—элементы идеализма и агностицизма. Если мне удастся доказать, что это действительно так, то было бы крайне желательно, чтобы тов. Лукач пересмотрел свои взгляды, чтобы он свел счеты со своей философской совестью. Это была бы для него трудная, но не невозможная задача.

Повторяю, в рамках небольшой статьи не легко рассчитаться с таким мыслителем, как тов. Лукач. Нельзя отрицать, что направление Риккерта представляет собою чрезвычайно тонко продуманное и школьно разработанное философское построение. Наши противники—не дилетанты в области философии, а вооруженные всеми средствами новейшей логики и гносеологии специалисты, очень глубоко захватывающие предмет. Разоблачить их софизмы не так-то легко.

А именно они-то и были главнейшими (на ряду с Гегелем) философскими учителями Лукача. Из этой школы, из своего философского прошлого, он вынес, между прочим, нечто, о чем я хочу сказать несколько слов с самого же начала: я имею в виду его пристрастие к философскому воровскому жаргону.

Есть проблемы, которые можно и должно трактовать только в специально научной форме. Это бывает особенно необходимо, когда делается попытка строго научного изложения какой-нибудь новой революционной теории, направленной против укоренившихся буржуазных наук или выдающихся буржуазных мыслителей: тут важно не спасовать перед противником с самого же начала во второстепенной области, в области терминологии и школьной обработки понятий. Поэтому Маркс говорит: «Действительно популярными никогда не могут быть научные попытки революционизировать какую-нибудь науку» («Neue Zeit», XX/2, 30). Это соображение и заставило Маркса написать в строго научной форме, по всем правилам философских и экономических школ, свои главные сочинения, в которых он впервые изложил свою новую теорию общества и политическую экономию. Укажу еще, из новейшей коммунистической литературы, на тов. Бухарина. Как известно, он один из величайших мастеров популярного и в то же время вполне научного изложения. Тем не менее, в своей «Экономике переходного периода» и, еще раньше, в своей «Политической экономии рантье» он употребляет «почти математический язык». Действительно, иногда бывает чрезвычайно трудно тотчас же найти популярное выражение для глубоких мыслей — и чем они глубже, тем труднее. Технические термины оказывают тут громадную помощь. В одном техническом термине часто бывает сжат целый ряд научных положений; употребление соответствующего термина избавляет меня от необходимости повторять их снова. Поэтому мы не можем согласиться с критикой тов. Дункера (в «Inprekorr»), который высказывается против книги тов. Лукача, главным образом, на том основании, что она недостаточно популярно написана, чтобы служить руководством для ответственных партийцев (я цитирую по памяти, но смысл был именно этот). Если бы составители новых научных трудов руководились только критерием общедоступности, то это означало бы смерть всей нашей научной культуры.

И, тем не менее, я утверждаю: философская терминология превратилась в настоящий воровской жаргон,—жаргон, который сплошь да рядом употребляется философами-специалистами с единственной целью пустить пыль в глаза непосвященной массе. Запутанная,

искусственно усложненная фраза приводит к полному отчуждению теории от широких народных масс, к совершенному разрыву между наукой и практикой. Революционная обязанность каждого коммуниста — работать над их воссоединением и в области формы, содействовать всячески сближению масс с наукой. А для этого необходимо не только поднятие культурного уровня масс, не только их приближение к науке (в широком масштабе это может произойти только после победоносной пролетарской революции), но необходимо также, чтобы и сама наука ближе подошла к массам. И тут, разумеется, важнейшим средством является упрощение, демократизация языка. В этом отношении тов. Лукач — выражаясь мягко — отнесся недостаточно внимательно к одной из своих революционных обязанностей.

Если поэтому я в настоящей статье буду употреблять философский жаргон только там, где это безусловно необходимо, то это, я надеюсь, не ослабит силу моих аргументов

1. Что такое ортодоксальный марксизм?

Начнем с того пункта, с которого начинает сам тов. Лукач, — с вопроса о том, что такое ортодоксальный марксизм? Тов. Лукач хочет быть марксистом в строжайшем, безусловном смысле слова. Он посвящает этому вопросу не только отдельную статью, но и почти все предисловие, в котором он набрасывает программу всей своей книги. Тов. Лукач хочет сделать все выводы из того факта, что он является «ортодоксальным марксистом», и полемизирует не только направо, против оппортунистов — Каутского, Бернштейна и т. д., но чувствует себя вынужденным взять под свою защиту «ортодоксальный марксизм» даже против самого Фридриха Энгельса, который, по его убеждению, удалился от него в некоторых пунктах. Он говорит:

«Если здесь в некоторых местах ведется полемика против отдельных выражений Энгельса, то эта полемика — как тотчас заметит всякий понимающий читатель — внушена духом всей системы в целом. Она исходит из убеждения, что в этих отдельных пунктах автор представляет позицию ортодоксального марксизма даже против Энгельса».

Всякий полюбопытствует узнать, в каких это пунктах Энгельс покинул позицию ортодоксального марксизма. А priori не исключена возможность, что Энгельс ошибался в том или другом вопросе. Иногда ведь засыпает даже Гомер! Всякий будет благодарен за указание этих ошибок, и прежде всего был бы за это благодарен сам Энгельс, будь он еще жив, потому что он всегда боролся за чистоту и неискаженную цельность марксова учения.

Энгельса часто обвиняли в том, что он не сумел удержаться в своем марксизме на одинаковой высоте с Марксом. Многие «смельчаки» (особенно буржуазные) видят в Энгельсе первого вульгарного марксиста. Артуро Лабриола, бывший синдикалист, исправитель Маркса, после мировой войны внезапно оказавшийся министром труда в кабинете Джиолитти и на этом закончивший свою «революционную» карьеру, — этот Лабриола даже обвинял Энгельса в том, что он не знает посмертных сочинений Маркса. Энгельс-де все время говорит о том, что существует еще четвертый том «Капитала»: ясное дело, что он не знает, что содержится в рукописном наследии Маркса. Он называет Энгельса «spirito oscuro» (темный ум), и эта клевета нужна ему, конечно, для того, чтобы окольным путем, через Энгельса, «исправить» самого Маркса, «спасти» его от энгельсовского «уплощения». Я упоминаю об этом потому, что Артуро Лабриола тоже был «радикал» и «левый» (в смысле «детской болезни левизны» Ленина!) и потому еще, что его прием является типичным. Утверждение, что Энгельс не понимал Маркса, служит, конечно, только предлогом для искажения самого марксизма. До сих пор так бывало всегда без исключения!

Позднее вышли в свет «Теории о прибавочной стоимости», но добрый Лабриола, разумеется, не был обязан принять это к сведению.

Артуро Лабриола следовал только примеру своих многочисленных предшественников, которые все пытались создать противоположность между Марксом и Энгельсом.

Обвинение Энгельса в том, что он покинул позицию ортодоксального марксизма, имеет, таким образом, свою историю и немножко подозрительный привкус. Но это, разумеется, еще не исключает возможности самого факта. Посмотрим же, в чем именно Энгельс удалился от подлинного марксизма и как ведет против него свою защиту марксизма тов. Лукач.

Первое обвинение мы встречаем на стр. 15. Там говорится:

«Он (Энгельс) характеризует диалектический метод образования понятий в противоположность «метафизическому»; он весьма энергично подчеркивает, что в диалектике упраздняется взаимная непроницаемость понятий (и соответствующих им предметов); что диалектика есть непрестанный процесс текучего перехода из одного определения в другое, непрерывное упразднение противоположностей, их

переход друг в друга; что, следовательно, односторонняя и застывшая причинность должна уступить место взаимодействию. Но важнейшее взаимодействие: диалектическое отношение суб'екта и об'екта в историческом процессе, он не только не ставит — как следовало бы — в центр методического рассмотрения, но даже и вовсе не упоминает о нем. А между тем без него диалектический метод перестает быть революционным методом, несмотря на удержание (правда, в конечном счете лишь мнимое) «текучих» понятий и т. д.

Тяжкое обвинение по адресу Энгельса, который вместе с Марксом как раз и развил диалектический метод в метод революционный. И он сделал это при жизни Маркса, так что Марксу ничто не мешало бы протестовать против возможных искажений или ошибок со стороны Энгельса. Но каков смысл этого обвинения?

Излагая сущность диалектики в своем «Анти-Дюринге», Энгельс даже не упомянул об одном важном виде взаимодействия: о диалектическом отношении суб'екта и об'екта в историческом процессе. Но когда не упоминается это отношение, более того — когда оно не выдвигается в центр, диалектический метод перестает быть революционным. И, следовательно, Энгельс не может считаться революционным диалектиком. Дело не меняется от того, что в названной книге Энгельс «весьма энергично» удерживает «текучесть» понятий. Это удержание «лишь мнимое». Итак, Энгельс был лишь мнимым диалектиком; революционный метод, каким диалектика была до него, превратился в его руках в нереволюционную теорию.

Это — тяжкое обвинение, и нужно быть очень уверенным в своей правоте, чтобы решиться так говорить против Энгельса. «В конечном счете» за этими словами кроется обвинение, что Энгельс снова превратил диалектику в метафизику. Ведь он «лишь мнимо» удержал «текучесть» понятий

Что, собственно, означает это обвинение, мы увидим ниже. А теперь обратимся к обвинению № 2, которое, в сущности, повторяет первое и проливает на него несколько более яркий свет.

На стр. 17 своей книги тов. Лукач доказывает, что Маркс ограничивал диалектику областью исторически-общественной действительности. Он приводит следующую цитату из Маркса:

«Как вообще во всякой исторически-социальной науке, так и по отношению к ходу развития (bei dem Gange) экономических категорий следует всегда помнить..., что категории... выражают формы бытия, условия существования.» (Zur Kritik der politischen Oeconomie, XLIII). (Отметим, между прочим, что тов. Лукач делает здесь даже чисто внешнюю ошибку: у Маркса сказано не «Existenzbedingungen», а «Existenzbestimmungen» — это очень большая разница! Разночтение Лукача облегчает ему идеалистическое истолкование марксова текста.)

И он снабжает эту цитату следующим примечанием:

«Это ограничение метода исторически-общественной действительностью очень важно. Недоразумения, возникающие при энгельсовском изложении диалектики, основаны, главным образом, на том, что Энгельс, следуя дурному примеру Гегеля, распространяет диалектический метод и на познание природы. А, между тем, основные определения диалектики: взаимодействие суб'екта и об'екта, единство теории и практики, историческое изменение субстрата категорий, как основание для их изменения в мысли, и т. д., — отсутствуют в естествознании» (курсив мой. *Л. Р.*).

И, как бы извиняясь, тов. Лукач прибавляет:

«Разобрать эти вопросы подробнее у нас здесь, к сожалению, нет никакой возможности».

На это мы вынуждены заявить, что считаем подобную отписку недопустимой. Эти немногие строки заключают в себе — как мы сейчас докажем — чисто идеалистическое обращение марксистской диалектики, идеалистическую гносеологию, сужение диалектики, — все вещи, которые как будто заслуживали бы «более подробного разбора».

Первый вопрос, разумеется, тот, действительно ли Маркс ограничивал диалектику исторически-общественной действительностью, Энгельс же распространил ее на природу вопреки Марксу? Нет, это не так, это невозможно уже в силу чисто исторических оснований.

Лукач сам говорит, что Энгельс последовал «дурному примеру Гегеля». Отсюда следует, что Маркс этого «дурного примера» избежал. Но когда речь идет о двух мыслителях такого ранга, как Маркс и Гегель, нельзя думать, что первый исправил второго бессознательно. Если Маркс, вопреки Гегелю, ограничил диалектику сферой общественности, то он должен был отдавать себе в этом шаге полный отчет. Это был бы слишком важный шаг, чтобы о нем можно было умолчать, чтобы не заявить о нем совершенно ясно и определенно. И еще невероятнее предположение, что Маркс молча смотрел на то, как его ближайший друг и сотрудник, Энгельс снова покидает новую, впервые установленную Марксом точку зрения и возвращается к старой и устаревшей точке зрения Гегеля, уже превзойденной и покинутой Марксом! Ведь

читал же Энгельс Марксу своего «Анти-Дюринга», и тот вполне одобрил его! Или, может быть, тов. Лукач думает, что такой человек, как Маркс, промолчал в данном случае из дружбы к Энгельсу, или потому, что не придавал значения вопросу, или еще почему-нибудь? Это отнюдь не было свойственно Марксу — даже тогда, когда речь шла о несущественных чертах, а тем более в вопросе о важных сторонах его учения. Он, наверное, постарался бы убедить Энгельса в неправильности его точки зрения. А Энгельс, в свою очередь, был не такой человек, чтобы не внять вразумлениям Маркса.

Таким образом, уже с чисто исторической точки зрения тов. Лукач никак не может быть прав. Но взглянем на это дело не только исторически, взглянем на него и с точки зрения диалектики.

Вместо того, чтобы нагромождать цитаты, доказывающие, что Маркс признавал диалектику в природе, рассмотрим ближе цитату, которую приводит в указанном выше месте сам тов. Лукач и из которой он делает вывод, что Маркс ограничивал диалектику областью общественного бытия... В цитируемом месте Маркс развивает ту мысль, что всякая исторически данная форма общества в состоянии понять другие, предшествовавшие ей формы только тогда, когда она уже начинает критиковать себя; до того она видит в них только «ступени к самой себе». Далее он продолжает (цитирую полностью, а не сокращенно, как тов. Лукач):

«Как вообще во всякой исторически-социальной науке, так и по отношению к ходу развития (bei dem Gange) экономических категорий, следует всегда помнить, что, как в действительности, так и в голове, дан суб'ект, в настоящем случае современное буржуазное общество, и что поэтому категории выражают формы бытия, определения существования, а часто лишь отдельные стороны этого определенного общества, этого суб'екта» (курсив мой. *Л. Р.*).

Ничего не может быть яснее этой цитаты. Ничего не может быть яснее того, что в этой цитате нет и отдаленнейшего намека на то, что в нее вчитывает или из нее вычитывает тов. Лукач: ограничения диалектики сферой исторически-общественной действительности!

В самом деле. Во-первых, об исторически-общественных науках здесь говорится вовсе не в противоположность естественным наукам. Об естественных науках в этой связи вообще не говорится ни словечка — ни здесь, ни в другом месте.

Во-вторых, речь здесь идет не об исторически-общественных науках, а об их ходе, т.-е. об их развитии. «По отношению к ходу развития (bei dem Gange) экономических категорий», говорит

Маркс,—следует всегда помнить, — что именно? Что они «выражают формы бытия, определения существования, часто лишь отдельные стороны этого определенного общества, этого суб'екта». Почему это так? Потому что «это определенное общество», «этот суб'ект», «современное буржуазное общество» «дано нам как в действительности, так и в голове». Итак: «дано» некоторое общество, скажем— современное буржуазное общество. Это общество отражается в голове человека: люди мыслят «буржуазно». Поэтому их понятия выражают «формы бытия, определения существования» этой действительности, этого общества. Если бы было дано другое общество, их понятия (категории)выражали бы другую действительность. Данная действительность настолько заполняет сознание, что даже о прошлых эпохах люди судят с точки зрения данной им действительности, в нашем случае, с буржуазной точки зрения.

Итак, в нашей цитате содержится только та мысль, что в «категориях» исторически-общественных наук выражаются не отношения общественного бытия человека вообще, а всегда только некоторое конкретное, исторически данное бытие. Это, разумеется, не исключает возможности существования и таких исторически-общественных наук, которые высказывают нечто об общественном бытии вообще. Такой наукой является, наприм., марксизм. Положение: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», выражает некоторый всеобщий факт социального бытия вообще. Но к тому времени, когда Маркс писал цитируемое место, это положение еще не было формулировано, марксизм еще только слагался. Маркс говорит поэтому только о конкретно существовавших в его время исторически-общественных науках и констатирует, что хотя они и притязают на обладание всеобщими «категориями», но на самом деле они ими не обладают, ибо они выражают только свою действительность, свою социальную «данность», часто даже только «отдельные ее стороны», и прошлые исторические эпохи они тоже выражают — и способны выразить — только с точки зрения своего общества. Все это место является, следовательно, только предвосхищением того, что потом будет сказано в сжатой и точной, но абстрактно-всеобщей форме, в предисловии к «Критике политической экономии»: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Только здесь эта мысль формулируется еще не абстрактно, а конкретно, в связи с вопросом о политической экономии. Больше в нашей цитате не содержится ничего (того, что в ней содер-

жится, вполне достаточно!), и уж решительно ни одного словечка не говорится о диалектике, об ее ограничении областью общественного бытия. Кто находит в этой цитате что-то бо́льшее, тот жестоко заблуждается.

В-третьих, здесь ничего не говорится о каком-то общем методе, как утверждает тов. Лукач. Повторим еще раз: речь идет о ходе развития политической экономии, о ходе развития, который она проделала до Маркса и который, разумеется, ничем не отличался от развития всякой другой исторически-общественной науки, наприм., истории и в особенности истории религии. По отношению к этой науке Маркс констатирует то же самое явление: она так же отображала современную ей действительность, как и политическая экономия. Ход ее развития был такой же, как у политической экономии: христианство могло оценивать прошлое только с точки зрения настоящего, об'ективнее оно сделалось только тогда, когда в протестантизме и т. д. уже началась критика этого настоящего. В нашей цитате речь идет, следовательно, о реальном историческом развитии научных дисциплин, а не о методе исторически-общественных наук — в противоположность наукам о природе.

Я допускаю, что особенность, о которой здесь говорит Маркс, была свойственна только общественным наукам, и что естественные науки развивались другим путем. (Хотя, впрочем, тов. Лукач в некоторых местах своей книги утверждает как раз обратное — именно, что естественные науки точно так же являются только продуктом «овеществления» капиталистического общества. Тут он, следовательно, противоречит самому себе.) Но если такое различие и существует, то при чем тут ограничение диалектики областью общественного бытия? Признаюсь, я этого не понимаю.

Итак, с исторической и текстуальной («цитатной») стороны тов. Лукач оказывается решительно неправым. Но, может быть, он прав по существу? Возможно ведь, что хотя Маркс (вместе с Гегелем и Энгельсом) и не ограничивает область приложения диалектики общественным бытием, а распространяет ее и на природу, но что, тем не менее, она в действительности приложима только к обществу. Рассмотрим вопрос с этой стороны. Что вытекает из утверждения тов. Лукача?

Из него вытекает, во-первых, следующее:

Если диалектика ограничена сферой общественного бытия, то существуют два мира, с двумя совершенно различными закономерностями: природа и общество. В природе явления протекают не диалектически, в обществе — диалектически.

Допустим. Правда, все великие философы были монистами, но это ещё не доказывает, что они были правы. По Лукачу, мир дуалистичен. Может быть, прав он, а не его великие предшественники. Во всяком случае, допустим на минуту, что он прав.

Итак, природа не диалектична, а общество диалектично.

Но тогда, во-вторых, спрашивается:

Как приходит общество к диалектике, которой не было в природе? Диалектика должна была возникнуть вместе с обществом. (Этот вывод отпадает только в том случае, если само общество не возникло, а существовало вечно, или если оно возникло раньше природы. Но тогда встает другой вопрос: каким образом диалектика исчезла из природы, которая возникла позже общества?)

Так как я уверен, что тов. Лукач не согласится допустить эту вторую возможность, то я принимаю вместе с ним, что диалектика не прекратилась с появлением природы, а началась с появлением общества. В природе, существующей раньше общества, ее не было и нет, в обществе она вдруг оказывается налицо, вдруг начинает действовать. Как это об'яснить?

Очевидно, что причина этого может заключаться только в человеке. Ведь общество отличается от природы именно тем, что оно есть общество людей. Если бы не было людей, не было бы и общества.

Что причиной возникновения диалектики является человек, прямо говорит нам тов. Лукач сам. В приведенном выше примечании он перечисляет следующие «основные» определения диалектики:

1) Взаимодействие суб'екта и об'екта. (За невнимание к этому взаимодействию он даже упрекает Энгельса.)

2) Единство теории и практики.

3) Историческое изменение субстрата категорий, как основание для их изменения в мысли. (Что означает в точности этот философский жаргон, для нас здесь совершенно безразлично. Ясно, во всяком случае, что речь идет об «изменении в мысли», а мыслить могут только люди. Для нашей цели этого совершенно достаточно.)

4) «И т. д.». Это «и т. д.», к сожалению, весьма неуместно, потому что, может быть, именно отсюда началось бы перечисление и таких «основных» признаков диалектики, которые не связаны с человеком.

Как бы то ни было, во всяком случае признаки, перечисленные в первых трех рубриках, относятся явным образом только к человеку. Практика и теория имеются только у человека, о суб'екте и об'екте может итти речь только по отношению к человеку, мышление существует только у человека. Почему именно эти три

определения диалектики являются «основными», как уверяет нас тов. Лукач, почему не также и «текучесть» понятий, отрицание отрицания, переход количества в качество и т. д., — этого я не знаю и не решаюсь даже высказать об этом никаких предположений. Для нашей цели это, впрочем, и не нужно. С нас вполне достаточно, что на основании всего сказанного мы можем теперь констатировать:

Если диалектика имеет силу только в обществе, то она находится в теснейшей связи с человеком, и тов Лукач сам открыто признает это.

Но отсюда вытекает, в-третьих, следующее:

Диалектика есть произведение человека. Ибо люди суть то новое, что привходит к природе через общество. Стало быть, и то новое, что появляется в закономерности общества по сравнению с природой, может быть только произведением этого нового, людей, иначе оно свалилось бы с неба. Стало быть, либо диалектика есть закон природы, либо она божественный или человеческий закон. Так мы приходим к выводу: диалектика есть произведение людей, в диалектике обнаруживается чисто человеческая закономерность. Если бы не было людей, не было бы и диалектики.

И, наконец, последний вывод:

Диалектика не об'ективная, т.-е. независимая от человека, закономерность, а закономерность суб'ективно-человеческая.

Но такой взгляд я называю (и все называют) суб'ективным идеализмом.

Мы имеем здесь, следовательно, идеализм — и притом особого типа, отягощенный пороком непоследовательности, до-гегелевский идеализм. Гегель принимал, что природа (а равно и история) есть не что иное, как реализация абсолютной, чистой идеи. Диалектика, которая является у него закономерностью идеи, распространяется именно поэтому на всю действительность.

Маркс и Энгельс считали диалектику законом природы, а так как общество тоже есть часть природы, диалектически из нее возникшая (и подчиненная другим, но не инородным законам по сравнению с остальной природой), — то диалектическая закономерность распространяется и у них на всю действительность, на общество в такой же мере, как на природу, только в обществе она облекается в особые формы.

Таким образом, и Маркс и Гегель оба последовательны: Гегель — последовательный идеалист, Маркс — последовательный материалист.

Лукач же — все равно, идеалист ли он или материалист, — во всяком случае непоследователен. Стало быть, он — эклектик. В самом деле, какую роль играет у него диалектика? Она не закон природы — значит, не материальный мировой закон; но она и не закон идеи, и, значит, не идеальный мировой закон. Все же скорее второе, чем первое.

Ибо на каждом шагу выглядывает наружу идеализм Лукача. Мы видели, в чем заключался его первый упрек Энгельсу. Энгельс, оказывается, не упомянул о важнейшем взаимодействии, о взаимодействии суб'екта и об'екта в историческом процессе. А именно оно-то и составляет центр диалектики.

Упомянул ли Энгельс об этом взаимодействии или нет, на этот счет не приходится тратить много слов. Ибо ясно, как день, что когда в своем «Анти-Дюринге» Энгельс говорит о диалектике, как о всеобщем мировом законе, он указывает те ее признаки, которые одинаково имеют силу в природе и в обществе, во всяком бытии и мышлении, а не те особые ее формы, которые она принимает в обществе. Но только здесь, только в общественном бытии, имеет место взаимодействие между суб'ектом и об'ектом, и только там, где речь идет об общественной диалектике, должно быть упомянуто и это взаимодействие, как очень важный, правда, но все же только специальный случай. И стоит только перечесть те страницы, на которых Энгельс вдалбливает Дюрингу в голову общественную диалектику, чтобы тотчас убедиться, что эту прописную для марксиста истину о взаимодействии между суб'ектом и об'ектом в историческом процессе он хоть и не «формулировал» абстрактно, но зато конкретно показал и развил.

Итак, не будем тратить по этому поводу лишних слов. Но почему это взаимодействие составляет центральный пункт, основное определение диалектики вообще, без которого она, по Лукачу, перестает быть революционным методом?

Потому, что — с точки зрения идеалиста Лукача — теория впервые делает возможной революцию.

Он говорит:

Теория и практика «составляют единство». «Практическая сущность теории должна быть развита из нее (т.-е. из теории) и из ее отношения к своему предмету» (стр. 14, курсив мой. *Л. Р.*).

Ибо в противном случае могло бы оказаться, что «массы движутся совсем другими мотивами, устремляются навстречу совсем другим целям, теория же является по отношению к их движению чисто случайным содержанием, формой,

в которой они осознают свое общественно необходимое или случайное действие, причем этот акт осознания по существу и подлинно не связан с самим действием» (стр. 14, курсив мой. *Л. Р.).*

Ибо только «такая связь сознания с действительностью впервые делает возможным единство теории и практики. Тогда только, когда сознание означает решающий шаг исторического процесса по направлению к его собственной цели, слагающейся из человеческих воль, но независимой от человеческого произвола, не человеческим духом изобретенной; когда историческая функция понятия заключается в том, что она делает практически возможным этот шаг; когда дана такая историческая ситуация, при которой правильное познание общества становится для определенного класса непосредственной предпосылкой для его самоутверждения в борьбе; когда для этого класса самопознание совпадает с правильным познанием всего общества; когда, следовательно, в процессе такого познания этот класс является одновременно суб'ектом и об'ектом познания и, таким образом, теория вступает непосредственным и адэкватным фактором в процесс преобразования общества, — только тогда становится возможно единство теории и практики, как предпосылка революционной функции теории» (Там же, курсив мой. *Л. Р.).*

Прошу извинения за эту длинную цитату. Она была необходима, потому что в ней тов. Лукач выступает уже не скрытым, а совершенно явным идеалистом, — идеалистом, для которого «теория» является тем же, чем для идеалистов старого типа была идея.

Ибо, во-первых, исходным пунктом всех его рассуждений об историческом процессе служит всегда и неизменно теория, никогда не практика. Практическая сущность теории должна быть развита из теории, а не из практики. (Между прочим: утверждение, что практическая сущность теории должна быть развита из теории — а не при помощи теории! — само по себе внутренне противоречиво.) Решающим моментом является отношение теории к своему предмету, а не наоборот. (Во второй главе настоящей статьи мы увидим, что тов. Лукач вообще отрицает практику, попросту разрешая ее, по примеру всех идеалистов, в теорию, более того — в мышление.) Теория должна быть движущим стимулом масс, а не «чисто случайные» другие факторы. Когда массы «движутся другими мотивами», а не теорией, когда они «устремляются навстречу другим целям», а не тем, которые поставлены теорией, — другими словами: когда они приводятся в движение, «необходимо или случайно», законами общественного бытия, — тогда теория не связана с ними «подлинно и по существу». А, во-вторых, сознание есть тот решающий шаг, который исторический процесс делает по направлению к своей цели; историческая функция теории заключается в том, чтобы сделать этот шаг «практически возможным» и т. д., и т. д.

Стало быть, напрасно Маркс утверждал, что сознание людей и, значит, их теория зависит от общественного бытия. Напрасно он доказывал, что «человечество ставит себе только такие задачи, которые... возникают лишь там, где материальные условия для их разрешения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе созревания». Напрасно он, таким образом, полагал, что теоретическое познание материальных условий общественного развития (тоже одна из человеческих задач) возникает из этих условий. Ибо ведь, по Марксу, не теория делает возможным практическое движение истории, а, наоборот—материальные производственные и общественные отношения делают возможной теорию, причем между практикой и теорией существует взаимодействие (а не какое-то мифическое единство), но исходным пунктом решительно является практика. Все напрасно! Лукач переводит Маркса на идеалистический жаргон. И приходит не только к идеализму, но и к мистицизму.

«Исторический процесс» становится у него «отдельной личностью» (aparte Persönlichkeit, — выражение Маркса против идеалиста Бауэра), которая делает «решающие шаги».

И, наконец, идеализм Лукача оказывается, как мы увидим, агностицизмом.

Резюмируем выводы настоящей главы. Когда тов. Лукач утверждает, что его полемика с Энгельсом внушена «духом всей системы марксизма в целом», он жестоко заблуждается. Таким же заблуждением является его уверенность, что он «защищает против Энгельса точку зрения ортодоксального марксизма»: против Энгельса он защищает непоследовательный идеализм. Вот что скрывается — как я старался показать — за упреком, что Энгельс не распространил диалектику и на природу. И я думаю, что «всякий понимающий читатель» заметит, что, во-первых, Лукач вовсе не «защищает» марксизм против Энгельса «в отдельных пунктах», а переиначивает весь дух материалистического учения Маркса на идеалистический лад — и что, во-вторых, не тов. Лукач, а именно Энгельс представляет «дух всей системы в целом», позицию ортодоксального марксизма. Ибо этот дух и эта позиция означает последовательный материализм, а никак не непоследовательный идеализм.

2. Энгельс и Кант, или практика и промышленность «в диалектически-философском смысле».

До сих пор Энгельс обвинялся в том, что он, во-первых, превратил революционную теорию диалектики в нереволюционную метафизику, потому что не выдвинул надлежащим образом в центр рассмотрения взаимодействие суб'екта и об'екта, и во-вторых, следуя дурному примеру Гегеля, распространил диалектику и на природу, что, по мнению Лукача, противоречило взгляду Маркса.

Выше я старался показать, что в обоих пунктах Лукач заблуждается, хуже того — сбивается на непоследовательный идеализм. Теперь же мы увидим, что Лукач сам действительно следует «дурному примеру Гегеля» и именно в той области, где марксист отнюдь не должен ему следовать,—в области туманнейшего идеализма и агностицизма.

Этот агностицизм проявляется в третьем обвинении против Энгельса, которое находим на стр. 145. Тут Лукач цитирует следующее место из книги Энгельса «Людвиг Фейербах и т. д.»: «Самое решительное опровержение этих, как и всех остальных философских вывертов, дает практика, т.-е. эксперимент и промышленность. Когда мы можем доказать правильность нашего понимания какого-либо явления природы тем, что сами производим его, порождаем его из его условий и, вдобавок, заставляем его служить нашим целям, тогда кантовской непостижимой «вещи в себе» наступает конец. Образующиеся в растительных и животных организмах химические вещества оставались «вещами в себе» до тех пор, пока органическая химия не начала создавать их одно за другим; после этого «вещь в себе» превратилась в вещь для нас, как, наприм., красящее вещество краппа, ализарин, который мы уже не выращиваем в поле, в корнях морены, а гораздо проще и дешевле добываем из каменноугольного дегтя».

Это место было искони камнем преткновения для всякого «марксиста» с уклоном в сторону идеализма и агностицизма. Не удивительно поэтому, что тов. Лукач тоже полемизирует против него. В связи с этим местом против Энгельса выдвигаются три новых обвинения.

1) Энгельс повинен в одной «терминологической неточности», которая «почти непонятна со стороны такого знатока Гегеля». Он употребляет—подумайте только!—выражения «в себе» и «для нас», как противоположности, у Гегеля же они соотносительны. «Противоположностью к бытию «для нас» или «в себе» является бытие «для себя», т.-е. такой способ бытия, при котором мыслимость предмета означает вместе с тем осознание предметом самого себя».

И чтобы снова создать противоположность между Энгельсом и Марксом, тов. Лукач отмечает, что Маркс правильно употребил эту терминологию в «Нищете философии» (Elend der Philosophie, 162), где он говорит: «Таким образом эта масса уже стала классом по отношению к капиталу, но еще не стала им для самой себя. В борьбе... она конституируется как класс для самого себя».

Прежде всего поражает в этом обвинении филологический, учительский педантизм, с каким восстанавливается правильная «терминология» Гегеля. Но если бы это был только педантизм! Дело обстоит гораздо серьезнее: дух Гегеля, или, вернее, гегельянский дух, чистейший идеализм — вот что мы здесь имеем. Тов. Лукач не ортодоксальный марксист, а ортодоксальный гегельянец.

В самом деле, вполне возможно и даже несомненно, что у Гегеля определения «в себе» и «для нас» были не противоположны, а соотносительны, и что противоположностью к ним обоим было у него бытие «для себя». У идеалиста Гегеля это вполне понятно. И Лукач сам высказывает, почему. Да потому, что для Гегеля предмет тогда существует «для себя», когда, будучи мыслим, он вместе с тем познает сам себя. А так как весь мир состоит из идей, и ализарин тоже идея, то и ализарин может достигнуть такого состояния, когда он будет существовать «для себя». Со стороны Гегеля все это вполне последовательно. Но было бы крайне непоследовательно со стороны материалиста Энгельса, если бы он удержал эту идеалистическую терминологию, которая как раз в разбираемом месте была бы просто бессмысленна. Ибо для Энгельса, как для материалиста, существуют «вещи в себе», т.-е. внешний мир, который мы частью еще не знаем, и «вещи для нас», т.-е. та часть мира, которую мы уже познали. И «вещи в себе» все время превращаются в «вещи для нас» в самом процессе практического действования и теоретического познавания. Если же Маркс, в цитированном только что месте, говорит о «классе для себя», то это вполне естественно и отнюдь не противоречит энгельсовскому употреблению этих выражений; у Маркса это не гегелевская терминология, а самое большее—слабый отзвук ее. Ясно, в самом деле, что класс, который обладает классовым сознанием, который чувствует и знает себя особым классом, со своими особыми интересами, враждебно противостоящим другому—что такой класс существует не только «в себе», т.-е. об'ек-

тивно, по своим социально-экономическим признакам, но и «для себя», т.-е. суб'ективно, в своем собственном сознании. Ибо класс состоит из людей, одаренных сознанием, и это обстоятельство дает возможность всему классу притти к осознанию самого себя. Но какой был бы смысл в употреблении термина «для себя» в противоположность термину «в себе», когда речь идет о таких вещах, как красящее вещество краппа или ализарин? Или, может быть, ализарин тоже может осознать сам себя, стать «вещью для себя»? У Гегеля — да, у Маркса и Энгельса — ни в коем случае! А у Лукача? Повидимому, тоже — да! Потому что он тоже идеалист!

2) Энгельс совершенно не понял Канта. Лукач пишет: «Но в таком случае было бы чистейшим недоразумением считать, что понятие вещи в себе означает у Канта предел, поставленный возможности конкретного расширения наших познаний. Наоборот, Кант... принял беспредельную распространимость этого (ньютоновского) метода. Его «Критика» утверждает только, что даже совершенное познание всех явлений остается всего лишь познанием явлений (а не вещей в себе). Она утверждает, что даже совершенное познание этих явлений никогда не может преодолеть структурных границ этого познания, т.-е. в нашей формулировке антиномии законченного целого (Totalität) и содержаний».

Здесь прежде всего бросается в глаза, что Лукач одного мнения с Кантом: мир не может быть познан об'ективно. Это свое мнение он, конечно, облекает в другую форму, чем Кант: ведь «вещи в себе» давным-давно выброшены вон даже неокантианцами. Свой агностицизм Лукач называет — по Гегелю — «антиномией законченного целого (Totalität) и содержаний». По существу дело от этого, конечно, не меняется ни на иоту: кличек, говорит Ленин, можно придумывать сколько угодно, агностицизм все равно остается агностицизмом.

Но, как бы там ни было, странно во всяком случае предположение тов. Лукача, что «такой знаток Гегеля, как Энгельс» не знал Канта. Что Кант был агностиком, это — вопреки тов. Лукачу — вне всяких сомнений. По Канту, мир «в себе» принципиально недоступен нашему познанию. Тов. Лукач, разумеется, прав, что Кант утверждал полнейшую познаваемость мира явлений. Но именно поэтому-то Кант и был полуматериалистом. Копромиссный характер кантовской философии выяснен раз навсегда Плехановым и Лениным. Распространяться здесь об этом мы считаем излишним. Но мыслители такого ранга, как Маркс, как Кант, всегда

отдают себе полный отчет в значении своих высказываний. Если Кант говорит: «Я должен был уничтожить знание, чтобы освободить место для веры»,—то это не было для него пустой фразой или уступкой господствующим политическим силам (как теперь утверждают некоторые слишком усердные его поклонники), а было сказано самым серьезным образом. В одном только пункте Кант не был агностиком: в своей этике, в области веры, по поводу человеческой личности, которая, будучи одновременно явлением и «вещью в себе», есть — выражаясь языком Гегеля-Лукача — «вещь для себя». Во всех остальных отношениях он принципиально уничтожил знание. Он был агностиком.

Но в разбираемом месте Энгельс говорит только об этом агностицизме. Он говорит: Кант, как все агностики, утверждает, что мир «в себе», «вещи в себе» непознаваемы. Неправда! они познаваемы, поскольку мы их производим, заставляем служить нашим целям. Немного другими словами он говорит то же самое, что Маркс в своем втором тезисе о Фейербахе: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, есть практический, а не теоретический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Вопрос о действительности или недействительности мышления, изолирующего себя от практики, есть чисто схоластический вопрос».

То же самое говорит Энгельс. И ни словечка не говорит он о том, что Кант отрицает возможность конкретного расширения наших познаний. Что это не так, Энгельс знал так же хорошо, как всякий, кто хоть раз заглянул в Канта. Но против Канта Энгельс хотел сказать, что этим (практическим и теоретическим) расширением наших познаний в мире явлений дано уже все, что за этими пределами нечего и познавать. Другими словами: мир явлений есть все, а «вещи в себе» — это просто метафизический «выверт», если понимать под ними не такие вещи, которых мы еще не знаем, но можем узнать, а такие, которых не знаем и никогда узнать не можем. Только это говорит Энгельс и ничего другого. И возражение тов. Лукача было бы в лучшем случае мелочной придиркой, если бы эта придирка не заключала в себе отрицание того факта, что Кант был агностиком, и хуже того — защиту идеализма и «исправление» материализма.

3) Итак, мы познаем вещи на практике, — говорит Маркс. «В эксперименте и промышленности»,—поясняет эту мысль Энгельс. «Оскорбление святыни!» — восклицает тов. Лукач.

«Глубочайшее недоразумение Энгельса заключается, однако, в том, что промышленность и эксперимент он считает практикой (в диалектически-философском смысле)».

Хорошо, что тов. Лукач прибавляет эту оговорку: «в диалектически-философском смысле», а то сразу бы стало ясно, каков его «ортодоксальный марксизм». В самом деле, не только все марксисты, но и просто всякий человек с неповрежденным умом, и даже все идеалисты, называли до сих пор эксперимент и промышленность практикой. В чем же дело? Почему «в диалектически-философском смысле» это не практика?

Очень просто.

Во-первых, потому что эксперимент «созерцателен» (contemplativ) по своей природе. «Как раз эксперимент представляет собою созерцательное отношение к вещам в наиболее чистом виде. Экспериментатор создает искусственную абстрактную среду, чтобы иметь возможность наблюдать беспрепятственное выявление изучаемых законов... Он стремится свести материальный субстрат своих наблюдений... к чистому «порождению» разума, к «интеллигибельной материи» математики».

Если бы мы прочли это выражение у не-марксиста, у кого-нибудь из открытых идеалистов и агностиков, мы не удивились бы. На то они и агностики, чтобы доказывать, что эксперимент есть чисто мыслительная операция. Но, в сущности, в приведенных словах тов. Лукача содержится только то утверждение, что экспериментатор пользуется при экспериментировании своим рассудком! «Он обладает»,—говорит тов. Лукач. Ни один марксист этого никогда не отрицал и не имеет к тому никаких оснований. Неужели эксперимент потому только не есть практика «в диалектически-философском» смысле, что с его помощью наблюдается беспрепятственное выявление определенных законов, очищенное по мере возможности от вмешательства посторонних элементов? Или потому, что он «сводится к ителлигибельной материи математики», т.-е., говоря простым человеческим языком, к измерению и вычислению участвующих в нем величин?

Но где же та практика, при которой не производились бы наблюдения? Последний чернорабочий наблюдает результаты своей работы. Последний чернорабочий старается по возможности удалить от своей работы вредные влияния и рассчитать ее результаты. Значит ли это, что его поведение созерцательно «в наиболее чистом виде»? Может быть, если это — идеалистически преображенный чернорабочий! В самом деле, все идеалистические философы судорожно пытаются доказать, что наши познания расширяются не экспериментом, а идеями, которые, по их мнению, возникают не из предшествующих экспериментов, а падают с неба и тем впервые делают возможным самый эксперимент. И та же самая мысль скрывается за «диалектически-философским смыслом» тов. Лукача. Он не хочет видеть, что «искусственная абстрактная среда» эксперимента отпадает тотчас же, как только удавшийся эксперимент применяется — ну, скажем, к изготовлению ализарина, что совершается уже в живом химическом производстве, а не в «искусственной среде». Словом, он рассматривает вещи в их изоляции от практики (как говорит Маркс в приведенном выше тезисе о Фейербахе) и заслуживает поэтому той самой отповеди, которую Маркс дает (там же) такому способу рассмотрения: это—«чисто схоластический вопрос».

Но, во-вторых, не только эксперимент, а и промышленность также не есть практика «в диалектически-философском смысле». «Если по поводу промышленности Энгельс говорит, что «порожденное» разумом ставится на службу «нашим целям», то он, повидимому, на мгновение забыл о фундаментальной структуре капиталистического общества...»

Надо признаться, что тов. Лукач умеет разжечь наше любопытство! Все до сих пор думали, что промышленность служит для удовлетворения человеческих потребностей, служит «нашим целям», как говорит Энгельс. Прекрасно, в «обыкновенном смысле» это, может быть, и так, но не в «диалектически-философском смысле!» Что же такое промышленность в этом смысле? О, нечто совсем другое.

Дело в том, что Энгельс «на мгновение» забывает, что в капиталистическом обществе мы имеем дело с некоторым «естественным законом», который «основан на бессознательности заинтересованных лиц».

Хорошо, что тов. Лукач с педантической добросовестностью снабжает все свои цитаты ссылками на источники, а то мы могли бы «на мгновение забыть», что эта прекрасная формулировка, процитированная тов. Лукачем, принадлежит как раз Энгельсу. И Энгельс мог позабыть свои собственные слова? Слова о том, о чем сотни раз говорил и Маркс? Уму непостижимо! А между тем это так:

«Промышленность — поскольку она служит «целям» — есть в глубочайшем, в диалектически-историческом смысле только об'ект, а не суб'ект естественных законов общества. Маркс неоднократно и с особенным ударением называет капиталиста марионеткой». (Далее идет цитата о «собирателе сокровищ», Kapital, I, 55, в настоя-

щей связи довольно лишняя, а затем тов. Лукач продолжает): «Что «промышленность», т.-е. капиталист, как носитель экономического, технического и т. д. прогресса, не действует, а служит об'ектом действия, что вся его «деятельность» исчерпывается правильным наблюдением и подсчетом тех об'ективных результатов, к которым приводит действие естественных законов общества, — это для марксизма... разумеется само собой». (Курсив мой. *Л. Р.*).

Итак, Энгельс на «мгновение» позабыл, что капиталист, ведя производство, думает о своих барышах, а не об удовлетворении человеческих потребностей, и все-таки удовлетворяет именно эти потребности. И это должно служить возражением против той мысли Энгельса, что промышленность (а не капиталист, о котором Энгельс здесь ничего не говорит) превращает «вещи в себе» в «вещи для нас».

Тов. Лукач делает здесь с «диалектически-философской» проницательностью попросту два логических промаха, да еще таких, от которых уберегся бы даже новичок. На любезном его сердцу ученом жаргоне эти промахи называются: эквивокация и кипроко (quid pro quo). Эквивокация заключается в том, что он смешивает два значения термина «для нас», хотя как раз насчет этой терминологии он раньше поучал Энгельса. Энгельс говорит о том, что промышленность — капиталистическая или нет, это в данном случае безразлично—открывает новые методы, делает новые опыты в неведомых дотоле областях—словом, превращает неизвестные «вещи в себе» в познанные вещи «для нас» (и, значит, для всех людей). Для всех людей — потому что вновь открытые вещи не могут остаться неизвестными для пролетариев только потому, что они были созданы капиталистической промышленностью. Тем более, что они сами принимают очень деятельное участие в процессе производства, сами содействуют превращению неведомых до сих пор вещей в познанные вещи «для нас». Таково первое значение термина «для нас»—то значение, в котором его употребляет Энгельс. Лукач же говорит о том, что капиталист, производство которого работает именно по способу, описанному Энгельсом, сам не ставит себе эту цель, что он думает не о целях «для нас», а о своих собственных целях, ведет себя, как «марионетка», ищет барышей, не действует, а служит «об'ектом действия». Здесь термин «для нас» употреблен в совсем другом смысле, и смешивать этот смысл с первым можно только по грубейшему недоразумению. Не менее грубую ошибку делает Лукач, смешивая капиталиста (о котором Энгельс не говорит) с промышленностью (о которой Энгельс говорит) и

утверждая, что «промышленность», т.-е. капиталист, «поступает так-то и так-то». «Промышленность»—даже когда она берется в кавычки и означает капиталистическую промышленность—не тождественна с «капиталистом». В этом и состоит кипроко Лукача. В том смысле, в каком Энгельс говорит здесь о промышленности, коммунистическая промышленность будет действовать совершенно так же, как капиталистическая и всякая другая. Она всегда будет расширять область познанных нами вещей через производство этих вещей. Тут ничего не изменит никакой «диалектически-философский смысл», потому что в этом отношении промышленность есть вечный процесс естественного взаимодействия между человеком и природой (Маркс, Kapital, I, 140). Лукач смешивает здесь— что «почти непонятно со стороны такого знатока Маркса, как Лукач»—процесс капиталистического увеличения стоимости с об'ективным трудовым процессом. Sapienti sat!

Но бессознательный мотив всего этого возражения Лукача заключен в его словах о том, что «деятельность капиталиста исчерпывается правильным наблюдением и подсчетом тех об'ективных результатов, к которым приводит действие естественных законов общества». В коммунистическом обществе законы общественного бытия, вероятно, перестанут быть непостижимыми тайнами, слепыми «законами природы». Но какое дело об'ективному трудовому процессу, о котором говорит Энгельс, до того, что законы капиталистического общества именно таковы и что капиталист в своей деятельности ограничен наблюдением этих законов? Пролетариат тоже наблюдает эти законы, только его калькуляция правильнее, потому что его взгляд не искажен капиталистической точкой зрения. Но это не мешает тому, что и капиталист, поскольку он (или его представитель) принимает участие в производстве и имеет хоть какое-нибудь понятие о нем, должен стремиться к об'ективно правильному руководству производственным процессом. Ни один капиталист не тупоумен настолько, чтобы для изготовления вакцы употреблять методы, вовсе не пригодные для этой цели. А в нашем месте Энгельс все время говорит о промышленности, как об об'ективном производственном процессе, процессе обмена веществ между человеком и природой, а вовсе не о ее капиталистической оболочке!

Тов. Лукач этого, конечно, не замечает, потому что, как настоящий идеалист и агностик, он признает практику только в историко-философски преображенном виде и вносит «диалектически-философские» «выверты» туда, где обыкновенный человек ви-

щей связи довольно лишняя, а затем тов. Лукач продолжает): «Что «промышленность», т.-е. капиталист, как носитель экономического, технического и т. д. прогресса, не действует, а служит об'ектом действия, что вся его «деятельность» исчерпывается правильным наблюдением и подсчетом тех об'ективных результатов, к которым приводит действие естественных законов общества, — это для марксизма... разумеется само собой». (Курсив мой. *Л. Р.*).

Итак, Энгельс на «мгновение» позабыл, что капиталист, ведя производство, думает о своих барышах, а не об удовлетворении человеческих потребностей, и все-таки удовлетворяет именно эти потребности. И это должно служить возражением против той мысли Энгельса, что промышленность (а не капиталист, о котором Энгельс здесь ничего не говорит) превращает «вещи в себе» в «вещи для нас».

Тов. Лукач делает здесь с «диалектически-философской» проницательностью попросту два логических промаха, да еще таких, от которых уберегся бы даже новичок. На любезном его сердцу ученом жаргоне эти промахи называются: эквивокация и кипроко (quid pro quo). Эквивокация заключается в том, что он смешивает два значения термина «для нас», хотя как раз насчет этой терминологии он раньше поучал Энгельса. Энгельс говорит о том, что промышленность — капиталистическая или нет, это в данном случае безразлично—открывает новые методы, делает новые опыты в неведомых дотоле областях—словом, превращает неизвестные «вещи в себе» в познанные вещи «для нас» (и, значит, для всех людей). Для всех людей — потому что вновь открытые вещи не могут остаться неизвестными для пролетариев только потому, что они были созданы капиталистической промышленностью. Тем более, что они сами принимают очень деятельное участие в процессе производства, сами содействуют превращению неведомых до сих пор вещей в познанные вещи «для нас». Таково первое значение термина «для нас»—то значение, в котором его употребляет Энгельс. Лукач же говорит о том, что капиталист, производство которого работает именно по способу, описанному Энгельсом, сам не ставит себе эту цель, что он думает не о целях «для нас», а о своих собственных целях, ведет себя, как «марионетка», ищет барышей, не действует, а служит «об'ектом действия». Здесь термин «для нас» употреблен в совсем другом смысле, и смешивать этот смысл с первым можно только по грубейшему недоразумению. Не менее грубую ошибку делает Лукач, смешивая капиталиста (о котором Энгельс не говорит) с промышленностью (о которой Энгельс говорит) и

утверждая, что «промышленность», т.-е. капиталист, «поступает так-то и так-то». «Промышленность»—даже когда она берется в кавычки и означает капиталистическую промышленность—не тождественна с «капиталистом». В этом и состоит кипроко Лукача. В том смысле, в каком Энгельс говорит здесь о промышленности, коммунистическая промышленность будет действовать совершенно так же, как капиталистическая и всякая другая. Она всегда будет расширять область познанных нами вещей через производство этих вещей. Тут ничего не изменит никакой «диалектически-философский смысл», потому что в этом отношении промышленность есть вечный процесс естественного взаимодействия между человеком и природой (Маркс, Kapital, I, 140). Лукач смешивает здесь— что «почти непонятно со стороны такого знатока Маркса, как Лукач»—процесс капиталистического увеличения стоимости с об'ективным трудовым процессом. Sapienti sat!

Но бессознательный мотив всего этого возражения Лукача заключен в его словах о том, что «деятельность капиталиста исчерпывается правильным наблюдением и подсчетом тех об'ективных результатов, к которым приводит действие естественных законов общества». В коммунистическом обществе законы общественного бытия, вероятно, перестанут быть непостижимыми тайнами, слепыми «законами природы». Но какое дело об'ективному трудовому процессу, о котором говорит Энгельс, до того, что законы капиталистического общества именно таковы и что капиталист в своей деятельности ограничен наблюдением этих законов? Пролетариат тоже наблюдает эти законы, только его калькуляция правильнее, потому что его взгляд не искажен капиталистической точкой зрения. Но это не мешает тому, что и капиталист, поскольку он (или его представитель) принимает участие в производстве и имеет хоть какое-нибудь понятие о нем, должен стремиться к об'ективно правильному руководству производственным процессом. Ни один капиталист не тупоумен настолько, чтобы для изготовления вакцы употреблять методы, вовсе не пригодные для этой цели. А в нашем месте Энгельс все время говорит о промышленности, как об об'ективном производственном процессе, процессе обмена веществ между человеком и природой, а вовсе не о ее капиталистической оболочке!

Тов. Лукач этого, конечно, не замечает, потому что, как настоящий идеалист и агностик, он признает практику только в историко-философски преображенном виде и вносит «диалектически-философские» «выверты» туда, где обыкновенный человек ви-

дит самые простые вещи. Как идеалисту, тов. Лукачу особенно не нравятся трезвый «учет», «наблюдение», «калькуляция». Но они принесут пролетариату больше пользы в его освободительной борьбе, чем все идеалистические «выверты», которые могут этой борьбе только помешать!

Недостаток места не позволяет нам коснуться в настоящей статье еще и других заблуждений тов. Лукача, которых немало в его книге.

Классовое сознание пролетариата прямо мифологизируется у него, превращается — в духе школы Риккерта, Макса Вебера — в «проблему отнесения» (Zurechnungsproblem). А это означает, в конечном счете, не что иное, как отрицание всякой точной об'ективной теории.

Исторический материализм получает совершенно превратное толкование. Утверждается, что он вполне пригоден только для капиталистической эпохи, но ни до нее, ни после. Это противоречит не только прямым заявлениям Маркса и Энгельса, но (поскольку речь идет о докапиталистическом прошлом) также и фактам, установленным исторической наукой.

Теория товарного «фетишизма» искажается тов. Лукачем в теорию «овеществления», которая приводит к отрицанию всякой об'ективной истины. Вся современная наука — в том числе и математика, естествознание и, по всей видимости, даже марксизм — оказывается продуктом «овеществления», так что у нас не остается вообще никакого средства удостовериться в об'ективности какой-либо истины, и т. д., и т. д.

Обо всех этих вопросах мы поговорим в следующий раз. А пока мы приходим к следующему заключению.

В книге тов. Лукача много глубоких, остроумных мест, всегда свидетельствующих о высокой культуре, порою прямо блестящих и захватывающих; но это книга идеалиста, агностика и мистика, а не «ортодоксального марксиста». Поэтому было бы крайне необходимо, чтобы тов. Лукач вспомнил изречение Маркса: «Человека оценивают не по тому, что он сам о себе думает», чтобы он «свел счеты со своей философской совестью» (Маркс. «Zur Kritik der politischen Oekonomie») и в результате строгой самокритики изменил свое философское мировоззрение как можно скорее в материалистическом направлении. Ибо философские взгляды — как раз навсегда показал Ленин — имеют свои об'ективно-социальные корни.

Л. Рудаш.

(Продолжение следует.)

Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма [1]).

(Emil Lask. Gesammelte Schriften. Mit einem Vorwort Heinrich Rickert's. Herausgegeben von E. Herrigel. Band I und II. 1923, Tübingen, I. S. B. Mohr-Verlag).

Предлагаемая статья составляет часть более крупной работы «Современная философия в свете исторического материализма». Глава о Ласке появляется отдельно по случаю выхода в свет собрания его сочинений.

При жизни менее известный, чем официальные авторитеты современной немецкой философии, Ласк, однако, по внутренней значительности превосходит их всех; более того, он единственный представитель буржуазной философии наших дней, которого вообще можно называть рядом с классическими философами. Но если германская университетская философия (в лице Риккерта, Кюльпе и др.) оплакивает «геройскую смерть» Ласка, как невознаградимую потерю для философии, то мы здесь постараемся показать, что философия Ласка вовсе не была способна к дальнейшему развитию, потому что она была абстрактнейшим и постольку совершеннейшим выражением эпохи позднего капитализма и поэтому вместе с последним неизбежно должна была упереться в тупик. Для вскрытия этой связи потребовался анализ всей неокантианской философии, так что в настоящей статье мы поневоле должны отказаться от исчерпывающей полноты изложения.

Эмиль Ласк был профессором философии в Гейдельбергском университете. В 1915 г. он, будучи унтер-офицером, был убит, на 38 году жизни, в Карпатах. Из его сочинений, собрание которых выходит теперь в свет, особенно важны следующие: Fichte's Idea-

---

[1]) От редакции: Редакция не во всем согласна с автором статьи.

lismus und die Geschichte, 1902) (Идеализм Фихте и история); Rechtsphilosophie, 1906 (Философия права) и два основных труда: Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre, 1910 (Логика философии и учение о категориях) и Die Lehre vom Urteil, 1912 (Учение о суждении).

В первый том собрания сочинений вошла книга о Фихте и работа о философии права, а также ценная статья об «отношении Гегеля к философии просвещения» и мелкие статьи. Второй том содержит оба основных труда по логике. В третьем томе будет опубликовано рукописное наследие Ласка.

I.

Социальные основы неокантианства.

Известный историк философии Вильгельм Виндельбанд, приступая к изложению новейшей философии (со второй половины XIX века), прежде всего констатирует тот интересный факт, что философия этой эпохи не дает ничего принципиально нового, в смысле постановки и решения проблем, по сравнению с классической немецкой философией.

Замечание Виндельбанда правильно и существенно; но Виндельбанд не сумел назвать п р и ч и н ы, приведшие в XIX веке к этому угасанию творческого философского духа. Общие указания на характер «эпигонства», на «декаданс» и т. д., являются в лучшем случае описанием факта, но не его об'яснением.

Не удивительно, конечно, что философия XIX века была не в состоянии усмотреть причину своей собственной пустоты и омертвелости. Усмотреть эту причину значило бы познать самое себя, а для этого было необходимо познать место философии во всей системе исторически-общественной действительности. Но вместо того, чтобы исследовать свою связь с общественным бытием, философия XIX века пугливо сторонилась от действительности. Она ушла, особенно в Германии, в тесную и абстрактную область логики и теории познания [1]).

[1]) Приведу один характерный образчик этой настроенности. Один из влиятельнейших представителей этой оскопленной, «чисто научной» философии, Генрих Риккерт, дошел до того, что об'явил «чисто гносеологическим спором» фихтевский «Спор об атеизме», т.-е. как раз одно из тех сочинений, в которых немецкий идеализм приобретает практически-конкретный характер. По мнению Риккерта, Фихте интересовался только

На этом узком базисе развилось, начиная с 60-ых и 70-ых годов, то направление «научной» буржуазной философии, которое, вопреки намерению его творцов дать чистую безвременную теорию, во всех своих моментах определилось общественной обстановкой и только под этим углом зрения может быть понято.

Ход этого развития был в кратких чертах следующий. После завершения классической немецкой философии Гегелем, перед философией оставалось два пути. Один из них был указан Марксом: упразднение философии через ее осуществление, обмирщение философии, переход от теории к практике. Этим путем и пошли Маркс и Энгельс. Они сохранили то, что было живого в идейном содержании классической философии, и передали это наследие немецкому рабочему движению, революционному пролетариату. Диалектический материализм, как теоретическое выражение классового сознания революционного пролетариата, является ныне действительным историческим продолжением если не формы, то духа классической философии [1]).

Буржуазная философия, как я уже сказал, не последовала за Марксом и Энгельсом по этому пути. Она не захотела допустить ни свое упразднение, ни свое осуществление.

Но раз отказавшись от вывода необходимых следствий из исторически-общественной ситуации, она поневоле должна была утратить понимание не только этой ситуации, но также и всего мучительно трудного развития от созерцательного материализма к Гегелю в его целом, а следовательно и в отдельных чертах. Так она оказалась вынужденной вернуться к простейшим формам философски-преображенной рефлексии буржуазного человека на его отношение к обществу и природе. Но, преградив себе таким образом путь к дальнейшему развитию за пределы Гегеля, она должна была обратиться вспять, вместо прогреса встать на путь регресса. Так случилось, что путь Бюхнеров, Молешоттов, Фохтов,

вопросом о том, применимы ли к идее бога те же логические категории, которые мы применяем к эмпирической реальности (а не вопросом о б ы т и и или н е б ы т и и бога). Мы увидим, что в этом стремлении Риккерта превращать проблемы бытия в гносеологические проблемы проявляется специфическая тенденция буржуазного мышления, ярко охарактеризованная Марксом в «Нищете философии».

[1]) Эта связь была недавно освещена с достаточной полнотой Карлом Коршем в его превосходной работе «Марксизм и философия». Отсылая читателя к этому сочинению, я ограничусь здесь характеристикой б у р ж у а з н о й ф и л о с о ф и и XIX века.

этих «вульганизирующих разносчиков материализма» (Энгельс), привел обратно к механическому материализму XVIII века, подновленному ими в упадочном и плоском виде. Причина этой упадочности была, однако, вовсе не в бездарности Бюхнеров, Молешоттов, Фохтов. Она заключалась в тех общественных отношениях, которые привели и к вырождению кантовской критики в явившемся на смену материализму неокантианстве; и поэтому презрение, с которым неокантианцы относятся в Бюхнеру, решительно неуместно.

В самом деле, неокантианство развивается на том же узком базисе философской рефлексии, отвернувшейся от общественной действительности, как и вульгарный материализм Бюхнера. Так мы приходим к констатированию любопытного факта: в немецкой философии XIX века перед нами как будто повторяется часть истории. И этот параллелизм развития не ограничивается движением от материализма XVIII века к Канту и от Бюхнера-Молешотта к неокантианству: новейшее развитие буржуазной философии недаром характеризуется многими как развитие от неокантианства к неогегелианству.

Мы сказали, что возможность подобного повторения об'ясняется общественными условиями. Действительно, в дискуссиях и спорах, в абстрактных формулировках и динстинкциях неокантианцев оживают те же самые проблемы, которые были поставлены классической немецкой философией. Это те принципиальные понятия и проблемы, с которыми неизбежно должно столкнуться б у р ж у а з н о е мышление в своей борьбе за опознание самого себя.

Существенное различие между классической философией и буржуазным мышлением последних десятилетий, помимо громадного различия в талантах (впрочем, в конечном счете тоже коренящегося в общественных условиях!), заключается в следующем: не все равно, возникают ли те же самые проблемы в эпоху буржуазного п о д' е м а или в эпоху буржуазного у п а д к а. Созерцательный материализм XVIII века был теоретическим осознанием великих исторических сил времени; вульгарный материализм в середине 60-ых годов прошлого века был анахронизмом. И совершенно таково же отношение между Кантом и неокантианством. Когда критическая философия абстрактно формулировала антиномии буржуазного мышления в начальный период современного капитализма, это было прогрессивным деянием, составившим эпоху в истории самосознания буржуазии. Когда неокантианцы хотят на той же абстрактной почве (вернее, на гораздо более

абстрактной) ставить и решать проблемы философии в такое время, когда общественная действительность капитализма развернулась полностью в форме империалистического финансового капитала, организованной классовой борьбы, мировых кризисов и революций,—тогда это означает регресс, который и проявляется в том, что те же самые проблемы ставятся в оскопленном виде, философская мысль лишается всякой интенсивности и пластичности, «беззаветное теоретическое мужество классической философии» (выражение Энгельса) уступает место безыдейному эклектицизму и пустому формализму понятий.

С широкой точки зрения общественно-исторической действительности неокантианское движение есть анахронизм. Оно не могло быть ничем и н ы м, раз общественно-исторические условия требовали философского перехода к историческому материализму, к единству теории и практики, а философия оказалась неспособной на этот шаг. В о з м о ж е н же был этот анахронизм потому, что буржуазный строй продолжал существовать и, следовательно, допускал дальнейшую рефлексию над своей структурой. В этом смысле неокантианская школа не лишена некоторой вполне определенной социальной основы; несмотря на всю свою отчужденность от действительности или, вернее, именно в этой своей отчужденности она сама составляет часть общественной действительности и, как таковая, заслуживает подробного анализа. Неокантианство не есть только филологическое пережевывание кантовских мыслей, не просто философская нумизматика. Тщательное изучение его развития могло бы даже показать, что отдельные фазисы последнего, в конце концов, коренятся в общественных условиях и выражают их. Да иначе и было бы непонятно то весьма широкое влияние, которое неокантианство оказало как в самой философии, так и за ее пределами (напр., на буржуазную историю и социологию и на социал-демократию).

Такой историко-материалистический анализ неокантианского идеализма стал возможен в особенности благодаря философской деятельности Эмиля Ласка. Ласк, значительнейший мыслитель этой школы, выявил основные предпосылки неокритицизма с тем беззаветным мужеством, которое отличает подлинно значительных мыслителей и только их. Он додумал до конца последние выводы современной логики и теории познания и тем сделал возможным их критическое сопоставление с общественным бытием человека. Правда, только в узкой сфере логики и теории познания. Но именно в том-то и заключается характерная черта философии последних

десятилетий, что вся существенная ее работа сосредоточивается в логико-гносеологической области, а остальные философские проблемы разрабатываются только по обязанности и мимоходом (Виндельбанд-Риккерт) или не разрабатываются вовсе (Гуссерль). В этой чисто научной теории познания философия получила, как нас уверяют, безвременный фундамент, независимый ни от каких общественно-исторических влияний.

Поэтому мы и хотим рассмотреть неокантианскую философию в ее основах, а не в ее производных формах (философия культуры, философия права, методология культуры и естественных наук, этика и эстетика). Правда, в этих производных областях буржуазный дух неокантианства проявляется гораздо брутальнее и откровеннее, здесь он заметен даже для поверхностного взгляда. Но это можно было бы об'яснить и вторичными влиятиями: так, напр., у Гегеля философия культуры часто вырождается в прямую апологию буржуазного строя, тогда как методический смысл диалектики требует выхода за его пределы. Мы должны, следовательно, рассмотреть, каково методическое содержание неокантианства.

II.

Проблемы.

Выше мы привели утверждение Виндельбанда, что в философии конца XIX века не встречается новых проблем. На общественные причины этого явления мы уже указали. Теперь спрашивается, в каких конкретных формах выразился этот возврат к проблемам классической немецкой философии.

Кантовская критика и последующее философское развитие справедливо были названы попыткой теоретического преодоления буржуазного [1]) общества, но попыткой, которая закончилась его оправданием. Эта двойственность перешла и в неокантианство, различные направления которого более или менее примкнули к той или другой тенденции кантовской и послекантовской философии. Это различие в подходе к Канту и в его интерпретации между Когеном, Наторпом и Кассирером, с одной стороны, Виндельбандом,

[1]) От редакции: Маркс и Энгельс говорили о том, что немецкая классическая философия была попыткой теоретического преодоления феодального, а не буржуазного общества, в то время как французская революция была практическим преодолением феодализма.

Риккертом и Ласком—с другой, об'ясняется не большей или меньшей глубиной их проникновения в кантовскую философию, а различием их позиций по отношению к буржуазному обществу, причем, однако, в обеих больших школах эти позиции нашли себе далеко не полное выражение.

Но прежде, чем говорить об этих разногласиях, необходимо со всей энергией подчеркнуть, что это—разногласия в пределах некоторого общего умонастроения. Общей чертой марбургской школы и южно-германской философии ценностей (а также отдельных, менее резко выраженных направлений и оттенков в неокантианстве) является следующее: обе они отвергают обмирщение философии, ее уход в действительность, ее осуществление через ее упразднение. Философия для них чистая наука, задача философии в том, чтобы в качестве теории познания понять науку; в качестве философии культуры понять и осознать культуру. Все неокантианские направления примыкают исключительно к рефлектирующей тенденции классической философии и тем обнаруживают свой резко выраженный буржуазный характер.

Если Маркс в своих афоризмах о Фейербахе заявляет: «Философы до сих пор только истолковывали мир; но дело в том, чтобы изменить его»...—то к этому нужно прибавить, что классическая философия была, по крайней мере, на пути к тому, чтобы через истолкование притти к изменению действительного мира, к работе над его преобразованием. (Эту тенденцию классической философии отметил Корш в упомянутой выше работе, стр. 47.)

И поэтому Лассаль имел полное право ссылаться на Фихте и Шеллинга, когда приписывал науке практическую цель. Но если Шеллинг видит задачу философии не больше не меньше как в «преобразовании всей эпохи»; если Фихте настаивает на праве и обязанности науки «творить надлежащие формы для жизни целого и для всего порядка человеческих отношений»,—то мы не должны забывать, что у самого Лассаля практическая цель понимается не в революционном смысле немецкого идеализма, а в смысле гегелевского примирения с действительностью. Как глубоко политика Лассаля определяется гегельянской идеей примирения, показывает следующее важное место, на которое до сих пор не обращали достаточно внимания: «Я примиряю таким образом (разрядка Лассаля) рабочее сословие с господством буржуазии в истории, вскрывая об'ективную разумность этого господства» (Лассаль, «Наука и рабочие»).

десятилетий, что вся существенная ее работа сосредоточивается в логико-гносеологической области, а остальные философские проблемы разрабатываются только по обязанности и мимоходом (Виндельбанд-Риккерт) или не разрабатываются вовсе (Гуссерль). В этой чисто научной теории познания философия получила, как нас уверяют, безвременный фундамент, независимый ни от каких общественно-исторических влияний.

Поэтому мы и хотим рассмотреть неокантианскую философию в ее основах, а не в ее производных формах (философия культуры, философия права, методология культуры и естественных наук, этика и эстетика). Правда, в этих производных областях буржуазный дух неокантианства проявляется гораздо брутальнее и откровеннее, здесь он заметен даже для поверхностного взгляда. Но это можно было бы об'яснить и вторичными влиятиями: так, напр., у Гегеля философия культуры часто вырождается в прямую апологию буржуазного строя, тогда как методический смысл диалектики требует выхода за его пределы. Мы должны, следовательно, рассмотреть, каково методическое содержание неокантианства.

II.

Проблемы.

Выше мы привели утверждение Виндельбанда, что в философии конца XIX века не встречается новых проблем. На общественные причины этого явления мы уже указали. Теперь спрашивается, в каких конкретных формах выразился этот возврат к проблемам классической немецкой философии.

Кантовская критика и последующее философское развитие справедливо были названы попыткой теоретического преодоления буржуазного [1]) общества, но попыткой, которая закончилась его оправданием. Эта двойственность перешла и в неокантианство, различные направления которого более или менее примкнули к той или другой тенденции кантовской и послекантовской философии. Это различие в подходе к Канту и в его интерпретации между Когеном, Наторпом и Кассирером, с одной стороны, Виндельбандом,

[1]) От редакции: Маркс и Энгельс говорили о том, что немецкая классическая философия была попыткой теоретического преодоления феодального, а не буржуазного общества, в то время как французская революция была практическим преодолением феодализма.

Риккертом и Ласком—с другой, об'ясняется не большей или меньшей глубиной их проникновения в кантовскую философию, а различием их позиций по отношению к буржуазному обществу, причем, однако, в обеих больших школах эти позиции нашли себе далеко не полное выражение.

Но прежде, чем говорить об этих разногласиях, необходимо со всей энергией подчеркнуть, что это—разногласия в пределах некоторого общего умонастроения. Общей чертой марбургской школы и южно-германской философии ценностей (а также отдельных, менее резко выраженных направлений и оттенков в неокантианстве) является следующее: обе они отвергают обмирщение философии, ее уход в действительность, ее осуществление через ее упразднение. Философия для них чистая наука, задача философии в том, чтобы в качестве теории познания понять науку; в качестве философии культуры понять и осознать культуру. Все неокантианские направления примыкают исключительно к рефлектирующей тенденции классической философии и тем обнаруживают свой резко выраженный буржуазный характер.

Если Маркс в своих афоризмах о Фейербахе заявляет: «Философы до сих пор только истолковывали мир; но дело в том, чтобы изменить его»...—то к этому нужно прибавить, что классическая философия была, по крайней мере, на пути к тому, чтобы через истолкование притти к изменению действительного мира, к работе над его преобразованием. (Эту тенденцию классической философии отметил Корш в упомянутой выше работе, стр. 47.)

И поэтому Лассаль имел полное право ссылаться на Фихте и Шеллинга, когда приписывал науке практическую цель. Но если Шеллинг видит задачу философии не больше не меньше как в «преобразовании всей эпохи»; если Фихте настаивает на праве и обязанности науки «творить надлежащие формы для жизни целого и для всего порядка человеческих отношений»,—то мы не должны забывать, что у самого Лассаля практическая цель понимается не в революционном смысле немецкого идеализма, а в смысле гегелевского примирения с действительностью. Как глубоко политика Лассаля определяется гегельянской идеей примирения, показывает следующее важное место, на которое до сих пор не обращали достаточно внимания: «Я примиряю таким образом (разрядка Лассаля) рабочее сословие с господством буржуазии в истории, вскрывая об'ективную разумность этого господства» (Лассаль, «Наука и рабочие»).

В противоположность этой революционно-буржуазной тенденции, и даже в противоположность гегельянской тенденции примирения, допускающей, по крайней мере, существование двух противных сторон, которые должны быть примирены, неокантианство в с е ц е л о сводит философию к «чистому познанию». В одной своей программной статье Виндельбанд заявляет, что было одним из тягчайших недоразумений полагать задачу философии не в понимании культурных ценностей, а в оценивании культуры. Виндельбанд имеет в виду, вероятно, Ницше; но в действительности он попадает в классических немецких мыслителей, Канта и Фихте, которых—в теории—он так высоко чтит. Если другие неокантианцы не высказываются с такой же ясностью, то только потому, что считают это излишним. Крайне поучительно определение задачи философии в «Системе философии» Риккерта. Если Маркс усматривал недостаток прежней философии в том, что она только истолковывала мир, то для Риккерта именно истолкование мира становится подлинной задачей философии. (Так же обстоит дело у Зиммеля.)

Только в общих рамках этой сведенной к чистому, т.-е. бездейственному познанию философии проявляются разногласия между отдельными представителями неокантианства. Философия сводится (по существу) к познанию—как в смысле программы, так и в смысле темы. Другими словами: познание является не только задачей и сферой деятельности философии, но и ее главнейшим предметом. «Логика чистого познания» Когена и «Предмет познания» Риккерта, эти две основных книги неокантианства, характерны уже одними своими заглавиями.

Философия есть (только) чистое познание, и по своему предмету она есть философия чистого познания. Такова общая основа неокантианства. Расхождения заключаются только в том, что различно т о л к у е т с я само понятие познания.

Но тогда как в сочинениях известных мыслителей все это высказывается с различными оговорками и прикрасами, Ласк делает все выводы с импозантной последовательностью, не страшась своих собственных мыслей. Его «Логика философии» есть не что иное, как заостренное до предела требование чистого познания, ухода от какой бы то ни было действительности. Его понятие познания есть не что иное, как идеализированное философское познание, каким его представляет себе неокантианство. И всю эту концепцию философии и познания Ласк приводит к абсурду тем, что додумывает до конца все выводы из нее. Он становится, таким образом, могильщиком неокантианского идеализма.

III.

Понятие познания.

Основная тенденция философского идеализма нового времени заключается, как известно, в попытке понять предмет познания как продукт познающего суб'екта. В этом отношении философия становилась все более радикальной. Если в своих афоризмах о Фейербахе Маркс признает за идеалистами ту заслугу, что они выявили активную, практическую сторону философии в противоположность материализму XVIII века, застрявшему на ступени созерцания, то он явным образом имеет в виду преобразование пассивного понятия познания в активное.

Классическая философия преобразовала в своем развитии вековую противоположность между сознанием и бытием, суб'ектом и об'ектом, в их тождество, в их совпадение между собой. Правда, она только п е р е т о л к о в а л а (идеалистически) противоположность в тождество. Но именно идея упразднения этой дуалистической противоположности указала тот путь, двигаясь по которому марксизм перешел за грани классической философии и утвердил искомое тождество в области п р а к т и к и.

В умозрениях об отношении сознания и бытия, суб'екта и об'екта, широко отражается отношение сознания к общественному бытию. Если Маркс, имея в виду революционное решение вопроса, называл чисто теоретические умозрения «схоластическими», то он этим, разумеется, отнюдь не хотел сказать, что они не имеют под собой социальной почвы. Ведь и схоластика является общественным продуктом и может быть вполне понята только как таковая.

В неокантианстве мы видим борьбу двух тенденций, которые можно обозначить как суб'ективистическую и об'ективистическую. Логический идеализм марбургской школы (Коген, Наторп, Кассирер) развивает, исходя из Канта и интерпретируя его, учение о порождении об'екта мышлением. Весь предметный мир разрешается в ряд полаганий. Об'екты не даны, а заданы, именно заданы мышлению, при чем мышление отождествляется с научным мышлением, а последнее по существу с физико-математическим. Действительность превращается в бесконечную задачу для мысли.

Так как мы не ставим себе задачей подробное изложение взглядов марбургской школы и еще меньше их имманентную критику,

то мы можем не останавливаться здесь на тех уловках, с помощью которых эта школа пытается втиснуть действительность в рамки чистой логики. Ограничимся только замечанием, что чем ближе она подходит к вопросам общественно-исторической действительности, тем больше она вынуждена смягчать резкость своих исходных положений. Существенно для нас лишь то, что здесь отстаивается активная природа человеческого отношения к вещам — правда, только после предварительного сведения человеческого отношения к логическому, человеческого бытия к сознанию и, наконец, сознания к мышлению. Глубокая мысль, что все, происходящее в истории, создано самим человеком («люди творят свою историю», — говорит Энгельс), расширяется здесь, с одной стороны, в бесконечность, на всю совокупность вещного мира, с другой же стороны, человеческая действительность берется только в идеалистически-урезанном виде. (Принципиально это нисколько не меняется от того, что на ряду с чистым мышлением принимается еще «чистая воля» и «чистое чувство». Подробный анализ показал бы, что логизирование действительности производится здесь по точно тем же методам, как и в области познания. Необычайно характерно и прегнантно Наторп определяет философию как раз в своих спорах с марксизмом, как «самоспасение разума».)

Все же, конечно, не случайность, что основатель марбургской школы, Герман Коген, мог с своей точки зрения притти к принципиальному признанию социализма. Я думаю, нет надобности особенно подчеркивать, что этот абстрактный, естественно-правовой социализм гораздо ближе к эгалитарным теориям французской революции о «правах человека и гражданина», т.-е. к буржуазно-революционному духу, чем к марксистскому социализму. Коген— это его буквальные слова — отождествляет социализм с «действенным гуманизмом» [1]).

Еще менее можно считать случайным то обстоятельство, что когда в конце XIX века социал-демократический реформизм задумал философски «углубить» учение Маркса [2]), он натолкнулся, в поисках за подходящей философией, на марбургское учение неокантианства. Учеником Когена является Карл Форлендер, под влиянием марбургской школы находятся австрийские марксисты Макс Адлер и И. Браунталь. Так как мы ограничили нашу задачу

[1]) Об отношении коммунизма к гуманитарному идеалу в учении Маркса см. мою статью в берлинской «Rote Fahne» от 5 апреля 1922 г.: Kommunismus und Humanitätsideal.

[2]) См. об этом указанное сочинение Корша.

изложением принципиальных основ неокантианства, то мы не можем здесь коснуться вопроса о том, как перетолкование марксистской диалектики в учение о логических корреляциях (у Макса Адлера в его «Марксистских проблемах») отразилось на перетолковании политической программы марксизма. Заметим только, что у Макса Адлера сильно вульгаризирован не только марксизм, но и логический идеализм Когена.

Другая линия в развитии неокантианства привела к Виндельбанду, Риккерту и Ласку, так называемой южно-германской школе. На развитии этой школы можно с редкой ясностью проследить, как менялось идейное содержание кантовской мысли в связи с изменениями ее материального субстрата. И здесь, с одной стороны, обнаруживается тенденция понять познание как активное отношение к предметам. Сравнительно резко эта тенденция выразилась в ранней программной работе Виндельбанда «К учению об отрицательном суждении», а также в первом издании «Предмета познания» Риккерта. Но, впрочем, уже с самого начала сильнее другая тенденция, ставшая затем характерной приметой всей этой школы: перетолкование познавательной деятельности в пассивный процесс.

В истолковании понятия познания здесь своеобразно переплетаются биологический позитивизм и априористическое кантианство. Уже у Винденбальда волюнтаристическая теория суждения является только феноменологическим описанием процесса суждения, тогда как в его гносеологии этот момент активности ослаблен в том смысле, что познание и мышление есть лишь один из факторов в построении опыта. Таким образом снова восстанавливается кантовский дуализм чувственности и интеллекта, устраненный теорией порождения об'екта. Чувственное восприятие, как пассивное приятие существующего мира, провозглашается основой познания; эту чреватую последствиями теорию восприятия, так называемую теорию имманентности, Риккерт перенял без ограничений у эмпириокритицистов. И притом в той самой форме, в какой она является у Авенариуса и Маха: мало того, что восприятие есть приятие мира, это приятие и есть мир. Риккерт прямо заявляет: «мир существует только раз» (именно в сознании). Различие между эмпириокритицистами и Риккертом заключается в том, что Риккерт не останавливается на этом мире-восприятии, но воздвигает над ним еще один ярус—область познания, которое он характеризует как оценивание, как утверждение или отрицание, согласие или несогласие,—словом, как теоретическую

активность. На неясную смесь позитивистических и идеалистических элементов в теории познания Риккерта указал в своей ценной диссертации Э. Блох.

Для практического поведения человека из концепции Риккерта следуют совершенно те же выводы, как и из теории имманентности Маха и Авенариуса. Если последняя утверждает неизменяемость, неприкосновенность ощущений, т.-е. действительности, то Риккерт лишь усиливает это положение тем, что хоть и признает практический момент в теоретическом познании, но ограничивает сферу его компетенции одним лишь истолкованием ощущений. Эмпириокритицизм дает более простое выражение буржуазному представлению о неизменяемости существующего, о подвластности человека ощущениям; гносеология Риккерта отражает более сложно противоречивые тенденции буржуазного мышления и постольку является более содержательным и конкретным изображением этих тенденций. Однако в этой борьбе противоположных тенденций консервативно-пассивная решительно преобладает у Риккерта. Теоретическая деятельность, познание, в конечном счете недвусмысленно сводится к созерцанию, которое ничего не изменяет, да и не должно изменять в самом предмете, в противоположность этической деятельности, стремящейся овладеть своим предметом [1]).

Здесь начинается работа Ласка. Он радикально делает все выводы — как будто из теорий Виндельбанда и Риккерта, на самом же деле из цельного философского взгляда на структуру буржуазного мировоззрения в его нынешней форме. Он беспощадно порывает с активистскими традициями. Чтобы освободиться от влияния кантовского духа, он радикально преобразовывает учение Канта, в том числе и его «коперниканское» деяние. Смелое учение Канта о вмешательстве мысли в мир предметов Ласк перетолковывает так, что суб'екту не остается ничего другого, как пассивно воспринимать переложенный в предметы логический смысл, их собственную истину.

Ибо в этом сущность той характеристики, которую Ласк дает познанию: «познание есть отдача себя категориально оформленному материалу». Философское понятие познания, как оно было формулировано неокантианством, Ласк распространяет на всю область познания: познание превращается в чистое созерцание, в благоговейное взирание на чистую истину, в священный страх

[1]) См. главным образом важный этюд Риккерта: «Ueber logische und ethische Geltung» в Kantstudien, 1912.

перед осквернением предмета суб'ективным прикосновением (все — выражения самого Ласка).

Но все значение его гносеологии станет для нас понятно только тогда, когда мы возьмем понятие познания не абстрактно, а в его развернутой форме. Суб'ект и об'ект, форма и содержание, рациональность и иррациональность, бытие и значимость — эти основные логико-гносеологические проблемы классической немецкой философии продолжают жить в неокантианстве, и лишь в новом подходе к ним обнаруживается как тождественность, так и измененность общественного субстрата философской мысли. Изучение этого подхода чрезвычайно важно для исторического материализма уже по одному тому, что, по очень распространенному взгляду, общественные условия хотя и определяют идеологию «в целом», но не могут об'яснить конкретных форм ее проявления. С этой точки зрения марксизм правилен «до известной степени», но теряет силу там, где речь идет о наиболее тонких и интимных особенностях идеологических продуктов. (Макс Вебер, Теннис, Мангейм, но и «марксист» Брауналь, неокантинцы.) Вместо подробного изложения проблем мы должны здесь ограничиться проблемами суб'екта и «философии философии».

IV.

Проблема суб'екта.

Что касается проблемы суб'екта и об'екта, то на ней яснее всего обнаруживается боязнь неокантианцев додумывать проблемы до конца, их страх перед материальной действительностью человеческой практики. Исследовать проблему суб'екта познания значит исследовать познание, как человеческую деятельность, исследовать конкретную форму этой деятельности. Поэтому проблема суб'екта сделалась основной проблемой классической немецкой философии; правильное определение суб'екта стало центральной задачей в особенности для послекантовской философии, которая должна была ответить на вопрос, что следует понимать под суб'ектом кантовской теории познания и этики. И вот глубочайшее стремление кантовской и послекантовской философии заключалось в том, чтобы устранить всякую потусторонность не только из понятия об'екта, но и из понятия суб'екта. Для достижения этой цели были испробованы различные пути. Фихте и Шеллинг

выдвинули понятие интеллектуального созерцания, при помощи которого они надеялись устранить потусторонность суб'екта, его скрытость от самого себя, вызванную фактом капиталистического овеществления; Гегель сделал в «Феноменологии духа» решающее открытие, что суб'ект кантовской этики, т.-е. суб'ект действования, находится в мире истории, но и там не в форме отдельных действующих индивидуумов, а в коллективных суб'ектах, которые он определил—ошибочно, потому что абстрактно и односторонне—как «народные духи». Наконец, Маркс и Энгельс открыли в классах подлинно действующих агентов истории и тем окончательно устранили всякую потусторонность суб'екта исторически-общественной действительности.

Но если неокантианство отказалось от диалектического разрешения проблемы суб'екта и об'екта, то тем более было оно обязано направить все свои усилия на то, чтобы хотя бы чисто спекулятивно побороть те громадные трудности, которые таятся в развертывающейся здесь двойной потусторонности. Но тщетно стали бы мы искать что-нибудь подобное в неокантианской литературе. Марбургская школа просто обходит проблему суб'екта. Ничего конкретного мы о мыслящем суб'екте не узнаем. «Нечто мыслит». Но процесс мышления сам по себе, в той абстрактной и неразвитой форме, в которой его сначала представляет логический идеализм, есть не преодоление противоположности суб'екта и об'екта, а ее абстрактное увековечение; в таком виде он означает только, что эта противоположность «не приведена (говоря словами Маркса) к понятию». Если же, как у Наторпа, принимается «чистое я», то это либо просто методическая конструкция для определения того места, которое проблема суб'екта должна занять в системе логического идеализма, либо— к чему, повидимому, склоняется Наторп в свой последний период — это «чистое я» есть потусторонняя и недостижимая метафизическая реальность, не имеющая уже ничего общего с исходными предпосылками логического идеализма.

Тем, что на место кантовского «мы мыслим» становится как бы безличное «мыслится» (см. книгу Бруно Бауха о Канте), потусторонность и непостижимость этого «мы» нисколько не уменьшается, а только погружается в еще больший мрак. Если в абстрактности кантовского суб'екта до известной степени отражается абстрактность еще не развившейся реальности современных общественных классов, то темное инкогнито суб'екта в неокантианстве служит одним из выражений отчужденного от самого себя капиталистического мира. Во всяком случае кантовский суб'ект бесконечно ближе к исторической действительности, чем современный логический идеализм. И если такие мыслители, как Кассирер, честно, но слишком легко решают вопрос тем, что обходят его, то это лишний раз доказывает неспособность логического идеализма ввести проблему суб'екта в свое мировоззрение [1]).

Другим путем приходит Риккерт к подобному же разрешению суб'екта в чисто абстрактные, вне-бытийные элементы. Если логический идеализм марбургской школы пытается отождествить суб'ект с самозаконностью разума, то Риккерт удерживает формальное понятие суб'екта, но так последовательно очищает его от всякого содержания, что, в конце концов, не остается ничего, кроме абстрактного, недействительного понятия «гносеологического суб'екта». Посредством чрезвычайно тщательного анализа Риккерт вскрывает различные значения, которые придаются слову «суб'ект» в теории познания, и показывает, что каждому из этих суб'ектов может быть противопоставлен еще более абстрактный суб'ект, для которого прежний является об'ектом. Так он приходит, наконец, к установлению такого суб'екта, для которого все возможные суб'екты являются об'ектами, потому что всякое бытие, в том числе и бытие в сознании, оказывается по отношению к нему об'ектом. Этот наивысший суб'ект есть «гносеологический суб'ект», с которым мы имеем дело в теории познания, тогда как суб'екты, фигурирующие в частных науках, остаются бытийными суб'ектами.

Нас здесь не интересует вопрос о том, насколько плодотворны или формально правильны эти рассуждения с точки зрения неокантианской теории познания. Для нас важно только, что здесь перед нами строжайший, методически осознанный отрыв суб'екта познания от цельного человеческого суб'екта, что познающий суб'ект превращен в чисто методологическую абстракцию, в нечто недействительное. Как ни парадоксально это на первый взгляд, для Риккерта спиритуализм еще слишком материалистичен. Он оспаривает спиритуализм, т.-е. допущение того суб'екта, о котором классическая философия говорила, как о самосознательном бытии, как о духовной действительности, потому что такое представление кажется ему слишком материальным в методологическом смысле. Он оспаривает гегельянское понятие духа. Инте-

---

[1]) В своей статье «Das Problem des erkennenden Subjekts in der Marburger Schule» (Logos, 1913) Э. Марк правильно охарактеризовал это положение, не имея даже смутного понятия о том, как выйти из него.

ресно и поучительно сравнить критику Гегеля в историческом материализме и в неокантианстве. Исторический материализм возражает против гегельянского формализирования и логизирования материальной, общественно-исторической действительности; Риккерт отметает материальное содержание действительности, чтобы сохранить в виде суб'екта одну абстрактную логическую форму. Исторический материализм хочет извлечь историческое ядро из логической оболочки. Риккерт хочет удержать одну только шелуху. Произведенный Риккертом с педантичной подробностью анализ понятия суб'екта представляет собой весьма поучительную попытку методически обосновать обезличение общественных отношений, самоотчуждение буржуазного общества в эпоху финансового капитала.

У Ласка абстрактная теория облекается в плоть и кровь. Дело Ласка—мы все время имеем в виду только тот его период, от которого имеются законченные литературные работы — заключается в полном разрыве с тенденциями генетической философии Канта и Фихте, провозгласившей порождение вещей разумом человека.

Мало того, что логос вещей, их смысл освобождается от всякой связи с человеческой активностью: эта активность познающей мысли, проявляющаяся в суждении, прямо характеризуется как искажение «прообраза», окруженного «логическим ореолом», как расщепление и раздробление, как осквернение сверх-человеческой чистоты «эдемского прообраза». Эта ощупывающая, разлагающая, замутняющая функция суждений есть грехопадение познания, которое увековечивает дистанцию между эдемским прообразом и суб'ектом.

Так в результате последовательного доведения до конца «чисто-научной» и «беспредпосылочной» теории познания Ласк приходит к новой мифологии. Профессорская близорукость Риккерта не видит здесь, конечно, ничего, кроме «образного языка», при помощи которого Ласк хотел только как можно нагляднее изобразить абстрактные понятия (см. его предисловие к собранию сочинений Эмиля Ласка). В действительности, однако, эта мифология должна была появиться у Ласка с точно такою же необходимостью и в том же самом пункте, как в классической немецкой философии (см. об этом статьи Лукача). Эта мифология заключалась в скрытом виде во всем неокантианстве; она оставалась только невыявленной. Трагично в этом то, что именно стремление удалить из логики всякую потусторонность должно было привести к совершенно трансцендентной мифологии. Со страстностью честного и глубокого мыслителя Ласк выразил эту необходимость и

в словесной форме своих произведений. Если познание, как таковое, противостоит своему предмету,—рефлекс основных противоположностей капиталистического общества,—то жажда уничтожить это противостояние (жажда всякой спекулятивной философии, которая никогда не может утолить ее) неизбежно должна выразиться в форме мифологии. И как вся неокантианская философия была безжизненной, узкой и абстрактной по сравнению с классической философией, так и ее мифология должна была остаться узко-абстрактной, зачаточной и в то же время запоздалой — мертвой мифологией.

Свои глубочайшие формы эта мифологизация имеет в отчуждении философии от действительности. К этому вопросу мы теперь и обратимся.

V.

Логика философии или окончательное отчуждение философии от действительности.

> «В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — т.-е. капитала и прибавочной стоимости, какою она является, с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой — как избыток, получающий более близкое определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — *капитал* является *как отношение к себе самому*». (Курсив Маркса).
>
> Маркс, «Капитал». Том III. Часть первая. Перевод Базарова и Степанова. Стр. 22.

Характер капитала, как отношения к самому себе, усиливается и завершается в форме денежного капитала, особенно финансового капитала современности. «Поэтому в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения...» «Здесь фетишистическая форма капитала и представление о капитале-фетише готовы. В Д-Д' мы имеем перед собой иррациональную форму

капитала, высшую степень искажения и овеществления отношений производства». (Маркс, «Капитал». Том III. Часть первая. Перевод Базарова и Степанова. Стр. 378. 379.)

Это «овеществление капиталистического процесса» это «бессмысленное резюме» формулы капитала (Там же, стр. 378) становится господствующей формой общественно-экономической действительности в последний период капитализма, в эпоху финансово-капиталистического империализма. «Финансовый капитал является как денежный капитал и в самом деле обладает формой движения последнего: Д-Д', деньги приносят деньги.—наиболее общая и иррациональная форма движения капитала». (Гильфердинг, «Das Finanzkapital». Стр. 296).

Явившись всеопределяющей силой общественной жизни, это «отношение к самому себе» становится также и основной проблемой современной философии. Общественные корни этой проблемы остались скрытыми от взора философов, и поэтому она должна была встать перед ними как чисто логическая проблема.

Если Маркс, установив, что процесс обращения вызывает видимость отношения к самому себе, тотчас вслед затем говорит о мистификации, при помощи которой капитализм как бы борется против необходимости выдать тайну своего внутреннего механизма, то некоторые современные буржуазные мыслители, и именно лучшие среди них, стали искать в этом «отношении к самому себе» ключ к неразрешимым проблемам философии.

Таким образом, сама философия ушла в «отношение к самой себе».

Если Маркс упрекал философов в том, что они только интерпретировал мир, то все-таки они интепретировали мир (т.-е. действительность в целом). Современная же философия интерпретирует интерпретацию, она толкует истолкование. Это — интерпретация, возведенная в квадрат.

Здесь раскрывается, только в другой форме, то, что уже ранее было вскрыто нами: раз философия не захотела упразднить себя в практике, то не могло свершиться и ее осуществление. Она должна была уйти в самое себя.

Это, конечно, более последовательный и честный путь, чем действовать так, как будто бы ничего не случилось, как будто философия может и впредь развиваться в той же форме и на тех же проблемах, как во времена Платона, Декарта и Канта. В проблематике отношения философии самой к себе возвещает о себе отрицательное (потому что отвлеченно идеологическое) понимание исторической

ситуации, как она была формулирована Марксом. И поэтому отношение философии к самой себе сделалось центральной проблемой как раз для интеллектуально наиболее напряженных натур (Ласк, Залаи) или, по крайней мере, одаренных наиболее тонким историческим чутьем (Зиммель).

Но отношение философии к самой себе,—могут мне возразить,—было во все времена излюбленной проблемой философии. Платон, Плотин, Декарт, Спиноза, Кант и вся классическая философия буквально утопают в пространных рассуждениях о методе философии. Это, конечно, так, но не следует забывать, что для всех этих философов уяснение метода философии означает уяснение ее правильного метода. Discours de la méthode Декарта есть Discours de la véritable méthode, и он считает это настолько самоочевидным, что даже не оговаривает отдельно — совсем как в разговорном языке название предмета часто уже содержит в себе и его оценку (напр., «солдат» — в смысле «настоящий, достойный солдат»). Зато Спиноза уже прямо говорит об «исправлении интеллекта». Заниматься вопросом о методе философии значит изменять, исправлять интеллект.То же самое и в Критике чистого разума: критический метод ставит себе задачей произвести революцию в философской науке. У Гегеля, правда, мы уже встречаем и другой подход к «философии философии», без указанной цели; но его основные рассуждения о том, что такое философия,— в большом предисловии к «Феноменологии духа» и в предисловии к «Философии права», — все-таки сводятся к определению того, чем философия должна и чем она не должна быть. Она не должна быть назидательной (говорится против Фриза) и она не должна раствориться в созерцании без понятий (против Шеллинга).

Позиция классической философии по отношению к самой себе также может быть охарактеризована при помощи марксовой антитезы. Классическая философия, правда, только интерпретировала, а не изменяла мир; но, обращаясь к самой себе, она старалась изменить, по крайней мере, часть мира, именно самое себя. В области идеологии это было, конечно, практическим мироотношением.

В противоположность этому, введенная Ласком логика философии — вместе с подготовительными философскими работами (Риккерт) и параллельными явлениями: теорией системы Залаи, методическими работами Зиммеля и отчасти тенденциями «венгерской школы наук о духе», — проникнута принципиально новым духом, неведомым всей классической философии. А именно, философия обращается здесь на самое себя не для того, чтобы изменить

себя и исправить, а чтобы познать себя, т.-е. взять себя такою, как она есть. Существует философия искусства, истории, права и т. д., которая берет все эти области так, как они есть; значит, должна существовать и такая философия, которая берет самое себя так, как она есть. Точнее, в формулировке Ласка: когда познание исследовалось в прежней логике, оно всегда рассматривалось как познание природы, чувственного эмпирического бытия, в последнее время — как познание истории, но никогда не как особое философское познание. Но такое особое философское познание существует; следовательно, должна существовать и логика философского познания.

Общая идея философии философии, идея отношения философии к самой себе берется у Ласка в более специальной форме — как логика философии, т.-е. в сущности, как логика логики. На этой особенности мы здесь останавливаться не будем.

Два момента должны быть выявлены в логике философии: во-первых, отношение философии к самой себе и, во-вторых, способ этого отношения.

В классической философии отношение философии к самой себе появляется как переходный момент, как методическое осознание правильного метода, за которым затем следует развитие философии по существу. В логике философии это отношение становится основной проблемой философии. Тут перед нами нечто качественно новое — образ мысли, который мог появиться только в такое время, когда отношение капитала к самому себе, мистификаторски замаскированное, вытесняет все реальные связи капиталистического общества, т.-е. отношения между людьми (как нечто отличное от отношения вещи к самой себе).

Многим, особенно из буржуазного лагеря, такое об'яснение покажется «насильственной конструкцией», и они отнесутся к нему скептически или с негодованием, смотря по темпераменту. Сошлюсь поэтому хотя бы на то, что философия философии не единственная в наши дни попытка осознать своеобразную природу этого «отношения к самому себе». Если Ласк называет свое произведение попыткой «еще раз приложить трансцендентальную философию к самой себе», то в то же самое время в новейшей математической логике и теории множеств в центр дискуссии выдвигается проблема множеств, содержащих самих себя. Б. Рэсселю принадлежит заслуга раскрытия тех противоречий, к которым приводит приложение понятия множества к самому себе. Здесь мы, к сожалению, не можем говорить о важном значении понятия «приложения к самому себе» для философии, между прочим, и для философии

истории и общества. Укажем только на то, что «приложение к самому себе», т.-е. частный случай отношения к самому себе, было тем орудием, при помощи которого надеялись опрокинуть философию истории Гегеля, а также исторический материализм. Все эти проблемы, парадоксы и способы аргументации могли стать актуальными только в таком обществе, в котором экономически и идеологически завершилось овеществление отношений, их отрыв от своего первоначального живого субстрата, исчезновение последнего под маской фетишистски овеществленных отношений. (Ср. мою статью «Freiheit und Notwendigkeit» в Cerven. Прага. 1920.)

И за пределами логики мы повсюду встречаемся с указанной проблемой. Психология психологии (психологического мышления), социология социологии—висящая в воздухе мысль, над конкретизированием которой сейчас, насколько нам известно, кое-кто трудится,—все это симптомы обращения рефлексии от первоначальных предметов к самой себе, т.-е. ухода от широкой живой основы человеческих отношений [1]).

Вернемся к философии философии. Раз интерес философии так принципиально направляется на нее самое, то тем самым провозглашен бесповоротный отказ от всякого общения с миром. Философия, созерцающая самое себя, есть последнее слово созерцательной философии. Если неокантианская школа определила философию как чистое познание, то здесь справедливо указывается, что этот идеал может быть скорее всего достигнут тогда, когда философия оберегается от всякого соприкосновения с грязной действительностью.

В этом смысле философия Ласка есть только последовательное проведение неокантианского идеализма. Но ясно вместе с тем, что при таком подходе остается только несколько совершенно опустошенных категорий, которые, в конце концов, должны потерять всякую связь с предметами. Великая опасность всякой философии есть провал в пустоту. Это не новая опасность для философии: мы знаем о ней по схоластике и по омертвению гегельянской диалектики. Но в «логике философии» причины и формы этого провала иные, чем в схоластике или поздней гегельянской диалектике. Существенным и характерным по сравнению с диалектикой (даже вульгарной диалектикой какого-нибудь Прудона) является здесь необычайное сужение сферы деятельности философии: тогда как

[1]) Характерно, что первые сознательные попытки такого подхода мы находим в немецкой романтике у Новалиса (см. его дневники) и в «Логологии» Стеффенса.

диалектика пытается овладеть, хотя и в идеалистически искаженном виде, всем исторически-общественным космосом, логика философии есть только «отражение призрака», отражение философии буржуазного общества.

И фактически логика философии проваливается в пустоту. Вся книга Ласка есть не что иное, как повторение той мысли, что логика философии *существует*, что категории философского мышления *должны* быть таким же предметом логики, как категории мышления, направленного на чувственно-эмпирическое бытие; но каковы эти категории, об этом он ничего не может сказать, кроме того, что это именно категории «второго порядка», «формы форм». Страстная серьезность и напряженность его мысли не может заставить нас забыть, что абстрактная пустота логики философии маскируется только заимствованным богатством историко-философского материала. По мере того, как первоначальное многообразие междучеловеческих отношений сперва заменяется монотонно механизированными отношениями капиталистического общества, а затем эти последние превращаются в отношения капитала к самому себе,—возрастает также опустошенность философских понятий, пока, наконец, философия не сводится к «множеству, содержащему само себя».

Но не только с этой точки зрения логика философии Ласка знаменует собою последнюю фазу буржуазного философствования. В *способе* отношения философии к самой себе точно так же проявляется этот ее характер. В самом деле, в противоположность классической философии логика философии, как было показано выше, *берет себя как данное*. Философия здесь уже не революционна, она не «реформа сознания» (Маркс), а самосозерцание, ничего не изменяющее в самом себе. Философия философии относится к своему предмету так же, как современная философия к частным наукам, как, напр., риккертовская логика истории к буржуазной исторической науке наших дней. Но если такое чисто созерцательное отношение философии к науке имеет в себе, по крайней мере, логическую последовательность, то *подобное же отношение философии к самой себе приводит к ряду неразрешимых противоречий*. Ибо перед всей этой философией философии, и в частности перед логикой философии, встает вопрос: *какая* философия признается за истинную? Внутренняя предпосылка логики философии — именно та, что философия вообще может быть предметом логики — совершенно непримирима с целым рядом философских систем, известных нам из истории философии.

Одно из двух: либо философия философии берет как данное все исторически известные философские системы,—но тогда она втихомолку отрицает за ними характер истинности, на который они всегда притязали (потому что там, где все правы, никто не прав); либо истинность признается только за некоторыми или за одной системой,—но тогда философские системы уже не берутся как данное, а подвергаются критике. Но в этом последнем случае *логика* философии упраздняется, как таковая. Упраздняет она сама себя и тогда, когда вводит *историческую* точку зрения и рассматривает философские системы, как формы сознания, об'ясняемые производственными отношениями данной эпохи. Ясно, что такое подлинно историческое понимание находится в противоречии с предпосылками философии философии, для которой философские системы должны, наоборот, располагаться в безвременно типологическом порядке. И действительно, «логика философии» избавляется от этой трудности только тем, что ставит вопросы в такой абстрактной плоскости, в которой противоречия еще не могут вскрыться.

Если в «логике философии» Ласка получает заостренное выражение тенденция буржуазной идеологии брать себя, как данное, то было бы, однако, недоразумением усматривать оппозицию против буржуазной философии в другой форме философствования, тоже весьма распространенной в наше время. Мы имеем в виду склонность начертывать *программы* философии. Эта «программная философия», как мы можем ее назвать, *по видимости* противоположна пассивной позиции. Программная философия *требует* от философии, чтобы она была такой, а не другой. Программная философия часто принимает «революционную» позу: вся, мол, прежняя философия должна быть отвергнута. Но в то же время она по большей части благоразумно уклоняется от конкретного применения и проведения провозглашаемого ею правильного метода. Часто в ней находит свое выражение недовольство «профанов» пустотой и омертвелостью нынешней «официальной» философии. То здоровое, что есть в этом движении, остается, однако, бесплодным, пока не понята *историческая обусловленность* этой пустоты и омертвелости. В действительности такое выставление абстрактных требований есть лишь оборотная сторона пассивного отношения и отнюдь не совпадает с позицией классической философии, которая от критики переходила к *конкретному проведению* новых начал. Так, напр., Бергсон выставляет в своем «Введении в метафизику» целый ряд требований, которые должны быть выполнены новой метафизикой, но дать эту новую метафизику он так

и не в состоянии. И об'ясняется это не личной неспособностью Бергсона, а коренится в более глубоких общественно-исторических причинах. В результате получается программная философия, запечатленная такой же роковой отчужденностью от действительности, как и «логика философии». Программная философия выражает собою по большей части мелко-буржуазное недовольство современной идеологией. Как мелко-буржуазная политическая экономия осуждает капитализм и выставляет требования, но не может дать никакого конкретного понятия об их действительном осуществлении (проекты Прудона), так и мелко-буржуазный свободомыслящий философ осуждает современную философию, потому что узостью своих основных понятий, своей пустотой и омертвелостью, своим вдвойне рефлексивным характером она возвещает тайну времени, выражает собою современные общественные отношения.

В противоположность бессодержательной программности мелкобуржуазной философии, неокантианская философия означает самосознание буржуазной идеологии, выраженное в столь же своевременной форме, какую — в более узкой области — мы находим в буржуазной политической экономии.

Если буржуазная политическая экономия направила свои усилия на то, чтобы взять капиталистический мир, как данное, понять его, как он есть,—то совершенно так же отнеслась современная философия к научной идеологии современности, к культуре буржуазного общества. Неокантианская философия культуры представляет полнейшую аналогию с точкой зрения научной политической экономии. Эта аналогия простирается также и на отношение последней к вульгарной политической экономии. Буржуазная экономическая наука берет капиталистическое общество в его данности, но она не выступает его прямым апологетом, как вульгарная экономия. Современная философия тоже не была, за немногими исключениями, прямо апологетичной [1]), она не прославляла буржуазный общественный порядок. Замечание Корша, что буржуазная история философии не отдалась сознательно на службу капиталистическому строю, правильно и для всей неокантианской философии. Апологетичной философия становится только во время и после мировой войны, напр., у националистических философов, и еще больше в результате — стиннесизации философии. (См. мою статью: Die Stinnesierung des deutschen Geistelebens» в «Rote Fahne» от 14 мая 1922 г.)

[1]) От редакции: Эта оценка неокантианства автора является чересчур мягкой.

У Ласка это отношение еще потенцируется потому, что у него философия вынуждена принять основную форму буржуазной идеологии даже в отношении к самой себе—в области, где до тех пор она сохраняла хоть кажущуюся независимость от буржуазного общества. Окончательно отчуждаясь от действительности, современная философия становится тем самым характернейшим выражением отчужденной от самой себя действительности капиталистического общества в период реакционного и паразитического капитализма [1]).

VI.

Трагедия Ласка.

Философия и мировая война.

Последовательное доведение до конца неокантианских тенденций привело к такому отчуждению между философией и общественно-человеческой действительностью, которое должно было быть невыносимо для такого мыслителя, как Ласк. Менее последовательные и честные современные мыслители пытались преодолеть невыносимую пропасть между философией и действительностью при помощи исторической (Виндельбанд, Дильтей) или эстетической точки зрения (Кассирер и многие другие). Беззаветное теоретическое мужество Ласка не могло пойти на такие компромиссы. Чем сильнее было в нем стремление оживить великие универсалистские традиции классической философии против эклектицизма и специализма современности, тем настойчивее должен был он стремиться к действительности; но, оставаясь на почве своей философии, он не только не мог приблизиться к ней, а должен был, наоборот, прямо отрицать ее, должен был строить, по выражению Риккерта, философию ирреального.

Но если бегство от действительности могло удовлетворить какого-нибудь Риккерта, то оно должно было довести до отчаяния такого мыслителя, как Ласк. Ласк был настолько далек от общественно-исторической действительности, что не мог понять истинные причины того, почему его философия неизбежно должна была упереться в тупик. Но чем непонятнее были для него причины отчуждения между философией и действительностью, тем мучительней оно ста-

[1]) Характеристику этого периода см. у Ленина: «Империализм как новейший этап капитализма».

новилось для него. Он совершенно ясно понимал, что именно им философия идеализма поставлена в такое положение, откуда уже нет пути ни вперед, ни назад. Вместо того, чтобы разрабатывать дальше свою логику философии и теорию науки, он задумал, накануне мировой войны, совершенно переделать свою об'ективистически-созерцательную гносеологию в новое учение на суб'ективистической основе. Этот опыт окончился крахом еще прежде, чем был приведен в исполнение. (Относящиеся к этому времени рукописи и записи Ласка были частично опубликованы в «Логосе», за 1923 г., учеником Ласка, Э. Герригелем, и войдут в третий том собрания сочинений Ласка.)

В момент этого крушения дела всей его жизни, над Ласком грянула м и р о в а я в о й н а. В то время как профессора философии частью занялись апологией войны (философ Шелер и другие), частью бессмысленно продолжали свои специальные исследования в области гносеологии или экспериментальной психологии (в написанном во время войны предисловии к новому изданию своего «Предмета знания» Риккерт кичится тем, что грохот пушек в Вогезах не помешал его работе), — Ласк, вместе с немногими другими представителями молодого поколения, не мог вынести ужасающего о т с у т с т в и я с в я з и между его философией и внезапно вставшей перед ним исторической действительностью. Он пошел добровольцем на войну — но не в порыве националистического воодушевления, а в порыве о т ч а я н и я. Его участие в войне было бегством от крушения рефлексивной философии; смерть, которую он нашел на поле битвы, была в действительности самоубийством. (Это не наше построение, а прямо следует из писем Ласка.) Его самоубийство явилось символом самоубийства неокантианского идеализма.

Понять истинный характер мировой войны Ласк не мог вследствие отвлеченно-философской, чисто спекулятивной культуры своего ума. В образе мировой войны перед ним встала действительность, но, как сказано, с брутальной внезапностью. Экономические, политические и идеологические предпосылки этой действительности были ему чужды, и поэтому остались чуждыми также и источники и причины мировой войны. Тем больнее должен был он почувствовать, что философия, не имеющая ничего общего с действительностью и не об'ясняющая мир, не имеет права на дальнейшее существование.

Так в лице Ласка совершается трагическое самоупразднение неокантианского идеализма. Исторически этому направлению больше

нечего сказать. Философские же энергии, способные к дальнейшему развитию, устремились под влиянием событий мировой войны и русской революции на тот путь, который был некогда указан философии Марксом: на путь обмирщения, практики, союза между философией и пролетариатом. То, что еще сохраняется ныне от неокантианской философии, принадлежит прошлому, которое еще влачит жалкое существование в некоторых германских университетах, этих кладовых старого буржуазного хлама.

A. Fogarasi (Вена).

II.

Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии.

Об'ективное понимание принципа относительности [1]).

(Методологические тезисы).

I.

Формулы принципа относительности можно считать для нашего времени проверенными и установленными. Задача теперь состоит в том, чтобы уложить их в систему современного научного мышления, уложить «организованно», т.-е. стройно, гармонично, согласованно, без противоречий, способных нарушать его структуру. А такие противоречия пока намечаются, и серьезные. Они могут быть устранены либо путем целесообразного истолкования данных формул относительности, которое нашло бы для них пригодные схемы в сложившихся раньше основах научного мышления, — либо путем перестройки этих основ, с большей или меньшей их ломкой. Многие релятивисты склоняются ко второму решению. Но, вероятно, и они признают, что первое было бы предпочтительнее, как более экономное, и только потому, что считают его невозможным, идут на второе. — Наша задача — проверить, существует ли на деле такая невозможность, нет ли выхода более легкого и простого.

II.

Противоречия, о которых идет речь, выступают всего нагляднее в некоторых частных, производных формулировках, в роде той, что «часы A отстают по отношению к часам B, а часы B — по отношению к часам A», или «пространство конечно, хотя неограниченно», и т. п. Но подо всем этим лежит одно основное противоречие, которое представляется в таком виде:

В ряду тысячелетий человечество выработало научно-об'ективное понятие о пространстве и времени, с характеристическими моментами непрерывности, однородности, неограниченного развертывания (геометрическое пространство, арифметическое время); и вот, как будто возникает необходимость отказаться, по крайней мере, от двух из этих конститутивных моментов для пространства, от одного (однородность или равномерность) для времени, —

[1]) От Редакции: Статья печатается в порядке обсуждения доклада А. К. Тимирязева: «Теория относительности Эйнштейна и махизм».

усложнение огромное, ломка неожиданная и резкая. Линия развития как будто поворачивает назад, потому что раньше оно все время шло к «очищению» форм пространства и времени от остатков первоначальной неоднородности и ограниченности. Теряет определенность понятие «меры», на котором строится всякое точное знание; меняет содержание сама идея «закономерности», поскольку она связана с «мерой».

Так ли все это на самом деле? Действительно ли столь глубока и беспримерна переживаемая научная революция?

III.

Исходным пунктом для нас послужит различие между предметом и его изображением.

Когда мы говорим, что «видим предметы», то выражаемся, с точки зрения физики, неточно. Выражение было бы точным, если бы между глазом и предметом не было деформирующей среды. Лучи не прямо приходят от предмета в глаз, как было бы в пустоте. По дороге через слой воздуха они меняют и скорость, и направление, притом неодинаково и неравномерно. Глаз имеет дело только с последними элементами измененного пути лучей; и зрительное ощущение соответствует не точной форме предмета, а проекции этих последних элементов, т.-е., собственно, «мнимому изображению». Разница практически очень мала, обычно для нас неощутима, но она всегда существует; и принципиально случай вполне однороден с тем, как если бы мы смотрели через вогнутое стекло, или через неправильно искривленную пластинку, или даже наблюдали отражение в каком угодно зеркале.

При рефракции мы имеем один деформирующий момент, при отражении — другой. Но в обоих случаях мы знаем, что «видим» не предмет, а его изображение. И если бы нашелся еще иной тип деформирующих условий, мы должны исходить из того же разграничения, и ставить вопрос о том, как от наблюдаемого «изображения» перейти к «предмету».

Благодаря неразрывной связи пространственных соотношений с временными, деформация первых влечет за собой деформацию вторых; напр., при наблюдении через уменьшительное стекло скорости движений представляются уменьшенными; при неоднородной промежуточной среде кажущаяся последовательность явлений может быть перевернутой, — напр., видимый закат луны на минуту позже прохождения такой-то звезды близ зенита через меридиан, действительный или астрономический закат на минуту раньше, и т. п.

Световые явления — частный случай передачи энергии в пространстве посредством лучей или колебаний. «Изображения» соответственно этому — также частный случай энергетических проекций, к которым и можно вообще отнести все те же схемы — деформирующих моментов, перехода от проекции к предмету и пр.

IV.

Различие между предметом и изображением произошло из противоречий зрительного восприятия, именно как средство их примирить.

Человек с самого начала оптически воспринимает мир в естественной координатной системе, — прямоугольной, с полярными координатами,

Центром системы является голова человека, осями — вертикальная, сагиттальная и фронтальная оси его тела, с которыми биологически согласованы плоскости полукружных каналов внутреннего уха (орган ориентировки относительно положения головы при ее перемещениях в пространстве).

При этой вполне индивидуальной системе координат мерой величины воспринимаемых «образов-предметов» (пока еще не различаемых как «образы» с одной стороны, «предметы» — с другой), являются их угловые размеры.

Но угловые размеры меняются с расстоянием, и «видимые вещи» получают переменную величину. Не выходя из пределов такой системы, нельзя было бы и преодолеть эту переменность: с приближением «видимые вещи» растут, с удалением — уменьшаются.

Такова система суб'ективно-статическая. Противоречия тут еще нет.

Оно возникает на основе социальной связи человека с человеком. В сожительстве и сотрудничестве с другим лицом, человек принужден практически учитывать его действия, а соответственно и его восприятия, как эквивалентные своим; он на деле убеждается, что сила B не уменьшена, когда B далеко от него и зрительно мал, напр., когда тот вытягивает его из пропасти на длинной веревке; узнает также о своей соотносительной оптической малости, не уменьшающей веса в том же случае, и т. п. Противоречивая схема: «я для него меньше его, а он для меня меньше меня», выражает момент переходных, неустойчивых систем «пространственно-оптической относительности» — бисуб'ективно-статических. Каждая такая система дает как бы формулу перехода с одной индивидуальной точки зрения на другую, тоже индивидуальную; но это еще не «общезначимость» (Gesellschaftlichgültigkeit), не об'ективность, — и не разрешение противоречия.

Это разрешение дается синтезом всех возможных индивидуальных систем в универсальную коллективную. То, что воспринималось индивидуально, признается «образом», «видимостью», недостаточной как база для практики; в практическом же учете под нее подставляется «действительное», «предмет», который заключает все доступное восприятию—воздействию со всех индивидуальных точек зрения. «Изображение» соотносительно особи, «предмет» — коллективу. Это может затемняться фетишизмом отвлеченного, предмет может отрываться в сознании коллектива от его практики, существовать якобы «сам по себе», как нечто «об'ективное», т.-е. «предметное», и только, независимо от всякой коллективной значимости. Но такие фетишизмы разоблачаются в исследовании, исходящем из коллективно-трудовой концепции. Все об'ективные характеристики предмета, качественные и измерительные, оказываются выработанными на основе коллективного отношения к нему (см., напр., «Философию живого опыта», изд. 3, стр. 280—290).

Перед нами третья фаза — об'ективная система, но пока еще об'ективно-статическая. Она сложилась еще в до-научном сознании, оформлена в старой физике.

Вообще же все переходы от I фазы ко II, от II к III происходили, конечно, не путем рассуждений и логического мышления, а путем стихийно-практического приспособления.

V.

«Естественным» центром координат и для научной об'ективно-статической, т.-е. III системы является «точка наблюдения», где находится или мысленно помещает себя наблюдатель. Эта точка переменная; но раз она выбрана, то принимается за неподвижную. Точка, заведомо движущаяся, условно, в случае необходимости, принимается за неподвижную, но с тем, чтобы полученные на этой временной основе результаты отнести затем к системе «действительно неподвижной»; таковую давала до Коперника Земля, начиная с него Солнце и небо неподвижных звезд, а затем — неподвижный мировой эфир. По отношению к этой системе старое понятие об относительности прямолинейно-равномерного движения играло роль только условного технического приема.

Новейшая научная техника, с ее высшим развитием методов измерения, привела к постановке вопроса о самом существовании этой неподвижной системы. Интерферометр Майкельсона дал отрицательный ответ на этот вопрос. Последняя неподвижная система оказалась равноправна со всякой другой.

Выяснилось, что концепция статически-об'ективная была динамически-суб'ективной: последним устойчивым прибежищем для индивидуалистически-мыслящей о мире личности, дававшим ей универсальную наблюдательскую позицию. Как в I статической системе наблюдатель все время остается в центре видимого мира, перенося его с собой, так здесь он постоянно сохраняет возможность отожествить себя с этим центром, мысленно переносясь в неподвижный эфир.

VI.

Разрушение динамически-суб'ективной позиции повело, в первую очередь, к схемам динамически-бисуб'ективным, т.-е. выражающим переход на основе полной взаимности от позиции одного наблюдателя к позиции другого при относительном их движении, когда исключена всякая неподвижная система. Перед нами уравнения Лоренца, формулы Эйнштейна.

В глаза бросается их формальное сходство с бисуб'ективно-статическими схемами намеченной нами фазы II. «Для наблюдателя A все меры и размеры в системе B укорочены в такой-то пропорции по линии движения, а для наблюдателя B совершенно в таком же соотношении все укорочено в системе A». «Часы A соответственно отстают для B, а часы B для A». И совершенно ясно, что кажущаяся противоречивость этих формул требует вовсе не коренной ломки форм мышления, а только того же, ранее выработанного различения между зрительным изображением (общее — энергетической проекцией) и реальным предметом. Надо только понять, что движение системы есть деформирующий момент для ее восприятия. Тогда всякий без усилия и насилия над собой уложит в голове странные без этого подхода схемы: нет ничего таинственного в том, что изображение одной системы, получаемое, при известных деформирующих условиях, в другой системе, искажает об'ект в определенных соотношениях, и что так как эти деформирующие условия общие, взаимные, то и искажения взаимны: а формулы относительности позволяют исправить их, от «изображений» перейти к «предметам».

А выполнив весь ряд таких замещений для всех наличных взаимо-движущихся систем, мы из бисуб'ективно-динамических комбинаций получим их разрешение в об'ективно-динамической системе — высшей фазе цепи данного развития.

VII.

Сопоставим теперь основные деформирующие моменты, как они выступают в развитии физики.

1) Расстояние.
2) Преломляющая (и отражающая, и лучепоглощающая) среда.
3) Движение.
4) Поля тяготения.

Расстояние уменьшает образ — его угловой диаметр — и изменяет временное соотношение (запаздывание видимого события),—то и другое в простой линейной закономерности. Обе деформации для двух наблюдателей вполне взаимны, математически-тожественны, потому что их основа одна и та же. Нет двух расстояний от A к B и от B к A, есть только одно расстояние между A и B; и если векториально мы его выражаем двумя величинами, и пишем $AB = -BA$, то это означает только перемену в нашей позиции, в направлении нашей активности, когда мы, реально или мысленно, проходим этот путь, исходя из одного или из другого конца.

Тут все соотношения наиболее простые, и оттого еще в до-научной, даже вполне стихийной фазе жизни человечества могло совершиться полное разрешение имеющихся здесь противоречий, переход от «физики одного наблюдателя» через поправки «физики двух наблюдателей» к «физике трех наблюдателей» (и коллектива вообще).

Но один момент здесь заслуживает нашего особого внимания; это роль срединной точки. Она характеризуется тем, что наблюдаемые из нее угловые величины изображений тех двух предметов, между которыми она находится, соответствуют величине самих предметов. А когда было найдено, что свет имеет скорость определенную, то оказалось, что именно эта точка пригодна для сравнения времени событий, происходящих в месте пребывания обоих предметов: события в A и B, одновременные для наблюдателя, смотрящего из нее, одновременны об'ективно.

Ясно, в чем основа этих особенных свойств центрального пункта: там, где деформирующий момент пространственных и временных соотношений обусловлен расстоянием, он и будет одинаков для двух равных расстояний, и следовательно при сравнении уравновешивается.

VIII.

Второй деформирующий момент вносится молекулярной средой, преломляющей, отражающей, поглощающей лучи. Он требует иных, в общем гораздо более сложных поправок для перехода от изображения к действительному предмету.

Тип этих поправок иллюстрируется зрительным миром человека, находящегося в пещере, вход в которую загорожен стеклянной пластинкой с искривленными поверхностями. Искаженные меры и соотношения тел внешнего мира требуют от него для познания и предвидения сложных операций по формулам, подобным формулам всеобщей относительности, — специально же применения Гауссовых координат. И здесь искажения взаимны — они таковы же для людей наблюдающих извне вещи и события в пещере.

Воздух с его рефракцией образует, в сущности, как раз такое деформирующее стекло, и не только по отношению к внешнему астрономическому миру, но даже внутри атмосферы. Только здесь деформация обычно для нас, с точки зрения практики, ничтожна; но и то не всегда; пример — миражи. А от астронома она требует большой поправочной работы.

В подобной изменчиво-преломляющей среде центральная точка теряет свои «уравновешенные» свойства; она, напр., не годится для точного определения одновременности событий, происходящих одно — в центре, другое — на периферии атмосферного циклона: световой сигнал идет с неравными скоростями в разных частях пути, деформирующий момент временной последовательности для двух половин этого пути неодинаков, что и должно быть учтено наблюдателем в исследовании об'ективной связи.

IX.

Мы видим, что в старом опыте уже имеются соотношения того же типа, как выражаемые формулами Эйнштейна, и что старые формы мышления были, однако, достаточно пригодны и гибки. Приспособление их к этим новым формулам затруднялось, в сущности, главным образом неточностью некоторых терминов и формулировок.

Раз мы уяснили, что движение есть деформирующий момент, значит, формулы, напр., Лоренца следует считать не формулами перехода от реальности одного наблюдателя к реальности другого, от нее отличающейся, а формулами перехода от оптического образа (общее — энергетической проекции) к об'ективной реальности, одинаковой для них обоих, или от этой реальности к образу, к проекции. Все меры для них об'ективно должны быть одинаковы, а изменяются лишь их проекции из одной движущейся системы в другую. И сокращения тел, и замедления хода событий, и сложения скоростей здесь проекционные, а не об'ективные: вся таинственность исчезает. Оптический поворот координат призмой принципиально подобен их повороту относительным движением систем, и дает подобные же эффекты.

X.

Ясно, что употребление термина «одновременность» у Эйнштейна неточно и неправильно, когда он связывает ее с наблюдением из срединной точки, не вводя условий движения этой точки. Определение одновременности, как мы видели, требует равенства деформационного момента. А так как тут этот момент определяется скоростью движения, то срединная точка должна еще двигаться с равной и симметричной скоростью по отношению к обеим наблюдаемым системам. Тогда одновременность опреде-

ляется об'ективно, а формулы оптического замедления позволят установить вполне параллельный ход часов во взаимно-движущихся системах. Это и есть переход от бисуб'ективных систем к об'ективной, от физики двух наблюдателей через третьего к физике коллектива.

XI.

Все это, однако, не значит, что старые формы мышления должны остаться совсем неизменными. Новое приспособление необходимо, нечто должно измениться. Это именно — идея движения. В ней раскрывается и из нее устраняется одно, раньше не замечавшееся, противоречие.

Мы видели, что деформирующее действие расстояния вполне взаимно; и мы вполне понимаем, почему это так, и не может быть иначе: расстояние между A и B одно, а не два; и если мы означаем его $\overline{AB}$ или — BA, то этим выражаем только два разных направления нашей активности, мысленно его проходящей, две разных исходных точки нашего познавательного процесса; они же, в свою очередь, зависят от двух исходных пунктов и двух направлений передачи лучистой энергии через это расстояние. И столь же нам понятна взаимность деформаций от преломляющей среды: эта среда также одна между двумя пунктами, а не две, и через нее один и тот же путь проходится лучом по двум направлениям.

Движение тела в его среде мыслилось до сих пор, как два факта:

1) тело движется;

2) среда же его неподвижна.

Такая концепция была, в сущности, пережитком статики. Его теория относительности разрушает. Деформирующее действие движения оказывается вполне взаимным; значит, соотношение среды и движущегося тела едино; значит, движение — один факт, а не два. Ни тело, ни среда не находятся «в покое»: между ними существует изменяющееся пространственное отношение, которое называется — движением.

С этой точки зрения принимать, что тело движется, а среда его — нет или наоборот, вполне подобно тому, как если бы в любом взаимоотношении между A и B принималось, что только A «относится» к B, или только B «относится» к A, а не было единого двустороннего отношения.

XII.

Здесь опять приходится констатировать ошибочное, спутывающее употребление термина «покой», которое сохранилось еще у релятивистов. Обычно они говорят: «из двух взаимно-движущихся систем любую можно принимать находящейся в покое, рассматривая тогда другую, как движущуюся». Это неверно: ни одну из обеих систем нельзя принимать «находящейся в покое»: они обе в движении, которое относительно и взаимно. А возможность, о которой идет речь, на деле совсем не та: можно координатную систему — наше орудие исследования — прикрепить (реально или мысленно) к любому из двух комплексов (тело и среда или два тела, из которых каждое тогда символизирует среду для другого). Только координатная система будет «в покое» по отношению к выбранному для нее комплексу,

потому что будет связана с ним, как его реальная или мыслимая часть. И, прикрепив эту систему к тому или другому комплексу, мы дадим то или иное направление нашей познавательной активности; противоположность этих направлений выражается знаками «плюс» и «минус». Эти знаки — последняя абстракция от реального взаимоотношения борьбы между человеческим коллективом и стихийной природой, борьбы, в которой активности одной стороны нейтрализуются, практически уничтожаются противоположно направленными активностями другой.

Познавательные методы и символы всюду имеют последней своей основой реально-практические отношения. Так и понятие «покоя» есть символически-абстрактное отображение основной жизненной тенденции—самосохранения; но символ отживший, уже непригодный по своей статичности, с тех пор как для человечества сохранение жизни идет не через ее консерватизм, а через ее развитие.

Что касается самой прямоугольной системы координата, то, как мне случалось уже указывать, человечество миллиарды раз воспроизводило ее практически в устройстве своих жилищ раньше, чем оформило ее аналитически: любой трехгранный угол дома или комнаты является ее реальной моделью. И выбор того или другого комплекса как базы для системы координат есть не что иное, как абстрактно-символический выбор жилища для исследующего наблюдателя.

XIII.

Когда один и тот же факт наблюдается с двух разных позиций, то мы с полным основанием можем сказать, что оба наблюдения «равнозначущи», как относящиеся к одному и тому же. Но можно ли сказать, что они «равноправны»? Отнюдь нет. Этот термин применяется нередко, и самим Эйнштейном, и его сторонниками, когда дело идет об обеих позициях наблюдателей во взаимно-движущихся системах, — но ошибочно. Впрочем, Эйнштейн находит, что тут надо признать «равноправие», но не «равную целесообразность». Это различение тоже неправильно: в познании «равноправно» только то, что «равно целесообразно»: право орудия, в том числе и познавательного, на применение заключается в его пригодности, которая и есть его целесообразность.

Для решения той или иной конкретной задачи та или иная позиция наблюдателя, с его координатными и иными орудиями, вовсе не одинаково пригодны. История астрономии ясно демонстрирует, какие огромные преимущества в деле исследования планетных путей дало мысленное перенесение познавательного жилища с Земли на Солнце; но и современный астроном с полным основанием предпочтет земную позицию, когда дело идет о том, чтобы по Солнцу определять, напр., в лесу, направление или время дня. Машинист поезда, как указывает сам Эйнштейн, будет неправ, если в расчетах своего пути и встреч с другими поездами будет пользоваться системой координат, связанной с поездом, а не той, которая соответствует реальной оси абсцисс — рельсам и реальным ординатам — телеграфным столбам. Но если задача другая — рассчитать место на полу его помещения, куда упали из его рук часы, чтобы сразу и уверенно поднять их, то вне-поездная система, даю-

щая параболический путь падения, гораздо менее удобна, чем связанная с поездом, где путь падения — прямая.

Смешно говорить о «равноправии», с релятивистской точки зрения, систем Коперника и Птоломея. Они всегда неравноправны, — для решения задач космического масштаба полноправна одна, для задач масштаба обывательского — другая: два орудия разной широты и точности действия. Но для самых широких задач астрономии узка и гелиоцентрическая система Коперника—ее сменит галактоцентрическая, а может быть, и еще иная.

XIV.

Пока в наш анализ входят только два движущихся тела с мыслимыми наблюдателями на них, сверяющими свои наблюдения, перед нами еще не реальная физическая задача, а кинематическая абстракция. Только в пределах этой абстракции выбор «системы отсчета» безразличен: электрон, напр., удаляется от поверхности Солнца со скоростью близкою к скорости света, — конечно, и Солнце удаляется от него с такой же скоростью.

Но стоит ввести лишь хотя бы один момент, приближающий к конкретности, — и все меняется. Пусть вводится третье тело, или, напр., идея массы и тяготения, полученная из наблюдений над разными телами. Взаимная скорость Солнца и электрона в первую же секунду уменьшается метров на двести с лишним, во вторую еще около ста, в третью около 70, и т. д. Можно ли исходным пунктом замедления одинаково считать ту или другую «систему», т.-е. безразлично ли приписать отрицательное ускорение тяготению Солнца или электрона? Другими словами, удобно ли приписать электрону ту массу, которую мы обычно считаем массой Солнца, и обратно? Если бы ничего, кроме этих двух тел в природе не было, — как сначала не было ничего кроме них в нашей абстракции, — то, пожалуй, было бы все равно. Но раз мы знаем другие тела и массы, 3-й закон Ньютона и пр., — ясно, что тогда это не все равно. И вместо той или другой половины нашей бисуб'ективной системы, мы должны принять иную систему, об'ективно привилегированную: с центром координат в общем центре тяжести Солнца и электрона, значит, ближе к центру Солнца в два нонильона нонильонов раз. А войдет в задачу еще новый момент — и эту систему придется подчинить новой, об'ективно еще более привилегированной, т.-е. имеющей под собой еще более широкую базу оформленного коллективного опыта, и т. д.

Если бы мы захотели вычислять пути планет и комет со всеми возмущениями, упорно принимая за основную систему координат, прикрепленную к Земле, — так сказать, с Птоломеевской точки зрения, то задача стала бы практически неразрешимой по сложности операций, да, пожалуй, и противоречивой — по необходимости помещать в Земле центр тяготения системы, извращая все соотношения масс.

Прогресс физики и космологии направлен к тому, чтобы заменять случайные, «суб'ективные» системы другими, привилегированными, дающими более высокую производительность познавательного усилия, и приложимыми в масштабе более широкого опыта; поскольку это так, они уже «об'ективны» т.-е. обязательны для познающих, «социально-значимы». Но с развитием коллектива, с новым расширением опыта они становятся «относительно-суб'ективными», как стала в свое время геоцентрическая, а затем и гелиоцентрическая. Они «суб'ективны» не в том смысле, что соотносительны индивидуальному суб'екту, а в том, что соотносительны не всему познающему коллективу, а только его части, — охватывают его опыт не в целом, а частично. И поскольку они борются против «об'ективных» систем, постольку их суб'ект—отсталая или отживающая часть мирового коллектива.

Мираж—вещь вполне об'ективная оптически; но суб'ективная, когда и поскольку это изображение смешивается с предметом. Так и те «укорочения мер», «замедления времени», «сложения скоростей», которые выступают в формулах специальной теории относительности, вполне об'ективны оптически (проекционно) и суб'ективны, когда их относят к реальности. В сущности, эта же мысль неоформленно выражена у Эйнштейна в популярном изложении его теории, когда он говорит о «моментальном фотографировании» одной системы из другой: ведь фотография имеет дело с изображениями.

Исследуя условия и результаты этого «моментального фотографирования», Эйнштейн, собственно, решает именно задачу о том, какое изображение движущейся системы получается в другой системе, когда имеется постоянная и конечная скорость света, с которой, следовательно, соизмерима скорость взаимного движения обеих систем.

XV.

Но как понимать это постоянство скорости света в каждой кинематической системе «специальной теории?».

Система A движется по отношению к системе B об'ективно со скоростью, скажем, — 1.000 *км.* Луч света от точки, принадлежащей системе A (от фонаря ее «наблюдателя»), имеет по отношению к своей системе скорость C — 300.000 *км.* тоже вполне об'ективно. Луч пришел в систему B, скорость его измеряется, и оказывается по отношению уже к этой системе опять C, без прибавки, и опять вполне об'ективно. Разве это не противоречие?

Это было бы несомненным противоречием, если бы обе системы были только чистой абстракцией, только мыслимыми системами координат. Но свет движется и скорость его измеряется не в отвлеченных «системах координат», а в реальных физических системах. В реальных же системах, как прекрасно знает и старая физика, скорость света может изменяться при переходе из одной в другую.

Пусть в глубине моря живет ученый осьминог, а на берегу — человек, и они обмениваются световыми сигналами. Осьминог находит скорость света всегда 0,75 c, человек — всегда около 0,9997 c, и оба об'ективно правы. Луч шел от человека с «воздушной» скоростью, и с ней же вступил в воду; но там он попал в иную систему электро-динамических напряжений, в которой не может сохранять прежней скорости, а приспособляясь к ней, на протяжении ничтожного, но отнюдь не нулевого расстояния, меняет скорость на новую, единственно там возможную, «водяную». Нет ни противоречия, ни особой загадки. Третий наблюдатель, знакомый с той и с другой средой, легко «примирит» наблюдения обоих.

Откуда же берется противоречие и загадка в предыдущем случае? Только из неумения стать на об'ективную, третью точку зрения, только из остатков суб'ективизма.

Пока луч шел в пределах реальной физической системы A, его скорость по отношению к этой системе была, конечно, c; но тем самым по отношению к системе B она об'ективно была $c+v$, т.-е. 301.000 *км*. Однако оптически этого наблюдатель B прямо констатировать никогда не сможет, как в соответственном положении ученый осьминог, — потому что, перейдя в реальную физическую систему B, луч должен приспособиться к ней и получить единственно возможную в ее пределах скорость по отношению к ней — опять-таки c. Лишняя скорость v утрачена, следы ее остались в Допплеровском смещении линий. Но зато по отношению к системе A скорость этого луча теперь об'ективно $c-v$; однако, наблюдатель A лишен способов оптически это установить — луч из его системы ушел. А если бы он и вернулся, напр., по мировой геодезике с другой стороны, то опять получил бы прежнюю скорость, которая стерла бы следы всех перемен скорости по дороге.

Константа c не абсолютна, а соотносительна реальной физической системе.

XVI.

Но где же и когда произошло изменение об'ективной скорости света между системами? Это вопрос, подлежащий исследованию, часть которого уже выполнена, часть — нет. Ясно, что, напр., в атмосфере Сириуса скорость света определяется системой Сириуса, в атмосфере Земли — скорость «земная» (Майкельсоновская). Ликвидация разностей должна, повидимому, происходить в промежутке — либо на расплывающихся границах атмосфер, либо в безатмосферном пространстве.

Эфир есть область различно-переменных напряжений, электромагнитных и гравитационных. Каждое данное их соотношение в данном пункте пространства есть определяющий момент для «местной» скорости света, и луч, там проходящий, должен эту «местную» скорость принимать, лишь постольку от нее отклоняясь, поскольку «не сразу» успевает к ней приспособиться. Сириус, Солнце, Земля имеют свои гравитационные поля, которые, накладываясь одно на другое, образуют «зоны» с преобладанием тяготения того, другого, третьего тела; и имеют свои электромагнитные «зоны», образованные сначала их собственной материей, а потом за атмосферой их перекрещивающимися радиациями. Путь во всех этих зонах с переходами от одной к другой и есть путь последовательных изменений скорости луча.

Взятая в таком аспекте, задача принципиально однородна (будучи лишь несколько сложнее) с задачей о том, где и как изменяются скорости луча при его переходе из воздуха в стекло, из стекла в воду и т. д. [1]).

[1]) Эта мысль—об изменении скорости света в его переходе из одной движущейся физической системы в другую—была мною высказана в моей статье в сборнике „Принцип относит. и его философ. истолкование“ (вышел в апреле 1923, в изд. „Мир“). Повидимому, аналогичную точку зрения выразил W. Peddie в докладе перед Королевским О-м в Эдинбурге, 7 мая 1923,—„Механизм, скрытый за относительностью“,— насколько можно судить по немногим строкам отчета в „Nature“ от 9 июня 1923.

XVII.

По отношению к об'ективной скорости света имеет силу, таким образом, положение Рица: радиация имеет и скорость своего источника. Но возражение против Рица, что его идея требует перестройки законов оптики, здесь отпадает: каждая из движущихся систем имеет свою, так сказать, принудительную оптику; но законы оптики, отнесенные к координатам именно этой системы, остаются повсюду одни и те же. Технически-научное преимущество теории относительности в том и заключается, что она удерживает единство законов природы за счет переменности координатных систем. Не надо только считать выбор координатных систем абстрактно-произвольным: они должны быть подчинены реально-физическим системам.

Так, напр., наблюдаемая из A скорость системы B могла бы быть результатом различных комбинаций оптического сложения скоростей; но реальна только одна из этих комбинаций.

Положим, наблюдатель на электроне A, вылетевшем из Солнца со скоростью 285.000 *км*, констатирует свою скорость по отношению к другому электрону B, летящему от Солнца в противоположном направлении, равной 299.600 *км*. Принимая во внимание массы, он должен и свой электрон и B отнести к об'ективной системе Солнца, т.-е., подобно Копернику, стать на точку зрения солнечного наблюдателя. Тогда из уравнения Эйнштейна он получит об'ективную скорость другого электрона по отношению к Солнцу тоже около 285.000 *км*, а по отношению к себе — 570.000 *км* или 1,9 c. Возможность связи между A и B основана всецело на том, что луч, выйдя из системы электрона B, тотчас попадает в систему Солнца, и в ней получает новую скорость — c по отношению к ней; с этой же скоростью он догоняет электрон B, а в его крошечной реальной системе изменяет скорость еще раз.

XVIII.

Как видим, в об'ективной, сверхоптической, системе сложение скоростей простое, и может дать величины больше c.

Но на чем основано это сверхоптическое, об'ективное сложение? Оно «расколдовывает» мистицизм сложения оптического, бисуб'ективного, делает его понятным. Достигается это путем абстрагирования от ограниченной скорости световых сигналов, путем установления для взаимно-движущихся систем общего об'ективного пространства и единого об'ективного времени, которые лишь оптически деформируются, благодаря этой ограниченной скорости. Непосредственно можно было бы получить эту об'ективную картину, если бы кроме световой существовала иная система сигнализации, с бесконечно-большой скоростью передачи; а здесь это заменяется мгновенным мысленным перенесением от наблюдателя к наблюдателю без замещения, без простого отожествления второго с первым, без голого перехода на другую позицию с ее ограниченностью; ясно, что такое перенесение означает мысленное развертывание коллектива на все пункты пространства и времени.

XIX.

Но если бы, кроме светового, существовал реальный способ сигнализации даже не бесконечной быстрой, а только гораздо более скорой чем световой, и тогда с его помощью получились бы результаты, весьма близкие к соотношениям об'ективной системы. Опыт этого т и п а, хотя и не достигающий таких результатов, но достаточно определенно указывающий на них, уже имеется, — именно измерение скорости света в текущей воде, выполненное Физо.

Там перед нами среда с определенной, ей свойственной скоростью света — около 0,75 c. Это — скорость по отношению к самой воде; следовательно, если она движется, то в об'ективной системе свет получает еще ее скорость, в сумме $0{,}75\ c + v$. Но если эта вода движется, скажем, как отдельная струя, среди также водного пространства, то никакой вне этой струи находящийся водный наблюдатель не констатирует этого реального сложения: перейдя в его систему, луч потеряет дополнительную скорость. А Физо наблюдал не из водной, но из воздушной среды, где скорость сигнализации, хотя ненамного, но больше, чем водно-световая, именно, близка к c. Значит, здесь, в очень, правда, слабой степени, но воспроизводятся условия, о которых мы сейчас говорили: рядом с медленным способом сигнализации другой, более быстрый. А результат такой, что частично улавливается об'ективное сложение скорости света в системе и скорости самой системы; сумма получается $0{,}75\ c + 0{,}44\ v$ (приблизительно). Опыт с сернистым углеродом дал бы сумму еще более близкую к об'ективной: измеренная прибавка скорости света была бы около двух третей скорости движения жидкости; в алмазе — около пяти шестых скорости самого алмаза, и т. д.

Мы видим, что наше истолкование за себя имеет не только свою «расколдовывающую» силу, но и базу р е а л ь н о г о опыта.

XX.

Еще сильнее в пользу нашей точки зрения говорит факт астрономической аберрации. Как известно, особенную трудность для теории строения эфира представляло кажущееся противоречие этого факта с постоянством находимой на Земле скорости света по всем направлениям. Здесь это затруднение просто исчезает.

Астрономическая аберрация, как ее наблюдал Брадлей, предполагает не два, а три астрономических тела: Землю, Солнце, и ту «неподвижную» звезду, свет от которой наблюдают. На Солнце эллипсов Брадлея не было бы, имеются только «собственные движения» звезд; луч, идущий от звезды в физическую систему Солнца, испытывает, практически, постоянное отклонение, определяемое взаимной скоростью звезды и Солнца, которое здесь нас не интересует. Но в пределах физической системы Солнца движется, как ей п о д ч и н е н н а я, физическая система Земли, с переменной скоростью, по эллипсу; по отношению к этому эллипсу системы звезды и Солнца могут рассматриваться как одна. Физическая система Земли относительно очень мала; для простоты ограничимся ее рефракционной частью — атмосферой. Когда луч из главной системы («Звезда-Солнце») вступает в эту подчиненную, которая

по отношению к ней движется, то ясно, что аберрационное направление уже есть, луч с ним и входит в атмосферу. Но атмосфера, как всякое преломляющее тело, принудительно дает лучу с в о ю константную скорость; а направления аберрационного не изменяет, если не считать обычной рефракции. Обе стороны дела равно понятны.

XXI.

Четвертый деформирующий м о м е н т — п о л я т я г о т е н и я. На них всеобщая теория относительности одержала величайшие победы,—два исполнившихся предсказания: отклонение луча Солнцем и «Rotverschiebung» в его спектре (теперь, повидимому, подтверждена вполне).

Но здесь же и самые «головоломные» концепции, как «деформация пространства», «кривизна четырехмерного пространственно-временного многообразия», и т. п.

При анализе надо иметь в виду, что поля тяготения о т н ю д ь н е т о л ь к о оптические (проекционные) деформаторы, что тяготение реально, об'ективно изменяет ход вообще всяких физических процессов. В частности, напр. всякая вибрация электрона, даже вибрация силовой линии (в луче) происходит под некоторой дополнительной нагрузкой напряжения, которая ускоряет эту вибрацию в одну сторону, замедляет в другую; результат же того и другого, как показывает простой математический расчет, будет в сторону замедления. Поэтому и всякие часы р е а л ь н о замедляются в поле тяготения, эталоны мер р е а л ь н о сокращаются. Оттого здесь нет и той «постоянной» скорости света, которая господствует в специальной теории, как мы видели, только благодаря оптическому выравниванию.

Оптическая деформация здесь является производным и частным случаем этих всеобщих изменений, как это видно в примере с отклонением луча Солнцем.

Эйнштейн те и другие эффекты тяготения сумел связать в стройном единстве научных формул, допускающих точный их расчет.

Его методологическим принципом была все та же, в сущности, «оптическая взаимность», т.-е., соответствие наблюдений двух наблюдателей, занимающих соотносительно-противоположные позиции, или, что то же, сохранение закономерностей с изменением координатных систем.

XXII.

Основной иллюстрацией нам послужит отклонение луча солнечным полем тяготения.

Уже из специальной теории относительности, из ее формул оптической (проекционной) реальности, выражающих условия передачи энергии, следовало единство массы и радиации. А оно означает, что луч света подчиняется закону тяготения, и в поле тяготения представляет падающее тело. Но его отклонение т о л ь к о по закону Ньютона не удовлетворяло бы условиям «релятивности» или оптической взаимности обеих систем — «радиация» и «Солнце» (или другое притягивающее тело). Загибу оптической координаты первой системы — загибу падающей линии луча — должен соответствовать

загиб оптических координат второй системы. Отсюда получается удвоенное отклонение, предсказанное Эйнштейном [1]).

Вторую половину этого отклонения Эйнштейн обозначает, как следствие «деформации пространства»; при этом в физику вводится понятие о «кривизне пространства» (и даже пространства «четырехмерного»), о «радиусе» этой кривизны и пр., — аналитические концепции мнимых геометрий. Эти концепции приобретают как будто физическую реальность; между тем реально их мыслить мы не в состоянии, по причине, повидимому, совершенно неустранимой: ни реального восприятия, ни, следовательно, реального представления подобного рода в нашем опыте нет; а понятия могут иметь материалом только существующие восприятия и представления; «мыслить» невоспринимаемое и непредставимое способен только метафизик, да и тот, в сущности, лишь словесно.

Правда, именно философско-метафизический метод и дает здесь очень легкий выход: отнести недоступные опыту измерения пространства к «вещам в себе». Но помимо чрезмерной уже легкости этого, вполне словесного, выхода, мы имели бы тогда беспримерный в новейшем развитии мысли человечества факт — успешного захватного движения философии на область науки — так сказать, философскую оккупацию научного Рура.

XXIII.

Однако «радиус кривизны», проходящий в четвертом измерении, аналитически оправдывается в реальных наблюдениях? В чем же тут дело?

Поля тяготения, это области особых напряжений в эфире, замедляющих своей дополнительной нагрузкой все физические процессы.

Это означает замедляющий момент и для движения света.

Но самый общий закон распространения радиаций — «по линиям наименьшего времени».

Им определяется рефракционное загибание лучей. Он же неизбежно требует соответственного загибания и в поле тяготения, раз оно представляет замедляющий момент для движения радиации — как замедляющий момент в атмосфере есть переход в ее более плотные слои. Здесь замедляют напряжения электро-магнитные. там — гравитационные.

Таков физический смысл «деформационно-пространственного» загибания луча. Оно складывается с Ньютоновским падением луча, и равно ему, как его коррелятив.

Все это физически понятно и чуждо сверхопытного.

XXIV.

А «кривизна пространства»?

Пространство опыта имеет три измерения. Но непрерывность опыта имеет больше измерений. И когда релятивисты говорят о «continuum'e» четырех и пяти измерений, они нисколько не выходят из рамок научно-опытных формулировок.

[1]) То же можно выразить в других терминах, исходя из замедления луча и сокращения линейных мер.

Время в физике есть непрерывность. Потенциал тяготения — тоже.

Всякая непрерывность может быть выражена графическим символом линии. От этого она не становится линией. Время, напр., от линии отличается своей необратимостью, которая и в теории относительности всецело сохраняется: частичная псевдо-обратимость Минковского-Эйнштейна зависит, как мы видели, от смешения «предмета» с его «изображением», от неправильного определения «одновременности».

Графический символ пригоден, поскольку не забывают об его технически-условном характере, и учитывают в анализе отличие непространственной непрерывности от изображающей ее линии. В пределах же общих свойств данных непрерывностей графический символ может быть применим без ограничений, как и относящиеся, собственно, к нему, а не к этим непрерывностям, термины «кривизна», «деформация», «радиус кривизны» и т. п.

Мы можем, напр., на чертеже взять за одну ось координат — одно измерение пространства, за другую — линию, символизирующую время, за третью — линию, также символизирующую какое-нибудь непрерывнопеременное напряжение, хотя бы гравитационное, — и затем образовывать с их помощью и исследовать разные «векторы», «кривые» с «радиусами кривизны» и пр. Мы можем со всем этим оперировать и получать верные результаты, пока в наших операциях не будут затронуты специфические отличия наших непрерывностей от их технико-графических символов. Поскольку же это случится — выводы будут неверны.

Надо, следовательно, избегать вульгарно-неточных выражений, в роде «пространства 4-х, 5-ти измерений», и пользуясь понятиями в роде «радиуса кривизны четвертого континуума», помнить и учитывать их графико-технический, условный характер.

XXV.

Выводы.

1) Теория относительности не разрушает об'ективных (социально-значимых) форм пространства и времени, а напротив, подводит к их более точной, более совершенной выработке, подрывая последние остатки индивидуализма и статики в нашем их понимании.

2) Новым здесь является взгляд на движение, как на единый релятивный факт — изменяющееся пространственное соотношение тела и его среды.

3) Все же недоразумения, тяготеющие к метафизике, зависят от смешения суб'ективного и бисуб'ективного с об'ективным, вообще — от неправильных истолковательных терминов и формулировок. Когда люди не владеют вполне сознательно своими орудиями (здесь — символами), тогда эти орудия господствуют над ними.

А. Богданов.

Ш.—БИБЛИОГРАФИЯ.

Эпигон хартальной теории денег.

(Karl Elster. — Die Seele des Geldes. — Grundlagen und Ziele einer allgemeinen Geldtheorie. — 1. Auflage. Iena 1920. — 2. Auflage. Iena 1923).

I.

Книга Эльстера по целому ряду обстоятельств представляет известный интерес для денежной теории.

Когда Кнапп выступил около 20 лет тому назад со своей «Государственной теорией денег» [1]), он привлек к себе внимание буржуазного ученого мира. Хотя огромное большинство представителей академической науки резко отвергало государственную теорию, все же они не смогли пройти мимо этого явления. И неудивительно: в науке эпохи упадка буржуазного общества, которая «боязливо избегает рассматривать общественные явления в их совокупности, справедливо чувствуя, что подобное рассмотрение несовместимо с ее существованием, как б у р ж у а з н о й экономической науки», в этой науке не так уж часто встречаются смелые попытки цельного рассмотрения какой-либо стороны общественных явлений. Между тем, теория Кнаппа является подобной смелой попыткой по отношению к наиболее загадочному, ослепляющему, по выражению Маркса, своим металлическим блеском, явлению денег.

Кнапп рассматривает деньги, как творение правопорядка. Вне правопорядка для него нет и денег. Именно с точки зрения правового устройства он дает подробную классификацию денежных систем и отдельных видов денег. Единица ценности, на которую гласят всегда деньги, является по Кнаппу лишь номинальным обозначением, которое дается государственной властью. Номинализм единицы ценности и приоритет правового момента в явлении денег — основа теории Кнаппа. Он далек от отрицания значения денег в хозяйственной жизни общества, но анализ этой роли он оставляет на долю своих последователей и продолжателей. К хозяйственной роли денег Кнапп относит и вопрос об их ценности; нарушая грубейшим образом традиции литературы по денежной теории, он в первых изданиях своей книги совершенно не останавливается на этой проблеме и лишь в последних изданиях вставляет, под натиском критиков, отдельный параграф на эту тему. А так как критиков Кнаппа интересовала исключительно хозяйственная сторона денежной проблемы, то неудивительно, что они часто говорили на различных с харталистами языках.

Кнапп нигде не формулирует определенно тех общих воззрений теоретико-экономического характера, которые послужили основой и предпосылкой его государственной теории денег. Кроме нескольких довольно туманных замечаний, разбросанных по книге, общая, так сказать, философия хозяйства нигде не выступает у Кнаппа наружу. Это обстоятельство могло ввести в заблуждение даже такого внимательного исследователя, как Гильфердинг, который считает, что у Кнаппа мы имеем дело вовсе не с теорией денег, а с юридической классификацией [1]). Между тем, совершенно очевидно, что хартальная теория денег пытается ориентироваться на совершенно иное понимание хозяйственных явлений, чем обычная денежная теория.

Фр. Бендиксен, который первый занялся «хозяйственным дополнением» государственной теории, уже не отказывается от формулировки своих взглядов по общей теории хозяйства; в его статьях там и сям разбросано довольно много рассуждений и замечаний на этот счет. Но только в лице Эльстера мы имеем попытку собрать в определенную с и с т е м у, привести в порядок и придать стройный вид тем теоретическим положениям, которые необходимы для действительного экономического обоснования хартальной теории денег; при этом Эльстер идет так далеко, что заметно расходится не только с Кнаппом, но и с Бендиксеном.

За время войны и связанных с ней явлений в области денежного обращения получил довольно значительное распространение номинализм, т.-е. учение, рассматривающее деньги лишь как знак, символ, счетную единицу, но отрицающее за деньгами самостоятельную ценность. Из всех видов номинализма наибольшей наукообразностью обладает безусловно хартальный его вариант. Поэтому неудивительно, что та самая «Государственная теория денег», которая раньше об'являлась «неудачной попыткой» обобщения явлений чистого бумажно-денежного обращения и переноса его законов на обращение металлическое [2]), теперь превозносится, как «один из величайших шедевров германского творчества и остроты научной мысли» [3]).

Подобно тому как наивный номинализм Ивана Посошкова и его средневековых западно-европейских единомышленников являлся средством оправдания порчи монеты и других неприглядных способов обогащения тогдашних монархов, номинализм во время и после войны (в несравненно более искусной и тонкой форме) мог служить подобием теоретического оправдания той инфля-

[1]) В русской литературе государственная теория денег освещена крайне скудно. Из произведений самих харталистов переведено два небольших очерка Кнаппа, изданных в 1913 г. в Одессе, небольшая брошюра Бендиксена «Деньги» и его же статья «Теоретический металлизм» в сборнике «Основные проблемы теории денег».

Критическая литература представлена двумя книжками: «Новые идеи в экономике», сборник № 6, где под редакцией Туган-Барановского собрано несколько статей из немецких журналов, при чем подбор довольно случайный: наконец, недавно появившаяся в московском издании книга Д. А. Лоевецкого «Гос. теория денег», представляющая в своей большей части лишь изложение Кнаппа (чаще всего, его же словами); вторая, критическая часть, по мнению самого автора, не свободна от дефектов: условия работы «лишили автора возможности некоторые поставленные им во второй части работы проблемы надлежащим образом разработать».

Отдельные замечания и полемика с хартализмом встречаются во многих работах по денежной теории.

[1]) Финансовый капитал, изд. 1922 г., стр. XVI.
[2]) A d. W a g n e r. Theoretische Sozialoekonomik, 1909, II Bd. II Abt., S. 112.
[3]) M a x W e b e r. Grundriss der Sozialoekonomik, 1921. I Theil, S. 105.

ционной политики, посредством которой господствующие классы не только перекладывают бесконечные финансовые тяготы на плечи трудящихся, но и производят известное перераспределение богатства среди различных групп имущих классов. С другой стороны, банкротство фетишистического, некритического металлизма, господствовавшего в университетской науке до войны, стало совершенно явным в нынешний период повсеместного господства бумажных валют, которым фетишистический металлизм не может дать сколько-нибудь удовлетворительного об'яснения. В этих условиях номинализм является наиболее удобной базой общетеоретического характера для всех тех исследователей денежной проблемы, которым не по вкусу полный отказ от всякой попытки теоретического осознания проблемы денег, нашедший свое выражение в количественной теории всякого вида и оттенка. Эти два обстоятельства — классовые интересы господствующих клик и полное отсутствие в буржуазной экономической науке сколько-нибудь удовлетворительного ответа на проклятую проблему денег — обеспечивают за номинализмом вообще, хартализмом в частности, известное «место под солнцем» в Олимпе буржуазной учености.

В настоящее время, после смерти О. Гейна [1]), Кнаппа и Бендиксена мы имеем в лице Эльстера единственного оригинального представителя хартализма. И вот, последний пункт, вызывающий особый интерес к этому автору, заключается в том, что в его лице мы, несомненно, имеем дело с эпигоном хартализма.

Эпигонство бывает двух родов. Часто эпигоны разменивают на мелочи смелые мысли основоположника, приходят к измельчанию, к опошлению великих идей, склонны к эклектизму, к соединению «всего, что угодно, со всем, что бог на душу положит». Но бывает и другой вид эпигонства; к последнему принадлежит Эльстер. Положения своих предшественников, намеченные лишь в робких контурах, он облекает в плоть и кровь: он пытается решительно додумывать до конца основные мысли хартализма; со смелостью отчаяния он формулирует тот абсурд, к которому он на сей стезе приходит. Эпигонство такого рода тем ценно, что показывает воочию банкротство и несостоятельность неверной теории, до того времени замаскированные осторожностью выражений, обходом опасных мест и попросту ловкостью рук ее представителей.

II.

Эльстер с места в карьер заявляет, что для обоснования хартальной теории денег нужна «совершенно новая теория хозяйства» [2]). Все свои дальнейшие построения он расценивает, как попытку восполнить пробел в этом отношении, развить обще-теоретическое воззрение на хозяйство, соответствующее гос. теории и способное служить ее базисом.

Исходный пункт гос. теории денег, по мнению Эльстера, заключается в понятии платежа. Это понятие в свою очередь в качестве необходимой своей предпосылки предполагает существование платежного сообщества (Zahlgemeinschaft). Но что такое платеж? — Это перенесение определенных требований, адресованных ко всему обществу, перенесение от одного лица к другому определенной возможности участия в социальном продукте (Beteiligungsmöglichkeit am Sozialproducte). Но общественный продукт—это, с одной стороны, продукт общественного производства, а с другой — потребительный фонд общества. Поэтому платежное сообщество выступает одновременно и как производственно-потребительное сообщество (Productions-und Konsumsgemeinschaft). Это трех-ипостасное сообщество — производственное, платежное и потребительное — является логической предпосылкой платежа, платежного средства — денег. Поэтому теория денег может быть построена лишь на основе теории современного общественного хозяйства (Gemeinwirtschaft).

[1]) Собственно говоря, Гейн не может считаться харталистом; он скорее является предшественником гос. теории, служа своеобразным мостом от металлизма к хартализму.

[2]) «Государственная теория денег покоится на таком понимании хозяйства, которое в основе отличается от общепринятых»—заявляет Эльстер уже на 3-й странице.

Общественное хозяйство — полная противоположность единичному хозяйству (Einzelwirtschaft). То и другое—различные формы явлений (Erscheinungsform). На данной ступени хозяйства (Wirtschaftsstufe) можно, разумеется, наблюдать одновременно и ту и другую форму; но одна из них является преобладающей и накладывает отпечаток, дает наименование данной ступени. Общественное хозяйство, которое иначе можно назвать денежным хозяйством, служит не только историческим продолжением, но и полной противоположностью менового хозяйства, которое представляет не что иное, как особую фазу единичного хозяйства. Противоположность менового и денежного хозяйства — первый камень в постройке «совершенно-новой теории хозяйства». Эльстер выводит эту противоположность из анализа индивидуально-психологического содержания акта мены, с одной стороны, и купли — с другой.

В явлении мены мы имеем у каждого контрагента суб'ективную оценку обоих предметов мены (Эльстер подробно разбирает четыре рода оценочных заключений). Здесь уместно говорить о ценности в смысле суб'ективной оценки, опирающейся на сознание пользы (Nutzen) и издержек, связанных с добычей (Kosten). Мена состоится лишь тогда, когда каждый участник оценивает предмет своего контрагента выше, чем свой собственный, и чем все прочее, что он может за свой предмет получить. Говорить об эквивалентности, как о предпосылке для обмена, по мнению Эльстера — абсурд.

Но понятие суб'ективной ценности не имеет никакого отношения к процессу купли (Kauf). Здесь покупатель может оценивать лишь покупаемый предмет и сравнивать его ценность с суб'ективной пользой других предметов, которые он может получить за ту же сумму денег. Сами же деньги не поддаются оценке с точки зрения суб'ективной пользы; поэтому нелепо говорить о ценности денег. По этой же причине понятие суб'ективной ценности не представляет ни малейшего интереса для теории общественного хозяйства.

Эльстер дает следующее схематическое изображение своей классификации форм хозяйства:

I. Единичное хозяйство
в
производстве и потреблении
как

1. не знающее обмена (tauschlose) дом. хозяйство.

2. натурально-меновое хозяйство.

II. Общественное хозяйство
в
производстве, распределении, потреблении
как
1. денежное хозяйство — производственное, платежное, потребительное общение.
2. идея социалистического хозяйства.

III.

Переходим к проблемам, стоящим перед теорией общественного хозяйства. В единичном хозяйстве каждый хозяйствующий суб'ект потребляет продукт своей собственной работы. Это положение имеет полную силу для домашнего хозяйства, не знающего обмена; для менового же хозяйства оно действительно лишь в зависимости от развития сперва случайных, а затем входящих в норму меновых сделок. В современном общественном хозяйстве все общество (Gemeinschaft) потребляет продукт совместной работы (Gemeinschaftsarbeit); каждый в отдельности принимает участие в этом продукте.

Встает вопрос, чем измеряется участие каждого в отдельности в общественном продукте; и далее, каким образом он это участие принимает. Двойной вопрос: как внутри хозяйственного общения измеряется и как осуществляется каждым отдельным членом общества его участие в совокупном продукте, который является одновременно и потребительным фондом. «В этом двойном вопросе заключается корень денежной проблемы» — заявляет Эльстер.

Участие каждого в общественном продукте, как в фонде потребления,— продолжает Эльстер, — не измеряется и не осуществляется авторитарно, напр., решением государственного органа распределения, общественной властью. Распределение имеет место, но это не распределение при помощи государственной власти.

Как Эльстер указывает в другом месте, подобное авторитарное распределение имеет место в социалистическом обществе, где только что изложенная проблема не возникает вовсе. С виду может показаться, что в этом пункте своих рассуждений Эльстер довольно близко подходит к истине. Он как будто нащупывает конституирующее отличие «денежного общества», сравнительно с обществом организованного типа. Но это неверно: Эльстер здесь, как и раньше в рассуждении о различиях между меной и куплей, не покидает своего индивидуалистического подхода к анализу общественных явлений. Здесь его интересует лишь вопрос о том, как осуществляется индивидуальное участие в общественном фонде, чем измеряется это участие. У Эльстера даже не возникает вопроса о самой возможности создания и существования общественного фонда, перед ним не встает проблема равновесия общественного производства в системе, где экономическая жизнь не имеет авторитарного сознательного руководства. Основной вопрос: чем определяется распределение производительных сил между различными отраслями производства, как создается то или иное соответствие этих отраслей в анархическом хозяйстве, где господствует стихия рынка —

этот вопрос находится вне поля зрения Эльстера. Он лишь ставит вопрос об участии каждого члена общества в готовом продукте, а не вопрос о самом возникновении этого продукта; очевидно, Эльстер считает, что в последнем вопросе нет ничего загадочного. Производственно-социальная постановка проблемы заменена у него потребительно-индивидуалистической; методологически неправильный подход должен привести неминуемо к краху всей попытки при первом же столкновении с действительностью.

Путь к разрешению основного вопроса, по мнению Эльстера, указан еще Бендиксеном, который считает деньги «правом на свободно продающиеся потребительные продукты, полученные посредством предварительных услуг» («Ein durch Vorleistungen erworbenes Anrecht auf der verkaufsfreien konsumteblen Production»). «Всякая возможность участия каждого в общественном продукте и в потребительном фонде покоится на услуге, вложенной в общественный продукт» (Einschussleistung in das Sozialproduct), — заявляет Эльстер.

Его, однако, не удовлетворяет целиком подобное торжество божественной справедливости и небесной гармонии, и он продолжает: «Общее количество денег находится в равновесии с совокупным общественным продуктом. Этот факт нельзя отрицать, он совершенно очевиден, но он не дает нам ключа к гораздо более трудному (и практически более важному) вопросу об отношении денежной единицы к продающимся благам; к вопросу об определяющих моментах «покупательной силы денег», к проблеме цены. Это тоже относится к теории платежного сообщества».—Здесь, казалось бы, Эльстер подходит к существу вопроса, но лишь для того, чтобы увильнуть от его разрешения и отделаться пустым заявлением в конце этого параграфа. «Вывод из предыдущих рассуждений пока лишь таков: возможность участия в общественном продукте—это предоставляемая общественной организацией каждому отдельному члену контр-услуга за его участие в производстве общественного продукта. С утверждением, что возможность участия в общественном продукте есть общественное отражение сотрудничества в создании этого продукта, выяснено первое из оснований, на которых происходит наделение отдельного хозяйствующего индивида результатами общественной работы». Второе основание, господствующее в организации платежного сообщества, заключается в следующем: «Все члены общества участвуют в общественном продукте в численно выраженном отношении» («In einem rein zahlenmässig ausgedrückten Verhältnisse»). Из этого положения, очевидность которого, по мнению Эльстера, бесспорна, он делает вывод, что «деньги—это число». «Деньги—не благо, не вещь хозяйственного оборота, а — как техническое средство последнего — абстрактная единица, сумма которых в качестве общего количества денег находится в равновесии относительно количества произведенных потребительных благ, не иначе, как, например, сумма акций предприятия находится в равновесии с реальным комплексом благ, который составляет имущество общества». Участие в продукте—такова сущность (Wesen) денег; число, количественное выражение этого участия — такова служба (Dienst) денег [1]).

«Ход дальнейшего исследования определяется теперь результатом пред'идущих исследований. Мы знаем, что общественный продукт распределяется в количественном отношении между членами хозяйственного общения, и что денеж-

[1]) Die Seele des Geldes, S. 46—47.

пая единица—это та счетная единица, которая лежит в основе этого способа распределения. Мы знаем далее, что возможности участия каждого определяются числом денежных единиц, которыми он располагает, и что он располагает лишь такими денежными единицами, как и поскольку он, как производитель, сотрудничал в производстве общественного продукта». Эти блестящие открытия, могущие сделать эпоху в истории экономических идей, не удовлетворяют, однако, Эльстера вполне, и он решительно возвращается к самому опасному пункту, угрожающему ему теоретической смертью: «Таким образом нам остается лишь обнаружить последнее: на каких дальнейших основаниях измеряется число тех возможностей участия, которые хозяйствующее лицо, с одной стороны, получает как «производитель» за каждое вложение в общественный продукт, и которые требуются от него, с другой стороны, как от «потребителя» за его потребительный спрос на отдельное благо. Иными словами: проблема цены—и проблема дохода, которая есть лишь часть проблемы цены—должна быть исследована».

Наконец-то, Эльстер не уклоняется более в сторону и пытается «на проклятые вопросы дать ответы нам прямые». Правда, благодаря его последовательности ответ получается совершенно неожиданный и, пожалуй, небывалый в экономической литературе.

Эльстер неоднократно подчеркивает значение проблемы цен для денежной теории. Последняя не может, конечно, исчерпать проблему цен; но задачей денежной теории является не только открытие сущности цены, но и выяснение определяющих моментов цен. Эльстер отделяет абстрактную проблему цены от конкретной проблемы, заключающейся в том, чтобы определить высоту отдельных цен в отдельных возможных случаях. «Абстрактная проблема цен—это коренной вопрос общего учения о деньгах»—не устает повторять Эльстер.

Эльстер здесь высказывает отмеченное нами выше утверждение о совпадении цены и дохода, которое он формулирует следующим образом: «Цены и доходы—по своему существу, одно и то же, а именно деньги—образуют численный ключ распределения, которым определяется процесс распределения благ в современном хозяйстве».

Отсюда Эльстер делает три вывода.

Во-первых, вовсе не является новостью, что покупают не деньги, а доходы.

Во-вторых, доходы оказывают определяющее влияние на цены потребительных благ.

В-третьих, связь между доходами и ценами—самоочевидна, ибо доходы — это и есть цены, а все цены находятся в связи между собой, что необходимо следует из самого понятия.

Последнему пункту Эльстер придает огромное значение. Этот вывод,— говорит он,—еще не разрешает вопроса об основаниях, определяющих величины цен, но «тот взгляд, что доходы и есть цены, и признание всесторонней обусловленности всех цен», приводит к признанию того факта, что «уже существующие цены имеют с о р а з м е р я ю щ е е значение (massgebliche Bedeutung) для вновь возникающих цен». Но и это не выясняет, однако, вопроса, «как могли когда-то возникнуть первые цены и какие обстоятельства определили их высоту» [1]).

[1]) Die Seele des Geldes, S. 52.

«Здесь мы стоим перед проблемой,—торжественно заявляет Эльстер,—которую я... определил как п р о б л е м у хозяйства; как единственную проблему (d a s Problem), исходя из воззрения, что она единственная, в разрешимость которой я не могу верить».

Перед нами любопытный случай трансцедентализма в экономической теории. Проблема цен об'явлена непознаваемой. Не трудно заметить, что оговорка насчет того, что эта непознаваемость относится лишь к первобытным ценам, не выдерживает критики. Всякая новая цена всякого нового товара таким образом становится совершенно непознаваемой, ибо в самом деле, в чем может выразиться соразмеряющее значение уже существующих цен при возникновении цены вновь открытого радия; почему этот радий будет стоить столько-то денежных единиц, а не вдвое больше или меньше. И в том, и в другом, и в третьем случае соразмеряющее влияние уже существующих цен одинаково хорошо проявится, или вернее, не будет иметь никакого значения, потому что это соразмеряющее влияние служит Эльстеру лишь средством хоть частично скрыть свое банкротство.

А между тем, банкротство полнейшее, в особенности, если вспомнить, с какой помпой было возвещено о «совершенно новой теории» хозяйства. Эльстер разрушает кумиров буржуазной экономической теории, оставляя пустое место. Он в общем недурно (хотя совершенно неоригинально) опровергает теорию суб'ективной ценности (которую он почему-то называет классической, ссылаясь на высший для него, очевидно, авторитет в области экономической науки — Филипповича). «Суб'ективная ценность благ, как суб'ективно-психологический факт,—заявляет он,—несовместима с об'ективно-количественным (численным) выражением». Таким образом он разрушает теорию ценности, пытающуюся быть в то же время теорией цен. «Отрицательное положение, что цена—как число— не может быть выведена из ценности благ, имеет высокое значение для теории денег. Оно заставляет признать, что денежная теория находится вне какой-либо связи с учением о ценности, и ведет таким образом к отрицанию всех попыток исходить из теории ценности к познанию цен и к открытию сущности денег» (стр. 54). Основания цен Эльстер смело об'являет лежащими по ту сторону человеческого познания. А затем он, подобно Бендиксену, строит понятие об'ективной ценности, играющее у него довольно занятную роль.

«Суб'ективные ощущения удовольствия,—говорит Бендиксен,—являются абсолютными ценностями, но они неизмеримы, в особенности, неизмеримы в деньгах (и не относятся вследствие этого к науке о хозяйстве). Об'ективные ценности, наоборот, относительны. Против всех правил суб'ективное здесь абсолютно, а об'ективное—относительно. Ибо об'ективные ценности рынка определяются лишь отношениями друг к другу, и их денежное выражение может удвоиться или уменьшиться вдвое, в то время, как их отношение между собой останется тем же самым» [1]).

Бендиксен, как видим, мало беспокоится по поводу того, что у него получилось «немножко наоборот» в отношении абсолютного и относительного. Эльстер талантливо развивает мысль учителя.

«Понятие ценности Кнаппа и Бендиксена,—заявляет он в одном месте,— появляется лишь в эпоху общественного хозяйства. Оно—дитя цены, с которой разделяет некоторые существенные свойства, но оно все же не что иное, чем цена».

[1]) Geld u. Kapital, S. 30.

Сущность этого понятия, которое окутано мистической дымкой, Эльстер хочет пояснить популярным примером. «Мы часто говорим—и этот оборот речи имеет ясный смысл—что кто-либо заплатил за благо выше его ценности. Это же означает, что кто-либо дал за благо более высокую цену, чем соответствует оценке, которую он дает данному благу. Когда мы говорим о ценности в этом смысле, мы разумеем под ценностью нечто совсем другое, чем индивидуально психическую оценку случайным приобретателем; но точно так же нечто иное, чем цену».—Все дальнейшие рассуждения Эльстера насчет об'ективной ценности сводятся к перепеву всех тех же двух мыслей: 1) что это не суб'ективная ценность и 2) что—это не цена. «Эта ценность,—говорит он,—возникла только из цен... Та ценность, о которой я здесь говорю — та ценность, стало быть, которая представляет численное отношение между благами, и единицу которой я — вместе с Кнаппом и Бендиксеном — называю единицей ценности, является ценой блага, представляемой не зависящей от случайностей единичного случая, является, если угодно—идеей цены».

Если из всех этих тирад не выясняется смысл и логическое содержание Эльстерского понятия ценности, то ц е л ь создания этого понятия перед нами как на ладони. Надо было как-нибудь об'яснить термин—единица ценности, играющий такую значительную роль в х а р т а л ь н о й теории; для этого и пришлось создавать специальное понятие ценности после того, как общепринятое понятие, связанное с этим словом, было разгромлено. Нам остается лишь согласиться с Эльстером, который милостиво признает, что критика не на много ошибается, когда она предлагает харталистам называть денежную единицу «единицей цен», а не «единицей ценности», ибо последний термин заставляет критиков говорить о смешении цены и ценности. Нам остается лишь пожалеть о том, что Эльстер не сделал практических выводов из этого совета врагов хартализма и не избавил нас от разбора сконструированного им понятия ценности, которое ни один сторонник хартализма не сможет признать украшением сего теоретического здания.

Мы можем оставить в стороне все остальное в книге Эльстера. Там содержатся перлы экономической теории вроде того положения, что иначе как посредством сбережения не возникает ни один капитал. Большого интереса, однако, все это не имеет.

Подводя итоги «совершенно новой теории хозяйства», нельзя не признать, что Эльстер подвел итоги номинализму, в особенности, в его хартальной теории. Обладая вообще похвальной, но в данном случае губительной способностью додумывать свои теоретические положения до конца, Эльстер показал несостоятельность номиналистской теории лучше, чем это сделал кто-либо из противников номинализма. Если номинализм может быть спасен лишь апелляцией к непознаваемости основ ценообразования, апелляцией к своего рода э к о н о м и ч е с к о й «в е щ и в с е б е», то это является не чем иным, как свидетельством о бедности, выданным номинализмом самому себе. «Совершенно новая теория» на проверку оказывается полным отказом от какой бы то ни было теории, полной капитуляцией в основной (не только по нашему мнению, но и по признанию самого Эльстера) проблеме неорганизованного хозяйства, в проблеме, нашедшей свое внешнее выражение в вопросе цены.

А. Леонтьев.

К критике общей теории права.

Марксистская литература, сравнительно бедная по вопросам теории права и зачастую в рассмотрении их не идущая далее грубого эмпиризма принудительных «норм», пополнилась новой интересной работой тов. Е. Пашуканиса («Общая теория права и марксизм», М. 1924 г.). Ценность этой весьма содержательной как по основным мыслям, так и по приводимому конкретно-историческому и юридико-литературному материалу книжки заключается в попытке наметить разрешение давно назревшей и в этом отношении правильно поставленной автором, важнейшей проблемы правовой теории: п о с т р о и т ь м а р к с и с т с к у ю т е о р и ю п р а в а, к а к к р и т и к у б у р ж у а з н о й «о б щ е й т е о р и и п р а в а», по образцу Марксовой «критики политической экономии».

Определяя общую теорию права как «развитие основных, т.-е. наиболее абстрактных юридических понятий» (стр. 3), тов. Пашуканис задается вопросом: «Способна ли юриспруденция развиться в общую теорию права, не превращаясь при этом ни в психологию, ни в социологию? Возможен ли анализ основных определений правовой формы, подобно тому, как в политической экономии мы имеем анализ основных и наиболее общих определений формы товара или формы ценности?» (стр. 6). Полагая, что существующие социологические теории грубо эмпирически «правовую форму стараются исчерпать признаком внешней, государственно-организованной принудительности» (стр. 10), тов. Пашуканис противопоставляет им «диалектическое развитие основных юридических понятий»: оно не только дает нам форму права в ее наиболее раскрытом и расчлененном виде, но и отображает реальный исторический процесс развития, который есть не что иное как процесс развития буржуазного общества» (стр. 13). Для этого необходимо «не отбрасывать в сторону те обобщения и абстракции, которые были выработаны буржуазными юристами, исходившими из потребностей своего времени и своего класса, но положив их в основу своего анализа, вскрыть истинное значение, т.-е. другими словами, историческую обусловленность правовой формы» (стр. 19).

Метод Маркса учит нас итти «от простейшего к более сложному, от процесса в чистом виде к его более конкретным формам» и сопоставлять логическое развитие понятий с историческим развитием порождающих их общественных отношений. Точно так же, следуя Марксу, в основу анализа правовой формы должно положить «вполне развитую форму права, которая дает истолкование предшествующим, как своим эмбрионам» (стр. 28). Признание права идеологической формой по мысли автора не избавляет нас от труда отыскать об'ективную, во внешнем мире существующую реальность, общественные отношения, которые соответствуют этой идеологической форме. «Нам надо разобраться в том, не представляют

ли собой правовые категории такие об'ективные формы мышления (об'ективные для данного исторического общества), которые соответствуют об'ективным социальным отношениям. Следовательно, мы ставим себе вопрос, возможно ли понимать право, как общественное отношение, в том же смысле, в каком Маркс называл капитал общественным отношением» (стр. 30). Отвечая на него положительно и определяя далее юридическое отношение — «первичную клеточку правовой ткани», в которой «только право совершает свое реальное движение»,—автор указывает, что «юридическое отношение между суб'ектами есть только другая сторона отношения между продуктами труда, ставшими товарами» (стр. 42). Поэтому, по вопросу о том, что чем порождается—правоотношение ли нормой, или правовая норма правоотношением, «в материальной действительности отношению принадлежит примат над нормой». Правопорядок «обеспечивает, гарантирует, но отнюдь не порождает отношение» (стр. 47). Правовая норма уже потому представляет нечто производное от ранее существующих правоотношений, что «отношения собственности так близко соприкасаются с базисом, что они являются теми же самыми отношениями производства, выраженными юридическим языком»; политическая же надстройка и, в частности, официальная государственность являются вторичным производным моментом (стр. 50). «Экономическое отношение в своем реальном движении становится источником юридического отношения, которое рождается впервые в момент спора. Именно спор, столкновение интересов, вызывает к жизни форму права, юридическую надстройку... Через судебный процесс юридическое абстрагируется от экономического и выступает как самостоятельный момент. Право исторически начиналось со спора, с иска, и лишь затем охватывало предшествующие чисто экономические или фактические отношения, которые таким образом уже с самого начала приобретали двойственный аспект—экономический и юридический» (стр. 53). «Государственная власть вносит в правовую структуру четкость и устойчивость, но она не создает ее предпосылок». «Развитие права, как системы, было вызвано не потребностями господства, но потребностями торгового оборота, как раз с такими племенами, которые не охватывались единой сферой власти» (стр. 55). «Логика юридических понятий соответствует логике социальных отношений товаро-производящего общества, и именно в них, в этих отношениях, а не в разрешении начальства, следует искать корень системы частного права. Наоборот, логика отношений власти и подчинения лишь отчасти укладывается в систему правовых понятий» (стр. 56).

Переходя к вопросу о «праве в об'ективном и суб'ективном смысле», тов. Пашуканис отмечает ту «странную двойственность», согласно которой, «в то же время, в одном аспекте право есть форма внешнего авторитарного регулирования, в другом—оно—форма суб'ективной частной автономии (стр. 57). В противоположность наблюдающемуся стремлению свести суб'ективное право к об'ективным нормам, — по мнению автора, «суб'ективное право первично, ибо оно, в конечном счете, опирается на материальный интерес, который существует независимо от внешнего, т.-е. сознательного регулирования социальной жизни. Суб'ект, как носитель и адресат всевозможных требований, цепь суб'ектов, связанных требованиями, обращенными друг к другу — вот основная юридическая ткань, отвечающая экономической ткани» (стр. 61). Правовая обязанность есть лишь нечто производное — «отражение и коррелят суб'ективного правопритязания». Публичное право принимает форму «права» лишь вследствие универсализации частно-правовой формы: «когда вся экономическая жизнь строится по принципу соглашения независимых воль, тогда всякая социальная функция тем или иным отра-

женным путем принимает правовую характеристику... Государство не является юридической надстройкой, но может лишь мыслиться, как таковая... Государственное право может существовать лишь как отображение частно-правовой формы в сфере политической организации или оно вообще перестает быть правом» (стр. 64 — 65). «Характерной чертой буржуазного общества является именно тот факт, что общие интересы отрываются от частных и им противопоставляются, но в этом противопоставлении они сами принимают форму частных интересов, т.-е. форму права» (стр. 66).

Из всего изложенного явствует уже общая концепция автора относительно сущности права. «Суб'ект — это атом юридической теории, простейший, неразложимый далее элемент... Анализ формы суб'екта вытекает у Маркса непосредственно из анализа формы товара». Общественная связь людей в товарном производстве требует для своей реализации особого отношения людей, как распорядителей продуктами, как суб'ектов, «воля которых господствует в вещах» (стр. 71). Общественная жизнь распадается, с одной стороны, на «совокупность стихийно складывающихся овеществленных отношений», — с другой стороны, таких отношений, где человек определяется не иначе, как путем противопоставления его вещи, т.-е. как суб'ект, или — юридических отношений... Общественная производственная связь представляется одновременно в двух нелепых формах: как ценность товара и как способность человека быть суб'ектом прав... Если экономическая вещь господствует над человеком.., то юридически человек господствует над вещью, ибо в качестве их владельца и собственника он сам становится лишь воплощением абстрактного безразличного суб'екта прав, чистым продуктом социальных отношений» (стр. 72). «Понятие суб'екта возникло и развилось из противоположности об'екту или вещи» (стр. 77).

Развитие суб'екта исторически, согласно тов. Пашуканису, начинается с суда, на первых порах напоминающего поединок. В феодальном обществе право является принадлежностью группы суб'ектов, — привилегией: абстрактное понятие правового суб'екта отсутствует. Наконец, в буржуазном обществе — право приобретает абстрактный характер. «Юридический суб'ект — это вознесенный в небеса абстрактный товаровладелец». «Договор или соглашение независимых воль — ... одно из центральных понятий в праве» (стр. 82). Присвоение, «органическое, естественное отношение человека к вещи» — лишь элемент развития института частной собственности, но еще не есть собственность, которая появляется с рынком и с договором.

Отсюда вытекает и воззрение автора на взаимоотношение права и государства. Целый ряд государственных функций, связанных с отношениями господства и подчинения, по его мнению, не относится к праву и не охватывается юридической теорией. «Феодальная власть, выступая в роли гаранта мира, необходимого для меновых сделок, благодаря этой функции, приобретает новый оттенок публичности» (стр. 99). В этой власти теологические элементы перевешивают над юридическими. «Юридическое, т.-е рационалистическое истолкование феномена власти становится возможным только с развитием торговли и денежного хозяйства». «Государство, как организация классового господства и как организация для ведения внешних войн, не требует правового истолкования и по сути дела не допускает его... Наоборот, власть, как гарант рыночного обмена, не только может быть выражена в терминах права, но сама представляется, как право... Поэтому всякая юридическая теория государства, которая хочет охватить все функции государства, по необходимости является не адэкватной» (стр. 100). Юриди-

ческая теория представляет из себя «лишь одностороннее понимание» (стр. 104): она и государство рассматривает лишь как юридическое лицо, как абстрактного суб'екта прав. Равным образом и «основные понятия морали не имеют никакого смысла, если мы оторвем их от товаропроизводящего общества»: для понимания их нужно исходить «из состояния разобщенности» буржуазного общества (стр. 122). Идея внешнего принуждения и организация его составляют существенную сторону правовой формы, отличающую эту последнюю от этической формы. Также и в уголовном праве, поскольку оно охватывается юридической теорией, тов. Пашуканис видит воплощение «юридической идеи», т.-е. идеи эквивалента». «Преступление можно рассматривать, как особую разновидность оборота, в которой меновое, т.-е. договорное отношение устанавливается post factum, т.-е. после своевольного действия одной из сторон. Пропорции между преступлением и возмездием сводится к той же меновой пропорции» (стр. 136). «Уголовное право так же, как право вообще, есть форма общения эгоистически обособленных суб'ектов»... (стр. 159).

Из этих одних, наиболее важных и общих положений тов. Пашуканиса явствует вся ценность и содержательность его работы: мы не говорим уже о богатстве историко-юридических примеров и параллелей. Разделяя целый ряд воззрений автора, в частности, и то основное его положение, что критика общей (буржуазной!) теории права должна вестись «на территории врага» и что развитие правовых категорий должно быть, поскольку это возможно, прослеживаемо в их исторической и логической последовательности, как отражение развития самих производственных отношений, мы считаем нужным, однако, остановиться на некоторых, на наш взгляд, уязвимых и не вполне продуманных моментах его построения.

По мнению тов. Пашуканиса, «логические отношения власти и подчинения лишь отчасти (?) укладываются в систему юридических понятий» (стр. 56). Теологическое истолкование государственной власти при феодализме — обожествление ее—дает лишь «идеологическое удвоение действительности, т.-е. тех же фактических отношений господства и подчинения» (стр. 104). Между тем, у Маркса, в том же часто цитируемом тов. Пашуканисом «Введении к крит. пол. экон.» мы читаем: «Гегель правильно начинает философию права с владения, как простейшего правового отношения суб'екта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения, которые являются гораздо «более конкретными отношениями». Далее мы узнаем, что под конкретными отношениями имеются в виду правовые отношения: «Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Чтобы не возникло подозрений, что Маркс лишь повторяет слова Гегеля, приведем и другое место из того же «Введения»: «Каждая форма производства порождает ей свойственные правовые отношения, формы правления и т. д. Перед буржуазным экономистом... витает представление, что при современной полиции можно лучше производить, чем, напр., при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного продолжает существовать в других формах также и в «правовом (т.-е. буржуазном. *И. Р.*) государстве». Раскрываем наудачу «Критику готской программы» и находим в месте, где говорится о буржуазном праве в первом фазисе коммунистического общества: «Право никогда не может стоять выше экономического строения и обусловленного им культурного развития общества». Здесь явно говорится о возможности и иных форм права, кроме буржуазного, а слова о «культурном развитии» подчеркивают сложный идеологический характер права, которое является не только простым «аспектом». То же подтверждается и цитируемой самим т. Пашуканисом фразой Маркса, о том, что в феодальном мире «всякое право было привилегией». Но зачем умножать эти случайно взятые примеры, которых можно бы было привести гораздо больше. Совершенно ясно, что для Маркса отношения господства и подчинения суть также правовые отношения, что он не ограничивается одним «договорным» правом менового общества, что эти правовые отношения господства и подчинения он сам удачно обозначает в их определенной исторической форме как «право-привилегию».

Более того, из вышецитированных слов Маркса мы узнаем, что самому «владению» предпосылаются (в какой зависимости, мы выясним далее) «более конкретные», по системе Гегеля, правовые отношения господства и подчинения. И действительно, даже с чисто исторической точки зрения, это последний тип правовых отношений выступает ранее сознания «господства над вещью», распоряжения вещами. Потому что право, согласно Марксу, составляет неизбежную особенность, в его отдельных идеологических разновидностях, не только менового, но и предшествующих ему классовых обществ. Различные формы производственных отношений порождают и различные формы права (право-привилегия; право, основанное на взаимном договоре и т. д.). Тов. Пашуканис цитирует известные слова Маркса в «Капитале», однако не делает из них соответствующих выводов: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу, как лица, воля которых господствует в этих вещах; таким образом один—товаровладелец лишь по воле другого; следовательно, каждый из них лишь при посредстве общего им волевого акта может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников». Здесь Маркс дает два чрезвычайно важных указания в области правовой теории. Прежде всего то, что товарный обмен в его упорядоченных формах, само существование товара, как понятия, охватываемого теорией права, возможны лишь на основе уже существующего института частной собственности, принявшего формы правового установления. Иными словами то, что закрепление частной собственности, как правового института, составляет историческую и логическую предпосылку товарного обмена, а стало быть, и возникающего на его основе права менового общества. Во-вторых, Маркс дает здесь истолкование самого правового феномена «воли, господствующей над вещью», вскрывая лежащее за ним общественное отношение: один товаровладелец «лишь по воле другого», нужен «общий волевой акт» для совершения обмена. Но таким общим волевым актом может быть лишь взаимоотношение отдельных «воль», «волевое или юридическое отношение», предопределяемое экономическим отношением. Тов. Пашуканис оставляет неиспользованным важное, приведенное нами замечание Маркса: «Гегель правильно начинает философию права с владения, как простейшего правового отношения суб'екта». А между тем, оно позволяет сделать очень важные выводы. Что не суб'ект, а владение является более простой «первичной клеточкой правовой ткани». Что юридический суб'ект есть гораздо более сложная юридическая категория. Что в основу «правовой ткани» должно быть положено общественное отношение, отношение владения, а не «суб'ект», который, — если даже его рассматривать не как сложное юридическое понятие, каковым он в действительности является, но упро-

щенно, в его, так сказать, «основе», — представляет лишь сторону общественного отношения, правоотношения. Точно так же в других местах Маркс говорит о праве, как о «соотношениях воли личностей» (письмо ред. «Соц.-Дем.» 1865 г.).

Попробуем несколько расшифровать это понятие: юридического или волевого отношения. «Все, что побуждает к деятельности отдельного человека, неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю» (Энгельс). Поэтому во всяком обществе, даже и во внеклассовом, волевые переживания и «волеизявления составляют необходимое условие человеческой деятельности, системы человеческого поведения, в действительности предопределяемой определенным состоянием производительных сил. Но в классовом обществе экономическая и вообще социальная необходимость с особой резкостью обнаруживается в сознании людей, как «свобода», — классовая «сила» формально реализуется, как «управомочие», как «волеизъявление». Это потому, что именно в классовом обществе зарождаются типические «волевые» отношения и правовая идеология. Понятие права тесно связано с понятием «воли»: я в праве действовать = я волен поступать так или иначе. «Свобода» — лишь юридическое выражение экономической «необходимости», «воля» — правовое выражение «силы». Материальной основой права является «сила» (потенция), т.-е. фактическая, обусловленная материальными условиями возможность распоряжаться лицом или вещью, — разумеется, как общественная, классовая «сила». Поэтому на первых ступенях своего развития право и обнаруживается, как «право сильного», как «кулачное право». Здесь необходимо оговориться. Под «силой» (потенцией) в данном случае мы имеем в виду не «насилие» и не силу общественной власти государства (против какого понимания справедливо полемизирует с Гумпловичем тов. Пашуканис), но фактическое («органическое», «естественное», по терминологии тов. Пашуканиса), господство над лицами или отражение последнего в виде «господства над вещами», как фактическая возможность распоряжаться теми или другими. Эта материальная основа отражается в правосознании взаимодействующих в общественных отношениях классов или определенных их представителей, как «воля», «право» действовать так или иначе по отношению к лицам или к вещам. Соотношение же между такими фактическими возможностями (соотношение «сил») отражается, как «соотношение воли личностей», как «волевое отношение». Понятие «господства» и «подчинения», взятые сами по себе—еще не суть право, но—«органическое», «естественное» господство и подчинение. Иное дело — правоотношение господства — подчинения. «Свободное волеизъявление», переживание «воли» — права по отношению к другим лицам,—все это еще не есть право. Последнее начинается с предела «воли», с обнаружения права, как результата соотношения воль. Результат этот—волевое отношение—есть нечто об'ективное и в то же время стороны этого отношения, «юридические суб'екты», переживают его суб'ективно. Эта обратная, «другая сторона» об'ективного волевого отношения начинается с простейших волевых переживаний и затем, вместе с развитием самого права, дополняется целым комплексом идей и эмоций — развитием правовой идеологии [1]). Но соотношение воль личностей, чтобы быть не случайным, типическим правоотношением, должно отражать отношения междуклассовые и внутриклассовые (поскольку последние отображают междуклассовые отношения), — общественные отношения производства.

В такой своей наиболее общей форме, — отражения материальных, производственных отношений в виде волевых отношений, сопровождаемых внутренними суб'ективными переживаниями, которые получают дальнейшее идеологическое развитие — правом оказываются не только «договорное» право частноправовых отношений, но и т. п. публично-правовые отношения. И те, и другие представляют из себя разновидности волевых отношений. Публично-правовые отношения даже предваряют «вещно-правовые» отношения не только исторически, но и логически — в том смысле, что «господство над вещью» есть не что иное, как фетишизация, овеществление волевого отношения между людьми, «господства», в той или иной мере над человеком. (Не следует, к тому же, забывать, что все, чтобы получить санкцию закона, должно пройти «волю государства» и что частное право, как система норм, уже и в этом отношении попадает отчасти в зависимость от системы публичного права).

В самом деле, что представляет собой владение, как «простейшее правовое отношение», в отличие от «органического, естественного» присвоения? (Терминология тов. Пашуканиса, в данном случае, вообще неудачна, так как и термин «присвоение» носит явно правовой характер). Всякое «владение» и «овладение» (присвоение) вещью есть на самом деле отношение между людьми, имущественное отношение, предстающее, как их «волевое отношение». Но имущественные отношения суть лишь обратная сторона организационно-трудовых отношений производства. Последние же находят свое непосредственное «волевое» отражение в виде отношений господства и подчинения (которые, полагаем мы, можно было бы охарактеризовать, как административно-правовые отношения). Какова же взаимозависимость между этими двумя правовыми отражениями одних и тех же производственных отношений? Такая же как между организационно-трудовыми отношениями производства и отношениями распределения, имущественными, составляющими обратную сторону первых. Правоотношение «владения» есть лишь оборотная сторона правоотношения «господства—подчинения» и они предопределяют одно другое: отношению фактических возможностей распоряжаться вещами соответствует отношение фактических возможностей распоряжаться лицами. Вот почему Маркс говорит, критикуя Гегеля, что, хотя последний справедливо начинает с правоотношения владения, но что отношения господства и подчинения, которые в Гегелевской идеологии частной собственности оказываются «более конкретными правовыми отношениями» (с частно-правовой характеристикой), на самом деле являются предпосылкой этого «владения». Двойственность, в действительности проникнутая единством правового отражения, совершенно неизбежна и создается «двойственностью» самих производственных отношений. В тщетных попытках устранить ее, изобразить все развитие публичного права, как отраженное воздействие категорий «договорного» права, тов. Па-

[1]) Называя волевое отношение об'ективным, мы ни на минуту не упускаем из виду, что самое это отношение есть отражение производственных отношений в сознании, имеющее лишь свою материальную базу в виде соотношения классовых сил. Но ведь лишь в абстракции форма отделима от содержания, ведь и сами производственные отношения суть нечто «психическое», также имеющее свою материальную сторону: тем не менее мы признаем их за объективные. Вообще, в этом отношении «психическое» шире «субъективного»: то, что, напр., в нашем сознании отражается, как волевое переживание, чужому сознанию предстает как волевое отношение.

пуканис сам зачастую становится на юридическую точку зрения, точку зрения идеологов частной собственности, и насилует историческую действительность. «Собственность (присвоение) есть условие производства,—замечает Маркс.— Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, к частной собственности» (Введ.). А такого рода логические «прыжки» иногда делает тов. Пашуканис.

В средние века, эпоху права-привилегии, естественно, на первый план выступает право, как отношение «господства-подчинения» и совершенно откровенна зависимость от них всех частно-правовых отношений. Теология подчиняет себе в это время все виды идеологии, в том числе и право, но это не означает еще, что право не существует на этой ступени в иных, своеобразных формах, права-привилегии. Даже и право владения, имущественное, получает ту же правовую характеристику. Маркс замечает в одном месте («Теории прибав. стоим.», т. I), что в феодальном обществе и крестьянин владеет землей на основе фикции ленного права, т.-е. как чем-то, пожалованным ему сюзереном. Напротив того, в меновом обществе, где основной формой производственных отношений становятся меновые отношения, как это прекрасно показывает сам тов. Пашуканис, на первый план выступает частно-правовой аспект и все правовые отношения, в том числе и публично-правовые, принимают характеристику менового, «договорного права». Но и «право сильного в иных формах», правоотношение господства и подчинения в несколько ином освещении сохраняются в буржуазном праве. Совершенно верно то, что в товарно-капиталистическом обществе все общие характерные черты права и все специфические особенности данной формы права выступают с особенной силой, почему оно и характеризуется Марксом и Энгельсом как общество юридической идеологии. Но не всякое право есть право менового общества, точно так же, как не всякие средства производства исторически являются капиталом.

Осуждая эмпиризм, видящий одни только правовые нормы, тов. Пашуканис сам остается на почве того же эмпиризма, не видя в конкретных, случайных правоотношениях об'ективных, отражающих производственные отношения, типических правоотношений, результата «соотношений воль». Соглашаясь с постановкой вопроса т. Стучкой о праве, как о системе общественных отношений, т. Пашуканис смешивает, однако, производственные отношения, рассматриваемые Марксом в чистом виде, и их правовое отражение, их форму, правовые отношения, что и заставляет его проводить совершенно неуместную аналогию между капиталистическими отношениями, которые постепенно «окрашивают собою» предшествующие способы производства, и правом, «окрашивающим собою другие общественные отношения (стр. 84). Это заставляет его стать и на ложный путь суб'ективистской концепции права, класть в основу «правовой ткани» юридический суб'ект и его—правопритязания». Между тем, право — одновременно и «об'ективно» и «суб'ективно». Юридический суб'ект, пред'являющий правопритязания — в действительности, последующее, и исторически и логически, более сложное юридическое понятие, возникающее в результате развития частно-правовой идеологии, на основе более простого правоотношения — владения. С развитием «волевого отношения» «владения» в «собственность» укрепляется и суб'ективное, отраженное представление о правопритязающем равном «суб'екте права», развивается как определенная, руководящая, общая правовая идея буржуазного общества.

Та же догматико-юридическая точка зрения проскальзывает отчасти и в представлении тов. Пашуканиса о соотношении экономического и правового аспекта и

о самом методе построения общей теории права. Экономический и правовой «аспекты», которые принимают в сознании производственные отношения, не равнозначны. Не останавливаясь подробно на этом, самом по себе интересном вопросе, достаточно указать, что в то время как «товар» — действительно общезначимая форма мысли, «юридический суб'ект», который, по тов. Пашуканису, должен представлять клеточку правовой ткани, представляет уже сложное идеологическое, соответствующее лишь юридической идеологии образование. Категории полит. экономии получают развитие во взаимной связи постольку, поскольку отражают непосредственно самый процесс капиталистического производства. Правовые же категории отражают, во-первых, различные формы производственных отношений, во-вторых, непосредственно могут отражать лишь отдельные перипетии, скажем, меновые стадии процесса товарного производства. Дальнейшее же развитие правовых категорий протекает уже в сфере чисто-юридической идеологии, поскольку в последней получает развитие та или иная «правовая идея» (хотя бы та же идея «юридического суб'екта»). Двойственный характер развития права, с одной стороны, как надстройки, отражающей базис, с другой стороны, как идеологии, получающей и некоторое самостоятельное развитие; двойственный характер, порождающий в результате внутренне согласованную систему права, как равнодействующую двух неравных сил, как идеологический «компромисс», в котором типическое правоотношение становится источником «нормы»—«применением одинакового масштаба» (Маркс), — этот момент недостаточно учтен тов. Пашуканисом. И его боязнь, что «методологические искания могут превратить юриспруденцию не то в социологию, не то в психологию» обнаруживает лишь недостаточно полное представление его о характере марксистского анализа. И это тем более странно, что т. Пашуканис сам видит «некоторый параллакс» между социологической и юридической истиной, знает, что юридическое понимание— «односторонее понимание». Критика пол. экономии,—а Маркс, в сущности, дает не систему полит. экономии, но ее критический анализ — эта критика не может не выходить за пределы политико-экономических понятий и не восходить к социологии. Анализ заключается не только в диалектическом развитии понятий, но и в предварительном социологическом раскрытии этих основных категорий, что проделывает Маркс по отношению к «товару», и что должно быть проделано и по отношению к «суб'екту», «владению» и т. д. Критика общей теории права не может не быть ее социологической критикой, ибо правовые отношения не могут быть об'яснены «из самих себя», и марксистскую социологию не следует представлять в виде какой-то особой науки, отличной от той или иной области применения социологического, т.-е. историко-материалистического метода.

Мы подробно останавливаемся лишь на этих наиболее общих положениях, оставляя в стороне другие, задетые в его работе, интересные вопросы: о политических функциях, как юридическом понятии, о праве и морали, об уголовном праве и др. И это, конечно, не для того, чтобы умалить указанием некоторых уязвимых мест в построении тов. Пашуканиса общую большую и несомненную ценность его работы. Полагаем лишь, что настоящие коррективы могут оказаться полезными при намечении той линии, по которой впредь должен направиться критический анализ общей теории права.

И. Разумовский.

Литературное наследие Лассаля [1]).

Lassales Briefwechsel mit der Gräfin Sophie Hatzfeldt. XIV + 408. Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart und Berlin. 1923.

Настоящая переписка призвана сыграть важнейшую роль в деле изучения Лассаля—не только потому, что, повидимому, за всю свою жизнь Лассаль был действительно душевно близок только со своим отцом и с графиней Гацфельд, так что здесь перед нами открывается возможность глубоко проникнуть в его личную интимную жизнь, — но и потому еще, что эти его отношения с графиней Гацфельд, обстоятельства их встречи, ее процесс и т. д. явились одним из величайших и, во всяком случае, характернейшим событием в жизненной карьере Лассаля. По крайней мере, он сам смотрел на это событие именно так. И действительно, для его личности, для того, что в ней было великого, но также и ограниченного, оно чрезвычайно показательно во всех отношениях — как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Миросозерцание Лассаля, вся его манера мыслить и действовать — составляющая, с об'ективной точки зрения, необходимый этап в идеологическом развитии немецкого пролетариата—отражается с кристальной ясностью в его отношениях к графине Гацфельд: в том, как он вступился за ее права, как он боролся за них и главное в том, что он считал ядром всего вопроса. Здесь не место говорить о фактических подробностях гацфельдского дела. И не только потому, что опубликованная переписка не дает много новых материалов для пересмотра вопроса об этих подробностях (о деле со шкатулкой и т. д.), а прежде всего потому, что хотя бы самый краткий анализ внутреннего отношения Лассаля к гацфельдскому делу представляется нам более поучительным для характеристики Лассаля, чем отдельные моменты самого дела. Переписка с графиней Гацфельд дает в этом отношении очень много интересного. Прежде всего — большое письмо-статью (Переписка, IV, 12-48), в котором Лассаль подробно излагает графине свое историко-философское отношение к ее процессу и, в теснейшей связи с этим, к ней самой: она для него воплощение некоторого принципа. Это чувствуют, по его мнению, и ее окружающие, и именно этим об'ясняет он их неприязненное отношение к ней. «В Вашем присутствии женщин охватывает то неопределенное настроение страха и ненависти, то смутное, исполненное предчувствий содрогание, которое вызывается близостью принципа, угрожающего нам гибелью. В природе и в истории, да и в жизни отдельного индивидуума можно найти множество примеров, когда существо, очутившись лицом к лицу с принципом, от которого ему суждено погибнуть,

[1]) См. Вестн. Ком. Академ., кн. 7.

проникается жутким чувством страха и тем более глубокой бессознательной ненавистью». (Там же, 13.) При этом безразлично, сознает ли это сама графиня Гацфельд. «Вы забываете иногда, что в том, что Вам представляется Вашей личной трагедией, заключается еще нечто совсем иное; что в Вас облеклась плотью некая всемирно-историческая мысль, впервые нашедшая себе выражение в действительности, и что, следовательно, Ваша судьба, хороша ли она или дурна, есть не что иное, как практически выявленное следствие из этой мысли и ее оппозиционного отношения ко всему прошлому». (Там же, 14.) Мы не будем здесь останавливаться на этой философии истории, в развитии которой Гете, «Люцинда» Фр. Шлегеля, «Интимные письма» Шлейермахера, сен-симонизм, Жорж-Занд и т. д. являются вехами на пути освобождения женщины и любви. Для нас важнее то, что в глазах Лассаля эта борьба была борьбой за некоторый общий принцип, за принцип революции. Так должно быть понято, требует он, его отношение к Софии Гацфельд — между прочим, и ею самой. «И если одиноко борющаяся женщина находит эту помощь, то это является самым сильным и победоносным доказательством, что она борется не просто за свое счастье и вообще не за какое-нибудь чисто личное, хотя бы и высоко ценное благо, но что она страдала и боролась за действительную и безусловно всеобщую идею века, за подлинно всеобщий принцип свободной личности. — Эта помощь оказывается данной личности не ради личных отношений, а ради того принципа, который действует через нее; и поэтому не влюбленный, действующий из любви к ней, а сразу три человека, не связанные с нею личным чувством любви и определяемые только внутренней мощью принципа, становятся на ее защиту, как борющийся за свое право личности. И именно потому, что эта помощь возникла не из личных отношений и не из личного участия, она и не ограничивается более или менее усердным содействием: порожденная всеобщим принципом, она проникнута фанатизмом принципа, она означает помощь — на жизнь и смерть»... «И конечно уж эта помощь могла притти только из рядов тех, кто целиком стал под знамя свободного осуществления личности, т.-е. из рядов социальных революционеров; она могла, далее, притти только в такой момент, когда идея безусловного осуществления свободной личности достаточно глубоко проникла в мир и развилась настолько, чтобы решиться на насильственное проведение себя в жизнь, т.-е. незадолго до взрыва всеобщей социальной революции». (Там же, 40—41.)

В письме к Энгельсу (от 5/III, 1856 г.) Маркс отозвался презрительно о роли Лассаля в гацфельдском деле — «как будто действительно значительный человек мог бы пожертвовать десять лет для такого пустяка». И если о его «предлоге для смерти» он пишет, что «это одна из многих бестактностей, которые он наделал в своей жизни» (от 7/IX, 1864 г.), то в числе этих бестактностей—по отношению к рабочему движению—несомненно, подразумевается и гацфельдское дело. Но для Лассаля участие в этом деле отнюдь не было «заблуждением юности», чем-то таким, от чего он мог бы отказаться в свою зрелую пору, — нет, это было важнейшим и во всяком случае наиболее характерным для него делом, ярче всего выразившим его личность,—символическим делом его жизни. Поэтому он мог с полным правом—хотя, быть может, и в минуту депрессии—писать Софии Гацфельд: «Ах, все-таки было лучше, когда я вел борьбу за Вас. Вы, по крайней мере, знали, что́ я для Вас сделал. Народ этого даже не знает и не понимает!». (Переписка, IV, 329, письмо от 20/I, 1863 г.). Замечу в скобках, что тут проявляется — хотя, повторяю, может быть, только как выражение временной депрессии — то в корне ложное отношение буржуазного «вождя» к пролетариату, которое совер-

шенно превратно понимает сущность рабочего движения и которое так метко характеризует Бебель, полемизируя с Швейцером: «Он (т.-е. истинный вождь)—избранный поборник их требований, истолкователь их чаяний, надежд и желаний. Пока вождь остается на высоте этой задачи, он — доверенное лицо партии... Не партия существует ради вождей, а вождь ради партии... Массы никогда не бывают неблагодарны... Кто жалуется на неблагодарность масс, то пусть пеняет сам на себя» («Aus meinem Leben», II, 133—134. Мне думается, нет надобности оговаривать, что я отнюдь не имею в виду сравнивать Лассаля с Швейцером, особенно с Швейцером бебелевских мемуаров). Тем не менее нельзя отрицать, что в приведенных выше словах Лассаля находит себе выражение взгляд, по которому вождь , «великая личность», есть подлинный носитель исторических событий, а масса только средство для достижения его цели—хотя бы сама эта цель и преследовалась в интересе масс. Лассаль по праву с ранней юности считал себя революционным социалистом. Ибо цели его были социалистические и таковы же были пути, которыми он стремился осуществить их. Но соединение социализма с рабочим движением, с активностью и пробуждением пролетарской массы, оставалось для него внешним. В этом теоретическая основа его частых жалоб на медленный ход истории, его нежелания внутренно приноровиться к темпу развития пролетарского сознания. Эти настроения принимали иногда форму столь глубоких депрессий, что у него появлялось даже желание совсем уйти от общественной деятельности. Смог ли бы он когда-нибудь выполнить это желание, мы не знаем, и поэтому не можем судить о том, насколько глубоки или поверхностны были эти состояния депрессии; но во всяком случае ни Маркс, ни Бебель, ни Ленин (я нарочно беру столь различных представителей противоположного типа) вообще не знали таких настроений. Так, напр., он пишет графине Гацфельд (от 28/VII, 1864 г.): «Ах, как они в сущности неглубоко сидят во мне! Я ничего так не желал бы, как избавиться от политики и уйти в науку, дружбу и природу. Я сыт политикой по горло. Разумеется, я воспламенился бы к ней прежней страстью, если бы наступили серьезные события, или если бы в моих руках была власть или хотя бы средства завоевать ее — средство, достойное меня. Ибо без высочайшей власти ничего не поделаешь. А для детских игр я уже слишком стар. Поэтому я с величайшим неудовольствием принял на себя обязанности председателя! Я сделал это, только уступая Вам. И поэтому я так глубоко подавлен сейчас. Если бы я мог отделаться от этой обузы, я как раз теперь был бы готов поехать с Вами в Неаполь. (Но как отделаться?!.)». (Там же, 370.)

Повторяю: нас здесь интересует не психологическая, а философская проблема. В этих излияниях Лассаля — независимо от степени их глубины—прорывается наружу тот взгляд на отношения между массой и вождем, против которого так энергично боролся Маркс уже в своей ранней полемике с Бруно Бауэром и философскую основу которого, фихтеански «радикализованное» гегельянство, он впоследствии так радикально преодолел своим историческим материализмом, «вывернувшим на изнанку» гегельянскую диалектику. (И тут, конечно, мы не думаем сравнивать Лассаля с Бруно Бауэром: фихтеанство Лассаля имеет совсем другой характер. Оба мыслителя связаны между собой только общностью духа времени, с одной стороны, — хотя Лассаль очень мало занимался Бруно Бауэром, — и родственным, несмотря на все различие формы, философским замыслом радикализировать Гегеля на идеалистической почве — с другой).

Может показаться, что эти рассуждения отвлекли нас далеко в сторону от анализа отношения Лассаля к случаю графини Гацфельд. Но не забудем, что за

указанным пониманием проблемы вождя, проблемы отношения между вождем и массой, скрывается вся проблема идеализма. Недаром уже в своей ранней полемике против Бруно Бауэра Маркс подчеркивает связь между гегелевым «идеализмом» (можно бы также сказать: между формалистической философией истории) и переоценкой роли «великой личности» (Святое семейство; Nachlass, II, 186). И как на основной признак наступающей исторической эпохи, эпохи освободительной борьбы пролетариата, он определенно указывает именно на реальное совпадение «идеи» и «массы», на «подлинное вырастание «идеи» из реальных интересов массы». (Там же, 182/3.) Формализм гегелианства, хотя бы и революционизированного при помощи идей Фихте, не позволяет Лассалю узреть радикально новое в той революции, очевидцем и деятельным участником которой он был. Между «принципом» и «эмпирией» для него пролегает—неосознанный им самим — hiatus irrationalis (по выражению Фихте). Но преодолеть этот hiatus возможно только символически-мифологическим путем: путем «воплощения» принципа в каком-нибудь эмпирическом событии, в каком-нибудь конкретном человеке и его судьбе. Таким воплощением всей проблематики буржуазного общества и является для Лассаля случай графини Гацфельд, как для Вольтера эта проблематика общественного бытия воплотилась в процессе Каласа, для Золя — в деле Дрейфуса (таковы, на наш взгляд, надлежащие параллели к выступлению Лассаля). Когда-то молодой Лассаль в большом письме к друзьям вскрывал кризис буржуазного общества, с одной стороны, при помощи абстрактной диалектики, с другой, на конкретных образах Рамо (из Дидро), Калиостро, Казановы и т. д., в которых кристаллизовалась судьба этого общества; теперь вся революционно-освободительная борьба сосредоточивается для него в истории графини Гацфельд. Связь единичного с целым, индивидуальной судьбы с общественным кризисом, имеет здесь отчасти эмоционально-непосредственный, т.-е. символико-патетико-поэтический характер, отчасти же приобретает абстрактно-юридическую форму (как необходимое дополнение к первому моменту). Бесконечно разветвленные реально-причинные связи между общественным целым и судьбой отдельной личности по необходимости остаются неопознанными до конца, так что здесь нет места подлинной всеобщности. (Поэтому Маркс и Энгельс в своих исторических анализах всегда изображали с наивысшей конкретностью общественно-историческую, экономически-классовую реальную среду возможных действий, но никогда не пытались вывести отсюда отдельные действия отдельных лиц, а тем более их «личность»). Когда же, как у Лассаля, целое берется не в этой экономической конкретности; когда и экономика фигурирует только как одна из многих форм проявления «идеи», в которой полагается сущность и истина всего исторического процесса,—тогда, с одной стороны, чрезмерное значение приобретают отдельная личность и ее судьба, как единственные подлинно «конкретные» воплощения «идеи», а с другой — возникает трудный вопрос об их очевидно-необходимой связи с «идеей». Эта «идея», будучи лишь мифологически конкретной, связывается тогда с единичной судьбой либо конкретно-непосредственно, но такая связь может быть только символически — поэтической, потому что конкретность идеи остается тут мифологической, а конкретность единичной судьбы чувственно-непосредственной; либо же в этой связи обнаруживается абстрактный характер «идеи» — но в такой случае единичная судьба может быть подведена под абстрактную «идею» только как абстрагированный единичный случай. Естественной же, общественно данной формой такого подведения является — в буржуазном обществе — правовое отно-

шение. Не случайно поэтому оба эти момента оказываются для Лассаля необходимо связанными в истории графини Гацфельд. «Это наивысшее доказательство торжества свободной личности над тем, что ей абсолютно противоположно, Вы дали Вестфалену — этим была одержана истинная победа, ибо преодолена была сама абсолютная противоположность — то самое сословие, которое par excellence представляло старый порядок и подверглось нападению,—дворянство было вынуждено признать истину нового принципа. Разумеется, и тут (как, напр., во французской революции) это признание могло... исходить только от духовно развитой части старого дворянства. Но Вы ни в коем случае не должны смотреть на Вестфалена и др., как на простые исключения; Вестфален, Оппенгейм, Мендельсон, я и т. д. — мы не исключения, а лишь представители общества, спешащие принести дань уважения вновь народившемуся принципу женской личности... Свободная личность борется за всеобщее признание и утверждение своей внутренней истины, своего принципа. Но принцип, достигший всеобщего признания и внешнего господства, есть — п р а в о. Личность борется, следовательно, за свое п р а в о и борется п р а в о в ы м п у т е м». (Переписка. IV, 44.)

Правда, этим формально-систематическим моментом еще не об'ясняется до конца примат права в философии общества Лассаля (хотя роль этого момента и значительнее, чем обычно принимают). Необходимо добавить, что помимо этой своей формально-систематической функции — как принципа подведения единичного под всеобщее — право выступает здесь также и с определенным внутренним содержанием: как е с т е с т в е н н о е п р а в о. Ибо право «есть вместе с тем осуществленное выражение старого общества и его принципа. Поэтому закон повсюду враждебно противостоит новой истине». (Т а м ж е.) Здесь, где эта противоположность не только заостряется теоретически, но и делаются все практические выводы из нее, — здесь ясно обнаруживается попытка исправить Гегеля при помощи революционных естественно-правовых идей Фихте: естественное право является как принцип справедливости, свободы и человеческого прогресса в победоносной борьбе с омертвевшим принципом положительного права. Но это означает отказ от того преодоления идеи естественного права, которое на половину уже было совершено Гегелем. Правда, разрешение права в формы «общества» (государство Гегеля по своему существу в гораздо большей мере общественное, чем юридическое образование) имеет у Гегеля весьма консервативный и даже реакционный характер; но все же формы права, как по своей абстрактно-формальной, чисто юридической природе, так и в своем революционном восстании против последней, преодолеваются в высших моментах диалектического процесса (который, впрочем, у Гегеля является преимущественно как логико-диалектико-систематический, а не как реально-исторический процесс). Наоборот, у Фихте и Лассаля идея «высшего» естественного права приводит к тому, что именно революционная победа над старым принципом с и с т е м а т и ч е с к и увековечивает н е п р е р ы в н у ю п р е е м с т в е н н о с т ь п р а в а. Это ясно высказано самим Лассалем в «Системе приобретенных прав»: «Существенная мысль нашего труда, в ее наивысшей и наиболее общей формулировке, и есть мысль о вытекающем из самой идеи права и ей соответствующем п е р е х о д е о т с т а р о г о п р а в о в о г о п о р я д к а к н о в о м у». И поэтому, как ни настаивает Лассаль в других местах на историческом характере самого естественного права, все же остается в силе, что само право не является у него только временным этапом на пути исторического

развития, как у Маркса, и в половинчатой, колеблющейся форме — уже у Гегеля, но в п р е д е л а х безвременно-сверх'исторической всеобщей ф и л о с о ф и и п р а в а развертывается у него история о т д е л ь н ы х ф о р м п р а в о в о г о п о р я д к а. Таким образом лассалевская теория революции увенчивается, с одной стороны, естественно-правовым обоснованием «права на революцию», с другой—теоретическим основоположением «революционной системы права». А так как при этом не уразумевается до конца укорененность всякого права в классовом обществе и нашего права — в капитализме, то вся концепция революции — при несомненном пролетарском характере ее отдельных моментов — остается в целом в рамках буржуазной идеологии. Это к о н ц е п ц и я б у р ж у а з н о й р е в о л ю ц и и. Правда, настолько всеоб'емлющей, радикальной и глубокой, что буржуазное общество принципиально не в силах совершить ее и поневоле должно передать ее в руки пролетариата. Лассаль стоял, исполненный предчувствий, у порога истины, которая вполне уяснилась нам только теперь—главным образом благодаря Ленину; он еще не понимал, что проповедуемую им революцию может совершить только пролетариат. Для буржуазной революции как раз характерно стремление сохранить в самой революции и вопреки ей н е п р е р ы в н у ю п р е е м с т в е н н о с т ь п р а в а, т.-е. дать правовое обоснование самому революционному перевороту; поэтому она не может обойтись без идеи естественного права. Революционное естественное право опрокидывает, таким образом, существующее положительное право, но не изменяет при этом радикально основной характер общества, так что возникающее таким путем новое право — сделавшееся «положительным» естественное право — без перерыва примыкает к старому. Для класса буржуазии, даже в его революционный период, такая постановка вопроса является жизненно-необходимой. Ибо задача буржуазии в том, чтобы силой навязать всему обществу уже наличную и отчасти даже юридически санкционированную (в виде «привилегий» и т. д.) форму своего существования; правовая обоснованность переворота — естественно-правовая во время борьбы и положительно-правовая после победы — существенно связана с ее жизненными экономическими интересами. Совсем иное дело для пролетариата, который стремится к радикальному преобразованию общественного порядка и поэтому хотя и творит, из технических и тому подобных соображений, новое право переходного периода, порою даже заботится о преемственной связи со старым правом, но ко всему этому может относиться только как к чему-то вполне второстепенному. Лассаль был, вероятно, весьма разочарован, когда Маркс проявил так мало интереса к его философски-юридическому оправданию экспроприации. Но само это разочарование доказывает, что он так и не сумел уяснить себе до конца основной теоретический и практический вопрос пролетарской революции — вопрос о том, какие экономические силы ведут к необходимости и возможности экспроприации, и к а к и м и р е а л ь н ы м и с р е д с т в а м и может быть осуществлена эта необходимость. Для Маркса же только эти вопросы и имели в данном случае существенное значение.

Но если даже и в победоносной революции сохраняется преемственная правовая связь с предшествующим развитием, то ясно, что победа нового «принципа» может быть только победой «права», победой в борьбе за право. Как прежде право было тем посредствующим формальным моментом, который связывал индивидуальный случай графини Гацфельд с судьбой революции, так теперь победа в борьбе за право оказывается единственным конкретно-возможным

способом осуществить в истории принцип свободной личности, сделать этот принцип исторически действенной силой.

Возвращаясь теперь к затронутой нами в другом месте проблеме о «реальной политике» Лассаля, мы убеждаемся еще раз в правильности нашего утверждения, что философия истории Лассаля принципиально никак не могла служить ему руководящей нитью в его практической деятельности. Дело тут не в личном «одиночестве», не в отсутствии «достойных» соратников и т. д. Маркс и Энгельс также находились в глубокой изоляции, также не были окружены атмосферой сочувствия и понимания. Но на что бы ни направлялась их политическая мысль, она всегда руководилась определенной нормой: классовыми интересами пролетариата. (О марксистском понимании классового сознания ср. мою книгу «Geschichte und Klassenbewustsein», Berlin. 1923). Они могли заблуждаться в отдельных случаях, но не могли сбиться со своего пути. Лассаль же мог найти норму для своего поведения только в самом себе. Ибо для него пролетариат был — в лучшем случае — верным союзником, а тот буржуазный класс, великим революционным теоретиком которого он был, существовал только — в его мысли. Додумав до конца и выразив в истинных понятиях проблемы великой французской революции — и в этом пункте достойный завершитель классической немецкой философии, но не зачинатель новой! — он в историческом смысле оказался в безвоздушном пространстве. Его мышление о действительности было противопоставлением «идеи» и «действительности». Только напряженность этого дуализма может об'яснить его личную «реальную политику» (а также его «тщеславие» и т. д.); и те многочисленные случаи, когда он, под влиянием своего революционного темперамента и в силу своего подлинного союза с пролетариатом, правильно защищал классовые интересы последнего, свидетельствуют о его политической гениальности тем ярче, что в сущности его философия стояла ему в этом отношении скорее поперек дороги, чем указывала надлежащий путь. С этой точки зрения становится понятно, почему он пошел на рискованную игру с Бисмарком и почему его, по словам Маркса, всегда тянуло в «Кобленц революции» (к Рюстову, Гервегу и т. д.). К концу жизни он, возможно, смутно чувствовал, что его путь завел его в тупик, но его судьба, пославшая ему такую недостойную его смерть по крайней мере уберегла его от ясного сознания, что он в тупике. И поэтому понятно, что в памяти потомства наиболее живо сохранились те черты его образа, в которых этический пафос его фихтеанства мог проявиться наиболее уместно.

Georg Lukacz (Вена).

IV. — ХРОНИКА.

Протокол общего собрания членов Социалистической Академии 17 апреля 1924 года.

Присутствовали:

Члены Академии: Тимирязев, А. К.; Стучка, П. И.; Лукин, Н. М.; Рязанов, Д. Б.; Деборин, А. М.; Павлович, М. П.; Удальцов, А. Д.; Покровский, М. Н.; Дауге, П. Г.; Богданов, А. А.; Базаров, В. А.; Ротштейн, Ф. А.; Аксельрод, Л. И.; Кричман, Л. Н.; Кузовков, Д. В.; Горев, Б. И.; Кривцов, С. С. и Бронский, М. Г.

Научные сотрудники: Бешкин, Г.; Вайнштейн, Гурвич, Г. С.; Меницкий, И. А.; Михайлов, Г. С.; Пашуканис, Е. Б.

Заведующая библиотекой—Дерман, Г. К.

Управляющий делами—Самсонов, М. Б.

Председатель—Ротштейн, Ф. А.

Секретарь—Меницкий, И. А.

Порядок дня:

I. Отчет о работе Академии за истекшее полугодие (доклад Меницкого).

II. Предложение ГУС'а о постановке исследовательской работы по изучению ленинизма (доклад М. Н. Покровского).

III. Переименование Академии.

IV. Текущие дела.

Покровский, М. Н.—Позвольте открыть собрание и просить наметить председателя. Я предлагаю Д. Б. Рязанова.

Рязанов, Д. Б.—Я предлагаю Ф. А. Ротштейна.

(Голосование. Председателем избирается тов. Ротштейн).

Покровский М. Н. Товарищи, отчет Президиума обыкновенно делался председателем Президиума. Такового в настоящее время не имеется. Но имеется отчет, составленный И. А. Меницким, совершенно полный, и будет достаточно, я думаю, если тов. Меницкий его зачитает. Это будет все, что требуется. Вы скажете, что следовало бы этот отчет размножить, но, к сожалению, он был готов только вчера вечером.

Ротштейн Ф. А. (председательствующий). Угодно ли будет заслушать отчет президиума? Возражений нет? — Нет. В виду болезни горла т. Меницкого,

не согласится ли кто-либо его заменить? Тов. Дволайцкий выражает согласие и приступает к чтению отчета.

Дволайцкий Ш. М. (читает отчет). Со времени последнего общего собрания членов Социалистической Академии 11/X — 23 г. протекло ровно полгода. В течение этого времени Президиум имел 13 заседаний, на которых присутствовали члены Президиума таким образом: тов. Покровский на всех 13 заседаниях, Лукин — на 11, Волгин — на 9, Ротштейн — на 8, Милютин — на 6, Преображенский — на 6, Рязанов — на 3-х, Бухарин, Кон, Смирнов и Скворцов ни разу не заходили на заседание, Лозовский заходил на одно несостоявшееся заседание. В среднем же посещаемость выше предыдущего полугодия, т. к. на это полугодие мы имеем в среднем 4 члена на каждое заседание, тогда как в прошлом полугодии 3 члена.

Что же касается тех вопросов, которые были рассмотрены в Президиуме, то они распадаются на три основных группы. Первая—вопросы о научной работе Академии. Было рассмотрено 28 вопросов. Вторая — библиотечные вопросы (7 вопросов) и третья — административно-хозяйственные вопросы (7 вопросов).

По первой группе были рассмотрены следующие вопросы:

1. О реорганизации Института Научной Методологии и комиссии философии и методологии. Этот вопрос в отчетный период четыре раза был предметом обсуждения в Президиуме. Сущность вопроса в следующем: на одном из совещаний при Агит-проне ЦК РКП о научно-методологической работе научных работников-коммунистов признано необходимым (п. 6) «создание научно-методологического центра, об'единяющего всю научно-методологическую работу и пропаганду диалектического материализма, и в этих целях: а) преобразование существующего Института Научной Методологии, с привлечением к его работе всех научных коммунистических сил, в качестве руководящего ядра, и материалистически мыслящих беспартийных научных работников, на началах делового сотрудничества с этим ядром; б) подчинение этого преобразованного Института руководству Социалистической Академии»... В последующих совещаниях была достигнута договоренность с руководителями этого Института и Наркомпрос передал находящиеся при Акцентре — Институт Научной Методологии и комиссию философии и методологии в ведение Социалистической Академии. Получив эти учреждения, Президиум должен был произвести обследование, что и было поручено С. С. Кривцову, а также поставить доклад руководителя комиссии философии и методологии. Ознакомившись с работой и составом этих учреждений, Президиум постановил—Институт научной методологии реорганизовать в методологическую секцию Социалистической Академии и утвердил новый список членов секции, в который из прежних работников Института включил т.т. Тимирязева, Фалькнер-Смит, Боссе, Завадовского, Костицына, Максимовского и Струмилина. Вся дальнейшая организационная работа по созданию секции методологии была поручена комиссии в составе: Невского, Крицмана, Тимирязева, Смит и Кривцова. Доклад этой комиссии Президиум слушал в заседании своем от 5/IV — 24 г. Слушались же вопросы об этих учреждениях в заседаниях 13/X, 9/XI, 17/XI — 1923 г. и 5/IV — 24 г. (о работах секции методологии дальше особо).

2. Вторым важным вопросом, которому Президиум уделил значительное время, это доклады руководителей секций. В отчетный период были заслушаны

и обсуждены два доклада (17/XI — 23 г. и 12/IV — 24 г.) секции общей теории права и государства; два доклада (1/XII — 23 г. и 12/IV — 24 г.) секции советского строительства; один доклад — секции литературы и искусства (1/XII — 23 г.) и один доклад — кабинета истории революционного движения в России (24/XI — 23 г.).

По всем этим докладам Президиумом вынесены соответствующие директивного характера постановления. (О работах секций в дальнейшем особо).

3. Третьим по важности вопросом нужно считать обсуждение тезисов, предлагаемых докладов и дача научной экспертизы по представленным в Социалистическую Академию письменным работам. Были рассмотрены тезисы Горин-Галкина, В. — Материалистическая диалектика и наука (17/XI — 23 г.), Фадеева, Т. Д. — Биологические основания классовой борьбы (13/XI — 23 г.), З. А. Цейтлина — «Hypotheses non fingo», Кочеровской — «Тезисы к разработке диалектического материализма».

Что же касается научной экспертизы, то таковая была произведена по двум работам. Одна по работе П. А. Некрасова — «Очерк математических основ экономической науки с планом социального обеспечения трудящихся». Этот вопрос стоял на двух заседаниях (27/X и 29/XII — 23 г.), рассматривавших заключение образованной для этого экспертной комиссии в составе: Шмидта, О. Ю., Дволайцкого, Ш. М. и Крицмана, Л. Н. Вторая — по работе Нефедова — «Теория производительных сил». Работа была дана для экспертизы В. А. Базарову, заключение которого Президиум утвердил (12/IV). Кроме того приняты на отзыв и переданы на заключение Деборина работы тов. Варьяша — История новой философии т. I (от Декарта до французских материалистов) и тов. Вайнштейна — Философия и социология Богданова в свете диалектического материализма.

4. Четвертым по важности был вопрос о постановке докладов и организации дискуссий. Еще в начале отчетного периода был разработан план докладов о кризисах (этот вопрос стоял дважды на повестке Президиума (27/X, 24/XI — 23). К сожалению, он оказался невыполнимым, так как начавшаяся партдискуссия сорвала всю работу. Состоялись лишь доклады т.т. Преображенского и Сокольникова.

В связи с кончиной Владимира Ильича был разработан на заседаниях 22/II и 23/II — 24 г., план докладов, посвященных памяти Ленина. Часть этих докладов уже состоялась.

5. Пятым вопросом были вопросы редакционно-издательские, связанные с издаваемым Академией «Вестником Социалистической Академии» и журналом «Международная Летопись» (на заседаниях 29/XII — 23 г. и 12/I — 24 г.), первая книжка которого уже вышла из печати. Кроме того обсуждался вопрос об издании экономической серии (классики, русская и мировая экономика 12/I — 24 г.). Предполагалось выпускать серию с помощью Госиздата, но так как с последним не договорились, то данная работа, руководителем которой был намечен тов. Бронский, в настоящее время не ведется.

6. Наконец, дважды обсуждался вопрос, вносимый В. П. Милютиным — о международном совещании марксистов. Последнее предполагалось устроить одновременно с конгрессом Коминтерна.

Что касается директив последнего общего собрания (11/X — 23 г.), то с выполнением их не совсем благополучно. Учащуюся молодежь обслуживали только ленинскими докладами. Связь с другими учреждениями, ведущими научно-

исследовательскую работу в марксистском направлении, недостаточно налажена. Что же касается работ по «Социалистической Энциклопедии», то таковые совершенно прекратились, т. к. не оказалось ни одного члена Академии, который согласился бы взять на себя работу главного редактора.

Переходя к работе Академии в целом, прежде всего нужно отметить постановку докладов. За отчетный период состоялись 20 докладов. Из них 6 общеакадемических (доклад Рязанова и ленинские), 5 — секции общей теории права и государства, 3 — секции советского строительства, 2 — секции экономики, 2 — секции литературы и искусства, 1 — методологической секции и 1 — секции международной политики. Хронологически эти доклады состоялись в следующем порядке:

1. 19/X. Доклад тов. Белобородова. «Новая советская волость».
2. 25/X. » » Пашуканиса. «Общая теория права и марксизм».
3. 27/X. » » Лебедева-Полянского. «Пути пролетарской литературы».
4. 1/XI. » » Преображенского. «Кризисы при НЭПе».
5. 20/XI. » » Рязанова. «Новые данные о литературном наследстве Маркса и Энгельса».
6. 22/XI. » » Сокольникова. «Денежное обращение СССР».
7. 29/XI. » » Разумовского. «Социология в ее отношении к праву».
8. 31/I. » » Тимирязева. «Принцип относительности и механизм».
9. 8/II. » » Стучки. «Классовое государство и гражданское право».
10. 10/II. » « Покровского и Радека. «Ленин как историческая личность».
11. 15/II. » » Гурвича. «Принцип автономизма и федерализма в советской системе».
12. 17/II. » » Бухарина. «Ленин как марксист».
13. 2/III. » » Рязанова. «Ленин как теоретик пролетарского государства».
14. 6/III. » » Стучки. «Ленин как теоретик и строитель пролетарского государства».
15. » » Вегер. «Идея советской власти у Ленина».
16. 24/III. » » Лозовского. «Ленин и профессиональное движение».
17. 28/III. » » Полонского. «Бакунин и Дэстоевский».
18. 4/IV. » » Игнатьева. «Правовые формы волостного строительства».
19. 3/IV. » » Мещерякова. «Ленин о кооперации».
20. 20/IV. » » Иванова, И. «Вашингтонская конференция».

Работа секций:

1. Наибольшую работоспособность за истекший период проявила секция общей теории права и государства. Как уже отмечалось, ею было поставлено пять докладов — 2 тов. Стучки, 1 Пашуканиса, 1 Разумовского и 1 Вегера. Кроме этих открытых публичных докладов, секция имела четыре закрытых заседания (31/XI — 23 г., 11/I, 6/III и 27/III — 24 г.), на которых обсуждались следующие вопросы: 1) о работах секции (доклад тов. Стучки), 2) об участии секции в работах по подготовке «Социалистической Энциклопедии» и

3) о необходимости правового отделения в Институте Красной Профессуры. Особенно заслуживает быть отмеченной работа секции по Энциклопедии: это единственная секция, которая предложение редакции «Социалистической Энциклопедии» не положила под сукно, а начала работать по подготовке своего отдела. Когда вопрос о «Социалистической Энциклопедии» застрял, секция начатую работу продолжала и испросила у Президиума разрешения выпустить отдельно Марксистскую Энциклопедию, в случае, если работа по составлению «Соц. Энциклоп.» не будет продолжаться. В настоящее время секция выработала словник, наметила редакторов отделов и приступила к писанию статей. Примерные образцовые статьи уже представлены.

За это время секция выпустила следующие работы своих членов:

Пашуканис, Е. Б. — Общая теория права и марксизм — 10 печ. л.

Гурвич, Г. С. — Нравственность и право — 3 печ. листа.

Разумовский — Социология и право — 2 печ. листа.

Стучка, П. И. — Классовое государство и гражданское право — 5 печатных листов.

2. Второй по работоспособности является секция советского строительства. В отчетный период она поставила 3 доклада — Белобородова, Гурвича и Игнатова. Секция дважды входила с докладами в Президиум, который намечал направление работ секции. Последнее время секция связала свою работу с орготделом ВЦИК и при ее активном участии ВЦИК приступил к изданию своего органа-ежемесячника «Власть Советов», в редколлегию которого от секции вошли: т.т. Гурвич, Меницкий, Михайлов. Секцией подготовлены и находятся в печати следующие работы: Гурвич, Г. С. — Принципы автономизма и федерализма в советской системе и тов. Михайлова, Г. — Подготовка работников по советскому строительству.

3. Секция экономическая в октябре месяце наметила ряд тем и подготовила доклады как для открытых собраний, так равно и для проработки в узком кругу. Из намеченной программы состоялись только доклады Преображенского и Сокольникова. Начавшаяся парт-дискуссия приостановила эту работу. В этом году кабинет предполагается приступить к выпуску ряда переводных книг (классики, русская и мировая экономика), но необходимых для этой работы средств Госиздат не смог предоставить Академии, и работа не начиналась.

Секция выпустила две книги:

Преображенский, Е. А.—Экономические кризисы при НЭП'е (3 п. л.).

Иванов, Иосиф. — Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве — 3½ печ. листа.

4. Секция литературы и искусства. — Секция, в прошлое полугодие стоявшая на первом месте, в этом стоит на последнем. За отчетное время ею поставлены были два доклада: — Лебедева-Полянского — Пути пролетарской литературы и Полонского — Бакунин и Достоевский. Других данных о работе секции не имеется.

5. По кабинету Истории Революционного движения в России ведется библиографическая работа. Приготовлена опись исторических журналов за 1923 год и заканчивается опись легальных с.-д. журналов и сборников (1906—1914 г.г.).

Вновь организованная в отчетный период методологическая секция имела три деловых заседания (23/XI — 23 г., 7/I, 19/III — 24 г.),

на которых был обсужден план работ секции и распределены темы. Секция уже ставила один публичный доклад тов. Тимирязева — Принцип относительности и махизм, отчет о котором напечатан в седьмой книге «Вестника Социалистической Академии». По этому докладу предполагается содоклад Юринца. В дальнейшем намечены доклады: Базарова — Материализм естественно-научный и материализм социологический, как элемент марксистской теории познания. Фалькнер-Смит — Методы учета производительных сил и Богданова—Об'ективное понимание принципа относительности.

Секция подготовляет к печати свои работы о «приложении статистического метода».

7. Кабинет Международной Политики в отчетный период сосредоточил свое внимание на издательской деятельности. В 1923 г. продолжались работы по изданию переводных работ по международной политике, а с 1924 г. кабинет приступил к изданию журнала «Международная Летопись», первая книжка которого уже вышла. Кроме того состоялся один доклад т. Иванова на тему: Вашингтонская Конференция и ее всемирное историческое значение.

На этом работа секций и кабинетов исчерпывается, так как по кабинету рабочего движения в отчетный период никакой работы не велось.

«Вестник Социалистической Академии». Издаваемый Академией «Вестник Социалистической Академии» вступил во второй год своего существования. В прошлом году выпустили шесть книжек. Январско-февральская книжка этого года — в печати. Она должна была по договору с Госиздатом выйти 11 апреля, но задержалась в печати. Для следующей книжки материал подобран и в ближайшие дни Редколлегией номер будет утвержден и пойдет в печать. Редакция пыталась привлечь членов Соц. Академии к более активному сотрудничеству в журнале, но в этом отношении достижения небольшие. Журнал продолжает обслуживать весьма небольшая группа членов Академии. Общему собранию следует обратить на это внимание и обязать каждого члена давать свои работы хотя бы раз в год.

Издательство Социалистической Академии. — Затруднения в регулярном выпуске «Вестника Социалистической Академии» вынудили Академию создать у себя свое небольшое издательство, которое выпустило пятую и шестую книжку «Вестника» в самые короткие сроки. Пятую в три недели с начала сдачи материала в типографию, а шестую в четыре недели. Дальнейшее издание журнала, по особенному настоянию Госиздата сдано последнему, но, несмотря на это, без существования нашего издательства даже при небольших его средствах, положение Редакции «Вестника Социалистической Академии» было бы весьма затруднительным, так как из-за задержки денег Госиздатом Редакции приходится постоянно пользоваться суммами издательства. Так значительная часть материала седьмой книги, часть восьмой книги «Вестника Соц. Академии» и первая книжка «Международной Летописи» оплачены нашим издательством, так как Госиздат на 16/IV должен Редакции свыше 4.000 рублей.

Если в 1924 г. наше издательство сможет выпустить около 200 печатных листов, то оно смогло бы отчислить на усиление средств библиотеки несколько тысяч, что имеет весьма существенное значение, т. к. у библиотеки большие финансовые затруднения, о которых еще будет речь в дальнейшем.

Финансы Соц. Академии. Управлением Делами была отправлена на утверждение Финансового Отдела ВЦИК годовая (на 1923—1924 год) смета на 275.000 рублей, в каковую сумму не входила заработная плата служащих и курсантов.

Финансовый Отдел ВЦИК представленную смету утвердил в сумме 51.000 руб.: 1) на приобретение книг, переплет, оборудование библиотеки — 24.000 руб., 2) на ученую деятельность и Курсы — 12.000 руб., 3) на хозяйственные расходы — 15.000 руб.

Первые 3 месяца — октябрь, ноябрь, декабрь — Финансовый Отдел отпустил средства лишь в половинном размере утвержденной сметы. В последующие 3 месяца — январь, февраль, март — средства были отпущены в таком размере, что общая полученная за все 6 месяцев сумма денег равнялась 20.700 руб., что составляет уже 80% утвержденной на этот период сметы. Таким образом, за 6 месяцев настоящего года Академия получила от Финансового Отдела средства в сумме, почти равной той, которая была получена за весь прошлый год.

Штат сотрудников Академии утвержден в 130 человек, получающих ежемесячно — по 9.910 рублей, в год — 118.920 рубл.

Количество курсантов установлено в 90 человек, получающих ежемесячно — 10.800 руб., в год — 128.600 руб.

Курсы теории и практики марксизма. К началу учебного года (сентябрь) было 45 курсантов, — 10 из них было командировано на работу 6 января г. г. Прием новых курсантов, предполагавшийся в январе, затянулся до марта. К настоящему времени вновь принято уже 52 человека. Состав рабочий на 75%. Такой же % подпольников, остальные 25% с 1917 года в партии.

Новые курсанты уже приступили к занятиям. Работает семинарий по политэкономии, семинарий по русской экономике, по истории рабочего движения и по истории партии. Кроме того происходят занятия в группах русского языка и математики.

Ожидается начало занятий по истмату тов. Мартынова и политэкономии тов. Смирнова. Большая часть курсантов с низшим образованием, несмотря на что нужно признать работу вполне успешной. Курсантов старого созыва имеется 35 человек, выпуск их ожидается в мае — июне этого года. Большая часть программных задач ими выполнена. Последний семестр будет посвящен семинарию тов. Сталина (ленинизм) и семинариям по мировому хозяйству и гражданскому праву.

Работа библиотеки характеризуется следующими цифрами, взятыми из ежемесячных отчетных сводок. Общее число читательских посещений, составлявшее 4.400 в октябре 1923 г., в марте 1924 г. возросло до 5.200. Число выданных книг за последние три месяца прошлого года составляло 24.500 томов, за первые три месяца текущего года — 26.500 томов. Цифра новых поступлений за первую половину отчетного периода равна 15.100 томов, за вторую половину — 24.300 томов. По источникам поступления новые книги распределяются следующим образом: обязательные экземпляры, получаемые через Книжную Палату, составляют 39%; издания, поступающие в порядке декрета — 40%; издания, присланные безвозмездно — 13% и покупка — 8% общего количества.

Приведенные цифры свидетельствуют, таким образом, об усилении работы библиотеки. С другой стороны, штат библиотечных сотрудников 1 декабря

подвергся сокращению на 15%. Эти два обстоятельства — усиление текущей работы и уменьшение штата — являются причиной того, что библиотека не могла приступить к научно-библиографической работе, а должна была сосредоточить силы на внутренне-организационной работе, которая тоже не могла пойти таким быстрым темпом, какой был бы необходим в нашей библиотеке, довольно неблагоустроенной. Тем не менее, библиотека успела за это время: 1) закончить инвентарный учет всех книг (кроме журналов); 2) закончить предварительную опись книг на формулярах, крайне необходимую ввиду отсутствия каталога; 3) продвинуть регистрацию имеющихся в библиотеке периодических изданий, зарегистрировав около 75.000 единиц: регистрация журналов должна закончиться к 1 июля, после чего выяснится цифра всей книжной наличности библиотеки. Кроме того, библиотека успела кое-что сделать для приведения в порядок своих полуразобранных частей и завалов, пустив, с одной стороны, немало нужного материала в обращение, с другой, составив значительный фонд для обмена. До летнего перерыва, можно рассчитывать, все запасы будут разобраны и все лишнее выделено в обменный фонд. Обменный фонд не остается лежать втуне: состоялся уже целый ряд обменов довольно крупными партиями, как с русскими, так и с заграничными учреждениями. Всего передано 12.327 книг. Далее, в некоторых отраслях литературы библиотеке удалось приступить к систематическому комплектованию и заполнению накопившихся пробелов: так, между прочим, заканчивается работа по комплектованию ведомственной периодической печати (центральной) с 1917 г., а также партийной прессы того же срока. Что касается получения иностранной литературы, то во-первых, было выписано на 1924 г. 280 названий периодических изданий (из них около 80 не получается главным образом вследствие неаккуратности работы Литиздата Наркоминдела, через который они были выписаны), во-вторых, подготовлен заказ на 600 названий текущей литературы, отправка которого задерживается из-за отсутствия наличных средств, в-третьих, налажена связь со многими учреждениями и организациями, ныне высылающими свои издания бесплатно или в порядке обмена.

Из препятствий, мешающих работе библиотеки, небходимо отметить два главнейших.

1. Неотпуск средств. В бюджетном совещании при Наркомфине согласовано было отпустить библиотеке 15.000 руб. зол. на покупку и переплет иностранных книг. Кроме того, по согласованной на том же совещании общей смете Соцакадемии, библиотеке причитается получить 1.710 рублей в месяц на покупку русских книг, подписку журналов и газет, приобретение библиотечных пособий (карточек и проч.), оборудование библиотеки полками и на оплату сдельных работ. Таким образом, всего библиотека должна была получить за отчетные ½ года 7.500 руб. на покупку иностранной литературы и 10.260 руб. на прочие расходы, а всего 17.760 руб. Между тем, за это время библиотека получила и израсходовала 6.615 руб. на приобретение книг и 2.417 руб. на оборудование, а всего 9.032 руб. Таким образом осталось недополученным 8.728 руб., т.-е. около половины всех отпущенных средств [1]).

[1]) После тщательных справок в бухгалтерской части выяснилось, что недополучка библиотекой сумм, отпущенных ей по смете, немного меньше. В докладе было указано 8.728 руб., а на самом деле по справке из бухгалтерии недополучено 4.972 руб.

II. Теснота помещения. Пополнение библиотеки идет таким быстрым темпом, что некоторые кабинеты попали в поистине катастрофическое положение. В последнее время библиотека получила в свое распоряжение некоторое помещение в подвале, ранее занятое другими частями Академии, но это не устранило трудного положения кабинетов, и требуются решительные меры к расширению оборудованного помещения библиотеки.

Отчет о работе Президиума и Академии в целом на этом заканчивается. В заключение несколько слов о той программе, которую Академия намечала себе, но выполнить которую полностью не смогла. В первом номере нашего «Вестника», говоря о ближайших задачах Соц. Академии тов. Преображенский писал: «Соцакадемия имеет своей задачей сделаться центром научно-исследовательской работы в области общественных наук, об'единить соответствующую научно-исследовательскую работу, которая ведется в отдельных комиссариатах и отдельных научно-исследовательских институтах при высших учебных заведениях, внести учебную систему и план в разработку проблем идеологии, содействовать подготовке новых научных марксистских сил, делать доступными широкой публике результаты своих работ, т.-е. ставить своей целью научную пропаганду марксизма»... «Академия должна стать органом научной экспертизы по всем основным вопросам экономики и экономической политики и таким образом организованно поставить на службу советской тактике научную марксистскую мысль»... «Академия должна сделаться своего рода госпланом в области идеологии»... «Академия ставит своей задачей привлечение к работе и европейских марксистов и стимулирование научно-исследовательской марксистской мысли и за пределы РСФСР»... Все эти весьма почтенные задачи далеки от выполнения, так как Президиум, хотя и в составе 12 (из которых фактически только 4 принимают участие в работах Академии), выполнить все эти задачи, понятно, не мог. Но жизнь пред'явила уже к Академии новые требования. XII Партийный С'езд, о чем уже докладывалось предыдущему общему собранию, признал необходимым «выдвинуть задачу оживления работы научной коммунистической мысли, сделав центром этой работы Социалистическую Академию»... Со смертью же Владимира Ильича предстоит громадная работа по изучению его литературного наследства. Работа не терпит отлагательства, так как в этом деле слишком много кустарничества и большая опасность разных уклонов. Институт Ленина эту задачу выполнять не предполагает, и никому другому как Академии надо будет вплотную этим делом заняться.

Ротштейн, Ф. А. (председательствующий). Кто желает задать вопросы или высказаться по заслушанному докладу?

Рязанов, Д. Б. Хотя по внешним данным и замечается, что Академия за последнее время делала ряд докладов, все же ничего не делается как раз для выполнения тех основных задач, которые Академии были поставлены. Несколько слов о научно-издательской работе. «Вестник» работает за последнее время с перебоями. Об'ясняется это, вероятно, внешними условиями, но во всяком случае «Вестник» является крупным приобретением для Академии. Что же касается «Международной Летописи», то я считаю крупной ошибкой Академии то, что Кабинет Внешних Сношений начал издавать этот журнал. Теперь вышла первая книжка и она показала сразу, что журнал такого рода при Академии—журнал несравненно более ведомственный, более архивный, чем даже «Международная Жизнь», издаваемая при НКИД. При известных условиях, когда было

необходимо, я стоял за то, чтобы Кабинет Внешних Сношений развил свою и научно-исследовательскую и издательскую работу, но в совершенно другом направлении. Имеется ряд вопросов в истории внешней политики, в истории международных отношений, которые следовало бы разобрать и разработать, по поводу которых можно было бы организовать целый ряд исследований. Этого не сделано. Я не знаю, имеют ли члены Академии «Международную Летопись», но всякий, кто перелистал ее, вероятно, пришел к такому же заключению, как и я. Затем дальше. Президиум Академии поднимал вопрос относительно издания классиков в связи с историей общественного движения — работа, которую должна была бы делать Академия, для которой следовало бы сорганизоваться, но мне известно, что, несмотря на согласие редактора всего этого колоссального издания русских классиков от Гостомысла до наших дней, тов. Каменева, выпустить его под флагом Соц. Академии, до сих пор в этом направлении ничего не делается. Между тем мне также известно, что Госиздат теперь, под редакцией Стеклова, собирается издавать собрание сочинений Бакунина. Почему это не делается под надзором Академии? Дальше. Я неоднократно обращал внимание на кабинет экономики. В старое время мое предложение относительно издания конъюнктурного бюллетеня осталось без выполнения, теперь он устарел, у нас издается три таких бюллетеня. Я настаивал затем на издании особого экономического журнала. Издается журнал «Социалистическое Хозяйство» при сотрудничестве членов Академии. Издается на правах частного предприятия, тогда как этот самый журнал мог бы явиться результатом той работы, которая делается здесь.

При кабинете Истории общественного движения можно было давным-давно издать журнал, разработывающий вопросы русского революционного движения с научно-исследовательской точки зрения. Мы все знаем, что у нас имеется довольно большое количество разных сырых материалов. Систематическое опубликование этого материала никем не делается. Все это можно было бы сделать под надзором Академии. Дальше, относительно так называемой публичной деятельности Академии. Тут ссылались на партийную дискуссию, которая оборвала серию докладов. Партийная дискуссия во многом виновата, но я думаю, что в этом отношении она нисколько не виновата. Никакая партийная дискуссия не могла бы помешать постановке дальнейшего ряда докладов финансовых и экономических, ибо доклады, делаемые в Академии, привлекают наиболее серьезную публику. Тов. Кузовков собирался сделать ряд докладов. Почему было это не устроить? Такие доклады можно было устроить на 200 чел. и даже на большее количество с привлечением огромной массы студенчества. Академия могла бы это сделать, поскольку она является пролетарским центром разработки коммунистической мысли.

Теперь по части помещения. Насколько мне известно, по этому вопросу было принято решение два года тому назад. Но решение ликвидировать зал Академии и обратить его в библиотеку — по моему мнению, крайне нецелесообразная вещь. Зал хорошо приспособлен для научно-серьезной беседы и вмещает 120 — 150 человек. Ликвидировать его нет никакой необходимости. Наоборот, мы поднимали вопрос о расширении помещения. Я обращал внимание президиума, что можно было бы без всякого крупного нажима получить бывшее здание Военной Академии. Оно пока пустует, функционирует как концертное, кафе-шантанное здание, как здание бывшего Охотничьего клуба и т. д. По понедельникам его берут для заседаний. Во всяком случае, это здание после определенного нажима несколько разгрузилось от охотничьих элементов и вот

теперь на него многие точат зубы. При некотором нажиме это здание можно было бы целиком получить для Академии, ибо Охотничий клуб на нем обжегся. Когда мы с вами говорили по поводу Охотничьего клуба, я сделал несколько шагов в частном порядке и узнал, что здание до сих пор не прикреплено ни к кому официально. Оно числится еще до сих пор за В. А. К. А. Это здание, имея в виду его географическое расположение, обязательно должно быть притянуто к Академии, — тогда мы не жаловались бы на отсутствие места и это можно было бы провести в самом молниеносном порядке. Это, во всяком случае, можно было бы сделать.

Покровский, М. Н. Речь Давида Борисовича носит такой характер, что отвечать на все пункты нет никакой возможности. Я коснусь только некоторых, наиболее существенных. Прежде всего, что касается дома на Воздвиженке, бывш. Военной Академии,—я наводил справки относительно этого дома. Мне самым категорическим образом заявили, что он предназначается для Верховного суда СССР. Я говорил месяцев 5 тому назад и мне ответили, что это здание занято для Верховного суда. Если оно свободно, то можно возбудить этот вопрос, но это потребует больших расходов и нужно будет согласовать с нашим хозяйственным органом. Теперь относительно Института Ленина и работ по ленинизму. Этот вопрос у нас стоит специальным пунктом и позвольте это перенести туда. Перехожу к сути доклада. Д. Б. рекомендовал как образец для деятельности Академии взять Академию Наук. В Наркомпросе был подробный доклад Академии Наук, продолжавшийся 3 часа, и мне стало ясно то, что я подразумевал всегда, что Академия Наук как Академия делать нечего, кроме ведения административной, хозяйственной работы и выбора новых членов. Это единственное, что делает Академия Наук. Колоссальная работа, которая выполняется Академией Наук, выполняется входящими в состав ее отдельными научно-исследовательскими учреждениями. Учреждений этих несколько десятков, они покрываются одной фирмой Академии Наук. Работа ее исполняется трудами этих специальных институтов. Поскольку у нас нет этих специальных институтов, а имеется только Академия, она ничего другого делать не может, кроме того, что делается всеми Академиями в мире, т.-е. время от времени собираться на такие деловые заседания, на котором и мы сейчас присутствуем. Ничего другого делать она не может, поскольку у нее нет такого аппарата, а попытка создать такой аппарат из наших кабинетов ни к чему не ведет, поскольку наши кабинеты очень маленькие учреждения. Вот, секция права — она довольно оживленно работает, но, вообще говоря, наши кабинеты очень маленькие учреждения и слишком мало там работников. Тогда Академия заработает, когда она будет иметь тот аппарат, который имеет Академия Наук, т.-е. соберет вокруг себя известное количество учреждений, где будет вестись работа научно-исследовательская. Д. Б. ошибается, когда он указывает на различные хозяйственные учреждения, как «Экономическая Жизнь». Если мы будем гнаться за этой работой, то ничего не сделаем, потому что у них на первом плане стоят практические интересы. Академия Наук этим не занимается.

Но если вы приглядитесь к тому, что делает хотя бы комиссия по изучению производственных сил, то вы увидите, что живая ее душа,—это чисто научные исследования, которые прикрываются, ради «диких большевиков» какими-то обще-государственными хозяйственными заданиями. То, что делает Ферстнер — последнее открытие погрузившегося материка, исследование на Кольском полуострове — это грандиозная работа. Правда, этот ряд

грандиозных открытий страшно интересен в научном отношении. но, какое отношение это имеет к хозяйству — это совершенно неизвестно. Теперь создается ряд экспедиций на Новую Землю, чисто научных, но прикрытых якобы тем, что «если мы этого не будем делать, то норвежцы и голландцы откроют Новую Землю». Это — явная чепуха. Но, когда вы это расшифруете, вы увидите, что это чисто научные экспедиции, прикрывающие хозяйственными заданиями научные цели. Академия Наук не занимается практическими вопросами и умно делает, что не занимается. Во всяком случае Академия Наук ведет преимущественно теоретическую научную работу. Особенно ясно это становится в области лингвистики, тут никто не может подвести хозяйственной базы, тут чисто теоретическая, грандиозная работа. И Академия должна, конечно, стянуть к себе эту теоретическую работу марксизма и обществоведения. Итак, по-моему, задача Академии заключается в том, чтобы об'единить вокруг себя теоретическую или методологическую работу, которая ведется рядом учреждений. И если мы начнем об'единять эти учреждения, то кроме пользы ничего не произойдет. У нас есть достаточное количество различного рода теоретических научных учреждений, в которых—что делается, как делается,— ничего неизвестно. Конкретно. В наших архивах ведется работа историческая, но вне связи с Академией. Она может быть связана с Академией. Ведется такая работа и в старших семинариях Института Красной Профессуры, тоже без всякой связи с Академией. Тоже может быть связана с Академией. Ведется такая же работа в Свердловском университете. Тоже может быть связана с Академией. Эта работа дает известные результаты. Задача Академии состоит в том, чтоб вокруг Академии об'единить всю эту работу. Тогда у нас будет совершенно очерченный круг действий, в котором мы будем действовать, не забегая в другие области, и тогда Академия не будет только одной фирмой или одной библиотекой. По-моему, в этом направлении и нужно итти.

Базаров, В. А. Нужно решить, в конце концов, вопрос — придаем ли мы какое-нибудь значение разработке теории или нет, и из ответа на этот вопрос будет ясно, что мы должны делать. Почин И. И. Степанова, который восстал против узкого практицизма—очень хороший почин. Теория марксизма—теория готовая, но ее нужно разработать.

Покровский, М. Н. Я мыслю себе структуру будущей Академии так. Центром является наш журнал, наш орган, может быть, лучше его назвать иначе, чем «Вестник Соц. Академии». Журнал этот будет заполняться работами всех тех институтов, которые будут у нас работать, при чем мы будем печатать только то, что представляет интерес. Может быть, и по исторической линии, и по правовой, может быть, и по линии экономической и философской—по какой угодно линии. И в этом отношении и средства, которые тратятся на Академию, довольно-большие, и они будут использованы более рационально, чем до сих пор.

Кузовков, Д. В. Михаил Николаевич попробовал провести аналогию между Соц. Академией и Академией Наук, но тут не хватает кое-чего. Дело в том, что Академия Наук имеет однородный состав в том смысле, что все вспомогательные учреждения — это не марксистские учреждения, там определенное направление. Совсем другое дело, если бы мы пробовали об'единить вокруг Академии, которую все называют коммунистической, учреждения и элементы совсем иного порядка и состава. Те институты, о которых М. Н. говорит, ведь они все состоят из немарксистов в подавляющем большинстве. При таком положении проводить линию об'единения этих учреждений никак нельзя.

Покровский, М. Н. Не могу не возразить тов. Кузовкову. Когда, собственно, было так, что мы ждали, пока родятся коммунисты и придут к нам? По-моему, мы никогда так не делали. Мы делали коммунистов путем пропаганды и агитации и т.д. Я говорю о той молодежи, которая, в сущности говоря, сама не знает куда итти и идет по стезе профессуры. Я предлагаю эту молодежь забрать и использовать. Конечно, в первую голову, использовать красную профессуру, но одной красной профессуры мало.

Рязанов, Д. Б. Когда поднимается речь о том, чтобы заставить кого-нибудь работать в Академии, всегда ответ один — нет средств. Академия Наук включила в свою сеть целый ряд учреждений, имеющих свои самостоятельные средства, отпускаемые им непосредственно различными ведомствами. Попробуйте сложить бюджет всех этих учреждений и вы получите миллион, а то и больше. Если мы пойдем по этому пути, то и у нас будут средства. Один исследовательский институт при Наркомфине получает финансов больше, чем вся наша Академия в целом. Если пойти по этому пути, то нужно вместе с ГУС'ом и Главнаукой просмотреть разные учреждения, которые организованы в анархическом порядке, ликвидировать их и возложить всю эту работу на Академию. Если будут средства, можно будет, действительно, вовлечь и членов Академии в эту работу. Сейчас относительно той работы, которую может проводить Академия.

В частности под надзором кабинета внешних сношений должна находиться вся научная разработка истории дипломатии, истории внешней политики в России. Можно кабинету дать возможность разработать все эти документы, которые у нас имеются, но тут нужен контакт, нужно, чтобы вся эта работа была под руководством тов. Ротштейна, — и это надо сделать. Затем вы имеете кабинет идеологии, там тоже надо было бы поставить работы. Все это можно было бы сделать только в том случае, если бы те, кто заинтересован в работе Академии, поставили вопрос о сокращении, уничтожении всех ненужных учреждений при различных ведомствах и о сосредоточении всего этого при Академии.

Кузовков, Д. В. Я два года тому назад предлагал сконтактировать в известной степени работу Академии с другими не чисто марксистскими учреждениями. Но благодаря очень большому противодействию тов. Рязанова мое предложение было отклонено. Теперь, к моему удивлению, инициатором этого является тов. Рязанов. Представьте себе, что значит реальная работа отдельного учреждения, начиная с наркоматских и кончая чисто научными учреждениями, скажем Ассоциация. Все это имеет головку чисто комиссарскую из наших товарищей, но по существу работники там больше чем на $^{9}/_{10}$ не наши. Этими руками мы можем очень многое сделать для Наркоматов и для науки, но во всяком случае не для тех целей, для которых существует Академия. Конечно, работу можно скомбинировать, но во всяком случае не с наркоматскими учреждениями, а учреждениями чисто научного порядка. Там не наука, а поднаука. А с учреждениями научного типа следует, может быть, установить контакт, но тогда, может быть, нужно будет пойти на компромиссы.

Лукин, М. Н. Я хотел высказаться против тех захватнических планов, которые развивали здесь Михаил Николаевич и Давид Борисович. Конечно, размахиваться можно очень широко, но большинство членов Академии прекрасно знает, как мало осуществлялись наши широкие планы до сих пор. Это происходит от того, что работа ведется недостаточно в том направлении, которое было указано партийными инстанциями и общим собранием членов Академии. Но если вы просмотрите и этот отчет, то и те немногие учреждения, которые находятся вокруг

Академии в виде отдельных секций, они все-таки плохо обслуживаются членами Академии. Для примера возьмем секцию права. Она теперь собирается издавать новую Энциклопедию, но в ее работе принимает участие очень мало членов Академии. Следует заметить, что прежде чем задаваться новыми планами, нужно поставить более удовлетворительно ту работу, которая начата, а этого не было сделано и это не так легко, как представляется. Что касается планов вроде того, чтобы захватить человеческий материал, который находится в распоряжении научно-исследовательских институтов, то это вопрос, во-первых, новый, а во-вторых, этот план мало осуществим по той простой причине, что $^9/_{10}$ работающих лиц являются материалом, мало приемлемым для Академии. В повестке дня стоит вопрос о научно-исследовательской работе по изучению ленинизма. Это серьезная работа, которую предлагается взять Академии. Я бы высказался против дальнейшего расширения рамок Академии просто потому, что у нас нет достаточного базиса и достаточного количества работающих сил.

Стучка, П. И. (руководитель секции общей теории права и государства). Я хочу сказать несколько слов на основании нашего опыта. За энциклопедию теории права и государства мы взялись, имея в виду, что это будет об'единяющим средством, с одной стороны, и во-вторых, средством, которое заставит марксистов-коммунистов специализироваться по отдельным отраслям права. Какие у нас оказались затруднения? У нас еще нет единого марксистского взгляда на право. У каждого юриста-коммуниста есть своя колокольня, от которой он исходит, не признавая других. У нас, напр., есть Институт советского права, во главе которого стоит т. Гойхбарг. Он к нам не являлся, хотя мы его и приглашали. Другая группа, имеющаяся в Коммунистическом Университете им. Свердлова, участвует у нас лишь вяло. Но мы ставим вопрос так: пусть остаются Институт советского права и другие группы, но здесь, в Академии, мы должны собрать коммунистическую ячейку наших правоведов. До сих пор это не удалось. Мы очень дорожили свердловцами, так как у них имеется аудитория. К нам приходит более или менее случайная публика. Свердловцы, это—вообще наиболее способная молодежь, которая в будущем может что-нибудь дать и в области права. Я вообще полагаю, что надо покончить с искусственною поддержкою всяких смешанных институтов в области социальных наук. Никакой науки права в марксистском духе спецы не дадут. Они даже в практической работе нашего Института советского права ничего ценного в смысле науки не дали. Даже то, что могло быть интересным, у них на деле не оказалось интересным. Надо покончить с теми иллюзиями, как будто институты при ФОН'е могут дать что-нибудь ценное. С марксистской точки зрения они ничего не дадут.

Ротштейн, Ф. А. Я буду очень кратким. Я хотел ответить Д. Б. по вопросу, который меня лично касается,—об издании ежемесячника «Международная Летопись». Д. Б. был против этого издания, когда он еще был в проекте. Сейчас, когда он вышел, он нашел подтверждение своих опасений. Я думаю, что опасения эти совершенно не основательны. Такого журнала у нас нет, а он чрезвычайно нужен для всех работников во внешней политической области, для всех работников Внешторга, для всех международников. Всегда указывалось, что Академия должна связаться с Наркоминделом. Этот журнал является своего рода смычкой. Этот журнал базируется на той богатой библиотеке, которая имеется в Кабинете внешних сношений. Такого другого собрания книг нет в Москве. Там содержится очень много ценных, чрезвычайно нужных для перечисленных мною категорий работников, материалов. Никаких публицистических целей этот журнал себе не

ставит. Статьи сами носят чисто обзорный характер. Я очень внимательно просматриваю, чтобы не проскользнуло что-нибудь публицистическое или политическое. Я думаю, что вы не найдете в первой книжке ничего предосудительного. Правда, без моего желания и без моего ведома заказана была статья тов. Иванова «О Вашингтонской конференции», которая помещена в этом журнале. Это статья политико-публицистическая и я был абсолютно против нее. Для публицистических и политических статей существует другой журнал «Международная Жизнь», а наш журнал под это не подходит. Как раз я бы сказал, что данный журнал должен был встретить одобрение со стороны тов. Рязанова, и я повторяю, что никакое другое учреждение, даже Наркоминдел, не в состоянии издавать такого журнала, ибо таких журналов в Европе очень мало. И это будет журнал, над которым очень много придется работать. Повторяю, у НКИД нет сил и необходимых сотрудников, которые имеются тут.

Покровский, М. Н. Мое практическое предложение заключается в том, чтобы покончить раз навсегда с нашими мечтаниями о том, чтобы все институты, «Экономическую Жизнь» и все прочие журналы отдать в распоряжение Академии. Это—химерические задачи. Я бы предложил сегодня признать раз навсегда: задачей Коммунистической Академии являются теоретические вопросы марксизма и больше ничего. Это надо признать. В следующем пункте повестки дня у нас есть определенная конкретная задача в этой области, которую затронул Николай Михайлович — именно разработка ленинизма. Мне кажется, именно благодаря этой разработке ленинизма, мы станем понемногу в этой теоретической области на практическую ножку и в состоянии будем что-то реальное делать. Затем, когда мы перейдем к этому пункту порядка дня, вы подумаете, каким образом можно будет об'единить на этой почве вокруг Академии деятельность разных других учреждений, которые будут разрабатывать те или иные вопросы. Поэтому я бы предложил с этим вопросом навсегда покончить, потому что, если мы будем постоянно возвращаться к нему, из этого ничего не получится, кроме словопрений, во время которых все члены будут уходить курить и т. д. Надо покончить все эти разговоры.

Рязанов, Д. Б. Принимая во внимание, что при отсутствии поставленной здесь научно-исследовательской работы в некоторых кабинетах, Академия все равно будет продолжать оставаться только библиотекой, будет сохранять свое значение как библиотека для курсов по теории и практике марксизма, я предложил бы принять заключение и формулировать его таким образом: библиотеку Академии превратить в социально-экономическое отделение Ленинской библиотеки, а курсы марксизма передать в ЦК партии. Я предлагаю библиотеку передать в социально-экономическое отделение Ленинской библиотеки, во главе которой поставить особое бюро из марксистов. Я не думаю, чтобы Ленинская библиотека отказалась от этого.

Покровский, М. Н. Предложение Д. Б. приемлемо в том случае, если Академия не найдет никакой работы. Предложение Д. Б. заключает в себе отказ от той работы, которая Академии предлагается. У нас есть в повестке дня пункт относительно разработки вопросов ленинизма. Поэтому я бы предложил предложение Д. Б. отложить до следующего вопроса. Что касается передачи библиотеки Академии Ленинской или наоборот, то это вопрос далеко еще не решенный. Д. Б. прав в том отношении, что, конечно, Ленинская библиотека не может быть оставлена в том положении, в каком она есть сейчас. Если даже мы поставим во главе ее марксистское бюро, то это марксистское бюро должно будет об'единить

я ту и другую библиотеку, но, вообще говоря, сосредоточить все внимание на библиотеке можно тогда, когда Академия для себя дела не найдет.

Двойлайцкий, Ш. М. Товарищи, я вообще не понимаю несколько ликвидаторских настроений, которые выражает Д. Б. и которые в настоящее время имеют довольно большое распространение. Дело в том, что мы не можем подходить к вопросу только с точки зрения интересов сегодняшнего дня и тех сил, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день. Академии не создаются днями и годами, а создаются десятилетиями и столетиями. Наша Академия существует всего только несколько лет и сделано уже очень много. Например: библиотека — есть, журнал — издается, секции более или менее работают. При тех силах и средствах, которые имеются в распоряжении Академии, этого почти достаточно. Я уверен даже, что нам в ближайшем будущем придется пережить еще более тяжелый момент в смысле ограниченности средств, и я не сомневаюсь в том, что наша работа в дальнейшем будет переживать периоды упадка, но из этого не следует делать заключения о ликвидаторстве. Пройдет 25 лет и у нас будет Академия настоящая. Коммунистическая Академия представляет собой ячейку, очаг, в нем огонь тлеет кой-как, может быть, не полным пламенем, но он тем крепче и устойчивее. Это значит, что впоследствии он вспыхнет ярко. Большинство членов Академии, которые могли бы работать, в силу недостатка сил разбросаны по 10 местам. М. Н. говорит, что он состоит начальником 4 учреждений, начальником, потому что он возглавляет эти учреждения, а ему надо наукой заниматься. Так что, я думаю, что все эти ликвидаторские моменты совсем лишние, они диктуются отсутствием исторической перспективы и вдаваться в них не следует. Я повторяю, что наша Академия существует, и нельзя говорить, что это пустое место.

Роттштейн, Ф. А. (Председатель). Есть предложение принять к сведению отчет секретаря. Так как возражений нет, то предложение считается принятым и мы можем перейти ко второму пункту повестки. По второму пункту порядка дня слово имеет Михаил Николаевич.

Покровский, М. Н. Прежде всего по поводу Института имени Ленина. Я по этому поводу говорил с тов. Каменевым. Тов. Каменев сказал — мы архив и музей, мы храним и только. Никакой исследовательской работы мы не ведем и вести не можем, потому что весь исследовательский персонал сосредоточивается в моем лице, а я ничего сделать для этого не могу. Это может осуществлять только целая сеть учреждений. Я с ним говорил и разработал план примерной деятельности этих учреждений. Этот план был на обсуждении в Агитпропе и ГУС'е. Этот план заключает в себе попытку на почве изучения ленинизма увязать деятельность целого ряда по большей части праздно существующих, научно-исследовательских учреждений, занимающихся не весть чем и для чего, и таким образом использовать это изучение ленинизма до некоторой степени, как я предлагаю, для того, чтобы начать обширную работу по изучению главным образом дела Ленина и эпохи Ленина. Эта задача в достаточной степени обширна и полезна. Что касается изучения ленинизма в общеполитическом значении этого слова, то задача эта, по нашему распределению, падает главным образом на учреждения партийные в тесном смысле этого слова, каковыми являются ЦК, а в качестве участвующего аппарата Институт Красной Профессуры. Там мы ставим концепцию ленинизма и они будут разрабатывать ленинизм главным образом с точки зрения его стратегии, тактики, одним словом, ленинизм, как таковой, как известное партийное учение, как

известную стадию в работе русской социал-демократии и европейского рабочего движения. Но основным является ряд других вопросов. Прежде всего, методология ленинизма, огромный непочатый край наблюдений, он, по-моему, чрезвычайно важен потому, что у Ленина была своя историческая концепция, был свой метод изучения общественных явлений, и это не только у одного Ленина, но это наложило печать и на всю ту группу, которая шла за Лениным. Несомненно, существует большевистская философия истории,—это несомненный факт, отличающий ее от меньшевистской трактовки истории. Она может быть неправильна — на этот вопрос я отвечать не стану, но она существует. Я беру этот пример с философией истории просто потому, что он ближе всего мне знаком. Точно так же относительно методологии, известного способа подхода к идеологии, и я предполагаю, что Академия возьмет на себя и эту работу. Затем существует другой разрез, под которым может быть изучен ленинизм. Можно изучить экономическое учение Ленина, изучить учение Ленина о государстве. Все это по нашему начальному плану распределяется между различными учреждениями. Так, например, я полагаю, что Институт экономических исследований мог бы взять на себя изучение экономического учения Ленина, его экономическое учение советского права. Далее, РАХУ поставил своей задачей изучение языка Ленина, стиль, отражение Ленина в искусстве, — все это он берет на себя. Но в ГУС'е, когда был зачитан весь этот план распределения и изучения ленинизма между различными учреждениями, поднимался вопрос, что должно быть организовано какое-нибудь учреждение, которое бы об'единяло деятельность всех этих институтов. ГУС наметил этим учреждением опять-таки нашу Академию, так как нет такого другого учреждения, которое бы могло связать всю эту работу. При изучении ленинизма перед Академией будут стоять такие задачи: во-первых, изучение методологии Ленина, во-вторых, увязка и об'единение всех других работ, которые будут вестись в области ленинизма, а я не пересчитываю их всех. Так что повторяю, целый ряд изучений ленинизма об'единяется вокруг Академии. Я вижу в этом возможность для Академии, пользуясь очень могущественной поддержкой, рационализировать, осмыслить работу целого ряда учреждений, которые плетутся разно и работают разно. Я имею в виду, главным образом, наши научно-исследовательские Институты. Вопрос о том, как их притянуть к Академии. Во всех институтах буржуазные ученые ведут свою работу. Для примера: разработка идет в Институте истории. Я пришел к заключению, что там никакой научной работы не ведется. Там процветает узколобое школярство. Нельзя назвать в 1924 году, через 7 лет после Октябрьской революции, научной работой доклады, которые там читаются, о поездке Ивана Грозного по монастырям. Этого теперь нельзя. Это доклады молодежи, которая нам много обещает. Нельзя назвать отвечающей современным требованиям работу Института, который с величайшими усилиями добрался до крестьянской реформы. Дальше так итти не может. То же самое, конечно, и в области западной истории. Так заниматься нельзя. Там все девицы заболевают функциональными расстройствами, когда им предстоит экзамен по марксизму. Если мы, действительно, признаем, что марксизм есть наука, то надо заставить эти учреждения работать по нашим планам. Изучение ленинизма— великолепная практическая работа. Мы можем передвинуть центр тяжести изучения на последние 50 лет и, пожалуй, не кончать крестьянской реформой, а начинать с крестьянской реформы. Мы этим приобретем известное количество молодежи. Эту молодежь можно заставить работать. Какие мотивы заставляют

ее итти с нами — не наше дело, мы не исповедники. В иных случаях, может быть, мотивы карьерные, в иных случаях, может быть, люди начинают разбираться в том, что происходит. Приходит молодой человек с желанием работать под руководством одного из марксистов. Ему отказывают, он уходит в другое место. В конце концов у них складывается впечатление, что мы боимся этих старых людей, которые там сидят и отдаем их на жертву этим людям. И они там начинают писать сочинения о путешествиях Ивана Грозного. Им было бы гораздо интереснее заниматься новейшей литературой. Я не знаю, может быть, там будут разные уклоны, но что же мы будем бояться будущего? А пока для нас ясно одно, что это надо использовать. Я беру Институт истории, может быть, потому, что я его знаю, но я уверен, что то же самое и в Институте литературы и то же самое будет в Институте экономики. Гойхбарг говорил, что в Институте Советского права работает беспартийная публика. Все они собирают материалы, совершают те специальные исследования, без которых обойтись нельзя и на основании которых потом наши марксисты будут в состоянии вести более или менее серьезную работу. Сейчас таким кустарным способом работать больше невозможно и никто так не работает. Архивную работу нельзя вести просто физически. Товарищи, я и считаю, что направление внимания на истории ленинизма дает великолепную возможность для Академии сосредоточить вокруг себя те институты, которые должны составлять настоящую Академию. Тут могут быть самые разнообразные явления. Сюда нужно притянуть Центрархив и это несомненный факт. Сюда можно притянуть и обязательно надо притянуть Истпарт. Что касается Истпарта, позвольте мне сказать два слова. Это учреждение находится в состоянии худшем, чем Академия, ибо оно хочет работать, но не имеет никаких физических сил. В Истпарте остался один Михаил Степанович.

Нужно притянуть к общей сети учреждений и целый ряд других учреждений. Когда эти учреждения будут об'единены, тогда может быть поставлен вопрос о том, как Академии дальше жить, имеет ли эта работа какое-нибудь значение или нет и что она собой представляет. Я поэтому предлагаю это предложение, идущее одновременно и от Агитпропа, принять и создать комиссию, которая занялась бы практическим осуществлением этой работы, т.-е. распределила бы задания между различными учреждениями, выработала бы план этой работы и затем в известные сроки требовала бы выполнения своих заданий.

Кривцов, С. С. Я хотел сказать несколько слов относительно задач Института Ленина. Д. Б. спрашивает, ставятся ли научные задачи. Я не знаю, понимать ли как научную работу публикацию документов и материалов в Институте Ленина? Я не знаю, произошли какие-нибудь катастрофы, но с Вами Каменев говорил 4 марта, а со мной 6 марта, и мне тов. Каменев поставил определенным образом задачу научной работы в Институте. Сейчас в Институте выходят два сборника. В первый наш сборник входят письма Ленина к Горькому и его статьи, еще не опубликованные. Второй сборник будет посвящен истории программы партии с вводными статьями и т. д. Я не знаю, что это, научная работа или нет?

Покровский, М. Н. Научная, но специфическая.

Кузовков, Д. В. Конечно, нужно создать комиссию, которая бы выяснила окончательно этот вопрос, можем ли мы только разогнать другие учреждения или их использовать. Этот вопрос тоже нужно выяснить. Но прежде чем выбирать комиссию, мы должны уяснить, в чем дело, до каких пределов мы можем итти в смысле контакта и взаимодействия с элементами несоциалистическими. Ведь тут какие-то директивы нужно дать. Будем ли мы включать элементы и немарксистские или же мы их не включим, но допустим существовать под флагом Академии — учреждения инородного типа.

Рязанов, Д. Б. Если вы будете изучать ленинизм, то вас надо заставить работать по линии истории революционного и рабочего движения плюс связь с историей общественного движения. Для этого у нас есть кабинет истории общественного движения. Нельзя изучать эпоху Ленина, не изучая экономики России. Для этого у нас есть кабинет экономики России. Тут есть связь с изучением положения рабочего класса. У нас имеется соответствующий кабинет. Но тут поднимается уже вопрос о советском праве. Для этого имеется секция права, кабинет права. Кое-что конкретно налицо. Дальше. Придется изучать международное рабочее движение — у нас имелся кабинет международного движения. Затем придется изучать отношение России Советской к другим странам, как оно складывалось исторически, — у нас для этого имеется кабинет внешней политики и международного права. Затем у нас имелся кабинет идеологии. Мы, правда, можем отказаться от названия, но вы не будете изучать диалектический материализм без связи его с философией и т. д. У вас имеется для этого соответствующий кабинет. Если вы хотите ввести это в жизнь, если вам удастся добиться постановления ГУС'а, Главнауки и Агитпропа об этом, если удастся Академии для всей этой работы подчинить ленинскую библиотеку — раз, Центрархив — два, — тогда Академия явится монопольным учреждением в области изучения общественно-исторических наук. У нас имеются все те документы, благодаря которым мы можем теперь работать. А если плюс к этому ГУС нам предоставит право притянуть целый ряд других учреждений, тогда не будет параллельных учреждений. Надо предварительно подчинить Социалистической Академии или Коммунистической Академии все эти учреждения и добиться постановления ГУС'а, Главнауки и Агитпропа. Тогда я снимаю свое первое предложение.

Председатель. Прения исчерпаны, предлагаю принять предложение ГУС'а об об'единении вокруг Академии всей работы по научному изучению ленинизма.

Покровский, М. Н. С оговоркой, что есть другая задача — изучение ленинизма в плоскости пропагандистско-учебной. Это к нам не относится.

Председатель. Возражений нет. Принято. Сейчас для выяснения путей и средств для проведения намеченной работы нужно создать комиссию.

После обмена мнений вносится и принимается такой состав комиссии: Бухарин, Покровский, Каменев, Ротштейн, Дволайцкий, Степанов, Лозовский, Стучка, Рязанов.

Ротштейн, Ф. Х. (председательствующий). 3-й пункт порядка дня—о переименовании Социалистической Академии в Коммунистическую Академию.

Покровский, М. Н. Дело в том, товарищи, что название Социалистической Академии не есть первоначальное название Академии. Еще в 1918 году, когда она организовалась, предполагалось назвать ее Коммунистической Академией. Но пришли к нам левые эс-эры и заявили, что они не могут участвовать в Коммунистической Академии, потому что они не коммунисты. Приходили также другие, посторонние люди, которые работали в разных советских учреждениях, но тем не менее это были люди не наши и их не об'единяла Коммунистическая Академия. Мы согласились тогда, чтобы Академия носила название Социалисти-

ческой. Тут, конечно, ничего унизительного нет. Мы представляли собой такое широкое учреждение, в котором членами были А. Блок, А. Белый. Я не хочу сказать ничего дурного об А. Блоке или Белом, но диапозон наш был очень широк. Сейчас наш диапозон несколько сузился. Поскольку мы собираемся заняться изучением ленинизма, нам нужно наше название несколько изменить и назвать Академию Коммунистической, так как коммунизм есть новейшее течение марксизма, — об этом никто не спорит, — оно представляет то, что нас об'единяет и в ленинизме, есть некоторая теоретическая база, корни, возводящие в марксизм. Я совершенно разделяю точку зрения тов. Бухарина, что ленинизм составляет известную фазу в развитии марксизма. В эту фазу мы вступили как коммунистическая партия и поскольку мы являемся отражением этой фазы марксизма, а не марксизма плехановского и не марксизма более первоначальных моментов — естественно, чтобы мы стали называться в настоящее время Академией Коммунистической. Это четко отмежует нас от других учреждений, в особенности, в Западной Европе, которые там продолжают сохранять социалистический оттенок. Мы Каутского извергли из состава Академии, но он является социалистом и в своих глазах и в глазах европейских товарищей. Тут уже получается путаница, — почему Соц. Академия извергла социалиста Каутского. Для всех социалистов иностранных непонятно, как и почему мы извергли его, все-таки сохранив название Соц. Академии. Я считаю, что и название нашей республики является уступкой текущему моменту.

Рязанов, Д. Б. Предложение о переименовании я, кажется, вносил в начале 1919 года. Но у меня были другие соображения, которые я и теперь повторяю. Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист и как марксист — я коммунист. Я считался с этим и тогда и мотивировал тем, что Маркс и Энгельс никогда не знали другого названия, кроме названия — коммуниста. Они всегда себя называли коммунистами, но считались с тем, что некоторые из их последователей должны были употреблять другое слово, как с.-д., социалист и т. д. Я поэтому и предложил тогда, чтобы Академия, которая ставит своей целью разработку марксизма, отдала бы в этом отношении дань уважения Марксу и Энгельсу. Научное учение, которое, считаясь с предрассудками мелкой буржуазии, боится слова коммунистический, — недостойно этого названия. Я и тогда предлагал и теперь тоже присоединяюсь к переименованию Соц. Академии в Коммунистическую.

Председатель. Я ставлю на голосование это предложение о переименовании Социалистической Академии в Коммунистическую Академию. Кто против этого предложения? — Нет. Принято.

Богданов, А. А. Я воздерживаюсь по очень простой причине. Было время, когда я голосовал против этого предложения. Это время—был 1919 год. Тогда, между прочим, Давид Борисович внес это предложение и тогда, отчасти по моему настоянию, он его взял обратно. Тогда я не мог стоять за это по тем причинам, которые теперь отпали. Они заключались в том, что в то время военный коммунизм рассматривался как начало коммунизма действительного. Я на этой позиции не стоял, но позиции своей развить не мог, так как тов. Степанов настоял на исключении той главы курса политическ. экономии, в которой я писал о коммунизме в 1918 г. Поэтому, принимая это название—Коммунистическая Академия,—тем самым я бы подчинил свои воззрения чуждой мне идее, которые мне не позволяли смотреть на военный коммунизм, как на начало реализации коммунизма. С тех пор это изменилось и я не имею основания

голосовать против, напротив, у меня есть основание голосовать за, так как для меня лично понятие коммунизм не было новым и в 1919 году. Я еще в 1904 году в книжке «Новый мир» дал характеристику некоторых основ коммунистического строя, а в 1906 г. в 9-м изд. «Краткого курса экон. науки» писал о коммунизме как второй ступени социализма. У меня были все основания голосовать за, но я считаю, что в советской республике имеет право голосовать за такое название, само по себе связанное, по крайней мере, в общем мнении публики, с некоторыми особыми правами, человек партийный, коммунист, по беспартийному, стоящему вне этой партии, хотя бы человеку, не несущему коммунистически-партийных обязанностей, неудобно голосовать за это, потому что это похоже на то, как если бы человек хотел присвоить себе те права, обязанность и трудность которых он не разделяет. Название Коммунистическая Академия придает членам Академии, не принадлежащим Коммунистической партии, те преимущества, которые по закону принадлежат во всякой стране правящей партии. Поэтому я думаю, что беспартийным членам Соц. Академии неудобно голосовать, а я голосовать против не могу. Те методологические, тактические соображения, которые были в 19 году, теперь отпали.

Горов, Б. И. Я не присоединяюсь к тому, что говорил тов. Богданов, потому что я не считаю себя беспартийным, а внепартийным коммунистом. Поэтому я считаю возможным голосовать за.

Председатель. Я прошу поднять руки тех, кто воздерживается. Значит, предложение принимается при двух воздержавшихся. Теперь текущие дела.

Рязанов, Д. Б. вносит ряд мелких дел, которые собрание передает на рассмотрение президиума, после чего заседание закрывается.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, Ш. М. Дволайцкий, Л. Н. Крицман, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, С. Л. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Опечатки, вкравшиеся в 7-й номер „Вестника Коммун. Академии“.

В статье Э. Лейкина — Заметки о теории накоп. енна Розы Люксембург — сделаны следующие опечатки:

1. Стр. 185 — В начале страницы, перед текстом, пропущена римская цифра II, означающая начало второй главы.

2. Страница 191, сноска — В цифровой таблице заголовок: „в %“ должен быть отнесен к четвертой колонке („В % к внутрен. потреблению“).

3. Стр. 201, 14 и 13 строка снизу (в сноске) — вместо напечатанного: „обращение между постоянным и переменным капиталом“, должно быть: „обращение между постоянным и постоянным капиталом“.

4) Стр. 221, 16 строка Вснизу: место „влияние эпигонов“ — должно быть „виляние эпигонов“.

5. Страница 224, 20 строка сверху — Вместо „положительной политики“ должно быть: „колониальной политики“.

Приложение.

М. И. Дрей.

Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 год.

Настоящий указатель составлен по тому же плану, как и указатель за 1922 г. (Библиография периодики, Исторические журналы за 1922 г. Вып. II, М. „С. А.“, 1923).

В данный выпуск введен новый отдел—„рецензии“, и дан именной указатель авторов.

Опись провинциальных журналов и сборников будет дана в особом указателе.

Перечень использованных журналов и сборников.	Условные сокращения.
1) Анналы № 3.	Ан.
2) Архив истории труда в России №№ 1—10 (1921—1923 г.г.).	Арх. И. Т.
3) Былое №№ 21, 22.	Б.
4) Голос Минувшего №№ 1–3.	Г. М.
5) Каторга и Ссылка №№ 5—7.	К. и Сс.
6) Красная Летопись №№ 6—9.	К. Л.
7) Красный Архив №№ 3, 4.	К. Арх.
8) Музей Революции № 1.	М. Р.
9) Пролетарская Революция № 12 (1922 г.) №№ 13—23 (1923 г.).	П. Р.
10) Путь к Октябрю №№ 1—3.	П. к О.
11) Революция на Дальнем Востоке № 1.	Р. н. Д. В.
12) Россия и Запад № 1.	Р. и З.
13) Русское Прошлое №№ 1—5.	Р. Пр.

УКАЗАТЕЛЬ.

I. История общественной мысли и революционного движения в России.

1. Статьи и материалы общего характера; формы и органы исследования.

1. **Алиллуев, С.** Мои воспоминания, (1902—1907 г.г.) „К. Л.—1923.8; стр. 134—163“ (см. „К. Л.“ № 5).

2. **Аросев, А.** Институт В. И. Ленина. 1) Архив В. И. Ленина, 2) Музей. 3) Библиотека „П. Р.—1923, 23, стр. 269—274“.

3. **Арский, Р.** Из истории социально-революционной партии „Пролетариат“. (По источникам Петроградского Историко-революционного архива) „К. Л.—1923, 8, стр. 44—76“.

4. **Арский, Р.** Эпоха реакции в Петрограде (1907—1910 г.г,) (По материалам Петроград. Ист.-рев. архива) „К. Л.—1923,9; стр. 63–106“.

5. Библиографическое бюро музея революции и его работы.—Приложение: I. Образцы библиографических карто-

чек по регистрации текущей историко-революционной литературы.—Приложение II. Инструкция по описанию нелегальных книг. Образцы библиографических карточек для описания произведений непериодической печати. Приложение III. Инструкция для описания периодических нелегальных изданий. Образец библиографического описания периодического издания. Приложение IV. Инструкция для описания прокламаций, воззваний, листовок и т. п. Образцы библиографических карточек для описания прокламаций, воззваний, и т. п. произведений агитационной литературы. „Музей Революции", 1923, сб. I стр. 93—105.

6. **Бочкарев, В.** Очерки по истории революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае 1860—1917 г.г. III. Революционные выступления. IV. Неблагонадежная администрация и оппозиционная общественность. (см. № 1 (4). И. Р. В). „К. и Сс.—1923, 5, стр. 56—85".

7. **Виленский, Вл. (Сибиряков).** Роль политической каторги и ссылки в Русской революции. (Вводная статья) „К. и Сс.—1923,5, стр. 5—16".

8. **Волковичер, И.** Из истории первых социалистических кружков в Варшаве (По неизданным архивным материалам). (1878). „П. Р.—1923, 23, стр. 42—51".

9. Институт В. И. Ленина, см. **Аросев, А.** Институт В. И. Ленина.

10. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Корреспонденции (1. Астраханское бюро, 2. Татбюро, 3. Новгородское, 4. Азербейджанское, 5. Алтайское и 6. Крымское бюро). „П. Р.—1922,12, стр. 342—347".

11. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Московское бюро (Отчет за 1922 г.), Киргизское областное бюро,—Витебское, Тверское, и Орловское бюро. „П. Р.—1923,14, стр. 608—615".

12. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Томское бюро (из отчета за январь)—Иваново-Вознесенское бюро (за подписью А. Шухт),—Царицынское бюро, Донское бюро (из отчета за январь 1923)—Тамбовское бюро (Отчет за 1922 г.) „П. Р.—1923,15, стр. 356—367".

13. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Саратовское бюро (Из письменного доклада),—Костромское бюро (Из доклада тов. Растопчиной),—Украинский Истпарт (Из доклада тов. Адамович),— Киевское бюро (Из доклада тов. Шрейбер),—Екатеринославское бюро (Из доклада тов. Рубач),—Подольское бюро (Из письменного доклада),—Тверское бюро (Из письменного доклада). Иркутское бюро (Из письменного доклада), Самарское бюро (Из доклада тов. Попова), Витебское бюро (Из доклада тов. Шульмана), Уральское бюро (Екатеринбург) (Из доклада тов. Быкова), Казанское бюро (Татбюро) (Из доклада тов. Знаменского), Юго-Восточное Краевое и Донское бюро (Из доклада т. Толмачева) „П. Р.—1923, 16, стр. 346—354".

14. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Истпарт Грузии.—Симбирское бюро. „П. Р.—1923, 17, стр. 389—390".

15. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Истпарт Украины. (Харьков) (с 10/IV по 10/VI—23 г.): Выставка.— Издательство.— Архивы.— Совещание Истпартов. — Работа на местах. — Вологодское бюро.— Томское бюро. (Из отчета за апрель и май 1923 г.) „П. Р. — 1923, 18 — 19, стр. 341 — 349".

16. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. Положение об истпартотделах.—Положение об Истпартотделе ЦКРКП.—Положение об Истпартотделе Губернского Комитета Р.К.П.—Новая сеть местных Истпартотделов.—Перечень бюро Истпарта, кредиты коим закрываются 1 августа с. г.—Корреспонденции: Азербейджанский, Тульский, (за период с 15/IV по 15/VIII 1923 г.). Крымский (за май — август 1923 г.). Калужский Истпартотделы. Обращение Истпартотдела Армении. „П. Р. — 1923, 20 стр. 273—279".

17. **Истпарт.** Вокруг истпартовской работы. Петроградский отдел (Из отчета за апрель—сентябрь 1923 г.), Кубано-Черноморский отдел (Из доклада бюро от 16 августа 1923 г.), Енисейский отдел (Из отчета за июнь 1923 г.). „П. Р.—1923, 21 стр. 258—264".

18. **Истпарт.** Вокруг Истпартовской работы. От Истпарта всем Истпартотделам №№ 1 и 2. — Корреспонденции с мест: Ярославль (июнь — сентябрь 1923 г.). Саратов (август—сентябрь 1923 г.). Новгород (июль—сентябрь 1923 г.). Гомель (июль—сентябрь 1923). Терский отдел (с 1 апреля—31 июля 1923 г.). „П. Р.—1923. 22, стр. 267—276".

19. **Истпарт.** Вокруг органов истпартовской работы. — Корреспонденции местных Испартотделов. Архангельск.— Башкирский Истпартотдел (Уфа) (сентябрь — октябрь 1923 г.). — Кострома (февраль 1922 г. по сентябрь 1923 г.).— Москва (губотдел) (с 15 марта по 1 ноября 1923 г.), — Самара (1 июня — 20 октября 1923 г.). — Тамбов — Уральский Истпартотдел — Екатеринбург, (июнь — сентябрь 1923 г.), — Одесса. — Томск (июнь—август 1923 г.).— Туркестанский Истпарт (1922—1923 г.г.). „П. Р.—1923,23, стр. 256—269".

20. **Истпарт.** Ко всем членам партии [просьба о присылке биографий и фотографий мучеников революции, в виду предстоящего издания 2 вып. „Памятника борцам Пролетарской Революции"]. „П. Р.—1922, 12, стр. 350".

21. **Истпарт.** (Томское, Витебское. Новгородское, Белорусское (Минское) бюро. Хроника). „П. Р.—1923, 13, стр. 386—392".

22. **Коганицкий, И.** В борьбе со старым миром. 1. Борьба с штрейкбрехерами. 2. Годовщина 9 января. 3. Побег. 4. Обстрел. 5. Крушение (из эпохи борьбы с чехо-словаками). 6. Пять лет 1904—1919. „К. Л.—1923, 8, стр. 164—180".

23. **Ленин, В. И.** см. Аросев, А. Институт В. И. Ленина.

24. **Лепешинский, П.** От Истпарта [Вступительная статья по поводу издания сборника]. „Р. н. Д. В.—1923, 1, стр. 3—4".

25. **Милютина, Н.** Несколько слов о работе в историко-революционном архиве. 1. Материалы Охранного отделения. 2. Материалы Жандармск. Управления. 3. Материалы Судебной Палаты. „П. к О.—1923, 1; стр. 246—254".

26. **Мицкевич, С.** О Нижегородском истпарте (хроника). „П. Р.—1923, 13, стр. 384—385".

27. **Невский В. И.** Обзор нашей провинциальной истпартовской литературы. „П. Р.—1923, 16, стр. 286—315".

28. **Сизман, Ю. Г.** Одесские вольнодумцы пушкинской поры. [В. Сухачев, Радулов, Г. М. Аристов и др]. „Б.—1923, 21; стр. 49—56".

29. **Редакция.** [Извещение об издании сборников „Каторга и ссылка"]. „К. и Сс.—1923, 5; стр 3".

30. **Раев, А.** Отчет о деятельности Петроградского бюро Истпарта, апрель—сентябрь 1923. „К. Л.—1923, 9; стр. 244—248".

31. **Стечлов Ю.** В ссылке и в эмиграции. (Идейные конфликты.) „П. Р.—1923, 17; стр. 193—250".

32. **Толстой, Л. Н.** Письма к А. И. Аполлову. „Р. П.—1923, 3, стр. 140—143".

33. **Хлебцевич, Е.** Белорусская цётка. (Е. Пашкевич) (Лики отошедших. Материалы к биографическому словарю). „К. и Сс.—1923, 5, стр. 244—249".

34. **Хохлов, А.** Д. Ф. Трепов в борьбе с общественностью. „Р. Пр.—1923, 4, стр. 42—54".

35. **Штрайх, С.** В. С. Печерин за границей в 1833—1835 годах. „Р. П.—1923, 3, стр. 87—98".

36. **Шухт, А.** Иваново-Вознесенское бюро, см. Истпарт. Вокруг органов истпартовской работы.

37. **Щепкина, Еч.** Первые годы высших женских курсов. „Р. Пр.—1923, 5, стр. 134—145".

2. Декабристы.

38. **Бестужев, Н.** см. Герцен, А. И. Кондратий Рылеев и Николай Бестужев.

39. **Герцен, А. И.** Кондратий Рылеев и Николай Бестужев. [Статья напечатана по-французски в № 11 „Kolokol" 1868 г., по-русски печатается впервые] Музей Революции, 1923 сб. 1 стр. 1—10.

40. **Горбачевский, И. И.** Шесть писем декабриста И. И. Горбачевского. [1840—1843 г.] с вступительной ст. Б. Сыроечковского. „Г. М.—1923, 2 стр. 149—160".

41. **Кубалов, Е.** Забытый декабрист. А. Н. Луцкий. „Р. Пр.—1923, 5; стр. 50—60".

42. **Луцкий. А. Н.** см. Кубалов, Е. Забытый декабрист А. Н. Луцкий.

43. Памяти декабристов первое заседание Музея Революции [11 января 1919 г.] Стенографический отчет. „Музей Революции", 1923, сб. 1 стр. 67—83.

44. **Рожков, Н. А.** Декабристы. [Попытка социального анализа декабризма]. „Р. П. 1923, 1, стр. 13—42".

45. **Рылеев, К.** см. Герцен, А. И. Кондратий Рылеев и Николай Бестужев.

46 **Шебунин, А.** Декабристы и вопросы внешней политики. „Р. Пр.—1923, 4; стр. 21—35".

47. **Штрайх, С. Я.** Из быта декабристов в Сибири. 1. Дядька Валерьяна Голицына. 2. Из жизни А. Г. Муравьевой. 3. К семейной драме В. Н Лихарева. „Р. П. 1923. 1, стр. 121—131".

48. **Щеголев, П. Е.** К иконографии декабристов. „Музей Революции, 1923, сб. 1, стр. 62—66".

3. Герцен и Огарев.

49. **А. И. Герцен** и цензура в 1890 годах. Сообщ. Николаев, А. „К. Арх.—1923, 3; стр 223—228".

50. **Алексеев, В.** К биографии Н. П. Огарева. 1) Исключение Н. П. Огарева из русского подданства. 2) Материалы по делу Н. П Огарева. „К. Арх.—1923, 3; стр. 207—217".

51. **Герцен, А.** см. А. И. Герцен и цензура в 1890-х годах. Сообщ. Николаев. А.

52. **Миловидов, А. И.** Суд над Н. П. Огаревым. (Приговор 1895 г. во время пребывания Огарева в Лондоне за сотрудничество в „Колоколе"). „Р. П." 1923, 1; стр. 132—137.

53. **Огарев, Н. П.** см. Алексеев, В. К биографии Н. П. Огарева. 1) Исключение Н. П. Огарева из русского подданства. 2) Материалы по делу Н. П. Огарева.

4. Каракозов.

54. **Виноградов, К.** К Каракозовскому процессу. (Материалы из архива сарат. губ. жанд. управления). „К. Арх.—1923, 3; стр. 299—301". (Из записной книжки архивиста).

55. **Каракозов, Д. В.** см. Щеголев, П. Е. Каракозов в Алексеевском равелине.

56. **Каракозовский процесс** см. Виноградов, К. К Каракозовскому процессу (Материалы из архива сарат. губ. жанд. управления). (Из записной книжки архивиста).

57. **Щеголев, П. Е.** Каракозов в Алексеевском равелине. [Глава из книги Щеголева, П. Е. „Алексеевский равелин в XIX веке"]. „Музей Революции, 1923, сб. 1, стр. 11—37".

5. Шестидесятые годы.

58. **Аргольдт, И.** см. Шилов, А. Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии).

59. **Козьмин, Б.** К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. „К. Арх.—1923, 3; стр. 294—298". (Из записной книжки архивиста)

60. **Козьмин, Б.** Прокламация Н. В. Шелгунова. „Русским солдатам от их доброжелателей поклон". С приложен. 2 снимков с прокламации. „К. Арх.—1923, 3; стр. 229—239".

61. **Мартьянов П.** см. Козьмин, Б. К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. (Из записной книжки архивиста).

62. **Ростковский, Ф.** см. Шилов, А. Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии).

63. **Сергеев, А.** К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских. „К. Арх.—1923, 3; стр. 298". (Из записной книжки архивиста).

64. **Сливицкий, П.** см. Шилов, А. Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии).

65. **Чернышевский, Н. Г.** см. Сергеев, А. А. К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских. (Из записной книжки архивиста).

66. **Шилов, А. И.** Арест М. И. Михайлова и суд над ним. Из общественной психологии начала 60-х годов 19-го столетия. „Р. П. 1923,2; стр. 142—153".

67. **Шилов, А.** Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура, 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии). „Музей Революции, 1923, сб. 1, стр. 38—43".

68. **Шилов, А.** С. Гр. Стахевич и его воспоминания. [Член об-ва „Земля и Воля" был приговорен в 1864 г. к 6-ти годам каторжных работ]. „Б.—1923, 21; стр. 57—62".

69. **Щур, Л.** см. Шилов, А. Дело Аргольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии).

70. **Щапов, А.** Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам. [1861 г.] С приложением снимка. „К. Арх.—1923, 4; стр 407—410". (Из записной книжки архивиста).

6. Анархисты.

71. **Бакунин, М.** Бакунин пред австрийским судом. (Материалы из архива б. III отделения) сообщил Полонский, В. Доклад военному суду (Kriegsrechts Vortrag), показания свидетелей и заявления соучастников. Протокол военного суда. Приговор. „К. Арх.—1923, 3, стр. 173—198".

72. **Бакунин, М. А.** см. Корнилов, А. Михаил Александрович Бакунин. Годы странствий (1840—1849). (Переписка с родными и друзьями).

73. **Бакунин, М.** см. Пушкин, Б. М. А. Бакунин по отчетам III отделения.

74. **Жуковский. Жук, И.** Памяти Николая Федоровича Степанова. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 254—259". (Лики отошедших).

75. **Корнилов, А.** Михаил Александрович Бакунин. Годы странствий (1840—1849). (Переписка с родными и друзьями) „Б.—1923, 21; стр. 3—40".
„ 22; стр. 71—100".

76. **Кропоткин, П.** Федерация — как путь к об'единению. (Настоящая ст. представляет речь, произнесенную П. Кропоткиным 7 января 1918 г. на заседании „Лиги Федералистов" в б. Лит. Худож. Кр. в Москве) „Г. М. 1923, 1; стр 15—19".

77. **Пушкин, Б.** М. А. Бакунин по отчетам III отделения. „К. Арх.—1923, 3; стр. 199—206".

78. **С. Л.** Е. И. Томсон. „К. и Сс.—1923,6; стр. 248". (Лики отошедших).

79 **Сажин, М. П.** Краткая автобиография. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 3—5".

80. **Хропов-Мурманский, И.** Жертва великой героической борьбы. (Воспоминание о Иустине Жук). „К. Л.—1923, 9; стр. 197—203".

7. Русские якобинцы.

81. **Голубева, М. П.** Воспоминания о П. Г. Зайчневском [1882—1886]. „П. Р.—1923, 18—19, стр. 27—31".

82. **Дементьева-Ткачева.** см. Козьмин, Б. Около нечаевского дела. (Памяти А. Д. Дементьевой-Ткачевой).

83. **Зайчневский, П. Г.** см. Голубева, М. П. Воспоминания о П. Г. Зайчневском.

84. **Зайчневский, П. Г.** см Мицкевич, С. Русские якобинцы.

85. **Козьмин. Б.** Около Нечаевского дела. (Памяти А. Д. Дементьевой-Ткачевой) „К. и Сс.—1923, 6; стр. 55—63".

86. **Мицкевич, С.** Русские якобинцы. [П. Г. Зайчневский и его кружок, Ткачев, провинциальные якобинцы. 1862—1889 г.г.] „П. Р.—1923, 18—19. стр. 3—26.

87. **Нечаев, С. Г.** см. Щеголев, П. С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине (1873—1882).

88. **Ткачев, П.** см. Мицкевич, С. Русские якобинцы.

89. **Щеголев, П.** С. Г Нечаев в Алексеевском равелине (1 73—1882). „К. Арх.—1923—,4; стр 222—272".

8. Народничество 70-х годов.

90. **Аптекман, О. В.** Московские революционные кружки. А. С. Пругавин на заре своей деятельности [70-ые годы] „Р. П. 1923, 1; стр. 43—57".

91. **Аптекман, О. В.** Московские революционные кружки. Московские чайковцы [1871—1873 г.г.] „Р. П. 1923, 2; стр. 89—103".

92. **Б. Л.** Памяти Я. М. Белого (лики отошедших. Материалы к биографическому словарю). „К и Сс. – 1923, 5; стр. 240—241".

93. **Белый, Я. М.** см. Б. Л. Памяти Я. М. Белого (Лики отошедших).

94. **Владыченко. П.** Памяти учителя и погибших друзей. (Евгений Осипович Заславский, его кружок и южно-российский союз рабочих в Одессе) „К. и Сс – 1923, 5; стр. 26—42".

95. **Головина-Юргенсон, Н. А.** Мои воспоминания (Из революционной деятельности 70—80-х годов). I. Происхождение и социальная среда. II Формирование мировоззрения. III. Умственная и революционная жизнь Петербурга. IV. Работа на фабрике. V. „В народ". VI. Странствование по тюрьмам. „К. и Сс.—1923, 6 стр. 23—38".

96. **Драго, Н. И.** Записки старого народника. „К. и С.—1923, 6; стр. 10—22".

97 **Драго, Н. И.** см. Фигнер, В. Из воспоминаний о Н. И. Драго.

98. **Железняк.** см. Шехтер, А. Из далекого прошлого. (К характеристике

Желябова, Заславского, Железняка и др. работников начала 70-х годов).

99. **Желябов.** см. Шехтер, А. Из далекого прошлого. (К характеристике Желябова, Заславского, Железняка и др. работников начала 70-х годов).

100. **Заславский, Евг. О.** см. Владыченко, П. Памяти учителя и погибших друзей. (Евгений Осипович Заславский, его кружок и Южно-российский Союз рабочих в Одессе).

101. **Заславский.** см. Шехтер, А. Из далекого прошлого. (К характеристике Желябова, Заславского, Железняка и др. работников начала 70-х годов).

102. Из материалов о П. Л. Лаврове. Сообщ. А. Потапов. „К. Арх.—1923, 3; стр. 218—222".

103. **Кайтор, Р.** К процессу Засулич. „Б.—1923, 21; стр. 87—94".

104. **Колпенский, В.** Памяти Н. Е. Петропавловского (Каронина) „К. и Сс. —1923, 6; стр. 279—286". (Лики отошедших).

105. **Лавров, П. Л.** см. Из материалов о П. Л. Лаврове. Сообщ. А. Потапов.

106. **Лион.** см. Шехтер. А. Революционная Одесса 1877—1878. (К характеристике Лиона и Фомичева).

107. **Михайлов, Ад.** К портрету С. Н. Богомолец. (Письмо в редакцию). „К. и Сс.—1923, 7; стр. 123—126".

108. **Осипович, Н.** Документы о „невинном" человеке. (Провокатор Гоштофт, на которого покушались Минаков и Говорюхин в 1879 году). „К и Сс. — 1923, 3; стр. 85—90".

109. **Попов, М. Р.** Революционная роль различных групп петербургских рабочих. С вступит. ст. А. Ладыженского [написана в Шлиссельб. 1902 г.] „К. и Сс.—1923, 6; стр. 39—43".

110. Прокламация „Южно-русск. Рабочего Союза" об убийстве Александра II. Сообщ. Р. Кантор. „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 53—56".

111. **Сквери, М.** Южно-российский Союз рабочих. (К истории одесского союза 1875 г.). „К. и Сс.—1923, 5; стр. 17—25".

112. **Фигнер, В.** Из воспоминаний о Н. И. Драго. „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 6 — 9".

113. **Фомичев.** см. Шехтер, А. Революционная Одесса 1877 — 1878 г. г. (К характеристике Лиона и Фомичева).

114. **Шехтер, А.** Из далекого прошлого. (К характеристике Желябова, Заславского, Железняка и др. работников начала 70-х годов). (Доклад А. Шехтер в засед. Архивной Комиссии в Одессе). „К. и Сс.—1923, 5; стр. 42—50".

115. **Шехтер, А.** Революционная Одесса 1877—1878 г. г. (К характеристике Лиона и Фомичева). „К. и Сс.—1923, 6; стр. 44—52".

116. **Якимова, А.** Л. В. Чемоданова-Синегуб. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 247". (Лики отошедших).

9. Народная Воля.

117. **Антонов, П. Л.** Автобиография П. Л. Антонова. По поводу автобиографической записки П. Л. Антонова В. Н. Фигнер. „Г. М.—1923, 2; стр. 77—96".

118. **Ашенбреннер, Мих.** Военно-революционная организация партии Народной Воли. Посвящается В. Н. Фигнер. (Написана ст. в конце 900-х г.). „К. и Сс.—1923, 7; стр. 54—90".

119. **Буцинский, Д.** см. Попов, М. Р. К биографии Буцинского. (Лики отошедших)

120 Вещи А. И. Желябова. [Запрос коменданта Шлисельбургской крепости ин.-ад. Ганецкого от 7 апреля 1881 г. (№ 287) к директору департамента гос. полиции и опись вещей Желябова]. „Музей революции, 1923, сб. 1 стр. 91—92".

121. **Дембо, Вл.** О народовольце Дембо. (К делу 1 марта 1887 г.). [По поводу ст. Ш. Раппопорта о деле 1 марта 1887 в „К. Л." № 5]. „К. Л. — 1923, 8; 260—263",

122. **Желябов, А. И.** см. Вещи А. И. Желябова.

123. **Иохельсон, В. И.** Из переписки с П. Л. Лавровым. [1880 — 1885 г. г.] „Б.—1923, 21; стр. 147—155".

124. **Иохельсон, В. И.** Календарь „Народной Воли" [1883]. Из воспоминаний. „Музей Революции", 1923, сб. 1, стр. 44—51.

125. **Лопатин, Г. А.** Письмо Г. А. Лопатина о беседе с Ф. Энгельсом о России. [1883 г] „Г. М.—1923, 2; стр. 146—148".

126. **Майнов, И. И.** (Саратовец). На закате народовольчества. (Памяти В. Я. Богучарского). (Продолжение). [см. „Б. кн. 5—6, 18, 20]. „Б. — 1923, 21; стр. 118—146".; 22; стр 166—184".

127. **Нелидова, Л.** Памяти Г. А. Лопатина. „Г. М.—1923, 3; стр. 101—115".

128. **Перовская, С.** Неизданные письма С. Л Перовской (1872 — 1873 г. г.) С вступительной ст. Р. Кантора. Письма к А. Я. Ободовской. Письмо к О. И. Сахаровой. „К. Л.—1923, 3; стр. 243 —250".

129. **Плеве, В.** см. Тихомиров, Л. и Плеве. С вступ. ст. Малахова-Камартана, К. [Письма 1888—1909 г г.].

130. **Попов, М. Р.** К биографии Буцинского (Лики отошедших. Материалы к биографическому словарю). „К. и Сс. —1923, 5; стр. 233—237".

131. **Сидоренко, Ев.** Из воспоминаний о 1 марте 1881 года. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 50—53".

132. **Тихомиров, Л. и Плеве.** С вступительной ст. Малахова-Камартана. К. [Письма 1888 и 1909 г. г.] „К. Л. — 1923, 7; стр. 199.

133. **Фигнер, В.** Студенческие годы (продолжение) [см. „Г. М" № , октябрь, 1922 г.]. „Г. М"—1923, 1; стр. 27—44 .
„ 2; стр. 125—145".
„ 3; стр. 89—100".

134. **Якимова, А.** [По поводу вкравшейся ошибки в ст.: „Из прошлого", пом. в № 1 (4) И. Р. В.] „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 276" (Письмо в редакцию).

10. Социал-демократия и рабочее движение.

135. **Авдеев, Н.** Поправки [к статье Авдеева „Первые дни февральской революции"—„П. Р"—1923, 1 (13).] „П. Р"—1923, 14 стр. 617.

136. **Аксельрод, П. Б.** см. Дейч, Л. О воспоминаниях П. Б. Аксельрода.

137. **Альтшулер, С.** („Антон"). В рядах борющихся. (Воспоминания) [1882 г.; 1911 г.]. Примечания. „К. Л. — 1923, 8 стр. 96—122".

138. **Андреев, В.** О Дубровинском. (Из воспоминаний бывшего ссыльного). „К. Л.—1923, 8; стр. 268—270".

139. **Андреев, Я. А.** 1897—1898 г. г. в Колпине. [Воспоминания]. „П. Р." — 1923, 14; стр. 77—85.

140. **Антипов и Горшков.** Воспоминания об Егорьевской организации. Егорьевское рабочее движение 90-х г. г. Возникновение с.-д. в Егорьевске. „П. К. О.—1923, 2; стр. 271—281".

141. **Антонов-Саратовский.** Саратов в годы империалистической войны (1914—1916 г. г.) и „Наша Газета". (Из личных воспоминаний). Приложения: Статьи из саратовской „Нашей Газеты" (1915 г.). „П. Р." — 1923, 16 стр. 7—80; 216—254.

142. **Арский, Р.** В Петрограде во время войны. (Из воспоминаний) [1914 г.—1917 г.]. „К. Л.—1923, 7; стр. 75—90".

143. **Б-а, Н.** Серафима Ивановна Дрябина. (Очерк ее партийной деятельности по неопубликованным архивным материалам и опубликованным воспоминаниям). „К. Л.—1923, 8; стр. 275 — 285".

144. **Б. А.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем Волочке. Секретное письмо тверского губернатора от 16 июня 1876 г. министру внутренних дел. Ответное письмо министра Тимашева от 2 июля 1876 г. Письмо губернатора от 14 июля 1877 г. министру внутренних дел. „Арх. Т. — 1921, 2; стр. 143—145".

145. **Балабаев.** Мои воспоминания, [1905 г. — 1906 г.]. „П. к. О. — 1923, 2; 327—330".

146. **Батурин, Н.** Группа „Борьба". (По поводу воспоминаний тов. Стеклова). [„П. Р."—1923, 17. Статья „В ссылке и в эмиграции" Стеклова] „П. Р.—1923, 17 190—192.

147. **Бауман, Н. Э.** см. „Дед" из воспоминаний о Н. Э. Баумане (о побеге 11-ти из Киевской тюрьмы 18 августа 1902 г.).

148. **Бауман, Н. Э.** см. Ленин, В. И. Статьи из газет „Вперед" и „Пролетарий" (1905 г.).

149. **Бауман, Н. Э.** см. Петренко, А. К заметке „Деда": „Из воспоминаний о Н. Э. Баумане".

150. **Бауман, Н. Э.** см. Пятницкий, О. Еще о заметке „Деда".

151. **Беленький, Е.** (Сергей). По поводу воспоминаний Н. Шмуйловича. [„П. Р."—1922, 11. Шмуйлович, Н. „Из партийной работы бунда]. „П. Р." — 1923, 15 стр. 368—369.

152. **Бендер, И.** Златоустовская забастовка в 1903 г. „Арх. ист. труд. — 1922, 4; стр. 50—53.

153. **Бендер, И.** К стачечному движению на Кавказе в 1903 году. „Арх. ист. труд.—1922, 5. 1923, 6—7".

154. **Богданов, А.** („Антон", „А. Волжский"). Письмо в редакцию [поправки к VIII тому сочинений Ленина]. „П. Р."—1923, 17 стр. 390—392.

155. **Борисов, Ил.** Уголок Московской организации большевиков. „П. к. О. — 123, 3; стр. 158—160.

156. **Брегман, Л.** См. Славский, А., Брегман, А., Катичев, А. и Черницкий, А. Памяти павших в борьбе за коммунизм. I. Павшие в боях с белыми. II. Павшие на посту от руки бандитов. III. Погибшие в тюрьме.

157. **Брейтфус, А.** Точиский и его кружок. [Один из ранних с.-д.]. „К Л.—1923, 7; стр. 324—339.

158. **Бруснев, М. И.** Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания). „П. Р — 1923, 14; стр. 17—32.

159. **Буланов.** Краткая история Пушкинского революционного движения. [1905 — 1913 г. г.]. „П. к. О. — 1923, 2; стр. 330—332".

160. **Булкин, Ф.** (Семенов). Департамент полиции и союз металлистов. Приложение. „К. Л.—1923, 8; стр. 220—233.

„ 9; стр. 125—162". (см. № 5 „Кр. Л.").

161. **Бурдуков.** Начало революционного движения в г. Серпухове 1897—09 г. „П. к. О.—1923, 2; стр. 239 — 247.

162. **Бухбиндер, Н.** К истории социал-демократического движения в Киевской губерн. (По неизданным материалам). 3. Приложения. „К. Л. — 1923, 7; стр. 263—284".

163. **Бухбиндер, Н. А.** Материалы по истории еврейского рабочего движения в России. Вып. I. Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения. С предисловием В. И. Невского. Госиздат. 1922. Рец. Б-м, Я. Д. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 284—286".

164. **Быстрянский, В.** В начале 1916 года (Из документов). „К. Л. — 1923, 7; стр. 208—211.

165. **Быстрянский, В.** Материалы для истории группы „Освобождение труда". (По данным Петроградского Историко-Революционного Архива). „К. Л.—1923, 8 стр. 247—249".

166. **Быстрянский, В.** По поводу письма т. Лепешинского в „Пролетарской Революции" [№ 9, стр. 309—315 „Очередная прогулка т. Быстрянского по садам марксистской литературы]. „К. Л. —1923, 8; стр. 301—303".

167. **Васильев, С.** Прошлое. [Воспоминания рабочего 1915—1917]. „П. к. О.—1923, 3; стр. 150—152".

168. **Васильевская, В.** Забастовочное движение в Петербурге за 1914—1916 г.г. по агентурным данным с приложением таблиц. „П. Р"—1923, 13; стр. 50—70.

169. **Вельман, В.** Краткий очерк эстонского рабочего движения (1902—1922 гг.) „П. Р"—1922. 12; стр. 86—94.

170. **Вельман, В.** К обвинительному акту по делу Ревельского Комитета [Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1907 г.]. „П. Р"—1922, 12; стр. 220—223.

17 . **Вечер воспоминаний** см. Три вечера воспоминаний. Первый вечер воспоминаний. Второй вечер воспоминаний. Третий вечер воспоминаний.

172. **Викторов, П. П.** проф. Первое открытое революционно-марксистское выступление в России (1881 г.). Предисловие С. Мицкевича. „П. Р"—1923, 18—19 стр. 32—52.

173. **Виноградов, И.** Личные впечатления свидетеля Морозовской стачки в 1885 г. 7 января. „П. к. О.—1923, 2; стр. 52—55".

174 **Владимирова.** Профдвижение во Владивостоке [1920 г.]. „Р. н. Д. В. — 1823, 1; стр. 330—340".

175. **Власова, О.** Материалы для истории русского рабочего движения за 1881 — 1895 г.г. 1883 — 1884 г.г. (Нач. см. „К. Л. — 1922, 5); К. Л. — 1923. 7; стр. 212 — 227.

176. **Вознесенский, С.** Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г. (Несколько цифр и фактов). „Арх. ист. труда — 1923, 8; стр. 148—174".

177. **Возникновение газеты «Вперед».** I. Неопубликованноо письмо Ленина. [от 12 декабря 1904 г.]. С предисловием и примечаниями И. Волковичера. II. Об'явление об издании газеты „Вперед" [газета „Вперед" выходила в 1904—1905 г.г. в Женеве]. „П. Р"—1923, 16; стр. 185—195.

178. **Воинова, К.** см. Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г. г. (Неизданные архивные материалы со вступительной статьей К. Воиновой).

179. **Волков.** Очерки возникновения РКП. в Сергиевском посаде Моск. губ. „П. к. О.—1923, 2; стр. 360—361.

180. **Волковичер, И.** см. Возникновение газеты „Вперед". I. Неопубликованное письмо Ленина. С предисловием и примечаниями И. Волковичера. II. Об'явление об издании газеты „Вперед.

181. **Волковичер, И.** История журнала „Рабочий Труд" [Московский легальный рабочий большевистский журнал 1914 г.]. (По неизданным архивным материалам). „П. Р" — 1923. 20; стр. 67 — 78; 21 стр. 168—184.

182. **Волковичер, И.** Отклики Ленских событий (1912 г.) в Москве (по неиз-

данным архивным документам и материалам). Приложения № 1—19. „П. Р"—1923, 15; стр. 66—91; 251—262.

183 **Волковичер, И.** Сообщил. Партийные ячейки подполья. „П. Р"—1923, 14; стр. 607—608.

184. **Волковичер, И.** Стачка 1883 г. в Жирардове [Блонского уезда, недалеко от Варшавы], (по архивным материалам). „П. Р"—1923, 18—17, стр. 53—61. 1923,18—19.

185. **Воровский, В. В.** см. Лепешинский, П. Н. Красивый финал красивой жизни. (Несколько слов об умершем на своем посту т. В. В. Воровском).

186. **«Вперед».** Возникновение газеты „Вперед". I. Неопубликованное письмо **Ленина** (от 12 декабря 1904 г.). С приложениями И. Волковичера. II. Об'явление об издании газеты „Вперед" (газета **„Вперед" выходила** в 1904 — 1905 г.г. в Женеве). „П. Р"—1923, 16; стр. 185—195.

187. **Второй вечер воспоминаний** „Окружки". [1905, 1906, 1907 г. г.], „П. к. О.—1923, 2; стр. 116—178.

188. **Г.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Движение среди петербургских рабочих в 1901 г. „Арх. ист. труд.—1921, 2"; стр. 141—143.

189. **Галкин, М.** Памяти тов. В. А. Васильева. (Монтер александровских ж.-д. мастерских). (Лики отошедших). „К. и Сс.—1923, 7; стр. 267—268".

190. **Гессен, Ю.** К истории стачек среди фабричных рабочих. В начале семидесятых годов 19-го века. „Арх. ист. труд. — 1922, 3; стр. 40—50".

191. **Гилл.** В. Д. Медем. „К. и Сс.— 1923, 7; стр. 260—266". (Лики отошедших).

192. **«Голос печатного труда».** Статьи из журнала „Голос печатного труда"— Приложение к статье Г. Лелевича. См. Лелевич Г. „Голос печатного труда" (Московский легальный большевистский журнал 1916—1917 г. г.).

193. **Голубев, Ив.** Воспоминания о петербургском профессиональном союзе металлистов. (1907—1908 г.г.). „К. Л. — 1923, 8; стр. 234—236".

194. **Гольдман, Ан.** [Поправка]. [По поводу заметки Лелевича: „Доктор Шаевич в тюрьме"]. „К. Л. — 1923, 8: стр. 250—251". [Заметка в № 5 „К. Л". за 1922 г.].

195. **Грачевский,** см. К возникновению группы „Освобождение Труда". (По материалам из архива Г. В. Плеханова).

196. **Григорьев, М. Г.** („Егорыч"). Воспоминания о Федосеевском кружке в Казани (1888—1889 г.г.). С предислов. Лившица. „П. Р"—1923, 20; стр. 55—66.

197. **Грунт, Ян.** Коломенская организация Р.С.Д.Р.П. (б.) и октябрь 1917 г. II. к. О.—1923, 3; стр. 331—369.

198. **Грунт, Ян.** Страницы прошлого. (Воспоминания о работе в „Тверской группе". Инициативная группа по организации М. К-та 1914 — 1915 г.г.). II. к. О.—1923, 3; стр. 86—100.

199. **Гуревич.** История партийной работы в Сергиевском Посаде, М. губ. (С 16/IV—18 г. по 30/III—19 г.), „П. к. О.—1923, 2; стр. 356—360".

200. **Д. С.** К истории московской рабочей газеты „Наш путь". „П. к. О.— 1923, 3; стр. 78—85.

201. **Давтян, Я.** Тифлисская военная организация в 1906—1907 г.г. „П. Р"— 1923, 16; стр 143—148.

202. **Дзорцов.** История наро-фоминской организации. (1905 — 1917). II. к. О.—1923, 2; стр. 319—322.

203. **«Дед».** Из воспоминаний о Н. Э. Баумане. (О побеге 11-ти из Киевской тюрьмы, 18 августа 1902 года). „П. Р"— 1923, 15; стр. 352—356.

204. **«Дед».** см. Петренко, А. К заметке „Деда": „Из воспоминаний о Н. Э. Баумане.

205. **«Дед».** см. Пятницкий, О. Еще о заметке „Деда".

206. **Дейч, Л.** В. Н. Игнатов. (Воспоминания). [В. Н. Игнатов—один из основателей группы „Освобождение Труда"]. „П. Р"—1923, 21; стр. 11—30.

207. **Дейч, Л.** Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам. „К. и Сс.— 1923, 7; стр. 9—20.

208. **Дейч, Л.,** см. К возникновению группы „Освобождение Труда". (По материалам из архива Г. В. Плеханова).

209. **Дейч, Л.** О воспоминаниях П. Б. Аксельрода [„Пережитое и передуманное" т. I. Изд. Гржебина. Берлин 1923 г.]. „П. Р" — 1923,22; стр. 176—201. „П. Р"—1923,22; стр. 176—201.

210. **Дейч, Л. Г.** О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич. (Вокруг истпартовской работы). „П. Р"—1923, 13; стр. 382—384.

211. **Дейч, Л.** О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы „Освобождение труда"). „П. Р"—1923, 20; стр. 5—54.

212. **Дейч, Л.,** см. Плеханов, Г. В. О былом и небылицах. (Из литературного наследства Г. В. Плеханова с дополнениями Л. Дейча).

213. **Дейч, Л. Г.,** см. Плеханов, Г. В. Революционное движение 70 г.г. (Из

архива Г. В. Плеханова). С предисловием Л. Дейча.

214. **Демидов.** Описание революционной работы с 1894 по 1922 год. „П. к. О.—1923, 2; стр. 334—336.

215. **Дерябина, С.** см. Б—а, Н. Серафима Ивановна Дерябина. (Очерк ее партийной деятельности по неопубликованным архивным материалам и опубликованным воспоминаниям).

216. **Доклад департамента полиции министру внутренних дел.** [по делу 1888 г. с.-д. орг.]. „К. Л.—1923, 7; стр. 344—368".

217. **Доклад, предложенный V с'езду Р. С.-Д. Р. П. по поводу Петербургского раскола и связанного с ним партийного суда. С предисловием Л. Каменева.** „К. Л.—1923, 7; стр. 228—240.

218. **Документы о I с'езде Р.С-Д.Р.П.** 1. Устав коллоквиума. 2. Показания А. и В. Вановских и др. с предисловием В. Перазича. 3. Программа М. союза борьбы за освобождение рабочего класса. 4. Переписка Департамента полиции о I с'езде Р.С.-Д.Р.П. „К. Л. — 1923. 7; стр. 389—409.

219. **Дубровинский, И.,** см. Андреев, В. о Дубровинском. (Из воспоминаний бывшего ссыльного).

220. **Дюбюк, Е.** Забастовка крепостных суконщиков. [1813 г.]. „К. Арх.— 1923, 4; стр. 401 — 405. (Из записной книжки архивиста).

221. **Елизарова, А. И.** Страничка воспоминаний. (Первое выступление Владимира Ильича в Москве). [1883—1884 год.]. „П. Р"—1923, 14; стр. 55—60.

222. **Енукидзе, А.** История организации и работы нелегальных типографий Р.С-Д.Р.П. на Кавказе за время от 1900 по 1906 од. (Доклад, сделанный тов. А. С. Енукидзе в клубе старых большевиков 14 января 1923 года). „П. Р."—1923, 14; стр. 108—166.

223. **Жилин. И.** Автобиография Жилина, Ивана Яковлевича. Чл. б. № 1077330. „П. к. О.—1923. 1; стр. 232—245.

224. **Забрежнев, В.** Первые годы моей партийной работы (1895 — 1899 г.г.) „П. Р".—1923, 22; стр. 112—132.

225. **Заикин, Ф.** Из жизни союза пекарей. (Воспоминания булочника пекаря) [1906—1914]. „К. Л.—1923, 8; стр. 237 — 243.

226. **Залежский, В. Н.** В годы реакции. (Воспоминания профессионала). [1905—1913 г.г.]. „П. Р"—1923, 14; стр. 326 — 385.

227. **Засулич, В. И.** см. Дейч, Л. Г. О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич.

228. **Засулич, В.** см. К возникновению группы „Освобождение труда". (По материалам из архива Г. В Плеханова).

229. **Зрячкин.** Орехово-Зуевская социал-демократическая организация с 1914—1916 г.г. (Воспоминания) „П. к. О.—1923, 1; стр. 153—157.

230. **Иванов, Т.** В Московское губбюро истпарта. [Исправления к ст. Панкратова о Звенигородской организации, помещ. во 2 вып. „П. к. О"]. „П. к. О — 1923, 3; стр. 370—371.

231. **Игнатов, В. Н.** см. Дейч, Л. В. Н. Игнатов. (Воспоминания).

232. **Из жизни Петербургской организации большевиков.** (Из воспоминаний слесаря). „К. Л —1923, 9; стр. 107—114.

233. **Из жизни рядового коммуниста.** (Вместо некролога). Сообщил Новин. Юр. „К. Л.—1923, 8; стр. 297—300".

234. **Калинин, М. И.** 38-летний юбилей Морозовской стачки. „П. к. О.—1923, 2; стр. 37—42".

235. **Калугин.** С 1903—1905 г. (Деятельность Серпуховской организации Р. С-Д.Р.П.(б.). „П. к. О. — 1923, 2; стр. 265—267".

236. **Канатчиков, С. И.** Еще о Г. Успевиче. „П. Р"—1923, 17, стр. 392—393.

237. **Кантор, Р.** Жандармерия и первые рабочие стачки. В начале семидесятых годов 19-го века. „Арх. ист. труд.—1922, 3"; стр. 71—77.

238. **Кантор, Р.** Морозовская стачка 1885 года. „Арх. ист. труд.—1921, 2; стр. 44—53".

239. **Кантор, Р.** Статистика забастовок за январь 1917 г. „Арх. ист. труд.— 1923, 6—7; стр. 188—189".

240. **Капралова, С.** Мои воспоминания о подпольной работе в Лефортовском районе 1909—1910 г. „П. к. О.—1923, 3; стр. 110—115".

241. **Карпухин, П.** Славное прошлое. [Воспоминания рабочего 1903 — 1907]. „П. к. О.—1923, 3; стр. 101—109".

242. **Катичев, А.** См. Славский. А., Брегман, Л.; Катичев, А.; Черницкий, А. Памяти павших в борьбе за коммунизм. I. Павшие в боях с белыми. II. Павшие на посту от руки бандитов. III. Погибшие в тюрьме.

243. **Кац, Д.** (Тарас). К вопросу об участии делегации „Бунда" на I с'езде Р.С-Д.Р.П. (Перевел с еврейск. Бухбиндер). „К. Л.—1923, 7; стр. 322—323".

244. **К возникновению группы «Освобождение труда».** (По материалам из архива Г. В. Плеханова). Письма В. Засулич, П. Лаврова, Грачевского и М. Н. Полонской-Ошаниной [1882 — 1884 г.г.]. С предисловием и примечаниями Л. Дейча. „П. Р"—1923, 16; стр. 196—215.

245. **К истории первомайского праздника.** Воззвание к литовским рабочим и работницам ко дню 1 мая 1898 г.. (Литовская Соц.-Дем. Партия. Перевод с польского языка]. „П. Р" — 1923, 16; стр. 283—285.

246. **К истории празднования первого мая.** Сообщ. А. Б. „Арх. ист. труд. — 1922, 4; стр. 58".

247. **Кожевников.** К истории возникновения большевиков военн.-арт. завода в 1915 г. в Риге и в Москве. „П. к. О.—1923, 3; стр. 148—149".

248. **Козловский, Б.** На работе в 1906 г. (Из воспоминаний). [I. Николаевская военная организация. II. В Кривом Роге. III. Работа в деревне. IV. Избирательная кампания в Николаевске в 1906 году]. „П. Р"—1922, 12; стр. 170—179.

249. **Козьмин, Б.** Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 40—45".

250. **Койген, Ф. М.** (Ионов). [1870—1923]. Некролог. [Койген—один из старейших деятелей русского рабочего движения, бундовец]. „П. Р"—1923, 23; стр. 5—11.

251. **Колпенский, В.** „Первое мая" в России. (По материалам б. архива департамента полиции и особого отдела того же департамента). „Арх. ист. труда в России, 1921, 1; стр. 80—85".

252. **Колпенский, В.** Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. „Арх. ист. труд.—1921, 2; стр. 37—43".

253. **Кольцов, В.** Муравейник. Паровое депо Моск.-Нижегородской жел. дор. с 1900-х годов. „П. к. О.—1923, 3; стр. 153—157".

254. **Кондратьев, А.** Воспоминания о подпольной работе в Петрограде (Окончание). (Нач. см. „К. Л." — 1922,5). „К. Л.—1923, 7; стр. 30—70".

255. **К провалу Богородско-Ореховской организации 1901 г.** „П. к. О. — 1923, 1; стр. 282—290".

256. **Крамаров, Г.** Памяти А. В. Попова (Бритмана). „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 264—267". (Лики отошедших).

257. **Красильников, В.** За Московской заставой в 1908 — 1911 г.г. (Из воспоминаний) „К. Л.—1923, 9; стр. 115—118".

258. **Красин, Л. Б.** (Никитич). Дела давно минувших дней (1887—1892). [Воспоминания]. „П.Р"—1923, 15; стр.3—28.

259. **Крестьянские уезды.** См. Леви, Соколов, Жохов, Панкратов, Тростников, Гурвич, Волков.

260. **Кржижановская, З.** Из жизни одного клуба. [1910—1912 г.г.]. „П. к. О.— 1923, 1; стр. 130—135".

261. **К 75-летию «Коммунистического Манифеста» с приложением факсимиле автографа К. Маркса и Фр. Энгельса.** „Б.—1923, 22; стр. 313—315".

262. **Кудряшов, С. А.** Воспоминания о работе в союзе деревообделочников и в партии с.-д.(б.) С. А. Кудряшов от мая 1906 г. по 1914 г. (до момента отправки на войну). „П. к. О. — 1923, 1; стр. 136—142".

263. **Кясперт, И.** Из истории эстонской рабочей газеты „Кийр" в 1912—1914 г.г. „П. Р"—1922, 12; стр. 95—126.

264. **Лавров, П.** См. К возникновению группы „Освобождение труда". (По материалам из архива Г. В. Плеханова).

265. **Лапин, А.** Воспоминания о подпольной работе [1896—1905] „П. к. О. —1923, 3; стр. 125—130".

266. **Лапшин.** Воспоминания о революционной работе с 1894 по 1921 г.г. „П. к. О.—1923, 2; стр. 251—262".

267. **Лебедев, П.** К истории Саратовской организации Р.С.-Д.Р.П. (1901—1903 г.г.). „П. Р"—1923, 15; стр. 227—250.

268. **Леви.** Отрывок из воспоминаний о работе в деревне 1905 г. „П. к. О.— 1923, 2; стр. 339—343".

269. **Лелевич, Г.** „Голос печатного труда". (Моск вский легальный большевистский журнал 1916 — 1917 г.г.). Приложение: Статьи из журнала „Голос печатного труда" № № 1—8. „П. Р" —1923, 16; стр. 81—93; 262—282.

270. **Ленин, В. И.** Неизданная статья. „Социализм.—Тактика классовой борьбы пролетариата". „П. Р"—1923, 18—19; стр. 286—295.

271. **Ленин, В. И.** См. Богданов, А. („Антон", „А. Волжский"). Письмо в редакцию.

272. **Ленин, В. И.** См. Возникновение газеты „Вперед". I. Неопубликованное письмо Ленина, с предисловием и примечаниями И. Волковичера II. Об'явление об издании газеты „Вперед".

273. **Ленин, В. И.** См. Елизарова, А. И. Страничка воспоминаний. (Первое выступление Владимира Ильича в Москве).

274. **Ленин, В. И.** См. Мицкевич, С. И. О работе В. И. Ульянова-Ленина „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов". Сентябрь 1894 г.

275. **Ленин, В. И.** См. Ольминский, М. По поводу собрания сочинений тов. Ленина.

276. **Ленин, В. И.** Статьи из газет „Вперед“ и „Пролетарий“ (1905 г.). „П. Р“—1923, 23; стр. 104—170.

277. **Леонов.** Воспоминания о Подольск й уездной партийной организации. Подольск, 13 марта 1923 г. „П. к. О.—1923, 3; стр. 290—319“.

278. **Леонтьева, Л.** Из воспоминаний. (1903 — 1912 г.г.). „К. Л. — 1923, 9; стр. 54 — 57“.

279. **Леонтьев, С. П.** Никола Алексеевич Снесарев. Анна Николаевна Рукина. Вера Михайловна Ятрудаки. Евгений Акатнов („Женя“). Рудничный рабочий Иван Лагодзинский. [Заметки о партийных работниках]. „К. Л. — 1923,8; стр. 264 — 267“. (Из прошлого).

280. **Лепешинский, П.** Заметка о № 1 „Искры“. „П. Р“ — 1923, 23; стр. 254 — 256.

281. **Лепешинский, П. Н.** Красивый финал красивой жизни. (Несколько слов об умершем на свое посту тов. В. В. Воровском). „П. Р“—1923, 15; с р. I—VIII.

282. **Лепешинский, П. Н.** Попутчики пролетариата в период старой „Искры“. [Сту енчество, крестьянств , земцы]. „П. Р“—1923, 14; стр. 167—195.

283. **Лившиц, С.** Казанская соц ал-демократическая организация в 1905 году. Приложения №№ 1—9, №№ 1—4. [Материалы и до ументы]. „П. Р“ — 1923,14; стр. 216 — 297; 418 — 434; 15 стр. 92 — 177; 263—271.

284. **Лившиц, С.** См. Григорьев, М. Г. („Егорыч“). Воспоминания Федосеевском кружке в Ка ани (1888—1889 г.). С предисловием С. Лившица.

285. **Лобахин, М.** Очерк истории Коломенской организации Р.С.-Д.Р.П.(б.) за период 1903 — 1917 г. „П. к. О. — 1923, 3; стр. 320—326“.

286. **Лосев.** Воспоминания о работе в Московской Окружной Организации (1906—1907 г.г.). „П. к. О.—1923, 3; стр. 175—180“.

287. **Лукин, С.** Фамилия передана неверно. [Поправка к ста ье А. А. Митрева. „Заметки по рабочему движению от 1912 г.“—„П. Р“1922, 4. Из писем в редакцию]. „П. Р“ — 1922, 12; стр. 347.

288. **Львович, Ал.** Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 года. „Арх. ист. труд. 1922, 4; стр. 85—96“.

289. **М. В.** Дерптская группа марксистов 1894 — 1896 г.г. и В. Шанцер. „П. Р“—1923, 14; стр. 597—601.

290. **М. И.** Завод „Динамо“. (1897—1922), „П. к. О.—1923, 1; стр. 224—231“.

291. **М. Н.** Краткий очерк истории Московской организации. [1893—1923]. „П. к. О.—1923, 2; стр. 7—25“.

292. **Максаков, В.,** см. 1912 — 1913. I. Доклад о современном положении Р.С.-Д.Р.П. II. Письмо из Кракова к тов. Подвойскому.—Сообщ. В. Максаков.

293. **Матвеев.** Воспоминания. [1898—1918]. „П. к. О.— 1923, ; стр. 287—293“.

294. **Менин, Д.,** см. Фибих, Ф. Памяти Давида Менина. (Лики отошедших).

295. **Меницкий, И.** Завод „Динамо“ в 1915 г. [Москва]. „П. Р“—1923 13; стр. 243—246.

296. **Меницкий, Ив.** I. Из прошлого Московского студенчества. (Отклики на Ленские события 1912 года) II. 1-е мая и военные годы в Москве. III. Наши издания в 1915 г. Приложение. „П. к. О.—1923. 1; стр. 143—152“.

297. **Меритеев.** Воспоминания выборщика в 4-ую Государ. Думу по Московской губернии. 1907 г. „П. к. О.— 1923, 2; стр. 293—318“.

298. **Минаев, Ив.** Автобиография рабочего - революционера, „К. и Сс.— 1923, 7; стр. 91—111“.

299. **Мирохин, М.** О начале с.-д. организации в Орехово-Зуеве. „П. к. О.— 1923, 3; стр. 287—289“.

300. **Мицкевич, С.,** см. Викторов, П. П. проф. Первое открытое революционно-маркс. стское выступление в России (1881 г.). Предисловие С. Мицкевича.

301. **Мицкевич, С. И.** На грани двух эпох (80-е годы в Н.-Новгороде по личным воспоминаниям) „П. Р“ — 1923, 14; стр. 34—54.

302. **Мицкевич, С. И.** О работе В. И. Ульянова-Ленина „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов“. Сентябрь 1894. С 2 приложениями. „П. Р“—1923, 14; стр. 61—76.

303. **Мицкевич, С.,** см. Петров. А. К. В Нижегородском подполье 90-х г.г. (Из воспоминаний рабочего). С предисловием С. Мицкевича.

304. **Мицкевич, С.** Поправка к ст. С. Мицкевича „О работе В. И. Ульянова-Ленина „Что такое друзья народа“. [„Пролетарская революция“, № 2 (14) 1923]. Из писем в редакцию. „П. Р“— 1923, 15; стр. 367.

305 **Мицкевич, С.,** см. Прокламация коллективa демократического студенчества всех высших учебных заведений г. Саратова (с предисловием С. Мицкевича).

306. **Мишин.** Воспоминания о революционном движении в Серпухове. [1880 — 1905]. „П. к. О. — 1923, 1; стр. 78—100“.

307. **Морозовская стачка,** см. Калинин, М. И. Мосеенок, Виноградов.

308. **Моршанская, М.** Эпизод истории рабочего движения г. Костромы [1903 г.]. „П. Р“—1923, 18—19; стр. 96—108.

309. **Московская городская организация.** См. Шестаков, А. В. (Никодим). С. Черномордик (П. Ларионов). Петухов Ив.; Д. С. Грунт Ян. Карпухин, П. Капралова. С. Виндзберг. Лапин, А. Фокин, В. Попов, М. Крюков. Ф. О. Шляпников, Як. Кожевников. Васильев, С. Кольцов, В. Борисов, Ил. Фокин, Вас. Щеглов. Соколов, В. О. К.

310. **Московская Окружная Организация.** Шестаков. Лосев. Попова. Е. Орлов. Шутов. Мирохин. Леонов. Лобахин. Толстикова. Грунт, Ян.

311. **Мосеенок.** Воспоминание о стачке 1885 г. „П. к. О.—1923, 2; стр. 43—51“.

312. **Муралов, Ал. Ив.** Воспоминания о Подольской и Серпуховской организациях. „П. к. О.—1923, 2; стр. 229—239“.

313. **Муралов, Н. Ив.** О работе в подполье в Серпухове. „П. к. О. — 1923, 2; стр. 227—229“.

314. **«Наша газета».** Статьи из Саратовской „Нашей Газеты“ (1915 г.)— Приложения к статье Антонова-Саратовского, см. Антонов-Саратовский. Саратов в годы империалистической войны (1914—1916 г.г.) и „Наша газета“.

315. **Невский, В.** Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). Настроения после 9-го января. Выборы в комиссию Шидловского. Агитационное значение соц.-демократической кампании. „ Арх. ис . труд. — 1922, 3; стр. 78—90“.

316. **Невский, В. И.** Иван Яковлевич Жилин (1870 — 1922). [И. Я. Жилин— с.-д. член РКП. Умер в 1922 г.]. „П. Р“— 1922, 12; стр. 213—219.

317. **Невский, В.** К двадцатипятилетию партии [Р.К.П.] (1898 — 1923). „П. Р“—1923, 14; стр. 3—16.

318. **О. К.** Нелегальная работа „столовцев“. [Студенческое движение (с.-д.) 1914—1916 г.г.]. „П. к. О.—1923, 3; стр. 169—172“.

319. **Обвинительный акт.** [по делу Ревельского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1907 г.]. „П. Р“ — 1922, 12; стр. 223 250.

320. **Овчинкин, Г. П.** История Раменской фабричной ячейки Р.К.П.(б.) при Раменской фабрике б. Бардыгина в Бронницком уезде, Моск. губ. „П. к. О.— 1923, 1, стр. 113—121“.

321. **Ольминский, М.** По поводу собрания сочинений т. Ленина. „П. Р“— 1923, 23, стр. 97—103.

322. **Опечатки** [№ 14 Пролетарской революции за 1923 г.]. „П. Р“ — 1923, 15, стр. 368.

323. **Орлов.** 4-й вечер воспоминаний о Московской Окружной Организации. „П. к. О.—1923, 3, стр. 204—261“.

324. **«Освобождение труда».** К возникновению группы „Освобождение труда“. (По материалам из архива Г. В. Плеханова). Письма В. Засулич, П. Лаврова, Грачевского и М. Н. Полонской-Ошаниной [1882—1884 г.г.]. С предисловием и примечаниями Л. Дейча. „П. Р“—1923, 16, стр. 196—215.

325. **От редакции.** [По поводу воспоминаний М. И. Бруснева — „П. Р“ — 1923, 14 — и личности их автора] „П. Р.“ 1923, 14, стр. 32—33.

326. **От редакции.** Примечание [к ст. тье Я. А. Андреева „1897—1898 г.г. в Колпине“]. „П. Р“ — 1923, 14, стр. 85—86.

327. **Пажитнов, К.** Возмущение крестьян на фабрике кн. Гагарина. (Отголоски событий 14 декабря 1825 года). „Б.—1923, 3, стр. 41—48“.

328 **Пажитнов, К.** Возмущение рабочих Ревдинского Завода в 1841 году. „Арх. ист. труд.—1923, 6—7, стр. 168—172“.

329. **Пажитнов, К.** Волнения среди фабрично - заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.). По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии. „Арх. ист. труда в России, 1921,1, 2, стр. 86—90; 132—137“.

330. **Пажитнов, К.** Рабочие волнения в царствование Александра первого. (По данным Архива департамента полиции министерства внутренних дел). „Арх. ист. труд.—1923, 5, 9, стр. 1—10; 153—158“.

331. **Панкратов.** История Звенигородской организации Р.К.П.(б.). „П. к. О.— 1923, 2, стр. 352—354“.

332. **Перазич, С.** Из воспоминаний С. В. Перазич (С. В. Померанц) [1893 — 1899 г.г.] „К. Л.—1923, 7, стр. 243—262“.

333. **Перазич, Вл.** По поводу ст. моей в № 2 — 3 „Красной Летописи“. [Поправки]. „К. Л.—1923, 8, стр. 304“.

334. **Первые шаги легализованного профессионального движения в России.** Сообщ. Р. Кантор. Профессиональное движение по сведениям местных властей. „Арх. ист. труд.—1921, 2, стр. 108—123“.

335. **Первый вечер воспоминаний участников Окружной организации 4 января**

1923 г. [90 — 1905]. „П. к. О. — 1923, 2, стр. 78.—115“.

336. **Перес, Б.** Арест Пека на Удельной. (Из воспоминаний) [1906]. „П. Р“— 1923, 18—19, стр. 164—176.

337. **Перес, Б.** Партийная работа в Орле (1902—1903 г.г.). (Из воспоминаний). „П. Р“—1923, 17, стр. 260—270.

338. **Песковой, Ив.** „В. Сморгони“. (Воспоминание рабочего о прошлом). [1883 — 1898]. „К. Л.“ — 1923, 8, стр. 77 — 95“.

339. **Петренко, А.** Военно-революционная организация Р.С.-Д.Р.П. в Варшаве в 1905 г. „П. Р“ — 1923, 14, стр. 298—309.

340. **Петренко, А.** К заметке „Деда“. „Из воспоминаний о Н. Э. Баумане“. [„П. Р“—1923, 15]. „П. Р“—1923, 17, стр. 387—388.

341. **Петров, А. К.** В Нижегородском подполье 90-ых г.г. (Из воспоминаний рабочего). С предисловием С. Мицкевича. „П. Р“ — 1923, 18 — 19, стр. 62—95.

342. **Петров, А. К.** Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. (Из воспоминаний рабочего) [1898 — 1904 г.]. „П. Р“—1923, 22, стр. 29—60.

343. **Петров, А. К.** Первые с.-д. рабочие кружки в Казани. (Из воспоминаний рабочего). „П. Р“—1923, 14, стр. 585—595.

344. **Петрова, М.** Московский комитет в 1917 году. „П. к. О.—1923, 1, стр. 158—163“.

345. **Петухов, Ив.** Мои краткие отрывочные воспоминания о личных переживаниях и о прохождении суровой школы жизни. Как я стал социалдемократом-большевиком и последователем революционного марксизма. „П. к. О.— 1923, 3, стр. 51—77“.

346. **Печак, К.** Социал-демократия Латвии. (Комм. партия Латвии) в период с 1909 по 1915 г.г. (Воспоминания). „П. Р“—1922, 12, стр. 62—85.

347. **Пинкевич, А.** Из истории партийной работы на Дону. [1907 г.]. К. Л.— 1923—123, 133“.

348. **Пирейко, А. М.** Еще о Г. Усиевиче. [Поправка к ст. Л. Германова. „Материалы к биографии Г. А. Усиевича“ — „П. Р“ — 6]. „П. Р“—1923, 17, стр. 392.

349. **Пирейко, А.** Партийная работа во 2-м городском районе Петербурга (1905—1910 г.г.). (По личным воспоминаниям). „П. Р“—1923, 16; стр. 149—158.

350. **Письмо о гибели И. Дубровинского.** (К ст. В. Андреева о Дубровинском). Сообщ. Кирилов, С. „К. Л. — 1923, 8, стр. 270—274“.

351. **Плеханов, Г. В.** см. Дейч, Л. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам.

352. **Плеханов. Г. В.,** см. Дейч Л. Г. О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич.

353. **Плеханов, Г. В.**, см. К возникновению группы „Освобождение труда“. (По материалам из архива Г. В. Плеханова).

354. **Плеханов, Г. В.** см. Козьмин, Б. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.

355. **Плеханов, Г. В.** О былом и небылицах (из литературного наследства Г. В. Плеханова с дополнениями Л. Дейча). „П. Р“—1923, 15, стр. 29—44.

356. **Плеханов, Г. В.** О чем спор [Спор о судьбах русской общины]. „К и Сс —1923, 7, стр. 46—53“.

357. **Плеханов, Г.** Революционное движение 70-х годов. Конспект. „К. и Сс.— 1923, 7 стр. 37—39“.

358. **Плеханов, Г. В.** Революционное движение 70 г.г. (Из архива Г. В. Плеханова). С предисловием Л. Дейча. „П. Р“—1923, 17, стр. 372—375.

359. **Плеханов, Г. В.** см. Семашко, Н. О детских годах Г. В. Плеханова.

360 **Плеханов Г. В.** см. Федорченко, Л. (Н. Чаров). (Из воспоминаний 1902—1904 г.г.).

361. **Полетаев, Н.** У колыбели „Звезды“ и „Правды“ (1910 г.). „П. Р“— 1923, 16, стр. 3—6.

362. **Политоров.** К истории Окружки (Моск. Окружной орган.). „П. к. О.— 1923, 2, стр. 28—33“.

363. **Полонская-Ошанина, М. Н.**, см. К возникновению группы „Освобождение труда“. (По материалам из архива Г. В. Плеханова).

364. **Попов, А. (Н. Воробьев).** Страничка воспоминаний о работе в „Междурайонке“ [1913—1917]. С предисловием А. Шляпникова. „П. Р“—1923, 22, стр. 95—111.

365. **Попов, М.** Как организовалась комячейка Р.К.П. в паровозных мастерских Моск.-Казанской ж. д. в Москве. (Краткая история). „П. к. О.—1923, 3, стр. 134—138“.

366. **Попова, Е. (Анна Петровна).** Полтора года в Окружке. (Воспоминания 1905 — 1907). „П. к. О. — 1923, 3, стр. 181—203“.

367. **Поправка.** [К заметке Беленького. „По поводу воспоминаний Н. Шмуйловича“. „П. Р“ — 1923, 15]. „П. Р“ — 1923, 16, стр. 354.

368. **По Российской с.-д. рабочей партии по гор. Москве** (жандармский обзор за 1914 — 1915 г.). „П. к. О. — 1923, 1, стр. 257—264“.

369. **Программа занятий в кружках в Московской организации Р.С.Д.Р.П.(б.). в 1904 г.** „П. к. О.—1923,1, стр 265—281“.

370. **Прокламация коллектива демократического студенчества всех высших учебных заведений г. Саратова.** (С предисловием С. Мицкевича). „П. Р“—1923, 16, стр. 255—261.

371. **Против забастовок на заводах морского ведомства.** Журналы (секретные) заседаний Совета по управлению заводами морского ведомства. Сообщил А. Л. Блек. „Арх. ист. труда в России, 1921, 1, стр. 113—115“.

372. **Пятницкий, О.** Еще о заметке „Деда“. [Из воспоминаний о Н. Э. Баумане“ — „П. Р“ — 1923, 15]. „П. Р“ — 1923,20, стр. 270—273.

373. **Рабочее движение в Москве в 1914 —1917 г.г.** (Неизданные архивные материалы со вступительной статьей К. Воиновой). „П. Р“—1923, 14, стр. 469—551.

374. **Рабочие уезды,** см. Антипов. Горшков. Бунш. Матвеев. Меритеев. Дворцов. Смирнова. Балабаев. Буланов. Полевой. Демидов.

375. **Равелин, Г. («Генрих Иванов»).** Из воспоминаний рядового партийного работника (1904—1922 г.г.). „К. Л.— 1923, 9, стр. 58 – 62“.

376. **Рымкевич, А.** Из минувших дней. (Из воспоминаний наборщика с 1910— 1912 г.г.). „К. Л.—1923, 9, стр. 119 – 124“.

377. **Рябинин, А.** К истории марксистского журнала „Просвещение“. (Последний июльский номер 1914 года). „П. Р“—1923, 14, стр. 399—400.

378. **С.** Студенческие годы т. Степана Шаумьяна [1898--1902 г.г.]. (К пятилетию со дня его смерти). [С. Шаумьян был одним из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных 20 сентября 1918 года]. „П. Р“—1923, 21, стр. 5—10.

379. **Савельев, М.** „Просвещение“ (Марксистский журнал) [О возникновении журнала и его существовании. 1911—1914 г.г.]. „П Р“—1923, 14, стр. 386—398.

380. **Святловский, В.** Друзья и враги профессионального движения. „К. Л.— 1923, 8, стр. 183—219“.

381. **Святловский, В. В.** Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. „Арх. ист. труда —1922, 4, стр. 32—46“.

382. **Святловский, В. В.** Первые конференции и с'езды профессиональных союзов (1905 – 1907 г.г.). „Арх. ист. труда—1923, 9, стр. 3—13“.

383. **Семашко, Н.** О детских годах Г. В. Плеханова. „К. и Сс.—1923, 7, стр. 31—36“.

384. **Семашко, Н.** Партийная школа под Парижем (1911 г.). „П. Р“—1923, 14 стр. 605—607.

385. **Сергиевский, Н.** О кружке Точиского. [Одна из ранних марксистских организаций]. „К. Л.—1923, 7, стр. 340—343“.

386. **Сергиевский. Н.** Федосеевский кружок 1883—1889 г.г. К. Л.—1923,7, стр. 285—321, К. Л.—1923, 9, 169—176“.

387. **Серпуховская организация,** см. Муралов. Н. Ив. Муралов. Ал. Ив. Бурдуков. Смирнов. В. Лапшин. Лисенков. Калугин. Смирнов, Н.

388. **Смирнов, И.** Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19-го века. „Арх. ист. труд.—1922, 5, стр. 15 - 19“.

389. **Славский, Ал., Брегман, Л., Катичев, А., Черницкий, А.** Памяти павших в борьбе за коммунизм. I. Павшие в боях с белыми. II Павшие на посту от руки бандитов. III. Погибший в тюрьме. „К. Л.—1923, 8, стр. 286 –296“.

390. **Смирнов, В.** Воспоминания о начале Серпуховской организации. „П. к. О.—1923, 2, стр. 247—250“.

391. **Смирнов, П. В.** Воспоминания. [1892 — 1906]. „П. к. О. — 1923, 2, стр. 267—268“.

392. **Смирнова.** Из истории Наро-Фоминской партии коммунистов. „П. к. О.—1923, 2, стр. 323—326“.

393. **Соколов. В.** „Наша учеба“. [С.-д. кружок 1906 г.], „П. к. О.—1923, 3, стр. 165—168“.

394. **Сочилов.** История коммунистов-большевиков Верейского уезда, Москов. губ. „П. к. О.—1923, 2, стр. 343—345“.

395. **Станчинский, А.** К двадцатилетнему юбилею демонстрации в Ростове н/Д (2/15 марта 1903 г.). „П. Р“—1923, 14, стр. 196—215.

396. **Станчинский. А.** Социал-демократическое подполье в Саратове и журнал „Саратовский Рабочий“ в 1899 г. (По воспоминаниям и документальным данным). „П. Р“—1923, 14, стр. 87—107.

397. **Стеклов, Ю.**, см. Батурин, Н. Группа „Борьба“. (По поводу воспоминаний тов. Стеклова).

398. **Степани, А. М.** Замечания к ст. А. К Петрова. („Первые соц.-демократические кружки в Казани“). „П. Р“— 1923, 14, стр. 596—597.

399. **Стопани, А. М.** На заре социал-демократии в Казани. (Из воспоминаний). „П. Р"—1923, 14, стр. 579—585.

400. **Стопани, А.** Первые шаги с.-д. работы в Ярославской губ. „П. Р.— 1923 16, стр. 335—339.

401. **Стратен, В.** Несколько поправок [из писем в редакцию. Поправки к статьям В. Стратена: „Николаевский южно-русский рабочий союз" (1897 г.); „к истории рабочего движения на юге России" и к статье В. И. Невского: „Ответ моему критику" — „П. Р" — 1922, 9]. „П. Р"—1922,12, стр. 347 - 348.

402. **Стратен, В.** [Поправка к статье В. Стратена „К истории рабочего движения на юге России"—„П. Р"—1922,9]. „П. Р"—1922, 12, стр. 347 - 348.

403. **Стратен, В.** [Поправка к статье В. Стратена „Николаевский южно-русский рабочий союз" (1897 г.) - „П. Р" — 1922,9]. „П. Р"—1922,12, стр. 347—348.

404. **Стратен, В.** (Поправка к статье В. И. Невского „Ответ моему критику" —„П. Р"—1922, 9]. „П. Р"—1922,12 стр. 347—348.

405. **Стучка, П.** Из прошлого коммунистической партии Латвии. (Отрывки личных воспоминаний). [I. Третий или объединительный съезд (1906 г.). II. 3 кита: ячейка, конспирация, „Циня". III. Моя „Парламентская карьера"]. „П. Р"—1922, 12, стр. 54—61.

406. **Судебный процесс петербургских с.-д. большевиков в 1908 г.** К статье Г. Равелина „Из воспоминаний рабочего в 1904—1922 г.г.". „К. Л.—1923, 9, стр. 189—196". (См. ст. „Из воспоминаний партийного раб." Г. Равелина).

407. **Сулимов.** Воспоминания обуховца (1900 — 1903 г.). „П. Р" — 1922, 12, стр. 145—169.

408. **Телетикова.** Воспоминания о подпольной работе в Коломне. [1903—1905[. „П. к. О.—1923, 3, стр. 327—330".

409. **Точиский, П.** см. Брейтфус, А. Точиский и его кружок.

410. **Точиский, П.** см. Сергиевский, Н. О кружке Точиского.

411. **Третий вечер воспоминаний о Московской Окружке 18 февраля 1923 г.** [1905, 1906, 1907 г.г.]. „П. к. О.—1923, 2, стр. 179—224".

412. **Тростников.** О Волоколамском уезде [1905—1916 г.г.]. „П. к. О.—1923, 2, стр. 354—356".

413. **1912 — 1913.** I. Доклад о современном положении Р.С.-Д.Р.П. II. Письмо из Кракова к тов. Подвойскому. Сообщил Р. Максаков. „П. Р" — 1923, 14, стр. 435—453.

414. **Усагин, А. (А. Гин).** Большевистская печать в Москве в эпоху „Звезды" и „Правды". „П. Р"—1923, 14, стр. 401—417.

415. **Усиевич, Г. А.** см. Канатчиков, С. И. Еще о Г. Усиевиче.

416. **Усиевич, Г.** см. Пирейко, А. М. Еще о Г. Усиевиче.

417. **Фарфоровский, С. В.** Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре. (Волнения рабочих в 1872 г.). „Арх. ист. труда—1921, 2, стр. 8—14".

418. **Федорченко, Л. (Н. Чаров).** Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний (1902—1904 г.г.). „К. и Сс. — 1923, 7, стр. 21—32".

419. **Фибих, Ф.** Памяти Давида Менина. (Лики отошедших. Материалы к биографическому словарю). „К. и Сс. — 1923, 5, стр. 242—243".

420. **Флеер, М.** „Правда" — орган Ц. К-та и Пет. К-та Р.С.-Д.Р.П. большевиков. Март-октябрь 1917 г. [„Библиографическое описание"]. „К. Л. — 1923, 9, стр. 219—243".

421. **Фокин, В.** Мои воспоминания о партийной работе за 1915—1917 г. „П. к. О.—1923, 3, стр. 131—133".

422. **Фокин, Вас.** Из жизни одного кружка Московской организации. „П. к. О.- 1923, 3; стр. 161—162".

423. **Хлебцевич, Е.** Памяти А. Л. Бурбиса. (Лики отошедших). „К. и Сс.— 1923, 5, стр. 249—250".

424. **Хонявко, И. П.** В подполье и в эмиграции (1911 — 1917 г.г.). „П. Р" — 1923, 16, стр. 159—175.

425. **Черницкий, А.** См. Славский, А. Бретман, Л. Катичев, А. Черницкий, А. Памяти павших в борьбе за коммунизм. I. Павшие в боях с белыми. II. Павшие на посту от руки бандитов. III. Погибший в тюрьме.

426. **Черномордик, С. (П. Ларионов).** Выборы делегатов на 2-й с'езд Р.С.-Д.Р.П. от московской организации. [1903 г.]. „П. Р"—1923, 14, стр. 601—605.

427. **Черномордик, С. (П. Ларионов).** Двадцать лет тому назад. (Отрывки воспоминаний). „П. к. О." — 1923, 3, стр. 44—50".

428. **Ш. А.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Запрещение праздновать первое мая. „Арх ист. труд. — 1922, 3, стр. 155—156".

429. **Шанцер, В.** см. М. Б. Дерптская группа марксистов 1894 — 1896 г.г. и В. Шанцер.

430. **Шаумьян, С.** см. С. Студенческие годы т. Степана Шаумьяна. (К пятигетию со дня его смерти).

431. **Шевков.** От 1905 года к февральской революции. „П. к. О.—1923, 1, стр. 101—112".

432. **Шестаков, А. В. (Никодим).** В цикле 25 лет. 1898. Первые шаги. Весна революции. Положение рабочих масс. Строительство парт. организации. Работники Моск. К-та. В районах. Накануне восстания. На гребне волны. После декабрьского восстания. Большевики профессионалисты. 2-я Государственная Дума. В годы великой Революции наших дней. „П. к. О.—1923, стр. 5—43".

433. **Шестаков, А. (т. «Никодим»).** Начало Московской „Окружки" (Воспоминания). В Окружном районе. Окружной к-т. На местах. Послесловие. „П. к. О.— 1923, 2, стр. 59 - 77".

434. **Шляпников, А.** см. Попов, А. (Н. Воробьев). Страничка воспоминаний о работе в „Междурайонке" с предисловием А. Шляпникова.

435. **Шляпников, А.** Социал-демократия и война (1914—1917). [Развал II интернационала. — Подполье и война. — Циммервальд и Кинталь. — Февральская революция и война]. Приложения № 1—7. [Материалы и документы]. „П. Р"—1923, 15, стр. 178—195, 272—298.

436. **Шмуйлович, Н.** См. Беленький, Е. [Сергей). По поводу воспоминаний Н. Шмуйловича.

437. **Щеглов.** Воспоминания о моей первой нелегальной работе в с.-д. партии большевиков. [1902 — 1905]. „П. к. О.—1923, 3, стр. 163—164".

438. **Зайдельман, Б.** Несколько замечаний по поводу статьи А. Кремера „Основание Бунда"—„П. Р"—1922,11]. Письма в редакцию. „П. Р" — 1923, 13, стр. 393—394.

439. **Зайдельман, Б.** Несколько замечаний по поводу воспоминаний А. В. Луначарского в книге „Великий переворот". [Из писем в редакцию]. „П, Р"— 1923, 14, стр. 615—617.

440. **Юренев, И.** Двинск (1904 — 1906 год.) „П. Р"—1922, 12, стр. 127—144.

441. **Юренев, И.** Двинск (1907—1908 г.г.) „П. Р"—1923, 15, стр. 205—226.

442. **Я.** Памяти Фельдмана. „К. и Сс. 1923, 7 стр. 251—252". (Лики отошедших).

443. **Я.** Товарищ Золотарев. „К. и Сс. — 1923, 7, стр. 253. (Лики отошедших.

444. **Яковлева, В.** Партийная работа в Московской области в период февраль-октябрь 1917 г. „П. Р" — 1923, 15, стр. 196—204.

445. **Ярославский, Е.** Первая рабочая организация в Забайкалье. [1898 г.]. „П. Р"—1923, 16, стр. 344—346.

11. Социалисты-революционеры.

446. **Ананьев, П. М.** см. И. Е. Памяти П. М. Ананьева. (Лики отошедших).

447. **Витязев, П.** Памяти Н. Д. Шишмарева. Из воспоминаний. „К. и Сс.— 1923, 6, стр. 249 — 259". (Лики отошедших).

448. **И. Е.** Памяти П. М. Ананьева (Лики отошедших. Материалы к биографическому словарю). „К. и Сс.— 1923, 5; стр. 237—240".

449. **Исакович, М.** Еще о Н. Д. Шишмареве. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 259—262". (Лики отошедших).

450. **Калюстов, С.** За товарищей. (Памяти Н. Шишмарева). „К. и Сс.— 1923, 6; стр. 262 — 263". (Лики отошедших).

451. **Мицкевич, С.** Зарождение эс-эровской партии (По поводу книги В. Чернова: „Записки социалиста-революционера, книга I-я. Издательство Гржебина. Берлин—Петербург—Москва. 1922 д."). „П. Р"—1922, 12; стр. 197—212.

452. **Мицкевич, С.** Поправка к ст. С. Мицкевича в № 12 „Пролетарской революции". [Зарождение эс-эровской партии"]. Из писем в редакцию. „П. Р"—1923, 13; стр. 394.

453. **Надельштейн, Д.** Страничка о Е. Сазонове. (Из тюремных документов). [Телеграммы Департамента Полиции к нач. Нерчинской каторги и обратно, о розыске Сазонова]. „К и Сс.—1923, 6; стр. 137—140".

454. **Сазонов, Е. С.** См. Ш. А. Ег. С. Сазонов в бреду.

455. **Чернов, В. М.** См. Мицкевич, С. Зарождение эс-эровской партии.

456. **Черномордик, С. (П. Ларионов).** В чужом пиру похмелье. [Воспоминания с.-д. (б.) 1906 г.]. „П. к. О.—1923, 1; стр. 126—129".

457. **Ш. А.** Ег. С. Сазонов в бреду. [Сазонов—с.-р. в 1904 г., убивший мин. внутр. дел Плеве]. „Музей Революции"—1923, сб. 1 стр. 59—61.

12. Крестьянское движение.

458. **Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века.** Сообщил В. Колпенский. „Арх. ист. труд.—1921, 2".

459. **Коц, Ел.** Волнения крепостных в Николаевскую эпоху. „Р. П"—1923, 2; стр. 74—88.

460. **Лемке, Мих.** Крестьянские волнения 1855 года. (По неизданным материалам). Таращанский агитатор И. И. Розенталь. Ветлужский агитатор Л. И. Каменский. „К. Л."—1923, 7; стр. 131—177.

461. **Ромэс, Е.** Первая деревенская газета в Москве и настроение деревни. (От 4 окт. 1917 г. по 24 мар. 1918 г.). П. к. О.—1923, 1; стр. 164—174".

462. **Цызырев, Ив.** Преддверье аграрной революции 1905 г. Опыт характеристики аграрного движения 1902 г. „Архив. ист. труд.—1923, 9; стр. 99—124".

463. **Шебалов, А.** К истории крестьянских беспорядков 1905 г. „Арх. ист. труд.—1923, 6—7".

13. Движение в армии и флоте.

464. **Дзюбинский, В.** Революционное движение в войсках во время мировой войны. I. Настроение армии перед Февральской революцией. II. К материалам по истории разложения русской армии в мировую войну. III. Ген. Алексеев и общественные организации. „К. Арх.—1923, 4; стр. 417—424". (Из записной книжки архивиста)

465. **Заславский, Д.** Темное дело. [Провокаторский взрыв и расстрел невинных матросов на Крейсере „Аскольд" во время его стоянки в Тулоне]. „В.—1923, 22; стр. 185—204".

14. Движение среди интеллигенции.

466. **Заславский, Д.** Предрассветное. [Студенческое движение в Киеве 1902 г]. „Р. Пр.—1923, 4; стр. 69—81".

467. **Колпенский, В. В.** М. Е. Салтыков-Щедрин и „Общестуденческий Союз". [Москов. союз 1883 г. „общества издателей и переводчиков" для издания запрещенных сочинений и „кружков саморазвития" учащихся В. У. З.]. „Р Пр.—1923, 4; стр. 117—122".

468. **Салтыков-Щедрин, М. Е.** См. Колпенский В В М. Е. Салтыков-Щедрин и „Общестуденческий Союз".

469. **Шатилова, Т.** Отклики японской войны в высшей школе. Р. Пр.—1923, 4; стр. 154—158.

1905 год.

470. **А. П. (Анна Петровна)** Издали. (Из воспоминаний о 1905 г.). „П к. О.—1923, 1; стр. 46—48".

471. **Бухбиндер, Н.** Еврейское рабочее движение в 1905 г. 1 мая. По неизданным архивным материалам. 4 приложения. „К. Л.—1923, 7; стр. 7—22".

472. **Волынкин, Р.** Воспоминания рабочего-текстильщика о восстании в декабре 1905 года в Москве. „П. к. О.—1922, 1; стр. 49—53".

473. **Гейман, В.** Сумасшедший генерал-губернатор. (Быль). [А. А. Герцык, прославившийся своей „усмирительной" политикой в 1905—1906 г. в Крыму]. „Г. М.—1923, 2; стр. 35—38".

474. **Дауге, П.** Декабрь 1905 года в центре Москвы. (Страничка из личных воспоминаний). „П. к. О.—1923, 1; стр. 28—33".

475. **Демидова, С. И.** Из воспоминаний С. И Демидовой. I. Ходынка. II. 1905 г. „Г. М.—1923, 1; стр. 161—174".

476. **Дробот, В.** Севастопольское восстание 1905 г. „П Р"—1923, 18—19; стр. 109—163; 22 стр. 61—94.

477. **Залкинд, С. («Фаддей»).** Воспоминания об Урале (1903—1903 г.г.). „П. Р"—1923,16; стр. 117—142.

478. **Кон, Ф.** О Московском восстании [в декабре 1905 г.]. „П. Р"—1922, 12; стр. 320—326.

479. **Корзинов.** Московские рабочие в 1905 г. „П. к. О.—1923, 1; стр. 34—38".

480. **Крамаров, Г.** Декабрьское восстание в Ростове н/Д. 19 5 год. Посвящается Коммунистическому Союзу Молодежи. „П. Р"—1923, 14; стр 310—325.

481. **Крамаров, Г.** [Поправки к статье „Декабрьское восстание в Ростове-на-Дону, в 1905 году" Г. Крамарова.—„П. Р"—1923, 14; 4] Из писем в редакцию. „П. Р." 1923 г., 15; стр. 367—368.

482. **Кродер, Я.** К обвинительному акту по моему делу. [По делу вооруженного восстания в Рижском уезде в ноябре 1905 года]. „П. Р"—1922, 12; стр. 251—255.

483. **Леви, Е.** Картинки из 1905 года. I. Октябрь. II. Декабрь. „П. к. О.—1923, 1; стр. 54—59".

484. **Лисенков.** 1905 в Серпухове. „П. к. О.—1923, 2; стр. 262—265".

485. **Лукин. А.** Участник восстания 1905 года. Воспоминания о восстании 1905 г. „П. к. О.—1923, 1; стр. 20—24".

486. **Марцинковский, А.** Воспоминания о 1905 г. в г. Риге. „П. Р"—1923, 12; стр 326—330.

487. **Материалы для характеристики контр-революции 1905 г.** (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским]. [С вступит. ст. и примечаниями Ш. Левина]. „Б. 1923. 21; стр. 156—186".

488. **Миронович, М.** Чем был декабрь 1905 г. „П. к. О.—1923, 1; стр. 25—2.".

489. **Невский, В.** К истории манифеста 17 октября. „К. Арх.—1923, 4; стр. 411—417".(Из записной книжки архивиста).

490. **Невский, В. И.** Новороссийская республика 1905 г. (По архивным материалам). Приложение: материалы о Новороссийской республике 1905 года. №№ 1—12. С предисловием В. Невского. „П. Р"—1923, 23; стр. 12—41; 171—225.

491. **Невский, В.** Январские дни 1905 г. в Екатеринославе и Донецком бассейне. (По архивным документам). „П. Р"—1923, 15; стр. 45—65.

492. **Обвинительный акт по делу о крестьянах Яне Кродер и других, в числе 63 человек, обвиняемых в вооруженном восстании в Рижском уезде, преданных ер. военному суду в г. Риге временным прибалтийским генерал-губернатором на основании ст. 17 и 18 полож. о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.** [Из истории революционного движения в Латвии в 1905 г.]. „П.Р"—1922, 12; стр 256—286.

493 **Перес, Б.** К истории Петербургского 2-го Совета Рабочих Депутатов. (Из воспоминаний) [1905—1906 г.г.]. „П. Р"—1923, 16; стр. 112—116.

494. **Полевой.** 1905 год в Клинском районе (Московской губ.). „П. к. О.—1923, 2; стр. 332—333".

495. **Прокопович, Н.** Софья Германовна Хренкова. (Из архива В. Н. Фигнер). „К. и Сс.—1923, 6; стр. 287—294". (Лики отошедших).

496. **Сверчков, Дм.** Родословная Петербургского Совета Рабочих Депутатов. „К. Л.—1923, 9; стр. 45—53".

497. **Семашко, Н.** Страничка из истории революционного движения в Нижнем. (Октябрь-декабрь 1905 г.). „К. и Сс.—1923, 6; стр. 53—54".

498. **Соколовская, А.** Несколько строчек воспоминаний. [1904—1905 г.г]. „К. Л.—1923, 7; стр. 23—29".

499. **Стучка, П.** Примечание к „Обвинительному акту по делу о крестьянах Яне Кродере и других... „П. Р"—1922. 12 стр 287—288.

500. **Ушаков, М.** Воспоминание о беседе с Великим князем (Н. Н.) 15-го октября 1905 г. 1) Почему произошло свидание? 2) Как и где? 3) Что говорили? [К ст. „К истории манифеста 17 октября"]. „К. Арх.—1923, 4, стр. 413—417". (Из записной книжки архивиста).

501. **Черномордик, С. (П. Ларионов).** „Декабрь" „П. к. О.—1923, 1; стр. 5—9".

502. **Шванебах.** Записки Шванебаха. Июнь 1906 г. [Один из министров Николая II. См. „Г. М.—1918, 1—3]. „Г. М.—1923, 2; стр. 39—42".

503. **Шестаков, А. В. (Никодим).** В пламени революции. „П. к. О.—1923, 1; стр. 10—19".

504. **Шибаев и Титов.** На Казанской жел. дор. „П. к. О.—1923, 1; стр.41—45".

505. **Шляпников, Як.** Воспоминания прошлого. [1905—1906]. „П. к. О.—1923, 3; стр. 139—145".

506. **Шутов.** Вечер воспоминаний (события 1905—1906 г.г.), состоявшийся 7/II—23, в Орехово-Зуеве. „П. к. О.—1923, 3; стр. 262—286".

507. **Юровская, В.** Старая работница о восстании. „П. к. О.—1923, 1; стр. 39—40".

508. **Янсин, И. (Браун).** Латвия в первой половине 1905 года. (Третий отдел первого тома нелегального издания работы И. Янсона (Брауна). „Революция в Прибалтике". Перевод с латышского П. Свириса. „П. Р"—1922, 12; стр. 1—53.

16. Революция 1917 г. и Гражданская война.

509. **Авдеев, Н.** См. Партизанщина в Тобольской губ. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке). С предисловием С. Пионтковского и Н. Авдеева.

510. **Авдеев, Н.** Первые дни Февральской революции. (Хроника событий). „П. Р“—1923, 13; стр. 3—49.

511. **Аллилуев, С.** Как скрывались тов. Ленин и тов. Зиновьев в июльские дни 1917 года. (Из воспоминаний). „К. Л.—1923, 9; стр. 13—17“.

512. **Ангаретис, З.** Как в типографии реакционеров печаталось большевистское воззвание (1917 г. Июль в Петрограде). „П. Р“—1923, 17; стр. 375—376.

513. **Арбузова, А.** Октябрь 1917 г. на петроградском трубочном заводе. (Из воспоминаний). „К. Л.—1923, 6; стр. 175—177“.

514. **Аросев, А.** К „протокольным страницам борьбы с большевиками“. [Предисловие к документам „протокольные страницы борьбы Керенского с большевиками“ (Тверь). „П. Р“—1923, 17]. „П. Р“—1923, 17; стр. 289—291.

515. **Балкун, Ф.** Интервенция в Одессе (1918—1919 г.г.). [Гетманский австро-германский период. Период Петлюры.—Французский белогвардейский период]. „П. Р“—1923. 18—19; стр. 196—221.

516. **Богданов-Хорошев.** См. „Союз защиты родины и свободы“ и Ярославский мятеж 1918 г.

517. **Бош, Е.** Октябрьские дни в Киевской области. Киев.—Винница.—Жмеринка.—2-й гвардейский корпус. „П. Р“—1923, 23; стр. 52—67.

518. **Бузин, Д. С. (Бич).** Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура. 1919—1920 г.г. Со ст. (вместо предисловия). Сомова О. „Р. н. Д. В.—1923, 1; стр. 7—63“.

519. **Бунш.** Октябрьские дни в Подольской организации. „П. к. О.—1923, 2; стр. 281—287“.

520. **Бухбиндер, Н. А.** На фронте в предоктябрьские дни. По секретным материалам ставки. Приложения: 1) Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке. 2) Доклад ген. Деникина в заседании главнокомандующих с членами Временного Правительства 16-го июля 1917 г. „К. Л.—1923, 6; стр. 9—63“.

521. **Бухбиндер, Н.** Студенческая организация при Пет. Ком. Р.С.-Д.Р.П.(б.). „К. Л“—1923, 6; стр. 293—301“.

522. **В дни октября 1917 г. на электрической станции О-ва 1886 г.** (Ныне 1-ой Государственной электр. станции). Ст: Катомина, Х. Афанасьева, Вихорева, Тихомирова, Аллилуева, Дегтярова. „К. Л.—1923, 6; стр. 320—332“.

523. **Вейгер-Редемейстер, В. А.** С Керенским в Гатчине [1917 г.]. „П. Р“—1923, 21; стр. 79—95.

524. **Виндзберг.** 1-ый Московский революционный добровольческий отряд по борьбе с контр-революц. „П. к. О.—1923, 3; стр. 116—124“.

525. **Владимирова, В.** Июльские дни 1917 года. „П. Р“—1923, 17; стр. 3—52.

526. **Владимирский, М.** Московские районные думы и совет районных дум в 1917—1918 г.г. „П. Р“—1923, 20; стр. 79—94.

527. **Волковйчер, И.** К истории покушения на Ленина. (Неопубликованные материалы). „П. Р“—1923, 18—19, стр. 271—285.

528. **Глезер, Д.** На фронте в 1917 г. (Из воспоминаний). „К. Л.—1923, 6; стр. 202—206“.

529. **Гоженский, Ив.** Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке. [1915—1921]. „Р. н. Д. В.—1923, 1; стр. 359—374“.

530. **Граф, Т.** Об октябрьской революции. (Из личных воспоминаний). „К. Л.—1923, 6; стр. 164—169“

531. **Грибаков, А.** См. Раскольников, Ф. Мемуарные больности.

532. **Гутман, М.** Под властью анархистов. (Екатеринослав в 1919 году). „Р. Пр.—1923, 5; стр. 61—68“.

533. **Давыдовский.** 1-я артиллерийская бригада в октябре. (Воспоминания). „П. Р“—1923, 21; стр 96—139.

534. **Дегтярев, С.** Октябрь румынского фронта. (По личным воспоминаниям). I. Корниловские дни в IV сибирском корпусе. II. Накануне Октября. III. „Октябрь“ 4-го Сибирского корпуса. IV. Армейское совещание в Галаце. V. Подготовка ко 2-му армейскому с'езду. VI. Фронтовое совещание в штабе Духонина. VII. 2-ой армейский с'езд 6-й армии. VIII. Декабрь 1917 года. IX. Колебания арм. кома 6. X. На поклон к королю. XI. „До прямого дріту“. XII. Наш настоящий Октябрь. XIII. Трагедия 4-го Сибирского корпуса XIV. Отступление. XV. Командарм без армии и без сапог. XVI. Румынская „революция“. XVII. Октябрь румынского фронта. „К. Л.—1923, 6; стр. 207—278“.

535. **Демидов, Вл.** Мастерские тяжелой осадной артиллерии в Октябрьские дни. „П. к. О.—1923, 1; стр. 192—198“.

536. **Елов, Б.** После июльских событий. (Экстренная июльская Конференция Р.С.-Д.Р.П. (б-ков) Питерской организации). Замечания Невского. „К. Л.—1923, 7; стр. 95—130“.

537. **Жмиевский, А.** Воспоминание об октябрьских днях 1917 г. в армии. „К. Л.—1923, 6; стр. 183—184“.

538. **Жохов.** История организации Советской власти в Верейском уезде, 1-й Верейский уездный с'езд Советов. Кулацкое восстание в Верейском уезде 11—14 ноября 1918 года „П. к. О.—1923, 2; стр. 345—352“.

539. **Зайцев, И.** Накануне октября. „К. Л.—1923, 6; стр. 308—312“.

540. **Залежский, В. Н.** Гельсингфорс весной и летом 1917 г. „П. Р“—1923, 17; стр. 117—189.

541. **Залежский, В. Н.** Первый легальный Пе-ка [1917 г. Организация Пе-ка, его работа, встреча Ленина]. „П. Р“—1923, 13; стр. 135—156.

542. **Иванов, А.** Октябрь в провинции. Заметки участника). „К. Л.—1923, 6; стр. 287—292“.

543. **Ивачов, С.** Крестьянство и „Октябрь“. (Из личных воспоминаний о настроении крестьян в Ельнин. уезде, Смоленской губерн., февральской революции до октябрьского переворота с после-октябрьских дней). „К. Л.—1923, 6; стр. 281—286“.

544. **Игнатьев, А.** В ночь на 25 октября 1917 г. (Из воспоминаний солдата). „К Л.—1923, 6; стр. 313—314“.

545. **Из архивных материалов об июльских днях 1917 года.** 1. В кронштадтском исполкоме Совета. 2. Выступление пулеметчиков. 3. Обыск у Ленина. 4. Привлечение Ф. Раскольникова к суду. 5. Пред'явление следствия обвиняемым. „П. Р“—1923, 17; стр. 271—285.

546. **Из истории Октябрьской революции в Москве.** [Материалы и документы]. Со вступительными замечаниями П. Смидовича. „П. Р“ — 1923, 21; стр. 218—226.

547. **Из протоколов П. К.** Заседание Петербургского Комитета 7 сентября 1917 года, 10 сентября, 24 сентября 1917 года, 29 октября, 2-го ноября, 8 ноября, 16-го ноября, 23-го ноября, 12 декабря, 28 декабря. „К. Л.—1923, 6; стр. 373—432“.

548. **Иогансон, Ольга.** Воспоминания красной сестры. [1918—1919 г.г.]. „Р. н. Д. В.—1923, 1; стр. 423—428“.

549. **Ирин, Т.** См Меркуловский переворот во Владивостоке.

550. **Иткин, А.** В управлении делами Совнаркома в октябре 1917 г. „К. Л.—1923, 6; стр. 162—163“.

551. **Как печаталась «Солдатская Правда»** [1917]. Протокол. „П. Р“—1923, 17; стр. 286—288.

552. **Кантышев, И.** Партизанщина в Алтайском округе (1919 г.). „П. Р“—1923,22; стр. 166—175.

553. **Карпов, В.** Казаки в Октябре. (Эпизод из времени октябрьских боев в Москве). „П. Р“—1923, 21; стр. 157—161.

554. **Каюров, В.** Рабочий завода „Эриксон“. Шесть дней февральской революции. „П. Р“—1923, 13; стр. 157—170.

555. **Керенский, А. Ф.** См. Вейгер-Редемейстер, В. А. С Керенским в Гатчине.

556. **Керенский, А. Ф.** См. Протокольные страницы борьбы Керенского с большевиками (Тверь).

557. **Книжник, Ив.** Октябрьская революция в Доме писателей. К истории российской интеллигенции. I. Дом писателей и его обитатели. II. Моя идеология в октябрьские дни. III. Споры с В. А Мукосеевым. IV. 24 и 25 октября. V. Мое сотрудничество в „Правде“. VI. Неудавшаяся революция в Доме писателей „К. Л.—1923, 6; стр. 188—201“.

558. **Коган-Бернштейн, М. Л.** См. Коган-Бернштейн, Ф. К истории расстрела М. Л. Коган-Бернштейна (Письмо в редакцию).

559. **Коган-Бернштейн, Ф. (Фани Арнгауз).** К истории расстрела М. Л. Коган-Бернштейна. (Письмо в редакцию). „П. Р“—1923, 20; стр. 267—270.

560. **Кокушкин, И.** Октябрьские дни в Серпухове. „П. к. О.—1923, 1; стр. 219—223“.

561. **Колосов, Евг.** Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н. В. Фомина). „Б.—1923, 21; стр. 250—297“.

562. **Колчак.** См. Партизанщина в Тобольской губ. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке). С предисловием С. Пионтковского и Н. Авдеева.

563. **Краковецкий, А.** См. Кубанская демократия и Англия. (Докладная записка кубанских демократов английским интервентам). С предисловием А. Краковецкого.

564. **Краморов, Г.** О делегации, прибывшей на заградитель „Амур" 25 октября 1917 г. [Из письма в редакцию. Поправка к статье Флеровского „Кронштадт в Октябрьской революции" — „П. Р" — 1922, 10]. „П. Р" — 1922, 12; стр. 348—349.

565. **Крымское правительство в дни унижения.** С вступит. ст. П. А. Журнал заседания совета министров крымского краевого правительства. 16 апреля 1919 года на судне „Надежда". „Р. Пр." — 1923, 5; стр. 69—76".

566. **Крюков, Ф. Д.** Воспоминания о взрыве в Московском К-те Р К.П. 25-го сентября 1919 года. „П. к. О.—1923, 3; стр. 146—147".

567. **Крюченков, В.** О составе Петросовета. IV (2 пол. 1919 г.), V (1 пол. 1920 г.), VI (2 пол. 1920 г.) и VII (1921 г. созывов). „К. Л.—1923, 6; стр. 371—372".

568. **Кубанская демократия и Англия.** (Докладная записка кубанских демократов английским интервентам). С предисловием А. Краковецкого. „П. Р"—1923, 20; стр. 222—235.

569. **Курков, П.** Крейсер, „Аврора". „К. Л.—1923, 6; стр. 359—361".

570. **Лацис.** Июльские дни в Петрограде [1917 г.]. (Из дневника агитатора). „П. Р"—1923, 17; стр. 102—116.

571. **Лацис.** Последняя нелегальная типография. „П. Р"—1923, стр. 235—238.

572. **Лебедев, Г.** Пять лет революционной борьбы на Якутском фронте. [1917 — 1922]. „Р. н. Д. В. — 1923, 1; стр 343—356".

573. **Левицкая, Е.** Страничка из дневника. [Моршанск. Тамбовской губ. в феврале 1917 г.]. „П. Р" — 1923, 13; стр. 256—258.

574. **Лелевич, Г.** Октябрь в белогвардейском описании. II. Р" — 1923, 21; стр. 31—78.

575. **Лелевич, Г.** Поправки [к статье Г. Лелевича. „Февраль в белогвардейском описании". — „П. Р" — 1923, 13]. „П. Р"—1923, 14; стр. 617.

576. **Лелевич, Г.** Февральская революция в белогвардейском описани. „П. Р"—1923, 13; стр. 187—219.

577. **Лемке, Мих.** „Они продержатся не больше 5—7 дней". (По дневнику). „К. Л.—1923, 6; стр. 170—174".

578. **Ленин, В. И.** См. Волкогичер, И. К истории покушения на Ленина. (Неопубликованные материалы).

579. **Ленин, В. И.** См. Из архивных материалов об июльских днях 1917 года. 1. В кронштадтском Исполкоме Совета. 2. Выступление пулеметчиков. 3. Обыск у Ленина. 4. Привлечение Ф. Раскольникова к суду. 5. Пред'явление следствия обвиняемым.

580. **Ленин, В. И.** Неизданные письма (1917 г.). „П. Р" — 1923, 21; стр. 227—232.

581. **Ленин, В.** См. Раскольников, Ф. Приезд тов. Ленина в Россию.

582. **Ленин.** Речь тов. Ленина на закрытом заседании Петроградского Комитета с.-д. большевиков 11-го июня 1917 г. „К. Л.—1923, 9; стр. 11—12".

583. **Лихачев, Г.** Октябрьская революция в г. Новгороде. (Из воспоминаний). „П. Р"—1923,21; стр. 162—167.

584. **Лукьяновская, А.** См. Меркуловский переворот во Владивостоке.

585. **Любимов, И.** Февраль на Западном фронте и Минский Совдеп. [Беглые воспоминания]. „П. Р" — 1923, 17; стр. 251—259.

586. **Мамаев, И.** К вопросу о хунхузническом движении на Дальнем востоке. [1919 — 1921]. „Р. н. Д. В. — 1923, 1; стр. 377—384".

587. **Маркелов, В.** Воспоминания из партизанского движения на Дальнем Востоке (1921—1922 г.). „Р. н. Д. В.— 1923, 1; стр. 413—419".

588. **Меркуловский переворот во Владивостоке.** 1) К истории меркуловского переворота 25 мая 1921 года во Владивостоке. 2) События 25 — 29 мая 1921 года в г. Никольско-Уссурийске.
Ирин, Т.
II. Картинки из времен Меркуловского правительства во Владивостоке.
Лукьяновская, А.
„Р. н. Д. В.—1923, 1; стр. 397—409".

589. **Метелев, А.** Февраль в Карсе. [Февраль 1917 года]. „П. Р" — 1923, 13; стр. 227—234.

590. **Миничев, А.** Боевые дни. (Из воспоминаний). „К. Л. — 1923, 9; стр. 5—10".

591. **Миритеев, И.** Октябрь борьбы и победы I. Осень. II. Ночь. III. Утро. „П. к. О.—1923, 1; стр. 185—191".

592. **Мировой.** Партийная организация и работа на Дальнем Востоке (1920—1921 г.г.). „Р. н. Д. В.—1923, 1; 305—325".

593. **Митревич, Ив.** От мая до октября 1917 г. „К. Л.—19 3, 6; стр. 349—355".

594. **Мосеева, А.** До и после октября в центральном и петербургском комитетах Р.С.-Д.Р.П. (большевиков). „К. Л.— 1923, 6; стр. 356—378".

595. **Партизанщина в Тобольской губ.** (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке). С предисловием С. Пионтковского и Н. Авдеева. „П. Р." — 1923, 20 стр. 156—221.

596. **Песковой, И.** Накануне октябрьского переворота. „К. Л. — 1923, 6; стр. 315—318".

597. **Перхуров.** См. „Союз защиты родины и свободы" и Ярославский мятеж 1918 г.

598. **Пионтковский, С.** См. Партизанщина в Тобольской губ. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке.) С предисловием С. Пионтковского и Н. Авдеева.

599 **Питерские рабочие об июльских днях.** 1. Путиловский завод. 2. Фабрика „Скороход". 3. Завод Речкина. 4. Завод Дюфлон. 5. Завод Эриксона. 6. Завод Парвиайнен. 7. Завод Русский Рено. 8. Завод Новый Лесснер и др. „К. Л.— 1923, 9; стр. 19—41".

600. **Погодин, Ив.** Об октябрьских днях. „К. Л.—1923, 9; стр. 42—44".

601 **Подвойский, Н.** Военная организация Ц.К.Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) и военно-революционный комитет. „К. Л.—1923, 6; стр. 64—97.
— — — 8; стр. 7—43.

602. **Попов, А. Л.** Из эпохи английской интервенции в Закавказьи. (По материалам архива б. Мин. Ин. Дел Азербайджанской Республики.) [1918—1919 г.г.]. „П. Р." — 1923, 18—19 стр. 222 — 274; 20; стр. 95 — 132; 21; стр. 185—217.

603. **Попов, А.** Революция в Баку. Очерк первый. Февраль — октябрь. 1917 г. „Б.—1923, 22; стр. 278—312.

604. **Приказ русским отрядам на территории Сосетской Сибири. № 15,1921 г.** [Приказ барона Унгерна]. „Р. н. Д. В.— 1923, 1; стр. 429—433".

605. **Протоколы общих собраний рабочих завода П. В. Барановского.** (За июнь—октябрь 1917 года). „К. Л. — 1923, 9; стр. 163—168".

606. **Протокольные страницы борьбы Керенского с большевиками.** (Тверь). Материалы и документы. „П. Р."—1923, 17; стр. 292—320.

607. **Пятницкий, О.** Викжель до, во время и после Октябрьских дней. „П. к. О.—1923, 1; стр. 175—180".

608. **Ракитов.** О красной гвардии. „К. Л.—1923, 6; стр. 185—187".

609. **Раскольников, Ф.** В июльские дни [1917 г.]. (Воспоминания). „П. Р."— 1923. 17; стр. 53—101.

610. **Раскольников Ф.** В тюрьме Керенского (1917 г.). „П. Р." — 1923, 22; стр. 133—165.

611. **Раскольников, Ф.** 20—21 апреля 1917 г.) „К. Л.—1923, 7; стр. 91—94".

612. **Раскольников, Ф.** См. Из архивных материалов об июльских днях 1917 года. 1. В кронштадтском Исполкоме Совета. 2. Выступление пулеметчиков. 3. Обыск у Ленина. 4. Привлечение Ф. Раскольникова к суду. 5. Пред'явление следствия обвиняемым.

613. **Раскольников, Ф.** Мемуарные вольности. [По поводу воспоминаний А. Грибакова „Кронштадтцы в Петрограде в июльские дни" - „Петрогр. Правда". 1922 г. № 158.] „П. Р." — 1923, 17; стр. 384—387.

614. **Раскольников, Ф.** Об июльских днях. [По поводу ст. Грибакова; краткое содержание дано тут же редакцией]. „К. Л.—1923, 8; стр. 256—259".

615. **Раскольников, Ф.** Приезд тов. Ленина в Россию [3 апреля 1917 года.] „П. Р"—1923, 13; стр. 220—226.

616. **Резников (Изгой).** Революционная хроника Забайкалья 1917 — 1918 г.г. „Р. н. Д. В.—1923, 3; стр. 283—302".

617. **Рейснер, Л.** Казань. (Лето и осень 1918 г.). [Чехо-словаки в Казани.] „П. Р"—1922, 12; стр. 180—196.

618. **Рейснер, Л.** Свияжск. (Август—сентябрь 1918 г.) „П. Р."—1923, 18—19; стр. 177—189.

619. **Рекстин, Ив. (Бродяга).** Из октябрьских дней 1917 г. в Петрограде. „К. Л.—1923, 6; стр. 362—366".

620. **Роль петроградского гарнизона в в Октябрьские дни.** (По донесениям комиссаров Военно-Революционного К-та.) Сообщил Елов, Б. „К. Л.— 1923, 6; стр. 98—134".

621. **Рубен.** В тисках меньшевистской „демократии" [1918 — 1920 г.г. в Грузии]. „П. Р."—1923, 20; стр. 133—155.

622. **Саратов.** Февраль на Шлиссельбургском пороховом заводе. „П. Р." — 1923, 13; стр. 239—242.

623. **Свешников, Н.** Из эпохи Октября 1917 г. „К. Л.—1923, 6; стр. 302—307".

624. **Серышев, Степан.** Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. Р. н. Д. В. — 1923, 1; стр. 67—128".

625. **Скоринко, Ив.** Воспоминание рабочего об Октябре 1917 года. I. Перед бурей. II. На фронте. III. За бронепоездом. „К. Л.—1923. 6; стр. 137—158".

626. **Славин, И.** Из истории контрреволюции в Белоруссии. [1918 года.] „П. Р."—1923, 18—19; стр. 190—195.

627. **Смидович, П. Г.** Выход из подполья в Москве. [Февраль 1917 г.] „П. Р."— 1923, 13; стр. 171—177.

628. **Смидович, П.** См. Из истории Октябрьской революции в Москве. Со вступительными замечаниями П. Смидовича.

629. **События в Государственном банке в дни октябрьской революции.** Ст.: Ткаченко, Шидловской, Лебедева, Ральцевича, Шидловского. „К. Л. — 1923, 6; стр. 333—348".

630. **„Солдатская Правда".** Как печаталась „Солдатская Правда". [1917 г.]. Протокол. „П. Р."—19-3, 17; стр. 286—288.

631. **„Союз защиты родины и свободы" и Ярославский мятеж 1918 г.** [I. Из показаний полковника Перхурова (руководителя Ярославского мятежа), данных суду Революц. Трибунала в 1922 г. в Ярославле. Сообщил Г. Мороз. II. Из показаний меньшевика Богданова-Хорошева (участника Ярославского восстания) суду Ревтрибунала 16 августа 1923 года. Сообщил А. Шуцкевер.] С предисловием А. Шуцкевер. „П. Р."—1923, 22; стр. 202—232.

632. **Стеклов, Ю.** По поводу статьи А. Г. Шляпникова. (Письмо в редакцию.) [О статье „Февральские дни в Петербурге". — „П. Р." — 1923, 13]. „П. Р"—1923, 16; стр. 176—184.

633. **Стеклов, Ю.** См. Шляпников, А. Ответ Ю. Стеклову.

634. **Стрелок.** Ветераны красной армии—латышские стрелки. [Латышские стрелки в гражданской войне.] „П. Р."—1922, 12; стр. 330—337.

635. **Телеграмма начальника городской милиции о розыске т.т. Ленина и Зиновьева в июльские дни.** „К. Л. — 1923, 9; стр. 18".

636. **Февральская революция в документах.** Листки, воззвания, корреспонденция. Полицейские сводки и донесения. Подготовка подавления революции. Протоколы Исп. Ком. Петрогр. Сов. Рабоч. и Солдаст. Деп. за 3—11 марта 1917 г. (С примечан. А. Шляпникова.) „П. Р."—1923, 13; стр. 259—351.

637. **Федорченко.** В корниловские дни в Черноморском флоте. „К. Л.—1923,6; стр. 159—161.

638. **Фиргер, И.** Октябрьская революция в Иваново-Вознесенске. (Из воспоминаний.) „К. Л. — 1923, 6; стр. 279. —280".

639. **Флеровский.** О делегации прибывшей на заградитель „Амур" 25 октября 1917 года. [Ответ на поправку Г. Крамарова к статье Флеровского „Кронштадт в октябрьской революции". — „П. Р." — 1922, 10]. „П. Р." — 1922, 12; стр. 349.

640. **Фрумкин, М.** Февраль — Октябрь 1917 года в Красноярске. „П. Р." — 1923, 21; стр. 140—156.

641. **Фурманов, Д.** Краткий обзор литературы (непериодической . О гражданской войне (1918—1920 г.г.). „П. Р."—1923. 17; стр. 321—341.

642. **Фурманов, Д.** Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г. „П. Р."—1923, 23; стр. 68—96.

643. **Хейфец, С. Я.** Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм. „Б.—1923, 21; стр. 298—310".

644. **Хинчук, Л.** Из воспоминаний о февральской революции в Москве. „П. Р."—1923, 13; стр. 178—186.

645. **Цюкшо, И.** Октябрьские дни 1917 года в Таваструсе (в Финляндии). „К. Л.—1923, 6; стр. 181—182".

646. **Черкасова, М. («Васильева»).** Воспоминания о первых днях Октябрьской Революции и первой женской конференции. „К.Л.—1923, 6; стр. 367—368".

647. **Чиненов.** Из дневника солдата 55 полка. тов. Чиненова. „П. к. О. — 1923, 1; стр. 199—216".

648. **Шадурский, В.** Об октябрьских днях 1917 года в Петрограде. „К. Л.— 1923, 6; стр. 319—320".

649. **Шелаев.** В мастерских Московско-Казанской жел. дороги. [Октябрьские дни.] „П. к. О.—1923, 1; стр. 181—184".

650. **Шидловский, Л. (Георгий из «Правды»).** Упшос в октябре 1917 г. (Отрывок из воспоминаний.) [Упшос—Управл. шос. дорог России.] „К. Л.— 1923, 6; стр. 178—180".

651. **Шляпников, А.** Ответ Ю. Стеклову. [По поводу письма Стеклова. „П. Р."—1923, 16; о статье А. Шляпникова „Февральские дни в Петербурге" — „П. Р." — 1923, 13]. „П. Р."— 1923, 17; стр. 377—384.

652. **Шляпников, А. Г.** См. Стеклов, Ю. По поводу статьи А. Г. Шляпникова. (Письмо в редакцию).

653. **Шляпников, А** См. февральская революция в документах.

654. **Шляпников, А.** Февральские дни в Петербурге [1917 г.]. „П. Р."— 1923, 13; стр. 71—134.

655. **Штейнман, Е.** На другой день после февральской революции в иркутской ссылке. „П. Р." — 1923, 13; стр. 247—250.

656. **Шуцкевер, А.** См. „Союз защиты родины и свободы" и Ярославский мятеж 1918 года.

657. **Юдина, П.** (р-ца з-да „Поставщик"). На заводе „Поставщик" в Октябре. „П. к. О.—1923, 1; стр. 217—218".

658. **Юхневич, М.** 3 января 1919 года. [День взятия Риги красными войсками.] „П. Р."—1922, 12; стр. 337—342.

659. **Яременко, А. Н.** Дневник коммуниста. [1918—1920 г.г.]. „Р. н. Д. В.— 1923, 1; стр. 133—279".

17. Политический сыск.

660. **Бакай, М. Е.** Краткая автобиография М. Е. Бакая. Со вступ. ст. Кантора, Р. „Р. Пр. — 1923, 5; стр. 153 —158"

661. **Жандармы о „Правде".** Записка Отделения по Охранению Общественной Безопасности и Порядка в столице от 30 июня 1914 года № 235. „П. Р."— 1923, 14; стр. 454—468.

662. **Кулябко-Корецкий, Н.** Подполковник Судейкин и генерал Стрельников. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 64—68".

663. **Осипович, Н.** Как тайное стало явным? (Страничка из истории нашей комиссии.) [Заседание комиссии для разборки дел охранного отделения южного района и губерн. жандармского управления. Одесса, 1917]. „Б.—1923, 22; стр. 269—277".

664. **Прудников.** Страничка из воспоминаний о Зубатове. „П. к. О.—1923, 1; стр. 122—125".

665. **Русов, М.** „Святая Святых" царской охранки. [Пометка, которая делалась агентами на особенно тайных документах. Несколько писем охранного одесского отделения 1907 г.]. „К. и Сс.— 1923, 7; стр. 112—122".

666. **Струмилло, Б.** Материалы о Дм. Богрове. (По делам бывш. департамента полиции). „К. Л.—1923, 9; стр. 177—189".

667. **Судейкин.** См. Кулябко-Корецкий, Н. Подполковник Судейкин и генерал Стрельников.

18. Тюрьма и ссылка.

668. **Анисимов, С.** Бунт в тобольской каторжной тюрьме. (Из материалов С. С. Анисимова. Ст. написана в 1907 г.) I. Тюрьма № второй. II. Обвинительный акт. III. Судебное заседание. IV. Письма. V. Заключение судебного следствия. VI. Речи. VII. Последнее слово. VIII. Приговор. IX. Автобиографии обвиняемых. „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 200—224".

669. **Белый, Я.** Воспоминания ссыльного 80-х годов. [Автор умер в 1922 г.] Мой арест и Вышневолоцкая тюрьма. Но дороге в Сибирь. От Красноярска до Иркутска. Побег из Иркутской тюрьмы политических каторжан в феврале 1830 г. „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 93—116".

670. **Биценко, А.** В Мальцевской женской каторжной тюрьме. 1907—1910 гг. (К характеристике настроений.) „К. и Сс.—1923, 7; стр. 192—208".

671. **Бухрашвили, А.** 1-е мая в тюрьме. [1908 г. в Харькове.] „П. Р."—1923, 16; стр. 339—343.

672. **Вилюйский, Вл. (Сибиряков).** Последнее поколение Якутской ссылки. (Листки воспоминаний.) Якутская ссылка в мои дни. Эсдеки и эсеры. И швец, и жнец, и в дуду игрец... Якутская ссылка накануне войны. Революция и Якутская ссылка. „К. и Сс. — 1923, 7; стр. 129—141".

673. **Врублевский, Ф.** Об Амурской Колесной дороге. „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 232—239".

674. **Грунт, Ян.** В тюрьме и на каторге. (Из воспоминаний.) [1915—1917 г.г.] „К. и Сс.—1923, 5; стр. 99—121".

675. **Данцскос, Ф.** Истязания в Орловском Централе. (Из воспоминаний). [1909 — 1912 гг.] „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 155—163".

676. **Ивановская, П.** Страничка из истории партии. (Карийская женская тюрьма.) „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 170—179".

677. **Измайлович, А.** Из прошлого. (Ст. написана на каторге.) [1905] „К. и Сс.—1923, 7; стр. 142—191".

678. **Ионов, И.** В Орловской каторжной тюрьме (1912.) „Музей Революции", 1923, сб. 1, стр. 84—90.

679. **Каллистов, С.** Из жизни тобольской каторги. (Воспоминания 1908 — 1910 гг.). „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 225—231".

680. **Кантор, Р.** Побег из иркутской тюрьмы в феврале 1880 г. „К. и Сс.— 1923, 5; стр. 179—183".

681. **Кантор, Р.** Смертники в тюрьме. Из тюремных воспоминаний. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 117—136".

682. **Колпенский, В.** Политическая ссылка административным порядком. (По архивным материалам 80-х годов.) „К. и Сс.—1923, 5; стр. 201—213".

683. **Коротков, И.** В саратовской тюрьме. (1906—1910 гг.). „К. и Сс.—1923, 6; стр. 189—199“.

684. **Коткин, Е.** Политические каторжане. Пьеса в 4-х действиях и одной картине. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 122—153“.

685. **Лившиц, С.** Революционеры в Казанской психиатрической лечебнице. „П. Р.“—1923, 22; стр. 5—28.

686. **Львов - Марсианин.** „Паразит“. (Кличка одного из воров каторги.) „К. и Сс.—1923. 7; стр. 218—231“.

687. **Минаев, И.** Как мы бежали из Александровского централа. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 141—153“.

688. **П. Н.** Из быта ссылки. (Из архива В. Н. Фи нер.) „К. и Сс.—1923, 5; стр. 95—98“.

689. **Плесков, В.** Из литературного архива Горного Зерентуя. [Оглавление и содержание I номера сборника, издавав. в 1909 г. в Зерентуе.] „К. и Сс.—1923, 6; стр. 167—176“.

690. **Попов, А. В.** „Личность и общество“. (Перепечатано из № 1 журнала „Наше“—октябрь 1909 г., издав. в Горном Зерентуе полит. каторж.) „К. и Сс.—1923, 6; стр. 267—278“.

691. **По поводу воспоминаний И. И. Майнова.** [Ст. помещена в № 20 „Былое“ за 1922 г. „На закате народовольчества“.] „Б. — 1923, 22; стр. 316—319“.

692. **Прошьян, Прош.** „Дворец теней“. (Стихотворение, помещ. впервые в № 1 журнала „Наше“, издав. в 1909 г. в Горном Зерентуе.) „К. и Сс.—1923, 6; стр. 69—70“.

693. **Путник, А.** Крики. (Из тюремных мелодий 1908 года.) Памяти Брюно и Беланова. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 163—169“.

694. **Симанович, Л.** Очерки из жизни в ссылке. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 240—246“.

695. **Снегульский, Н.** Стихотворения. 1. Настроения (1907 г.) после циркуляра об уравнении всех арестантов: политических и уголовных). 2. Решетка (1908) после большого побега из тюрьмы. 3. О двойственности человеческой личности (1909—1910). 4. Весенняя тяга или амурные дела (1909—1910). 5. „Статья 23-я (в связи с новым уголовным уложением 1909—1910). *** Стихотворение написано в 1907—1908 г.г. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 196—201“.

696. **Сталь, Л.** Год за тюремной решеткой (1901—1902 г.) Голодовка и перевод в Бутырки. „П. к. О.—1923, 1; стр. 63—77“.

697. **Старков, Д.** В Преображенку. (Из путевых настроений.) „К. и Сс.—1923, 7; стр. 237—248“.

698. **Стахевич, С. Гр.** Среди политических преступников. (Из моих воспоминаний). Гл. I. Петропавловская крепость. Гл. II. В тобольской тюрьме. [С примечаниями А. А. Шилова.] „Б.—1923, 21; стр. 63—86.

„ 22; стр. 112—134“.

699. **Стеклов, Ю.** Воспоминания о Якутской ссылке. (1896—1899.) „К. и Сс.—1923, 6; стр. 71—92“.

700. **Стефанович, В.** См. Шафранов, П. Письмо В. Я. Стефановича к В. К. Плеве. [1891.] (Из записной книжки архивиста.)

701. **Страхов, Д.** В Александровской пересылке. (Отрывки воспоминаний.) [1908.] „К. и Сс.—1923, 5; стр. 184—194“.

702. Тот... самый... который. **«Лещ»** (басня). Товарищу Ядову один из товарищей к Новому году. [Написано 1907, Бутырки.] „К и Сс. — 1923, 5; стр. 229—232“..

703. **Троцкий, Л.** Воспоминания о моей первой сибирской ссылке. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 91—95“.

704. **Фабричный, П.** Еще о тов. Снегульском. (См. К. и Сс. № 3.) „К. и Сс.—1923, 5; стр. 194—195“.

705. **Фабричный, П** Язык каторги. [Тюремный лексикон.] „К. и Сс.—1923, 6; стр. 177—188“.

706. **Федорович, П.** Март 1917 года в Александровском каторжном централе. „П. Р.“—1923, 13; стр. 251—255.

707. **Фигнер, В. Н.** (Из архива). Трудовая группа. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 232—236“.

708. **Шафранов, П.** Письмо В. Я. Стефановича к В. К. Плеве. [1891 г.] „К. Арх.—1923, 4; стр. 410—411“. (Из записной книжки архивиста.)

709. **Ядов.** Бутырки. (Из воспоминаний каторжанина за 1906—1912 г.). Первые дни. Протест. Побеги. Повседневность. Борцы. (Ф. Фрумкина, К. Бердягин и др.) Смертники. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 154—166“.

7; стр. 209—217“.

710. **Ядов.** Тюремные сидельцы. (Немного цифр о Бутырках). „К. и Сс.—1923, 5; стр. 214—229“.

II. История труда.

1. Рабочие.

711. **Айзенберг, Л.** Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской железной дороги в 1859 и 1860 гг.. „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 24—34“.

712. **Аргунов, Пав.** Заметки архивистов. Таежная трагедия. (Из быта рабочих золотых промыслов.) „Арх. И. Т.—1923, 4“.

713. **Архангельский, С.** Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района.„Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 16—27“.

714. **Базилевич, Конст.** На старейших полотняных фабриках. „Арх. И. Т.—1923. 10; стр. 4—15“.

715. **Блек, Ап.** Рабочие на Ленских золотых приисках. „Арх. И. Т.—1922. 4, 5, 10“.

716. **Блек, А.** Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. (Балтийский и другие десять заводов.) Арх. И. Т.—1921, 2“.

717. **Вакс, П.** Медико - санитарные условия на постройке Петербургско-Московской железной дороги. „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 193—197“.

718. **Васенко, П. Г.** Рабочие на постройке Уссурийских и Амурской железных дорог и участие каторжан в работах. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

719. **Васенко, П. Г.** Условия быта промысловых рабочих Российско-Американской Компании. (В начале XIX века.) Арх. И. Т.—1922, 4“.

720. **Введенский, А.** Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII в. в. I. Транспортные рабочие - водники. II. Строгановские иконники. III. Наемные рабочие в крестьянском хозяйстве. IV. Наемный труд в крупной вотчине. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

1923, 6—7“.

721. **Вознесенский, С.** Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину XIX века. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

722. **Г.** Заметки архивистов. Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I. „Арх. И. Т.—1922, 5“.

723. **Г.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Цехи в Москве по данным 1856 г. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

724. **Гессен, Вл. Юл.** К истории ремесленного труда в древней Руси. (X—XV в.в.) „Арх. И. Т.—1922, 4, 5, 8.

725. **Гессен, Ю.** Бурлаки в первой половине XIX века. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

726. **Гессен, Ю.** Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири. „Арх. И. Т.—1922, 5“.

727. **Гессен, Ю.** Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие. Из истории крестьянских волнений. „Арх. И. Т.—1921, 1“.

728. **Голлербах, Э.** Несколько слов о художественном труде. „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 159—163“.

729. **Голлербах, Э.** Условия труда и быт рабочих на Государственном фарфоровом заводе. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

730. **Гордон, М.** Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. Очерк первый. (До революции 1917 года.) Очерк второй „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 79—103“ кн. 9; стр. 133—146“.

731. **Гордон, Макс.** Из жизни рабочих и служащих на петроградских водопроводах. „Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 75—93“.

732. **Гордон, М.** Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе („Большевик“). „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 54—76“.

733. **Заметки архивистов.** К статистике горнозаводских рабочих. Рабочие на частных горных заводах по сведениям 1828 г. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

734. **Заметки архивистов.** Рабочие и беглых крестьян и беспаспортных. Сообщил Н. Мурзанов. „Арх. И. Т.—1922, 5“.

735. **Заметки архивистов.** Труд ссыльных в Сибири. (Извлечено из определения 1-го департамента сената 8 мая 1801 г., № 1643). Сообщил Н. Мурзанов. „Арх. И. Т.—1922, 5“.

736. **Кантор, Р.** К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). „Арх. И. Т.—1922, 5“.

737. **Канторович, Я.** Вопросы труда в иностранной литературе. I. Психотехника. II. Новое рабочее право в Германии. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

738. **Каргин, Д.** Положение рабочих на постройках главного Общества Российских железных дорог. Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 189—192“.

739. **Каргин, Д.** Рабочие на постройке Петербургско-Московской желез. дорог. I. Спаивания рабочих. II. Волнения рабочих. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

740. **Каргин, Д.** Условия труда рабочих при постройке С.-Петербургско-Московской жел. дороги. Арх. И. Т.—1922, 5“.

741. **Катин-Ярцев, В. Н.** Историческая справка о положении рабочих на Охтенском пороховом заводе. „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 125—132“.

742. **Коц, Елена.** Несколько слов об арестантском труде. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

743. **Кулишер, И.** Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. „Арх. И. Т.—1921, 1“.

744. **Кулишер, И.** Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности. (В 40-х годах XIX века.) „Арх. И. Т.—1922, 4“.

745. **Любименко, Инна.** Труд иноземцев в московском государстве. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

746. **Материалы для истории рабочих на горных заводах.** Из записки В. Крамаренкова. Сообщил А. В. Шебалов. „Арх. И. Т.—1921. 1“.

747. **Мурзанова, М.** На московско-новгородской парусной фабрике. (1696—1772—1829 г.г. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

748. **Некоторые данные о фабриках в 1767 году.** (По сообщению современника.) Сообщ. Мих. Цвибак. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

749. **Оглоблин, Александр.** Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

750. **Островская, М.** Ученики на петербургской полотняной фабрике в 1797—1807 г.г. „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 147—152“.

751. **Пажитнов, К.** Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

752. **Пажитнов, К.** К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

753. **Пажитнов, К.** Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве. 1. Санитарные условия и обеспечение при потере трудоспособности. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

754. **Пажитнов, К.** Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. (Историческая справка.) „Арх. И. Т.—1921, 1“.

755. **Пажитнов, К.** Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве. „Арх. И. Т.—1922, 5“.

756. **Пажитнов, К.** Рабочие артели. Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 54—74“.

757. **Первая годовщина.** [Годовщина существования Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. 18 февраля 1922 г.] „Арх. И. Т.—1922, 3“.

758. **Привилегированное положение Охтенских (в Петербурге) ремесленников.** Сообщил Ю. Ф. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

759. **Пруссак, А.** Строительные рабочие в Московском государстве. „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 3—6“.

760. **Путилов, А.** Женский труд в почтово-телеграфном деле. (Историческая справка.) „Арх. И. Т.—1922, 3“.

761. **Путилов, А.** Цехи „вольных матросов“ в Новороссийском крае в 1830—1853 г.г. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

762. **Рожков, Н.** Очерк истории труда в России. „Арх. И. Т.—1922, 5“. 1923, 6—7, 8“.

763. **Романов, Б.** Факты и цифры. Заметки архивистов. К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

764. **Садиков, П.** „Разных художеств мастеровые люди“. „Арх. И. Т—1922, 3“.

765. **Семенов-Булкин, Ф.** Экономическое положение рабочих-металлистов до 1905 года. „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 77—98“.

766. **Солодникова, М.** Рабочий в свете статистики. (Сводные данные о росте промышленного пролетариата за годы войны и революции, преимущественно в Петрограде.) „Арх. И. Т.—1923, 9; стр. 14—41“. [Тут же литература по этому вопросу.]

767. **Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.** I. К сведению и руководству сотрудников. II. Очередные задачи. III. Вопросы, подлежащие разработке по отдельным отраслям производственного труда. „Арх. И. Т. в России—1921, 1“.

768. **Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.** Положение об Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. К сведению и руководству сотрудников. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

769. **Справка о частных горных заводах.** Сообщил А. Шебалов. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

770. **Столпянский, П.** Из истории производств в СПБ. за XVIII век и первую четверть XIX века. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

771. **Тарле, Е.** История труда и его значение. „Арх. И. Т.—1921, 1“.

772. **Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях.** Сообщ. А. Шебалов. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

773. **Шатилова, Т.** „Рабочие люди“ в свете депутатских наказов 1767 года. „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 121—134“.

774. **Шабалов, А. В.** К закрытию Нижнеисетского завода. „Арх. И. Т.—1922,5“.

775. **Шебунин. А.** Рабочие из „шатающихся“ людей на Шлиссельбургской ситцевой фабрике (в конце XVIII и начале XIX в.). „Арх. И. Т.—1922, 4“.

2. Крестьяне.

776. **А. Б.** Заметки архивистов. Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек. Секретное письмо Псковского губернатора ген. майора Бартолова от 13 июля. 1844 г. министру внутренних дел. Ответное письмо министра внутрен. дел Л. А. Перовского от 22 июля . 1844 г. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

777. **А. Л.** Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании. (По официальным данным.) „Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 127—138“.

778. **Айзенберг, Г.** Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае. (Накануне освобождения от крепостной зависимости.) „Арх. И. Т.—1922, 3“.

779. **Айзенберг. Л.** Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае. (По освобождении от крепостной зависимости — до введения уставных грамот.) „Арх. И. Т.—1922, 4“.

780. **Айзенберг, Л.** К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. (По освобождении от крепостной зависимости.) „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

781. **Аргунов, Пав.** Картины из крепостного быта. I. Фабричные крестьяне в „арендном содержании“. II. „Железные рога“. III. Сечение крестьянами помещиков. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

782. **Архангельский, С.** Крестьяне крепостной деревни московского промышленного района во второй половине XVIII века. (По данным вотчинных инструкций.) „Арх. И. Т.—1923, 8: стр. 135—147“.

783. **Бирюкович, Вл.** Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. „Арх. И. Т. в России. 1921, 1“.

784. **Бирюкович, Вл.** Устройство быта свободных хлебопашцев. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

785. **Добрынин, А. Ф.** Прорытие Ново-Ладожского канала (Александра II). „Арх. И.—Т. 1923, 10; стр. 43—53“.

786. **Дружинин, В.** Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

787. **К. В.** Крестьянская промышленность на рубеже прошлого и настоящего веков. „Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 139—145“.

788. **Коц, Е.** Побеги помещичьих крестьян в Николаевскую эпоху. I. Побеги на Кавказскую линию. II. Побеги в Аналу. III. Побеги в Бессарабию. „Арх. И. Т.—1922, 5, 9“.

789. **Кулишер, И.** Из истории крестьянского труда в древней Руси. „Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 94—126“.

790. **Лапо, Г.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г. „Арх. И. Т.—1921, 2, 3“.

791. **Материалы для статистики:** Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии. Сообщил А. В. Шебалов. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

792. **Мурзанов, Н. А.** Хлебные запасные магазины при Павле I-м. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

793. **Островская, М.** Землепользование новгородских дворцовых крестьян в XVII веке. „Арх. И. Т.—1923, 6—7“.

794. **Петрович, Н.** К истории крестьянского переселенческого движения. „Арх. И. Т.—1923, 10; стр. 146—154“.

795. **Пилипоны или крестьяне-старообрядцы.** К вопросу о закрепощении их Сообщил Н. А. Мурзанов. „Арх. И. Т.—1921, 2“.

796. **Платонова. Н.** Крестьяне-самоучки. „Арх И. Т.—1921, 2“.

797. **Платонов, С.** Был ли первоначально русский север крестьянским? „Арх. И. Т.—1921, 2“.

798. **Платонов, С.** О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. „Арх. И. Т.—1922, 3“.

799. **Пресняков. А.** Закрепощение в императорской России. „Арх. И. Т.—1922, 4“.

800. **Пруссак, Анна.** Крестьяне Восточной Сибири во вторую половину XVII в. „Арх. И. Т.—1923, 6—7".

801. **Путилов, А.** Из вотчинных архивов. Выдержки из подворной описи по Шудской вотчине. „Арх. И. Т.—1922, 4".

802. **Романов. Б.** Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины XIX века. (По документам архива департамента полиции исполнительной мин. внут. дел.) „Арх. И. Т. в России. 1921, 1".

803. **Садиков, П.** К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г. „Статьи о дворовых и разных людях". „Арх. И. Т.—1922, 4".

804. **Тхоржевский, С.** Государственное земледелие на южной окраине московского государства в XVII веке. „Арх. И. Т.—1923, 8; стр. 64—78".

805. **Шатилова Т.** Крестьяне Демидовского лицея. „Арх. И. Т.—1922, 3".

806. **Шатилова, Т.** Уничтожение половничества в XIX столетии. „Арх. И. Т.—1922, 5".

807. **Шебунин, А.** К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. „Арх. И. Т.—1923, 6—7, 8".

808. **Ю. Ф.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Об усилении мер наказаний по преступлениям крепостных против помещиков. „Арх. И. Т.—1922, 3".

III. История литературы и журналистики.

809. **Алексеев, М.** Бальзак в России. (Архивная справка.) „К. Арх.—1923, 3; стр. 303—307". (Из зап. кн. архивиста.)

810. **Бальзак.** См. Алексеев, М. Бальзак в России. (Архивная справка.) (Из записной книжки архивиста.)

811. **Бардовский, А.** Русский Гамлет.—Восемнадцатый век.—Царствование Александра I. [Судьба „Гамлета" в России.] „Р. Пр. — 1923, 4; стр. 112 — 120.

1923, 5; стр. 135—145".

812. **Быков, П.** Былые знакомства и встречи. (Странички из литературных воспоминаний). „Б. — 1923, 22; стр. 135—141".

813. **Водовозова-Семевская, Е.** Житейские невзгоды. [Воспоминания 1866—1867 г.г.]. „Г. М.—1923, 1; стр. 45—72".

814. **Водовозова-Семевская, Е. Н.** См. Кареев, Н. И. Е. Н. Водовозова-Семевская. (Некролог.)

815. **Водовозова-Семевская, Е. Н.** См. Ольнем-Цеховская, В. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская.

816. **Водовозова-Семевская, Е. Н.** См. Редакция. Е. Н. Водовозова-Семевская. (Некролог).

817. **Гёте.** См. Нечаев, В. Письма Гете. (Из записной книжки архивиста.)

818. **Гоголь.** См. Кантор, Р. Письмо Гоголя к В. Г. Белинскому. С приложением 3 снимков. (Из записной книжки архивиста.)

819. **Голлербах, Э.** А. С. Пушкин в портретах. „Р. Пр.—1913, 4; стр. 146—153".

820. **Гончаров, И. А.** Письмо И. А. Гончарова В. П. Боткину. (Из архива В. П. Боткина.) [1852—1866.] С вступит. ст. В. Чешихина-Ветринского. „Г. М.—1923, 2; стр. 169—175"

821. **Гончаров, И.** См. Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет. Сообщил В. Переверзев [1873 –1885 г.г.]

822. **Грузинский, А. Е.** Первый период работ над „Войной и Миром". „Г. М.—1923, 1; стр. 93—110".

823. **Губер, П. К.** Пушкин и графиня Н. В. Кочубей. [Гипотеза об утаенной любви Пушкина и посвящении „Полтавы".] „Р. П.—1923, 2; стр. 104—126.

824. **Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет.** Сообщил В. Переверзев. [1873—1885 г.г.] „К. Арх.—1923, 4; стр. 376—382".

825. **Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.** С предисловием И. Гливенко. [1865 г.]. „К. Арх. — 1923, 4; стр. 365—375".

826. **Достоевская, А.** См. Из воспоминаний А. Г. Достоевской. С вступит. ст. редакции.

827. **Достоевский, Ф. М.** См. Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову с предисловием Л. Гливенко [1865 г.]

828. **Достоевский, Ф. М.** См. Оксман, Ю. Судьба одной пародии Достоевского. (По неизданным материалам.) (Из записной книжки архивиста).

829. **Достоевский, Ф. М.** См. Олисов, В. К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Твери. (Из записной книжки архивиста.)

830. **Евгеньев-Максимов, В.** По поводу воспоминаний о Некрасове. „Б. — 1923, 22; стр. 109—111".

831. **Жуковская, Е. И.** Воспоминания о Некрасове. „Б. — 1923, 22; стр. 101—108".

832. **Из воспоминаний А. Г. Достоевской.** С вступ. ст. редакции. Накануне знакомства моего с Ф. М. Достоевским.

Мой первый приход. Мое первое посещение. Мое знакомство с Ф. М. Достоевским. Второй мой приход к Федору Михайловичу. Два посещения Ф. М. моей семьи. 1872 г. 1873 г. Весна 1880 г. К воспоминаниям о музее. „К. Арх.—1923, 3; стр. 251—290".

833. **Из материалов о Л. Н. Толстом.** С предисловием Вл. Максакова. I. Л. Н. Толстой в Астапове. II. Вокруг чествования памяти Л. Н. Толстого. Сообщил Г. Гордон. [1910 г.] „К. Арх.—1923, 4; стр. 338—364".

834. **Из переписки В. Г. Короленко с Ф. Ф. Павленковым.** С вступит. и закл. ст. Б. Федорова. „Г. М. — 1923, 1; стр. 201—213".

835. **Из переписки Некрасова с Боткиным.** С вступительной ст. И. Н. Розанова. [1855.] „Г. М. — 1923, 3; стр. 81—87".

836. **Из переписки И. И. Панаева с В. П. Боткиным.** С вступительной ст. и примечаниями М. Цявловского [1856—1858]. „Г. М.—1923, 3; стр. 73—80".

837. **Из материалов о Ф. И. Тютчеве.** I. Письма Тютчева к М. П. Погодину. II. Эпиграмма на Каченовского. Сообщил Д. Благой. „К. Арх.—1923, 4; стр. 382—392".

838. **Из прошлого русского общества.** (Новые письма Некрасова, Гончарова и др.) [1864 г.] С вступит. ст. и примечаниями Штрайха. С. „Р. Пр. — 1923, 5; стр. 146—152".

839. **К. В.** В 50-х годах. [По поводу стихотворения, написанного 14-летним учеником гимназии в 1850 г.] „К. Арх.—1923, 4; стр. 405 — 407". (Из записной книжки архивиста.)

840. **Кантор. Р.** Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. С приложением 3 снимков. „К. Арх. — 1923, 3; стр. 309—312". (Из книжки архивиста.)

841. **Кареев. Н. И.** Е. Н. Водовозова-Семевская. (Некролог.) „Г. М.—1923, 2; стр. 180—183". (Памяти ушедших.)

842. **Клейнборт, Л.** В. Г. Короленко. Из этюдов об интеллигенции из народа. „Г. М.—1923, 2; стр. 97—123".

843. **Колпенский, В.** М. Ю. Лермонтов в Москвском университете. Товарищи и профессора. „Р. Пр.—1923. 5; стр. 121—133".

844. **Короленко, В. Г.** См. Из переписки В. Г. Короленко с Ф. Ф. Павленковым. С вступит. и заключ. ст. Б. Федорова.

845. **Короленко, В. Г.** См. Клейнборт, Л. В. Г. Короленко. Из этюдов об интеллигенции из народа.

846. **Короленко, В. Г.** Письма к А. Г. Горнфельду. „Р. П. — 1923, 3; стр. 120—139.

847. **Кугель, А.** Литературные воспоминания. (Продолжение.) [См. „Б.—1922, 20".] „Б.—1923. 21; стр. 95—117".
„ 22; стр. 150—165".

848. **Левмонтов, М.** См. Колпенский, В. М. Ю. Лермонтов в Московском университете. Товарищи и профессора.

849. **Маковицкий, Д. П.** 1905—1906 г. в Ясной Поляне. (Из записок Д. П. Маковицкого под ред. Н. Гусева.) „Г. М.—1923, 3; стр. 3—28".

850. **Мелочи прошлого.** 1) 17-го февраля 1882 г. Стих. 2) Об авторе стихов, помещ. в № 2 за 1922 г. 3) Вышнеградский и Витте. 4) Письмо Т. Н. Грановской к В. П. Боткину. 5) Дело № 4607. 6) Театральная афиша 1868 г. „Г. М. — 1923, 1; стр. 14, 20, 26, 92, 160, 214".

851. **Мельгунов, С.** Встречи. II. Боборыкин. II. Б. „Г. М.—1923, 1; 215—221".

852. **Некрасов, Н. А.** Два письма Н. А. Некрасова к В. П. Боткину. С вступительной ст. И. Н. Розанова. [1855—56 г.г.]. „Г. М. — 1923, 1; стр. 222—224".

853. **Некрасов, Н.** Материалы к истории живописи в России. I. Письма Пимоненко, Н. К. II. Письма В. Е. Маковского. III. Материалы к биографии К. А. Савицкого. „К Арх. — 1923, 4; стр. 426 — 433". (Из записной книжки архивиста.)

854. **Нечаев, В.** Письма Гёте. „К. Арх.—1923, 3; стр. 307—309". (Из записной книжки архивиста).

855. **Нечуева, Р.** Отец и сын. Юношеские годы кн. П. А. Вяземского. (По неизданным материалам Остафьевского архива.) „Г. М.—1923, 3; стр. 39—56".

856. **Оксман, Ю. Г.** Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда". „К. Арх. — 1923, 4; стр. 393—398". (Из записной книжки архивиста.)

857. **Оксман, Ю.** Судьба одной пародии Достоевского. (По неизданным материалам.) „К. Арх. — 1923, 3; стр. 301—303". (Из записной книжки архивиста.)

858. **Олисов, В.** К пребыванию Ф. М. Достоевского в г. Твери. „К. Арх.—1923, 4; стр. 398 — 401". (Из записной книжки архивиста.)

859. **Ольнем-Цеховская, В.** Елисавета Николаевна Водовозова-Семевская. „Г. М.—1923, 3; стр. 145—162".

860. **Павленков, Ф. Ф.** См. Из переписки В. Г. Короленко с Ф. Ф. Павленковым. С вступ. и закл. ст. Б. Федорова.

861. **Платонова, Н.** Критический момент в жизни Бомарше. (По неизданным документам.) „Ан. — 1923, 3; стр. 130—138“.

862. **Поливанов, Ив.** Запись о посещении Ф. М. Достоевского М. А. Поливановой (9 июня 1880 г.) „Г. М.— 1923, 3: стр. 29—38“.

863. **Полонский, Я.** Аристократке. Примеч. И. Розанова. „Г. М.—1923, 3; стр. 116“.

864. **Попов, П.** Уцелевшие строки из переписки друзей. (Влад. Соловьев и Л. М. Лопатин.) „Г. М. — 1923, 1; стр. 73—82“.

865. **Пушкин, А. С.** См. Голлербах, Э. А. С. Пушкин в портретах.

866. **Редакция.** Е. Н. Водовозова-Семевская (некролог). „Г. М. — 1923, 2; стр. 177—180“. (Памяти ушедших.)

867. **Редакция.** Елисавета Николаевна Водовозова-Семевская. [Один из ценных сотрудников Г. М. Некролог.] „Г. М.—1923, 1“.

868. **Редакция.** 1913—1923. [По поводу десятилетия существования журнала „Г. М.“]. „Г. М.—1923, 1: стр. I—III“.

869. **Садовников, Д. Н.** Встречи с И. С. Тургеневым. „Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1879 году. „Р. П.“— 1923, 1; стр. 24—86.

870. **Садовников, Д.** Встречи с И. С. Тургеневым. „Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1880 году. „Р. П“ — 1923. 3; стр. 99—120.

871. **Салтыков-Щедрин, М.** Е. См. Окснан, Ю. Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“. (Из записной книжки архивиста.)

872. **Сидоров, А.** Из воспоминаний цензора. Начальники главного управления по делам печати с 1893 по 1905 г.г. и В. С. Адикаевский. [См. Г. М. — 1918. №№ I — III; IV — VI; VII—IX]. „Г. М.—1923. 3; стр. 129—132“.

873. **Сиповский, В. В.** Русское „свободомыслие“ в восемнадцатом веке. [Идеология русск. передовых мыслителей от Феофана Прокоповича до Пушкина]. „Р. П.“—1923, 2; стр. 127—141.

874. **Столпянский, П.** Книга в старом Петербурге. Книжная лавка XVIII века. „Р. П.“—1923, 1, стр. 109—120.

875. **Столпянский, П.** Книга в старом Петербурге. Магазины иностранных книг. „Р. Пр.—1923, 4; стр. 123—134“.

876. **Толстой, Л. Н.** См. Из материалов о Л. Н. Толстом. С предисловием Вл. Максакова. I. Л. Н. Толстой в Астапове. II. Вокруг чествования памяти Толстого. Сообщил Г. Гордон. (1910 г.).

877. **Тютчев, Ф.** Автограф Тютчева с примечаниями Г. Чулкова. „Г. М. — 1923, 3: стр. 88“.

878. **Тютчев, Ф.** См. Из материалов о Ф. И. Тютчеве. I. Письма Тютчева к М. П. Погодину. II. Эпиграмма на Каченовского. Сообщил Д. Благой.

879. **Цявловский, М.** Автограф стихотворения Пушкина „Кинжал“. „Г. М.— 1923, 1; стр. 21—25“.

880. **Чулков, Г.** Пушкин и театр. „Г. М.—1923, 3; стр. 57—72“.

881. **Чуковский К.** Некрасов и деньги. „Б.—1923, 22; стр. 36—70“.

882. **Шебалов, А. В.** Политическая печать и возникновение „Правительствен. Вестника“. „Р. П.“—1933, 3; стр. 150—153.

883. **Шебунин, А.** Западно-европейские влияния в миросозерцании Н. И. Тургенева. „Ан. .—1923, 3: стр. 191—219“.

IV. Различные статьи и материалы по русской истории.

884. **Александр I.** См. Богданович, Т. Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем.

885. **Александр III.** См. Кантор, Р. Александр III в заботах о своем народе.

886. **Александр, III.** См. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. С предисловием В. Пичеты. [1881 г.]

887. **Белецкий, Ст.** Григорий Распутин. Из воспоминаний. [См. „Б“. кн. 20.] „Б.—1923. 21: стр. 187—217;
„ 22; стр. 237—268“.

888. **Белоконский, И. П.** Отрывки из воспоминаний. (Посвящается памяти В. И. В) IV. Орловская жизнь. (См. „Г. М“.—март, июль, август 1916 г и январь 1917 года.) „Г. М. — 1923. 2; стр. 59—76“.

889. **Богданович, Т.** Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем. „Р. Пр.—1923, 5: стр. 101—111“.

890. **Брим, В. А.** Происхождение термина „Русь“. „Россия и Запад“ 1923 г., сб 1, стр. 5—10.

891. **Быстренин, В.** Уходящее. [См. „Г. М“. — 1922, 1, 2.] „Г. М. — 1923, 1; стр. 175—200“.

892. **Васенко, П.** Из истории русского господства на Камчатке. „Р. П. — 1923, 3; стр. 154—156“.

893. **Васенко, Пл.** Общественное разложение в Смутное время (в изображении Авраамия Палицына). „Р. Пр.— 1923, 5; стр. 24—34“.

894. **Витте, С. Ю. гр.** См. Романов, Б. А. Витте, накануне русско-японской войны. Документальный комментарий к „Воспоминаниям“ гр. С. Ю. Витте.

895. **Вознесенский, С. В.** Дворянская реакция после смерти Петра Великого. Из эпохи дворцовых переворотов. „Р. П.“—1923, 2; стр. 22—54.

896. **Вулих, Е. З.** Из мира торговых отношений в Москве XVII века. С предисловием А. Заозерского „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 57—90.

897. **Гессен, Ю.** Жизнь пленных в Московском государстве. Государственные пленные. “Р. П.“—1923, 2; стр. 55—73.

898. **Готье, Ю. В.** Из истории законодательной мысли XVIII века. Наказ главной полиции в уложенной комиссии 1767 г. „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 103—106.

899. **Даль, В. И.** Помещичий быт в Украине 40 г.г. (Из писем В. И. Даля). [1841 — 1849 г.г.] „Г. М. — 1923, 3; стр. 117—121“.

900. **Джанумова, Е.** Мои встречи с Григорьем Распутиным. С вступительной ст. З. Д. [1915, 1916, 1922.] „Р. Пр.— 1923, 4; стр. 97—116“.

901. **Жандарм-бытописатель.** (К истории Коренной ярмарки (Курск. губ.). С вступительной ст. Сивкова, К. В.). „Г. М.—1923, 1; стр. 83—91“.

902. **Заозерский, А.** См. Вулих, Е. З. Из мира торговых отношений в Москве XVII века. С предисловием А. Заозерского.

903. **Заозерский, А. И.** Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом (1722 г.). „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 91—122.

904. **Из закулисных влияний.** Князь В. П. Мещерский и А. В. Кривошеин. Вступит ст. Чужого, К. Письма кн. В П. Мещерского к А. В. Кривошеину [1906. 1908, 1909, 1910, 1913, 1914 г.г.]. „Р. Пр.—1923, 5; стр. 77—87“.

905. **Ишимова.** Уездный город 100 лет назад. (Отрывок из воспоминаний А. И. Ишимовой) С вступит. заметкой М. С. „Г М.—1923, 2; стр. 47—49“.

906. **Кантор, Н. М.** Штрихи недавнего прошлого. 1. Выговор градоначальнику Толмачеву, члену союза русского народа [1910 г. — по поводу выступления Толмачева на собрании одесск. монарх. организаций по финляндск. вопросу]. 2. „Истинная чепуха“. [Доклад директ. департам. полиции Петрова о проекте русской конституции, напечат. „фондом Вольной Русск. Прессы“ и резолюция Николая II— 1894 г.]. 3. Напали на след... [Дело в департ. полиции: „По поводу помещен. в календаре А. Баумана 1881 г. против 1 марта знака Импер. Короны“]. „Р. П“—1923, 1, стр. 138—141.

907. **Кантор. Р.** Александр III в заботах о своем народе. „Музей Революции“ 1923, сб. 1, стр. 52—57.

908. **Кантор, Р. М.** Бисмарк и „бунт“ немецких колонистов в России. [Награждение Бисмарком германских представителей, участв. в ликвидации „бунта“ в Луцком уезде в конце 1880 г.] „Р. П.“- 1923, 2, стр. 154—158.

909. **Канторович, Вл.** Александра Федоровна Романова. (Опыт характеристики.) „Б.—1923, 22; стр. 205—236“.

910. **Кизеветтер, А.** Совестные суды при Екатерине II. „Г. М. — 1923, 1; стр. 135—159;
1923, 2; стр. 3—33“.

911. **К истории убийства Григория Распутина.** С предисловием редакции. Письма кн. Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон А. Ф. Романовой. [1916 года]. „К. Арх. — 1923, 4; стр. 424—426“. (Из зап. кн. архивиста.)

912. **Клейнмихель, М.** Из потонувшего мира. С вступит. ст. П. А. Священная лига. Рассказ графа Витте. Яхт-Клуб. Генерал Черевин. Дипломатическое событие. „Р. Пр.—1923, 4: стр. 82—96“.

913. **Козьмин, Б.** „Причина пожаров“. [1868 г.]. „К. Арх. — 1923, 3; стр. 240—242“.

914. **Коковцев, В. Н.** См. Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным [1906, 1907 и 1909 г.г.]. С предисловием Ф. Ротштейна.

915. **Колпенский, В.** Сельская школа накануне крестьянской реформы. „Арх. ист. труд.—1922, 4“.

916. **Колпенский. В.** Сельская школа после крестьянской реформы. „Арх. ист. труд.-1922, 5;
1923, 6—7“.

917. **Колпенский, В.** Холерный бунт в 1892 году. „Арх. ист. труд.—1922, 3“.

918. **Корнилович, О. Е.** Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте. „Ан.—1923, 3; стр. 149—176“.

919. **Кочубей, В. П.** См. Богданович, Т. Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем.

920. **Кривошеин. А. В.** См. Из закулисных влияний. Князь В. П. Мещерский и А. В. Кривошеин.

921. **Кудряшов, К.** Из исторических легенд. 1. Документ о смерти Александра I. 2. Вера Молчальница [легенда об Елизавете Алексеевне]. „Р. П.“—1923, 3; стр. 70—86.

922. **Любименко, Ин.** Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией. „Р. Пр. — 1923, 5; стр. 3—23“.

923. **Мещерский. В. П.** См. Из закулисных влияний. Князь В. П. Мещерский и А. В. Кривошеин.

924. **Михайлова, Ю.** Из жизни приходских учителей. „Арх. ист. труд. — 1922. 4“.

925. **Нецлин, Э.** См. Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным [1906—1907 и 1909 г.г.]. С предисловием Ф. Ротштейна.

926. **Николай I.** См. Пичета, В. Завещание Николая I сыну. (Из записной книжки архивиста.)

927. **Николай, I.** См. Савин, А. Н. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848).

928. **Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России.** С предисловием Б. Козьмина. I. Восстание в Казани. II. Слухи о волнениях среди башкиров. „К. Арх. — 1923, 4; стр. 273—307“.

929. **Палеолог, Морис.** См. Протопопов, Д. Посол великой войны. (Два тома дневника Мориса Палеолога).

930. **Пархоменко. Вл.** О происхождении Руси I. Киевская Русь и история Восточной Европы. II. Киевский Каганат. „Р. Пр.—1923, 4; стр. 36—41“.

931. **Переписка В. Н. Коковцева с Эд. Нецлиным [1906, 1907 и 1909 г.г.].** С предисловием Ф. Ротштейна. „К. Арх.—1923. 4; стр. 131—156“.

932. **Письма К. П. Победоносцева к Александру III.** С предисловием В. Пичеты. [1881 г.] „К. Арх. — 1923, 4; стр. 317—337“.

933. **Пичета, В.** Завещание Николая I сыну. „К. Арх.—1923, 3; стр. 291—293“. (Из записной книжки архивиста.)

934. **Платонов, С. Ф.** Строгановы, Ермак и Мангазея. [К вопросу о завоевании Сибирского царства.] „Р. П.“—1923, 3; стр. 3—8.

935. **Победоносцев, К. П.** См. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. С предисловием В. Пичеты [1881].

936. **Половцев, А.** Дневник А. А. Половцева с вступительн. ст. редакции. [1901 г. — 1908 г.] „К. Арх. — 1923, 3; стр. 75—172;

4; стр. 63—128“.

937. **Попов, И.** Минувшее и пережитое. (Воспоминания за 50 лет.) [1870—1922.] „Г. М.“—1923, 1; стр. 111—134“.

„ 3; стр. 137—143“.

938. **Пресняков, А.** Самодержавие Александра II. „Р. Пр. — 1923, 4; стр. 3—20“.

939. **Пресняков. А. Е.** Самодержавие Николая I. „Р. П“—1923, 2; стр. 3—21.

940. **Приселков. М. Д.** Борьба двух мировоззрений. [Древне-русского жизнерадостного христианства с аскетическим - византийским мировоззрением.] „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 36—56.

941. **Протопопов, Д.** Посол великой войны. (Два тома дневника Мориса Палеолога.) „Р. Пр. — 1923, 4; стр. 55—68“.

942. **Распутин, Г.** См. Джанумова, Е. Мои встречи с Григорием Распутиным.

943. **Родзянко, М. В.** Из воспоминаний М. В. Родзянко (1914 — 1917 г.г.). [с вступительной ст. А. Н.]. „Б—1923, 21; стр. 218—249“,

944. **Рождественский, С.** Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. „Р. Пр.—1923, 5; стр. 35—49“.

945. **Рождественский, С. В.** Основы социальной организации педагогического труда в XVIII—XIX веках. „Арх. ист. труд —1923, 8; стр. 35—63“.

946. **Романов, Б. А.** Витте накануне русско-японской войны. Документальный комментарий к „Воспоминаниям“ гр. С. Ю. Витте. „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 140—167.

947. **Романов, Б. А.** Концессия на Ялу. (К характеристике личной политики Николая II.) „Р. П.“ — 1923, 1; стр. 87—108.

948. **Савин, А. Н.** Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840 — 1848). „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 107—139.

949. **Сандомирский, Г.** Александр II и императрица Евгения [Париж, 1867—1870 г.г.]. „Б.—1923, 22; стр. 142—149“.

950. **Сергеев. А.** III отделение и Крымская война. „К. Арх. — 1923, 3; стр. 293—294“. (Из записной книжки архивиста.)

951. **Сивков, В.** Провинциальные чиновники 30-х годов XIX века в оценке предводителя дворянства и губернатора. „Г. М.— 1923, 3; стр. 133—136“.

952. **Сивков, К.** Донесение „раба“ и холопа помещику Романовского уезда, Ярославской губ. (Страница из истории крепостного права.) „Г. М. — 1923, 2; стр. 51—57“.

953. **Сигрист, С.** Русская дипломатия и Балканский Союз 1912 — 13 годов. „Р. П.“—1923, 3; стр, 52—69.

954. **Титлинов, Б.** Религиозные „бунты“ и „инквизиция“ на Руси (Антицерковные движения XIV — XV вв.). „Р. П.“—1923, 3; стр. 29—51.

955. **Тхоржевский, С.** Донское войско в первой половине XVII века. „Р. П.“—1923, 3; стр. 9—28.

956. **Фирсов, Н. Н.** Александр Первый. (Личная характеристика.) „Б.—1923, 22; стр. 3—35“.

957. **Фридрих-Вильгельм IV.** См. Савин, А. Н. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848).

958. **Хвостов, А. Н.** Из воспоминаний А. Н. Хвостова. „Г. М. — 1923, 2; стр. 161—168“.

959. **Черты Московской жизни 60 х г.г. по письмам сибиряка.** [1866 — 1868 г.г.] С примечаниями редакции. „Г. М. — 1923, 3; стр. 123—128“.

960. **Чулошников, А.** Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г. „Р. П.“—1923, 3; стр. 144—149.

961. **Ш. Т.** Трудовой быт архангельских инородцев в XVIII веке. (По наказам 1767 г.) „Арх. ист. труда—1923, 10; стр, 155—157“.

962. **Шебунин, А.** Граф Витте и русское самодержавие. „К. Л. — 1923, 7; стр. 178—198“.

963. **Штакельберг, Н. С.** Загадка смерти Николая I „Р. П.“ — 1923, 1; стр. 58—73.

964. **Штрихи недавнего прошлого.** I. Письмо к графу Келлеру. [Письмо подписано не то Соколов, не то Соколик, написано в период гражданской войны.] II. Против украинской народности. [Доклад полтавского губернатора мин. внутр. дел. (4 февр. 1914 г.) о необходимых мерах для уничтожения украинской народности.] „Р. Пр. — 1923, 5; стр. 159—160“.

V. Мировая война.

965. **Изместьев, П.** Германское командование в мировой войне. „Ан.—1923, 3; стр. 114—129“.

966. **Макаров, А. Н.** Эрцбергер и заключительные этапы дипломатической истории мировой войны. (M. Erzberger, Erlebnisse in Weltzkrieg, 1920, S. VII—396.) „Ан.—1923, 3; стр. 177—190“.

967. **Начало войны 1914 г.** Поденная запись б. министерства иностранных дел. „К. Арх.—1923, 4; стр. 5—62“.

968. **Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной.** С предисловием М. Покровского. [1916 — 1917 г.г.] „К. Арх.- 1923, 4; стр. 159—221“.

969. **Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем.** Сообщил Блинов, И. 1915 г.]. „К. Арх. — 1923, 3; стр. 29—74“.

970. **Редакция.** (К документам б. м-ра иностран. дел С. Д. Сазонова). Заметка. „К. Арх.—1923, 4; стр. 451“.

971. **Романов, Н.** См. Сазонов, С. Д. Доклад б. министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912 г.г.

972. **Романовы, Н. и А.** См. Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной. С предисловием М. Покровского [1916 - 1917 г.г.].

973. **Сазонов, С. Д.** Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910 — 1912 г.г. „К. Арх. — 1923, 3; стр. 5—28“.

974. **Ступоченко, Л.** В „Брестские дни“ (Воспоминания очевидца.) „П. Р“—1923, 16; стр. 94—111.

975. **Сухомлинов, В.** См. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил Блинов, И.

976. **Янушкевич, Н. Н.** См. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил Блинов, И.

VI. Различные статьи и материалы по всеобщей истории.

977. **Бутенко, В.** Перелом в истории реставрации Бурбонов. „Ан.—1923, 3; стр. 82—103“.

978. **Вульфиус, А.** Вильгельм II о себе самом. (Kaiser Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Verlag von Koefler in Leipzig und Berlin 1 — 308.) „Ан. — 1923, 3; стр. 104—113“.

979. **Жебелев, С.** Чем дорога нам древняя Греция? (Доложено в первом заседании, 19 декабря 1922 г. „Кружка

друзей греческого языка и литературы при исследовательском Институте имени А. Н. Веселовского".) „Ан.—1923, 3; стр. 139—148".

980. **Кандо, Е.** Экономическое и политическое положение современной Японии. „Р. н. Д. В.—1923, 1; стр. 387—393".

981. **Петров, Е. Н.** Новейшие труды по истории идейной жизни XVIII века. „Россия и Запад", 1923, сб 1, стр. 184—189.

982. **Пресняков, А.** Идеология Священного Союза. „Ан.—1923, 3; стр. 72—81".

983. **Тарле, Е.** Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта. „Ан.—1923, 3; стр. 21—71".

984. **Федотов, Г. П.** Боги подземные. К истории средневековых культов „Россия и Запад", 1923, сб. 1, стр. 11—35.

985. **Цемш, Н. С.** Проблема происхождения французского города в научной литературе. „Россия и Запад", 1923, сб. 1, стр. 168—183.

VII. Историография, методология истории.

986. **Блек, Ал.** Из практики предварительного обследования заводских архивов. I. Архив Обуховского сталелитейного завода. II. Архив Балтийского завода. „Арх. И. Т.—1921, 1".

987. **Большаков, А.** О судьбе некоторых архивных материалов по истории крепостного хозяйства с конца XVIII в. „Арх. И. Т.—1923, 6—7".

988. **Гессен, Юлий.** Задачи и деятельность Ученой Комиссии по исследованию истории труда в России. „Арх. ист. труда в России, 1921, 1.

989. **Городцов, В. А.** См. Готье, Ю. В. А. Городцов (по поводу 35-летия научной деятельности).

990. **Готье, Ю.** В. А. Городцев (по поводу 35-летия научной деятельности). [Археолог - исследователь.] „Г. М.—1923, 3; стр. 163—166".

991. **Готье, Ю.** Профессор Александр Николаевич Савин. (Студенческие воспоминания.) „Г. М.—1923, 2; стр. 183—187". (Памяти ушедших.)

992. **Егоров, Д.** Памяти А. Н. Савина (некролог). [Известный русский историк, специалист по аграрной истории Англии.] „Ан.—1923, 3; стр. 220—224".

993. **Кареев, Н.** В. И. Семевский и „Программы чтения для самообразования". „Г. М.—1923, 1; стр. 7—13".

994. **Кареев, Н.** Научные труды А. Н. Савина. „Ан.—1923, 3; стр. 224—227".

995. **Кетоиц, Б.** К воспоминаниям о Василии Ивановиче Семевском. „Г. М.—1923, 1; стр. 3—6".

996. **Корнилович, О. Е. и Платонова, Н. С.** О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде (Доклад сотрудников Ученой комиссии О. Е. Корнилович и Н. С. Платоновой.) „Арх. И. Т.—1921, 1".

997. **Ольденбург, Сергей.** Эрнест Ренан 28 февраля 1823—1923. [По поводу столетия со дня рождения Ренана.] „Ан.—1923, 3; стр. 3—4".

998. **Платонов, С. Ф.** Иван Грозный в русской историографии. „Р. П." —1923, 1; стр. 3—12.

999. **Пресняков, А.** Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. „Арх. ист. труда в России—1921, 1".

1000. **Редакция.** [Несколько биографических данных об А. Н. Савине.] „Г. М.—1923, 2; стр. 187".

1001. **Ренан, Э.** См. Ольденбург, С. Эрнест Ренан. 28 февраля 1823 — 1923.

1002. **Рожков, Н.** К методологии истории революционного движения. „К. Л.—1923, 7; стр. 71—74".

1003. **Савин, А. Н.** См. Готье, Ю. Профессор А. Н. Савин. (Студенческие воспоминания.)

1004. **Савин, А. Н.** См. Егоров, Д. Памяти А. Н. Савина (некролог).

1005. **Савин, А. Н.** См. Кареев, Н. Научные труды А. Н. Савина.

1006. **Савин, А. Н.** См. Редакция. [Несколько биографических данных об А. Н. Савине].

1007. **Семевский, В. И.** См. Кетриц, Б. К воспоминаниям о Василии Ивановиче Семевском.

VIII. Varia.

1008. **А. Б.** Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях. „Арх. И. Т.—1922, 3".

1009. **Гарнак, А.** О кризисе науки в Германии. [„Открытое письмо" А. Гарнака виконту Хольдэну.] „Ан.—1923, 3; стр. 301—302". (Хроника.)

1010. **Гольдман, Ан.** [Поправка.] [По поводу рец. Лемке на книгу Шилова. „Что читать по истории рев. движ. в России". Заметка в № 5 „К. Л." за 1922 г.] „К. Л.—1923, 8; стр. 250—251".

1011. **Кашкин, Ю.** В Гейдельбергском университете. [1861 г.] (Автор воспоминаний—брат Н. С. Кашкина, принадлежавшего к числу „петрашевцев"). „Г. М.—1923, 2; стр. 43—46".

1012. **Корольчук, З.** О Чудновском. [Поправка к воспоминаниям тов. Подвойского]. Из писем в редакцию. „П. Р"—1923, 13; стр. 394.

1013. **Лапо, Г.** Несколько слов о самоедах. „Ар. И. Т.—1922, 4".

1014. **Матковская, З.** Народное продовольствие в 1812 году. „Арх. ист. труд.—1923, 6—7".

1015. **Махлин, Д.** Необходимые исправления. [I По поводу ст. С. Сергеева „Казнь Александра II" в моск. газ. „Рабочий" № 12 от 14-го марта 1922 г. 2. По поводу перечня названий газ. „Правда" после рев. 1917 г. в прил. к 98 № М. Пр. „Десять лет Правды" (1912 — 1922)] „К. Л.—1923, 8; стр. 253—255".

1016. **Мелочи прошлого.** 1) Стих. Г. А. Лопатина. 2) Символический кабинет. 3) К материалам для биографии М. А. Антоновича. 4) Крестьянские мечтания о земле. 5) Попытка арт. Сандуновой нанять дачу. „Г. М.—1923, 2; стр. 34, 49, 58, 124, 176".

1017. **Мелочи прошлого.** 1) Эпизод с артисткой на казенной сцене. 2) Дело о платках с изобр. высочайших особ. 3) Запрещение студентам служить панихиду. 4) Письмо С. Н. Трубецкого. „Г. М.—1923, 3; стр. 122, 144, 167, 168".

1018. **От редакции.** [По поводу обвинений т. Галактионова т. Милинчуком.] „П. Р"—1923, 15; стр. 369.

1019. **От редакции.** [Поправки, заметки к ст., помещенным в „К. Л.—1923, 9".] „К. Л.—1923, 9; стр. 248".

1020. **Плесков, В.** [По поводу издат. сборника, посвященного истории „Южно-русской группы".] „К. и Сс.—1923, 5; стр. 276". (Письмо в редакцию.)

1021. **Полонский, В.** Письмо в редакцию. [Просьба присылать материалы, касающиеся полковника С. Казаринова]. „П. Р."—1923, 23; стр. 274—275.

1022. **Редакция.** Поправки. [„Кр. Л". №№ 5, 6, 7]. „К. Л.—1923, 8; стр. 305".

1023. **Успенский, Ф.** Путевые записки Вениамина из Туделы. [Испанский еврей, путешествовавший в XII в. для изучения еврейских поселений.] „Ан.—1923, 3; стр. 5—20".

1024. **Хроника.** 1) О кризисе науки в Германии. А. Гарнак. 2) Вновь вышедшие книги. 3) Чествование проф. А. Е. Преснякова по случаю 30-летия его ученой деятельности в Истор.-Ислед. Ин-туте. 4) Чествование Н. И. Кареева по случаю 50-летия его научной деятельности в Истор.-Исслед. Ин-те. „Ан.—1923. 3; стр. 301—304".

1025. **Хроника.** I. В обществе бывш. политкаторжан: а) Празднование 6-й годовщины освобождения из тюрем. б) Привет узникам капитала. в) В комиссии помощи ветеранам революции. г) В провинциальных отделениях о-ва. II. На помощь пленникам капитала. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 325—328".

1026. **Хроника О-ва б. политкаторжан.** Сведения о ветеранской комиссии к заседанию Совета 30 августа 1923 г. Украинский Отдел О-ва б. политических каторжан и ссыльно-поселенцев. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 302—306".

1027. **Хроника.** Статистические данные о составе о-ва б. политкаторжан. и ссыльно-поселенцев. Из деятельности о-ва б. политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Общее собрание. Историческая секция „Дома Печати". От Истпарта. К 25-летнему юбилею Р. К. П. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 265—275".

1028. **Щепкина-Куперник, Т.** Из прошлого московского театра. I. Малый театр. II. Н. М. Медведева. „Р. Пр.—1923, 5; стр. 88—100".

IX. Рецензии.

1. **Адгоков, А. Н.** Советская пресса в Сибири в 1917—1918 г.г. Материалы к библиографическому обзору. Иркутск, 1922 г. Рец: Пионтковский, С. „П. Р."—1923, 20; стр. 264—265.

2. **Александрова, Н.** Артем. Биографический очерк под ред. Истпарта. Госиздат. М. 1922. 174 стр. Рец. Крамаров, Г. „К. и Сс. — 1923, 6; стр. 313—314".

3. **Александров, П. К.** Очерк рабочего движения в Тверской губернии 1885—1905 г.г. Тверской Губернский Комитет Р. К. П. (об-в). Истпарт. Издательство „Октябрь". 1923 год. Рец. Остроухова, К. „П. Р."—1923, 21; стр. 239—242.

4. **Антанта и Врангель.** Сб. статей, вып. I. Госиздат, 1923 г. Рец. Кречетов, И. „П. Р.“—1923, 23; стр. 241—244.

5. **Антисемитизм в древнем мире.** Соломон Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Изд-во „Былое“. Петроград, 1922, 159 стр. Рец. В. Бенешевич. „Ан.—1923, 3; стр. 246—248“.

6. **«Архив истории труда» в России, выпускаемый ученой комиссией по исследованию труда в России.** Кн. IV. Изд. Культотдела Петрогубпрофсовета, Петр., 1923 года. Стр. 96+64. Рец. П—ов, Б. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 252.

7. **«Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном,** т. I. Год и место издания не указаны. То же, т. II, 1921 г. место издания не указано. То же, т. III, Берлин 1921. То же, т. IV, Берлин 1922 г. Изд. „Слово“ 1922. То же, т. V, Берлин. Изд. „Слово“ 1922. Рец. Волковичер, И, „П. Р“—1923, 14; стр. 563—565.

8. **«Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном,** т. VI, Берлин 1922 г. Рец. Нелидов, Н. „П. Р.“—1923, 18—19, стр. 320—326.

9. **Бабахан, Н.** Советы 1905 г. М. 1923. „Москов. Рабочий“. Стр. 110+IV. Рец. Сторожев, В. „К. и Сс.—1923, 7, стр. 280—281“.

10. **Баранский, Н. (Николай Большой).** „В рядах Сибирского социал-демократического союза“ (воспоминания о подпольной работе 1897—1908 г.г.). Изд. Сиббюро Истпарта Ново-Николаевск, 1923 г. Рец. Максаков, В. „П. Р“—1923, 23; стр. 226—229.

11. **Бауман, К.** „Двадцатипятилетие Российской Коммунистической Партии (б)“. (Вехи ее истории.) Книгоизд. при Курском Губкоме Р.К.П. 1923.—„К 25-летию Р.К.П. (б), 1898—1923 г.г. (Очерк истории партии.) (По А. Бубнову и Г. Зиновьеву). Изд. Острогожского К-та, 1923 г. Рец. Остроухова, К. „П. Р“—1923, 20; стр. 236—238.

12. **Белов, В.** Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. Петроград. Гиз. 1922 г. Рец. Федорович, П. „П. Р.“—1923, 13; стр. 379—381.

13. **Белов, В.** Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. Государств. Издательство. Москва-Петроград, 1923. Рец. Ф. П. „П. Р.“—1923, 18—19; стр. 331—332.

14. **Бергин. Н.** Борьба за свободу (за 60 лет). Невское из-во, Петроград, 1922 г., ч. I. Стр. 94. Рец. Фарфоровский, С. „К. Л.—1923, 7; стр. 422—423“.

15. **Библиография периодики. Вып. 2-й.** Систематический указатель статей и материалов, помещен. в русских истор. журналах за 1922 г. Соц. Ак. М. 1923 г., стр. 55. Рец. Козьмин, Б. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 300—301“.

16. **Библиотека Социалистической Академии.** Систематический указатель ст. и материалов, помещенных в журнале „Былое“ за 1917—1922 г.г. (На обложке: „С. А. Библиография периодики. Вып. 3-й. Систематический указатель“ и т. д.) М. 1923. С. 29. Рец. Р. Кантор. „Б.—1923. 22; стр. 333—336“.

17. **Блюм, О.** См. Blum, O. Russische Köpfe.

18. **Blum, Oscar.** Russische Köpfe. Kerenski—Plechanow—Martow—Tschernow—Sawinkow (Ropschin)—Lenin—Trotzki—Radek—Lunatscharsky—Dzerschinsky Tschitscherin.—Sinowjew—Kamenew. Mit 9 Porträtswiedergaben. Franz Schneider Verlag Berlin. Leipzig, Wien und Bern. [Оскар Блюм. Умы России: Керенский—Плеханов.—Мартов—Чернов—Савинков (Ропшин)—Ленин—Троцкий—Радек—Луначарский—Дзержинский—Чичерин—Зиновьев—Каменев. С 9 портретами. Изд. Франца Шнейдера. Берлин—Лейпциг—Вена и Берн (на немец. языке).] Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 23; стр. 245—249.

19. **«Братская могила».** Биографический словарь умерших и погибших членов Московской организации Р.К.П. Составлен Московским Губ. бюро Истпарта. Коопер. изд-во „Московский Рабочий“. М. 1923. Вып. I. Рец. Истрин, С. „П. Р.“—1923, 13; стр. 358.

20. **Брюзовский, Ст.** Зарево (Plamienie). Новости иностранной литературы. „Всемирная Литература“. Госиздат. МСМХХIII. 575 стр. Перев. Евг. Троповского. Рец. Головина, Н. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 297—299“.

21. **Буревой, Н.** Распад 1918—1922 г.г. Издание „Новая Москва“. 1923 г. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 17; стр. 347—351.

22. **Бухарин, Н.** От крушения царизма до падения буржуазии. Изд. „Пролетарий“. Харьков 1923. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 17; стр. 364—365.

23. **«Былое», № 19 1922 год.** Рец. Елизарова, А. „П. Р.“—1923, 13; стр. 368—372.

24. **«Былое», № 20, 1922 год.** Рец. Елизарова, А. „П. Р“—1923, 14; стр. 560—562.

25. **«Былое», № 21, 1923 год** Рец. Елизарова, А. „П. Р.“—1923, 15; стр. 323—325.

26. **«Былое», № 22, 1923 год.** Рец. Елизарова, А. „П. Р“—1923, 22; стр. 247—252.

27. **«Великий Красный Новгород».** Политический историко-литературный сборник к пятилетию годовщины Великой Октябрьской Революции. 1917—1922 годы. Изд. Новгород. Губкома Р.К.П.(б.) 1922. Стр. 83. Рец. Анкирский. „К. Л.—1923, 9; стр. 213—216.“

28. **Вернер, П.** „Евгений Левинэ и Баварская Советская Республика“. Перевод с немецкого. Р. Майер-Левинэ, под редакцией И. Шубина (Самарина). Издательство „Красная Новь“ Главполитпросвет. Москва 1923. Рец. Остроухова, К. „П. Р.“—1923, 14; стр. 574—577.

29. **«Вестник Саратовского Губкома Р. К. П.» №5, 6 и 8 1923 г., ежемесячный журнал.** Рец. Штейнман, Е. „П. Р.“—1923, 22; стр. 239—242.

30. **Вестник Социалистической Академии.** № 1 (ноябрь 1922 г.), № 2 (январь 1922 г.), № 3 (февраль—март 1923 г.). Госиздат. Москва—Петроград. 1923 г. [Рецензия.] „Ан.—1923, 3; стр. 278—281“. (Из научной журналистики).

31. **Возникновение капитализма.** По поводу последнего издания Зомбарта „Der moderne Kapitalismus“, изд. 4-е. 1921. Т. I. Ч. 1 и 2; Т. II. Ч. 1 и 2. Рец. Кулишер. „Ан.—1923, 3; стр. 232—239“.

32. **Войтинский, В.** Годы побед и поражений. Книга I. Из-ство „Гржебина“. 1923 г. Рец. Залежский, В. „П. Р.“—1923, 22; стр. 252—260.

33. **Волконский, Сергей.** О декабристах. Изд. „Начало“. Петроград. 1922. Стр. 96. Рец. Мебель, М. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 314—315“.

34. **Вольфсон, С. Я.** Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Изд. второе; Госиздат Белоруссии. Минск, 1922 г. Рец Шуцкевер, А. „П. Р.“—1923, 15; стр. 332—333.

35. **Вопрос о падении Римской империи.** Н. А. Васильев, профессор Казанского университета. Вопрос о падении законов Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань. 1921. Стр. 118—248. Рец. Н. И. Кареев. „Ан. 1923, 3; стр. 210“.

36. **Вороницын, И.** „Из мрака каторги“. Державне Видавництво Украины, 1922. 150 стр. Рец. Крамаров, Г. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 254—256“.

37. **Вороницын, И. И.** Из мрака каторги. Державне Видавництво Украины. Харьков, 1922. Рец. Ф. П. „П. Р.“—1923, 15; стр. 334—336“.

38. **Вороницын, И.** У немцев. Очерки политической тюрьмы и ссылки. Гос. Издательство Украины. Харьков 1923. Рец. Ф. П. „П. Р.“—1923, 18—19; стр. 326—330.

39 **Вороницын, И.** У немцев. (Очерки политической тюрьмы и ссылки). Госиздат Украины. Харьков. 1923, 127 стр. Рец. К. Г. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 323—324“.

40. **Воспоминания посла Фрэнсиса о России.** David. R. Francis, U. S. Ambassador to Russia under the Czar, the Provisional Government and the Bolshevists. Russia from the American Embassy. Рец. Ю. Готье. „Ан.—1923, 3; стр. 292—293“.

41. **Вульфиус, А. Г.** Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформация, католическая реформа. Изд. „Наука и Школа“. Птб. 1922. Рец. Хоментовская, А. И. „Россия и Запад“, 1923, сб. 1, стр. 201—205.

42. **Герасимов, В.** Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Записки рабочего социалиста. С предисловием и примечаниями Р. М. Кантора. Изд. „Красная Новь“, Москва, 1923 г. Рец. Лелевич, Г. „П. Р“—1923, 23; стр. 231—233.

43. **Гобле.** См. Goblet Jann. M. „L'Irlande dans la crise universelle“: (1914—1920).

44. **Goblet Jann M. (Louis Tréguiz).** „L'Irlande dans la crise, universelle“ (1914—1920) 2-me édition P. 1921. (Bibliothèque d'histoire contemporaine librairie Felix Alcan.) Рец. Тхоржевский, С. И. „Р. и З.“—1923, сб. 1, стр. 208—212.

45. **Горев, Б.** Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Кн-во „Основа“. Иваново-Вознесенск, 1922 г., стр. 79. Рец. Козьмин, Б. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 315—316“.

46. **Горев, Б. И.** От Мора до Ленина. 1516—1917 г.г. Второе исправлен. дополн. изд. Изд. Френкеля. М. 1922. Стр. 119. Рец. Фриче, В. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 260—261“.

47. **«Гражданская война», т. I** (военно-исторический сборник). Высший Военно-Редакционный Совет. Москва 1923 г. Рец. Фурманов, Д. „П. Р.“—1923, 16; стр. 321—327.

48. **Гуль, Р.** Ледяной поход (с Корниловым). Предисловие Н. Л. Мещерякова. Госиздат. 1923 г. Рец. Остроухова, К. „П. Р.“—1923, 15; стр. 342—343.

49. **Гусев-Оренбургский, С.** Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.

Редакция и послесловие М. Горького. Москва, 1923 г. Гос. Издат. Рец. Ческис, Л. А. „П. Р.“ — 1922, 12; стр. 313—316.

50. **Гусев-Оренбургский, С,** Книга о еврейских погромах на Украине в 1916 г. Петроград. изд. З. И. Гржебина, стр. 160. Рец. Бухбиндер, Н. „К. Л.— 1923, 7; стр. 410—411“.

51. **Гусевская организация Р.С.-Д.Р.П.— Р.К.П. 1898—1923 г.** (К 25-летнему юбилею существования.) По воспоминаниям старых партийцев составил Ив. Осьмов. Издание бюро Истпарта Владимирского Губкома РКП. Владимир, 1923 г. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“— 1923, 14; стр. 565—566.

52. **Даватц, В. Х. и Н. Н. Львов.** Русская армия на чужбине, Русское издательство Белград, 1923 г. Рец. Штейнман. Е. „П. Р.“—1923, 22; стр. 262—266.

53. **Дейч, Л. Г.** В. Плеханов. Вып I. От народничества к марксизму. Изд. „Новая Москва“, 1922. Стр. 109. Рец. Горев, Б. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 310“.

54. **Дейч, Л. Г.** Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. Вып. I. От народничества к марксизму. Изд. „Новая Москва“ 1922 г. Рец. Френкель, А. „П. Р.“—1923, 13; стр. 365—368.

55. **Декабрист М. С. Лунин.** Сочинения и письма. Редакция и примечания С. Я. Штрайха. Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук. Петербург. 1923. Стр. 152. Рец. Сторожев. В. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 286—287“.

56. **Дневник Куропаткина.** Красный Архив. Исторический журнал. Том второй. Центрархив. Государственное Из-во. М. П. 1922. Стр. 293. Рец. Романов, Б. „Ан.—1923, 3; стр. 287—290“.

57. **Документы о германской революции.** Handbuch der Revolution in Deutschland 1918—1919. Chronologische Darstellung der Vorgänge unter besonderer Berücksichtigung der Bewegung in Berlin und der Tätigkeit der Revolutionskörperschaften vom Vorabend der Revolution bis Mai 1919. Bearbeitet und herausgegeben von Heinrich Marx Hilfsarbeiter im Ministerium. I Band. Vorabend 19—15 November. Berlin. S. 234. (Рец. Попов, И.). „Ан.—1923, 3; стр. 284—287“.

58. **Дыбенко, П. Е.** „Мятежники“. (Из воспоминаний о революции.) Изд. „Красная Новь“. М. 1923 г. Рец. Пионтковский, С. „П. Р.“—1923, 22; стр. 242—244.

59. **Езовитов, К.** „Белоруссы и поляки“. Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 г.г.“ Перевод с белорусского. Ковна, издание Им. Ф. Скорыны. 1919 г. Рец. Яременко, А. „П. Р.“ — 1923, 16; стр. 329—331.

60. **Екатеринбург за двести лет (1723—1923).** Изд. юбилейной комиссии Екатер. Городского Совета рабочих и красноармейских депутатов под ред. В. М. Быкова. Екат. 1923. Рец. Невский, В. „П. Р.“—1923, 22; стр. 242.

61. **Железнодорожники и революция.** Сборник воспоминаний и документов о работе железнодорожного района Москов. орган. Р.К.П., составленный т.т. Пятницким, Зиминым и Ароштамом. Московский Губистпарт. Изд. „Моск. Рабочий“. 1923. Рец. Компе, П. „П Р.“—1923, 13; стр. 359—362.

62. **«За пять лет,—1917 31/VIII 1922».** (Исторический сборник). К пятилетию питерской организации Р. К. Союза Молодежи. Под ред. М. Удалова и О. Скара. Изд. Пет. Губ. К-та Р.К.С.М. Петроград, 1922. Стр. 97. Рец. Славский, А. „К. Л.—1923, 9; стр. 216—218“.

63. **Зарубежное издание писем б. имп. Александры Федоровны.** (Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. Т. I. 1922. К-ство „Слово“ Берлин. Стр. 1+642.) Рец Сергеев, А. „К. Арх.—1923, 3; стр. 313—317“.

64. **Зиновьев. Г.** История Российской Коммунистической Партии (большев.). Популярный очерк. Гос. Издательство. М. П. 1923. Рец. Адоратский, В. „П. Р.“—1923, 17; стр. 341—344.

65. **Золотая монета в Китае.** Рец. В. Алексеев. „Ан.—1923, 3; стр. 299—300“.

66. **Известия Ив.-Вознесенского Губ. Комитета Р.К.П. № 12. Декабрь, 1922 г.** Рец. Ф. П. „П. Р.“ — 1923, 18 — 19; стр. 330—331.

67. **«Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле».** „Биб-ка Коммуниста“, сб. 1. Изд-во Ярославского Губерн. К-та Р.К.П. (б-ов). 82 стр. 1922. Рец. Бочкарев, В. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 290—292“.

68. **Из новостей славяноведения на Западе в 1922 году.** Revue des études slaves. Tome second. Fascicules 1 et 2. Paris. Imprimerie nationale. Librairie ancienne Honoré Champion Eduard Champion, éditeur. 1922. (Рец. Н. Державин.) „Ан.—1923, 3; стр. 228—231“.

69. **Из прошлого.** Статьи и воспоминания из истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку. Кооп. изд. „Бакинский Рабочий“. 1923 г. Памяти 26. Материалы к истории Бакинской Коммуны 1918 г. 1922 г. Рец.

Пионтковский, С. „П. Р.“ — 1923, 20; стр. 265—266.

70. **«Историко-революционная хрестоматия».** Том I. Изд. „Новая Москва“. 1923. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 20; стр. 255—256.

71. **Истрин, В. М.** Очерк истории древнерусской литературы до московского периода (XI — XIII в.в.). Изд. „Наука и Школа“. Петроград, 1922 г. Рец. Приселков, М. Д. „Р. и З.“—1923, сб. 1, стр. 198—201.

72. **История екатеринославской социал-демократической организации (1889—1903).** Воспоминания, документы, литературные и художественные материалы собраны и редактированы М. А. Рубачем. Издание екатериносл. комиссии по изучению истории Октяб. револ. и К. П. (б) Украины. Екатеринослав, 1923. Рец. Лившиц, С. „П. Р“ — 1923, 21; стр. 233—236.

73. **Итальянский гуманизм в современной историографии (1892 — 1914).** Рец. А. Хоментовская. „Ан. — 1923, 3; стр. 241—246“.

74. **Каменев, Л. Б.** Между двумя революциями. Сборн. ст. Изд-во „Новая Москва“. 1923. 632 стр. Меньшевики в первой русской революции. Госиздат. М. 1923 г. 95 стр. Рец. Сибиряков, Вл. „К. и Сс. 1923, 6; стр. 312“.

75. **Каменев, Л.** Между двумя революциями. „Новая Москва“. 1922 г. Рец. Ческис, Л. „П. Р.“ — 1923, 17; стр. 365—367.

76. **Каменев, Л. Б.** Между двумя революциями. Сб. ст. Изд. „Новая Москва“. М. 1923. Стр. 632. Рец. Лемке, Мих. „К. Л.—1923, 7; стр. 435—436“.

77. **Каторга и ссылка.** Историко-революционный вестник, № 5. Издание Общества бывших политических каторжан из ссыльно-поселенцев. Москва, 1923 г. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“— 1923, 15; стр. 325—328.

78. **К истории Ярославского белогвардейского мятежа (6 — 22 июля 1918 г.).** Ярославская Губернская Комиссия по истории Октябрьской революции и Р.К.П.(б). Сб. 2-й. Издание Ярославского Губкома Р.К.П. Ярославль 1922 г. Рец. Шуцкевер, А. „П. Р.“—1923, 14 стр. 566—568.

79. **Клейнборт, Л. М.** „Николай Иванович Зибер“. Биографическая библиотека. Изд. „Колос“, Петроград 1923. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“ — 1923, 20; стр. 248—252.

80. **Козьмин, Б.** П. Н. Ткачев. Революционное движение 60-х годов. М. изд. „Новый мир“. 1922. Стр. 1—208. Рец. С. А. „К и Сс.—1923, 5; стр. 263“.

81. **Колосов, Е. Е.** Сибирь при Колчаке. Издательство „Былое“. Петроград 1923 г. Рец. Авдеев, Н. „П. Р.“—1923, 18—19; стр. 302—315.

82. **«Коммунист».** Ежемесячный журнал Семипалатинского Губкома Р.К.П. (больш.). Семипалатинск. 1923, № 1—15 мая, № 2—15 июня. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 20; стр. 257—260.

83. **«Коммунистический путь».** Ежемесячный журнал Обл. Комитета Р.К.П. (больш.). Авт. Татарск. Соц. Сов. Рес. Август, (№ 9), октябрь, (№ 11), ноябрь, (№ 12), 1922 года. Казань. Рец. Казовская, А. „П. Р.“—1923, 15; стр. 339—342.

84. **К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье.** (Сборник статей.) Издание Вотского Областного Комитета Р.К.П.Г. Ижевск. 1922. Рец. Рябинский, К. „П. Р.“—1922, 12; стр. 298—301.

85. **Красная армия мировой революции.** Очерки по истории 21-й Пермской стрелковой дивизии 1918 — 1922 г.г.— „Исторический сборник статей и воспоминаний о 56-й Московской стрелковой дивизии. Издание подива 56“. Рец. Штейнман, Е. „П. Р.“ — 1923, 13; стр. 377—378.

86. **«Красная быль».** Сборник Бюро Истпарта Самарского Губ. К-та Р.К.П. № 1. Самара. 7-го ноября 1922 года. Изд. подотд. печати Агитпропа Самарского Губкома. Тираж 1000 экз. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“ — 1922, 12; стр 295—298.

87. **«Красная Сибирячка».** Еженедельный журнал отдела работниц и крестьянок Сиббюро Ц.К. Р.К.П. № 1 — 3. Рец. Мальт, М. „П. Р.“—1923, 14; стр. 568—570.

88. **Красный Архив.** Исторический журнал. Т. 1. 1922. Центральный Архив. Р.С.Ф.С.Р. М. стр II+438. Рец. Романов, Б. „К. Л.—1923, 7; стр. 411—417“

89. **«Красный Архив».** (Исторический журнал). Т. I. 1922. Центр. Архив Р.С.Ф.С.Р. Москва, стр. II + 438. Рец. Бороздин, И. „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 251—252“.

90. **«Красный Архив».** Исторический журнал Центральн. Архива Р.С.Ф.С.Р. Том II. Москва 1923. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 15; стр. 309—314.

91. **Крестьянское движение 1920 г.** (Новые материалы.) Центроархив. Гиз. 1923 г. Рец. Никодимов. „П. Р.“ — 1923, 14; стр. 554—557.

92. **«Крот».** Ежемесячный исторический журнал Кунгурского бюро ко-

миссии по истории октябрьской революции и Р.К.П. № 2, 3, 4, 5. Рец. Познер, С. „П. Р.“—1923. 22; стр. 237—239.

93. **Кубалов, Б.** Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири. Труды Иркутского Гос. Университета. Вып. V. Иркутск, 1923. Рец. Полонский, В. „П. Р.“—1923, 17; стр. 355—364.

94. **Кулик, И. Ю. та М. Яворский.** Нариси історії К.П.(б). України, за редакцією В. П. Затоньского, частина I. (Очерки истории К.П.(б)У. Под редакцией В. П. Затоньского, ч. I). Издательство „Шлях Освіти“. Харьков 1923. С иллюстрациями. Рец. Яременко, А. „П. Р“—1923, 17; стр. 367—371.

95. **Кулишер, И. М.** „Очерк истории русской промышленности“. Петроград. 1922. Рец. Греков, Б. Д. „Р. и З.“—1923, сб. 1; стр. 205—208.

96. **Курлов, П. Г.** Гибель императорской России. Изд. Отто Кирхнер. Берлин, 1923.—П. Курлов. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. С предисловием М. Павловича. Гос. Изд. М. 1923. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 15; стр. 336—339.

97. **Курлов, П.** Конец царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. С предисловием М. Павловича. Гос. Издат. Москва-Петроград. 1923. Стр. 296. Рец. Бороздин, И. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 323“.

98. **Лейтенант П. П. Шмидт.** Письма, воспоминания, документы. Под ред. и с предисловием Вл. Максакова. (Центрархив. Документы по истории литературы и общественности.) Вып. 3. Изд. „Новая Москва“, 1922. Стр. XVI+248. Рец. Бороздин, И. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 321—322“.

99. **Лелевич. Г.** Лидия Езерская и покушение на могилевского губернатора Клигенберга 29-го октября 1905 года. По неизданным материалам, издание группового об'единения парт. и сов. печати. „Гомгазета“. Гомель, 1922. Рец. Истрин, С. „П. Р.“ — 1922, 12; стр. 306—308.

100. **Лелевич, Г.** Октябрь в ставке. Кооперат. Издат. „Гомельский Рабочий“, 1922. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 17; стр. 345—346.

101. **Лелевич, Г.** „Стрекопытовщина“. (Очерк истории контр-революционного мятежа в Гомеле в марте 1919 года) Изд. „Гомгазеты“. Гомель, 1922 года. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 13; стр. 364.

102. **Лемке, М.** Политические процессы в Росси и 60-х г.г. по архивным документам. Госуд. Изд. Москва-Петроград 1923 г. Изд. 2. Рец. Невский, В. „П. Р“—1923, 23; стр. 229—231.

103. **«Летопись революции».** Книга I. Издательство З. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва, 1922. Рец. Невский В. „П. Р.“—1923, 15 стр. 314—323.

104. **Летопись революционной борьбы в Курской губ.** Материалы Курского Истпарта. Курск, 1923 г. Рец. Познер, С. „П. Р.“—1923, 22; стр. 236—237.

105. **Лопатин.** Герман Александрович, Лопатин. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. 1846—1918. Подготовил к печати А. А. Шилов. Петроград. Гос. Изд. 1922, стр. 218. Рец. Евг. Колосов. „Б.—1923, 22; стр. 323—324“.

106. **Лопухин, А. А.** Отрывки из воспоминаний (по поводу „Воспоминаний“ гр. С. Ю. Витте), с предисловием М. Н. Покровского. М. и П. Стр. 100. Рец. Сторожев, В. „К. и Сс. — 1923, 7; стр. 292—293“.

107. **Луконский, А. С.** Воспоминания. Том I. Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ком. в Берлине. Рец. Владимирова, В. „П. Р.“ — 1923, 21; стр. 253—264.

108. **Лундберг, Е.** Записки писателя 1917 — 1918. Изд. „Огоньки“, Берлин, 1922, стр. 294. Рец. Лемке, Мих. „К. Л.—1923, 7; стр. 426—428“.

109. **Лучинская, А.** Великий провокатор. Евно Азеф. Из-во „Радуга“. Петроград-Москва, 1923, стр. 126. Рец. Евг. Колосов. „Б.—1923, 22; стр. 329—333“.

110. **Лядов, М. Н.** 25 лет Российской Коммунистической Парти (большев.). Исторический обзор развития и борьбы. Изд. „Красная Новь“. Москва-Нижний-Новгород 1923.—Конст. Молотов. К истории нашей партии. Издательство „Московский Рабочий“. 1923. Рец. Невский, В. „П. Р“ — 1923, 18 — 19; стр. 296—299.

111. **Мануйлова, А.** Печали и радости моей жизни. Записки. Госиздат. М. 1922. Рец. Головина, Н. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 319“.

112. **Мануйлова, А.** „Печали и радости моей жизни“. Записки. Гос. Изд. Москва, 1922 г. „Рец. Л. О. „П. Р.“—1923, 14; стр. 577—578.

113. **Марцинковский, А.** Записки рабочего—большевика. Издание бюро Истпарта Саратовского губкома Р.К.П. 1923 г. Саратов. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 16; стр. 320.

114. **«Материалы по истории революционного движения».** Под редакцией В. Т. Илларионова. Изд. Нижегород. Губ. К-та Р.К.П. Т. III. 264 стр. Т. IV. 218 стр. Н.-Н. 1922. Рец. Бочкарев, В. „К. и Сс.— 1923, 7; стр. 287—290“.

115. **Лебедев, М. И.** Кровавый урок. Воспоминание участника событий на Лене в 1912 году 4-го апреля. Севастополь, 1922. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1923, 17; стр. 351—355.

116. **Мемуары Д. Н. Овсяннико-Куликовского.** Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Воспоминания. Из-ство „Время“. Петерб. 1923. Рец. М. Королицкий. „Ан.— 1923, 3; стр. 291—292“.

117. **Министр Ягов о причинах мировой войны.** C-v. Jagow. Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges. Berlin. Рец. Бирюкович, В. „Ан. — 1923, 3; стр. 275—278“.

118. **Молодость Фридриха Энгельса.** Gustav Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. Erster Band. Friedrich Engels in seiner Frühzeit. 1820 bis 1851 S. VIII+430 Berlin. Verlag von J. Springer. 1920. Рец. П. Щеголев. „Ан.— 1923, 3; стр. 270—272“.

119. **«Морозовская стачка».** 7 — 13 (19—25) января 1885 года. Под редакцией и с предисловием Д. Б. Рязанова. Изд. „Московский Рабочий“, 1923, стр. X+75+1. Рец. Валк, С. „К. Л.— 1923, 9; стр. 209—211“.

120. **«Морозовская стачка».** 7—13 (19—25) января 1885 г. Под ред. и с предисловием Д. Б. Рязанова. Изд. „Московский Рабочий“ 75+X стр. Рец. Пионтковский, С. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 311—312“.

121. **«Морозовская стачка».** 7—13 (19—25) января 1885 года. Под редакцией и с предисловием Д. Б. Рязанова. Издательство „Московский Рабочий“. 1923. Рец. Антокольский. „П. Р.“—1923, 14; стр. 558—560.

122. **Морская подготовка Англии пред мировою войною.** Lord Fisher, Admiral of the Fleet. Memories. Hodder and Stoughton. 285 стр. Рец. М. Гринвальд. „Ан.—1923, 3; стр. 293—296“.

123. **Мстиславский, С.** Пять дней. (Начало и конец Февральской революции.) Издательство З. И. Гржебина. Москва, 1922. Рец. Федорович, П. „П. Р.“— 1923, 13; стр. 352—354.

124. **Муравьев, А. М.** (декабрист). Записки. Перевод, предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Изд-во „Былое“. Петроград, 1922, стр. 48. Рец. Сторожев, В. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 262“.

125. **Муравьев-Апостол, М. И.** (декабрист). „Воспоминания и письма“. Пред. и прим. С. Я. Штрайха. Изд. „Былое“. Петроград, 1922, стр. 96. Рец. Бочкарев, Б. „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 261—262“.

126. **«Накануне Великой Революции».** Сб. М. бюро Истпарта. Изд. „Новая Москва“. 1922, стр. 176. Рец. Сибиряков, Вл. „К. и Сс. — 1923, 5; стр. 263—264“.

127. **«Накануне Великой Революции».** Сборник статей, заметок и воспоминаний под редакцией Н. Овсянникова. Издание Моск. Отд. Госиздат. Рец. (Шляпников, А.) Шл—в, А „П. Р.“— 1923, 15; стр. 299—300.

128. **Невский, В.** Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 г. до 1905 г. Вып. I. А. Д. Петр. бюро Истпарта. Гос. Изд. 1923, стр. 280. Рец. Горев, Б. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 293—295“.

129. **Никофоров, П.** Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. Изд. „Московский Рабочий“, 1923. Рец. Яременко, А. „П. Р.“—1923, 20; стр. 261—262.

130. **Новая история наук.** Studies in the history and methods of Science edited by Charles Singer. Volume II. Oxford, 1921 г. 559 р.р. Рец. т. Евг. „Ан.— 1923, 3; стр. 255“.

131. **Оберучев, К.** В дни революции. Изд. „Народоправства“. Нью-Йорк, 1919. Рец. Залежский, В. „П. Р.“—1923, 23; стр. 249—253.

132. **Овсяннико-Куликовский, Д. Н.** Воспоминания. Издат. „Время“. Петроград, 1923 г., стр. 190. Рец. Козьмин, Б. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 320—321“.

133. **«Октябрьская Революция».** Первое пятилетие. Всеукраинская комиссия по проведению празднования пятой годовщины Октябрьской революции. Гос. Изд. Украины. Харьков. 1922. Рец. Рябинский, К. „П. Р.“—1923, 15; стр. 303—309.

134. **Октябрьские дни в Москве и районах** (по воспоминаниям участников). Изд. М. Г. бюро Комиссии по истории Октябр. револ. и Р.К.П.(б.). М. 1922, стр. 183. Рец. С. А. „К. Л.—1923, 7; стр. 430—434“.

135. **Октябрьские дни в Сокольниках.** По воспоминаниям участников. 1917—1922. Изд. „Красная Новь“. М. 126 стр. Рец. Пионтковский, С. „К. Л.— 1923, 7; стр. 428—430“.

136. **О мемуарах Густава Носке.** Густав Носке. Записки о германской революции. От восстания в Киле до заговора Каппа. Перевод с немец. Г. Гордона. Издат. „Петроград". 1922, стр. 176. Рец. Як. Захер. „Ан.—1923, 3; стр. 296—299".

137. **Онуфриев, А. И.** Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. Кн. 1-я (1918). Екатеринбург. 1922 г. Рец. Кречетов. И. „П. Р"—1923, 23; стр. 233—234.

138. **«От февраля к октябрю (в Москве)».** Московское бюро Истпарта. Сборник статей, воспоминаний и документов. Вып. I. Издание „Новая Москва", 1923. Рец. Остроухова, К. „П. Р"—1923, 16; стр. 316—319.

139. **Павлов, П.** Агенты, жандармы, палачи. Биб-ка изд-ва „Былое". Петроград, 1922, стр. 80. Рец. Сторожев, В. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 322".

140. **Памятники агитационной литературы.** Т. I. „Черный Передел". Орган социалистов-федералистов, 1880—1881 г.г. Предисловие В. Невского. Вступит ст. О. В. Аптекмана. Госиздат. 1923. Рец. Алексеев, В. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 317—318".

141. **Панкратов, В. С.** Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Издательство „Былое". Петроград, 1922. Рец. Остроухова. К. „П. Р."—1922, 12; стр. 308—309.

142. **Панкратов, В.** Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Комментир. Р. М. Кантором. Изд. „Былое". Петроград, 1922, стр. 141. Рец. П. К. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 262—263".

143. **Партийный спутник.** Царицынск. Губкома Р.К.П. № 7—8 декабрь-январь 1922—1923 г. Рец. Штейнман, Е. „П. Р."—1923, 14; стр. 572—573.

144. **1-е Мая в Киеве.** Сборник прокламаций и воззваний 1897—1923. Киевское Губбюро Истпарта. Киев, 1923. Рец. Волковичер, И. „П. Р." — 1923, 17; стр. 346—347.

145. **Первый русский опыт западнославянской истории.** М. К. Любавский, История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Изд. второе, М. Рец. Ильинский, Г. „Ан. — 1923, 3; стр. 248—252".

146. **„I С'езд партии"—„II С'езд партии".—„III С'езд партии"—„IV об'единительный С'езд партии",—„V С'езд партии (Лондонский)„.** Кооперативное Издательство „Московский Рабочий". Москва, 1923 г. Рец. Сперанский, В. „П. Р."—1923, 16; стр. 327—329.

147. **Пинсон, Б.** Большевики в Витебске. (По воспоминаниям и документам). Издание Витебского бюро Истпарта 1922 г. Рец. Антокольский, И. „П. Р."—1922, 12; стр. 292—294.

148. **Пионтковский, С. А.** Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Изд. „Красная Новь", Москва, 1923 г. Рец. Лелевич, Г. „П. Р." — 1923, 20; стр. 252—255.

149. **«Сибирские огни».** Общественно-литературный журнал. Кн. II, май-июнь, 198 стр. Кн. III, июль-август, 194 стр. Кн. IV, сентябрь-октябрь, 200 стр. Сибирское областное Госуд. из-во. Ново-Николаевск. 1922. Рец. П. К. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 252—254".

150. **Покровский, Г.** Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918—1919 г.г.). Летопись Революции № 7. Издательство Гржебина. Берлин. 1923 г. Рец. Мальт, М. „П. Р."—1923, 13; стр. 235—241.

151. **Политический словарь.** Краткое научно-популярное толкование слов. Составлен товарищами: Б. М. Волиным, С. С. Кривцовым, К. П. Новицким, Б. М. Эльциным и др. Под общей ред. Б. М. Эльцина. М. Главполитпросвет. 1922, стр. 356. Рец. Лемке, Мих. „К. Л.+ 1923, 7; стр. 417—422".

152. **Полярный, Л.** Пути побед. Харьков. 1922 г. Рец. Кречетов, И. „П. Р."—1923, 18—19; стр. 333—335.

153. **Поссе, В. А.** Воспоминания (1905—1917). Изд. „Мысль". Петроград, 1923. 140 стр. Рец. Алексеев, В. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 296—297".

154. **Поссе, В. А.** Воспоминания (1905—1917 г.г.). Издательство „Мысль". Петроград, 1923 г. Рец. Волковичер, И. „П. Р"—1923, 22; стр. 244—247.

155. 1. P. P. S. w sluzbie imperjalizmu Niemiec i Austrj. (П. П. С. на службе у германского и австрийского империализма). Варшава, 1922. Изд. депутата Станислава Ланьцуцкого. 2. P. P. S. za rządów Moraczewskiego (П. П. С. при правительстве Моравчевского). Варшава. 1922. Изд. Гонораты Шуковской. 3. P. P. S. w Sejmie i poza Sejmem. (П. П. С. в сейме и вне сейма). Варшава, 1922. Изд депутата Станислава Ланьцуцкого. Рец. Волковичер, И. „П. Р"—1922, 22; ст. 322—323.

156. **Пройденный путь.** Памятка-календарь. Изд. Костромск. Губкома Р.К.С.М. Кострома. 1922. Рец. Ицхокина, А. „П. Р."—1922, 12; стр. 316—317.

157. **Прокопцов, М.** Из воспоминаний старого большевика. Редактир. Гомельск. бюро Истпарта. Изд. коопер. изд. „Гомельский Рабочий". 1922 г. Рец. Шуцкевер, А. „II. Р."—1923, 20; стр. 138—140.

158. **„Пролетарская Революция".** Исторический журнал Истпарта. № 1, 2, 3 и 4. М. 1921 — 1922 г. Рец. Ш. Левин. „Б.—1923, 21; стр. 311—319". (Критика и библиография).

159. **„Пролет. Революция".** №№ 1—3; „Красная Летопись", № 6; „Пути революции" №№ 2—3; „Красный Архив", кн. III; „Былое" № 21; „Музей Революции". № 1; „Голос Минувшего", № 1. Рец. Пионтковский, С. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 271—280". (Обзор исторических журналов за первую четверть 1923 года).

160. **„Пролет. Революция".** №№ 1—12; „Красная Летопись", №№ 4—5; „Летопись Революции", № 1; „Пути Революции", № 1; „Красный Архив", т. I и II, „Былое", №№ 19—21. Рец. А—кий. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 295—310".

161. **„Профессиональная Мысль".** Ежемесячный орган гомельского губерн. совета профессиональных союзов. Издание Г.С.П.С. Гомель, 1922. № 3—июнь. № 4—июль. № 5—август. Рец. Лелевич, Г. „II Р."—1922, 12; стр. 302—306.

162. **«Путь к Октябрю».** Сборник статей, воспоминаний и документов под редакцией С. Полидорова. Вып. II. Издание Московского бюро Истпарта. Москва. 1923. Рец. Антокольский, И. „П. Р."—1923, 20, стр. 240—248.

163. **Путь коммунизма.** Книга 3. Краснодар, 1922 г. Кубоблком Р.К.П. Рец. Кречетов, Игорь, „П. Р"—1923, 18—19; стр. 335—340.

164. **„Путь к Октябрю".** Сборник статей, воспоминаний и документов. Под редакцией С. Черномордика. Московское Губбюро Истпарта. Москва. 1923. Вып. I. Рец. Хаббас, Р. „П. Р"—1923, 15; стр. 300—303.

165. **„Путь Правды".** Материал для истории. 1912—1922. Тверск. Издат. „Октябрь", 1923 г. 2-е изд. Рец. Волковичер, И. „П. Р."—1923, 16; стр. 321.

166. **15-я Сивашская дивизия.** Изд. Подива 15. Николаев, 1923. Рец. Фурманов, Д. „П. Р"—1923, 20; стр. 262—266.

167. **Рабочее звено, № 1—3.** Ежемесячный журнал Архангельского Губкома Р.К.П. 1923 г. Рец. Шуцкевер, А. „П. Р."—1923, 21; стр. 243—247.

168. **Рабочий, Дмитрий.** Минувшее. (Очерки истории революционного движения молодежи во Владимирской губ.). Изд. „Владимирское Книгоиздательство". Владимир, 1923. Рец. Ицхокин. А. „П. Р"—1923. 18—19; стр. 318—320.

169. **Рабочий путь.** Орган Пензенского Губкома Р.К.П.(б.) № 1—2. январь-февраль, 1923 г. Рец. Ш. Е. „П. Р."—1923, 14; стр. 573—574.

170 **Равич-Черкаский, М.** История коммунистической партии Украины. Гос. Издат. Украины, 1923. Рец. Невский, В. „П. Р."—1923, 18—19; стр. 299—302.

171. **Разрушение и охрана исторических памятников.** Paul Léon, Les monuments historiques. Conservation Restauration. Paris. Laurent, 1917. VII+380 p. 268 gravures. Рец. О. Добиаш-Рождественская. „Ан.—1923, 3; стр. 253—255".

172. **Растопчина, М.** „Очерки по истории революционного движения в Костроме". Издание Костром. Губкома Р.К.П. (Бюро Истпарта). Кострома, 1923. Рец. Истрин, С. „П. Р."—1923, 13; стр. 354—358.

173. **«Революционное Былое».** № 1 и № 2. Орган Тульского Истпарта. Рец. Невский, В. „П. Р." — 1923, 22; стр. 233—235.

174. **Революционное прошлое.** Сборник Истпарта Башобкома Р.К.П.(б.) № 1. Уфа, 1923 г. Рец. Пионтковский, С. „П. Р"—1923, 21; стр. 241—243.

175. **Революция в Крыму.** Историческая Библиотека Истпарта О. К. Крыма № 1. Крымиздат 1922 г. Рец. Розенштейн, М. „П. Р" — 1923, 13; стр. 363—364.

176. **Революция в Крыму.** Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма. № 1, 22 г. 74 стр. Рец. Пионтковский, С. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 283—284".

177. **„Россия и Запад".** „Россия и Запад", исторические сборники под ред. проф. А. И. Заозерского. Кн. 1, изд. Academia, II, 1923, стр. 212. Рец Пресняков, А. „Ан.—1923, 3; стр. 281—283". (Из научной журналистики).

178. **Русская книга об Юлиане Отступнике.** Н. Н. Розенталь. Юлиан Отступник. (Трагедия религиозной личности). Петроград, 1923. Культурно-просветительное кооперативное т-во „Начатки знаний". Наука, литература, искусство. Стр. 112. Рец. Малеин, А. „Ан.—1923, 3; стр. 251—253".

179. **«Русская Летопись».** Кн. II. Издание „Русского Очага" в Париже, 1922 г. Рец. Невский, В. „П. Р."—1923, 22; 262—263.

180. **Русская наука и Байрон.** (По поводу новой книги акад. М. Н. Розанова). Рец. Петров, Д. „Ан.—1923, 3; стр. 256—257".

181. **Сборник истпарта № I.**—Сибирское бюро Ц. К. Р.К.П. (большевиков). Новониколаевск, 1923 г. Рец. Авдеев, Н. „П. Р.“—1923, 21; стр. 236—239.

182. **Секретная дипломатия в эпоху мировой войны.** Рец. Лихарев, М. „Ан.—1923, 3; стр. 258—269“.

183. **Семевский, В. И.** М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Под редакцией В. Водовозова. Ч. I. Изд. „Задруга“. Москва, 1922 г. Рец. Невский, И. „П. Р“—1923, 24; стр. 552—554.

184. **Семенников, П.** Радищев. Очерки и исследования. Гос. Изд. Москва—Петроград, 1923 г. Рец. Хаббас, Р. „П. Р.“—1923, 21; стр. 251—253.

С. Студенческие годы т. Степана Шаумьяна (к пятилетию со дня его смерти [1898—1902 г.г.]. „П. Р.“—1923, 21; стр. 5—10.

185. **Сибирские огни.** Общественно-литературный журнал, книга 4, 1921 г. Ново-Николаевск. Госиздат. Рец. Ш. Е. „П. Р.“—1923, 13; стр. 378—379.

186. **Сквери, М. П.** Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. (1875 г.). Истор. рев. биб-ка. Госиздат. Украины. Одесса. 1921 г. Рец. Головина, Н. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 320“].

187. **„Современник“.** Кн. I. Моск. ист. журнал, 1922 г. Рец. Федорович, П. „П. Р.“—1923, 25; стр. 328—331.

188. **„Спутник Коммуниста“.** № 10. Издание Московского Комитета Р.К.П. Рец. Сперанский, В. „П. Р.“—1923, 16; стр. 332—334.

189. **Столпянский, П. Н.** Революционный Петербург. У колыбели русской свободы. Санкт-Петербург. Изд. т-во „Колос“. 1922. Стр. 210+14 планшет. Рец. Сторожев, В. Н. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 318—319“.

190. **Szetlich, Aleksander.** Ze wospomnien o Kasprzaku. — Александр Шетлих. Из воспоминаний о Каспржаке. Изд. „Трибуна“, Москва, 1922. Тираж 3.000. Рец. Волковичер, И. „П. Р.“—1922, 12; стр. 310—312.

191. **Теодор Шиман о предреволюционной России.** Theodor Schiemann. Russland auf dem Wege zur Revolution. Berlin. Рец. Измайлова, Н. С. „Ан.—1923, 3; стр. 273—275“.

192. **«Труд и меч»**, сборник к 55-летнему юбилею глав. мастерских Ю.-З. ж. д. и 5-летнему юбилею январского восстания против центральной рады в 1918 году. Издание Управления Ю.-З. ж. д. и Соломенского райкома К.П.(б.). Киев, 1923 г. Рец. Ярменко, А. „П. Р.“—1923, 14: стр. 570—571.

193. **Труд Луи Мадлена о Великой Революции.** Луи Мадлен. „Французская революция“, перев. С. Штейниа, т. I и т. II 1922 г. Рец. М. Буковецкая. Ан.—1923, 3; стр. 272—273“.

194. **Троцкий, Л.** Война и революция. Крушение Второго Интернационала и подготовка Третьего. В 2-х томах. Гос. Издательство. П.—М. 1922—1923 г.г. Рец. Ческис. Л. А. „П. Р.“—1923. 15; стр. 347—351.

195. **Тучапский, П. Л.** Из пережитого. Девяностые годы. (Историко-революц. биб-ка). Гос. Изд. Украины. Одесса, 1923, стр. 71. Рец. Горев, Б. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 310—311“.

196. **„1917—1922 годы в Кронштадте“.** Изд. Кронштадской Центральной Комиссии по устройству торжеств в 5-ю годовщину Октября. Кронштадт, 1922, стр. 51. Рец. Б-ий, А. „К. Л.—1923, 9; стр. 211--213“.

197. **Тюменев, А. И.** Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Петербург, 1920—1922. 3 т.т. Рец. Бузескул, В. П. „Р. и З.“—1923, сб. 1, стр. 190—195.

198. **Файнштейн, А.** Марк Малиновский, рабочий—пропагандист начала 70-х годов. Изд. „Красная Новь“. Москва, 1923. Рец. Лелевич, Г. „П. Р.“—1923, 23; стр 231—233

199. **„Федосеев, Николай Евграфович. Один из пионеров марксизма“.** (Сборник воспоминаний). Изд. комиссии по истории Октябрьской революции и Р.К.П. (большевиков). Госиздат. Москва, 1923; 185 стр. с 3 портрет. Рец. В—н, Г. „К. Л.—1923, 9; стр. 204—209“.

200. **Фигнер, В.** Запечатленный труд. Ч. I. Москва, 1921 г., стр. 348. Ч. II. „Когда часы жизни остановились“. Москва, 1922. стр. 240. Изд. „Задруга“. Рец. Н. Тютчев. „Б.—1923, 22; стр. 324—329“.

201. **Фигнер, В. Н.** Запечатленный труд. т. II Когда часы жизни остановились. Изд. „Задруга“., стр. 240. Москва. 1922. Рец. Сторожев, В. Н. „К. и Сс.—1923, 5; стр. 259—260“.

202. **Хрестоматия по истории для совпартшкол первой ступени.** Составили: М. Н. Коваленский, С. С. Кривцов, Е. А. Мороховец и А. Г. Тарасов. Под редакцией А. Д. Удальцева. Изд. „Красная Новь“ при Главполитпросвете. Москва, 1922. Тир. 15000. Рец. Волковичер, И. „П. Р“—1922, 12; стр. 317—319.

203. **Чешихин-Ветринский, В. Е.** Н Г. Чернышевский. 1828—1889. Изд. „Колос“. Петроград, 1923, стр. 216. Рец. Бороздин, И. „К. и Сс.—1923, 7; стр. 281—282“.

204. **Шелавин, К.** Очерки русской революции 1917 года. Ч. I. Февраль—июльские дни. Петроград, 1923 г. Рабочее кооперативное издательство „Прибой“. Рец. Авдеев, Н. „П. Р.“—1923, 21; стр. 247—251.

205. **Шелавин, К. И.** Рабочий класс и его партия. (История Р.К.П.) Рабочее кооперативное издательство „Прибой“. Петроград, 1923 г. Рец. Авдеев, Н. „П. Р.“—1923, 18—19; стр. 315—318.

206. **Шилов, А.** Герман Александрович Лопатин. (1845—1918). (Историко-рев. биб-ка.) 218 стр. Петроград. Госиздат, 1922 г. Рец. Алексеев, В. „К. и Сс.—1923, 6; стр. 316—317“.

207. **Шилов, А. А.** Что читать по истории русского революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Госуд. Изд. Петроград, 1922, стр. 230. Рец. Козьмин, Б. „К. и Сс.—1923, 5 ;стр: 256—258“.

208. **Шмидт, П. П.** Лейтенант. Письма, воспоминания, документы, под редакцией и с предисловием Вл. Максакова. Издание „Новая Москва“, 1922. Рец. Лелевич, Г., П. Р.“—1923, 13; стр. 372—377.

209. **Штейнберг, И.** От февраля по октябрь 1917 г. Изд. „Скифы“. Берлин—Милан., стр. 129. Рец. Лемке, Мих. „К. Л.—1923, 7; стр. 423—426“.

210. **Штерн, С.** „В огне гражданской войны“. Воспоминания, впечатления, мысли. Париж, 1922 г. Рец. Авдеев, Н. „П. Р.“—1923, 15; стр. 344—347.

211. **Штрайх, С. Н.** Брожение в Армии при Александре I. К столетию заговора декабристов. Петербург, 1922, стр. 48. Рец. Чернов, С. „Б.—1923, 22; стр. 320—322“.

212. **Ekblom, R.** Rus et vareg — dans les noms de lieux de la région de Novgorod (Archives d'Etudes Orientales, publiées par J. — A. Lundell vol. II Upsala, 1915) Рец: Брим, В. А. „Р. и З.“, 1923, сб. 1 стр. 196—197.

213. Экблом, Р., см. Ekblom, R. Rus et vareg—dans les noms de lieux de la région de Novgorod.

214. Jansons, V. (Brauns) Kopoti vakstī. Y sehjunis, Baltijos rewoluzija, Y dala. Riga, 1921 g.—И. Янсон (Браун). „Революция в Прибалтике“ I ч. (Собрание сочинений, I том. По латышски. Рига. 1921 г. Рец. Стучка, П. „П. Р.“—1922, 12; стр. 289—291.

Библиография.

1. **Алфавитный указатель.** I. Примечания: 1) к ст. „Доклады С. Д. Сазонова“ (стр. 5—27); II. 2) к ст. „Дневник А. А. Половцева“, (стр. 75—112); 3) к ст. „Бакунин по отчетам III Отделения“, (стр. 200 — 206). „К. Арх. — 1923, 3; стр. 318—327“.

2. **Алфавитный указатель.** Указатели к ст.: 1) „Поденная запись б. министерства иностранных дел“ (стр. 5—62); 2) „Дневник А. А. Половцева“ (стр. 63—128); 3) „Переписка Романовых“ (стр. 159—221); 4) „Письма К. П. Победоносцева“ (стр. 320 — 337). „К. Арх.—1923, 4; стр. 433—449“.

3. **Итог годовой работы по составлению архивного карточного каталога.** „Арх. ист. труд.—1922, 3“.

4. **Сыроечковский, В. Е.** Именной указатель „Голоса Минувшего“ за 1917—1922 годы. „Г. М. — 1923, 3; стр. 169 — 184“.

5. **Цявловский, М. А.** Систематический указатель содержания журнала „Голос Минувшего“ за 10 лет. (1913—1923 г.г.). „Г. М.—1923, 1; стр. 227—251“.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ РЕЦЕНЗЕНТОВ.

Авдеев. Н. 81. 181, 204, 205, 210.
Адоратский, В. 64.
А-кий. 160.
Алексеев, В. 65, 140, 153, 206.
Анкирский, 27.
Антокольский, И. 121, 147, 162.
Бенешевич, В. 5.
Б-ий, А. 196.
Бирюкович, В. 117.
Бороздин, И. 89, 97, 98, 203.
Бочкарев, В. 67, 114, 125.
Брим, В. 212.
Бузескул, В. 197.
Буковецкая, М. 193.
Бухбиндер, Н. 50.
Валк, С. 119.
Владимирова, В. 107.
В-н, Г. 199.
Волковичер, И. 7, 18, 22, 51, 100, 101, 113, 115, 144, 154, 155, 165, 190, 202.
Вомпе, П. 61.
Головина, Н. 20, 111, 186.
Горев, Б. 53, 128, 195.
Готье, Ю. 40.
Греков, Б. 95.
Гринвальд, М. 122.
Державин, Н. 68.
Добиаш-Рождественская, О. 171.
Елизарова, А. 23, 24, 25, 26.
Залежский, В. 32, 131.
Захер, Я. 136.
Ильинский, Г. 145.
Измайлова, Н. 191.
Истрин, С. 19, 99, 172.
Ицхокин, А. 156, 168.
Казовская, А. 83.
Кантор, Р. 16.
Кареев, Н. 35.
К., Г. 39.
Козьмин, Б. 15, 45, 132, 207.
Колосов, Е. 105, 109.
Королицкий, М. 116.
Крамаров, Г. 2, 36.
Кречетов, И. 4, 137, 152, 163.
Кулишер. 31.
Левин, Ш. 158.
Лелевич, Г. 21, 42, 70, 77, 79, 82, 86, 90, 96, 148, 161, 198, 208.
Лемке, М. 76, 108, 151, 209.
Лившиц, С. 72.
Лихарев, М. 182.
Л., О. 112.
Максаков, В. 10.
Малеин, А. 178.
Мальт, М. 87, 150.
Мебель, М. 33.
Невский, В. 60, 102, 103, 110, 170, 173, 179, 183.
Нелидов, Н. 8.
Никодимов. 91.
Остроухова, К. 3, 11, 28, 48, 138, 141.
Петров, Д. 180.
Пионтковский, С. 1, 58, 69, 120 135, 159, 174, 176.
П., К. 142, 149.
П-ов, В. 6.
Познер, С. 92, 104.
Полонский, В. 93.
Попов, И. 57.
Пресняков, А. 177.
Приселков, М. 71.
Розенштейн, М. 175.
Романов, Б. 56, 88.
Рябинский, К. 84, 133.
С., А. 80, 134.
Сергеев, А. 63.
Сибиряков, В. 74, 126.
Славский, А. 62.
Сперанский, В. 146, 188.
Сторожев, В. 9, 55, 106, 124, 139, 189, 201.
Стучка, П. 214.
Т., Е. 130.
Тхоржевский, С. 44.
Тютчев, И. 200.
Ф., П. 13, 37, 38, 66.
Фарфоровский, С. 14.

Федорович, П. 12, 123, 187.
Френкель, А. 54.
Фриче, В. 46.
Фурманов, Д. 47, 166.
Хабас, Р. 164, 184.
Хоментовская, А. 41, 73.
Чернов, С. 211.
Ческис, Л. 49, 75, 194.
Ш., Е. 169, 185.
[Шляпников, А.]. Шл-в, А. 127.
Штейман, Е. 29, 52, 85, 143.
Шуцкевер, А. 34, 78, 157, 167.
Щеголев, П. 118.
Яременко, А. 59, 94, 129, 192.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. История общественной мысли и революционного движения в России	395
1. Статьи и материалы общего характера, формы и органы историч. исследования	—
2. Декабристы	397
3. Герцен и Огарев	398
4. Каракозов	—
5. Шестидесятые годы	—
6. Анархисты	399
7. Русские якобинцы	—
8. Народничество 70-х годов	—
9. Народная Воля	400
10. Социал-демократия и рабочее движение	401
11. Социалисты-революционеры	411
12. Крестьянское движение	412
13. Движение в армии и флоте	—
14. Движение среди интеллигенции	—
15. 1905-й год	—
16. Революция 1917 г. и гражданская война	414
17. Политический сыск	419
18. Тюрьма и ссылка	—
II. История труда	421
1. Рабочие	—
2. Крестьяне	423
III. История литературы и журналистики	424
IV. Различные статьи и материалы по русской истории	426
V. Мировая война	429
VI. Различные статьи и материалы по всеобщей истории	—
VII. Историография, методология истории	430
VIII. Varia	—
IX. Рецензии. Библиография	431
Именной указатель рецензентов	442

СДАНА В ПЕЧАТЬ IX КНИГА

ВЕСТНИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ.

I ОТДЕЛ — СТАТЬИ:

Кридман, Л. — Героический период великой русской революции (опыт анализа так называемого военного коммунизма.

Меерсон, Г. — Промышленная депрессия в России 1906—1909 г.г.

Пригожин, А. — Гракх-Бабеф — провозвестник диктатуры трудящихся.

Рейснер, М. — Условная символика как социальный раздражитель.

Рудаш, Л. — Лукач как теоретик классового сознания.

II ОТДЕЛ. СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ, ЧИТАЕМЫХ в КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Доклад Варьяша. — История философии и марксистская философия истории.

III ОТДЕЛ — БИБЛИОГРАФИЯ:

Адоратский, В. — Ленинский сборник I. Под редакцией Л. Б. Каменева, стр. 252.

Спектатор. — Из теории и практики денежного обращения в Германии.

Швиттау. — Психологизм в американской экономике.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Каплун, С. — Положение рабочего класса (указатель литературы на русском языке) (продолжение).

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, Знаменка, 11. Телеф. 1-94-66.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ПО СЕКЦИИ ПРАВА и ГОСУДАРСТВА

Стучка, П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е пересмотренное и дополненное издание. Стр. X+140. Ц. 1 р.

Адоратский, В. О государстве. (К вопросу о методе исследования.) Стр. 96. Ц. 50 к.

Разумовский, И. Социология и право. Стр. 32. Ц. 15 к. (распродано).

Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. Стр. 160. Ц. 50 к.

Гурвич, Г. Право и нравственность. Стр. 48. Ц. 35 к.

Стучка, П. Классовое государство и гражданское право. Стр. 78. Ц. 40 к.

ПО СЕКЦИИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сапронов, Т. Очередные вопросы советского строительства. Стр. 60. Ц. 40 к.

Гурвич, Г. История советской конституции. Стр. 216. Ц. 1 р.

Михайлов, Г. Подготовка работников по советскому строительству. Стр. 46. Ц. 30 к.

Гурвич, Г. Принцип федерализма и автономизма в советской системе. Ц. 50 к.

ПО СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ

Преображенский, Е. Экономические кризисы при НЭП'е Стр. 51. Ц. 35 к.

Иванов, И. Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 56. Ц. 35 к.

Кричман, Л. Три отзыва о работах представителей современной мелко-буржуазной политической экономии. Ц. 40 к.

Библиография периодики. Вып. I—IV. Стр. 165. Ц. 1 р.

Каутский, Карл. Марксова теория государства в освещении Кунова, пер. с немецк. Ц. 50 к.

В. ЛЕНИН (Ульянов). Теория и практика диалектического материализма. Стр. 658+VIII. Ц. 3 р.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Белобородов. Новая волость.

Лукин, Н. Парижская Коммуна. Изд. 2-е, исправленное и дополненное.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Коммунистическая Академия, Москва, Знаменка, 11.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬН. ИСПОЛНИТЕЛЬН. КОМИТЕТА

Программа журнала „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ", утвержденная Президиумом ВЦИК, включает следующие вопросы:

1) Вопросы конституционного характера и по организации центральных органов власти.

2) Вопросы по организации местных высших органов власти Исполнительных Комитетов, Советов и Съездов Советов.

3) Вопросы федерального и национального характера.

4) Вопросы по руководству деятельностью федеральных и высших местных органов. на основе получающих разрешение в Президиуме конфликтных дел и на основе местной информации.

5) Вопросы промышленности, торговли и сельского хозяйства с точки зрения обслуживания всей федерации и в связи с местным хозяйством.

6) Вопросы бюджетного права налоговой политики и кредита.

7) Вопросы культуры, включая вопросы просвещени, здравоохранения и социального обеспечения с точки зрения общих установленных для всей федерации начал в этих областях.

Все эти и другие могущие возникнуть вопросы будут представлены в отделе статей и затем в следующих постоянных отделах.

1) В Центре
2) По Советским Республикам и Областям.
3) На местах.
4) Обзоры печати по советскому строительству.
5) Библиографии.
6) Справочно-юридическая часть.

Каждая книжка журнала будет заключать не менее 12 печатных листов (около 180 страниц).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ" утверждена Президиумом ВЦИК'а в следующем составе: *проф Г. Н. Гурвич, Ф. Т. Иванов, Л. М. Коганович, А. П. Киселев, В. Н. Максимовский, И. А. Меницкий, Г. С. Михайлов,* ответств. ред. *В. Н. Максимовский.*

Журнал издается при активном участии секции и кабинета советского строительства Социалистической Академии при ВЦИК'е.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

До конца годъ (нач. с апр.) . . 12 р. —к.
Цена отдел. кн. журнала . . . . 1 „ 50 „

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ:

1 стр. позади текста . . . . . 30 черв.
1/2 „ „ „ . . . . . 15 „
1/4 „ „ „ . . . . . 8 „

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Знаменка, 11. Телефон 1-94-66.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ по АДРЕСУ КОНТОРЫ: Москва, Знаменка, 10. Телефон 1-94-54.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 7 (30)

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА ИСТПАРТИИ

„ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел I. — Статьи и воспоминания.

М. Н. Покровский. Как началась война 1924 года?
А. Киселев. В июле 1914 года?
Н. Н. Крестинский. Из воспоминаний о 1914 годе.
М. А. Сильвин. К биографии В. И. Ленина.
Н. Н. Батурин. О наследстве „русских якобинцев“.
Н. Самойлов. Первая легальная марксистская газета в России („Самарский Вестник“, 1896—97 г.г.).
А. Л. Попов. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917—18 г.г.). Глава III. Партия „Мусават“.
Н. Нелидов. Тов. „Макар“ (В. П. Ногин).
А. Бубнов и Е. Преображенский. В. Н. Лобов (некролог).
И. Теодорович. Заметки читателя.
Я. Бранденбургский и В. Невский. Еще о Пека в июле 1906 г. (По поводу „Заметок читателя“ И. Теодоровича).

Отдел II. — Материалы и документы.

Июльские дни 1924 г. в Петербурге (архивные документы). Сообщил С. Н. Валк, примечания С. Е. Лившица.
К. Воинова. Июль 1914 г. в Москве (хроника событий).
В. И. Ленин. „Письма из далека“, письма 2-е, 3-е, 4-е (март 1917 г).
Ленин и тактика социал-демократов на суде (1905 г.).
В. И. Ленин и 25-летний юбилей револ. деятельности Г. В. Плеханова (1901 г.).

Отдел III. — Библиография.

А. Елизарова. „Ленинский сборник“. Вып. I. Института Ленина.
В. Л—ва. „Борьба за власть“. Т. I, сборник Перм. бюро Истпарта.
П. Ф. „История революционного движения на Тереке“. Сборник № 1.
Г. Лелевич. Р. Хабас. Первомайский праздник.
Е. Мороховец. А. В. Шестаков. Бунт земли.
Его-же. А. И. Иванов. Крестьянское движение во Владимир. губ. 1905—06 г.г.
И. Волковичер. А. М. Никитин. Правда о ленских событиях.
М. Моршанская. П. Розенталь. Романовка.
М. Мальт. Б. Колесников. Профессиональное движение и контр-революция.
И. Кречетов. „Гражданская война“, т. III.

Отдел IV. — Мелкие заметки и сообщения.

Вокруг органов Истпартовской работы.
Состав Литературного Совещания Истпарта.
Совещание Истпарта Ц. К. с Истпартотделами.
Резолюция XIII Съезда РКП об Истпарте и об Институте В. И. Ленина.
К организации празднования 20-летней годовщины 1905 г.
Письма в редакцию. (В. Воробьева. О. Пятницкого, С. В. Андропова, Н. А. Алексеева, Е. Левина, М. Н. Покровского.
Иллюстрации. 1. Группа сотрудников „Сам. Вестника“ (1896—1897 г.г.) 2, 3, 4, 5. Портреты В. П. Ногина. 6, 7. В. П. Ногин в ссылке. 8. Портрет В. Н. Лобовой.

СОДЕРЖАНИЕ

VIII книги „Вестника Коммунистической Академии“.

Стр.

Доклады памяти Ленина.

[illegible], С. Ленин и профдвижение . . . . . [illegible]
[illegible], Н. Ленин и кооперация . . . . . [illegible]

I отдел. Статьи:

[illegible], В. Основной закон социалистич. накопления . . . . . [illegible]
[illegible], В. П. Деревня переходного периода . . . . . [illegible]
[illegible], Д. Наши валюты (теория валюты) . . . . . [illegible]
[illegible], А. Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне . . . . . [illegible]
[illegible], С. Последние дни Якобинского клуба (Якобинцы в эпоху реакции) . . . . . [illegible]
[illegible], Ортодоксальный марксизм . . . . . [illegible]
[illegible], А. Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма . . . . . [illegible]

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии.

[illegible], А. Объективное понимание принципа относительности. (Методологические тезисы) . . . . . [illegible]

III отдел. Библиография.

[illegible], А. Эпигон картальной теории денег . . . . . [illegible]
[illegible], М. К критике общей теории права (о книге Пашуканиса) . . . . . [illegible]
[illegible], Г. Литературное наследие Ферд. Лассаля, т. IV . . . . . [illegible]

IV отдел. Хроника.

Протокол общего собрания членов Социалистической Академии 17 апреля 1924 года . . . . . [illegible]

Приложение.

Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г. . . . . [illegible]

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 7 (30)

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА ИСТПАРТИИ

„ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел I. — Статьи и воспоминания.

М. Н. Покровский. Как началась война 1924 года?
А. Киселев. В июле 1914 года?
Н. Н. Крестинский. Из воспоминаний о 1914 годе.
М. А. Сильвин. К биографии В. И. Ленина.
Н. Н. Батурин. О наследстве „русских якобинцев“.
Н. Самойлов. Первая легальная марксистская газета в России („Самарский Вестник“, 1896—97 г.г.).
А. Л. Попов. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917—18 г.г.). Глава III. Партия „Мусават“.
Н. Нелидов. Тов. „Макар“ (В. П. Ногин).
А. Бубнов и Е. Преображенский. В. Н. Лобов (некролог).
И. Теодорович. Заметки читателя.
Я. Бранденбургский и В. Невский. Еще о Пека в июле 1906 г. (По поводу „Заметок читателя“ И. Теодоровича).

Отдел II. — Материалы и документы.

Июльские дни 1924 г. в Петербурге (архивные документы). Сообщил С. П. Валк, примечания С. Е. Лившица.
К. Воинова. Июль 1914 г. в Москве (хроника событий).
В. И. Ленин. „Письма из далека“, письма 2-е, 3-е, 4-е (март 1917 г.).
Ленин и тактика социал-демократов на суде (1905 г.).
В. И. Ленин и 25-летний юбилей револ. д ятельности Г. В. Плеханова (1901 г.).

Отдел III. — Библиография.

А. Елизарова. „Ленинский сборник“. Вып. I. Института Ленина.
В. Л—ва. „Борьба за власть“. Т. I, сборник Перм. бюро Истпарта.
П. Ф. „История революционного движения на Тереке“. Сборник № 1.
Г. Лелевич. Р. Хабас. Первомайский праздник.
Е. Мороховец. А. В. Шестаков. Бунт земли.
Его-же. А. И. Иванов. Крестьянское движение во Владимир. губ. 1905—06 г.г.
И. Волковичер. А. М. Никитин. Правда о ленских событиях.
М. Моршанская. П. Розенталь. Романовка.
М. Мальт. Б. Колесников. Профессиональное движение и контр-революция.
И. Кречетов. „Гражданская война“, т. III.

Отдел IV. — Мелкие заметки и сообщения.

Вокруг органов Истпартовской работы.
Состав Литературного Совещания Истпарта.
Совещание Истпарта Ц. К. с Истпартотделами.
Резолюция XIII Съезда РКП об Истпарте и об Институте В. И. Ленина.
К организации празднования 20-летней годовщины 1905 г.
Письма в редакцию. (В. Воробьева, О. Пятницкого, С. В. Андропова, Н. А. Алексеева, Е. Левина, М. Н. Покровского.
Иллюстрации. 1. Группа сотрудников „Сам. Вестника“ (1896—1897 г.г.) 2, 3, 4, 5. Портреты В. П. Ногина. 6, 7. В. П. Ногин в ссылке. 8. Портрет В. Н. Лобовой.

СОДЕРЖАНИЕ

VIII книги „Вестника Коммунистической Академии“.

Стр.

Доклады памяти Ленина.

Лозовский, С. Ленин и профдвижение 3
Мещеряков, Н. Ленин и кооперация 23

I отдел. Статьи:

Преображенский, Е. Основной закон социалистич. накопления 47
Милютин, В. П. Деревня переходного периода 117
Кузовков, Д. Наши валюты (теория валюты) 151
Тюменев, А. Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне 197
Моносов, С. Последние дни Якобинского клуба (Якобинцы в эпоху реакции). 246
Рудаш. Ортодоксальный марксизм 281
Фогараши, А. Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма . . 305

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии.

Богданов, А. Объективное понимание принципа относительности. (Методологические тезисы) 332

III отдел. Библиография.

Леонтьев, А. Эпигон хартальной теории денег . . . . . [illegible]
Разумовский, И. К критике общей теории права (о книге Пашуканиса) . 357
Лукач, Г. Литературное наследие Ферд. Лассаля, т. IV 366

IV отдел. Хроника.

Протокол общего собрания членов Социалистической Академии 17 апреля 1924 года 373

Приложение.

Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г. 395